

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ СЛОВО“

въ 1864 году.

Въ переживаемое нами время задача литературно-политическаго органа — сложная и трудная задача. Она должна удовлетворить положительнымъ интересамъ общества и возбуждать въ немъ новыя нравственныя силы, т. е. служить ближайшимъ, насущнымъ его потребностямъ и въ то же время указывать на болѣе отдаленныя, но неменѣе практическія цѣли. Въ удачномъ исполненіи этой задачи заключается, по нашему мнѣнію, величайшая заслуга литературнаго органа.

Развитіе жизни и смѣна одного поколѣнія другимъ требуютъ перемѣны въ самихъ понятіяхъ и идеяхъ. Многое, что годилось нашимъ отцамъ, не годится дѣтямъ; что было полезно и рационально прежде, то сдѣлалось бесполезнымъ и иррациональнымъ теперь. Отдѣлять отжившее отъ живого, лживое отъ правдиваго, мечтательное отъ дѣйствительнаго, составляетъ прямую обязанность современнаго журнала. Если общественный дѣятель вложить хоть крупинку добра въ это драгоценное достояніе народа, онъ можетъ считать себя счастливѣйшимъ дѣтелемъ, не даромъ прожившимъ свой вѣкъ.

«РУССКОЕ СЛОВО» старалось достигнуть вышеозначенной цѣли двумя путями — строго реальнымъ взглядомъ на вещи и сближеніемъ экономическихъ вопросовъ съ общественными интересами. По этимъ двумъ направленіямъ оно искало разрѣшенія всѣхъ задачъ, занимающихъ общество въ данную минуту. Насколько мы успѣли осуществить наши стремленія — объ этомъ могутъ судить читатели «РУССКОГО СЛОВА». Многое разумѣется превышало наши силы; многое зависѣло не отъ одной нашей доброй воли. На будущее время,

не заносясь слишкомъ лестными надеждами и не общая больше того, что можемъ выполнить, мы смѣло даемъ слово въ одномъ— не пренебречь ничѣмъ, что можетъ придать новыя достоинства нашему изданію. Признаемся, настоящій годъ для «РУССКАГО СЛОВА», по многимъ обстоятельствамъ, былъ тяжелымъ годомъ, но едва ли кто можетъ упрекнуть насъ въ томъ, чтобъ мы злоупотребили довѣріемъ своихъ читателей. Будущій годъ дастъ намъ большія средства къ улучшенію журнала и слѣдовательно большія надежды на сочувствіе публики.

ПРОГРАММА «РУССКАГО СЛОВА».

Въ составъ журнала входятъ три отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, очерки, драмы, стихотворенія (какъ оригинальныя, такъ и переводныя), статьи по вопросамъ историческимъ, социальнымъ и по предмету естественныхъ наукъ. Отдѣлъ этотъ отличается преимущественно популярнымъ изложеніемъ и беллетристическимъ характеромъ.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ ЛИТЕРАТУРНАГО ОБОЗРѢНІЯ. Сюда относятся критическіе разборы болѣе замѣчательныхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ. Кромѣ того каждый мѣсяцъ помѣщается Библиографическій Листокъ, заключающій въ себѣ рецензіи вновь выходящихъ книгъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ, названномъ СОВРЕМЕННЫМЪ ОБОЗРѢНІЕМЪ, помѣщаются: 1) Ежемѣсячное обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ; 2) Домашняя Лѣтопись—обозрѣніе внутренней жизни Россіи; 3) Дневникъ Темнаго Человѣка—сатирическій еженедѣльный о петербургской и провинціальной жизни.

Объемъ журнала и составъ его сотрудниковъ остается прежній.

Для получающихъ «РУССКАГО СЛОВА» въ 1863 году считаемъ великимъ представителемъ здѣсь перечень главнѣйшихъ статей, напечатанныхъ въ вышедшихъ доселѣ девяти книжкахъ: 1) Сибирь по большой дорогѣ; 2) Убыточность неананія; 3) Условія прогресса.—Н. В. Шелгунова. 1) Наша Университетская наука; 2) Очерки изъ исторіи труда.—Д. И. Писарева. Афонъ.—Н. А. Благовѣ

женскаго. 1) Деньги и Торговля; 2) Торговля безъ денегъ; 3) Чего не дѣлать.—Н. В. Соколова. Гейне и Берне.—В. А. Зайцева. Разказы объ Испаніи. — Д. И. Каченовскаго. Характеръ спеціальныхъ женскихъ преступленій.—М. А. Филиппова. Родительская суббота. — Н. А. Потѣхина. Манфредъ (драма Байрона) въ перев. Д. Д. Минаева. Повѣсти и разказы А. Г. Вятковскаго, П. Горскаго и др.

Въ слѣдующихъ книжкахъ изъ заготовленныхъ матеріаловъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: Критическій разборъ романа Н. Г. Чернышевскаго: «Что дѣлать?»—Д. И. Писарева. Разборъ книги Дж. Ст. Милля: «О представительномъ правленіи» (три статьи)—Г. Е. Благосвѣтлова. Новый и старый свѣтъ.—Н. В. Шелгунова. Афонъ — Н. А. Благовѣщенскаго. Чайльдъ-Гарольдъ (романъ въ 4 частяхъ Байрона) въ перев. Д. Д. Минаева. Бѣлинскій и Добролюбовъ—В. А. Зайцева. Современные итальянскіе поэты и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«РУССКОЕ СЛОВО» въ 1864 году будетъ выходить каждый мѣсяць книжками 25 — 30 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе безъ пересылки 12 р. 50 к. — съ пересылкой и доставкой на домъ — 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — 1) въ Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», въ Колокольной улицѣ, домъ Миллера № 3.

2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина и И. Ф. Кельчевскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви).

3) въ книжномъ магазинѣ Н. А. Сеньковскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ д. № 60.)

ВЪ МОСКВѢ—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Черенина (на Рождественнѣ, въ д. Торлецкаго.)

Гг. служащие пользуются разрочной въ уплатѣ подписной суммы по третямъ, за поручительствомъ своихъ казначеевъ.

Кромѣ того подписчикамъ «Русскаго Слова» дѣляется уступка 20%, съ номинальной цѣны слѣдующихъ изданій, продающихся при Главной Конторѣ «Русскаго Слова».

СОЧИНЕНІЯ Л. МЕЯ, 3 т. Ц. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО, въ 2 т. 3 р.; съ перес. 4 р.

СОЧИНЕНІЯ А. МАЙКОВА, въ 2 т. 2 р.; съ перес. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ И. ПАНАЕВА, въ 4 т. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ М. Л. МИХАЙЛОВА. Въ провинціи, въ 2 т. 1 р.; съ перес. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпуска 3 р.; съ перес. 4 р.

Всѣ эти сочиненія кромѣ Главной Конторы «РУССКАГО СЛОВА» продаются въ вышеозначенныхъ магазинахъ: В. П. Печаткина и И. Ф. Кельчевскаго (въ С.-Петербургѣ); въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Черенина (въ Москвѣ).

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

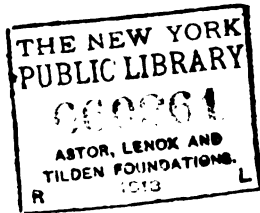
1863

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

—
1863.

Дозволено ценсурю. С. Петербургъ, 29 ноября 1863 г.

ПОРЪЧАНЕ.

РАЗСКАЗЪ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО *).

I.

Дивный уголокъ земли.

На берегу рѣки Озерной раскинуты два большія поселенія, составляющія предмѣстіе огромнаго и богатаго города—Большая По-

*) 9-го октября, на Малоохтенскомъ кладбищѣ, похоронили мы нашего молодого писателя, Николая Герасимовича *Помяловскаго*, и сънимъ похоронили много крѣпкихъ надеждъ. Въ своихъ произведеніяхъ покойный показалъ намъ новую, честную силу таланта, общавшаго впереди многое. Въ немъ мы видѣли даровитаго представителя новой реальной литературы, самобытностью языка и взгляда рѣзко отличавшагося отъ всѣхъ другихъ писателей. Не испорченный барскимъ, теоретическимъ воспитаніемъ, невыпешій изъ бурсы ничего, кромѣ ядовитыхъ сомнѣній,—онъ смѣло и прямо взглянулъ въ глаза жизни и отъ нея одной потребовалъ прямыхъ отвѣтовъ на свои сомнѣнія... Многое пришлось ему испытать и пережить прежде, чѣмъ онъ нашелъ эти отвѣты, но изъ нихъ онъ составилъ свои честныя, непоколебимыя убѣжденія, которыя легли въ основу всей его дѣятельности. Тѣмъ-то и дорога для насъ эта дѣятельность, что въ ней выразился правдивый, *жизненный* смыслъ.

Главныя работы Помяловскаго были впереди, и кто зналъ его близко, кто зналъ, сколько глубоко задуманныхъ плановъ таилось въ головѣ его, тотъ съ уваженіемъ будетъ вспоминать объ этомъ, слишкомъ рано погибшемъ талантѣ.

Прилагаемый здѣсь рассказъ «Поръчане», Помяловскій писалъ для «Русскаго Слова» въ послѣдніе дни своей жизни, и далеко не успѣлъ закончить и обработать его. Печатаю подлинникъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ авторомъ, но желая вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить для читателей, по возможности, весь интересъ рассказа, я вѣрнѣе присоединяю къ нему то, что неоднократно рассказывалъ мнѣ покойный о дальнѣйшихъ приключеніяхъ поръчанъ. Въ такомъ видѣ рассказъ дополняетъ пробѣлъ, оставленный авторомъ

31 октября.

И. Благовѣщенскій.

Отд I.

1

рѣчна и Малая Порѣчна. Онѣ раздѣляются между собою рѣчкою Чернавкой. При впаденіи Чернавки въ Озерную стоитъ казенная верфь.

Дѣйствіе нашего разсказа происходитъ въ Малой Порѣчнѣ.

Малая Порѣчна не городъ, не деревня, не посадъ. Организациа этого селенія оригинальна. Обѣ Порѣчны основаны Петромъ I. Онъ построилъ при Озерной верфь; для верфи понадобились работники; Петръ и выписалъ изъ новгородской, тверской и олонецкой губерній разнаго рода вольныхъ людей, въ числѣ трехъ сотенъ, изъ которыхъ поселилъ двѣ въ Большой Порѣчнѣ, а одну въ Малой. Поколѣніе за поколѣніемъ, отъ этихъ колонистовъ разраслось населеніе порѣчанъ до четырехъ тысячъ. Они должны были работать на царя топоромъ, пилою и долотомъ на казенной верфи треть года, а остальные двѣ трети могли заниматься чѣмъ угодно.

Порѣчну мы называли предмѣстіемъ города, но она въ то же время составляла кварталъ города, имѣла полицейскаго ошцера, городского, хожалыхъ и бутарей. Составляя часть города, она, казаюсь, должна была подчиняться всѣмъ учрежденіямъ и законамъ городскимъ; но на дѣлѣ было не такъ. За то, что порѣчане для верфи бросили родину, прикрѣпились къ ней, подчинились морскому вѣдомству, не могли приписаться ни къ мѣщанству, ни къ купечеству, они получили многія льготы и привилегіи: имъ даны были свое правленіе, судъ и расправа, свои общественныя суммы, неподлежащія вѣденію думы; порѣчане были освобождены отъ податей, солдатчины и другихъ повинностей; они сами заботились о своей церкви, школѣ, дорогахъ и т. п., и наконецъ, надѣлены были землями, езамѣнъ тѣхъ, которыя оставили для верфи. Вслѣдствіе такой конституціи, данной порѣчанамъ, они, отставая свою вольность, всегда воевали съ полиціей и достигли того, что она не имѣла для нихъ никакого значенія.

При такомъ самоуправленіи, порѣчане, по натурѣ своей, были народъ своеправнаго закала. Вы и теперь встрѣтите въ Порѣчнѣ осмиконечные кресты, врѣзанные въ ворота домовъ — знакъ того, что въ ней немало старовѣровъ, а въ старые годы почти все населеніе Порѣчны состояло изъ раскольниковъ безпоповщанской секты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ разрушена ихъ молебель: владычице, на которомъ покоились родные ихъ и земляки, было разметаю; могильный камень, дерево, желѣзо и бронза были расхи-

щены, самая молежня обращена въ православную церковь. Впрочемъ въ то время большинство порѣчанъ были православными, и потому оскорбленіе пало на меньшую часть ихъ. Но тѣмъ не менѣе, въ существѣ дѣла, въ натурѣ своей, порѣчане *всѣ* были раскольники; традиція прежнихъ нравовъ сохранилась въ полной силѣ въ ихъ быту. Порѣчане наследовали отъ отцовъ и дѣдовъ независимость и упорство въ своихъ понятіяхъ и жизни, которыя еще болѣе развились подѣ влияніемъ привилегій, данныхъ отъ Петра.

Самый родъ занятій, работы, которыми промышляли порѣчане, должны были вносить въ ихъ бытъ развивающіе элементы. Они были столярами плотниками, токарями, рѣзчиками, позолотчиками. Всякая работа вліяетъ на характеръ человѣка: сапожникъ и портной, отъ сидячей жизни, пьянствуютъ; никто на Руси такъ не лается, какъ бурлаки, потому что ихъ работа невыносимо тяжела; мясники—всѣ народъ краснощекой и здоровый, потому что постоянно дышать испареніями свѣжаго мяса и ѣдятъ свѣжее мясо; рыбаки—люди кроткіе, потому что живутъ среди природы,—не даромъ Христосъ изъ среды ихъ выбралъ своихъ апостоловъ, и т. д. То же самое было и съ порѣчанами: родъ занятій вліялъ на ихъ нравы; особенно токарное и рѣщичное дѣло, которыя составляютъ какъ бы переходную ступень отъ ремесла къ искусству, стоятъ въ срединѣ между ними, требовали нѣкоторой развитости и изящнаго вкуса, пониманія симметріи, изобрѣтательности рисунка, знанія породъ и добротъ разнаго вида деревъ; при нихъ употребляются циркуль, трапсирть, винты, винкель, строило, ватерпасъ и множество другихъ инструментовъ и приборовъ, требующихъ для обращенія съ ними нѣкоторой образованности и развитости; необходимо было умѣть считать и чертить,—а это безъ грамоты и письма почти немисливо. Словомъ, ихъ занятія требовали научныхъ свѣденій, хотя и не очень большихъ. Вотъ почему въ Порѣччѣ есть школа и вотъ почему обыватели ея большею частію народъ грамотный; скажемъ болѣе: нѣкоторые порѣчане выписывали газеты, даже журналы и покупали книги; — правда, такія лица составляли исключеніе, но все-таки они были. Дѣды порѣчанъ — раскольники, а среди раскольниковъ, какъ извѣстно, много людей грамотныхъ; поэтому-то грамотность, по преданію, вошла въ обичай у порѣчанъ; если кто не читалъ современныхъ изданій, то держалъ въ домѣ какую нибудь старинную книгу, рукопись,

«Библию», а зажиточные даже «Четы-Минею» — издалие очень дорогое. Все это больше или меньше должно было цивилизовать порѣчанъ.

Быть женщиной въ Порѣчнѣ тоже отличался характерными особенностями. Происходя отъ безпоповцевъ, у которыхъ мужчина и женщина совокуплялись между собою безъ брака церковнаго, порѣчанки развили и воспитали въ себѣ широко-свободныя отношенія къ мужчинамъ. Порѣчанка, прежде нежели вступала въ супружество, *женихалась* съ своимъ суженымъ годъ, два и даже больше. Не только посторонніе, но и родители рѣдко обращали на то вниманіе; случалось даже такъ, что отецъ и мать ужинаютъ, а дочь ихъ за порогомъ совершаетъ съ своимъ *душкой* — если не эмансипацію, то... какъ бы сказать?... ну, *сипондрацію* что ли, какъ выражается одинъ мой знакомый. Послѣ такой, нерѣдко трехлѣтней сипондраціи, женихавшіеся почти никогда не измѣняли другъ другу. Незаконное дитя, — слѣдствіе жениханья, не стѣсняло никого: оно, какъ и законное, дѣлалось прикрѣпленнымъ къ верою порѣчаниномъ или порѣчанкою, и приобретало право дѣтей, рожденныхъ въ церковномъ бракѣ. Но, господа, любящіе клубничку, помните, крѣпко помните, что свобода нравовъ допускалась только между порѣчаними; пришлые изъ города не пользовались удобствами мѣстной эмансипаціи: если изъ нихъ кто обнаруживалъ поползновеніе на порѣчанку, то дорого платился за это. Такъ одинъ богатый купчикъ сталъ ухаживать за хорошенькой порѣчанкой: его избили до скоротечной чахотки, и послѣдовало отданіе души его куда слѣдуетъ. Равнымъ образомъ одна, довольно крупнаго чина, особа изволила посягнуть на порѣчанку; эту крупнаго чина особу до жестокаго возбужденія и чувствительности кожи отодрали жгучею крапивой, говоря: «это значить — мы съемъ *красивое съмя*». Подобныхъ исторій, устрояемыхъ порѣченскимъ амуромъ, было не мало... Что же это значить?... Откуда эта свобода для себя и стѣсненіе для постороннихъ?... — «Намъ самимъ бабъ надо!» говорили порѣчаше... И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же взять ихъ, если порѣчанки будутъ измѣнять мѣстному амурю?... Вѣдь очень рѣдко не порѣчанка поѣдетъ за прикрѣпленнаго къ верою. Вотъ почему порѣчанка, свободная дома, на сторонѣ стѣснялась строгимъ контролемъ. Но только въ этомъ порѣчанки и были стѣснены; въ другихъ отношеніяхъ онѣ были женщины вполне самостоятельныя. Ихъ сила заключалась въ томъ, что онѣ, не походя на нашихъ барышень,

для которыхъ отецъ долженъ заготовлять деньги, въ видѣ приданаго для ихъ замужняго существованія, были независимы въ матеріальномъ отношеніи. Въ Порѣчнѣ мужъ рѣдко заботился о прокормленіи своей жены—она сама кормила себя, а иногда мужа и дѣтей. Порѣчанки торговали въ городѣ молочными скопами и добывали денегъ никакъ неменѣе своихъ мужьевъ и братьевъ. Скажутъ, что при нашемъ общественномъ строѣ это ничего не значитъ: мужъ всегда можетъ отобрать отъ жены добытыя ею деньги. Можетъ. Но, съ одной стороны, порѣчане въ долгій періодъ жениханья, предшествовавшій свадьбѣ, имѣли возможность коротко узнать другъ друга, вслѣдствіе чего меньше было шансовъ для несчастныхъ браковъ; а съ другой стороны, порѣчанки имѣли довольно крѣпкія мышцы, онѣ носили въ городъ на коромыслахъ молоко и сливки въ жестыныхъ кувшинахъ, мѣрою въ два и три ведра, дѣлая походъ версть въ двадцать и болѣе, — это развивало ихъ мышцы; наконецъ, порѣчанки, по общей слабости женщинъ — перемывать кости ближняго, любили во время похода болтать; грохотъ экипажей по мостовой города заглушалъ ихъ голоса, онѣ должны были сильно напрягать легкія,—отъ того легкія развивались, и вотъ почему порѣчанки были народъ грудастый и горластый; онѣ, въ спорахъ съ мужчинами, употребляли въ дѣло грудные мѣхи, отъ которыхъ зависѣла немалая доля ихъ успѣха. Итакъ нравственная сила, дежная сила, мышечная сила и гортанная сила должны были создать типъ порѣчанки. Человѣка, изъ котораго долженъ выйти дурной мужъ, порѣчанка, если она не дура, разгадать можетъ во время жениханья и бросить его; если ошибется — пойдетъ замужъ, а мужъ станетъ куражится, она спрячетъ отъ него свои деньги; станетъ мужъ драться, она сдачи дастъ; мужъ окажется сильнѣе, она зареветъ въ всю свою здоровенную грудь, такъ что по крайней мѣрѣ половина Порѣчны узнаетъ, кто бьетъ, кого бьетъ и за что бьетъ; а вырвавшись изъ рукъ сожителя, она, выбѣжавъ на улицу, опозоритъ его на весь міръ божій. Случалось и такъ: мужъ попадался безталанный и притомъ слабосильный; тогда главою семейства становилась женщина: она кормила, поила и одѣвала семью, заправляла хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей, а супругъ занималъ то положеніе, которое обыкновенно, въ большей части случаевъ, занимаетъ у насъ жена по отношенію къ мужу. Вообще въ Порѣчнѣ женщина не могла быть подавлена мужскимъ деспотизмомъ.

Итакъ въ Порѣчнѣ процвѣтало самоуправленіе, вольный духъ, образованность, эмансипація женскихъ правъ... Не правда ли, что дивное мѣстечко, славный уголокъ земли... Но, читатель, не увлекайтесь. Съ поверхностнаго, птичьяго полета, Порѣчна была прекрасна, но взглянемъ поближе на нее, и на первый разъ взглянемъ хоть на внѣшній видъ Порѣчны.

Малая Порѣчна имѣетъ довольно красивую кладбищенскую церковь, которая раздѣляетъ ее на два края или конца, имѣетъ правленіе, школу, ресторацію «Магнитъ», виноторговлю, два кабака, восемь мелочныхъ лавокъ (мясныхъ и булочныхъ нѣтъ). Въ ней только три каменныхъ дома, остальные — всѣ деревянные, и среди деревянныхъ не болѣе десятка двухъ-этажныхъ. Почти четвертая часть домовъ представляетъ собою видъ печальный: это черныя, гнилыя, разсѣвшіяся надвое и натрое избушки, вросшія въ землю и у тѣхъ избушекъ прогнили крыши, покочнулись стѣны, отчего и подперты онѣ досками и кольями; перекосившіяся окна нерѣдко заклеены бумагою или тряпичею, а не то и просто заткнуты мужицкимъ армякомъ или бабьимъ капотомъ. Лѣвый край Малой Порѣчны вымощенъ булыжникомъ, но было бы гораздо лучше для обывателей, когда бы совсѣмъ не существовало у нихъ мощонаго проспекта, который никогда не ремонтировался и былъ изъязвленъ рытвинами, ухабами, буераками и разнаго рода чертоплѣщинами. Посреди проспекта Малой Порѣчны положены досчатые мостки, страшно исковерканные и испещренные прорѣхами и неуклюжими заплатами; дыры и заплаты ломали ноги трезвому и пьяному люду порѣченскому. Въ Малой Порѣчнѣ почти нѣтъ садовъ; обильная зелень только и встрѣчается на кладбищѣ, которое вслѣдствіе того служить для обывателей публичнымъ садомъ. Нѣкогда же селеніе было окружено дремучими лѣсами, переполненными сосною и елью, березнякомъ, осиною и рябиной, въ нихъ попадались дубъ и кленъ; но лѣса давно вырублены верстъ на двадцать кругомъ во всѣ стороны — дерево пошло на топливо, постройки и подѣлки разнаго рода, даже корнища вырыты изъ земли и сожжены въ печахъ порѣченскихъ. Теперь сзиди селенія лежатъ необъятные для взора сѣнокосы, а спереди течетъ широкая, быстрая, свѣтло-водная красавица рѣка Озерная.

Таковъ общій видъ Порѣчны. Отчего же онъ, не смотря на самоуправленіе, вольный духъ, образованность и эмансипацію, такъ печаленъ? А вотъ разберемъ, каковы въ ней были самоуправленіе,

вольный духъ, образованность и эмансипація женскихъ правъ: тогда и увидишь, въ чемъ дѣло.

II.

Баву надо.

Иванъ Семенычъ Огородниковъ, поръченскій селянинъ, столярный мастеръ, былъ здоровеннѣйшій парень лѣтъ двадцати четырехъ, красавецъ собой, курчавый, широплечій, крѣпкогрудый и первый силачъ на Поръчнѣ. Онъ, не смотря на видимую доброту своего сердца, былъ, какъ увидишь, мошенникъ на правую руку и на лѣвую руку.

Иванъ Семенычъ, зимнимъ вечеромъ, сидѣлъ въ своей неприглядной, маленькой мастерской, которую рассматривалъ съ полнымъ отвращеніемъ. Взглянулъ онъ на верстакъ, на оструганную доску, на опилки подъ верстакомъ, на сальный огарокъ на немъ, — и на все это плюнулъ со злостью...

— Чего же я злюсь? спросилъ онъ себя.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ самъ себѣ.

Иванъ Семенычъ сталъ снова озирать свое жилище.

— Какое у меня, думалъ онъ: — значить есть богатство и украшеніе въ комнатѣ?.. Посмотримъ... Въ углу образъ божіей матери, но вѣдь безъ всякаго оклада... Подъ ней Георгій-побѣдоносець... да что въ немъ *плезуру*? самъ - то Георгій давнымъ давно слинялъ, и осталась отъ него одна лошадь да ноги самого...

Иванъ Семенычъ плюнулъ.

— Посмотримъ, что еще у пася?.. Это что? спросилъ онъ, глядя на маленькую, въ полвершка величиною картинку, прикрытую стеклышкомъ.

— Это что?

— Ахъ, ты лѣшій, отвѣчалъ онъ: — вѣдь это съ табачной бандероли выгѣзанная цюра «2».

— Ты зачѣмъ здѣсь?.. вонъ!..

Иванъ Семенычъ сорвалъ со стѣны цюру и растопталъ ногами прилепленную къ ней стекло.

— Что далѣе? говорилъ онъ... — А!.. портретъ генерала... Но

отчего ему рожу перекосило?.. Развѣ такіе бываютъ генералы? Развѣ у генераловъ бываютъ вмѣсто щекъ тѣтки?.. Развѣ генералы имѣютъ кривой носъ?.. А зачѣмъ глаза его смотреть — одинъ въ Москву, другой въ Питеръ?.. Къ чему рисуютъ такія святочныя хари?.. Будто это генераль?.. Подожди, я доберусь до тебя, сказалъ онъ, погрозивъ генералу кулакомъ...—Господи, какъ мнѣ скучно, какъ тяжело! заключилъ Иванъ Семенычъ. — Отчего же это?

Иванъ Семенычъ сталъ ходить по комнатѣ, отыскивая въ ней по угламъ и подъ лавками причину своей скуки, и нигдѣ не отыскалъ ее.

— Чортъ знаетъ что такое!... проговорилъ онъ:—кажется, я человекъ работающій... дѣло свое справляю, *значить*, какъ слѣдуетъ, въ храмъ божій хожу... по праздникамъ поповъ принимаю... царю я слуга вѣрный... человекъ я образованный... я сытъ, обутъ, одѣтъ... дѣвчонки на меня зарятся... Чего еще не достаетъ мнѣ?.. А чортъ съ ней и со скукой!.. Дай, поработаю!

Иванъ Семенычъ ввинтилъ доску въ верстакъ и началъ стругать ее. Но это мало развесело его. Онъ со злостью бросилъ на полъ стругъ и сталъ чесать рыжую овчину на своей головѣ.

— Лягу же спать, чортъ ихъ деря!

Полѣзъ онъ на печь, но не спится ему... Послѣ долгаго повараиванья съ боку на бокъ, онъ проговорилъ:

— Нѣтъ же, стану работать!..

Онъ взялъ въ руки долото и сталъ долбить имъ доску. Но вдругъ бѣшенство напало на него...

— Тяжко, тяжко! шепталъ онъ, всаживая долото въ дерево...

Въ это время передъ нимъ, при мерцающемъ свѣтѣ сальнаго огарка, на закоптѣлой и покрытой тараканами стѣнѣ, вырѣзалась картина генерала.

— Чего ты смотришь на меня? закричалъ Иванъ Семенычъ генералу грозно.

При дрожащемъ свѣтѣ огарка, генераль мигнулъ — однимъ глазомъ въ Москву, другимъ въ Питеръ.

— Молчи, чортъ! кричалъ нашъ герой.

Генераль, разумѣется, ни слова.

— Поговори ты у меня!

Генераль не говорить. Но у Ивана Семеныча вѣроятно было очень сильное воображеніе, доводящее его и въ трезвомъ видѣ до

галлюцинацій. При напряженномъ состояніи нервовъ, ему слышалось что-то.

— Чего жъ тебѣ надобно? вопилъ онъ.

Генераль опять мигнулъ въ Москву и въ Питеръ...

— Хорошо же!

Иванъ Семенычъ всадилъ долото въ лобъ генерала.

— Я тебѣ и брюхо распорю.

Распорюль.

— Я тебя совѣмъ задушю!

Иванъ Семенычъ сорвалъ невинную картину, бросилъ ее на полъ и сталъ топтать ее своими вѣрными ступнями. Но вдругъ на него нашло раздумье.

— Что я дѣлаю?.. Что я дѣлаю?.. къ чему это?.. Что это со мной? Боже мой, Боже мой!..!

Онъ сталъ шагать по комнатѣ, снова осматрѣлъ ее всю, и потомъ остановился среди бѣдной хаты. Въ ту минуту онъ походилъ на египтянина, которому сѣякъ задалъ неразрѣшимую загадку. Въ чемъ же состояла эта загадка? Въ вопросѣ: «что мнѣ надо?» Вся фигура Ивана Семеныча выражала темную грусть. Онъ никакъ не могъ поймать за хвостъ ту причину, которая породила его грусть. Лицо его снова побогровѣло злостью, кровь бросилась въ голову, зубы стиснулись, кулакъ сжался; но потомъ неожиданно лицо освѣтилось чѣмъ-то въ родѣ небесной радуги.

— Кажется, такъ? спросилъ онъ, ударивъ себя ладошью по лбу. Онъ совѣмъ просвѣтлѣлъ.

— Да! вѣрно ударилъ Иванъ Семенычъ словомъ «да».

Не узнать его теперь: свѣтелъ сталъ онъ, ясенъ, радуженъ, похожъ на сторублевую ассигнацію. Но потомъ на него напало сомнѣніе, и, подперѣвъ пальцемъ носъ, онъ спросилъ:

— Будто!

Опять грустью подернулось лицо.

— Именно такъ!.. Да!.. знаю, что мнѣ надо!.. Что?.. бабу надо!.. Эхъ, кабы Груньку!..

Иванъ Семенычъ сталъ одѣваться. Одѣлся и пошелъ на улицу искать себѣ бабу.

Милостивые государи, вамъ, разумѣется, не надо бабы, а требуется дама, а вотъ Ивану Семенычу не надо дамы, а требуется баба. Отъищеть ли онъ ее?

III.

БАБА И ЛЮБОВНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ НЕЮ.

Иванъ Семенычъ встрѣтилъ на улицѣ бабу (дама тожъ) и именно ту, которая ему требовалась.

— Аграфена Митревна, это вы? спросилъ онъ.

— Мы, было отвѣтомъ...

— Отъ насъ *салонъ-съ* вамъ.

— Поди прочь, *околѣлый чортъ!*

— Мы не околѣли... Отъ насъ *пришпектъ* вамъ.

— Что тебѣ надо, *тавалинникъ?*

— Табаку не нюхаемъ... Отъ насъ *папериментъ* вамъ.

— Свипись ты!

Иванъ Семенычъ взялъ Аграфену Митревну за талию: у бабъ, какъ и у дамъ, есть талия.

— Отстань, лѣшій! сказалъ порѣченская дама (баба тожъ).

— Полюби меня, отвѣчалъ мой герой...

— Тебя?.. за что?

— За мои таланты.

— У тебя таланты?

— У насъ.

— А не хочешь ли я тебѣ скажу, что ты, какъ есть, сениня.

— Это—мы?

— Вы.

Аграфена Митревна расхохоталась.

— Какіе это, значитъ, есть у тебя таланты?

— Что же, Аграфена Митревна, посмотри ты на меня: чѣмъ я противъ другихъ не вышелъ?

— А ты взгляни, дуракъ, у тебя изба колетса на двое.

Иванъ Семенычъ почесалъ въ затылкѣ.

— Ну, что скажешь?

— Починимъ.

Иванъ Семенычъ посмотрѣлъ всторону, какъ человѣкъ **мучимый** совѣстью.

— Въ кои вѣки?

— Ужъ сдѣлайте одолженіе...

— Поди прочь, необразованность.

— Мы необразованны?.. Отъ васъ ли я слышу, 'Аграфена' Митревна? Да вотъ теперь сколько сказалъ я вамъ хорошихъ словъ.

Иванъ Семенычъ говорилъ это съ полнымъ убѣжденіемъ. Порѣченская образованность выражалась въ особаго рода типическомъ краснорѣчій. Это не было краснорѣчіе риторическое, стелющееся длинными періодами, не было краснорѣчіе семинарское, удобреное славянскими цитатами; это было краснорѣчіе чисто туземное, оригинальное и своеобразное. Оно состояло въ умѣньи подбирать *хорошія* слова, въ родѣ *салонъ*, *напериментъ*, *пришпектъ* и т. п. Подслушавъ въ городѣ, гдѣ порѣчане справляли нерѣдко работы, или вычитавъ въ газетѣ хитрое, нерусское словцо, порѣчанинъ пускалъ его въ ходъ въ своемъ селеніи. Это слово въ устахъ порѣчанина совершенно перемѣняло свой настоящій смыслъ. Порѣчанинъ хорошимъ словомъ и обругается, и похвалить, и выразить просьбу, въ родѣ того, какъ и всякій нашъ соотечественникъ можетъ выразить крѣпкимъ русскимъ словцомъ какое угодно расположеніе духа. Порѣченское краснорѣчіе, кромѣ того, постоянно пересыпалось словами «значить», «околѣлый чортъ» и «тавлинникъ». Къ туземному краснорѣчію у многихъ порѣчанъ развивалась положительная манія. Какъ теперь помню, переѣзжалъ я черезъ Озерную въ яликѣ. Со мною сидѣлъ молодой порѣчанинъ. Глядя на отстраняющуюся церковь, онъ сказалъ: «а вѣдь церковь строится въ историческомъ стилѣ». Впадая въ его тонъ, я отвѣтилъ: «такъ; но въ основѣ стиля лежитъ идеальная трапеція трансцендентальнаго литанд-пункта». Онъ заставилъ меня повторить хитрую фразу нѣсколько разъ, запомнилъ ее, и я увѣренъ, что въ тотъ же день пустилъ въ ходъ идеальную трапецію. Таково было краснорѣчіе порѣчанъ.

— Мы необразованны? продолжалъ Иванъ—Семенычъ: да какой хотите *рецептъ* устрою вамъ.

Аграфенѣ Митревнѣ, очевидно, нравились всѣ *салоны*, *пришпекты*, *наперименты* и *рецепты* Ивана Семеныча, но она все-таки отвѣчала:

- Почтище васъ найдемъ.
- Гдѣ это?
- Здѣсь же—въ Порѣчнѣ.
- Кого это?
- Не васъ.

— А насъ, значить, къ свиньямъ?

— Именно.

— За что же, Аграфена Митревна?

— А за то, что мы для васъ—не въ коня кормъ будетъ: рыломъ не вышли.

— Что ты говоришь, Аграфена Митревна?.. Побойся ты Бога!.. Я ли некрасивъ?.. Посмотри ты на мой ростъ, на плечи, на грудь, на лапы, наконецъ—вѣдь вона какая рука, кого тресну, такъ значить, покойникъ и будетъ...

— Что жъ изъ того толку?.. Все-таки у тебя ни кола, ни двора... Я на молокъ да на сливакахъ добуду рубля два-три, а ты-то что?..

— Я же, Аграфена Митревна, человѣкъ работающій.

— Знаю... и воръ изрядный...

— Что жъ?.. это не къ худу: разживемся, дастъ Богъ.

— Ты-то?

— Мы.

— Дуракъ ты, дуракъ, право, дуракъ.

— Аграфена Митревна, сталъ говорить Иванъ Семенычъ патетическимъ голосомъ:—пожалѣй ты меня сироту, человѣка одинокаго... Скучно одному, тошно!... Ни отца, ни матери нѣтъ, ни братьевъ, ни сестеръ... Что же мнѣ дѣлать?.. не въ кабакъ же идти... не чорту душу продать... Голубушка моя милая!.. полюби меня, Аграфена Митревна... Ей Богу, души своей не пожалѣю для того, чтобъ ты въ золотѣ ходила... Мнѣ безъ тебя вѣдь жизнь не жизнь...

— А мнѣ-то что? отвѣтила Аграфена Митревна.

Темныя тучи заходили по лицу Ивана Семеныча.

— Значить, Аграфена Митревна, такъ-таки и ничего? спросилъ онъ.

— Само собою...

— Когда такъ, мнѣ все равно!.. Что хочешь, а свое я возьму!.. Я люблю тебя, Грушенька!..

Иванъ Семенычъ бросился на бабу (дама тожъ) и заключилъ ее въ могучія объятія. Сталъ онъ ее «цѣловать, крѣпко къ груди прижимать»... Но хотя Иванъ Семенычъ былъ первый богатырь въ Порѣчнѣ, дама сумѣла высвободиться отъ него: она укусила Ивана Семеныча въ шею; Иванъ Семенычъ въ ту минуту отпустилъ ее; баба (дама тожъ) ударилась въ бѣги... Иванъ Семенычъ за бабой

баба отъ него, онъ за бабой; баба дальше. Онъ уже настигаетъ бабу, но когда оставалось только протянуть руку и схватить бабу, она скрылась за воротами своего дома...

— Ушла, свинья! говорилъ Иванъ Семенычъ.

— Околѣлый чортъ! послышалось изъ-за воротъ.

Темно на улицѣ, и потому только разсмотрѣть нельзя, какъ по щекамъ Ивана Семеныча ползутъ ядовитыя слезы. Онъ, читатели, сильно любилъ. Но странно любилъ этотъ человѣкъ, по порѣченски...

— Груня!.. Грунья!.. заговорилъ онъ:—за что ты меня не любишь? Эхъ!..

Пошелъ Иванъ Семенычъ въ свою закопѣлую, изъѣденную плесенью и тараканами избу.

— Проклятое бабѣ! говорилъ онъ:—чортова порода!.. Взять бы тебѣ, любезная моя Аграфена Митревна, да поднять подолъ, да задать хорошихъ шлепендрясовъ—вотъ и былъ бы *напериментъ* вашей милости!.. А ей богу сдѣлаю это!.. При всемъ честномъ народѣ опозорю... Охъ, бѣдность, бѣдность!

IV.

О томъ, какъ въ Порѣчнѣ всѣ бабы ротъ растегнули.

Одинадцать часовъ утра. Если бы порѣчане читали г. Берга, то они сказали бы: «экіе морозцы, прости Господи, стоятъ». Но въ описываемое нами время, г. Бергъ, прости его Господи вѣроятно, ходилъ въ курточкѣ, а въ тогу еще не былъ посвященъ и не либеральничалъ съ зайцемъ и зайчихою. Итакъ, порѣчане не сказали: «экіе морозцы, прости, Господи, стоятъ». А морозцы стояли трескучіе.

Кабакъ, нашъ отечественный парламентъ, по случаю праздничной обѣдни, былъ запертъ. Около парламента стояла огромная толпа *муравьевъ*. Муравьи суть крючники, т. е. джентельмены, занимающіеся, при пособіи желѣзнаго крюка, переноскою хлѣбныхъ кулей на своихъ крѣпкостныхъ спинахъ. Прозваны они муравьями отъ мѣстныхъ бурсаковъ, которые крючника образно представляютъ въ видѣ муравья, а куль его въ видѣ муравьиного яйца. Муравьи волновались и шумѣли. Одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Сказываютъ, тотъ, что поменѣ, кочережку въ узелъ вяжетъ.

— Чаво! замѣчаетъ другой:—камень кулакомъ разсшибаетъ.

— Да что, братики мои, виѣшался третій:—одинъ изъ нихъ, я слышалъ, четвертаки перекусываетъ.

— Ой ли? отвѣтили ему сомнительно: да ты изъ какихъ?

— Неча хвалиться, мы витебскіе, отвѣтилъ смиренно муравей.

— То-то «витебскіе»... не ври!..

— Неча врать: что слышалъ, то и сказалъ...

Въ сосѣдней деревни ударили въ колоколъ. Муравьи устремились къ дверямъ парламента, т. е., кабака, и стали ломиться въ двери.

— Дядя Пантелей, отвори! кричали они богу сивушнаго масла.

— Дядя Пантелей, въ церкви къ «достойни» ударили.

— По закону, выходитъ, отвори!

Отъ дяди Пантелея ни гласа, ни послушанія...

— Дядя Пантелей, оглохъ что ли?.. Лѣшій!.. Право, лѣшій!.. Вѣдь тебѣ жъ говорятъ, что къ «достойному» лупятъ... Отвори, чортъ!..

Изъ-за дверей кабака послышался отвѣтъ:

— Ждите молебна.

Муравьи, потерявъ надежду на скорое открытіе парламента, порѣшили:

— Неча дѣлать, давай ждать молебна.

— А кто видѣлъ молодцовъ? послышалось въ толпѣ.

— Каво? спросилъ вновь прибывшій муравей.

— Каво!... не лѣзь... чего прешъ то?.. Ишь ротъ-то разинулъ,—смотри, ворона влетитъ.

— Чаво?..

— Чаво!.. Спишь что ли?.. Вздремнулъ?

— Не лайтеся, ребята, не съ чего, виѣшался мпролюбивый муравей. —Стойте ка, я лучше расскажу вамъ о молодцахъ.

— Ты видѣлъ ихъ?

— Видѣлъ ..

— Каковы?

Сильное любопытство слышалось въ этомъ вопросѣ.

— Ростомъ — вона! заговорилъ, одушевляясь, муравей, неистово жѣря въ воздухъ руками: плеча—эва!.. рожа — вона!.. силища, — скажу вамъ, непомѣрная!..

Затрезвонили къ молебну.

— Ребята, лупи въ кабакъ!

Муравьи опять устремились къ парламенту.

— Дядя Пантелей, къ молебну жарять!.. Отвори!..

Открылись двери кабака.

Мужики шумною толпой повалили въ парламентъ.

— Ну, ребята, началъ муравей—тотъ самый, который объяснял о молодцахъ, волповавшихъ умы крючниковъ:—ну, братики, теперь собирай складчину.

— Начто? спросилъ вновь прибывшій крючникъ.

— На дѣло.

— На кое?

— Тебѣ жъ говорятъ, что изъ Москвы молодцы прѣхали... просто—богатыри, одно слово—богатыри!.. Сегодня лупку дадимъ порѣчанамъ... Во — что!

— Лихо!.. такъ это имъ сборъ?

— На ведерную...

— Идетъ!.. Доброму дѣлу всегда радъ. Вотъ-тѣ колесо.

Мужикъ далъ гривну.

— Мало, братикъ, мало.

— Такъ вотъ-тѣ еще колесо.

Мужикъ далъ другую гривну.

Начался общій сборъ. Около осьми рублей ассигнаціями,—тѣхъ времянь откупная цѣна кабацкаго божка, ния которому ведерная, были сложены на доброе дѣло.

Но наконецъ мы должны объяснить читателю, что это было за доброе дѣло.

Для этого дѣла, зимою, каждый праздничный день, часа въ три пополудня, на дорогу, легшую поперегъ рѣки, собирались крючники и порѣчане играть въ старинную славянскую игру, называемую *боємъ*. Со стороны порѣчанъ сходились до полутора ста человекъ, а со стороны муравьевъ вдвое больше. Сначала съ обоихъ береговъ рѣки на средину ея сходились обыкновенно мальчики, крича: «дай бою, дай бою!» — призывный крикъ къ битю. Только къ вечеру собирався взрослый народъ; тогда дѣти отодвигались въ правую руку отъ дороги и устраивали здѣсь малое плекходѣйствіе. Кулачная игра имѣла свои правила и постановленія. Прохожихъ, неучаствующихъ въ дѣлѣ, трогать запрещалось; приходять съ вооруженною рукою—тоже; кто упалъ, того не били, а когда увлекался борецъ, кричали ему: «лежачаго не бьютъ!» Не позволяли бить съ тылу, а бейся

лицомъ къ лицу, грудь къ груди. Эти правила наблюдались строго: нарушителя ихъ били свои же. Въ бою шли стѣна на стѣну, впереди каждой—силачи, а сзади—остальной людъ, напирající на противниковъ массою... Выигрышь въ битвѣ состоялъ въ томъ, чтобы выпереть противниковъ на ихъ же берегъ, послѣ чего начиналась на срединѣ новая боевая сходка. Бои существовали съ незапамятныхъ временъ, и запрещены въ Порѣчнѣ Николаемъ I, лѣтъ четырнадцать назадъ, вслѣдствіе событія, которое мы хотимъ рассказать. Эту игру обыкновенно поощряли купцы и военные... Бывало на Озерной, во время боевого дѣла, стоятъ коляски и сани; въ нихъ сидятъ купцы и офицеры, вызываютъ сплачей на единоборство, держать пари и сыплютъ въ толпу серебро и бумажки, поощряютъ, жалуютъ. Большая часть денегъ выпадала на долю порѣчанъ: не смотря на то, что ихъ было почти на половину менѣе муравьевъ, они рѣдко обращались въ бѣгство. Работая на верои, гдѣ приходилось лазить съ топоромъ и долотомъ, лепясь, какъ ласточки, по бортамъ суденъ, они естественно, кромѣ силы, приобрѣтали и ловкость. Притомъ любовь къ дракѣ у нихъ была въ крови. Даже лѣтомъ, когда боевъ обыкновенно не бываетъ, порѣченскіе подростки бились между собою за кладбищемъ, край противъ края. Порѣчане, кажется, только тогда и не дерутся, когда лежать въ люлькѣ или зыбкѣ, но лишь только начнутъ ползать по полу, то такъ и нарываютъ какъ бы расшибить носъ своему братишкѣ или сестренкѣ. Бѣдовый народъ. На бою они дѣйствовали дружно, вѣрно, стройно, умно. Муравьи же, хотя и обладали замѣчательною силой, необходимою для ихъ ломовыхъ работъ, но не имѣли ловкости порѣчанъ. Правда, если крючникъ ударить кого, то ударъ будетъ очень впечатлительнъ, но ему нечасто удавалось ловить подъ свой дубоватый кулакъ лицо противника. Поэтому муравьи нечасто одерживали побѣду. Муравьямъ это было очень обидно, и вотъ они выписали двухъ молодцевъ — братьевъ, приѣзжихъ изъ Москвы, необыкновенныхъ силачей и притомъ искусныхъ водить бои. О нихъ прослышали и порѣчане.

Въ Порѣчнѣ два парламента. Въ одномъ парламентѣ толпятся порѣчане и рѣшаютъ тотъ же вопросъ, который уже успѣли рѣшить муравьи.

— Я, говоритъ одинъ порѣчанинъ, краснорѣчивый по туземному:— видѣлъ ихъ, какъ есть своею значить личною персоною.

— Такъ, отвѣчаютъ другіе, ободряясь «красно-хитро сплетеннымъ словомъ», думая, что онъ хочетъ отрицать слухи о непомирной силѣ богатырей.

— Что-жь, продолжалъ ораторъ: — значить, слѣдуетъ сказать вотъ какъ: пародъ, должно полагать, свирѣпый. Силлица, должно думать, дьявольская. Словомъ, черти!

— Ихъ двое?

— Какъ есть, двое!.. Давеча я былъ за рѣкою у кабака, такъ про одного, просто, диво что толкуютъ. Сказываютъ, что кочережку крутить, какъ веревку, булыжникъ кулакомъ расшибаетъ, даже говорили, что четвертаки перекусываетъ. Но главная сила все-таки не въ томъ.

— Въ чемъ же?.. въ чемъ?

— Они бои важивали и всегда расшибали.

— Экіе черти!.. принесло же ихъ!..

— Да, принесло вотъ.

Вѣсти нехорошо дѣйствовали на поръчанъ. Хлестневъ, первый силачъ, послѣ нашего героя, проговорилъ:

— Коли правда, что эти свиньи четвертаками облопались, то надо вести дѣло умѣючи.

— А что противъ силы предпримешь?

— Глупъ ты. Вотъ какой, значить, мы рецептъ устроимъ: кто посильнѣе, тотъ держись болѣе другъ къ другу, а остальные только отводи...потомъ, всѣ сразу на одного... Сшибемъ одного, я вамъ говорю, остальные бросятся бѣжать... Да что тутъ толковать? Поручаете мнѣ вести бой?

— Веди, Алексѣй Петровичъ, веди: ты на это ходокъ.

— Ну, и дѣло!.. Да пойдѣте, братцы, просить Ивана Семеновича, чтобы помогъ намъ...

— Небольно-то онъ любить драться.

— Однако дирался же.

— Сегодня дѣло-то такое—пойдетъ.

Поръчане выбрали изъ среды себя шесть человѣкъ и отправили ихъ къ Ивану Семенычу.

Ивана Семеныча всѣ знали и уважали, какъ силача. Особенно онъ прославился побѣдою надъ однимъ, какъ выражались поръчане, заморскимъ богатыремъ. Въ городѣ жилъ одинъ графъ, человѣкъ необыкновенно сильный, специально изучившій боксъ и любившій потѣ-

платясь единоборствомъ. У этого графа Ивану Семенычу случилось справлять какую-то работу. — Кто у васъ сильнѣе всѣхъ? спросилъ его графъ. — Я, отвѣтилъ Иванъ Семенычъ. — Ты? Давай бороться. — Какже это такъ? А если я сомну васъ? — Ничего. Стали бороться и нантъ герой смялъ графа. Къ этому графу прѣхалъ однажды англичанинъ, знаменитый боксеръ, о которомъ въ англійской печати упоминалось, какъ объ удивительномъ явленіи природы и кулачнаго искусства. Графъ познакомился съ нимъ, поборолся и былъ побѣжденъ. Закипѣло въ душѣ его патріотическое чувство глубоко оскорбленнаго самолюбія. — А что, спросилъ онъ англичанина: — согласитесь вы подраться съ однимъ знакомымъ мнѣ порѣчаниномъ? Боксеръ согласился. Далѣе предоставимъ рассказъ самому Ивану Семеновичу. Вотъ что я слышалъ отъ него. — Сидѣлъ я и строилъ оконный переплетъ. Слышу карета ѣдетъ. Ладно. Но вдругъ карета значить остановилась около моихъ воротъ. Это что такое? думаю себѣ: колесо что ли сломали? Взглянулъ: ничего не бывало, карета здоровехонька... Что за чортъ?.. Соскочилъ съ занятию лавки и идетъ на мой дворъ... приходитъ ко мнѣ и *презентуется*: «Ты—Иванъ Семеновъ Огородниковъ?» — Я, значить. — «Садись въ карету и поѣдемъ». — Зачѣмъ?.. куда? — «Графъ требуетъ». — Зачѣмъ же въ карету садиться? — «Повеземъ тебя къ графу». — Да къ чему же въ каретѣ? я и пѣшкомъ могу. — «Не толкуй, говорить: на то графская воля.» — Дѣлать нечего, одѣлся и сѣлъ въ карету, — разъ только въ жизни ѣздилъ въ такомъ экипажѣ. Опалѣвши, ѣду — ничего не понимаю. Прѣхали. Позвали меня значить къ графу. — Можешь побить, спрашиваетъ, одного дурака? — То есть, какъ побить? — «Переломать хорошенько кости одному господину?» — Кому прикажете? — «Пойдемъ.» И повелъ меня графъ. Привелъ въ большое зало. Въ залѣ сидятъ на креслахъ, я такъ полагаю, человекъ около полтора ста, и все это, какъ я узналъ послѣ, родня да знакомые графа Т., тоже — графы да графини, князья и ихъ жены. Видите ли, къ графу-то прѣхалъ заморскій богатырь и сталъ хвалиться, что его значить никто не побьетъ въ Россіи; графъ осерчалъ и вытребовалъ меня. — «Не опозорь,» говорить. — Какъ Богъ поможетъ, отвѣчаю: — а кого бить прикажете? — «Дерись вотъ съ этимъ господиномъ.» — По серединѣ залы расхаживалъ какой-то баринъ, какъ есть баринъ, во фракѣ. — Ихъ бить прикажете? — «Да. Но подожди.» Графъ поговорилъ что-то съ англичаниномъ. — «Сту-

пай, и дерись.»—Снявъ я синій суконный армякъ, перекрестился, понатужился, кушакъ лопнулъ значить, — и стали мы драться... Разъярился я: убью, думаю, а не позволю поворить Россію; но, чортъ знаетъ этого англичанина, извивается, какъ угорь, т. е., ни по чему не могу задѣть его, а онъ лупить меня и въ рожу, и въ горло, и въ грудь. Этакихъ ловчаей я и не видывалъ. Подожди же, думаю. Наконецъ изловчился я и саданулъ его по правому плечу; глужу, рука повисла; я по лѣвому, — другая повисла. Глажу: онъ еле дышетъ.—Что, голубчикъ? спрашиваю, и замахнулся кулакомъ—убить его пожелалъ: значить, не позорь нашего отечества, — да графъ закричалъ: «не тронь!» Въ это время господа стали ревать: «ура!», «браво!» «молодецъ!» стали хлопать въ ладошки. — Удругу же я вамъ, думаю себѣ, и взявъ я, поднявъ англичанина брачишко, да шелепами, шелепами его и выгналъ вонъ изъ зала. Послѣ бранили за это, говорили, что англичанинъ былъ тоже баринъ, англійскій баринъ, и хотѣлъ искать на графѣ; но все-таки графъ пожаловалъ меня двадцатью пятью рублями, да его гости шакидали кучу денегъ.»—Такой подвигъ Ивана Семеныча знали даже ребятишки порѣчанъ. Съ глубокимъ уваженіемъ взирали на него селяне Малой Порѣчны. При громадной силѣ, Иванъ Семенычъ Огородниковъ былъ неустрашимъ и предприимчивъ. Порѣчане говорили о немъ, какъ о молодцѣ, вотъ еще за какой подвигъ. Тронулся ледъ на рѣкѣ Озерной. Иванъ Семенычъ былъ за рѣкою. Ему непременно надо было попасть домой. Что дѣлать? Иванъ Семенычъ, долго не думая, взялъ двѣ доски и съ ними сталъ переправляться на другую сторону рѣки, черезъ туго идущій ледъ: положилъ доску на плывущую льдину, прошелъ по ней, положилъ другую доску, которую держалъ въ рукахъ, поднялъ свободную, положилъ новую, прошелъ по ней, и такъ перемѣняя доску за доскою, добрался до порѣченскаго берега. Это узналъ генералъ, управлявшій Порѣчною; за смѣлость и молодечество онъ пожаловалъ Огородникова, какъ и графъ, двадцатью пятью рублями. Награда понравилась нашему герою, и онъ, на слѣдующій годъ, уже не по нуждѣ, а изъ желанія получить гонорарій, опять повторилъ переходъ чрезъ движущійся ледъ Озерной. Генералъ узналъ и это. Онъ опять призвалъ Ивана Семеныча, но вмѣсто награды далъ ему очень чувствительную порку, говоря: «ты думалъ еще получить отъ меня деньги? Тогда тебѣ надо было попасть домой, а теперь ты риско-

валъ жизнью изъ-за грошей. Такъ вотъ тебѣ.» Но не смотря на порку, полученную отъ генерала, Иванъ Семенычъ своимъ подвигомъ приобрѣлъ уваженіе себѣ отъ порѣчанъ. При такой силѣ, ловкости, смѣлости и рѣшимости, нашъ герой былъ плутъ и воръ очень искусный: красть онъ въ лѣсахъ, красть на баркахъ, гонкахъ *), красть на рынкахъ, красть по домамъ въ городѣ **), гдѣ работалъ, красть вездѣ, гдѣ только можно,—и никогда не попадался. У него было нравственное правило, выражаемое фразою: «тотъ не воръ, кто не попался.»—За это достоинство тоже уважали его порѣчане, потому что всѣ они, какъ увидимъ далѣе, были очень представительные мошенники. Иванъ Семенычъ былъ человѣкъ пока нельющій, и хотя изба его дѣйствительно кололась на двое, но онъ, праведно и несправедно добывая деньги, копилъ ее очень усердно: у него подъ печкой лежало двѣсти тридцать четыре рубля, завязанныхъ тряпичною, которая была заткнута въ рваный, никуда негодный сапогъ.

Пришли къ Ивану Семеповичу послы, но пришли въ недобрый часъ, въ тотъ недобрый часъ, когда ему «бабу было надо,» а баба наплевала на него. Онъ былъ человѣкъ упрямый и несговорчивый: что заладить, что затѣеть, то гвоздемъ вбивалось въ его голову; требовались очень крѣпкія клещи, чтобы вырвать изъ головы его засѣвшую въ нее мысль или намѣреніе.

— Иванъ Семенычъ, сказали парламентары:—мы къ тебѣ съ просьбой.

Они поклонились.

— Съ какой это? спросилъ Иванъ Семенычъ.

— Просимъ значить тебя сегодня на бой. Помогни намъ.

— Не пойду на бой.

— Иванъ Семенычъ, значить уважь.

Порѣчане кланялись.

— Сказалъ, что не иду: ну, и не иду!

Тутъ вступилъ въ переговоры одинъ изъ выборныхъ, Кругачовъ.

— Иванъ Семенычъ, къ крѣпкимъ, слыхалъ ли ты, пріѣхали такіе молодцы, что совѣмъ расшибутъ насъ... срамъ да и только...

*) Гонками называются плоты бревенъ, связанныхъ видами, т. е., кручеными словыми кольями.

**) Замѣчательно то, что порѣчане въ своемъ селеніи другъ у друга почти никогда не воровали. Однажды только обокрали чердакъ дьякона, да и то вѣроятно потому, что не причисляли его къ своимъ.

Ты у насъ значитъ первый, какъ есть, силачъ... Помоги аначить... Хорошо ли, самъ посуди, если разобьютъ насъ?..

Напрасно вмѣшался Кругачовъ. Если бы не онъ, такъ быть можетъ, и уломали бы Ивана Семеныча, но Иванъ Семенычъ подвѣрвалъ, что съ Кругачовымъ знается Аграфена Митревна. Онъ только озлилъ нашего героя.

— Да если бы, отвѣчалъ онъ:—изъ тебя сегодня духъ вышибли, такъ мнѣ—все одно... даже было бы и ладно...

— Спасибо, Иванъ Семенычъ, на добромъ словѣ: значитъ, уважилъ насъ... Вѣдь мы не отъ себя къ тебѣ пришли, а значитъ отъ Порѣчны... Нечестно поступаешь, право нечестно.

— А вотъ я лягу на печку, отвѣчалъ нашъ герой:—и буду лежать, и ейбогу, слова больше не скажу вамъ, а вы стойте тутъ да лаяйтесь.

Иванъ Семенычъ полѣзъ на печку. Онъ рѣшился, что бъ ни говорили ему порѣчане, ни слова не отвѣчать имъ. Человѣкъ онъ, какъ уже сказано, былъ характерный, человѣкъ воли сильной. Это порѣчане знали, и потому, потерявъ надежду на его участіе въ бою, начали, желая хоть сорвать свое сердце, ругать его.

— Ахъ, ты подлець, подлець! говорили они:—сволочь проклятая!.. тавлинникъ!.. околѣлый песь!.. татаринъ ты этакой!.. нехристь!.. своихъ выдаешь!.. халуй московскій!..

Однимъ словомъ—пошли писать.

Иванъ Семенычъ молчитъ. Казалось, никакимъ словомъ нельзя было прошибить Ивана Семеныча; но мнимый соперникъ его, Кругачовъ, отыскалъ такое слово.

— Послѣ этого, слазалъ онъ:—тебѣ всякая баба въ рожу плюнетъ.

Зарычалъ Иванъ Семенычъ, но выдержалъ себя: ни слова не отвѣтилъ.

— Еще вздумалъ волочиться за Аграфеной Митревной... Да она за твою подлость тебѣ глаза выцарапаетъ, околѣлый чортъ!

Доняли, проняли Ивана Семеныча. Хотя онъ опять выдержалъ себя—слова не сказалъ, но теперь онъ всталъ сначала на четвереньки, потомъ сѣлъ на печи, свѣсилъ ноги и пристально, не мигая, началъ смотрѣть на враговъ...

— Чего бурлаками-то уставился на насъ?.. Лошадь ты этакая!.. Свинопасъ!.. Встрѣтись-ка ты съ Аграфеной Митревной, — она тебѣ всю бороду выщиплетъ!..

Ярость неопиcанная свернула въ разширившихся зрачкахъ глазъ Ивана Семеновича, на шею его вздулись жилы, к. къ бичевани, задрожали губы, грудь стала работать, какъ паровая машина... Это, милостивые государины и государи, нѣсть любовь бродила... Да, онъ страстно, бѣшено, могуче любилъ порѣченскую красавицу, Аграфену Митревну. Такъ способны любить только сильные тѣломъ и духомъ люди, и кромѣ того—люди мало развитые. Онъ готовъ былъ вышибить духъ изъ своего мнимаго соперника; онъ способенъ былъ схватить Аграфену Митревну, безъ всякаго съ ея стороны согласія, въ свои сампсоновскія объятія, и пусть она кричитъ и кусается, будетъ смачно цѣловать ее и плотно прижимать къ своей широкой груди ея широкую грудь. Надо сказать, что порѣчанки любили такъ же молодыхъ, хотя отказъ нашего героя участвовать въ бою могъ очень сильно уронить его во мнѣнїи мѣстныхъ дамъ (бабъ тотъ).

— Аграфена Митревна тебѣ, подлецу...

Дикимъ звѣремъ спрыгнулъ Иванъ Семеновичъ съ печи.

Послы знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и потому въ одно мгновение не стало въ хатѣ ихъ вражьего духу...

— Такъ-то!

Вотъ и все, что на тотъ разъ произнесъ Иванъ Семеновичъ.

Въ Порѣчїѣ прошла вѣсть о томъ, что Иванъ Семеновичъ отказался отъ боя. Взволновалась Порѣчна. Ругань на нашего героя повисла надъ нею... Даже всѣ дамы ротъ растегнули, а если порѣченская дама (баба тожъ) начнетъ ругаться, то хоть отъ святыхъ откажись—неси ихъ вонъ! Иванъ Семеновичъ лежалъ на печи и слышалъ, какъ растегнувшїя ротъ дамы, проходя мимо его дому, ругали его на всю вселенную. Ему послышалось даже, что Аграфена Митревна, завноба его сердца, обозвала его околѣлымъ чортомъ. Порѣченскїя дамы глубоко сочувствовали, что увидимъ далѣе, боевой славы своихъ мужей и братьевъ, питали въ душѣ своей глубокое чувство мѣстнаго патриотизма. Иванъ Семеновичъ лежалъ на печи и слушалъ съ крупною, стропливой, кабаньей злостью направленную на него порѣченскую брань.

— Лайтесь! думалъ онъ, поварачиваясь на печи съ боку на бокъ. Раздраженный его отказомъ, мимо его дома идущїя бабы (дамы тожъ) ругали его очень голосисто. Ивану Семеновичу опять послышалось, что его бранить Аграфена Митревна...

— Подожду же я тебѣ, значить и устрою *памариментъ*, ска-
завъ онъ, вскакивая на ноги.

Выбѣжалъ Иванъ Семенычъ на улицу.

На улицѣ никого не оказалось.

— Бабы!.. свиньи!.. проговорилъ Иванъ Семенычъ.

Ушелъ онъ домой и, лягши омять на лежанку, закрылся тулупомъ.

— Тяжко! сказалъ онъ; но послѣ стеригблъ, не позволивъ себѣ
даже предъ собою высказать вслухъ свои чувства—и замолчалъ.

Не попусти, Господи, такъ сильно и такъ неудачно, какъ Иванъ
Семеновичъ, любить когонибудь: такая любовь уводитъ въ Сибирь
молодцовъ, нашъ герой, а людей—послабѣе его силою воли—заго-
няетъ въ кабаки, либо въ петлю.

Избави всѣхъ Господи ты Боже нашъ, отъ подобной любви!..

У.

О томъ, какъ въ Поръчна всѣ дамы ротъ застегнули.

Яркое солнце облило своимъ свѣтомъ пелену закрѣпленной мо-
розомъ рѣки, дробя свои лучи въ кристаллахъ ледяныхъ плитъ, раз-
нообразно раскиданныхъ на полѣ фарватера.

— Дай бою, дай бою! слышалось на Озерной.

— Дай бою, дай бою! отъликались съ другого берега.

Дрались пока мальчишки. Но къ тремъ часамъ собралось кулье-
носное и поръченское воинство. Молодой народъ отодвинулся
всторону.

Въ городъ, которому Поръчна служила предмѣстiemъ, разнеслась
новля, что на Озерной будетъ данъ знаменитый, небывалый бой.

Къ тремъ часамъ вечера Озерная покрылась массами бойцовъ и
экипажами любителей изъ купцовъ и военныхъ; берега были полны
народомъ. Любопытно было посмотреть на поръчанокъ, а особенно
послушать: страшный визгъ, вылетающій изъ ихъ грудныхъ мѣховъ,
волновалъ воздухъ. Бабы все-еще были съ растегнутыми ртами...
Всемъ были дамы.

Мужики съ поръчанами уже дрались. Но это не было обыкновен-
ное, болѣе или менѣе одушевленное боедѣйствіе: дрались въ ожиданіи
чего-то... Но вотъ со стороны крючниковъ вдругъ раздался крикъ:

— Наши, назадъ!.. Ломи на свой берегъ!..

Толпа муравьевъ бросилась бѣжать... Можно было подумать, что ихъ гонять... Но этого не было. Порѣчане слышали команду Хлестнева:

— Стой, ребята!.. ни съ мѣста!.. они теперь не даромъ дали тягуна. Значить, молодцы пришли... Ну, ребята, слушаться теперь меня... Мы не съ дураками будемъ вѣтъ дѣло... Крѣпкимъ строемъ надо дѣйствовать; иначе и бою нечего затѣвать.

— Ребята, слушаться Ивана Хлестнева, было отвѣтомъ.

— Вытряску дадимъ, кто выйдетъ изъ-подъ начала.

— Слушайте же, говорилъ Иванъ Хлестневъ:—я поведу правое крыло; ты, Копорякъ, — лѣвое; ты, Васька-Жидокъ, въ центру встань; около меня держись Алеха Косой, Микита Обручевъ, Мизгиревъ да Петруха Сычъ...

— Чего жъ ты Сычомъ-то лаешься? было отвѣтомъ отъ Петрухи...

— Извини, голубчикъ: не мною прозванъ...

— А ты не лайся!.. вотъ что!..

— Ну, молчать, Сычъ! закричали бойцы...

— Слушаться начальства!..

— Коли такъ, я и съ бою уйду, сказалъ Сычъ.

— А трепки хочешь?

— Братцы, голубчики, заговорилъ Иванъ Хлестневъ:—не ссорьтесь... вѣдь не время... опозоримся... Петруха, прости меня; обидѣлъ нечаянно—некогда было слово обдумать... дѣло-то горячее подошло...

— Да что съ нимъ толковать? Въ рожу его!..

— Братцы, началъ примирительнымъ тономъ Хлестневъ...

— Луни его...

Еъ Сычу бросились порѣчане, съ намѣреніемъ избить его.

Иванъ Хлестневъ, видя, что въ его ополченіи развивается междоусобіе, голосисто и громко крикнулъ:

— Молчать всѣ!.. Кто слово скажетъ, своими руками задушу; ейбогу вцѣплюсь въ глотку и задушу... Я здѣсь сильнѣе всѣхъ... Кто противъ меня?.. Тронь лишь кто Петруху, тому кости, какъ въ мѣшкѣ, встряхну. Слышали?..

Возстаніе стало утихать. Сычъ молчалъ, потому что, съ одной стороны, побавался порѣчанъ, а съ другой былъ удовлетворенъ тѣмъ, что его сторону принялъ Иванъ Хлестневъ... Но, не смотря на это, изъ толпы все-таки послышался голосъ, обращенный къ предводителю:

— И на тебя есть сила...

— Гдѣ это? Кто сказалъ, выходи!.. Гдѣ есть на меня сила?

— У Ивана Семеныча Огородникова..

Хлестневъ языкъ прикусилъ, но однако скоро нашелся:

— Да Иванъ-то Семенычъ, сказалъ онъ:—подлецъ,—въ такое время и оставилъ насъ... Я же рожи своей не пожалѣю, а за дѣло постою... вотъ что!..

Послѣ этого, дѣло приняло хорошее направленіе: всѣ начали ругать нашего героя, а Сыча и предводителя оставили въ покоѣ...

Этой минутой воспользовался Хлестневъ.

— Ну, ребята, слушайте же, началъ онъ...

— Слушай, ребята, слушай! было отвѣтомъ...

— Ты, Копорякъ, говорилъ Иванъ Хлестневъ:—возьми себѣ тоже четырехъ, которые покрѣпче; ты, Жидокъ, — также... Что около вожаковъ, должны защищать ихъ, а вожаки ломи значить... Въ центрѣ у нихъ будетъ слабо, — въ центрѣ и жарь... На ихъ вожаковъ слѣдуетъ напасть сразу впятеромъ или шестеромъ, и положить, какъ ни на есть, во что ни стало, на землю... Помните, что сначала намъ слѣдуетъ стоять, какъ можно, дружно: избави Боже, если на первыхъ порахъ попятятъ насъ, — зазнаются и тогда ничего не подѣлаешь... Слышали?.. Братцы, не жалѣйте рожи; дѣло подошло больно важное!.. Ну, стройся!.. Живо!..

Порѣчане строились. Построившись на срединѣ рѣки, они тихо, почти не говоря ни слова между собою, дожидались врага. Совершалось что-то торжественное... Всѣ окрестности смолкли... Даже порѣченскія дамы на время ротъ застегнули.. Въ коляскахъ и саняхъ встали на ноги офицеры и купцы... Воздухъ замеръ... Что-то будетъ?..

Буленосное воинство было построено прибывшими къ нему молодцами почти также, какъ и порѣченское, получило тѣ же наставленія и выступило изъ-за барокъ, зимовавшихъ на рѣкѣ...

Тутъ-то въ первый разъ показались молодцы. Они шли по бокамъ огромной толпы врючниковъ и самоуверенно вели ее въ бой. Не даромъ прошла молва объ этихъ двухъ братьяхъ. Всѣ любовались на нихъ. Оба они напоминали собою картины древнихъ героевъ, у которыхъ мускулатура была чрезвычайно развита, и тѣло братьевъ было крѣпко связано костями и сшито жилами. Старшій братъ, ведшій лѣвое крыло, былъ ростомъ съ Петра I и силенъ, какъ Петръ I; младшій былъ ниже, по ухо брату, но взялъ шириною

корпуса: плеча и плавленная, какъ представлялось, грудь — поражали своими размѣрами, — онъ былъ сильнѣе брата... Братья были красавцы собою, типа кровно русскаго... Гдѣ уродились такіе молодцы? — говорили, что подѣ Московю... Если бы славянофилы видѣли ихъ въ описываемую нами минуту, то они бы поставили имъ не то-что бы ведернаго божка, а сороковедерную богиню, да боченогъ селедогъ на закуску; славянофилы даже откупили бы для нихъ цѣлый россійскій парламентъ, т. е., кабакъ. Шли братья съ свѣжнмъ, открытымъ, играющимъ думанцемъ, какъ зарево на мологѣ, лицомъ; «вудри русыя лежатъ скобкою», походка степенная, во всѣхъ движеніяхъ сдержанность, но не смотря на сдержанность, въ позитурѣ братьевъ было много безпечности и удали, нравящейся и не-славянофиламъ; все въ нихъ было складно, плотно, положительно... Нельзя было не залюбоваться на молодцовъ: красота, соединенная съ силою, увлекаетъ невольно, будь то красота мужчины или женщины. Одѣты они были щегольски, хотя и довольно легко, не смотря на трескучій морозъ, потому что шли на дѣло жаркое — согрѣются... На головѣ были надѣты котиковыя шапки, бюстъ покрытъ бѣлыми, чистыми шерстяными фуфайками, изъ-подъ фуфаякъ выпущены красныя новаго немѣцкаго ситцу рубахи, дагѣе шли новыя плисовые шаровары, опущенныя въ козловыя сапоги со скрипомъ... Это ли не щеголи?... Рассказывали, что молодцы — братья были люди богатые, ихъ побудила идти на бой не ведерная, а то, что въ душѣ ихъ была сильно развита страсть, выражаемая словами: «развудись, плечо; размахнись, кулакъ!» Порѣчанки, увидавъ молодцовъ, только ахнули, и многія въ ту минуту изъ порѣчанскихъ бабъ (дамъ тотъ) измѣнили туземному патриотизму. Къ числу такихъ, увѣряемъ, не принадлежала Аграфена Митревна. Тѣмъ хуже для нашего героя.

Стѣна муравьевъ подошла къ стѣнѣ порѣчанъ и завопила благимъ воємъ:

— Дай бою, дай бою!..

Порѣчане вызывали ихъ съ своей стороны:

— Дай бою, дай бою!..

— Бей ихъ! скомандовали братья-силачи.

Мужики, сверхъ своего обыкновенія, дружно и стройно ударили на порѣчанъ. Порѣчане стойко приняли ихъ.

И грянулъ бой, порѣченскій бой!

Тяжело было смотрѣть на бывшихся. Положимъ, что бой, хорошо организованный, можетъ быть прекрасною гимнастическою игрою, но когда игра развивалась до такого соревнованія, какъ въ описываемый нами день въ Порѣчнѣ, то, глядя на нее, чувствовалось замираніе сердца. Къ игрѣ примѣшивалось чувство мести и отплаты; порѣчане и виной, и лѣгомъ окрадывали барки, стоявшія на Озерной, и крющики за то не долюбливали ихъ... И въ настоящемъ случаѣ вышло побойще, увлекавшее вниманіе размѣрами своего плоходѣйствія. Одни боевые вопли «дай бою» и «бей ихъ» производили потрясающее впечатлѣніе. На этотъ вой порѣченскія дамы, разцвѣтившія берегъ своими платьями и кацевейками, отозвались оглушающимъ уши визгомъ. Застонала окрестность.

Порѣчане выдерживали твердо могучій напоръ крющиковъ. Бились жестоко. Били тяжелыми кулаками по лицу, въ плеча, въ грудь, въ животъ. Самое ярое мѣсто, вишащее дракой, было около меньшого брата-богатыря и Ивана Хлестневъ.

Хлестневъ, давъ страшную затрещину противнику, крикнулъ своимъ:

— Бей въ середку!

Но въ ту минуту онъ былъ отброшенъ противникомъ. Порѣчане, по его приказу, ударили въ центръ непріятеля, но этотъ натискъ, будучи предугаданъ старшимъ братомъ, былъ отраженъ имъ.

Порѣчане смѣшались...

— Бѣгутъ! крикнули муравьи:—луши ихъ!.. бей ихъ!..

Порѣчане отъ такого крика совершенно растерялись... Муравьи наперли... Не устояли порѣчане и бросились въ бѣгство...

Что подѣлалось съ окрестностями?

— Нашихъ бьютъ... бѣгутъ наши!.. гонять ихъ!.. кричали, растегнувши рты, порѣченскія дѣвицы и бабы.

Офицеры и купцы приготавливали серебро и ассигнаціи для побѣдителей. Муравьи, догоняя затылки враговъ, стономъ стонали. Порѣчане приглашали другъ друга къ порядку.

— Стройся, ребята! кричалъ Хлестневъ.

— Гони ихъ!.. Отдоху не давай! кричали крощинамъ братья-предводители.

— Когда такъ, бѣги, что есть мочи! распоряжался Хлестневъ.

Порѣчане помчались съ быстрою полагомъ вѣтра. Мужики, одѣ-

тые въ тяжелые тулупы и сапоги, отстали отъ нихъ... Порѣчане успѣли уйти отъ своего врага сажень на пятнадцать.

— Стой теперь и живо стройся! приказалъ имъ Хлестневъ.

Порѣчане быстро заняли позицію прежняго строя. Когда на нихъ бросились догонявшіе ихъ враги, они до того дружно встрѣтили ихъ, что попятили назадъ. Тогда братья стали строить своихъ, смѣшавшихся во время догонки подъ градомъ всевозможныхъ заушеній. Успѣли въ томъ.

Характеръ битвы перемѣнился.

Стали биться очень плотно, дружно и хлестко. Порѣчане хотя были и теперь тѣснимы, но отступали, въ строгомъ порядкѣ, по вершку, по полувершку. Однако пядень за пяденью отодвигала ихъ назадъ несломимая сила врючниковъ. Тяжело было смотрѣть на знаменитую битву. Это была уже не игра. На всѣхъ лицахъ написано откровенное желаніе сломать у своего врага и вышибить вонъ какую нибудь основную часть тѣла. Хлестневъ и меньшей братъ опять боролись между собою. Они сыпали другъ другу страшные удары, но лица ихъ и грудь окаменѣли, точно они были не люди, а какія-то изваянія. Окровавились, жестоко бьются, до лома костей бьются, но ни одинъ не сдѣлаетъ фальшиваго полуоборота, изучаютъ каждый взмахъ и ударъ другъ друга. Это шла уже не игра, а какое-то глубоко-сосредоточенное, научно-вулачное занятіе. Душа замираетъ у борцовъ, но и при замираніи сохраняется полное присутствіе духа... Что это за сониковыя лица?.. Изрѣдка скрипитъ челюсть; изрѣдка хруститъ ность... Совершается дѣло, если хотите, колоссальное, поэтическое, ярко характеризующее народную натуру, и въ то же время такого рода дѣло, котораго лучше бы не было на Руси.

Хлестневъ первый не выдержалъ характера. Бѣшество заходило въ крови всѣхъ его жилъ. Онъ рѣшился вышибить духъ изъ своего врага. Но ему сильно ударили въ лицо...

— Bravo, москвичи! крикнули купцы и офицеры.

Хлестневъ вышелъ изъ себя.

— Убью! крикнулъ онъ, и бросился дикимъ кабаномъ на меньшого брата.

Меньшой того и ждалъ. Онъ подставилъ ногу увлекшемуся порѣчанину и свалилъ его на спягъ.

— Бѣгутъ, бѣгутъ! заревѣлъ меньшей.

Поръчане и не думали бѣжать, хотя главный силачъ ихъ лежалъ на снѣгу; но кличъ «бѣгутъ», нарочно употребленный въ дѣло, чтобы смутить ихъ, распространилъ среди ихъ страхъ.

— Бей ихъ!.. ломи!

Поръчане стали мѣшаться.

— Напирай!..

Поръчане побѣжали, и вмѣстѣ съ ними предводитель ихъ, Иванъ Хлестневъ, уже успѣвшій встать на ноги. Хлестневъ хотѣлъ снова строить своихъ, но не успѣлъ въ томъ... Мужики тяжело преслѣдовали ихъ по пятамъ, но стройно и въ порядкѣ. Стыдъ и досада были на лицахъ поръчанъ; поръчанки ротъ растегнули и голосисто взвыли на все поселеніе; офицеры и купцы звенѣли деньгами...

Поръчанъ наконецъ выгнали на горку... Они съ понуренными головами изъ-подлобья поглядывали на своихъ дамъ...

— Ахъ, вы тавлинники! говорили дамы...—Вамъ не на бой ходить, а чулки вязать... Молокососы!.. Мужварью, сиволапымъ уступили...

— Противъ силы что подѣлаешь? отвѣчалъ Копорякъ...

— А зачѣмъ у тебя голова на плечахъ? спросила Аграфена Митревна.

— Думать...

— Ничего тутъ не выдумаешь...

— Дуракъ я есть.

— Молчать, бабе!.. Всякая сволочь туда же съ совѣтомъ суется...

— Охъ, вы-то, тавлинники, не сволочь?.. Не даромъ и шею наkostenяляли вамъ... Еще не такъ бы слѣдовало...

— Молчи лучше, паскуда, закричалъ Копорякъ, замахиваясь на Аграфену Митревну.

— Что, горе-богатырь? закричали другія дамы:—съ мужиками не справиться, такъ съ бабами въ бой!..

У Копоряка руки опустились...

— А все подлець Иванъ Семеновъ, заговорилъ Хлестневъ:— въ такой день—и отказался отъ бою...

— И уважимъ же мы ему.

— Всю избу разнесемъ по щепамъ.

Иванъ Семенычъ опять послужилъ громоотводомъ для гнѣва, стыда и досады поръчанъ... Горе, горе Ивану Семенычу! Опъ тоскуетъ о томъ, что ему «бабу надо», а теперь, послѣ его измѣны туземному патриотизму, ни одна баба не станетъ съ нимъ жени-

хаться... Лежить онъ себѣ на печи и не знаетъ, какъ злы на него порѣчанки, какъ крѣпко бранять его.

Между тѣмъ мужики отошли на средину рѣки, построились здѣсь и ожидали порѣчанъ для новой схватки.

— Дай бою!.. дай бой!.. вопили они теперь вполне самонадѣянно...

— Что дѣлать, ребята?.. бою просить.

— Что дѣлать? драться значить надо...

— Вѣдь опять расшибуть?

— Пусть!.. Не по домамъ же идти...

— Вотъ что, братцы: человекъ пятьдесятъ останется въ засадѣ, за избушкой... Случись, если подгонять насъ къ берегу, запасные неожиданно—бей въ бока... Мужичье подумаютъ, что это новые, свѣжіе прибыли, струсятъ и дадутъ тягу, а тутъ знай—лупи... знай, лупи!..

— Ловко придумано!..

— Такъ стройся, ребята!

— По старому?

— По старому.

Построились порѣчане и двинулись на ожидавшихъ ихъ мужиковъ. Сошлись и схватились. Но порѣчане, потерпѣвъ въ первомъ бою поражение, дѣйствовали не такъ самоувѣренно, какъ всегда; крѣпичи же нисколько не сомнѣвались въ томъ, что они одержатъ побѣду: теперь не только матеріальная, но и моральная сила была на ихъ сторонѣ. Они сразу пошатнули порѣчанъ и на этотъ разъ не дали имъ даже вторично построиться, — въ одинъ приемъ прогнали до берега. Около берега Хлестневъ крикнулъ:

— Засада!..

По этой командѣ, изъ-за избушки ударили скрывавшіеся порѣчане въ бока мужицкаго ополченія. Какъ и ожидать должно было, мужики пришли въ недоумѣніе, смѣшались, попытились и едва не обратились въ бѣгство; но братья-предводители сумѣли остановить ихъ и снова двинуть впередъ... Замыселъ Хлестневъ не удался. Крѣпичи выперли врага на улицу, а сами встали на берегу. Многие изъ побѣжденныхъ были безъ шапокъ. На бояхъ существовалъ обычай, по которому побѣдители имѣли право хватать съ головы противниковъ шапки и обращать ихъ въ свою собственность, въ видѣ приза. Теперь уже и дамы не брали своихъ мужей и братьевъ:

онѣ видѣли храбрость и усердіе ихъ, и видѣли, что не въ ихъ сред-
ствахъ побѣдить непріятели... Пошли совсѣмъ другіе толги.

— Силы неравны, говорили они:—насъ вдвое меньше... Еще
бы они выставили тысячу человѣкъ...

Мужики отодвинулись на среднюю рѣку.

Въ это время одинъ богатый купецъ позвалъ къ себѣ Ивана
Хлестнева.

Что, голубчикъ, намылили оусалы?

На этомъ мѣстѣ прерывается рукопись Н. Г. Помяловскаго.

Припоминая неоднократные рассказы покойнаго автора о порѣчан-
нахъ, мы вкратцѣ сообщаемъ здѣсь о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ боя.

Пріѣзжіе купцы стали шибко подсмѣиваются надъ Хлестневымъ и
его товарищами и разозлили его не на шутку. Порѣчане тоже слы-
шали эти насмѣшки и хмурились: оскорбленное самолюбіе стало за-
говаривать въ нихъ, кулаки сжимались... Наскоро собралъ ихъ
Хлестневъ и объявилъ рѣшительно, что сдаваться не слѣдуетъ, что
теперь дѣло идетъ о чести цѣлой Порѣчьи и что, послѣ этого, всякій
крючникъ имъ въ глаза наплюетъ. Воодушевились порѣчане: —
«костями ляжемъ, а сраму такого не потерпимъ!» кригнули они и
дружно тронулись на средину рѣки, на новую схватку. Снова завя-
зался бой жаркій, изступленный...

Въ это время Иванъ Семенычъ Огородниковъ, соскучившись дома,
вышелъ поглядѣть на бой. Дамы порѣченскіе встрѣтили его съ виз-
гомъ да съ руганью, но Иванъ Семенычъ на это не обратилъ вни-
манія и отошелъ къ сторонкѣ. Сразу увидѣлъ онъ, что силы деру-
щихся неравны, что порѣчане хоть и храбро дерутся, но противъ
силы устоять не смогутъ, и началъ въ немъ мало помалу пробуж-
даться патриотизмъ порѣченскій. Долго сдерживался Иванъ Семенычъ,
но удалъ меньшого брата-крючника окончательно раззадорила его;
такъ и валить онъ порѣчанъ направо да налево: что дастъ раза—
то съ ногъ долой, а силы равной ему между порѣчанами нѣтъ. — «Такъ
погоди жъ, подумалъ Иванъ Семенычъ: — найдемъ и на тебя силу!..» И

вспыхнула вся кровь у молодца, жилы налились, кулаки сжались... Мигомъ сорвалъ онъ съ себя шубу, засучилъ рукава и, самъ не свой, бросился въ битву. Врѣзался онъ въ правое крыло дерущихся и, не давъ никому опомниться, снамета свиснулъ кулакомъ въ високъ меньшого брата. Зашатался герой и, какъ спопъ, рухнулъ на снѣгъ, обливаясь кровью. Бойцы приостановились, стихли... Но тутъ открылось скверное дѣло: кулаки меньшого брата разжались и въ каждомъ кулакѣ его оказалось по двѣ большихъ мѣдныхъ гривны *). Теперь только поняли бойцы, въ чемъ заключалась страшная сила этихъ кулаковъ. Муравьи сейчасъ же смѣшались и побѣжали на утекъ, а порѣчане съ остервенѣннемъ бросились на лежачаго и начали бить его чѣмъ попало и куда попало. Они въ клочки разорвали бы его, еслибъ въ это дѣло не вмѣшалась полиція и не разогнала порѣчанъ. Изуродованнаго молодца замертво стащили въ какую-то больницу, гдѣ онъ на другой день и померъ. Послѣ этого случая, кулачные бои были строго запрещены, и порѣчане, если гдѣ и устроивали потомъ мелкія сходы, то тайкомъ, да озираясь...

Иванъ Семенычъ былъ главнымъ героемъ этого финала и такимъ образомъ кровью вражеской смылъ пятно съ чести порѣченской. На берегу дамы встрѣтили его съ восторгомъ, и Графена Митревна тутъ же согласилась выдти за него замужъ.

Во второй части этого разсказа авторъ хотѣлъ описать семейный бытъ порѣчанъ, бытъ, имѣющій свои особыя, характерныя отбѣнки. Изъ этой части въ бумагахъ покойнаго нашлась только одна глава, набросанная вчернѣ, которую мы и помѣщаемъ здѣсь. Изъ этой главы читатель можетъ судить о главныхъ основахъ порѣченскаго семейнаго быта.

О томъ, какъ порѣчане лупятъ по пути прогресса.

Сегодня Иванъ Семенычъ съ Графеной Митревной—оба находятъ ся въ самомъ приятномъ настроеніи духа. Супругъ не дуется, не

*) Надо замѣтить, что на такихъ бояхъ позволялось драться только кулаками и у кого въ кулакахъ находили свинчатки, или гривны, тѣхъ жестоко проучивали, какъ подлецовъ, и пощадъ въ этомъ случаѣ не было никакой.

глядитъ медвѣдемъ, дѣти его не боятся; его благовѣрная медвѣдица, не смотря на свой сороколѣтній возрастъ, вспоминала юные годы своей съ нимъ сипандряціи и, отыскавъ довольно мягкое мѣсто между бакенбардами и носомъ своего мужа, влѣпила въ то мѣсто довольно могучую безешку; дѣтямъ своимъ она не даетъ зуботрещинъ, не дергаетъ ихъ за волоса, не гоняетъ изъ дому. Мало того, она выглядитъ не прежней амазонкой, а простой російской женщиной, хорошо знакомой съ плетью — суррогатомъ супружескаго счастья, и радующейся тому, что брачная плеть виситъ спокойно на стѣнѣ. Во всемъ домѣ Огородникова миръ и тишина—эти рѣдкіе гости его жилища. Откуда и какъ явились сюда эти непрощенные гости? Что все это значитъ? Это значитъ то, что сегодня въ Порѣчнѣ храмовой праздникъ Маріи Магдалины, бывающій 22 іюля. Аграфена Мытревна чутьемъ чуетъ, да и по опыту давно знаетъ, что съ этого дня сипандряція ихъ жизни принимаетъ иное направленіе, что мужъ ея въ этотъ день возьметъ изъ рукъ ея жезлъ домоправленія, который долго не выпуститъ изъ своего здороваго кулака. Мы сказали, что въ Порѣчнѣ существовало совершенное! полноправіе, какъ женщины, такъ и мужчины, то полноправіе, о которомъ такъ много хлопочуть наши дамскіе эмансипаторы. Но все-таки порѣченскую эмансипацію мы называемъ сипандряціей, потому что жезлъ домашняго правленія все-таки существовалъ, попеременно переходя въ руки то того, то другого лица, а не то, чтобы быть семейный управлялся каждый день и часъ съ общаго согласія мужа и жены и даже при любовномъ вмѣшательствѣ дѣтей. Вотъ почему въ семьѣ попеременно царилъ то мужской, то женскій терроръ. Миръ въ ней наступалъ только въ переходное время, въ которое прекращался женскій терроръ, и послѣ котораго долженъ былъ наступить мужской. Какъ это дѣлалось, читайте далѣе.

День былъ ясный и тихій. Въ Порѣчну черезъ рѣку народъ валомъ валитъ. Вся Озерная покрыта огромнымъ количествомъ ядиковъ и слботовъ. Начиная отъ перевоза до самого проспекта, двумя длинными рядами, стоятъ нищіе, убогіе, слѣпые, глухіе, хромые, несчастные уроды,—все чающее движенія мѣднаго гроша,—тотъ жалкій людъ, который могъ быть исцѣленъ только развѣ Христомъ. По преспекту до церкви и отъ церкви до трактира стоятъ палатки

и на козлахъ лотки съ разными сластями и припостями. Въ церкви, набитой народомъ, идетъ обѣдня; правый и лѣвый клиросъ, состоящіе изъ любителей порѣчанъ, ревуть и стонуть, по ихъ мнѣнію, очень благолѣпно. Кладбище переполнено нищимъ, торговымъ людомъ и почитателями праздника, изъ которыхъ между прочимъ большая часть пришла помянуть своихъ радственниковъ и друзей, съ самоварами, кофейниками, водкой и закуской. Стопъ стоитъ на кладбищѣ, потому что многіе, не дождавшись крестнаго хода, уже успѣли справить помпальную тризну, — а на тризнѣ, какъ извѣстно, нашъ православный народъ не ѣстъ, а лопааетъ; не пьетъ, а трескаетъ. За кладбищемъ, на полѣ, расположились по поры до времени фортунки, игра въ кости, медвѣди, обезьяны, ученыя собаки, комедіанты и шармапки. Здѣсь уже довольно весело, потому что часть народа, которая была равнодушна къ Маріи Магдалинѣ, но очень любила всякое празднованіе, развлекалась по мѣрѣ возможности; полиція, получивши слѣдующую ей акциденцію, смотрѣла на это сквозь голенище.

Такъ зачинался праздникъ.

Но вотъ церковныя сторожа яро ударили въ колокола; хотя въ уставѣ и сказано, что въ большіе праздники «попомарь клеплетъ во всѣ тимпаны тяжко, но не борзяся», однако сторожа очень борзались. Церковныя двери распахнулись настезь и изъ нихъ погказались хоругви, потомъ фонарь, запрестольный крестъ; за ними пѣвчіе, сборная братія, далѣе огромное количество образовъ, несомыхъ большею частью благочестивыми бабами и мальчишками, любящими всевозможныя церемоніи, наконецъ появились попы, а за ними огромная масса народу. Мы должны сказать, что хоры, Богъ ихъ вѣсть, когда успѣвшіе кутнуть, усердствовали довольно неблагоговѣнно, да и одинъ изъ дячковъ урѣзалъ кусочекъ-другую. Народъ, одинъ за другимъ, составивъ длинный рядъ, покрайней мѣрѣ въ четверть версты, и, нагибаясь лицомъ къ спинѣ сосѣда, проходилъ подъ образами, какъ подъ воротами. Все это было очень занимательно и весело. Крестный ходъ долженъ былъ обойти своимъ шествіемъ кругомъ всей Малой Порѣчны.

Иванъ Семенычъ, обладая необычайнымъ басомъ, рубить какъ топоричемъ: «Христу, насъ ради отъ Дѣвы рождшемуся». Опъ успѣлъ уже пропустить крупную столбушку кокоревскаго яду. Сосѣдъ его те-норъ, имѣвшій пѣческій талантъ, былъ трезвъ и унималъ его.

- Побойся ты Бога, говорилъ онъ:—перестань вопить-то!
- Не бѣда! Ходи по колѣно во щажь!..
- Вѣдь ты въ крестномъ ходу, а не въ хороходѣ. Ишь нарѣзался.
- Не бѣда! Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.
- Эхъ, жаль, что твоей бабы здѣсь нѣту.
- Съ ухватомъ что ли ее въ крестный ходъ?
- Она съ тобой и безъ ухвата управится.
- Баба-то?
- Да, баба. Давно ли она тебѣ трепку давала?
- Баба?

Иванъ Семенычъ возмутился крѣпко, злость въ немъ закипѣла, водка бросилась ему въ голову. Живо и ясно представились ему всѣ обиды, все униженье, принятыя имъ отъ своей супруги. Онъ болѣе трехъ мѣсяцевъ былъ не главою дома, а какимъ-то батракомъ, наравнѣ съ дѣтьми своими, вполне повинувая кулаку и башмаку жены своей. Сосѣдъ пѣвчій тронулъ большое мѣсто Ивана Семеныча.

- Врешь ты, дуракъ, сказалъ онъ:—не боюсь я твоей бабы.
- А что же она бьетъ тебя, отчего не даетъ тебѣ денегъ, прачеть водку, да и самого иногда запираетъ въ чуланъ?
- А хочешь, докажу, что ты врешь?
- Ну-ка, докажи.

Иванъ Семенычъ молчалъ, не зная что отвѣтить.

- Что жъ ты? Понатужься: докажи.

Иванъ Семенычъ, стиснувъ свой здоровый кулакъ, сказалъ:

- А вотъ, докажу же.
- Чѣмъ?
- А тѣмъ, что приду домой и духъ вышибу изъ своей бабы.
- А ухвата не боишься?
- Пошолъ къ чорту!...

Иванъ Семенычъ отошелъ всторону.

— Чортъ ее побери, разсуждалъ Иванъ Семенычъ самъ съ собою. Значить мной жена командуетъ—значить она глава семейства, а не я? Цѣтъ, этому не бывать. Какъ значить тресну ее, такъ, значить сразу и покойникъ. Постой же!.. Съ этимъ словомъ Иванъ Семенычъ отдѣлился отъ церковной церемоніи и отправился въ кабакъ. Здѣсь онъ спросилъ себѣ косушку, которую и осушилъ.

Но оставимъ его выпивать и посмотримъ, что дѣлала жена его дома.

Жена конечно со страхомъ поджидала Ивана Семеныча, зная навѣрное, что онъ, по случаю праздника, выпьетъ, и потомъ учинить какое нибудь буйство. Потому она припрятала все, что было поцѣннѣе, и сама ушла подальше отъ грѣха. Иванъ Семенычъ воротился домой съ четвертью водки и съ толпою гостей и, не найдя жены, началъ бить и ломать все, что попадалось ему подъ руку и ватѣмъ выбрасывать за окно. Гости въ страхѣ разбѣжались, а хозяинъ, оставшись въ совершенно пустой комнатѣ, завалился спать. Утромъ на другой день, произошла сцена съ женою; Иванъ Семенычъ ни за что, ни про что поколотилъ ее, и жезлъ домоправленья опять на долю перешелъ въ его руки.

Окончаціемъ разсказа послужило слѣдующее событіе.

Иванъ Семенычъ, зарабатывая копейку, какъ извѣстно, не брезгалъ и воровствомъ, особенно когда представлялся благопріятный къ тому случай. Въ послѣднее время онъ съ тремя товарищами началъ усердно воровать хлѣбъ съ барокъ, стоящихъ на рѣкѣ Озерной. Не видя никакихъ особенныхъ препятствій къ такому 'промыслу, Иванъ Семенычъ увлекся до того, что ежедневно притаскивалъ домой по нѣскольку кулей съ мукою, и потомъ за полцѣны сбывалъ ихъ въ ближайшія лавки. Барочники сначала не обращали на это вниманія, и смотрѣли на воровство, какъ на дѣло неизбѣжное при Порѣчнѣ; но когда кули стали убывать слишкомъ замѣтно, они рѣшились ночей не спать— караулить. Иванъ Семенычъ переждалъ нѣсколько дней и, сообразивъ, что сторожа на баркахъ ужъ поутомились, снова отправился на промыселъ. Въ темную, осеннюю ночь онъ съ товарищами осторожно подѣхалъ къ баркамъ и усердно началъ таскать кули. Мужики сразу замѣтили его, не подали въ томъ ни малѣйшаго виду. Воры нагрузились до самыхъ краевъ лодки, но только что хотѣли отчаливать, какъ мужики подняли страшный крикъ и со всѣхъ барокъ бросились къ лодкѣ съ баграми. Попробывали было тѣ дать тягу, но плотно нагруженная лодка плохо подвигалась впередъ. Мужики, давно сердитые на подобныхъ гостей, распорядились съ ними очень просто: они окружили лодку и баграми потопили ее вмѣстѣ съ людьми и со всѣмъ грузомъ.

Такъ погибъ главный герой Порѣчны, Иванъ Семенычъ Огородниковъ.

ГРАЖДАНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИРКУТСКАГО КРАЯ,

IV.

Въ предъидущей главѣ я старался доказать, что улучшение матеріальнаго благосостоянія людей есть главное, основное средство для уменьшенія числа преступленій. То же средство служить и для улучшения нравственности уже наказанныхъ преступниковъ. При карательной системѣ, гдѣ общество является мстителемъ, гдѣ воздается кровь за кровь, око за око и зубъ за зубъ, существуетъ совершенно обратный взглядъ на дѣло. Тамъ наказаннаго стараются заставить испытывать всевозможныя лишенія; тамъ намѣренно роняютъ уровень матеріальныхъ потребностей человѣка, тамъ человѣка, привычнаго къ говядинѣ и молоку приучаютъ къ хлѣбу и капустѣ; тамъ того, кто спалъ на голыхъ доскахъ, приучаютъ спать на землѣ; тамъ человѣка, привыкшаго только къ колотушкамъ, приучаютъ къ розгамъ и палкамъ. Такое матеріальное перевоспитаніе изъ человѣка горячаго дѣлаетъ озлобленнаго, изъ виноватаго по случаю—злодѣя по расчету. Привыкнувъ ко всему дурному и зная, что хуже того, что онъ испыталъ, придумать ничего нельзя, человѣкъ, доведенный систематически до состоянія дикато звѣря, такъ и останется звѣремъ. Онъ былъ лучше, когда ему было лучше, и сталъ хуже, когда ему стало хуже. Завися отъ обстоятельствъ, онъ и дѣйствуетъ, какъ велятъ ему обстоятельства. Въ то время, какъ карательная система была у насъ въ большемъ ходу, пріѣхалъ въ восточную Сибирь на ревизію какой-то сенаторъ. Въ Иркутскѣ въ то время существовалъ еще ремесленный домъ, гдѣ работали ссыльные. Многіе изъ нихъ уже обзавелись домами и жили отдѣльной свободой, другіе жили въ острогѣ. Матеріальное благосостояніе ихъ уже поднялось значительно, явились вещи, неизвѣстныя въ быту арестантовъ,

и на полкахъ въ камерахъ стояли даже самовары. Сенаторъ очень разсердился на это и даже спросилъ зрителя острога: «это что значитъ? Такъ-то они живутъ у васъ?..» Послѣ ревизіи многіе изъ арестантовъ были раззорены совсѣмъ. Приведу одинъ примѣръ. Въ числѣ ремесленниковъ-арестантовъ былъ кузнецъ, сосланный въ каторгу на 20 лѣтъ. Въ каторжную работу отправленъ онъ не былъ, а приписанъ къ ремесленному дому. Здѣсь онъ работалъ уже 19 лѣтъ, женился, имѣлъ дѣтей, приучалъ ихъ къ ремеслу, завелъ домъ и хозяйство. Сенаторъ нашелъ, что начальство не имѣло права оставлять такого злодѣя въ ремесленномъ заведеніи, а должно было отправить его въ каторжную работу въ рудники, и кузнеца отправили въ Нерчинскій заводъ. Человѣкъ, точно, наказали этимъ, потому что его раззорили, но вмѣстѣ съ нимъ наказали и все его семейство, рѣшительно ни въ чемъ виноватое. Люди, какъ муравьи, трудились 19 лѣтъ, чтобы сложить себѣ хозяйство, но вотъ пришелъ глупый человѣкъ и разбросалъ по вѣту всю муравьиную кучу. Кузнецъ не сталъ отъ этого хуже: черезъ три года онъ воротился, чтобы снова улаживать раззоренный домъ, но развѣ не этимъ путемъ создаются озлобленные люди? Кузнецъ былъ уже немолодъ для шатанья по дорогамъ, онъ привыкъ къ семьѣ, къ домовитости и находилъ такую жизнь удобнѣе острожнаго заключенія, или сну въ полѣ подъ открытымъ небомъ. Но человѣкъ, менѣе установившійся въ удобствахъ жизни, человѣкъ холостой легко пошелъ бы въ бродяги; а тамъ, можетъ быть, въ воры и разбойники. Статистика восточной Сибири не говоритъ ничего, насколько эта сенаторская ревизія способствовала исправленію нравственности ссыльныхъ и каторжныхъ, а нужно полагать, что она осталась не безъ вліянія.

Чтобы человѣкъ не могъ переносить дурного, нужно, чтобы онъ привыкъ къ хорошему. Съ этого и должно начинаться исправленіе штрафованныхъ людей. Ихъ нужно всѣми силами поднимать выше того матеріальнаго уровня, до котораго ихъ уронила острожная жизнь и вутешествіе въ партіи арестантовъ. Предположеніе *возить* арестантовъ до мѣста ссылки принесетъ имъ огромную нравственную пользу и прежде всего тѣмъ, что уменьшитъ время празднаго путешествія пѣшкомъ, отучающаго человѣка отъ труда. Но и эта мѣра можетъ неудаться въполнѣ, если она выйдетъ для арестантовъ не облегченіемъ, а наказаніемъ. Если, какъ было писано въ одной журнальной статьѣ, для перевозки устроить дилижансы, гдѣ каждый арестантъ будетъ сидѣть въ особой клѣткѣ, то этимъ накажутъ не только арестантовъ, но и всѣхъ

ямщиковъ и почтовыхъ лошадей, которымъ придется возить фургоны. Фургоны сколотятъ, разумеется, прочнѣе; на желѣзо не поскупятся, а въ такомъ случаѣ каждый такой экипажъ, рассчитанный на 10 пассажировъ, потянетъ пудовъ сто, а со всей живой кладью, арестантскими вещами, ящиками и конвойными, не менѣе пудовъ полутора. Для сибирскихъ дорогъ и сибирскихъ обывательскихъ лошадей такой экипажъ будетъ весьма непрактиченъ, потому что подъ него потребуется въ хорошую дорогу отъ 5 до 6 лошадей, а въ распутицу лошадей 8 или 10. При такомъ большомъ числѣ лошадей, онѣ будутъ только путаться и вся тяжесть падетъ на дышловыхъ, которыя будутъ пропадать, какъ послѣ скорой ѣзды сердитаго курьера. Трудность перевозки поднять цѣну доставки и если расходъ этотъ отнесется на счетъ земскихъ сборовъ, — что разумеется и будетъ, — въ такомъ случаѣ крестьянамъ прибавится еще новая тягость. И для арестантовъ путешествіе въ дилижансахъ не представитъ тоже ничего плѣнительнаго. Карета будетъ разумеется тѣсна, по крайней мѣрѣ не такъ свободна, чтобы человекъ могъ вытянуть вполнѣ ноги и разнообразить положеніе тѣла; если же къ этому арестантъ будетъ сидѣть съ кандалами на ногахъ, то путешествіе выйдетъ совершенной пыткой. Зимой кандалы страшно холодятъ ноги до ломоты костей, и при скудной одеждѣ арестанту невозможно будетъ отогрѣть коченѣющіе члены; лѣтомъ же, отъ тряски, кандалы набиваютъ ноги. Такимъ образомъ арестантъ будетъ страдать отъ кандаловъ и отъ невозможности расправить истомленные ѣздой члены. Неудобство ѣзды сдѣлаетъ то, что арестанты станутъ смотрѣть съ отвращеніемъ на дилижансы и, разумеется, будутъ стараться отдѣлаться отъ путешествія, какъ они отдѣлываются отъ тюрьмъ — побѣгами. А лишъ бы только арестантъ захотѣлъ убѣжать, онъ убѣжить непремѣнно.

Было бы проще сдавать перевозку арестантовъ купцамъ, занимающимся доставкой товаровъ. Арестантовъ повезли бы также, какъ товаръ, по 6 р. съ пуда, отъ Петербурга или Москвы до Иркутска. Доставка одного арестанта съ пищей въ пути обошлась бы не дороже 30 р. Но ихъ везли бы, разумеется, не въ дилижансахъ, а въ обыкновенныхъ телегахъ и зимнихъ повозкахъ, по четыре человека на одну лошадь. Для арестантовъ этотъ способъ переезда былъ бы гораздо спокойнѣе и удобнѣе. Для надзора въ пути могли бы быть даны конвойные, хотя въ особенно строгомъ надзорѣ и въ запираньи арестантовъ за желѣзными засовами нѣтъ особенной необходимости. Если посмотрѣть

на этихъ здоровыхъ молодцовъ, съ кандалами на рукахъ и на ногахъ, идущихъ въ числѣ партій арестантовъ, и сравнить ихъ съ нехитрымъ воинствомъ ихъ конвоирующимъ, то первый являющийся вопросъ состоитъ въ томъ: что мѣшаетъ партіи, состоящей иногда изъ 300 человекъ, разогнать своихъ караульныхъ и разбѣжаться? А между тѣмъ этого не бываетъ. Не бываетъ по двумъ причинамъ: по недостатку рѣшимости на подобную штуку и потому, что арестанты знаютъ, что ихъ переловятъ. Можетъ быть, переловятъ и не всѣхъ, но кто же знаетъ впередъ, кого именно не поймутъ? Таже боязнь удержать арестантовъ отъ побѣговъ и изъ транспортовъ. Впрочемъ, при неувѣренности, что арестанты будутъ доставлены на мѣсто въ полномъ числѣ, можно для приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ устроить небольшія запирающіяся на замкахъ повозки, одну на четыре человекъ, въ одну лошадь и безъ перегородокъ, а поселенцевъ везти въ обыкновенныхъ повозкахъ, перемѣняемыхъ на каждой станціи. Поселенцу бѣжать нѣтъ расчета, потому что его будущее вовсе не мрачно. Такой способъ отдачи доставки съ торговъ частнымъ лицамъ избавилъ бы казну отъ многихъ хлопотъ, неизбежныхъ при казенномъ препровожденіи арестантовъ и содержаніи ихъ въ пути.

Улучшеніе арестантскаго быта въ острогахъ должно принести тоже огромное вліяніе на улучшеніе нравственности преступниковъ. Въ Иркутскихъ вѣдомостяхъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ данныхъ для разъясненія этого вопроса. Онѣ не говорятъ ничего, насколько увеличивается смертность въ острогахъ и насколько люди становятся лучше, или хуже отъ тюремнаго заключенія. Впрочемъ, при карательной системѣ вопросъ этотъ и не имѣетъ важности. Отсидѣлъ человекъ въ острогѣ 3 года, отработалъ въ каторгѣ 10—15 лѣтъ, дѣло и кончилось. А сталъ ли человекъ отъ того лучше, до этого смотрителю нѣтъ никакого дѣла, потому что если освобожденный задумаетъ напалить, его снова отстегаютъ плетью и снова посадятъ въ острогъ. При простотѣ этой системы она удобна тѣмъ, что отъ смотрителя требуетъ только одного—умѣнья пересчитать всѣхъ арестантовъ. Но въ этой простотѣ и заключаются всѣ ея недостатки. Имѣя цѣль одну—наказаніе, смотритель, какъ ближайшій исполнитель, даже при самомъ скудномъ умѣ, легко можетъ определить что хорошо, что дурно. Хорошимъ, въ смыслѣ точнаго исполненія тюремной обязанности, будетъ все то, что ухудшаетъ матеріальное положеніе арестанта, а дурнымъ все то, что облегчаетъ участь заключеннаго. Поэтому дурная и голодная пища лучше хорошей и нитательной,

грубое обращеніе лучше ласковаго, грязь лучше чистоты, холодъ и сырость лучше тепла и спертый воздухъ лучше воздуха чистаго. Всѣ эти дурныя качества до того присущи всѣмъ острогамъ и тюрьмамъ, что дурную, темную, сырую и холодную квартиру называютъ метафорически всегда тюрьмой. Это сравненіе извѣстно даже дѣтямъ, невидѣвшимъ можетъ быть никогда настоящей тюрьмы.

Вліяніе подобныхъ мѣстъ заключенія на здоровье арестантовъ весьма разрушительно. Къ сожалѣнію, ни «Иркутскія вѣдомости», ни вообще русскія статистики не сообщаютъ по этому вопросу никакихъ свѣдѣній, и десятки лѣтъ пропали въ восточной Сибири совершенно даромъ, безъ всякихъ наблюденій.

Изъ наблюденій, сдѣланныхъ за границей, извѣстно, что заключенныхъ умираетъ четверо противъ людей свободныхъ. У людей свободныхъ смертность въ 4% начинается только съ 63 лѣтняго возраста, изъ чего и слѣдуетъ, что галеры сокращаютъ жизнь на 32—33 лѣтъ. Въ центральныхъ тюрьмахъ Франціи смертность еще сильнѣе, чѣмъ на галерахъ. Въ тюрьмахъ приходится въ годъ среднимъ числомъ 5,5 смертныхъ случаевъ на 100 заключенныхъ, при среднемъ возрастѣ 30—86 лѣтъ. Между свободными людьми этого возраста смертность составляетъ только 1%. Подобная сильная смертность между свободными начинается только въ 67 лѣтнемъ возрастѣ; слѣдовательно, жизнь заключенныхъ сокращается на 36 лѣтъ. Женщины переносятъ легче заключеніе и смертность между ними въ тюрьмахъ слабѣе, чѣмъ между мужчинами на галерахъ. При среднемъ возрастѣ 32—84 лѣтъ средняя смертность между женщинами составляетъ 3,95%, свободныя же женщины имѣютъ въ этомъ возрастѣ смертность равную 1,10. Такимъ образомъ въ то время, когда умираетъ 20 свободныхъ человекъ, изъ числа заключенныхъ умираетъ: въ центральныхъ тюрьмахъ 100 мужчинъ, 70 женщинъ и 76 ссыльныхъ галерныхъ.

Смертность между галерными несоизмѣрно велика въ первый годъ. Продолжительность заключенія не оказываетъ никакого замѣтнаго вліянія на увеличеніе смертности, но смертность между заключенными въ первый разъ гораздо больше, чѣмъ между заключенными не въ первый разъ. По роду прежнихъ занятій заключенныхъ, смертность распределяется такъ: сильнѣе всего мрутъ земледѣльцы, солдаты, бродяги и нищія; а меньше всего смертность между заключенными городскими ремесленниками, которые вели сидячую жизнь.

О влияніи одиночнаго заключенія на жизнь и здоровье арестантовъ не сдѣлао еще достаточныхъ наблюденій.

И у насъ замѣчено тоже, что люди, привыкшіе къ кочевой жизни, какъ киргизы или калмыки, переносятъ съ трудомъ острожное заключеніе и нерѣдко въ теченіе года впадаютъ въ сильную легочную чахотку. Причина, почему бродяга, привыкшій къ воздуху лѣсовъ и полей, употребляетъ всѣ свои силы, чтобы вырваться изъ острога съ наступленіемъ весны, заключается въ томъ же. Его организмъ зимой переноситъ легче острожныя міазмы, но весной, когда легкія его только разъ дохнули свѣжимъ воздухомъ, заключеніе въ душномъ острогѣ становится невыносимымъ. Тутъ дѣйствуетъ чисто физиологическая причина: какъ голодъ принуждаетъ человѣка украсть съѣстное, если онъ не можетъ добыть ѣды иначе, такъ точно и бродяга бѣжитъ весной изъ острога, потому что только при этомъ условіи заключенный получить количество воздуха, необходимое для возстановленія его упавшихъ силъ.

Эти факты указываютъ достаточно, насколько тюремное заключеніе, ведущее къ упадку силъ, къ разстройству здоровья и къ ускоренной смерти, нельзя считать мѣрой, удовлетворительной для исправленія нравственности заключенныхъ. Тюрьма есть тѣлесное наказаніе, можетъ быть, болѣе ужасное, чѣмъ кнутъ и плети, потому что она прямо подтачиваетъ человѣческую жизнь и для людей привыкшихъ къ свободному, степному воздуху, составляетъ настоящую пытку, нисколько неотличающуюся отъ пытки жаждой, возбуждаемой кормленіемъ селедками. Къ недостатку воздуха присоединяется еще отсутствіе достаточнаго мѣстнаго и дурная пища. Подобное искусственное увеличеніе смертности едва ли входитъ въ соображеніе закона, желающаго карать преступника. А для государства подобная система дѣйствій нерасчетъ потому, что кромѣ усиленаго уменьшенія народонаселенія, освобожденные становятся не лучше, а скорѣе хуже.

Въ этомъ же смыслѣ сомнительна у насъ польза и одиночнаго заключенія. Въ ней нѣтъ ничего способнаго исправить испорченнаго человѣка, потому что она—пытка, съ которой несорвнется никакіе дыбы, никакое стѣненіе салными свѣчами. Человѣкъ только исчахнетъ въ тюрьмѣ, онъ проклянетъ своихъ мучителей тюремщиковъ, судей, приговорившихъ его къ такому наказанію, и общество, придумавшее подобную пытку.

Въ отношеніи опытовъ надъ исправленіемъ преступниковъ ни одно государство не находится въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ Россія. Главная наша выгода въ томъ, что мы можемъ обойтись совер-

шенно безъ тюремнаго заключенія. Заключеніе можетъ имѣть у насъ только одну цѣль—разъединеніе судимаго отъ сообщества людей, которые бы помѣшали раскрытію истины и удобство надзора надъ осужденнымъ до исполненія приговора. Такое мнѣніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Люди дѣлаютъ проступки и преступленія или потому, что они бѣдны, или по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, или по горячности. Истинные злодѣи, убивающіе съ наслажденіемъ, рѣдки. Всѣ эти преступники не столько народъ дурной, сколько народъ изболтавшійся, привыкшій къ крайне безпорядочной жизни. Слѣдовательно, имъ нужно дать возможность подняться выше того матеріальнаго уровня, до котораго они опустились. Эту возможность представляетъ Сибирь, гдѣ человѣкъ мало-мальски порядочный можетъ найти легко заработокъ весьма значительный. Легкость заработка важна въ этомъ случаѣ тѣмъ, что можетъ приучить человѣка къ труду легко и постепенно. Этого удобства не представляетъ Россія, гдѣ средства для существованія даются съ большей потерей силъ и гдѣ работу найти труднѣе. Въ Сибири напротивъ дѣлятся чрезвычайно высоко всѣ свободныя руки и каждому, вновь приходящему рабочему, страна рада, потому что на каждомъ шагѣ она испытываетъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Но человѣкъ явившійся сюда внезапно и спущенный съ арестантской повозки на всѣ четыре стороны, рискуетъ или умереть съ голоду или долженъ начать воровать. Нельзя бросить человѣка на произволъ судьбы въ мѣстности для него совершенно незнакомой. Хорошо еще если у него найдутся деньги на первое время; а если денегъ нѣтъ? Навѣяться въ работу не къ кому. Руки здѣсь дѣлятся точно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждый поселенецъ принимается съ распростертыми объятіями и найдетъ себѣ работу въ первомъ попавшемся ему домѣ. Я знаю факты, гдѣ сосланные люди дѣйствительно прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ, какъ это оказывалось впоследствии, выпущенные на свободу, по прибытіи съ партіей, ходили бесполезно изъ дома въ домъ, прося работы. Обносившись въ пути, ссыльный имѣлъ нѣсколько нищенскій, подозрительный видъ, и всякій, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, давалъ одинъ отвѣтъ—нѣтъ работы. Наконецъ, послѣ трехъ дней бесплоднаго шатанья по городу новый житель Иркутска пристроился на какомъ-то кирпичномъ заводѣ.

Чтобы человѣкъ съ перваго дня по прибытіи въ новый для него край, не впалъ въ соблазнъ надѣлать какихъ нибудь шамостей, надо

поставить его въ возможности подобнаго соблазна. А для этого всѣхъ ссыльныхъ необходимо сортировать по роду избранныхъ ими занятій. Кузнецовъ пристроивать къ кузницамъ, плотниковъ къ плотничьему дѣлу, каретниковъ къ экипажнымъ мастерамъ, земледѣльцевъ къ пашни и черноработчихъ или землекоповъ къ землянымъ работамъ. Съ тѣхъ поръ какъ золотопромышленность стала переходить здѣсь въ частныя руки и стала оттягивать работниковъ отъ пашни, такъ называемая каторжная работа должна потерять свое значеніе. Каторжнымъ въ рудникахъ здѣсь дѣлать нечего, потому что рудниковъ не существуетъ, и вольные рабочіе исполняютъ теперь ту же каторжную работу, получая за нее вольную плату. Даже на казенныхъ промысловыхъ работахъ каторжные, окончившіе срокъ тюремнаго заключенія, посажены на задѣльную плату. Такимъ образомъ экономическія условія положили начало реформѣ въ системѣ наказанія; остается сдѣлать только небольшія измѣненія, чтобы вся система наказаній получила иной видъ; потому что частныя промыслы развиваются все болѣе и болѣе, а казенные упадаютъ. Очевидно, что и людей, присылаемыхъ сюда для доставленія имъ средствъ существованія и для предупрежденія шатанья по большимъ дорогамъ нужно пристроивать къ частнымъ промысламъ. Пристроиванье это необходимо потому, что въ настоящее время работа на частныхъ промыслахъ есть чистое бродяжничество. Нанявшійся рабочій, получивъ задатокъ и обыкновенно пропивъ его, отправляется пѣшкомъ за 1, 2 и даже 3 тысячи верстъ. Отработавъ и получивъ расчетъ, онъ растрчиваетъ всѣ полученные деньги въ первомъ селеніи съ кабакомъ, и затѣмъ шатается неизвѣстно гдѣ. Иногда приходитъ къ себѣ въ деревню, а иногда и нѣтъ. Когда начинаются новыя наймы, онъ опять получаетъ задатокъ, опять бредетъ на пріискъ, опять пропиваетъ всѣ свои деньги и опять отправляется шататься. Такая жизнь можетъ испортить и недурного человѣка, если въ немъ есть склонность къ веселой жизни. Разгулъ между рабочими является потому, что у большой части изъ нихъ нѣтъ осядлости. Поселенецъ считается въ какой нибудь волости только номинально, а въ сущности онъ болтается весь свой вѣкъ, предпочитая веселую жизнь работника на промыслахъ скучной деревенской жизни. Не имѣя осядлости и семьи, человѣкъ не видитъ причины держать или копить деньги. А получая сравнительно съ своими потребностями и привычками суммы несмѣтныя, рабочій кидается во всякія сумазбродства. Рабочій на промыслахъ можетъ заработать въ лѣто отъ 200 до 300 рублей. Для человѣка, привыкшаго

спать на голой землѣ и питаться чернымъ хлѣбомъ съ квасомъ и рѣд-кой, триста рублей—капиталъ огромный. Семья у человѣка нѣтъ, дома тоже и вотъ онъ тратитъ ихъ на то, на что семейный человѣкъ тра-титъ бы не сталъ своихъ денегъ. Кромѣ безмѣрныхъ расходовъ на водку и угощеніе всякого, кромѣ того, что у него украдутъ въ пья-номъ видѣ, нѣкоторыя широкія натуры дѣлаютъ расходы совершенно подобные тѣмъ, какими русскіе купцы поражали въ Парижѣ францу-зовъ. Рабочему вдругъ придетъ мысль ѣхать лѣтомъ на саяхъ. На-нимается тройка, пьяный рабочій разваливается въ пошевняхъ и ѣдетъ до перваго селенія. Или покупаетъ въ лавкѣ кусокъ ситцу, вытянетъ его за конецъ по улицѣ, такъ чтобы онъ легъ дорожкой, пройдетъ по штукѣ и броситъ. Непьющій, увлеченный общимъ разгуломъ, купить ведро вина, вылить въ лахань, вымоетъ ноги и опрокинетъ лоханку. Такая размашистость происходитъ исключительно оттого, что у людей нѣтъ нигдѣ корней; въ Россіи у человѣка былъ домъ, была можетъ быть семья, но его оторвали отъ нея; въ Сибири приписали его къ волости, въ которой ему одинокому дѣлать нечего, и затѣмъ дали пас-портъ на всѣ четыре стороны. Подобное бродяжничество кончится, когда людей, нежелающихъ заниматься земледѣліемъ, вмѣсто приписки къ во-лостямъ, будутъ поселять на промыслахъ, въ родѣ того, какъ водво-ряютъ рабочихъ на казенныхъ пріискахъ нерчинскаго округа. На про-мыслахъ найдется занятіе и кузнецамъ, и слесарямъ, и столярамъ, и плотникамъ, и черноработчимъ. Этимъ средствомъ въ глухихъ мѣстахъ создадутся населенія, гдѣ явится непременно промышленность и тор-говля, потому что народъ получитъ порядочныя средства, которыми въ состояніи будетъ удовлетворить потребности пить чай, ѣсть го-вядину и рыбу, и носить сапоги и ситцевую рубашку. Такъ называе-мые каторжные могутъ быть обязаны срочной работой за задѣльную плату и подчинены болѣе строгому полицейскому надзору, чѣмъ осталь-ные. Первое поколѣніе, можетъ быть, и не выкажетъ особенныхъ спо-собностей къ благоустроенной гражданской жизни, но второе поколѣніе будетъ ужъ разумѣется хорошо. Справедливость этой мысли подтверж-даетъ такъ называемый въ Иркутскѣ рабочій или ремесленный домъ. Дома въ настоящее время никакого нѣтъ, а такъ называется цѣлая подгородная слобода, которую отдѣляетъ отъ города рѣчка Ушаковка. Въ 1799 г. генераль-губернаторъ Лещано задумалъ, для развитія ре-меслъ въ Иркутскѣ, воспользоваться ссыльными. Такъ какъ многіе изъ нихъ, не имѣя никакихъ средствъ, не могли обзавестись ни ремеслен-

ными инструментами, ни обратиться къ незнакомому имъ земледѣлю, то Леццано и устроилъ ремесленный домъ. Ссылные занимались мастерствами: столярнымъ, кузнечнымъ, шорнымъ, обойнымъ, малярнымъ, экипажнымъ, токарнымъ, портняжнымъ, слесарнымъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Если Иркутскъ имѣетъ въ настоящее время ремесленниковъ по всѣмъ этимъ производствамъ, то обязанъ исключительно Леццано. Но этого еще мало; теперь ремесленный домъ составляетъ слободу дворовъ въ четыреста и въ каждомъ домѣ живетъ или столяръ, или маляръ, или кузнецъ, или экипажный и другой мастеръ. Вся слобода эта чисто ремесленная, многіе живутъ весьма зажиточно, имѣя по нѣсколько комнатъ оклеенныхъ обоями, съ мебелью, ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а жннь наряжаютъ въ атласные салоны. Я былъ во многихъ домахъ и вездѣ встрѣчалъ весьма порядочныхъ людей, даже съ свѣтскимъ лоскомъ; а между тѣмъ это все дѣти ссылки-каторжныхъ.

Для ремесленниковъ, или людей желающихъ учиться ремесламъ, могли бы быть устроены ремесленные заведенія. Въ восточной Сибири, не смотря на ея скотоводство, нѣтъ кожъ, и сапоги для крестьянъ привозятся за тысячи верстъ; здѣшній крестьянинъ носитъ все покупное, начиная съ штановъ и рубашки до кафтана. Слѣдовательно очевидно, что устройству поселеній, гдѣ бы приготовлялись кожи, сапоги, башмаки, рукавицы, сукна, холсты и набивныя бумажныя матеріи, принесло бы огромную пользу мѣстному населенію, а изъ ссылныхъ, бродячаго народа, котораго нужда заставляетъ слоняться вѣчно, сдѣлало бы осѣдлыхъ и домовитыхъ людей. Неудачные опыты съ разными казенными фабриками, бывшими въ Сибири, указываютъ только, что дѣло это должно быть ведено не на казенномъ началѣ. Лучшая форма есть ассоціація самихъ рабочихъ, находящихся подъ надзоромъ въ родѣ того, какъ дѣйствовалъ ремесленный домъ Леццано. Пособія на устройство заведеній съ уплатой въ разсрочку самими рабочими изъ вырученной суммы, отъ продажи издѣлій, были бы необходимо отъ казны, потому что только при этомъ условіи и возможно устройство подобныхъ производствъ. Тюмень съ окрестными деревнями плѣняетъ же всѣхъ своими кожевенными производствами и коврами, своей промышленной оживленностью, а восточная Сибирь и особенно Забайкалье, наводятъ уныніе своей мертвенностью и отсутствіемъ всякой промышленной дѣятельности. Но было время, когда Тюмень не отличалась большей оживленностью, чѣмъ нынѣ Забайкалье; было время, когда Иркутскъ

не имѣлъ кузнецовъ, слесарей и столяровъ. Сибирь всѣми своими ремесленными производствами обязана русскому народу; но народъ этотъ безъ средствъ, безъ возможности слѣдить за развитіемъ своего ремесла, безъ возможности пріобрѣсти даже хорошіе инструменты и безъ капиталовъ на обзаведеніе, и дѣйствуя вразбросъ, только тратилъ свои силы и съ большими усиліями достигалъ самыхъ жалкихъ результатовъ. Концентрировать эти силы, дать имъ средства полного развитія, устроить человѣку осѣдлость и домъ, въ которомъ бы онъ устроился и пустилъ корни и улучшилъ свой бытъ—вотъ система, при которой бродяга и шатунъ установится и человѣкъ разгульной жизни остепенится. Послѣ 1812 г. какой-то плѣнный французъ сталъ плести деревянныя шляпы и разныя коробочки въ одной изъ деревень калужской губерніи, а теперь вся деревня живетъ этимъ промысломъ. Этимъ же путемъ развивалось ткацкое производство въ рязанской и владимірской губерніяхъ. Въ нижегородской цѣлыя деревни работаютъ деревянную посуду и стальныя издѣлія. Начало подобнымъ же развитіямъ производствъ цѣлыми селеніями можно положить и въ Сибири, и если исправленіе нравственности людей, признанныхъ виновными уголовнымъ судомъ, повести на этомъ началѣ, то у каждого ссыльнаго явится свое гнѣздо, и образуются въ Сибири цѣлыя промышленныя селенія. Первое время, можетъ быть, они и будутъ имѣть нѣсколько исправительный характеръ, но изъ второго поколѣнія выйдетъ уже то, что представляетъ теперь иркутская ремесленная слобода.

Если нынѣшніе каторжники остаются вѣчными оборванцами и пьяницами, то только потому, что работа не даетъ имъ никакихъ средствъ для улучшенія своего быта. Нужно, чтобы ссыльный работалъ, какъ свободный человѣкъ, получая полное вознагражденіе за свой трудъ. Люди, которые въ наказанномъ преступникѣ хотятъ видѣть непремѣнно человѣка, истомленнаго всякими лишеніями и искалеченнаго побоями и наказаніями, скажутъ, что подобная заботливость о ссыльномъ будетъ преміей, что въ Россіи жизнь многихъ тысячъ крестьянъ будетъ хуже и они изъ расчета станутъ дѣлать преступленія, чтобы очутиться на пенсіонѣ въ сибирскомъ ремесленномъ заведеніи или на золотыхъ промыслахъ. Но во-первыхъ, это не такъ, потому что людей будетъ кормить не Сибирь, а собственный ихъ трудъ, и для страны выгоднѣе имѣть людей трудящихся, чѣмъ бродягъ и пьяницъ; во-вторыхъ, государство не выигрываетъ оттого, что въ немъ есть люди истомленные нуждой и отпущенные безъ поддержки на всѣ четыре стороны, потому

что такіе люди, впадая легко въ разныя погрѣшности, будутъ грозить постоянно общей безопасности и дадутъ полиціи и судамъ лишнюю работу; въ-третьихъ, если ссыльнымъ въ Сибири сдѣлается такъ хорошо, что быть ихъ будетъ приманкой для російскаго народа, то что же мѣшаетъ улучшить положеніе русскихъ въ такой степени, чтобы нѣ стало еще лучше, чѣмъ сибирякамъ?

А развѣ принудительное переселеніе и обязательный трудъ не будутъ служить наказаніемъ весьма чувствительнымъ? Если же между поселенцами найдутся такіе неблагоразумные и нерасчетливые люди, которые позволятъ себѣ новыя шалости, то для такихъ могутъ быть учреждены особыя исправительныя колоніи, или въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири, или на островахъ, чтобы преградить возможность побѣговъ.

У.

Купечество.

Похвалы любятъ только дѣти да не развитые люди. Когда пришло время дѣлать дѣло, лѣстить другъ другу незачѣмъ, а нужно указывать на факты, убыточные для общества, и на причины, создающія ихъ. Поэтому, говоря о сословіяхъ Иркутска, я скажу только объ ихъ невыгодныхъ сторонахъ.

Купечество Иркутска и восточной Сибири все русскаго происхожденія; изъ туземцевъ купцовъ нѣтъ. Большая часть иркутскихъ купцовъ вышли изъ крестьянъ вологодской губерніи, изъстарн забравшихся въ Сибирь. Въ Сибирь привлекали ихъ, разумѣется, выгоды торговли съ сибирскими жигелями, нуждавшимися во всѣхъ фабричныхъ издѣліяхъ. Если и нынче сибиряку нужно привести все изъ Россіи, начиная отъ спичекъ до рубашки, то лѣтъ за 100 или за 50 здѣшній чело-вѣкъ нуждался еще больше во всемъ. Смѣльчаки ходили въ Сибирь съ красными товарами, мѣняли ихъ на пушной товаръ, продавали на деньги и обыкновенно, совершивъ нѣсколько подобныхъ путешествій, возвращались домой на-старость. Другіе оставались въ Сибири, женились и устроивали постоянную мѣстную торговлю. Способы, которыми люди

оставляли себя состояніе, были весьма различны. Въ однихъ видна изобретательность ума и находчивость, другіе не отличались особенной изобретательностію. Сколько было правды и неправды въ пріемахъ перваго поколѣнія купцовъ, неизвѣстно; но второму поколѣнію богатѣть было легче. Обыкновенно разбогатѣвшій дѣдушка, или прадѣдушка выписывалъ изъ Россіи своихъ внуковъ и родственниковъ, дѣлалъ ихъ у себя прикащиками и сидѣльцами и выводилъ въ купцы. Но случалось, что внуки и племянники выходили въ богатые люди и своими умышл. Главнымъ условіемъ была извѣстная степень жесткости и безпощадное, неуклонное преслѣдованіе своей цѣли. Все средства большею частью были хороши, если только ими наживалась копѣйка. Истинная чувствительность не годилась для этого, и люди пылкіе и увлекающіеся обыкновенно не набивали себя кармана; если же имъ и случалось разбогатѣть, то богатство уходило на пьянство, игру въ карты и на расходы, на которые такъ изобрѣтательны сырыя, широкія натуры. Такъ случалось, что разбогатѣвшій человекъ игралъ въ банкъ по трое сутокъ. Пьяный лежитъ онъ на диванѣ въ одной комнатѣ, у дверей стоитъ прикащикъ, а банкъ мечутъ въ другой комнатѣ. — Даму прикажете поставить? спрашиваетъ прикащикъ. — Ну ее, — туза! Туза поставленъ и убитъ; потомъ прикащикъ поставитъ даму, или что вздумается ему, или его пьяному хозяину; и хозяинъ, послѣ трехъ дней и ночей занятія подобнымъ дѣломъ, совершенно доволенъ собой и даже служилъ предметомъ удивленія менѣе богатыхъ купцовъ и купеческихъ прикащиковъ. Или пьяный богачъ, развалившись въ креслѣ, бержить подъ ногой кипу ассигнацій и, вполне довольный собой, проигрываетъ ее въ тотъ же банкъ. Это были натуры мягкосердечныя, увлекающіяся, тщеславныя и широкія. Изобрѣтательность, съ какою люди умѣли тратить деньги, доходила дѣйствительно до виртуозности. Разъ купецъ — впрочемъ это уже золотопромышленникъ — ѣхалъ на свадьбу къ своему сыну, вереть за тысячу. Ѣхалъ онъ въ одной повозкѣ, а за нимъ еще пять и въ каждой по два прикащика. Къ чему же понадобились прикащики? У каждого за пазухой лежало по двѣ бутылки шампанскаго. Это средство считалось въ тѣ времена единственнымъ средствомъ возить шампанское зимой и употреблялось не совсѣмъ рѣдко. Такъ, если на купеческой свадьбѣ выпивалось все шампанское, бывшее въ городѣ, то отряжались на почтовыхъ нѣсколько прикащиковъ въ ближайшій городъ, чтобы привести шампанское за пазухой. Деньги тратились преимущественно на карты и пьянство. Въ Кахтѣ напримѣръ ни одни имянины

не обходился без ящика шампанскаго; без повара не было ни одного дома; прислуга у купца, прикащика, мальчика, — толкается в передней, как у помѣщика дворян; у некоторых кушавъ запрагалось въ день до 9 разсыльных лошадей. Пьянство и карты доходили до соответственнаго размѣра. Въ стуюлку проигрывали по 10 п. р. въ вечеръ, даже жены проигрывали рублей по пятисотъ въ вечеръ. А Кяхта отличается большимъ сравнительно свѣтскимъ доскомъ, особенно жонглины; выписывается много книгъ и журналовъ; есть клубъ. Въ Кяхтѣ случались кутежи баснословные. И все это только потому, что сданы у людей много, нервы крѣпкіе, какъ каматы, кровь ходитъ быстро, а дѣла никакого. Въ Кяхтѣ напримѣръ, дѣло бываетъ только въ февралѣ мѣсяцѣ, въ это время только вытѣнивается и отправляется товаръ; затѣмъ остальные 11 мѣсяцевъ — занятій никакихъ. Что же дѣлать людямъ? Читать постоянно скучно, писать — нечего, толковать о китайскихъ дѣлахъ, или о политикѣ Наполеона совершенно бесполезно, и люди посвящаютъ все свое время стуюлкѣ, шампанскому и тому подобнымъ потѣхамъ. Хорошо ли это или дурно, всякій понимаетъ по своему; но несомнѣнно, что человекъ потому только и проводитъ свое время за стуюлкой, что нѣтъ остальныхъ занятій не въ состояніи удовлетворить потребностямъ его ума и сердца.

Люди жесткіе бывали менѣе рѣшительны въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ; они не отличались качествами торговыхъ натуръ, но ихъ способъ представлялъ больше, какъ низъ казалось, вѣроятій на успѣхъ. Многие изъ нихъ шли въ своей дѣлѣ весьма медленно; тѣмъ плохѣе, жили бѣдно, торговали лѣтъ 30—40 всякими невѣданными товарами, преимущественно бумажными — дансь, даба, ситецъ недорогой, ниткамъ, кумаки, дешевое крестьянское сукно, — и составляли большіе состояніе. Разсчитываться съ людьми этого склада было трудно. Бывали изъ нихъ торговые люди, которые обчитывать и не додавать ввели въ принципъ. Имѣешь ли ты дѣло съ кучеромъ, не додай ему гривенникъ; лакею не додай пятьдесятъ копѣекъ; покупателю тоже не додай въ сдачѣ, — вотъ какъ деньги наживай. Для такого человека обчитать было святымъ дѣломъ. Онъ обчитывалъ всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, начиная съ кунна. Задерживать изъ платежа хоть копейку составляло для него дѣло совѣсти, потому что изъ копѣекъ выходятъ рубли. А случалось, пошлютъ къ нему изъ другой лавки за долгомъ, копѣекъ въ тридцать, купецъ обижается, кричитъ посланному съ сердцемъ: — какъ ты смѣешь меня безпокоить? и гонитъ вонъ. У такихъ людей быть обычаемъ влочить всѣ денежныя платежи,

разбиралъ покупателей, съ одного бралъ такую, съ другого другую цѣну, или обмѣривалъ и обмѣшивалъ покупщика; такимъ средствомъ прикащикъ и самъ наживалъ деньги.

Чтобы у человека образовался капиталъ, нужны были особые обстоятельства,—не всѣмъ они представлялись. Дѣдъ, начинавшій свое дѣло съ продажи тесемокъ, игловокъ, нитокъ, гребней и разной мелочи, разнося ее въ коробки по деревнямъ, хотя бралъ можетъ быть и большую пользу, но чтобы составить капиталъ для торговли на одномъ мѣстѣ и завести лавку въ городѣ, долженъ былъ исходить много дорогъ и набить много сапоговъ. Десятками лѣтъ труда добивался онъ наконецъ болѣе спокойнаго и обеспеченнаго торговаго положенія, и тогда дѣло его шло сильнѣе въ гору. Люди, начинавшіе такъ свою торговую дѣятельность, бывали обыкновенно люди строгой, суровой жизни, переносившіе всевозможныя лишения, у которыхъ каждый калачъ, каждый кусокъ хлѣба былъ на счету. Выработавшись въ такой суровой школѣ жизни, они вѣрили въ непогрѣшимость своихъ убѣжденій и опыта, и въ отношеніяхъ къ своимъ дѣтямъ и родственникамъ отличались суровою деспотизмомъ, требуя безусловнаго повиновенія себѣ во всемъ своихъ подначальныхъ. Если подначальный былъ не сынъ, а родственникъ, онъ сносилъ все, пока не представлялся ему случай начать дѣло независимо отъ своего благодѣтеля, дѣда или дяди. Случай бывали разные. Молодому человѣку давала средства нерѣдко женитьба, улаживавшаяся обыкновенно стариками, какъ коммерческое дѣло. Молодыхъ въ этихъ случаяхъ не спрашивали, считая ихъ несмыслицами. И вотъ юноша, взявъ вмѣстѣ съ женой тысячу пятьдесятъ на ассигнаціи, рассчитывался съ дѣдомъ, или дядей, и начиналъ отдѣльное дѣло. Въ этихъ случаяхъ помогали молодому его отношенія къ своему покровителю и коммерческія знакомства и связи, сдѣланныя имъ во время управленія дѣлами своего хозяина. Молодой купецъ ѣхалъ въ Нижній на ярмарку, покупалъ товару тысячу на 200 ас., уплачивая наличными, можетъ быть, десятую долю, а остальное въ кредитъ, съ разсрочкой платежа въ 6, 12 и даже до 18 мѣсяцевъ; часть товара привозилъ въ Иркутскъ, часть въ Кяхту и начиналъ такимъ образомъ дѣло. На выручаемая деньги покупался чай, пустивъ предварительно деньги въ оборотъ болѣе выгодный. Эту выгоду представляло золото, вывозъ котораго въ Китай былъ запрещенъ. Запрещеніе не было никому страшно; напротивъ, чѣмъ строже было запрещеніе, тѣмъ дѣло представлялось заманчивѣе, потому что давало больше выгодъ. Скупалось золото шли-

товое, т. е. въ вернуть, ворованное съ извѣстными золотыкъ промышленно-словъ, и золото въ монетѣ. Изъ продажи того и другого золота образовалась даже особая промышленность, которую не могли прекратить никакія надзоры и предсѣдованія. Какъ ни строго смотреть за рабочими изъ промысловъ, но они всегда найдутъ средства упрятать куда нибудь воровское золото и продать своимъ скупщикамъ, имена которыхъ держать въ великомъ секретѣ, такъ что никакое начальство никогда не могло узнать и поймать этихъ людей. Продажа и провозъ золота въ монетѣ дѣлался также ловко. Дѣло это было выгодно, потому что за золотой платилось рублей 6, а онъ продавался въ Китай рублемъ за 8 или за 9. Изъ числа якутскаго и кяхтинскаго купечества, какъ говорятъ, нѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не занимался на своемъ вѣку этой выгодной коммерціей. Спекулировали на этомъ дѣлѣ и сильные и несильные торговцы: разница была только въ размѣрѣ оборотовъ. Кто побѣднѣе, тотъ скупалъ золоты по одной штучкѣ и, набравъ сотню, продавалъ купцу Облѣ богатому, взявъ барыша по рублю со штуки. Бѣдили за покупкой золота и въ Россіи; а чтобы лучше замаскировать причину поѣздки, благочестивый купецъ разглашалъ, что онъ ѣдетъ въ Кіевъ на богомолье, и по пути въ вѣжнѣ и западномъ краѣ скупалъ у жидовъ золотую монету.

Причина, почему торговля золотомъ развилась такъ, заключалась въ одной особенноти кяхтинской торговли. Китайцы вели свое дѣло всегда дружно и стойко. Замѣтивъ, что какого нибудь товару навезено много, они возвышали цѣну на чай и стояли крѣпко на своей цѣнѣ, выжидая, когда русскіе, потерявъ терпѣніе, согласятся на выгодную для китайцевъ сдѣлку. На стойкость надо было отвѣчать стойкостью; поэтому кяхтинское купечество приняло такую систему. Весь привезенный русскими товаръ раздѣливался и опредѣлялось, за какое число мѣтъ чай можно было его отдавать и какое число ящиковъ чая приходилось на каждаго купца. Эта мѣра, задуманная повидимому съ хорошей цѣлью, была въ сущности насиліемъ, и привела наконецъ къ полному деспотизму сильнаго надъ слабымъ. Купцу, добывшему положимъ бѣлку или перлушку по сходной цѣнѣ, было бы выгодно отдать ее китайцамъ по 90 к., но какъ ей установлена цѣна въ рубль, то онъ и не смѣлъ отдавать ее дешевле. Раздѣлка, какъ говорятъ, дѣлалась весьма произвольно, и сильный купецъ, имѣвшій напримѣръ большія связи съ Москвою, забравъ въ руки купцовъ мелкихъ, цѣнилъ товаръ, какъ хотѣлъ, назначая разумѣется болѣе высокія цѣны тѣмъ сортамъ, кото-

рыши торговать самъ. Все малое дальне было ему подчиняться, потому что большинство действовало на иждъ комиссионеровъ, и следовательно «воровило» мочь повредить имъ всегда, стоило написать только письмо: ибудь слетали въ Москву къ доверителю комиссионера.

Перевозка золота черезъ границу совершалась весьма просто; это перевозили и привашики, и казенная стража, и даже свои полицейские чиновники. Случалось, что приглашки купецъ полицеймейстера къ себѣ, наводятъ его, вонюхи нагружали его зинзивки, золотомъ, до пиваго и везуть домой; таможенные сторожа, разувивши, пропускали въ власть безъ всякаго осмотра.

Таковы образомъ стѣснительныя истраы приудали купцовъ къ уваженю, недозволительнымъ въ томъ отношеніи, что имъ не рѣшался ни ниши, того въ торговля была менше приближна. Но тутъ было еще и другое зло. Когда строили пресѣлованіе начальства, увеличивъ рискъ провоза, сдѣлали провозъ золота болѣе опаснымъ, но зато и болѣе выгоднымъ, то этиги не только разграбляли стража и чиновники, но являсь и въ коммерческихъ условіи безвѣстности, до того времени небывалая. Привашикъ, купецъ или чиновникъ, привозившій золото, зная, чѣмъ ему рискнуть, если попадется; но прикащикамъ или купцамъ, неисполнявшимъ порученія своихъ друзей, риски почти не приносили особыхъ выгодъ, потому что спекулянтъ хозинить. Отсюда весьма недалеко перекоды къ такому соображенію: рискъ большой, а выгоды нѣтъ; не лучше ли забрать все золото себѣ, и хозинну сказать, что нѣмакихъ денегъ отъ него не получили. И такіе случаи бывали. Чиновники разграблялись также не менше. Рассказываютъ, что въ Кентѣ завелся обычай, что накануне праздникоу чиновники раздѣжались къ купцамъ съ низвизами и получали отъ нихъ запечатанные конвертики. Назвать пакетика зависѣла отъ важности поста. Такое аристократическое нищенство дошло до того, что и бѣдные люди, вовсе немаклящиеся на службу, начали ходить къ купцамъ за сборнымъ.

Раньше золота шель въ Китайъ въ большой массѣ опіумъ и тоже дѣлалъ хорошія выгоды, потому что былъ закрещены. Опіумъ покупая въ Москвѣ и въ Нижнемъ.

Все это способствовало только коммерческому разврату. Контрабанда была вредна не потому, чтобы терпѣли отъ нея казна, а не потому, что она нарушалась законъ; а зло ея заключалось въ томъ, что человекъ, держащийся на тайный провозъ золота, или опіума, терая въ торговля прѣтвѣ събѣлача, обидравнатося отъ чу-

жого золота; подкупавшаго стражу и чиновниковъ, возманимо монету къ китайцамъ въ экипажѣ полиціймейстера. Торговля робкаго купца не могла идти бойко, а подумавъ о томъ, что дѣлають другіе, и видя, что это выгодно, робкій человекъ рѣшился на попытку и въ свою очередь развращалъ другихъ. При такомъ порядкѣ никакая правильная торговля устроиться не можетъ. Одинъ наживаетъ потому, что рискуеть спиною своего приказчика и подкупаетъ чиновника; другой тераетъ потому, что хочетъ держаться законности и установленій. Но сравнить выгоды законности и беззаконности, оныя находятъ послѣднюю болѣе плѣнительной и, начавъ поступать беззаконно, начинаютъ и богатѣть.

Кромѣ контрабанды опиума и золота, запрещенія создали еще контрабандную торговлю чаемъ, давшую занятія и средства для жизни весьма большому числу людей. Забайкалье безъ кирпичнаго чая существовать не можетъ. Чай этотъ, вареный съ солью и сахаромъ, весьма питательное кушанье. Если бы у прибрежныхъ жителей Байкала не было соленыхъ омулей и кирпичнаго чая, то имъ почти пришлось бы умереть съ голоду. Такимъ образомъ чай для здѣшняго человека составляетъ предметъ первой необходимости. Но при высокой пошлинѣ бѣдные жители должны были бы лишиться его, и вотъ явилась контрабанда, вызванная исключительно нуждою: бѣдный человекъ могъ заплатить за фунтъ 40 или 60 к., но платить восемь гривенъ, или рубль было не въ состояніи. Было время, когда кирпичный чай ходилъ въ Забайкальи между народами, какъ монетная единица. Вѣщи и скоть цѣнились числомъ кирпичей чая. Все это было глѣть 15 назаль. Тогда въ глухихъ мѣстахъ чай возили свободно и никто по пограничной линіи не мѣшалъ этому дѣлу, потому что весьма оно было выгодно. Въ мѣстахъ же, гдѣ можно было опасаться начальства, явилась фабрикація поддѣльныхъ печатей, т. е. каждый кирпичъ украшался фальшивымъ сургучнымъ клеймомъ. Не смотря на беззаконность, контрабанда кирпичнымъ чаемъ была чистымъ благодѣяніемъ для народа, потому что, кромѣ пользы чая, какъ напитка, мгновенная торговля имъ на скоть и лошадей открыла сбытъ скоту и дала народу средства для существованія. Въ этомъ смыслѣ преслѣдованіе контрабанды и всего того, что дало народу промышленную силу, было если и законно, тѣмъ не менѣе для народа все-таки убыточно. Въ некоторыхъ случаяхъ мѣры, принимаемыя для искорененія зла воображаемаго, вели къ злу дѣйствительному — къ деморализаціи народа и къ воспитанію въ немъ безчестности. Еще Сперанскому принадлежитъ мысль, что

мелкое и крупное купечество, торговавшее съ инородцами, православно имъ больше зла, чѣмъ пользы, и потому для огражденія ихъ отъ обдѣрама купцами было постановлено, что только тѣ договоры купцовъ съ инородцами имѣютъ силу, которые утверждены въ волостяхъ. Очень можетъ быть, что народъ и терпѣлъ отъ купцовъ; но только иѣра, придуманная противъ зла, была еще глѣе. Охотникамъ нуженъ порохъ и свинець, имъ нужны деньги и товары. Купцы снабжали ихъ всѣмъ этимъ, и давая впередъ, разумеется, старались въ срокъ уплаты получить какъ можно больше пушнина. Стѣсненіе въ сдѣлкахъ повело только къ тому, что инородцамъ не отъ кого стало получать тѣ необходимыя имъ предметы, которыми снабжали ихъ купцы, и инородцы лишались поддержки и кредита, можетъ быть иногда и тяжелаго для нихъ, но все-таки выручавшаго изъ нужды. Но еще вреднѣе отразилось на мѣстныхъ жителяхъ паденіе дома Кандинскихъ. Кандинскій, родоначальникъ дома, пришелъ въ Забайкалье каторжнымъ. Сынъ его, человѣкъ предприимчивый, торгуя запрещеннымъ товаромъ, сдѣлалъ большое состояніе и такъ раскинулъ и расширилъ свои торговыя сношенія, что забралъ въ руки весь край. У него было громадное хлѣбопашество, десятинъ до пятисотъ, огромное скотоводство, лошади его славилась по всему Забайкалью; онъ имѣлъ до 100 скаковыхъ лошадей и посылалъ на бурятскіе праздники для бѣговъ своихъ иноходцевъ. Торговать ѣздилъ на ярмарки на своихъ тройкахъ. Ловкій въ дѣлахъ, онъ умѣлъ устроить такъ, что всѣ подряды на казенные нерчинскіе заводы отдавались ему. Семья Кандинскихъ разрослась до того, что въ семейные праздники однихъ родныхъ садилось за обѣдъ человѣкъ до девяносто. Показалось одному изъ намѣстниковъ Сперанскаго, что Кандинскій слишкомъ тяжелъ для народа, что все богатство свое онъ высосалъ изъ мѣстнаго населенія, и было рѣшено раззорить Кандинскаго. Предполагалось, что съ уничтоженіемъ вампира народъ станетъ полнѣть, потому что нѣкому будетъ тянуть его соки. Кандинскій торговалъ между прочимъ и кирпичнымъ чаемъ. Тотъ-то чай и долженъ былъ погубить его—у Кандинскаго нашли мѣсто безъ таможеннаго клейма. Но самый сильный ударъ былъ нанесенъ ему, когда было объявлено, чтобы казаки не платили долговъ Кандинскому, на томъ основаніи, что мужику довѣріе только въ 5 рублей. Казаки обрадовались такому дозволенію, и какъ капиталъ Кандинскаго былъ большею частью въ долгахъ за крестьянами, то долгъ и пропалъ. Прошло много лѣтъ послѣ этой исторіи Кандинскіе не сохранили силъ народа, а народъ не сталъ богаче. Кандинскихъ убили, но съ

ихъ паденіемъ исчезло довѣріе къ казаканъ, долгъ пересталъ быть святой вещью, потому что казанъ и мужикъ узнали, что можно и не платить долговъ. Можетъ быть, Кандинскіе были и большое зло для края, но подобныя уроки честности—зло еще большее. Вся ошибка произошла оттого, что не сообразили самой простой вещи. Если Кандинскій держалъ всѣхъ въ своихъ рукахъ, то это происходило очевидно оттого, что въ Забайкальи не было другихъ рукъ, настолько же сильныхъ. Стоило одному Кандинскому противопоставить еще двухъ или трехъ сильныхъ торговыхъ людей, и тогда, въ случаѣ притѣсненія однимъ купцомъ, можно было бы найти спасеніе у другого. Подобныя явленія, какъ Кандинскіе, или тѣ кушцы, противъ которыхъ ратовалъ Сперанскій, неизбежны въ мѣстности глухой, въ полудинкомъ, непромышленномъ краѣ. Пусть они поступаютъ дурно, получая слишкомъ большіе проценты на капиталъ, но эти люди во всякомъ случаѣ первые цивилизаторы дикихъ краевъ и полудинкихъ населеній. Остановить дѣятельность такихъ людей во все не значитъ оказать благодѣяніе народу, потому что народъ совсѣмъ лишается того, что прежде доставалось ему хотя и съ большими усиліями, но все-таки доставалось. Но еще хуже деморализація полудинкаго человѣка; однимъ такимъ урокомъ создаются тысячи безчестныхъ людей, и дурное правило, поселившись въ семьѣ, переходить, какъ наследство, къ отдаленному потомству.

Но такія крупныя мѣры имѣютъ еще одну вредную сторону. Никто не нуждается такъ въ спокойствіи и въ охраненіи своей дѣятельности отъ всякаго наслія, какъ промышленный и торговый человѣкъ. Торговля въ дикихъ странахъ, необеспечивающихъ личности и имущества торговаго человѣка, приноситъ всегда большіе барыши. Это премія за вѣчный рискъ и за вѣчную боязнь. Но для подобнаго риска нуженъ извѣстный запасъ смѣлости. Можетъ быть, торговля съ карабами и была бы очень выгодна, но какъ у нихъ скверная привычка убивать, безъ всякой причины, людей, то на торговля сдѣлки съ ними и не является смѣльчаковъ. Съ другими дикарями торговля можетъ идти легче, но если купецъ рискуетъ лишиться своего имущества, вслѣдствіе произвола и наслія власти, то разумѣется онъ, если не слишкомъ жадный къ деньгамъ человѣкъ, постарается перенести свою торговлю въ мѣстность, гдѣ можетъ быть проценты и не такъ велики, но нѣтъ причинъ бояться за свое состояніе. Это общее экономическое основаніе нашло себѣ приложеніе и въ Сибири. Послѣ паденія Кандинскихъ и еще какихъ-то исторій, нѣкоторые здѣшніе купцы оставили навсегда Сибирь,

завели дѣла въ Москвѣ. Это вышла потеря для края, потому что дѣла итакъ больше обороты въ Иркутскѣ, были честны въ дѣлахъ, помогали небогатымъ торговцамъ за умеренныя проценты, однимъ словомъ, были полезны для края.

Крупные и болѣе общіе случаи составленія нѣскольکو значительныхъ капиталовъ заключались въ разной контрабандной торговлѣ. Но кромѣ этого бывали случаи частныя, гдѣ приобретение средствъ зависѣло отъ умѣнья человека воспользоваться тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ. Такъ, доверенный человекъ, прикащикъ или родственникъ, посланный помощникъ для закупки въ Якутскѣ, пишетъ своему доверителю, что полученныя отъ него 3000 руб. асс. онъ потерялъ. Возвратившись, онъ по обычаю былъ покомоченъ своимъ покровителемъ и тотъ бралъ отъ него векселя. По смерти покровителя, документа не оказывается. На эти или на другія деньги, незвѣстно, человекъ пристроившись къ мѣсту, ѣздитъ съ обозами, торгуется на ярмаркахъ, скупаетъ вѣрные векселя по 60 п. за рубль и сколачиваетъ себѣ капиталъ.

Бывало, что, поступивъ въ кашевары на судно, человекъ правился хозяйну своей расторопностью, попадалъ въ прикащики, торговалъ въ лавкѣ; получалъ тысячи двѣ денегъ и, умѣя угождать хозяйну тѣмъ, что хорошо ставилъ въ банкъ туза или даму, получалъ порученія и болѣе важныя: возилъ золото въ Кяхту и ѣздилъ за покупкой его въ Москву и въ Нижній. Живетъ преданіе, что подобныи прикащики разбогаты въ одну изъ поѣздокъ. Бѣжалъ онъ вѣсть съ купцомъ, купецъ дорогой умеръ; все вещи какія были у купца, оказались на лицѣ, а денегъ нѣтъ. Разузнается, деньги — вещь бездоказательная, никто не знаетъ вѣрно, были они или нѣтъ, хотя вѣкторые и утверждали, что съ купцомъ было тысячъ 50 асс. При такомъ счастьи и при возможности торговать золотомъ изъ-за спяны прикащика не могло быть особенныхъ затрудненій вѣсти дѣла уже въ размѣрѣ довольно широкомъ. Такъ, ѣздитъ сытъ въ Москву за товарами, по доверенности своего отца. На второй или на третій годъ онъ дѣлаетъ фальшивую доверенность, покупаетъ массу товаровъ, привозитъ, продаетъ, наступаетъ наконецъ срокъ платежей. Расплаты однако нѣтъ. Сына сажаютъ въ острогъ, сидитъ онъ три года, наконецъ дѣло кончается, какъ водится, ничѣмъ, и человекъ выходитъ на свободу съ капиталомъ. Для человека съ наличными деньгами была всегда возможность заниматься прибыльными дѣлами. Такъ возчикамъ, въ счетъ платы, купцы выдавали чай, сахаръ, медвець, или даже и другой товаръ. Возчику между тѣмъ нужны день-

нынѣ видошъ и опрятнѣе, и пять рублей — деньги. Еще молочные повиданному вырывать изъ конвертовъ кружками сургучную печать, или собирать въ особую коробку сигарные окурки; но былъ въ Иркутскѣ и такой купецъ. Сургучъ онъ вырывалъ для того, что если придетъ кто въ гости, то въ самоваръ хорошо бросить такой кружокъ — пойдетъ пріятный духъ. Все выгоднае, чѣмъ покупать курительные порошки.

Существовало еще два способа пріобрѣтать довольно скоро капиталъ. Одинъ способъ чисто сибирскій, другой обще-русскій. Чисто сибирскій способъ заключался въ скупкѣ отъ воровъ по большимъ дорогамъ сръзанныхъ ими съ возовъ чайныхъ мѣсть и другого товара. Воръ сбывалъ краденное дешево, а купецъ продавалъ по настоящей цѣнѣ. Только при возможности подобнаго сбыта краденнаго могло процвѣтать и разводиться воровство по большимъ дорогамъ. У многого обоза сръзнуть сразу три цибика чаю, — это болѣе 6 пудовъ. Такую массу чая не продать скоро по деревнямъ; нужно шить торговлю въ городъ и быть коммерческимъ человѣкомъ. Вотъ почему подрѣзываніе обозовъ совершается и досихъ поръ или подъ городами, или не далеко отъ нихъ. Эта промышленность, какъ и всякое контрабандное дѣло, не представляла купцу особаго риска: отвѣчалъ своимъ животомъ, или спиной только воръ, да и то передъ извозчиками, если еще имъ удастся его поймать. Обстоятельства очевидно благоприятствовали и благоприятствуютъ подобной коммерціи, а иначе она бы давно прекратилась.

Наконецъ обще-русскій способъ, при которомъ купецъ не рискуетъ ничѣмъ, — сдѣлка. Были купцы, дѣлавшіе на своемъ вѣку по три сдѣлки и платившіе въ сложности копѣекъ 25 за рубль. Это дѣлается такъ. Купецъ велъ дѣла лѣтъ пять, шесть, семь. Кредитовался, велъ торговлю недурно, платилъ въ срокъ. Устроивъ и упрочивъ связи съ московскими купцами, онъ беретъ у нихъ товару тысячъ на 100 ас. Прежде кредитъ сибирякамъ въ Москвѣ былъ большой. На слѣдующій годъ купецъ является въ Нижній на ярмарку и отправляется къ москвичамъ. Шубенка на немъ худая, видъ жалостный, кланяется и проситъ: — сдѣлайте милость, потерпите, уплатить не могу. Москвичи знаютъ, что деньги у него припрятаны, товары переведены на чужое имя, слѣдовательно конкурсомъ ничего не сдѣлать; да и какъ возиться съ судомъ за 6000 верстъ. Между тѣмъ человѣкъ былъ все-таки ихъ работникомъ; сбывали они ему всякій залежавшійся или неходкій товаръ, брали выгоды процентовъ 30, слѣдовательно и при сдѣлкѣ потери не

будетъ. Кромѣ того человекъ годится и впередъ, опять можно будетъ сбывать ему товаръ; а если поправится, такъ пожалуй и расплатится, — и купцы соглашаются на сдѣлку. Говорить, что въ Петербургѣ есть даже купцы 1 гильдіа, достигавшіеся этимъ способомъ составленія капитала. Не всегда однако сдѣлка дѣлалась по расчету, бывали случаи дѣйствительной невозможности уплаты. Иногда купецъ «затоварится», то есть, понадеявшись на сбытъ, наберетъ товару слишкомъ много, раскуетъ его вездѣ и по ярмаркамъ и по городамъ; но какъ москвичи въ кредитъ отпускаютъ большую частью товаръ неходовой, то ему не трудно залежаться иногда и въ провинціи; къ этому присоединяется еще неуплата долговъ покупателями. Очень можетъ случиться, что лѣтъ въ шесть товаръ будетъ проданъ и деньги получены; но къ условленному сроку купецъ все-таки не въ состояніи расплатиться съ своими кредиторами. И вотъ опять сдѣлка, на которую соглашаются купцы по тѣмъ же причинамъ. Московскимъ и вообще не мѣстнымъ купцамъ весьма трудно опредѣлить, что побуждаетъ человека на сдѣлку. Легко можетъ быть, что и дѣйствительная невозможность уплаты; а можетъ быть и желаніе расквитаться съ кредиторами такъ, чтобы наказать ихъ за довѣріе. Во всякомъ случаѣ сдѣлки ослабляютъ довѣріе и приносятъ больше всего потерь купцамъ, неимѣющимъ способностей на подобную спекуляцію. Кому пришелся товаръ дешево, потому что онъ вмѣсто рубля заплатилъ 25 копѣекъ, тому можно продавать товаръ съ большимъ барышемъ, даже при низкой цѣнѣ. Рублевая вещь, за которую заплачено 25 к., обойдется съ провозомъ копѣекъ въ 40 или 50. Но кто за рублевую вещь и платилъ дѣйствительно рубль, тому она обойдется съ доставкой въ 1 р. 15 или въ 1 р. 25 к. Первый можетъ продать ее въ рубль и получить 75% прибыли; второй, продавая за 1 р. 50 к., ниже чего ему продать не выгодно, получить прибыли только 20%, и продаетъ все-таки вдвое дороже. Дорогихъ купцовъ покупатели не любятъ, и бранятъ обдиралой, грабителемъ того, кто въ дѣйствительности никого не обманулъ и ведетъ дѣло законно. И въ этомъ случаѣ тоже, что съ золотомъ; купецъ видя, что отъ такъ называемой честности прибыли мало, а сдѣлка даетъ 75% выгоды, даетъ возможность кромѣ того еще и обернуть скорѣе капиталъ, пойдетъ тоже на сдѣлку. При возможности подобной коммерческой практики, людямъ нѣтъ расчета быть честными, потому что имъ это невыгодно, и одинъ удачный случай скорого обогащенія привлекаетъ десятки охотниковъ попытать такого же счастья. То, что рассказываютъ объ удивитель-

легко превратить честности русскокупечества, может быть, и столько справедливо, но только причина несправедлива и доказывает только недостаток расчета. Нужно бы, чтобы всякая сделка была бы совершенно обезнаказанной и чтобы вся купцы или непрямую же сделку; еще бы лучше, если бы в каждую явную явную год все купечество объявляло, что оно проигрывает сделки. Тогда по крайней мере люди умудрен бы сразу, как сделки, не смотря на честный расчет, иногда, для общаго хода торговли, такъ отъ нея терпят а продажи и покупок, как гибнуть все торговнеобороты, — и весьма вероятно, что купцы подумали бы о томъ, что нужно придумать такіа торговыя учрежденія и правила, при которыхъ мошенничество не встрѣчалось бы премія, подобно тому, какъ это существуетъ теперь у насъ. Но подобное явленіе несущественно. Бушцы, сделавшіе сделки, вѣдь въ прекрасныхъ анклавахъ уже на другой день расчета, они плывутъ испанское, живутъ открыто; тѣ, кому они платили 25 к. за рубль, но впрочемъ жмутъ имъ руку и оказываютъ почтеніе и по прежнему дѣлаютъ кредитъ. Очевидно, что сделка не только не считается нашимъ купечествомъ дѣломъ убыточнымъ, а напротивъ такой же торговой операцией, какъ и всякая продажа и покупка. Известно, что всякому торговцу приходится предавать иногда товаръ въ убытокъ, но за то на другомъ онъ беретъ хорошую прибыль. Такая же вещь и сделка. Она дѣло ума и находчивости и коммерческой смѣливости. Сущность ее въ томъ, что одинъ продаетъ въ убытокъ, а другой купитъ съ выгодой. Это явленіе повсемѣрное, какъ обманываніе, обманываніе въ маленькихъ лавенкахъ, или какъ заросъ торгующаго татарина, который проситъ за вещь 150 рублей, а продаетъ за три.

Виноватыхъ во всемъ этомъ искать совершенно неблагоприятно, потому что всякій устроиваетъ у себя такой порядокъ, какой онъ по своимъ способностямъ можетъ выдумать. Придумать же что другое русскому торговому человеку было совершенно невозможно, потому что онъ выдвигалъ въ такой коммерческой практикѣ и при такомъ семейномъ воспитаніи, которыя давали ему силу видѣть и понимать только то, что дѣлается у самыхъ его ногъ; все что отстоитъ нѣсколько дальше — недоступно его пониманью, потому что онъ этого не видитъ. Школа будущаго коммерческаго человека была несложна; теоріей его никакой же обременяли, а практики было много. Если онъ начиналъ свое воспитаніе съ мальчика при дѣвкѣ, а это самый органическій и правильный путь развитія, при которомъ человекъ проходитъ все фазисы

коммерческаго разсудка, то воспитаніе совершено такъ (я говорю пообыкновенно о дворянскомъ дѣлѣ и розничномъ торговцѣ). Утромъ изъ двуправленія въ лавку мальчикъ долженъ вынести козину, сапогомъ поставить самоваръ для принаживокъ, сбѣгать въ булочную, потому что хозяйки хлѣба очень часто есть немалъ — черствый и невкусный. Но бѣгать въ булочную онъ долженъ съ большой осторожностью, чтобы не попасться хозяину. Иначе хозяйка побреетъ, да и принаживки съжжетъ: — ты, подлецъ, праявъ позволенъ своимъ поддержаніемъ? Кончивъ дѣло дома, мальчикъ идетъ въ лавку. Тамъ онъ долженъ вынести лавку, звать покупателей, подавать ему что велятъ, ворочать часто вещи на подъ руку. Первое время мальчикъ неуловокъ, бѣситъ и знаетъ товаръ, за что, смотря по характеру хозяйки и снѣдльца, получаетъ больше или меньше тумановъ. Сердитый хозяйка бьетъ за малѣйшую невзность. Обѣдая мальчикъ домой не ходитъ, а напѣтосъ въ лавкѣ часъ съ калашемъ. Вечеромъ, придя домой, мальчикъ обязанъ опять поставить самоваръ, за ложи у хозяйки теста, что подавать чай и трубки. Есть даже такіе хозяева, которые требуютъ, чтобы мальчикъ сидѣлъ въ передней, жид перся у притоки. Кроме этихъ обязанностей, мальчикъ долженъ чистить шабѣнники, мыть воду и топить печи. Чтобы быть сытымъ, мальчикъ долженъ познакомиться хорошо съ кухаркой и угождать ей, потому что въ дворянскихъ и купеческихъ домахъ кухарка лицо весьма важное; ее боится не только мальчикъ и кухарка, но даже и прикащики. Кухарка, являя и горничная являя вліятельнымъ лица въ домѣ, потому что, она всю подлогодную прислуживаетъ, онъ могутъ смѣшивать и штоваривать хозяйку, а хозяйка передаетъ мужу. Въ свободное время мальчикъ сажаютъ писать и писываютъ за долги. Но на последнее приходится получать ему большую часть щелчки, да чтобъ, потому что хозяйка наказывается: — ты отставай; а должникъ за неотвязчивость гонитъ вонъ. Вообще пока мальчикъ не вытянется, его бить въ домѣ всѣ. Отъ хозяйки достается, когда она, какъ вазачокъ въ барскомъ дворѣ, играя съ дѣтми, не умѣетъ нить угождать; хозяйка бьетъ за лавку и мелковость; прикащикъ тоже и за лавку и если ему служить нехорошо. Плата за это время есть исключеніе. Отдѣлать иногда козава, когда родители мальчика бѣдны, а если мальчикъ изъ купеческаго дома, отданный въ чужіе руки, чтобы выучился лучше, то получалъ едушку отъ своихъ. Въ этой школѣ окончательныя побѣды привѣтливость развивается особенно хорошо. Мальчикъ бываетъ всегда на глазахъ, но когда его

позволят за чѣмъ нибудь и ему случится заблуждаться домой и оттого промѣшкать, то въ оправданіе передъ хозяиномъ нужно придумать непременно ложь, а иначе побѣсть. Закупая по приказанію хозяйки молочи для дома, мальчикъ, воспитываемый слѣшкомъ строго, легко сближается закономъ, продаваемыми на улицѣ. Отсюда желаніе сдѣлать изъ хозяйскихъ денегъ экономію, т. е. начало воровства. Съ 18 лѣтъ встрѣается мальчику уже лавка, часто безъ прикащика, и наконецъ бывшій мальчикъ становится прикащикомъ, или конторщикомъ. Этимъ путемъ выходятъ весьма ловкіе розничные торговцы.

Но 18 лѣтнему молодому человѣку нужны развлеченія, а между тѣмъ безъ хозяйскаго дозволенія уйти изъ дому нельзя; занимавшіеся раскуриваніемъ трубокъ, мальчикъ привыкъ курить, а хозяинъ болѣе всего щедръ на побой за эту привычку; молодому человѣку нужно общество, а общества нѣтъ, къ нему никто ходить не смѣетъ, къ роднымъ отпускаютъ его только въ большіе праздники, а въ семейство хозяина онъ рѣшительно не допускается. Читать?—но нечего; да къ чтенію нужно привыкнуть, а у прикащика для такой привычки нѣтъ ни минуты времени. Даже и безъ общества можетъ еще обойтись прикащикъ; но устоять противъ сердечныхъ влеченій ему невозможно. Хорошо еще если онъ сойдется съ горничной хозяйна. Но если случай заведетъ его къ женщинамъ много сорта и у нихъ придется ему выпить съ непривычки вина, или водки; заманчивость такого развлеченія дѣйствуетъ на молодого человѣка совершенно иначе, чѣмъ скромная домашняя связь съ горничной. Молодой человѣкъ начинаетъ уходить изъ дому поздно; а чтобы уйти, нужно сладиться съ дворникомъ, нужно смотрѣть сквозь пальцы на плутни и воровство двора и такимъ образомъ создается обоюдная зависимость и круговая порука плутовства.

Воспитанный такимъ образомъ ловкій молодой торговецъ успѣетъ иногда подладиться къ хозяину, при случаѣ пожалуй и обворуетъ его, и становится наконецъ самъ купцомъ. Купцы этого сорта бываютъ всегда люди третьи, видѣвшіе много людей и случаевъ. Теорія ихъ жизни и коммерціи очень проста — наживай копѣйку — и они достигаютъ въ этомъ случаѣ изумительной ловкости, хотя и теряютъ всякое нравственное чувство. Ловкій торговецъ или купецъ не станетъ разувѣтсѣя воровать носовыхъ платковъ, но въ своемъ дѣлѣ постарается провести и обмануть всякаго, потому что эта коммерческая ловкость—

признакъ способностей и ума. Такой ловкостью люди даже щеголяютъ и такимъ образомъ обманъ и плутня становятся въ ихъ глазахъ доблестью, добродѣтелью, и даже предметомъ соревнованія. Мальчикъ, вырастающій въ такой практикѣ, уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ старается подражать большимъ, заслужить ихъ похвалу и развичетъ свой умъ въ одномъ направленіи, придумывая способы, какъ бы ловчѣ продать или сбыть товаръ.

Нельзя сказать, чтобы всякій прикащикъ выходилъ непременно въ купцы, многіе навсегда остаются прикащиками. Точно также нельзя сказать, чтобы всѣ они развивались односторонне, въ свою коммерческую ловкость;—выходятъ иногда честныя личности.

Кому посчастливилось нажить деньги, тотъ старается открыть лавочку на мелочномъ базарѣ, или открываетъ домовую лавочку, съ мелочнымъ товаромъ: чаемъ, сахаромъ, омулями, орѣхами, масломъ. Другіе поступаютъ въ конторщики на золотые промыслы, въ Кяхту, въ питейную контору, обозные прикашики. Обозные прикашики это особенный типъ прикащиковъ. Было время, когда слава ихъ гремѣла въ трактирахъ и публичныхъ домахъ не только Нижняго но и Москвы. Теперь типъ обознаго уже вымираетъ; явилось пароходство, а съ нимъ транспортное комиссіонерство, и число обозныхъ уменьшилось. Кромѣ того и время укротило нѣсколько сибирскаго сырого человѣка, и денегъ стало у него меньше. Прежде же, когда комиссіонерства не было, когда каждый торгующій съ Россіей долженъ былъ отправлять свой обозъ, прикащиковъ требовалось много. Дороги были небезопасны, товаръ нужно было охранять, и вотъ при каждомъ обозѣ шелъ старшій прикащикъ съ помощниками. Ихъ обязанностью было караулить обозъ. Кажется, почему бы такое скромное занятіе могло выработать трактирнаго героя? А между тѣмъ выходилъ герой, слава котораго гремѣла во весь сибирскій путь. Приходилъ обозъ въ село или деревню, гдѣ молодья дѣвки сейчасъ же давали имъ знать: дѣвки не выходите, обозные пріѣхали. Сельская полиція маленькихъ городовъ была въ рукахъ обозныхъ; пріѣздъ ихъ бывалъ для полиціи праздникомъ: всѣхъ напоить, всѣ пьяны. Рассказываютъ, что два обозныхъ прикащика разбились разъ въ одномъ городѣ восемь кабаковъ; это называлось — сила. Они же устроили въ Тюмени драку, причеъ было перераноено до двадцати человѣкъ. Какимъ же путемъ создавались та-

кіе молодцы? Патріархальнымъ воспитаніемъ. Прикащикъ, вырвавшись на свободу изъ тогдашняго гнета домашней жизни, гдѣ держали его строже, чѣмъ въ монастырѣ, кидался на вино и на женщинъ съ неистовствомъ дикаго звѣря; онъ отводилъ душу за десятки лѣтъ ига подъ деспотической рукой хозяина, его семья и купеческаго обычая. Дома у него еще были занятія, но въ пути дѣлать было нечего. Такимъ образомъ останавливается обозъ въ какомъ нибудь городѣ, стоитъ день, два, три, а иногда и больше. Какъ же убить прикащика свободное время? И онъ пьетъ и неистовствуетъ, насколько хватаетъ у него силъ и денегъ. Деньги доставались прикащику безъ особеннаго труда. Разумѣется жалованье его было невелико, рублей полтора въ годъ, но у прикащика были доходы: онъ нанималъ возчиковъ, рассчитывался съ ними; а какъ онъ рассчитывался съ ними, знали только возчики, да прикащикъ. Восколько обошелся перевозъ черезъ рѣку, — а ихъ въ Сибири много, — зналъ одинъ прикащикъ. Случалось, что изъ обозныхъ выходили купцы, но большею частью они исчезали куда-то. Обозные, подобно цѣловальникамъ, или прикащикамъ питейныхъ домовъ, пользовались такой славой, что ихъ обыкновенно брали неохотно на другія мѣста. Причина въ томъ, что изболтавшіеся и распустившіеся люди были уже неспособны къ серьезному и добросовѣстному труду. Людей этихъ не брали — и только; но никто не хотѣлъ знать, почему же они изболтались и распустились? Купецъ стараго закала, колотившій и своего сына и прикащика за всякую вину и дѣлавшій это по принципу, по преданію, думалъ, что иначе, безъ подобной строгости, дѣти непременно погибнуть негодаями. Сынъ его, выросшій въ такой школѣ, на глазахъ своего папеньки, былъ скромнѣ всякой провинціальной дѣвушки — не пилъ ни вина, ни водки, не курилъ ни трубки, ни папирсъ. Но случалось ему попасть въ Кяхту, и онъ безобразничалъ не хуже обознаго. Бросалъ цыганкамъ по 25 руб., напивался какъ только можно, всѣмъ безъ разбора — и водкой и шампанскимъ; нанималъ хоръ музыки, потому что будто бы безъ музыки онъ не можетъ пить. Однимъ словомъ, денегъ изводилъ кучу, шуму дѣлалъ много. Другой отецъ, не полагаясь на свое домашнее воспитаніе, посылалъ сына въ высшую науку — въ коммерческое училище. Оттуда выходилъ молодой человекъ дѣйствительно воспитанный нѣсколько иначе, чѣмъ воспитался бы онъ дома, подъ чубукомъ папеньки. Но папенька зналъ, что это воспитаніе теоретическое, что двойная бухгалтерія для Сибири еще не нужна, а нужна практика сибирской торговли, и отдавалъ своего сына подѣ

надзорь прикащика. Сынъ, воспитанный не для сибирской торговли, иногда спивался, иногда обдѣивался, а обыкновенно охладѣвалъ къ занятіямъ своего отца. Воспитаніе пробудило въ немъ потребность дѣятельности, но торговля за прилавками, отмѣриваніе и отвѣшиваніе товара покупателямъ не могло удовлетворить его. Онъ хотѣлъ чего-то другого; но чего не зналъ и самъ. Утонченное понятіе о честности, если онъ выносилъ его изъ коммерческаго училища, не подходило подъ уровень мѣстныхъ понятій. Я самъ слышалъ отзывъ о двухъ молодыхъ людяхъ, попавшихъ въ Иркутскъ не по своей охотѣ, что они не годятся для торговыхъ мѣстныхъ дѣлъ и для занятій на золотыхъ промыслахъ, потому что имѣютъ о честности слишкомъ утонченное понятіе. Очевидно, что мѣстная промышленная честность какая-то иная, не общая, а условная, установленная иными общественными понятіями и другими условіями жизни. Что же и кто даетъ товъ этимъ понятіямъ и общественнымъ отношеніямъ? Имъ даетъ направленіе самый составъ сибирскаго населенія и тѣ особенныя мѣры, которыя даютъ то или другое нравственное направленіе цѣлымъ массамъ населенія. Сибирь оттягиваетъ отъ Россіи всѣ ея дурныя соки; постоянный наплывъ поселенцевъ, тысячь по десяти въ годъ, ихъ бродяжническая жизнь, разгулъ промысловыхъ рабочихъ—эти условія не особенно благоприятны для воспитанія утонченныхъ понятій о чести. Купецъ или золотопромышленникъ, имѣющій постоянныя отношенія къ сотнямъ и тысячамъ ссыльныхъ, занятыхъ у него работою, долженъ не только знать ихъ понятія и потребности, но и дѣйствовать такъ, чтобы не лишиться впередъ ихъ, потому что иначе останутся его дѣла. Для этого онъ долженъ приравниваться къ рабочимъ и приближаться къ уровню понятій этого люда. Подобное сближеніе, по закону нравственнаго равновѣсія, сообщаетъ и его понятіямъ и міросозерцанію иной оттѣнокъ. Стремленіе къ приобрѣтенію, или къ наживѣ, и особенное понятіе о коммерческой честности, приобрѣтаемое за прилавкомъ и въ розничной торговлѣ, создаетъ въ мелкомъ, промышленномъ населеніи тоже своеобразную практическую коммерческую мудрость. Даже высшее коммерческое сословіе, воспитавшееся на контрабандной торговлѣ золотомъ, опіумомъ, присмотрѣвшееся къ «сдѣлкамъ», приучается глядѣти снисходительно на окружающій его вѣчно мелочной обманъ. У отдѣльнаго человѣка нѣтъ силы измѣнить сразу понятія тысячи людей и поставить всѣ мѣстныя, общественныя и промышленныя отношенія на уровень тѣхъ высокихъ нравственныхъ правилъ, которыя онъ приобрѣлъ своимъ внѣ-сибирскимъ воспитаніемъ,

или получилъ отъ природы, вслѣдствіе болѣе утонченныхъ нервовъ и болѣе совершеннаго, чѣмъ у другихъ, мозгового вещества. Какой же выходъ такому человѣку? Одинъ изъ двухъ: или онъ самъ долженъ пѣть въ общій тонъ, или идти вразрѣзъ всему его окружающему. Въ первомъ случаѣ онъ дѣлается такимъ какъ и всѣ; во второмъ онъ или впадаетъ въ апатію, или спивается, или уходитъ въ другое мѣсто, гдѣ живутъ люди иначе. Въ Иркутскѣ бывали такіе факты. Отецъ напримѣръ дисконтировалъ векселя, а сынъ его, человѣкъ горячей природы, учившійся въ Москвѣ или Петербургѣ, считая такое дѣло не совсѣмъ чистымъ и не желая продолжать его, задумалъ устроить стеариновый заводъ. Но отецъ нашелъ это дѣло безтолковымъ и денегъ не далъ. Тогда сынъ придумалъ устроить публичную бібліотеку. Накупилъ книгъ, посадилъ прикащика, даже повѣсилъ лампу; но читателей не нашлось, а явилось зачитыванье книгъ и разныя мелочныя неприятности. Мечтатель плюнулъ и бросилъ бібліотеку, а отецъ опять сказалъ ему, что онъ завелъ безтолковое дѣло. Говорятъ, что бібліотекарь началъ пить. Пилъ, пилъ, наконецъ бросилъ; сталъ читать, впалъ въ трусость и нерѣшительность и не сталъ ничѣмъ заниматься. Какой же происходилъ въ немъ внутренній процессъ и какія у него отношенія къ окружающему его обществу? Въ внутреннемъ процессѣ обнаружилась слабость всей нервной системы и мозгового вещества. Человѣкъ задумалъ стеариновый заводъ, а отецъ нашелъ это дѣло безтолковымъ; человѣкъ завелъ бібліотеку, отецъ и тутъ увидѣлъ безтолковость. Отецъ оказался правъ, потому что вмѣсто прибыли явился убытокъ, а сынъ съ горя сталъ пить. Въ чемъ же тутъ горе? и почему непременно нужно начать пить? Слабохарактерные и сердечные люди говорятъ, что человѣка заѣла среда. Среда разумѣется тутъ есть; совокупность извѣстныхъ условій опредѣляетъ дѣйствительно характеръ всей дѣятельности, не только человѣка, но и всего животнаго и растительнаго царства. Такъ въ геологическую эпоху, когда образовывался матеріалъ для вышшняго каменнаго угля, теперешій дубъ и клень расти не могли; когда жили мастодонты и ихтиозауры, не существовало вышшнихъ словенъ и ащерпцъ; точно также какъ и они въ свою очередь не могли жить въ періодъ мастодонтовъ и ихтиозауровъ. Но человѣкъ не грибокъ, не дерево, не папоротникъ. У него нѣтъ корней, и никто не привязалъ его веревками къ извѣстной мѣстности. Если ему худо, что же мѣшаетъ ему уйти туда, гдѣ ему будетъ хорошо? Бібліотекаря вразилась, можетъ быть, Москва или Пе-

тербургская жизнь, ну и оставилъ бы онъ свой Иркутскъ, гдѣ нѣтъ ему простора, гдѣ гнететъ его и деспотизмъ отца, и дикія понятія людей, среди которыхъ онъ живетъ Крыса, и та уходитъ изъ амбара, когда ей жить неудобно, и устроиваетъ себѣ гдѣздо въ другомъ мѣстѣ. А если она не уходитъ, значить ей жить хорошо, и ни одна крыса не повѣритъ ей, если бы она стала жаловаться на свое положеніе. Люди въ этомъ случаѣ гораздо снисходительнѣе и слабохарактернѣе крысъ; потому что они вѣрятъ вздору и не вѣрятъ дѣлу. Если бы библиотекарию было худо, онъ бы ушелъ; а если онъ не ушелъ, значить ему было хорошо, и въ питѣѣ онъ нашелъ себѣ большую усладу, чѣмъ въ тѣхъ условіяхъ, какія могла представить ему московская или петербургская жизнь. У человѣка достало же силы, чтобы начать пить и бросить всѣ дѣла: неужели потребовалось бы больше силы, чтобы бросить свой родной городъ и уѣхать вонъ? Въ томъ-то и дѣло, что для послѣдняго нужны другія условія. Начать пить легко, лишь бы позволялъ желудокъ и позвоночный хребетъ; когда желудокъ не разстроивается и позвоночный хребетъ не болитъ отъ пьянства, можно пить водки много. Общественное мнѣніе не казнитъ человѣка пьющаго; оно только сожалеетъ его, потому что, при условіяхъ русскаго обществія, питье—вещь очень обыкновенная; запой пользуется у насъ правомъ гражданства, и люди умирающіе отъ перепою, вовсе не рѣдкость. Но бросить свой родной городъ, это значить не имѣть никакой связи съ своими родными и домашними, не имѣть съ ними ничего общаго ни въ понятіяхъ, ни въ чувствахъ, ни въ образѣ жизни, ни въ потребностяхъ. Это значить въ томъ же полѣ вырасти особеннымъ цвѣткомъ, совсѣмъ непохожимъ на другіе. Такіе цвѣты и рождаются, но рѣдко. Обыкновенныя же натуры, выросшія въ цвѣтіяхъ своей семьи, на глазахъ глупыхъ мамокъ, нянекъ, безлутной или вороватой дворни, подъ кулакомъ отца и подъ безтолковой лаской матери, пускаютъ крѣпкіе корни въ свою родную почву Коммерческое училище, или даже и университетъ, только познакомить съ иными идеями, дадутъ большую массу свѣдѣній; но изъ глины безсилны сдѣлать черноземъ, или изъ чернозема песокъ. Глина останется глиной, хогя можетъ быть она и приметъ цвѣтъ чернозема. Во всемъ этомъ нѣтъ никакой среды и даже ненужно никакого характера. Кому холодно, тотъ надѣваетъ теплое платье; кто голоденъ, тотъ ѣсть. Но если человѣкъ не надѣваетъ теплаго платья, значить ему нехолодно, и если онъ не ѣсть, значить онъ не голоденъ. Человѣкъ, у котораго не связаны руки и ноги, дѣ-

лаетъ всегда то, что ему нужно и пріятно. Если онъ ѡхотѣ въ Иркутскѣ, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Москву, значить ему пріятнѣе пить, чѣмъ ѣхать. На принятомъ условномъ языкѣ такіе люди зовутся слабохарактерными, но въ сущности тутъ нѣтъ ни слабости, ни силы, а просто ужъ человѣкъ изъ такого матеріала, что все въ немъ спитъ, или засынаетъ легко, что ему и ненужна никакая Москва, никакая дѣятельность, а нужна водка. Люди дѣятельные бросятся въ разгулъ — и изъ нихъ создаются обозные прикащики и кутящіе купеческіе сыны. Люди вялые, слабопервные — засыпаютъ. Но отчего же не засыпалъ отецъ его, который имѣлъ можетъ быть такіе же нервы? Отецъ не засыпалъ потому, что былъ самостоятеленъ, — потому, что, не имѣя средствъ, долженъ былъ добывать ихъ. Слабопервный сынъ только потому и не дѣлаетъ ничего, что у него готовая квартира, готовый обѣдъ и чай. Того же человѣка выпустите безо всего на всѣ четыре стороны — и онъ проснется къ дѣятельности, его перестанетъ заѣдать среда и онъ перестанетъ заниматься безтолковыми дѣлами. Самостоятельность и свобода въ развѣтїи, вотъ чего нѣтъ въ русской купеческой семьѣ, и отъ этого выходитъ все зло. Отецъ забывъ, что, забравшись искателемъ приключеній въ Сибирь, онъ развивался и богатѣлъ опытомъ жизни безъ отцовской указки. Но сдѣлавшись самъ отцомъ, хочеть непременно навязать свой опытъ и свою практику сыну. Жизнь отца была суровая, онъ хочеть держать сурово и своего сына. Дай онъ ему волю, и выйдетъ другое; пусти сына на свободу, пусть избираетъ путь жизни, и изъ сына не выйдетъ ни кутила купеческій сыночекъ, ни разгульный обозный прикащикъ, которые только потому и безобразничаютъ, что отцовскій домъ былъ для нихъ тюрьмой, и потому еще, что отцовскія деньги позволяютъ сидѣть сложа руки и тратить ихъ на женщинъ и на вино. Если изъ такихъ отдѣленныхъ дѣтей и не всѣ уладутся, — что жѣ? — значить и не могло быть иначе. При теперешнемъ же порядкѣ пропащихъ людей еще больше; въ семьѣ вмѣсто мира живетъ скрытая вражда, и сынъ рѣдко занимается дѣломъ своего отца.

Что дѣти не занимались дѣлами своихъ отцовъ или лѣдовъ — весьма просто: каждый дѣлаетъ то, что находитъ для себя выгоду. Дѣдъ напримѣръ былъ мѣдникомъ, передѣлывалъ барнаульскія гривны въ чайники и котлы, или какъ говорить преданіе, нашелъ подъ Иркутскомъ старыя мѣдныя копи. Онъ важиль этия дѣломъ порядочное состояніе: зачѣмъ же сыну продолжать то же дѣло, когда онъ можетъ

найти занятіе болѣе выгодное? И вотъ сынъ заводитъ базарную торговлю, которая гораздо прибыльнѣе и спокойнѣе мѣднаго ремесла. Изъ базарной торговли онъ выбираетъ именно ту, которая даетъ большую прибыль, и начинаетъ торговать такъ называемымъ тяжелымъ товаромъ: руковицами, каргами, чирками, желѣзомъ, сошниками, топорами, самоварами, дробью, свинцомъ и т. д. Или крестьянинъ начинаетъ заниматься доставками, возить товаръ въ Казань, Нижній, Москву, — скапливаетъ деньги. Сынъ его уже не привыкъ къ крестьянскому быту, потому что выросъ не въ крестьянской избѣ, а на пшеничныхъ пирогахъ. Ходить съ обозами онъ не можетъ, и для устройства транспортнаго комиссіонерства не имѣетъ средствъ. И вотъ сынъ открываетъ уже торговлю. Ему кажется выгоднымъ такъ называемый промысловый товаръ и онъ продаетъ его на пріиски. Входя въ сношеніе съ золотопромышленниками и знакомясь съ ихъ дѣломъ, при небольшихъ даже средствахъ можно приняться за то же, а если попадется богатая розсыпь, то нетрудно сдѣлать скоро довольно значительное состояніе. Понятно, почему человекъ со средствами не станетъ заниматься ни дѣланіемъ мѣдныхъ котловъ и не станетъ ходить съ обозами по большимъ дорогамъ. Этими занимаются только начинающіе промышленники. А кто сдѣлалъ уже нѣкоторое состояніе, тотъ или займется торговлей и оборотами болѣе прибыльными и спокойными, или же, при недостаткѣ склонности къ торговлѣ, обращается къ другимъ занятіямъ — идетъ въ медяки, въ чиновники, въ офицеры.

Сибирское купечество еще купечество молодое, оно переживаетъ третье поколѣніе. Дѣды забрались сюда впервые, а теперь торгуютъ только внуки. Дѣды, выходившіе обыкновенно изъ крестьянъ, только клали первое основаніе купеческому капиталу. Сыновья ихъ занимались уже обыкновенно другимъ дѣломъ, потому что большія средства позволяли имъ дѣлать и болѣе выгодные обороты, невозможные для отцевъ, вѣнчавшихъ еще такой силы. Внуки, занимающіеся дѣломъ на ибѣстѣ, ведутъ мелочную торговлю; кто же имѣетъ большія средства, или связанъ съ Москвой, тѣ ведутъ торговлю кахтинскую. Чѣмъ займутся слѣдующія поколѣнія, предвидѣть нетрудно. Для Сибири должно наступить время фабричной, заводской и мануфактурной дѣятельности, и большіе свободные капиталы необходимо обратятся на это дѣло. Съ этихъ же поръ наступитъ разумѣется и наследственность занятій. Прочно устроен-

ное заводское или мануфактурное предприятие не может кончиться скоро. Железный завод уже разумеется будет переходить из рода в родъ, какъ это и есть на Уралѣ, и тогда явятся тѣ прочныя наследственныя формы, которыя есть за границей и которыхъ у насъ почти не существуетъ. Непрочность сибирскихъ торговыхъ домовъ происходитъ именно отъ того броженія, которое неизбежно во всякомъ молодомъ обществѣ; въ Сибири каждый начинается, потому что каждому и нужно начинать; тамъ столько новыхъ нетронутыхъ дѣлъ и такая нужда въ свободныхъ капиталахъ, что только стоитъ скопиться какойнибудь тысячѣ рублей, и для нея найдется тотчасъ же новое помѣщеніе. При такой нуждѣ въ капиталахъ и при тѣхъ выгодахъ, какія они представляютъ, торговля и промышленность имѣютъ въ Сибири особенную заманчивость. Поэтому каждый ремесленникъ и мастеровой стремится заняться торговлей и попасть въ купцы. Подвижность, замѣчаемая въ торговомъ сословіи, при которой дѣти переходятъ или въ другія сословія, или начинаютъ заниматься не тѣмъ, чѣмъ занимались ихъ родители, замѣчается также и въ сословіи ремесленниковъ, съ той разницей, что здѣсь уже сами родители хлопочутъ о судьбѣ дѣтей. Каждый почти ремесленникъ, и уже всегда вдова—мать, стараются помѣстить своего сына въ мальчики въ лавку, чтобы вывести его потомъ въ прикащики, а при счастья и въ купцы. Такой порядокъ живетъ крайнейшей мѣрѣ въ Иркутскѣ, и если съ одной стороны люди выбываютъ изъ купечества, обращаясь къ другимъ занятиямъ, за то съ другой, мѣста ихъ пополняются, съ избыткомъ, новымъ купечествомъ, выходящимъ изъ мѣщанства и ремесленниковъ. А почему имъ такъ желательно сдѣлаться купцами, читатель увидитъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Мѣщане.

Иркутское мѣщанство, какъ вообще мѣщанство всѣхъ русскихъ городовъ, занимается разными ремеслами, торговлей и промыслами.

Цѣтъ ремесленниковъ составляютъ потомки ссыльныхъ, работавшихъ въ ремесленномъ домѣ. Ссылные, отработавшіе свой срокъ въ этомъ ремесленномъ, или рабочемъ домѣ, устроивали подлѣ, или недалеко отъ него, свой домъ, обзаводились хозяйствомъ, продолжали свое занятіе, учили ремеслу своихъ дѣтей; и наконецъ мало по малу выросъ подлѣ острога посадъ, или подгородная слобода. Теперь ее населяютъ потомки бывшихъ ссыльныхъ, занимающіеся своими наследственными ремеслами. Приходившіе впоследствии ссыльные и приходящіе теперь, если они знаютъ какое нибудь ремесло, и если не нашли себѣ работы болѣе выгодной на промыслахъ, нанимаются въ рабочіе къ этимъ ремесленникамъ-старожиламъ. Этимъ путемъ выходила и выходитъ до сихъ поръ большая часть городскихъ мастеровъ. Особенность мастеровыхъ ремесленной слободы въ томъ, что они не лезли въ купцы, оставались такъ называемыми малолѣтками, и до сихъ поръ остаются вѣрны своему наследственному занятію. Они держатъ себя лучше собственно городскихъ мѣщанъ, съ большимъ чувствомъ достоинства, честнѣе, обшаму, покрайней мѣрѣ мелочного, въ нихъ незамѣтно, одѣваются хорошо и если наивваются, то не въ бабакѣ, а дома. Есть дома, въ которыхъ выписываютъ даже газеты. Особенно замѣтнаго состоянія у этихъ людей незамѣтно, но живутъ хорошо.

Воспитаніе мѣщанскихъ дѣтей относительно также плохо, какъ и воспитаніе дѣтей купеческихъ. Въ нравственномъ отношеніи мѣшаютъ воспитанію сами матери, а въ техническомъ — общая техническая отсталость населенія, рутина и отсутствіе внутренней силы самихъ мастеровыхъ для прогрессивнаго движенія впередъ. Кто учить французскую модистку, когда она придумываетъ новый фасонъ шляпки, или новый покрой платья? Кто учить мѣща — столара, или экипажнаго мастера новому фасону мебели и экипажа? Учить его собственное развитіе, его собственный смыслъ. Такого смысла въ иркутскихъ мастерахъ нѣтъ. У нихъ ни столарь, ни экипажный мастеръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о рисованьи, и работаютъ они по старому фасону, пока кто нибудь не выпшметъ изъ Москвы или изъ Петербурга экипажъ или мебель новаго фасона, или пока вновь сосланный мастеровой не принесетъ къ нимъ новое знаніе. Это техническое невѣжество очень обыкновенная вещь между русскими ремесленниками и не одного Иркутска. Въ иркутскомъ ремесленникѣ незамѣтно той черты, которой отличается ремесленникъ — нѣмецъ. Нѣмецъ гордится своимъ реме-

слово, и какойнибудь сапожникъ, или столяръ, говорить съ такой же гордостью, что онъ сапожникъ, какъ если бы ему пришлось говорить, что онъ генералъ-фельдмаршалъ. Сибирскій ремесленникъ еще не умѣетъ гордиться своимъ занятіемъ; онъ не доросъ до этого, потому что еще не имѣетъ силы разстаться съ азіатскими понятіями. Трудъ, какой бы онъ ни былъ, составляетъ для ремесленника иркутскаго крайнею потребностью, а непріятное занятіе. Онъ, какъ и сосѣдь его степной киргизъ, работаетъ только изъ крайности, и если не стыдится труда и не наваливаетъ его на свою жену, тѣмъ не менѣе живетъ только для праздника, и праздничанье считаетъ высшимъ благомъ и цѣлью своей жизни. Это праздничанье поглотаетъ главнѣйше все доходы иркутскаго ремесленника. Имѣя потребности вообще ограниченныя, а заработокъ весьма достаточный, ремесленникъ скопить наконецъ довольно значительную, по его потребности, сумму. Но вотъ пришелъ праздникъ и все деньги уходятъ на него. Накупятъ вина, напекутъ разныхъ разностей. Сами же во все праздники не ѣдятъ и не пьютъ почти ничего. Когда напьются, начинаютъ ходить изъ дома въ домъ, и хозяинъ, къ которому пришли гости, если у него нѣтъ денегъ на вино, отдаетъ въ закладъ свое послѣднее платье. Такая ходьба и пьянство тянутся иногда сутокъ трое. Праздниковъ же у ремесленниковъ много: именины самого хозяина и его жены, Рождество, Пасха, масляница, Петровъ день и престольные праздники. Праздникъ въ Иркутскѣ имѣетъ такое значеніе и не для однихъ ремесленниковъ. Купечество тоже чтитъ праздники, и все обновки, все улучшенія въ домашнемъ быту дѣлаются только къ празднику или, говоря точнѣе, къ Святой и къ Рождеству. Если бы потребовались въ домѣ новые обои, или по оклѣять комнату зимой, или среди лѣта, а непременно въ посту, къ Святой. Если нужно водновить экипажъ, его не отдадутъ мастеру лѣтомъ, а въ посту, чтобы онъ вышелъ новенькимъ къ Святой, и такъ во всемъ. Если празднику даетъ такое большое значеніе русскій крестьянинъ, это понятнo—ему нуженъ отдыхъ и развлеченіе послѣ его утомленнаго земледѣльческаго труда. Но чему радуется купецъ, или хозяинъ, ремесленникъ, нѣтъющій рабочихъ? По нѣтънo рабочихъ, великому нѣкотораго основанія, у хозяина всегда праздникъ: когда захочетъ послать за пивомъ, тогда и пошлетъ; когда вздумаетъ идти въ гости, тогда и пойдетъ. Купечество въ этомъ случаѣ имѣетъ пожалуй еще менѣе правъ на праздникъ, и если среди него сохранилось такое чествованіе праздниковъ и любовь къ нимъ, то это происходитъ отъ ру-

твы, отъ наслѣдственной передачи семейныхъ привычекъ и обычаевъ, вошедшихъ въ купеческій бытъ изъ быта крестьянскаго, этого первообраза сибирской купеческой семьи.

Между праздниками ремесленниковъ и купцовъ огромная разница. Праздникъ ремесленника имѣетъ своей особенностью то, что въ этотъ день ремесленникъ истрачиваетъ свои деньги до послѣдней копейки. Праздникъ же купца и вообще состоятельнаго иркутскаго жителя важенъ тѣмъ, что даетъ ремесленнику средства для существованія. Постоянныхъ работъ у иркутскихъ мастеровыхъ нѣтъ. То работа набѣжить, то ее нѣтъ долго. Обыкновенно усиленный заработокъ ремесленниковъ начинается съ третьей недѣли великаго поста, т. е. къ Пасхѣ, или же къ Рождеству. Въ это время является работа только случайная.

Въ этихъ праздничаньяхъ и гулянкахъ мастерового видна ясте всего его неразвитость. Живя только для праздника, онъ тратитъ на нихъ все свои сбереженія и остается по прежнему въ той же жалкой мастерской и при тѣхъ же бѣдныхъ, несовершенныхъ, допотопныхъ инструментахъ; у него нѣтъ въ запасѣ ни денегъ, ни матеріала для работы. Дѣлая заказъ, нужно дать мастеру деньги впередъ, иногда даже почти все, потому что иначе ему не на что купить матеріала. У столяра рѣдко есть запасной лѣсъ, а у кузнеца желѣзо; случается часто, что столяръ, получивъ заказъ, покупаетъ лѣсъ на задатокъ. Поэтому почти вся мебель дѣлается изъ сырого лѣса; приходится долго ждать исполненія заказа, и спѣшная старая работа невозможна. Отъ этой же причины является невольная неаккуратность, даже у честнаго мастера. Взявъ онъ заказъ къ сроку, но у него нѣтъ готоваго лѣса. Лѣсъ, положимъ, нашель на базарѣ, но остановка опять за пилящиками, которыхъ или не можетъ найти, которые заняты другой работой. На замѣчаніе, почему мастерскія ихъ такъ плохи, мастера отвѣчаютъ, что отъ лучшей мастерской работы не прибавится, и сколько есть ее въ городѣ, столько и будетъ; а заказчикъ тоже вѣсто рубля не дастъ два. Общая черта въ отношеніяхъ мастеровыхъ къ заказчикамъ въ томъ, чтобы взять съ нихъ какъ можно дороже. По мнѣнію мастеровыхъ какъ ни удешевляя работы—больше не получишь; поэтому ужъ лучше брать какъ можно дороже.

Заказы зависятъ отъ протекціи и рекомендаціи; безъ нихъ найти

работу трудно. Причина понятна: заказчикъ, разумѣется, старается найти хорошаго и выгоднаго мастера. Онъ справляется о немъ у знакомыхъ, или прямо обращается къ лучшему мастеру въ городѣ. Недовѣріе къ ремесленникамъ явилось потому, что они не давали никогда особеннаго повода полагаться на ихъ честность. Разумѣется въ этомъ случаѣ виновато частью и отсутствіе ремесленной гласности. Какимъ напримѣръ образомъ узнаетъ пріѣзжій, кто въ Иркутскѣ лучшій часовой мастеръ, кто лучшій портной, каретникъ, сапожникъ и т. д.? Онъ не только не узнаетъ, кто тамъ лучшіе мастера, но, ходя по улицамъ и отыскивая вывѣски, подумаетъ, что въ городѣ нѣтъ ни одного портного, ни одного каретника, ни одного сапожника. Только послѣ распросовъ узнаетъ, что гдѣ-то за городомъ, версты три отъ центра, бѣжить рѣчка Ушаковка, а за ней лежитъ ремесленная слобода, въ которой живетъ первый каретникъ Милютинъ. Пусть бы городъ устраивалъ ремесленные выставки, пусть бы онъ давалъ преміи или медали лучшимъ мастерамъ и публиковалъ объ этомъ, тогда мастера вѣроятно поспѣшили бы украсить своими объявленіями коридоры и переднія гостиницы. Впрочемъ почему же вѣроятно? Вѣроятнѣе, что этого бы не было. Такой гласности еще мало даже въ большихъ городахъ, какъ Москва и Петербургъ, а Иркутску до нее дожить еще не скоро.

Какъ у столяровъ нѣтъ всѣхъ имъ нужныхъ инструментовъ, такъ и у кузнецовъ. Желѣзо у нихъ всегда дурное; въ кузницѣ одна наковальня, пять-шесть молотовъ, одна винтовальная доска, да нѣсколько терпуговъ. Если нужно отдѣлать ось, кузнецъ третъ ее напильками. Не говоря уже про потерю времени, но и работа выходитъ плохая. Дѣло дѣлается не такъ, потому что ни у одного иркутскаго кузнеца нѣтъ токарнаго станка. Публикѣ до этого нѣтъ никакого дѣла; ей только дай дешевую вещь, а какъ она сдѣлана, того никто не хочетъ знать. И мастера правы, не дѣлая улучшеній въ своихъ мастерскихъ. Токарный станокъ обойдется съ доставкой рублей въ полтораста. Оси, разумѣется, станутъ выходить лучшаго качества, но кто изъ покупателей согласится платить мастеру дороже за эту лучшую работу? Какъ публика не довѣряетъ мастеру, такъ точно и мастеръ не цѣнитъ высоко публику. Онъ убѣжденъ, что иркутская публика не сумѣетъ отличить оси точеной отъ неточеной, и предпочтетъ изъ нихъ ту, которая дешевле. Но и публика невиновата въ томъ, что ищетъ дешеваго и

предпочитаетъ ось неточеную. Весь экипажъ иркутскаго издѣлія такого свойства и такой тяжести, что едва ли въ немъ можетъ обнаружиться разнища, когда вмѣсто точеной поставится ось неточеная. Да и лошади иркутскія тоже не такого нѣжнаго воспитанія, и улицы города не такого свойства, чтобы почувствовали или дали почувствовать подобную разнищу. Вотъ почему иркутянинъ ѣздитъ на неточеной оси также хорошо, какъ на точеной, и лошадь его работаетъ подъ кнутомъ съ такимъ же точно усердіемъ, съ какимъ бы она везла экипажъ самого тонкаго англійскаго издѣлія. Это и есть настоящая среда, т. е. когда всѣ обстоятельства приладились такъ одно къ другому, что улучшение одной частности совершенно невозможно безъ разстройства гармоніи цѣлаго. Нужно измѣнить условія мѣста такъ, чтобы явилась возможность общаго, одновременнаго прогресса, тогда и всѣ частности измѣнятся въ своей общей совокупности. Можно, разумѣется, обвинять ремесленника, какъ это я и сдѣлалъ, зачѣмъ онъ праздничаетъ, зачѣмъ прокучиваемыя деньги онъ не употребляетъ на улучшение своей мастерской, зачѣмъ у него нѣтъ сухого лѣса, почему, у кузнеца плохое желѣзо и не заведено токарнаго станка; наконецъ, зачѣмъ онъ лѣзаетъ топорные экипажи и т. д. Но чтобы быть справедливымъ, нужно въ то же время спросить и у крестьянина, зачѣмъ у него такая дурная избенка, зачѣмъ онъ обрабатываетъ дурно свою пашню, зачѣмъ онъ не имѣетъ ухода за своимъ рогатымъ скотомъ, зачѣмъ онъ кормитъ свою лошадь дурно, а бьетъ ее больно, и обыкновенно безъ нужды, зачѣмъ баба его не разводила льна и не умѣетъ съ ничѣмъ обращаться, зачѣмъ мужикъ изъ пшеницы приготовляетъ такую муку, что хлѣбъ выходитъ чернѣе ржаного, зачѣмъ у него скотъ въ 40 градусные морозы стоитъ подъ открытымъ небомъ. Нужно спросить и купца, зачѣмъ онъ на свой товаръ беретъ 40, 50, а иногда и 200 проц. барыша, зачѣмъ его торговля не отличается чистотой и расчетомъ англійскихъ торговцевъ, зачѣмъ онъ идетъ такъ охотно на сдѣлки, зачѣмъ онъ неразборчивъ въ средствахъ наживы, за чѣмъ онъ бьетъ своего сына желѣзной полосой, зачѣмъ онъ учитъ его только читать, да писать, да зазывать покупателей и искусству во что бы то ни стало не выпустить покупателя изъ лавки, не продавъ ему товара; за чѣмъ его жена и дочь сидятъ весь свой вѣкъ сложа руки и ѣдятъ только жирныя шаньги, да пироги, толстѣютъ, да спать, да наряжаются къ празднику; зачѣмъ у насъ въ домѣ вѣчная воркотня, зачѣмъ купеческая семья похожа на клетку

есь разнородными и разнохарактерными звѣрями, которые при первой возможности свободы разбѣгаются въ разные стороны. Нужно спросить прислугу, зачѣмъ она обворовываетъ своихъ господъ, зачѣмъ горничная распутничаешь, а кухарки стараются утащить всякій лакомый кусочекъ; зачѣмъ кучеръ общитывается хозяина на сѣнѣ и овсѣ и держитъ лошадей въ проголодь. Нужно спросить обозного и купеческаго сына, зачѣмъ они безобразничаютъ въ трактирахъ и въ публичныхъ домахъ; нужно спросить сидѣльца въ лавкѣ, зачѣмъ онъ обмѣриваетъ и обманываетъ покупателя, а покупателя—зачѣмъ онъ не платитъ купцу долговъ, а при случаѣ не гнушается и украсть изъ лавки что ему нужно. Можно спросить и чиновника и офицера, да и мало ли кого можно спросить, зачѣмъ они дѣлаютъ и поступаютъ такъ, а не иначе. Когда читатель найдетъ отвѣты ко всемъ этимъ «зачѣмъ», онъ узнаетъ почему и у иркутскаго купца нѣтъ токарнаго станка и почему иркутскій столяръ дѣлаетъ мебель изъ сырого лѣса и не исполняетъ заказъ къ сроку. Каждому народу въ Европѣ можно предложить подобные вопросы; но вопросы будутъ иного свойства. Англичанина нельзя спросить, почему у него оси неточеныя, потому что онъ ѣздитъ на осяхъ точеныхъ; его нельзя спросить, зачѣмъ онъ не кормитъ свою лошадь, а только бьетъ ее, потому что онъ этого не дѣлаетъ; его нельзя спросить, почему онъ ѣстъ черный хлѣбъ вмѣсто пшеничнаго хлѣба, потому что онъ ѣстъ булки бѣлыя, какъ сивѣгъ; его дочь или жену нельзя спросить, почему онѣ только ѣдятъ да спятъ, потому что онѣ занимаются дѣломъ; его нельзя спросить, зачѣмъ у него нѣтъ правды и справедливости въ судѣ и въ полициѣ, потому что правосудіе живетъ у него и въ томъ, и другомъ мѣстѣ. Но и англичанину можно предложить вопросы другого рода, когда и онъ затруднится отвѣтами. И у него есть обиженные и угнетенные; и у него есть пролетаріи, и нищія, и умирающіе съ голоду; и у него есть неправда, тупость и невѣжество; и у него есть трусы, и дураки, и воры, и негодяи. Всѣ эти вопросы чисто физиологическаго свойства, и на нихъ явится точный отвѣтъ, когда естественныя науки опредѣлятъ вполне свойство мозгового вещества и нервной системы человѣка; когда люди узнаютъ, отчего зависитъ впечатлительность и тонина ощущеній; когда они опредѣлятъ, почему мѣдная проволока при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ обнаруживаетъ именно такія свойства, а проволока серебряная или золотая, при тѣхъ же условіяхъ, обнаруживаетъ свойства иные; наконецъ, когда они опредѣлятъ, какимъ измѣненіемъ въ расположеніи частицъ можно превратить мѣдъ

въ серебро или золото, во сколько времени и какой силой. Если люди не узнают этого никогда, тѣмъ хуже для нихъ; они докажутъ этимъ только, что не ушли далеко отъ крысъ и отъ мышей, животныхъ хотя и весьма способныхъ, но не особенно сильныхъ въ естественныхъ наукахъ.

Техническое воспитаніе иркутскаго ремесленника совершается очень просто. Положимъ, сынъ мѣщанина отдается на выучку къ столяру, обыкновенно по контракту на 3—5 лѣтъ. Содержаніе и одежда—отъ хозяина, жалованья же или на карманные расходы ни гроша. Ученикъ ѣсть вмѣстѣ съ хозяиномъ за однимъ столомъ. Платье дается всегда плохое: полушубокъ, халатъ, двѣ рубашки, двое штановъ и сапоги. Но сапоги надѣваются только тогда, когда приходится идти вѣдъ дома: дома же мальчикъ ходитъ босикомъ. Это считается удобнѣе; говорятъ, что не такъ жарко ногамъ. Обязанность мальчика въ первое время, а пожалуй и до конца ученья бѣгать въ кабакъ за виномъ, сходить на базаръ, вынести мастерскую, принести воду или съѣздить за ней на лошади, отвезти съ хозяйкой на рѣку бѣлье для полосканья. Это домашнія, хозяйственныя занятія мальчика, какъ члена пріютившей его семьи. По технической же части онъ дѣлаетъ сначала деревянныя гвозди, разогрѣваетъ клей, затѣмъ дѣлаетъ наръзки, пилитъ, сколачиваетъ щипки и такъ постепенно идетъ дальше и дальше въ своей наукѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ, и то если не забалуется, можетъ выдти порядочнымъ столяромъ. Затѣмъ онъ поступаетъ къ другому хозяину, или остается у своего учителя, на жалованіи, получая отъ 10 до 30 рублей въ мѣсяцъ, на хозяйскомъ содержаніи. Женятся они обыкновенно рано — лѣтъ 25, если только не сопьется, и, скопивъ деньги, открываетъ свою мастерскую. Такъ поступаютъ порядочные; но много и такихъ, что спиваются и бѣгаютъ цѣлый вѣкъ по чужимъ людямъ. Столяру обзавестись своей мастерской легко: верстакъ сдѣлаетъ самъ, а 3 стружка, 5—6 стамесокъ, пила и топоръ стоятъ недорого. Даже въ большихъ мастерскихъ хозяева не обзаводятся хорошими и въ достаточномъ числѣ разнообразными инструментами, а крутятся и изворачиваются дешевенькими и плохими, не заботясь объ улучшеніяхъ. Столярная работа здоровая, веселая, опрятная, и работа у себя въ дому. Поэтому ученикъ или рабочій живетъ постоянно въ хозяйской семьѣ и вражды въ отношеніяхъ у нихъ не можетъ явиться, потому что они ѣдятъ и пьютъ за однимъ столомъ одно и то же. При жизни въ семьѣ, когда у хозяи-

на есть взрослые дочери легко образуется домашняя связь, болѣе интимная и дѣло кончается бракомъ.

Въ праздники хозяинъ позволяетъ мастеровымъ и ученикамъ работать на себя; они дѣлаютъ садки (кѣтки), западни, ящики, шкатулки и т. п. Со средствами является обыкновенно и щегольство, а щеголь держитъ себя уже лучше, не пьетъ, не дурачится. Правда, сохраненію нравственности рабочиыхъ способствуетъ много самое загородное полженіе ремесленной слободы. Въ ней нѣтъ трактировъ, нѣтъ большихъ фабричныхъ артелей, базаръ далеко, въ центрѣ города, такъ что ученикъ воспитывается и растетъ внѣ соблазновъ, въ семьѣ, въ женскомъ обществѣ. Но и женское общество, а особенно воспитаніе матери дѣлствуетъ не всегда полезно, можно сказать, что всегда болѣе вредно. Отецъ бьетъ или за дѣло, или подъ пьяную руку, или сгоряча, чтобы вымѣстить на комъ нибудь досаду; мать же ругается и дерется безтолково и также безтолково балуетъ, и своимъ кормленіемъ расслабляетъ организмъ ребенка. Мать же первая учитъ и лжи. Сынъ прогулялъ, зашалилъ и не явился въ срокъ къ хозяину, мать беретъ вину на себя, или сочиняетъ ложь, чтобы оправдать сына. Поступая безъ толку въ минуты нѣжности, мать еще безтолковѣе въ минуты досады. Угорѣла ли она, разлила ли горшокъ щей, или разбила чашку, она ужъ бранитъ сына за все варнакомъ (каторжный), ворчитъ, что и сталъ и сѣлъ не такъ, и даже бьетъ, а потомъ суетъ пирогиъ. Поэтому гдѣ ворчливая хозяйка, а этимъ свойствомъ отличаются именно иркутскія сибирячки, въ дошѣ вѣчная ажитация, постоянная воркотня и ругань то мужа, то дѣтей. Эта воркотня дѣлается вовсе не потому, чтобы баба сердилась, а такъ по привычкѣ, отъ воспитанія; она сама выросла на той же воркотнѣ и думаетъ, что хозяйка безъ воркотки, какъ плотникъ безъ топора. А болшею частью и этого не думаетъ и ворчитъ себѣ такъ. Обращеніе съ дѣтьми вообще суровое; пришли ли гости, подали имъ пироги и закуски, — ребенокъ потянется къ сладкому, а мать ему въ шею пинка: — вишь, невѣжа, неголай, варнакъ. Розги въ большомъ ходу и любимая исправительная мѣра отцевъ; матери же болше даютъ пинки, подзатыльники, ругаются и ворчатъ.

Жены ремесленниковъ, обыкновенно огородницы, разводятъ табакъ, огурцы, держатъ коровъ; огородъ даетъ рублей сто и болѣе. Или же торгуютъ на базарѣ мелочью, что даетъ также копѣекъ отъ 20 до 60

въ день. Лѣтомъ, когда работы мало, ремесленники занимаются охотой съ ружьемъ, ловятъ рыбу, собираютъ грибы, ягоды.

Особенно большіе расходы у мѣщанъ въ праздники и въ крупныя моменты жизни, какъ свадьба, крестины или похороны. Крестины у человѣка средняго состоянія обходятся не менѣе какъ въ 25 руб. сер., свадьба отъ 300 до 500 руб., даже похороны взрослога отъ 50 до 100 рублей. За то на воспитаніе дѣтей тратится немного, не больше 20 руб. въ годъ. такъ что воспитаніе ребенка, смотря по 3 или 5 лѣтнему сроку, обойдется въ 60 до 100 рублей серебромъ. Дѣвочекъ не учать.

Живутъ вообще благочестиво — соблюдаютъ посты, ходятъ въ церковь Разврату въ семьяхъ незамѣтно: жены не гуляютъ, мужа тоже. Противное этому составляетъ уже исключеніе. Причина въ томъ, что люди заняты вѣчно дѣломъ и воображенію работать некогда. Много помогаетъ этому и правильная физическая жизнь: при работѣ ремесленникъ ѣсть и спать хорошо, чтить среду и пятницу, удерживая свои страсти, и оттого вообще плодородны. Если хозяинъ женатъ, то спитъ большею частью на постели; холостые же — въ повалку или на верстакахъ. Если у хозяина есть взрослая дочь, и она спитъ тутъ же; но насколько это портитъ нравы — сказать не умѣю.

Каждый столяръ, устроившій свою мастерскую, старается и обзавестись своимъ домомъ. Жизнь на квартирѣ неудобна; обыкновенно ссоры съ хозяиномъ, то изъ за пропавшаго инструмента, то изъ за дровъ, которыми хозяинъ пользуется насчетъ столяра; то изъ за другихъ какихъ нибудь мелочей.

Праздникъ для семьи составляетъ большую радость, особенно для женщинъ. Все что дѣлается — дѣлается какъ бы только для праздника. Можно думать, что если бы не было праздниковъ, то женщины никогда не шили бы себѣ платьевъ, не чесались, не мылись и не мыли и не чистили своихъ домовъ. Все это дѣлается какъ будто не для себя, а напоказъ сосѣдямъ и знакомымъ. Вообще тщеславіе и суетность развиты сильно между мѣщанскимъ населеніемъ. Впрочемъ укрѣпить въ этомъ исключительно мѣщанское населеніе иркутскаго края несправедливо. Эта азіятская черта сидитъ крѣпко во всемъ сибирскомъ населеніи и даже въ тѣхъ слояхъ общества, которые стоятъ далеко выше мѣщанскаго круга. Щегольство развито тоже очень сильно: жена мастера имѣетъ для праздниковъ непременно шелковое платье и со-

лопъ, крытый шелковой матеріей. Только самыя бѣдныя не имѣютъ этихъ необходимыхъ признаковъ жевы хозяина мастерской.

Большихъ рабочихъ мастерскихъ въ Иркутскѣ почти нѣтъ; найдется ихъ двѣ, три—небольше. Обыкновенно же хозяинъ или одиночка работаетъ съ учениками или съ однимъ - двумя рабочими. Рабочихъ для большой мастерской имѣть въ Иркутскѣ трудно. Ремесленники пришлые изъ Россіи народъ большею частью пьяный и безпутный. Когда онъ только-что пришелъ и ищетъ себѣ мѣста, то отличается обыкновенно и трезвостью и кротостью. Но забравъ задатокъ и начиная присматриваться къ краю, къ мѣстнымъ обычаямъ и заработкамъ, наконецъ узнавъ, что рабочія руки здѣсь рѣдки, что въ нихъ нуждаются всѣ, и ремесленники, и золотопромышленники, и городское население,—рабочій начинаетъ давать себѣ уже особую цѣну и держать себя какъ человѣкъ, въ которомъ нуждаются и котораго нужно цѣнить. Тогда онъ негнужируетъ работой, пьянствуетъ дня по три въ недѣлю, прискиваетъ подъ рукой другаго хозяина, сговаривается съ нимъ въ цѣнѣ, беретъ задатокъ и уходитъ, не отработавъ даже забранныхъ впередъ денегъ. Управы на такого человѣка цѣтъ никакой и съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Онъ всегда правъ и по его мнѣнію виноваты всегда другіе; честнаго слова для него не существуетъ, никакихъ обязательствъ онъ не хочетъ знать, жить онъ можетъ подъ открытымъ небомъ, даже безъ тѣды, если есть на что выжить, а на это всегда найдутся деньги, потому что дается и большое жалованье и въ задатокъ даютъ рублей 25 сер. и даже до 50. Съ такими наклонностями человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго чувства, и пьяный и безчестный, переходитъ отъ хозяина къ хозяину, наконецъ уходитъ на золотые промыслы, шатается по нѣскольку лѣтъ еряду съ промысла на промыселъ и слоняется такъ цѣлый свой лѣтъъ какъ волкъ, безъ дома и пріюта, пока не обопьется, или не убьютъ его свой же товарищъ, или не умретъ онъ въ полѣ подъ кустомъ отъ неизвѣстной причины. И тогда въ «Иркутскихъ Вѣдомостяхъ» явится объявленіе, что въ такой-то волости подъ кустомъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, найдено мертвое тѣло несчастнаго человѣка, безъ признаковъ насилія. Вотъ и конецъ человѣческой карьеры! А отчего онъ умеръ подъ кустомъ въ восточной Сибири, а не гдѣ нибудь въ Петербургѣ, въ роскошной спальнѣ, окруженный всеми удобствами, банками, стлянками и знаменитыми докторами? А все причиной нервы, да мозговое вещество, которымъ обстоятельства не позволили развиться такъ, какъ они развиваются у человѣка, живу-

шаго въ иныхъ условіяхъ и въ иной матеріальной средѣ. Растительная или животная ячейка — все ячейка, и въ одномъ случаѣ развивается изъ нея дубъ, въ другомъ—дождевикъ или плесень.

Мѣщане ремесленники или мастерские составляютъ мѣщанскую аристократію города. Къ нимъ же относится такъ называемые домовые мѣщане, которые выходятъ изъ купеческихъ прикащиковъ. Такой мѣщанинъ, обзаведись своимъ домомъ, или торгуетъ въ домовой лавочкѣ, или покупаетъ тѣлеги, дуги, ободья, сани и продаетъ ихъ обознымъ, или же и самъ собираетъ и составляетъ тѣлеги. Мѣщане этого сорта люди обыкновенно болѣе развитые, болѣе способные, болѣе знающіе и болѣе образованные. Но у кого способности слабѣе, кто не владѣетъ никакимъ ремесломъ, а владѣетъ только вѣчно голоднымъ желудкомъ и крѣпкими сильными руками, тотъ идетъ въ наемщики и въ чернорабочіе. Эти мѣщане чернорабочіе выходятъ обыкновенно изъ бѣдныхъ семействъ, неприучившихъ своихъ дѣтей ни къ чему, изъ людей неспособныхъ для другаго дѣла. Они обыкновенно таскаютъ кирпичи на постройкахъ, переносятъ тяжести, завязываютъ воза, причемъ ихъ зовутъ *воровязами*. А это произошло отъ того, что если прикащикъ не угладитъ за ними при увязываніи чайныхъ обозовъ, то они воруютъ совки и прячутъ украденный чай въ голенища и даже просто въ штаны. Чтобы воровязы воровали меньше, имъ на артель дается по фунту чая. Но это не помогаетъ. Кража совершается обыкновенно ассоціаціей и все украденное дѣлится артелью. Этотъ фактъ важенъ между прочимъ въ томъ отношеніи, что убѣждаетъ, что и въ русскомъ чловѣкѣ есть склонность и способность къ ассоціаціи. Но только отчего артельность эта не проявляется нигдѣ? Отчего въ Иркутскѣ ни одно ремесло не производится ассоціаціей и не существуетъ ремесленныхъ артелей, а артели воровозовъ есть, и не одна, а составляются они съ неистижимой легкостью при всякой укладкѣ обозовъ и всякій разъ изъ новыхъ членовъ? Очевидно, что занятіе такимъ дѣломъ не только въ мѣстныхъ нравахъ, но что, по понятіямъ рабочихъ, въ немъ нѣтъ ничего предосудительнаго. И действительно это такъ. Воровство въ Иркутскѣ, да и вообще во всей Сибири, живетъ крѣпко въ нравахъ. Отъ него не страдаютъ, можетъ быть, особенно чиновники и начальства; но въ быту мѣщанскомъ и крестьянскомъ воровство такъ развито какъ нигдѣ въ мірѣ. Полиція, разумѣется, не знаетъ о всѣхъ случаяхъ мелочнаго воровства, да и не можетъ знать о нихъ, потому что никто не ходитъ въ полицію съ объявленіями, когда случилась небольшая кража.

Да и къ чему поидеть мѣщанинъ или крестьянинъ объявлять, что у него унесли изъ дому рубль денегъ, или шапку, или кушакъ, или платокъ, или даже кафтанъ и полушубокъ? Найти покражу невозможно и ни у какой полиціи не достанетъ ни силъ, ни средствъ открыть ее; а между тѣмъ только затѣешь дѣло, да потеряешь время. Полиція ничего не сдѣлаетъ, когда самъ народъ воруетъ и не предпринимаетъ ничего для уничтоженія воровства. Между тѣмъ и народъ понимаетъ это хорошо—разумѣется не въ массѣ, а отдѣльныя лица. Мнѣ приходилоо говорить съ возчиками и спрашивать ихъ о дорожныхъ ворахъ, подрывающихъ обозы. Воровство этого рода такъ укоренилось въ Сибири, что едвали удастся прекратить его скоро полицейскими и судебными мѣрами, если сами крестьяне не примутся за его искорененіе. Крестьяне отлично знаютъ другъ друга, и знаютъ они хорошо своихъ воровъ, и все таки они терпятъ ихъ въ своемъ обществѣ—и не только терпятъ, но смотрятъ на нихъ такъ свиходительно, что если бы вопросъ коснулся удаленія вора изъ мѣста жительства, большинство станетъ на его сторонѣ и общество принимаетъ къ себѣ вора вновь. Только одна Сибирская привычка къ тому, что дѣлается тамъ кругомъ, позволяетъ смотрѣть на все равнодушно; но человѣку свѣжему всѣ эти обыкновенныя вещи представляются совѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Разумѣется, можно привыкнуть ко всему. Привыкаютъ же люди жить въ сосѣдствѣ со львами, тиграми, гремучими змѣями; играли же наши офицеры въ Севастополѣ въ карты, подъ страшнымъ огнемъ и мѣрами французскихъ и англійскихъ бомбъ и ядеръ. Можно привыкнуть ко всему. Но зачѣмъ же говорить, что нѣтъ воровства, грабительства и убійства, когда они есть? Зачѣмъ хвалить и даже восхищаться мѣстной безопасностью, когда ея нѣтъ въ дѣйствительности? Если севастопольскіе офицеры играли въ карты подъ непріятельскими выстрѣлами и смотрѣли равнодушно на ядра и бомбы, изъ этого еще не слѣдуетъ, что бомбы и ядра не летѣли въ Севастополь. Если африканецъ привыкъ къ сосѣдству тигра и гремучей змѣи, изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ вовсе нѣтъ въ Африкѣ. Изъ своего смѣшнаго сибирскаго патриотизма и желанія похвалить свою родину и увѣрить, что въ ней все лучше, чѣмъ въ Россіи,—Сибиряки даже и не замѣчаютъ, что они говорятъ вещи совершенно неправдоподобныя. Разумѣется, тамъ нѣтъ безпрестанныхъ грабежей или убійствъ, и спокойнѣе чѣмъ на Кавказѣ, но и только: личная же безопасность каждаго человѣка подвергается далеко большому риску, чѣмъ въ любой, даже самой безопасной, мѣст-

ности Россіи. Въ Сибири не существуетъ статистическихъ свѣдѣній по этому предмету—и вотъ почему только Сибиряки и могутъ продолжать свою вѣчную похвалу удивительной нравственности Сибирскаго населенія.

Кромѣ поски камней и увязыванія обозовъ, мѣщане чернорабочіе занимаются зимой возкой и выгрузкой дѣса, осенью и весной, когда нѣтъ камешныхъ работъ или ихъ меньше; нѣкоторые работаютъ даже въ плотничьихъ артеляхъ.

Такой рабочій, смотря по искусству и силѣ получаетъ въ день, на своихъ харчахъ, отъ 15—30 и даже до 50 коп. въ день. Таская камни и кирпичи, чернорабочій приглядывается къ работѣ кладчиковъ и каменотесовъ и иногда самъ принимается за ихъ дѣло. Ставъ такимъ образомъ уже ремесленникомъ, онъ получаетъ въ день отъ 70 коп. до 1 р. 50 к. Что большая часть этого народа любитъ выпить, это бы еще ничего, но они—народъ крайне лѣнливый и почти безполезный въ своей семьѣ. Работая какъ поленщикъ, онъ, разумеется, старается за условную плату сдѣлать какъ можно меньше. Это законъ общій для всѣхъ людей, чтобы съ меньшей потерей силъ достигнуть выгоднѣйшаго результата. Такой выгоды мѣщанинъ чернорабочій достигаетъ весьма нехитрымъ образомъ. Сидитъ онъ, напримѣръ, на своей работѣ—мимо идетъ баба Кажется и совсѣмъ не о чемъ заговорить съ ней, а чернорабочій ухитрится найти предметъ для самого продолжительнаго разговора. Вообще русскіе—большіе болтуны, но простой и рабочій народъ отличается у насъ этимъ качествомъ по преимуществу. Далѣе рабочій любитъ очень курить. Являясь на работу въ 5—6 часовъ утра, онъ прежде всего пришивается за трубку и тянетъ и сосетъ очень долго: тогда уже только начинается работать. Въ 9 часовъ онъ завтракаетъ, въ 12 обѣдаетъ. Послѣ обѣда отдыхаетъ часа два, въ 4 часа на ужинъ, а въ 8 часовъ уходитъ съ работы. Хотя такимъ образомъ рабочій день и составляетъ повидимому 14 часовъ; но въ сущности, вычитая все время куренья, ѣды, спанья, и разговоровъ съ проходящими, наберется едва 6 собственно рабочихъ часовъ. Нерасчетъ рабочаго очевиденъ, потому что эти шесть часовъ ему бы лучше провести дома. Но чернорабочій такимъ образомъ вовсе и не разсчитываетъ: ему лишь бы прошелъ день, а этимъ способомъ день распредѣляется повидимому очень удобно, спокойно, необременительно.

Мѣщане чернорабочіе составляютъ низкій отстой промышленнаго населенія Иркутска. Въ семейной жпзни они безпечны, лѣнливы, зара-

ботокъ свой обыкновенно пропиваютъ,—и все благосостояніе семьи зависитъ обыкновенно отъ жены рабочаго. Зимой она торгуетъ на базарѣ булками, калачами, или стираетъ бѣлье. Лѣтомъ занимается огородничествомъ, торгуетъ квасомъ, овощами, свѣжей рыбой, хлѣбомъ. Заработокъ ея бываетъ въ день отъ 30 до 50 коп. Такимъ образомъ вся семья зависитъ отъ женщины: она даже кормитъ своего мужа, когда у него нѣтъ работы. Вѣчная нужда научаетъ этихъ людей цѣнить другія болѣе обезпеченныя положенія—и вотъ почему они стараются помѣстить своихъ дѣтей къ ремесленникамъ, или къ купцу въ лавку.

Самые неспособные изъ этого сорта мѣщанъ—люди безъ энергіи, разные горемыки и бездомники, — составляютъ настоящихъ, или, вѣрнѣе, чисто чернорабочихъ. Они копаютъ землю, ворочаютъ и носятъ тяжести. Это народъ повидимому неспособный къ труду, требующему большей внимательности, смысленности, расторопности и искусства. Изъ этого же сорта людей создаются ямщики и даже кучера въ небогатыхъ домахъ, гдѣ лошади и экипажи обходятся и безъ тщательнаго ухода.

Базарницы, аристократки быта каменщицъ, торгуютъ на базарѣ кремнями, огнивами, строй, тесемками, иголками. Онѣ шьютъ и продаютъ готовое бѣлье для рабочаго класса и для людей безсемеинныхъ и бездомныхъ. Онѣ вяжутъ шарфы, подбираютъ бѣличьи шѣха, ткнутъ кушаки, извѣстные подъ названіемъ иркутскихъ, бьютъ орѣховое масло. Это классъ людей довольно обезпеченныхъ. Однѣ изъ нихъ сидятъ на базарѣ на столахъ, продавая свой немногосложный товаръ, другія —нѣтъ. Базарницы отличаются внѣшней порядочностью и опрятностію. Обыкновенно вдовы, а иногда и старыя дѣвы, онѣ болѣею частью имѣютъ интимныя связи; но не унижаются до выбора какого нибудь мѣщанина, или бородача, а устриваются съ приказными, прикащиками, писарями. Если случится выйти замужъ, то и тутъ дѣлаютъ приличную партію, выходя за чиновника или писаря. Многія изъ базарницъ имѣютъ свои дома. Дочерей и сыновей своихъ онѣ стараются вывести на лучшую дорогу, и потому въ своемъ быту онѣ держать себя много выше обыкновеннаго мѣщанства. Дочери ихъ носятъ шляпки и бурнусы, и у каждой есть лисій салопъ. Сами же базарницы на базарѣ—лѣтомъ въ пальто, зимой—въ зайчей шубѣ; а чистый, бѣлый фартукъ—непремѣнно и лѣтомъ и зимой. Торговля ихъ разнаго размѣра: у нѣкоторыхъ наберется товару даже рублей на тысячу. Прибыль измѣняется отъ 150 до 500 руб., такъ что лѣтъ въ 20 торговли базарница можетъ скопить капиталъ тысячъ въ десять ассигнаціями

Осадокъ базарницъ составляютъ каменщицы, о которыхъ я уже говорилъ, а осадокъ каменщицъ — горничныя, кухарки и публичныя женщины.

Прислуга, особенно мужская—большую частью ссыльные. Но есть прислуга и изъ мѣщанъ, а частью и изъ крестьянъ. Крестьяне отдаютъ своихъ дѣтей въ прислугу, когда семья велика, заработокъ плохъ, деньги нужны — и отдаютъ дочь въ горничныя, въ работницы или въ стряпки.

Плата горничнымъ, кухаркамъ и нянькамъ отъ 1 до 4 руб. въ мѣсяцъ. Кормилицамъ отъ 4, 10 до 15 руб. Отъ хозяевъ горничная получаетъ только передникъ, а подарки къ праздникамъ изъ обносковъ. Жалованье мужской прислуги больше: дворникъ отъ 3 до 7 руб. въ мѣсяцъ и зимой хозяйская даха, а кучеръ отъ 6 до 15 р. и выѣздное платье, т. е. кафтанъ, рукавицы, шапка.

Строгого раздѣленія занятій прислуги не существуетъ. Дворникъ работаетъ часто за кучера, кучеръ за дворника, т. е. привезетъ воды, вымететъ дворъ. Такое же отсутствіе строгихъ границъ существуетъ и въ занятіяхъ женской прислуги.

Жизнь всѣхъ этихъ людей плохая. Они слишкомъ связаны—почти не могутъ выйти изъ дому: въ мѣсяцъ достанется можетъ быть только одинъ день на гулянье. Работой они хотя и незавалены, но вѣчно суетятся, вѣчно бѣгаютъ, особенно женская прислуга. Обходятся съ ними дурно, грубо, а требовательность большая. Пыль найдутъ гдѣнибудь—бранять; не такъ поставила чтонибудь—тоже; пропало чтонибудь—всѣ виноваты. Если господа не имѣютъ надъ прислугой права помѣщичьяго, то за то вполне существуетъ право полицейское. Нанился ли человѣкъ—посылаютъ его съ запиской въ часть; а тамъ его или выдержатъ или выпорютъ. Кромѣ того господа расправляются и сами, т. е. дерутся; а человѣкъ отвѣтилъ не такъ, говорятъ—грубо. Поэтому порядочные люди, успѣвшіе скопить хотя чтонибудь, уходятъ изъ этого промысла, да и вообще избѣгаютъ случаевъ наняться въ услуженіе. Они пускаются или въ торговлю, или идутъ въ извозчики, или въ караульные. Однимъ словомъ ищутъ такого мѣста, гдѣ самъ большой. Женщина, если не вышла замужъ, молоденькая и недурна собою,—избираетъ себѣ известнаго рода промыселъ. А если знаетъ чтонибудь, некрасива и не молода—идетъ въ прачки, въ поломойки, швеи.

Но если нехороша господа, то нельзя похвалять и прислугу. Найдутъ ли къ ней родные изъ деревни,—пойдетъ угощеніе хозяйскимъ

добромъ, кормятъ и поятъ всѣмъ хозяйскимъ, даже лошадей кормятъ хозяйскимъ овсомъ и сѣномъ. На господъ смотрять всегда враждебно, хозяйскаго не берегутъ, а при случаѣ и украдутъ. Можетъ быть тутъ виной и хозяева, вслѣдствіе своего неделикатнаго обращенія и вѣчной ругани; но и въ простомъ человѣкѣ развита сильно страсть нажить на чужой счетъ и поживиться чужимъ добромъ.

Ремесло прислуги обнаруживаетъ самое вредное нравственное вліяніе на молоденькихъ дѣвочекъ, приходящихъ паниматься въ услуженіе изъ деревень. Пятнадцать или нѣсколько старшихъ лѣтъ дѣвочки, видя, что ея пражная хозяйка, купчиха или чиновница, то и дѣло надѣваетъ новыя платья, чтобы пощеголять, а особенно въ праздники, — загарается сама тайнымъ желаніемъ имѣть это наслажденіе. Но ей нельзя удовлетворить ему: все жалованье горничной одинъ рубль въ мѣсяцъ; а ей нужны ботинки, платье, бѣлье. Къ этому еще и грубое обращеніе барыни. Въ 16 лѣтъ не можетъ быть страсти, но желаніе припардаться есть; а главное, желаніе освободиться отъ вѣчной домашней каторги, вѣчной воркотни и брани. Работая годъ, горничная на свое жалкое жалованье едва купить ситцевое платье; а тутъ ей представляется случай сразу завести платье, ботинки и кринолянъ. Она не видѣла ласки, а тутъ ее ласкаютъ. Можно ли сравнивать эти двѣ жизни? Сойдясь съ мужчиной разъ-два, дѣвочка уже идетъ по этому пути дальше и дальше. Она, можетъ быть, и знаетъ, что дѣлаетъ нехорошо, а между тѣмъ дѣлаетъ. Случается, что и матери продаютъ своихъ дѣтей. Когда не было вмѣшательства полиціи, публичныя женщины были много правственнѣе. Онѣ торговали собой тайно и стыдился своего ремесла. Но когда за ними стали слѣдить, когда имъ стали давать свидѣтельство, онѣ сдѣлались настоящими публичными и развратными женщинами и потеряли всякій стыдъ. На полицейское свидѣтельство гонить ихъ десятскій, и всегда грубо, — идутъ онѣ обыкновенно пьяныя. При свидѣтельствѣ всѣ издѣваются надъ ними — писаря, фельдшара, ученики. Грубость чувства и цинизмъ всего окружающаго убиваетъ въ этихъ женщинахъ и послѣднюю искру стыда.

Опустившись до такой степени, женщина ведетъ самое жалкое существованіе. Живетъ она бѣдно, ѣсть и спать какъ попало, сыта вполне никогда не бываетъ, потому что недостаточный заработокъ идетъ на туалетъ, или на пустыя, менѣе нужныя расходы, какъ лакомства и вино.

Женщины того же ремесла, но неизвѣстныя полиціи, живутъ хотя

бѣдно, гдѣ нибудь на концѣ города; но въ нихъ нѣтъ того цинизма и безстыдства, какимъ отличаются женщины съ полицейскими свидѣльствами. Но наступаетъ для этихъ бѣдныхъ труженицъ и другое время, когда они бросаютъ свое занятіе: тогда онѣ или начинаютъ служить, или пріискиваютъ себѣ какое нибудь ремесло, или выходятъ замужъ. Эти женщины обыкновенно развитѣе обыкновенныхъ мѣщанокъ и крестьянокъ. Замѣчательно, что лѣнь не развращаетъ ихъ; онѣ закупаются хозяйствомъ, шьютъ, работаютъ и моютъ все на себя сами; онѣ очень боятся Бога, ходятъ въ церковь, постятся, отличаются скромностью и большы бываютъ рѣдко.

Самшій низшій осадокъ населенія Иркутска состоитъ изъ нищихъ. Большинство ихъ составляетъ наплывное населеніе изъ деревень; поселенцевъ и мѣщанъ между нищими мало. Женщины же напротивъ больше мѣщанки. Люди отправляются нищенствовать отъ неимѣнія заработка, или по несчастнымъ случаямъ, какъ напримѣръ погорѣвшіе крестьяне. Но бываютъ и просто охотники заниматься нищенствомъ какъ ремесломъ. Воля своя, заработокъ хорошъ, потому что въ день, не считая хлѣба, всегда можно собрать не менѣе рубля асигнаціями; а платья покупать ненужно, потому что подадутъ благотворители. Бываетъ, что полиція ихъ схватитъ и отравитъ въ волость, а они опять уйдутъ, и опять наберутся въ городъ. Нищіе этого рода составляютъ обыкновенно касту нищихъ и занимаются ремесломъ наследственно. Такъ, дочь нищей, родивъ сама дѣтей, дѣлаетъ всѣхъ ихъ нищими. Но кромѣ ихъ, есть еще и нищіе истинные, т. е. люди неспособные пропитать себя своимъ трудомъ. Эти нищіе имѣютъ обыкновенно постоянные дома, гдѣ имъ помогаютъ; въ одномъ домѣ дадутъ платье, въ другомъ творогу, въ третьемъ хлѣба, денегъ и т. д. Такой нищій не шляется по улицамъ цѣлый день и не протягиваетъ руку къ проходящимъ, но живетъ тѣмъ, что набралъ при обходѣ своихъ благотворителей. Онъ чувствуетъ къ нимъ пріязнь и старается отблагодарить ихъ при случаѣ.

Нищество поддерживается и плодится почти исключительно купцами. Въ Иркутскѣ заведено подавать нищимъ въ субботу и купцы гостиного двора держатся крѣпко этого обычая. Между нищими есть даже чиновники и такой нищій не проситъ, а почти требуетъ: — «я изъ благородныхъ, помогите». Но между нищими незамѣчено ни одного изъ купцовъ. Если купецъ, или торгующій мѣщанинъ обѣднѣетъ, онъ пойдетъ въ дворники, въ лозовую работу, наймется въ караульные, но

до нищета не дойде. Только одинъ обѣдѣвшій купеческій прикащикъ ходитъ нищимъ по своему трапезниковскому ряду, въ которомъ онъ торговалъ нѣкогда, но и онъ не проситъ на сторонѣ. Въ торговомъ сословіи, при всѣхъ его недостаткахъ, есть свой особенный горь; кулець и прикащикъ стаетъ плутовать, не считая это безнравственнымъ, но у него есть свое понятіе о чести, которое его не допустить до личнаго униженія. При воспитаніи его били, учили обманывать, но подличать и лакейничать — нѣтъ. Огъ этого въ купеческомъ сословіи Сибири нѣтъ работнія и, обнищавъ и прося помощи собрата, нищій-прикащикъ говоритъ съ гордостью: «я тридцать лѣтъ служилъ, всякій меня знаетъ и подлецомъ не назоветъ.»

И. Швагуновъ.

В С Е О Б О Р В А Л О С Ъ !

(Изъ чиновничьяго быта.)

Если вы, читатель, счастливый обитатель Петрополя, то вѣрно согласитесь со мной, что когда, приближаясь къ Невѣ со стороны Марсова поля, пройдешь мимо какого-то бронзоваго рыцаря съ мечомъ, щитомъ и въ латахъ, приготовившагося кого-то защищать неизвѣстно отъ кого, (подъ ногами его, къ удивленію, золотыми буквами выставлена фамилія славнаго нашего героя, громителя турокъ и польской Праги), потомъ перейдешь Троицкій мостъ и очутишься на площади между Александровскимъ паркомъ и Троицкимъ соборомъ, — какъ отъ этихъ деревянныхъ домиковъ повѣетъ на тебя какимъ-то миролюбивымъ уѣзднымъ городкомъ; просторъ для воздуха, сравнительно-значительная тишина дають знать, что вы находитесь въ городѣ, вовсе непохожемъ на сейчасъ вами оставленный. Углубляегесь вы съ площади въ одну изъ улицъ и здѣсь простота и безцеремонность готовы васъ увѣрить, что вы дѣйствительно въ другомъ городѣ: вонь въ узкомъ, избылиющемъ грязью, переулкѣ свободно разгуливаютъ куры и козы; изъ оконъ противоположныхъ домиковъ ведутъ между собой разговоръ благородные жилыцы, затягиваясь папирснымъ дымомъ и выпуская его на улицу лежащими конусами, и слышать они другъ отъ друга каждое слово, сказанное даже и вполголоса. Черезъ два двора дальше, любитель голубей, отставной титулярный совѣтникъ, подвязавшись позерхъ халата полотенцомъ и взявъ въ руки высокой шесть со вздѣтою на него тряпницею, гоняетъ кружащихся въ воздухѣ своихъ питомцевъ. По этимъ немногимъ признакамъ я допускаю, что здѣсь обитатели непременно должны быть отличны отъ тѣхъ, которыми наполнены и переполнены ули-

цы срединнаго Петербурга; нравы и обычаи здѣсь непременно должны быть другіе. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь по улицамъ не прогуливается праздная публика, молодежь не шьетъ здѣсь приключеній среди яснаго дня или подъ темный вечеръ, и буде ужъ ей придетъ къ таковымъ охота, отправляется въ центръ столицы. Здѣсь было бы нѣкоторымъ образомъ даже странно видѣть великосвѣтскую барыню, замѣтающую шлейфомъ слѣды собственныхъ ножекъ, и появленіе щегольскаго кабриолета съ жокеемъ, или блестящей лаковой кареты также не идетъ къ этой мѣстности, какъ брильянтовая запонка къ сѣрому крестьянскому армяку.

Итакъ Петербургская сторона населена отставнымъ и бѣднымъ людомъ, который обыкновенно встаетъ отъ одра рано, между пятью и шестью часами утра, а съ семи до девяти уже катитъ на другую сторону Невы, въ видѣ субъектовъ сперва съ топорами за поясомъ и съ лотками на головѣ, а потомъ съ картонками и узлами въ рукахъ или съ портфелями и связками подъ мышкой. Явленіе это въ обратномъ движеніи повторяется ежедневно съ четырехъ до шести часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ дней.

Такъ однажды, часу въ пятомъ пополудни, въ одной изъ улицъ съ провалившимися мостками на мѣсто тротуаровъ, показался господинъ средняго роста, въ порывѣломъ триковомъ пальто съ воротникомъ нѣмецкаго бобра, въ помятой шляпѣ и со связкою бумагъ подъ мышкой. Его исхудалое, желтоватое лицо оживлено улыбкою, мало-примѣтныя русыя брови движутся, губы шевелятся и, кажется, готовятся кому-то что-то говорить. Судя по легкости и нѣкоторой оживленности его походки, онъ долженъ быть въ хорошемъ расположеніи духа, хотя и натошакъ, что также можно заключить по сухости губъ и постности всего лица. Пора была веселая — средняго числа апрѣля. Солнце весело свѣтило на грѣшную землю, и разливало кругомъ жизнь, радость и надежду. Даже физиономія нашего худощаваго господина приняла праздничный видъ; чему-то улыбаясь, онъ подошелъ къ порядочно припавшему къ землѣ крылечку одного сѣренькаго деревяннаго домика и дернулъ за колокольчикъ; па дверяхъ прибита мѣдная позеленѣлая дощечка съ подписью: Алексѣй Ивановичъ Щеповъ. Вдругъ эта дверь шамкнула и въ ней показалась саженная баба, съ кухоннымъ полотенцемъ черезъ плечо, а съ нею вмѣстѣ и двое дѣтей — мальчикъ лѣтъ осьми въ лиловой ситцевой рубашкѣ и дѣвочка лѣтъ десяти въ такомъ же платьѣцѣ.

— А, таки выскочили... не въ терпѣшку вамъ... простудитесь! заговорила баба.

Но дѣти не обратили вниманія на ея слова и разомъ воскликнули:—а, папенька!

— Пойдите, пойдите, дайте хоть войти мнѣ бога-ради, говорилъ отецъ.

Дверь подъѣзда закрылась. Въ небольшой чистой комнатѣ, посрединѣ стоить накрытый для обѣда столъ, окруженный старыми, нѣкогда окрашенными подъ орѣхъ, березовыми стульями; за столомъ сидитъ дама среднихъ лѣтъ, въ сѣренькой блузѣ, съ легкимъ румянцомъ на щекахъ, остаткомъ прежняго румянца во всю щоку; подлѣ нея, на особомъ высокомъ креслѣ сидитъ еще одинъ ребенокъ, непопользующійся еще употребленіемъ ногъ своихъ.

Господинъ, сопровождаемый своими дѣтьми, входитъ въ одномъ вицѣмундирѣ, вытирая платкомъ потъ на головѣ, покрытой прилипшими къ ней прядями рѣдкихъ волосъ.

— Что ты такъ поздно сегодня, Алексѣй? спросила дама. Алексѣй этотъ, есть тотъ самый, котораго имя и фамилію мы сейчасъ прочитали на дверяхъ, на мѣдной дощечкѣ; эта дама его жена.

— Пескоро, да споро, весело отвѣчалъ женѣ Алексѣй Ивановичъ.

— А что? спросила жена.

— Я тебѣ сегодня, Машенька, принесъ такую вѣсточку, такую вѣсточку, что ты и губки оближешь, какъ расскажу.

— А! очень рада; рѣдко ты приносишь мнѣ пріятныя вѣсточки. Говори скорѣе.

— Сію минутку... только переодѣнусь... все съ подробностію доложу тебѣ. И съ послѣднимъ словомъ Алексѣй Ивановичъ юркнулъ въ боковую дверь и минутъ черезъ пять появился въ халатѣ и сѣлъ за столъ, продолжая улыбаться, глядя на жену.

— Во-первыхъ, началъ онъ, между тѣмъ какъ жена съ усвоеннымъ вниманіемъ смотрѣла на него и ждала: — во-первыхъ, давай мнѣ скорѣе супу.

— Наливаю сейчасъ, отвѣчала жена:—да ты вѣсточку-то свою пріятную говори мнѣ скорѣе.

— Сію минутку... А во-вторыхъ — что еслибы тебя этакъ немножко да помучить?

— Меня?

— Тебя, Машенька.

— Чѣмъ помучить?

— Пасчетъ вѣсточки пріятной.

— Вотъ пустяки какіе! какая тебѣ въ томъ польза? Напротивъ пріятною вѣстью, я думаю, надобно скорѣе подѣлиться. О дурной вѣсти пожалуй хоть и вѣкъ молчи; покойнѣе буду.

— Совершенно справедливо... соломоновскую премудрость сказала ты, мой другъ. Такъ вотъ же тебѣ: къ Пасхѣ или, по крайней мѣрѣ, тотчасъ послѣ святой, мы получимъ денежное награжденіе.

— Въ самомъ дѣлѣ! ахъ, какъ бы я была рада!

— Получимъ, Машенька.

— И въ самомъ дѣлѣ? ты вѣрно это знаешь?

— Знаю, потому что самъ видѣлъ и черновое представленіе со спискомъ.

— И ты въ списокъ есть?

— Есть. Представляется насъ всего двѣнадцать человѣкъ: трое къ орденамъ, пятеро къ подаркамъ и четверо къ денежной наградѣ. Я стою послѣднимъ въ списокѣ, да это ничего: хоть и сзади, да въ томъ же стадѣ, пословица говорить.

— Ахъ, какъ бы это было хорошо! Сколько же ты получишь?

— Полугодовое.

— Далъ бы то Богъ! Десятый годъ какъ ничего мы не получаемъ, кромѣ жалованья, тогда какъ другимъ награда за наградой.

— Что дѣлать... то все любимые дѣтки фортуны, а мнѣ она мачиха.

— Мы совѣмъ затянулись... и въ мясную лавку должны и въ лабазъ должны, просто кругомъ.

— Теперь поправимся.

— А за Настеньку и Васю не платимъ въ школу вотъ уже восьмой мѣсяць... совѣстно и глаза туда показать. Я не знаю, какъ еще учительница до сихъ поръ намъ не отказала.

— Все поправится, Машенька.

— И дѣти наши совѣмъ обносились... сердце болить, какъ посмотришь... все штопаное да дырявое. Хотъ бы къ празднику сшить имъ что нибудь.

— И сошьемъ, душенька.

— Намѣдди, — я уже тебѣ и не говорила, — Прасковья Семеновна была у насъ. Съѣла она, знаешь, на диванъ и вдругъ —

вракъ! провалилась. Просто срамъ. Я такъ и сгорѣла, не знала гдѣ и сижу.

— Все исправится, будетъ въ отиѣнномъ видѣ.

— Даже кухарка, всякую субботу какъ моетъ полы, ворчить, что къ дивану и дотронуться нельзя, — сейчасъ спинка вывалится.

— Полно же, Машенька, вычислять всю эту дрянъ... Поправимся, говорю тебѣ.

И легкая тѣнь раздраженія пробѣжала по лицу Алексѣя Ивановича. Но эта была одна лишь минута. Лицо Щепова просіяло опять и онъ возобновилъ:

— На опытѣ, на себѣ я теперь вижу, Машенька, что терпѣніе непремѣнно награждается и въ этой жизни, не говоря ужъ тамъ о будущей. Нужно только быть благоразумнымъ и удерживаться отъ ропота, чтобы при достиженіи желаемого, не имѣть на совѣсти упрека. Я уже тебѣ, кажется, рассказывалъ, съ какой непроницаемой тайной дѣлаются у насъ обыкновенно всякій годъ представленія къ наградамъ. Я ничего и не узналъ бы, если бъ черновыя бумаги представленія были даны для переписки не Веньямину Осиповичу Горькому.

— Горькому? а! сказала жена Алексѣю Ивановичу, подливая ему въ тарелку супу, который онъ между тѣмъ кушалъ съ отличнымъ аппетитомъ: — такъ это ты отъ него узналъ?

— Отъ него. Только онъ Христомъ богомъ просилъ никому не говорить. Ладно, думаю, въ канцеляріи - то я никому не скажу, а дома, Машенькѣ сказать можно, ничего.

— Разумѣется. Еще бы ты и отъ меня скрывалъ... не пойду же я всякому звонить объ этомъ, на свою же голову.

— Ну, такъ вотъ видишь ли, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ: — начну я тебѣ съ самого начала: пришелъ я сегодня въ должность, сѣлъ себѣ и занимаюсь. Вдругъ вижу, Горькій всталъ съ своего мѣста, направился ко мнѣ и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ, сдѣлалъ мнѣ этакъ, знаешь, легонько, глазомъ и самъ тотчасъ же вышелъ въ коридоръ. Никогда этого не случалось и потому я понималъ, что онъ хочетъ сообщить что-то весьма важное. Я всталъ и также вышелъ въ коридоръ. Тамъ, къ счастью, на ту пору, кромѣ насъ двоихъ, никого не было. — Алексѣй Ивановичъ, говоритъ мнѣ онъ: — вы представляетесь... и именно такъ отрывисто: *вы представля-*

вляетесь.

— Онъ очень услужливый и добрый человекъ, замѣтила Машенька,

— Да, да, хорошій человекъ... Алексѣй Ивановичъ, вы представляетесь, говорить.

По жилкамъ у меня пробѣжалъ какой-то божественный элексиръ, но я будто равнодушно и спокойно говорю ему:— очень вамъ благодаренъ. А нельзя ли узнать, къ чему меня представляютъ?

— Отмѣтки, кто къ чему представляется, сказалъ мнѣ Вешьяминъ Осиповичъ:— на бѣломъ представленіи будутъ сдѣланы самимъ господиномъ председателемъ, однако на черновомъ, должно быть для памяти его превосходительству, легонько карандашемъ выставлены всѣ отмѣтки. Такъ точно и въ прошлогоднемъ представленіи было... Вы, говорить, представляетесь къ полугодовому окладу.

При этомъ словѣ жена Алексѣя Ивановича перекрестилась, а онъ продолжалъ:

— Повѣришь ли, Машенька, какъ сказалъ онъ мнѣ это, да вдобавокъ показалъ и черновое представленіе, въ которомъ я увидѣлъ свое имя, — повѣришь ли — я вдругъ точно на свѣтъ родился!.. Какъ я ни обмелчалъ въ этой чернильной службѣ, а теперь вдругъ какъ бы обновился... возвышенность въ душѣ почувствовалъ. Что бы такое, кажется, какіе нибудь тамъ двѣсти рублей съ небольшимъ? Для человека мало-мальски со средствами вздоръ, рѣшительно вздоръ. Да и для такого бѣдняка, какъ я, не шерemetевское имѣнье, одиозно, канальство, на стулѣ даже какъ-то легко сидится... Оттого я сегодня и заспѣлся... Силъ душевныхъ вдругъ прибыло, въ головѣ вдругъ просвѣтлѣло. Радъ, кажется, тутъ же цѣлую стопу бумаги исписать объ чемъ тебѣ угодно.

Алексѣй Ивановичъ первоначально служилъ по учебной части, учителемъ; но эта служба показалась ему неблагодарной, безъ будущей перспективы, и онъ перешелъ въ гражданскую. Не смотря на то, о прежней своей службѣ онъ всегда вспоминалъ съ уваженіемъ, а настоящую называлъ чернильною и грязною. И долго еще Алексѣй Ивановичъ бесѣдовалъ съ своей женою о чувствахъ и о прочемъ вслѣдствіе представленія его къ денежной награды. Онъ и за обѣдомъ, и послѣ обѣда, и весь вечеръ былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, шутилъ, смѣялся, игралъ съ дѣтми въ прятки. А женѣ своей такъ - даже отпускалъ эдакіе, знаете, въ приличныхъ впрочемъ выраженіяхъ, каламбурики насчетъ нечетнаго у нихъ чи-

Сам дѣточекъ. Все семейство его было также необыкновенно весело и счастливо. Алексѣй Ивановичъ легъ спать часу во второмъ ночи, но и тутъ долго еще не могъ заснуть, отъ разныхъ душевныхъ волненій. Поутру пробужденіе его было самое пріятное. Отлично выбрившись и напившись чаю, Щеповъ въ половинѣ десятаго часа одѣлся и отправился въ должность, взявъ свою связку бумагъ и, на этотъ разъ, комышевую тросточку съ кисточкой. Спокойно и съ рѣдкою солидностью онъ шелъ по улицѣ. Путь лежалъ мимо того лабаза, о которомъ, по случаю долга, говорила вчера Марья Львовна. На порогѣ лабаза стоялъ самъ хозяинъ, въ суконномъ, побѣлѣвшемъ отъ муки, кафтанѣ, поглаживая свою жиденькую, также мушою папудренную бородку. Не выдержалъ Алексѣй Ивановичъ, испоманенный самодовольствіемъ, и заговорилъ съ лабазникомъ.

— Здравствуйте, почтѣннѣйшій!

— Наше вамъ почтеніе - съ.

— Скажите, за мною тамъ есть какой-то должншко въ вашъ лабазъ?

— Есть, батюшка, милостивый государь, есть... однацать рубликовъ съ полтинкой - съ на вашей милости.

— Пустяки... Педѣли черезъ двѣ если не ближе, вы эту бездѣлицу получите непременно, и съ ляхвою.

— Покорно благодаримъ, батюшка.

— Непременно получите. Не въ претензіи ли вы, что и можно замешкаль отдачею?

— Помилуйте - съ... Мы не то чтобы насчетъ этого сумѣли какое имѣли... вашу милость мы давно знаемъ... а только единственно-съ деньги тепереча ооченно надобны-съ.

— Разумѣется, разумѣется... Люди вы торговые, вѣдь деньги нужны для оборотовъ... Такъ педѣли чрезъ двѣ вы отъ меня получите все и съ ляхвою.

— Сдѣлайте такое одолженіе-съ.

— Непременно, почтѣннѣйшій.

Алексѣй Ивановичъ три раза кивнулъ головою, какъ это дѣлаютъ покровители и благодѣтели, и ушелъ, а лабазникъ, глядя ему вслѣдъ, неизвѣстно чему, лукаво улыбался, потомъ, заложивъ одну руку за спину, а другою взявъ мѣдный ковшъ, торчавшій въ мѣшь съ горо-

хоть, сталъ имъ въ раздуми зачерпывать горохъ и высыпать обратно въ мѣшокъ тоненькою струею, продолжая лукаво улыбаться.

II.

Послѣ разговора съ лабазникомъ, Алексѣй Ивановичъ давно уже сидитъ въ канцеляріи надъ какимъ-то чреватымъ дѣломъ, развернутымъ на первыхъ страницахъ и о чемъ-то думаетъ, легонько барабани пальцами по столу. Три раза уже прогремѣлъ громъ вслѣдствіе явившихся трехъ молній отъ секретаря до члена; удвоенная тишина царила во всей канцеляріи и прерываема была только легкимъ шумомъ переворачиваемыхъ листовъ бумаги, да скрипомъ перьевъ. Всѣ знали и чувствовали, что отъ нынѣшняго дня многое зависитъ, что сегодня должно послѣдовать послѣднее рѣшеніе относительно представленія къ наградамъ и слѣдовательно день этотъ роковой, важнѣйшій день во всемъ году. Но въ средѣ канцелярской братіи были однако же здѣсь и два вольподумца: жиденькій сороколѣтній, въ постоянно застегнутомъ на всѣ пуговицы вицъ-мундирѣ, въ панталонахъ со штрипками, Яковъ Васильевичъ Щуровъ, и смугленькій, вѣчно завитый Песочкинъ (имени и отчества его не знаю), оба коллежскіе секретари съ незапамятныхъ временъ. Либерализмъ ихъ простирался до того, что они не разъ, когда секретарь обращался къ нимъ съ какимъ-либо вопросомъ, отвѣчали ему съ замѣчательною смѣлостію и находчивостію. А вѣдь всѣмъ и каждому извѣстно было въ канцеляріи, что господинъ секретарь не любитъ подобной находчивости въ своихъ подчиненныхъ и считаетъ ее за начало дерзости. Всѣ также помнили разъ сказанное изрѣченіе того жъ секретаря, что «ежели палку въ углу поставятъ и велѣтъ ей повиноваться, то вы и тогда должны повиноваться». Изрѣченіе это конечно неповое, но тѣмъ не менѣе вразумительное. Помнили также всѣ и то, что господинъ секретарь на одного изъ чиновниковъ, вздумавшаго передъ нимъ свободно объясняться, закричалъ: — руки по швамъ! Все ему подвластное, лицомъ къ лицу пнѣющее съ нимъ дѣло, обязано какъ можно меньше и робче говорить, потому что всѣ заслуги подчиненнаго заключаются въ работѣ, какъ признакъ повиновенія, во всемъ султанскомъ значеніи этого послѣдняго слова.

Да, Щуровъ и Песочкинъ были удивительные смѣльчаки. Товарищи ихъ не могли надивиться, какъ это такая смѣлость благополучно сходила имъ съ рукъ. Вотъ они и теперь слѣдуя повидимому общему настроенію умовъ, хотя наружно и соблюдаютъ тишину и благоговѣше, по въ душѣ своей вовсе не признаютъ важности настоящего дня. Вслѣдствіе ли того, что благоусмотрѣніемъ начальства право представленія къ наградамъ на канцелярскихъ чиновниковъ здѣсь не распространялось, или по другой подобной причинѣ, но только Щуровъ и Песочкинъ проникнуты были даже апатіей относительно интересовъ службы, махнули на свою судьбу рукой и ничего отъ нея не ожидали. Все чѣмъ жизнь для нихъ могла еще быть красна и привлекательна, заключалось въ знакомствѣ съ швеями и въ удовольствіи быть ихъ безсмѣнными кавалерами на гуляньяхъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. Щуровъ и Песочкинъ сидѣли за разными столами, но часто перемигивались между собою. Щуровъ поднесъ къ губамъ руку и пальцами сдѣлалъ знакъ, изображающій куреніе папироски; Песочкинъ мигомъ понялъ этотъ знакъ и оба незамѣтно вышли одинъ послѣ другого. Комнаты для куренія не имѣлось, а по коридорамъ курить строго воспрещалось, поэтому канцелярская братія предавалась сему удовольствію въ такомъ мѣстѣ, котораго прямое названіе не совсѣмъ благовонно для печати. Туда отправились теперь Щуровъ съ Песочкинымъ.

— Такъ вамъ, Яковъ Васильевичъ, началъ Песочкинъ, вошедшій прежде Щуровъ, встрѣчая его и держа уже въ зубахъ своихъ папироску: — и очень захотѣлось курнуть?

— Смерть захотѣлось, душенька, отвѣчалъ Щуровъ: — даже въ горлѣ пересохло, я тебѣ скажу.

— Гм... а папироску или сигару вы имѣете?

— Нѣтъ, не имѣю. Да вѣдь у тебя есть,—все равно.

— Нѣтъ, милостивый государь, не все равно: у меня есть только для себя.

— Вотъ вздоръ какой... Твое-мое, мое-твое... Мы вѣдь съ тобой свои люди.

— Оно копечю, свои люди—на-те, курите на здоровье. А только все-таки странно, я вамъ доложу, что вы и порядочный человекъ, и въ обществѣ тамъ прекраснаго пола всегда бываете, а никогда папиросокъ своихъ не имѣете

— Было, душевка, вчера штукъ съ двадцать, да Катя злодѣйка всѣ перекурила. Напропаваю курить, бестія.

— Вотъ видите... А моя такъ вовсе не курить... даже дыму терпѣть не можетъ... меня браунтъ, когда при ней закурю... махерной говорить воняетъ.

— Ну, это ужъ слишкомъ вѣжно съ ея стороны.

— Что дѣлать, Яковъ Васильевичъ, нельзя не извинить, потому— отъ природы очень вѣжна, душою очень добра. Иной разъ помогаетъ нибъ и насчетъ *d'аржанъ*, признаться.

— А у насъ по этой части такъ ужъ извини... Сама матыга страшная, истинный врагъ презрѣннаго металла. А вы слышали, у насъ затѣвается представленіе къ наградамъ?

— Слышалъ, да что, Яковъ Васильевичъ, отвѣчалъ Песочкинъ, вдругъ понизивъ голосъ:

Не для меня, увы, сіяетъ

Свѣтло яркое съ небесъ.

— А я такъ иной разъ такъ думаю, сказалъ Щуровъ: — ну чтобы имъ, вспомнить и объ насъ съ вами... Хоть бы на окорочекъ къ празднику, либо на кулачекъ тамъ... спасеніе душамъ своимъ заслужимъ бы. Вѣдь дають же въ другихъ мѣстахъ и нашему брату, канцелярскому чиновнику.

— Какъ же, во многихъ мѣстахъ... писаря, даже военные, и тѣ получаютъ рублей по пятидесяти.

— Счастливыцы... Право иной разъ какъ пораздумаешься, особенно дочью, когда не спится, либо видя какъ другіе благоденствуютъ, такъ даже на свѣтъ бѣлый не хочется глядѣть.

— Кто то шиче избранные, по представленію, любопытствоваль Песочкинъ: — вѣдь и тутъ скрытничаютъ, точно боятся помѣхи какой. А кой бѣсъ имъ можетъ помѣшать? Полною властію, какъ говорится, облечены, вольны представить, вольны не представить.

— Конечно... заведеніе такое езгитское, скверное.

— Нѣтъ, Яковъ Васильевичъ, не то, а что несправедливость у насъ крайняя, шемакинское правосудіе... дають мушкетеру, а о немущемъ забываютъ.

При этомъ Песочкинъ бросилъ подъ ноги окурковъ папирски и съ гнѣвомъ началъ затаптывать его, сильно поклонувъ въ сторону.

— Представляется, говорятъ, всего двѣнадцать человѣкъ, возобновишь Щуровъ: — и нашъ Щеповъ тамъ есть.

— Алексѣй Ивановичъ? неужели? воскликнулъ Песочкинъ.

— Да, представляется, подтвердилъ Щуровъ: — да и пера такъ, нужно сказать правду: вѣдь онъ работающій человѣкъ, воля, можно сказать, сидѣнь бумажный.

— Это правда; кожаное кресло просидѣлъ до дыры.

— Именно... а когда чѣмъ награжденъ былъ, поощреть? Постоянно обходили бѣднаго... ну, и зашелъ въ долги... въ мелочной лавочкѣ кредитъ потерялъ всякій.

— Слышалъ и я, сказалъ Песочкинъ: — да что онъ роскошно живетъ что ли?

— Какое тамъ роскошно, объяснялъ Щуровъ: — ну сами посудите — помучаетъ въ мѣсяцъ всего навсѣ сорокъ шесть рублей, — тутъ и квартира съ отопленіемъ, и столъ, и воспитаніе дѣтей... у него ихъ трое... двое старшихъ уже ходятъ въ школу... Ну, а одѣться же нужно всему семейству хоть какъ-нибудь тамъ, а тамъ кухарка, мелочи разные — куда! семейному человѣку нѣтъ никакой возможности прожить.

— И тиснуло же его жепиться!

— Влюбленъ былъ, говорятъ... тоже сердце не камень, даромъ что гнилюкъ такой.

— Да какой же дуракъ въ настоящее время жепится, да еще во любви тамъ? Купцы только да мужики въ деревняхъ... Ну, пожалуй и люби себя секретно, коли ужъ натура того требуетъ, а что касается до законшаго брака, атанде-сь, да и все. Нынче всѣ такъ дѣлають.

— Ну, нѣтъ, опровергалъ Песочкинъ Щуровъ: — ужъ это вы вздоръ изволите говорить; я съ вами рѣшительно несогласенъ... Законная жизнь съ женщиною совсѣмъ другое дѣло.

— Все равно, Яковъ Васильевичъ, утверждалъ Песочкинъ: — рѣшительно все равно, воля ваша.

— Нѣтъ ужъ извини, горячился Щуровъ: — не все равно; съ женщиною женою и глазъ свѣтель... Я могу бывать съ нею вездѣ, у всѣхъ знакомыхъ... и въ благородномъ собраніи, на балѣ... И передъ начальствомъ смѣло могу сказать — вотъ-де это моя жена, честь и слава представить, ваше превосходительство. А съ дульценовою нуднось покажешь? въ маскарадъ развѣ какой, на масляной. Получавъ

хоть должность журналиста, въ тотъ же бы день женился на своей Катѣ.

Въ коридорѣ слышался говоръ и топотъ; нѣсколько канцелярскихъ шло сюда для той же цѣли, что и Песочкинъ съ Щуровымъ. Либералы умоляли и, отплевавшись, ушли въ канцелярію, уступивъ мѣсто новымъ курильщикамъ.

Между тѣмъ въ это самое время начальнической триумвиратъ дѣйствительно рѣшалъ участь представленія, заготовленнаго уже вчернѣ, но перепискою коего еще наканунѣ велѣно пріостановиться. Списокъ лежалъ передъ однимъ изъ двухъ сочленовъ на столѣ; сочленъ, приставивъ къ глазамъ лорнетку, откинулся на спинку кресла, взялъ со стола списокъ и началъ его пробѣгать глазами: тамъ первымъ стояло имя самого читавшаго, вторымъ имя другого сочлена, потомъ секретарь и такъ далѣе, въ строгой постепенности отъ старшаго къ младшему. Кончивъ чтеніе, онъ, нѣсколько подумавъ, сказалъ съ разстановкою:—однако... представленіе у насъ выходитъ порядочно большое... двѣнадцать человѣкъ!..

— И слишкомъ большое, отозвался тотчасъ другой сочленъ, оставляя читать газету, которою занялся было:—я ужъ и самъ объ этомъ думаю.

— Сила Игнатьичъ, обратился сочленъ съ лорнеткой къ секретарю, сидѣвшему за особымъ столомъ, согнувшись надъ бумагами: сколько человѣкъ мы представляли въ прошломъ году?

Сухая, безплотная фигура, состоящая изъ кожи и костей, въ вицъ-мундирѣ, застегнутомъ на одну верхнюю пуговку, съ всегда подвижными, сѣдыми, подкрашенными волосами, расправилась до половины не вставая, и отвѣчала:—восемь человѣкъ. Тонкія, нѣсколько уже взвалившіяся внутрь губы тотчасъ закрыли широкій ротъ; но онъ оставался въ выпрямленномъ положеніи, видимо въ ожиданіи продолженія начатаго разговора. На безцвѣтномъ его лицѣ съ широкоплоскими въ морщинахъ щеками, не выражалось никакого повидимому признака существованія въ немъ души; но кто хорошо зналъ дѣянія этой личности, ея жолчность и крайнее властолюбіе, тотъ положительно доказалъ бы вамъ, что душа въ этой муміи есть, и душа злая.

— Во...семь, протянулъ спрашивавшій, а потомъ самъ же себѣ отвѣчалъ:—да, точно восемь человѣкъ, помню... А нынче вдругъ четьрья больше! А въ прошломъ году?

— Девять человѣкъ, отвѣчалъ секретарь.

— Помню... насъ двое (сочленъ съ лорнеткой разумѣлъ себя и другого сочлена); вы, (онъ показалъ на секретаря), Сберегаевъ, Пожраевъ... однимъ словомъ—девять человѣкъ. А теперь вдругъ двѣнадцать человѣкъ!.. не слишкомъ ли это будетъ?

— Мнѣ тоже кажется, подтвердилъ членъ безъ лорнетки:—а главное, представленіе наше чрезъ это можетъ не имѣть успѣха.

— И очень, соглашался членъ съ лорнеткою.

— И мы съ вами просто напросто получимъ отказъ.

— Очень можетъ случиться, тѣмъ болѣе, что теперь вся такъ хлопотать о сокращеніи расходовъ.

— По моему, вычеркнуть нужно нѣкоторыхъ.

Сказавъ это, членъ безъ лорнетки всталъ съ кресель, подошелъ къ сочлену съ лорнеткою и, просмотрѣвъ списокъ, добавлялъ:—хоть бы вотъ этихъ наприимѣръ четверыхъ послѣднихъ... Онъ показалъ пальцемъ въ списокъ. Въ это же время подошелъ сюда и секретарь и посмотрѣлъ, на кого показываетъ членъ безъ лорнетки. А членъ съ лорнеткою, прочитавъ этихъ четверыхъ, продолжалъ:—мы ихъ включили нынче, кажется, собственно потому, что они давно что-то не были представляемы... лѣтъ по десяти, кажется.]

— Это такъ, лѣтъ по десяти, отвѣчалъ секретарь:—да только не одни же они не были представляемы, а и многіе... невозможно всѣхъ удовлетворить.

— Совершенно справедливо, но эти четверо какъ-то тамъ порядочнѣе другихъ?

— Ничего особеннаго... они и должны быть порядочными, иначе и на службѣ терпимы быть не могутъ.

— Ваша правда, подтвердилъ членъ безъ лорнетки, опять усѣвшись на своемъ мѣстѣ:—порядочность есть долгъ, а не заслуга.

— Они вонъ, продолжалъ секретарь:—безпрестанно жалуются и на бѣдность... такъ ужъ привыкли... бѣдность ихъ точно прорванный мѣшокъ, котораго ничѣмъ никогда не наполнишь... Я только знаю, что ежели этихъ четверыхъ представимъ, то тогда и всѣ претендовать будутъ на представленія.

— Именно, поддерживалъ все тотъ же господинъ безъ лорнетки:—ихъ не надобно баловать... Не будутъ видѣть примѣра—и претендовать не стануть.

— Въ такомъ случаѣ дѣйствительно нужно вычеркнуть вотъ этихъ

четверыхъ, членъ съ лорнеткою отнесся къ члену безъ оной. А этотъ добавлялъ:

— Я вамъ говорю, что они были бы и для насъ съ вами полезной, если бы ихъ представить.

Членъ съ лорнеткою взялся уже за перо, но остановился и еще спросилъ секретаря:—а этотъ Щеповъ—каковъ онъ?

— Очень обмяковешный, былъ отвѣтъ секретаря:—ропотливъ перядочно... беспрестанно роется въ бумагахъ... грудью только жажется и беретъ, трудомъ чрезвычайнымъ. А что всего несноснѣе въ немъ — большой охотникъ разсуждать.

— О, я и самъ не люблю этихъ философовъ, замѣтилъ на это членъ: — если вы говорите, онъ ропотливъ, то и бездарный непременно, бездарность же не слѣдуетъ ношрять.

— Это такъ, отозвался членъ безъ лорнетки.

— Пятичасовой трудъ его, продолжалъ секретарь:—я всякій разъ пробѣгалъ въ пять минутъ... жалуется, что онъ семейный—да кто же тутъ виновать? Строго говоря, семейныя дѣла чиновника совершенно постороннее дѣло для службы... Конечно, для лицъ заслуженныхъ должны быть исключенія, но не для всякаго же.

Членъ съ лорнеткою молчалъ, а членъ безъ лорнетки одобрилъ секретаря легкимъ поклоненіемъ головы. Засимъ, триумвиратъ обсужденіемъ своимъ остался совершенно доволенъ, и четыре чиновника изъ представленія вычеркнуты; на ихъ имена и прозванія легли огромныя чернильныя полосы и были присыпаны золотистымъ пескомъ. Секретарь тотчасъ взялъ представленіе и спросилъ:—къ завтрашнему дню прикажете приготовить?

— Непремѣнно, пожалуйста... Пора, отвѣчалъ членъ вычеркнувшій:—заstra же надобно доложить для подписи и Василию Григорьевичу (имя предсѣдателя), да и представить.

По окончаніи присутствія, секретарь позвалъ къ себѣ въ камеру писца Горькаго, штучку маленькую и неказистую, но обладавшую изряднымъ почеркомъ, сообщившую, какъ вы помните читатель, видную вѣсточку Алексѣю Ивановичу, и велѣлъ ему придти къ себѣ вечеромъ для переписки бумаги. — Только повторяю тебѣ, сказалъ секретарь Горькому:—ты долженъ быть какъ можно болѣе скромнѣе... Понимашь, о какого рода скромности я говорю?

— Какъ же-съ, Сила Игнатьевичъ, странно ослабѣлъ, отвѣчалъ

Горькій: — очень понимаю... Значить, насчетъ содержанія бумаги
мнѣному...

— То-то... содержаніе будетъ тоже, что и во вчерашней черно-
вой, только лицъ представляемыхъ поменьше.

— Слушаю съ... Мнѣ дестно, что изволите поручать мнѣ такую
переписку, повѣрьте—откровенно говорю съ.

— То-то. Старайся и впередъ не лишаться этого предпочтенія.

Горькій шаркнулъ ножкой и поклонился секретарю. Уходя однакоже
съ полученнымъ приказаніемъ, онъ думалъ: развѣ что онъ примѣ-
титъ, что такъ это говорить!.. Сохрани Боже... я, кажется, никому,
ничего... сохрани Боже... Сказалъ я одному только Алексѣю Ива-
новичу, такъ я знаю, что онъ никогда не выдастъ... не такой че-
ловѣкъ... Просто, должно быть, по случаю важности бумаги Сила
Игнатьичъ это такъ изводитъ приказывать.

Часу въ шестомъ вечера Горькій сѣдѣлъ уже въ кабинетѣ Сила
Игнатьича, за столомъ, между двухъ свѣчъ и переписывалъ пред-
ставленіе, съ полнымъ сознаніемъ важности этого дѣла. Самъ се-
кретарь отправился куда-то на вечеръ. Съ отличною тщательностію
ставилъ Горькій букву за буквой, соединяя ихъ тончайшимъ почер-
комъ; нижняя челюсть его рта, безсознательно для него самого, дѣ-
лала преуморительныя движенія, какъ бы помогала писавшей рукѣ.
Написавъ одну страницу, онъ остановился перевести духъ. Между
тѣмъ взоръ его упалъ на четыре помарки въ черновой бумагѣ, по-
крывшіе вѣчнымъ мракомъ четыре имени, въ комъ имя Щепова
стояло послѣднимъ.

— Шутка ли, сказалъ онъ самъ себѣ:—изъ двѣнадцати человѣкъ
сѣдѣламъ на восемь... Что имъ? зачеркнули да и все, какъ и не
было четырехъ. Особливо жалко мнѣ Алексѣя Ивановича... вѣдь ужъ
и вспомнили было о человѣкѣ, въ черновой списокъ внесли, оста-
валось только переписать набѣдо да представить, такъ нѣтъ же
тебѣ! Какъ нѣтъ человѣку счастья, ничто не поможетъ. А я еще и
глубоко сѣдѣлалъ—ноздравилъ его почти... вѣдь вотъ натура у меня
скверная... самъ знаю, что чрезъ это погибнуть можно на вѣки, а
не уверюясь, рассказавъ... И добро бы хоть такъ и состоялось оно,
а то—нѣ тебѣ! нузырь мыльный вышедъ пребольшущій, утка или
селазецъ, какъ тамъ въ газетахъ говорятъ. Совѣстно теперь будешь
и въ глаза ему глядѣть... Подумаетъ, вотъ врадъ-то человѣкъ, ну-
стошеда... Наговорилъ чего: и не бывало совсѣмъ... востравожилъ.

только меня попраасну. Одначе я что же тутъ причиною? Я сообщилъ ему какъ было, сущюю правду, единственно по расположенности своей, по доброжелательству, такъ какъ мы же съ нимъ и семейно знакомы...

Горькій осторожно перевернулъ исписанную страницу на другую сторону, взялъ перо, осмотрѣлъ его самый кончикъ и тщательно вытеръ тряпочкою, изъ кармана вынутою и обратно спрятанною. Потомъ онъ всталъ, робко заглянулъ въ залу, слабо освѣщенную выходившимъ изъ передней свѣтомъ, и удостовѣрившись, что въ ней нѣтъ никого, онъ продолжалъ шопотомъ и садясь опять за столъ:

— Придется и теперь предварить Алексѣя Ивановича, что Богъ дастъ, а придется... не ужъ ли же онъ сглушить, да выдать меня! Для его же дѣла рѣшаюсь на этокое, можно сказать, нарушение канцелярской тайны... Скажу, что вотъ что-де случилось по вторичномъ разсмотрѣннн черновой: вычеркнули васъ, Алексѣй Ивановичъ, почтеннѣйшій, неизвѣстно мнѣ по какому случаю, а только вычеркнули изъ представленія... По крайней мѣрѣ я себя-то очищу передъ нимъ... не будетъ человѣкъ обо мнѣ худо, по крайнѣй мѣрѣ, думать тамъ... увидить, что истинно усердствую ему, а не то-что...

Горькій еще разъ осмотрѣлъ кончикъ пера и занялся перепискою. Онъ кончилъ ее часу въ девятомъ. Возвращаясь домой и проходя мимо домика, въ которомъ квартировалъ Щеповъ, Горькій замѣтилъ сивозъ неплотно пристававшую къ окну стору, какъ жена Алексѣя Ивановича сидѣла за своимъ плохенькимъ фортепьянникомъ и что-то довольно веселое играла; двое старшихъ ея дѣтей кружились посреди комнаты, а третій ребенокъ ползалъ у ногъ ея на полу. Самогo отца семейства не видно было.

— Не зайти ли мнѣ къ нимъ теперь же, да предувѣдомить, подумалъ Горькій, заглянувъ сивозъ стору:— да нѣтъ, что за сумасшедшій я буду, въ самомъ дѣлѣ; вѣдь вотъ они, въ блаженномъ невѣденнн своего горя, веселятся себѣ подомашнему, а я появлюсь вдругъ съ такою вѣстню, точно какъ бы для того, чтобы лично, Боже меня сохрани, насладиться, такъ сказать, ихъ горестню, радость превратить въ печаль... сатанинское что-то было бы... Лучше я завтрешннй день шепну ему въ должности... и то этагъ исподволь, легонько сперва, а не сразу точно обухомъ изъ за угла.

Горькій, постоялъ еще съ полминуты, нагнувъ фуражку на лобъ и поспѣшилъ домой.

III.

На другой день Щеповъ и Горькій стояли уединенно въ длинномъ коридорѣ при канцеляріи у окна и разговаривали. Рано они пришли сегодня въ должность — одинъ одушевленный надеждою на награду, вслѣдствіе чего почти цѣлые дни просиживалъ въ должности надъ бумагами, а другой въ ожиданіи новыхъ какихъ либо приказаній отъ Силы Игнатьича, а въ особенности, чтобы сообщить Щепову о неблагопріятномъ для него оборотѣ представленія, пока еще въ канцелярію не всѣ служащіе собрались и слѣдовательно удобнѣе можно поговорить.

— Неужели? помертвѣвъ и глухо спросилъ Щеповъ Горькаго, услышавъ отъ него вѣсточку касательно себя:—неужели, Веняминъ Егорычъ?

— Вѣрно-съ, Алексѣй Ивановичъ, отвѣчалъ Горькій: какъ Богъ святъ, вѣрно-съ. Иначе развѣ я смѣлъ бы смущать васъ такою, можно сказать, убійственною новостью? Я переписывалъ, какъ же мнѣ не знать?

— Нѣтъ, Веняминъ Егорычъ, не то хотѣлъ я сказать... въ вѣрности вашихъ ужасныхъ словъ я не могу сомнѣваться... Что же бы это значило? Отчего такая перемена послѣдовала?

— Понять не могу, Алексѣй Ивановичъ, а только что точно такъ, какъ я вамъ докладываю. Въ первомъ представленіи вы были, именно послѣднимъ стояли, ну, а по вторичномъ разсмотрѣтіи начальствомъ черновой, смотрю ужъ васъ и вычеркнули. Я такъ и ахнулъ, признатна, отъ огорченія, такъ какъ я всегда былъ душевно вамъ преданъ.

— Благодарю васъ, Веняминъ Егорычъ. И только я одинъ и вычеркнуть?

— Нѣтъ, и еще трое другихъ.

— Кто такіе?

— Извольте, Алексѣй Ивановичъ, я и это готовъ вамъ сообщить, безъ всякой опаски для себя... никому другому ни за что не скажу, но вамъ готовъ, чтобы вы не такъ смущались: не съ однимъ вами

случилась такая неприятность... вы не захотите меня погубить, никому не скажете?

— Будьте увѣрены... Неужели же я такой неблагодарный?

— Извольте.

И Горькій сказалъ имена и фамилія трехъ другихъ, вычеркнутыхъ изъ представленія. Но Щеповъ уже болѣе ничего не слышалъ, и только развелъ руками, выпустивъ изъ груди тяжелый вздохъ. Неожиданность эта, казалось, лишила его вдругъ способности мышленія и онъ съ минуту простоялъ молча, не сводя глазъ съ той точки на полу, на которой они остановились послѣ вздоха.

— Вы однако, прервалъ молчанье Горькій:— не печальтесь такъ объ этомъ, Алексѣй Ивановичъ, ей-богу не печальтесь, мужайтесь такъ сказать... Что дѣлать... Богъ милостивъ... можетъ быть, онъ другимъ какинъ-либо способомъ помянетъ васъ.

— Нѣтъ мнѣ теперь никакого спасенія, никакого выхода изъ затруднительныхъ моихъ обстоятельствъ.

— Отчего же, помяните!.. А мнѣ такъ кажется, что все еще можетъ поправиться.

— Какимъ образомъ? ради Господа Бога, скажите, научите — каинимъ!

— Учить я не смѣю, Алексѣй Ивановичъ, а только что думаю, не попросить ли бы вамъ хорошенько Силу Игнатьича, а послѣ и высшее начальство, членовъ.

— Да вѣдь поздно уже.

— Ничего, представленіе еще не подписано господиномъ представителемъ... Да можетъ сегодня и не будетъ подписано... Я сейчасъ отъ дежурнаго слышалъ, что если часовъ въ двѣнадцать не пошевелить съ докладомъ, то ужъ завтра, въ десять часовъ... Право, Алексѣй Ивановичъ, я совѣтовалъ бы.. Покрайности, съ своей стороны вы тогда употребите всѣ возможные мѣры, на себя пенять не будете. А то другой разъ и думка, такъ сказать, мучить человека, что вотъ-де не сходило я туда-то, не попросилъ того-то, можетъ и поправилось бы дѣло. Я по себѣ знаю это... случалось и со мною, откровенно вамъ скажу.

— Ну, хорошо. Неужели же вы думаете, что для меня захотятъ передѣлывать представленіе? Вѣдь это было бы неслыханное диво.

— Могутъ приказать просто приписать васъ... мѣста довольно тамъ... бывае примеры... Помните.—Затеряны?

— Какъ же, помню.

— Ну, вотъ извольте видѣть... минутное дѣло, такъ сказать... все возможно-съ для нихъ. Конечно, вы якобы ничего не знаете и не вѣдаете о томъ, что васъ изъ представлешя выключили, а будете прямо просить о представленіи васъ въ числѣ прочихъ.

Алексѣй Ивановичъ задумчиво прошелся по коридору.

— А насчетъ не то что приписки, а и черепски всего представлешя вновь, предлагалъ Горькій:— заикнись только Сила Игнатичъ, и у меня все готово, черезъ двадцать минутъ все будетъ готово.

Проситель, обиватель пороговъ, жалкое существо лажейской, вполнѣ зависящее отъ прихоти и произвола сальпаго міра сего,—чѣмъ ближе онъ подходитъ къ его порогу, тѣмъ учащеннѣе бьется въ немъ сердце, какое-то безпокойство овладѣваетъ имъ, рѣшимость начинаетъ колебаться и въ головѣ уже возникаютъ вопросы: идти или неидти? Просить ли его или неидти? Ну, что если онъ да откажетъ? вѣдь только досада одна... Но онъ безсознательно повинуется механическому движенію ногъ своихъ; вотъ онъ уже у подъѣзда, на лѣстницѣ, робко беретъ за ручку замка двери въ переднюю; замокъ, какъ на зло, громче обыкновеннаго звякаетъ, точно хочеть сказать: и вѣзись-то ты не умѣешь за порядочную ручку; дверь пропускаетъ, или лучше сказать, поглощаетъ его своею огромною пастью и выбрасываетъ вдругъ въ переднюю: тутъ всѣ предметы, за одно съ развалившейся на ясеневыхъ сямьяхъ прислугой, небрежно оглядываютъ просителя съ ногъ до головы и хоть они не сказали еще ни слова, но на лицахъ ихъ очень ясень вопросъ: что вамъ нужно? И потомъ подозрительный взглядъ, выражающій такую сентенцію: попросайна тоже какая нибудь. Все это вдругъ вромелькнуло въ головѣ Алексѣя Ивановича и отозвалось мучительною болью въ сердцѣ. Но зубъ грызущей нужды такъ хорошо ему знакомъ, что онъ употребляетъ надъ собою отчаянные усилія, чтобы заглушить въ себѣ идеи подобнаго рода. Лучше обиды и униженія, бессильныя впрочемъ, чѣмъ эта пригибающая ниже земли нужда.

— Да, больше ничего не остается, сказалъ Щеповъ:— какъ только попросить... начну съ Силы Игнатича.

И онъ ощупалъ рукою—на всѣ ли пуговицы застегнуть вице-мундиръ.

— И начинайте съ Богомъ! подкрѣпилъ Горькій:— я и перышко хорошенькое приготовлю, и транспарантъ... въ одну секундочку, такъ сказать, перемахну, только бы далъ вамъ Бгъ успѣхъ.

Щеповъ молча пожалъ руку Горькому и пошелъ въ канцелярію.

— Присовѣтовалъ бы вамъ я, Алексѣй Ивановичъ, еще нѣкоторыя слова на сей случай, сказалъ Горькій, идя позади Щепова:—да не знаю, какъ примете.

— Какія слова?

— Многіе надъ этимъ смѣются, а напрасно... Есть такія слова противъ отказа и противъ гнѣва со стороны начальника, къ которому идете. Если ихъ сказать передъ самымъ входомъ къ начальнику, отказа не будетъ.

— Какія же это слова?

— Нужно только сказать: помяни Господи царя Давида и всю кротость его, да и еще помяновать кого изъ нашихъ царей... царя Петра, царя Алексія.

— Это не трудно... и помогаетъ дѣйствительно?

— Какже-съ... Многіе это дѣлають и получаютъ желаемое, повѣрьте-съ... Потому собственно — религія тутъ, вѣра, Алексѣй Ивановичъ.

Они вошли въ канцелярію.

Но я намѣренъ нѣсколько подробнѣе сказать о секретарѣ, котораго собирается просить Алексѣй Ивановичъ. Выше я упомянулъ, что Сила Игнатьичъ Мирошкинъ былъ особа безплатная, состоявшая только изъ кожи и костей; безконечныя его сухія ноги, за пеннѣніемъ живота, начинались прямо отъ сухой груди и шагали съ видимою для себя опасностью вдругъ хрустнуть и повлечь за собою паденіе всей персти. Казалось бы, что въ такомъ тѣлѣ ничего не можетъ быть, кромѣ немощи и полного равнодушія ко всему житейскому, — но не тутъ-то было! Сейчасъ вы увидите, что особа Силы Игнатьича была одушевляема двумя демонами — тщеславіемъ и нивостию, овладѣвшими его дрянной натурашкой, подобно черному херувиму въ *Divina Comedia*, завладѣвшему трупомъ одного покойника. Сила Игнатьичъ, происходя изъ весьма недавняго благородія, слѣдовательно личнаго дворянства, былъ однако весьма щекотливъ насчетъ давности своей яко бы дворянской генеалогіи и дѣда своего честнаго торговца, и насильственнымъ образомъ вталкивалъ въ дворянскій родъ однофамильцевъ, ни сномъ, ни духомъ невѣдавшихъ его. Мало того: посредствомъ низенькой, широкоплечей супруги своей, на тридцатой веснѣ своего дѣвства вступившей съ нимъ въ брачныя узы, Сила Игнатьичъ всѣми силами души своей прицеплялъ се-

бы даже къ аристократическому кругу. Три раза въ годъ Сила Игнатьичъ давалъ у себя вечера, во чтобы то ни стало; приглашаемы были два превосходительства и одно спекулирующее, въ конецъ раззорившееся сiятельство азiятскаго происхожденiя. И Боже мой, каковыиъ блаженствомъ дарили его подобные гости! Какъ тонкая лоза, Сила Игнатьичъ предъ ними изгибался, предупреждалъ малѣйшия ихъ желанiя, сажалъ въ самыя удобныя кресла и поминутно титуловалъ ихъ: да вѣдуютъ невѣдующiе, съ кѣмъ онъ ниѣтъ дѣло и связи. Такъ иногда красавица случайной своей улыбкой сводитъ съума урода и внушаетъ ему о его наружности и цѣломъ сложенiи отличное мнѣнiе, не смотря на всѣ противорѣчiя зеркала. На другой день послѣ такихъ вечеровъ, Сила Игнатьичъ казался для своихъ подчиненныхъ въ канцелярiи недосыгаемо великимъ; величественно выходя къ нимъ изъ присутственной камеры и встречаемый низайшими поклонами, онъ и не кивнетъ даже головою, шуритъ глаза и, будтобы не дослышывая, наставляетъ къ уху ладонь, чѣмъ самымъ заставляетъ раза по два и по три повторять одни и тѣ же слова. Были однако же отвратительнѣйшия случаи, рѣзко дававшия Силѣ Игнатьичу замѣтить, что дѣйствительные, настоящието аристократы далеко отъ него, какъ журавли въ небѣ. Но онъ въ такомъ случаѣ, обманывая самого себя, говорилъ самому же себѣ:—не совсѣмъ же мнѣ переснакомиться... Это невозможно. Было и еще у него одно глубокотайное горе: предсѣдатель держалъ себя относительно Силы Игнатьича очень далеко, на непроходимой дистанции, и разговаривалъ съ нимъ лишь по службѣ. Положимъ, это бы еще ничего; предсѣдатель, можетъ быть, отъ природы не словоохочъ. Главное то, что онъ не только никогда не называетъ Силу Игнатьича по имени и отчеству, какъ это дѣлаютъ извѣстные уже намъ члены, но даже и по должности, а просто — Мирошкинымъ, даже и не господиномъ Мирошкинымъ, просто, я вамъ говорю, Мирошкинымъ. И хотъ бы Сила Игнатьичъ заслуживалъ такую холодность, а то, повѣрьте, при входѣ съ бумагами въ предсѣдательскiй кабинетъ, онъ останавливался буквально у самыхъ дверей, отвѣшивалъ поклонъ, какъ другой набожный человекъ иконѣ, не разъ подавалъ онъ и шубу или пальто, подсаживалъ въ карету, но нѣтъ, ничто не брало! — Мирошкинымъ называетъ да и полно. Разумѣется, душа Силы Игнатьича сильно страдала отъ такой неподатливости начальника, мучилась и терзалась до сухотки тѣла, до потери аппетита и сна. За-

лечивалось и успокаивалось его уязвленное сердце только въ канцеляріи: тутъ для его самолюбія успѣхъ быть болѣе чѣмъ вѣрный: подчиненные твердо знали, что Сила Игнатьичъ не любитъ никакихъ возраженій, какъ бы тамъ они ни были резонны, ну, и не возражали ему никогда ни единымъ словомъ; знали, что онъ не любитъ слушать разсужденій подчиненныхъ и не разсуждали. Не любитъ Сила Игнатьичъ, чтобъ его подчиненные разговаривали съ нимъ свободно, какъ бы съ нѣкоторою дерзостію, ну, и они обращаются къ нему рабски, съ полнымъ благоговѣніемъ. Пуще огня опасаются они оскорбить его чѣмъ-либо подобнымъ, зная, что близость и короткость его съ старшимъ начальствомъ будетъ вѣрною порукою гибели для смѣльчака.

Однанадцать часовъ утра. Секретарская мунія, согнувшись, сидитъ въ своемъ кабинетѣ, закутанная въ ватный халатъ и фланелевый платокъ, потопувъ въ вреслахъ и изрѣдка прихлебывая изъ стакана чай. Въ передней несмѣло звякнулъ колокольчикъ и чрезъ минуту служанка доложила Силѣ Игнатьичу:—чиновникъ Щеповъ пришелъ.

— Вели ему тамъ подождать.

Служанка ушла. Прошло минутъ пять; въ это время Сила Игнатьичъ досталъ изъ коробочки съ полдюжины визитныхъ карточекъ и разложилъ ихъ на столѣ; вынулъ изъ столоваго ящика какія-то письма и небрежно бросилъ ихъ тоже на столъ; потомъ онъ сѣлъ, опрокинулся на спинку кресла, вытянулъ ноги и принялъ небрежную позу; потомъ позвалъ ту же служанку и приказалъ ей звать Щепова. Алексѣй Ивановичъ проскользнулъ чрезъ небольшую порядочно убранный залу, мелькомъ увидѣлъ въ зеркалѣ свою бѣдную въ поношенномъ вицъ-мундирѣ фигуру, рѣзко отличавшуюся отъ лака, бронзы и штофной матеріи, и поворотился направо, въ кабинетъ.

— Это вы! встрѣтилъ его Сила Игнатьичъ, какъ бы съ удивленіемъ:—по походкѣ мнѣ показались—статскій совѣтникъ Звѣздкинъ, да и думаю—что это онъ такъ рано беспокоитъ меня... Садитесь.

— Покорно васъ благодарю.

Алексѣй Ивановичъ поклонился и сѣлъ у самыхъ дверей, на уголѣ стула, держа въ рукахъ свою потертую шляпу.

— Вы имѣете вѣроятно что нибудь сказать, началъ Сила Игнатьичъ.

— Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, сказалъ Щеповъ, вставъ со стула.

— Объ чемъ это?

— О себѣ самомъ, Сила Игнатьичъ. Просить за себя совѣстно какъ то, слова не находишь, но крайность меня заставляетъ.

— Говорите, ничего. Надобно же сказать, если вы за тѣмъ пришли...

— Это справедливо... Будьте такъ добры, Сила Игнатьичъ, ходатайствуйте, чтобы меня хоть въ нынѣшнемъ году представили къ чему нибудь.

— Васъ? къ чему же именно?

— Хоть къ полугодовому окладу жалованья, такъ какъ я чело-
вѣкъ семейный и крайне бѣдный.

— Не худого просите, замѣтилъ Сила Игнатьичъ, едва сдерживая ядовитую улыбку:—только это не отъ меня зависитъ... Просите кого постарше.

— Я васъ покорнѣйше прошу, какъ ближайшаго моего пачальни-
ка. Ходатайство ваше о подчиненномъ будетъ уважено.

— Объ этомъ судить не беритесь, господинъ Щеповъ... Положимъ я имѣю здѣсь голосъ и право на нѣкоторое уваженіе этого голоса, но все таки ничего не могу вамъ обѣщать.

— Умоляю васъ, Сила Игнатьичъ... Вы изволите знать всю мою службу; я не пзъ лѣпныхъ, всегда на лицо и долгъ свой исполняю какъ слѣдуетъ... Замѣчаній особыхъ отъ васъ нпногда не получалъ, бумаги мои завсегда изволите одобрять.

— Все это такъ, но я долженъ вамъ сказать, что теперь поздно хлопотать о наградѣ: представленіе рѣшено и приготовлено со-
всѣмъ.

— Сила Игнатьичъ, я буду стараться всѣми силами и на буду-
щее время заслужить ваше вниманье.

— Не могу, господинъ Щеповъ, поздно.

— Помиауйте, въ прошломъ году Затеркинъ приписать былъ въ представленіи уже во время самага доклада его превосход-
тельству.

— Мало ли что... Подобнаго случая вы не должны ставить для
себя въ примѣръ.

— Почему же-съ, Сила Игнатьичъ?

— Да потому... Тамъ были особыя прпчины... Затеркинъ лично извѣстенъ господамъ присутствующимъ по нѣкоторымъ услугамъ; а
за васъ что я скажу?

— Такъ хоть по человѣчеству, изъ состраданья... я уже не смѣю говорить ни о трудахъ моихъ, ни о пуждахъ семейныхъ.. ради Бога, ради человѣчества.

— Какое тамъ человѣчество — все это вздоръ. Служба требуетъ безкорыстія и такъ сказать самопожертвованія. Эй! Пашка, закричалъ секретарь, вдругъ вставъ съ кресель и идя въ другую комнату: — не присылалъ ли ко мнѣ сегодня генералъ Лахтинъ человѣка? Отвѣтъ Пашки не былъ слышенъ.

— Прошу извинить, кончилъ секретарь, обратясь къ Алексѣю Ивановичу: — мнѣ право теперь некогда съ вами толковать... да и вамъ нужно идти въ канцелярію заниматься.

И онъ ушелъ. Алексѣй Ивановичъ остался одинъ: съ минуту простоялъ онъ неподвижно, потомъ вдругъ повернулся и вышелъ въ корпдоръ, отдѣлявшій квартиру секретаря отъ канцеляріи, почти бѣгомъ миновалъ двери канцеляріи, спустился внизъ и вышелъ на улицу, не надѣвая шляпы-ветерапки; въ такомъ видѣ онъ дошелъ уже до средины улицы и тутъ только опомнился, надѣлъ шляпу, но и то какъ-то бокомъ, вовсе не замѣчая того. Голова у него горѣла, глаза были мутные и колѣнки видимо подгибались подъ дрожавшимъ туловищемъ. Не пойдти ли попросить повыше? подумалъ онъ про себя: — авось сжалятся его пр—ство. Да нѣтъ, отвѣтилъ онъ тутъ же самъ себѣ, и судорожно махнулъ рукой: — куда мнѣ лезть съ моимъ рыломъ къ его превосходительству. Порѣшивъ на этомъ, Алексѣй Ивановичъ тихонько поплелся домой. Возвращаясь передъ свѣтлыя очи своей Машиньки, онъ собиралъ всѣ силы души, чтобы не проронить ни одного тоскливаго слова, не подать никакого признака горя; онъ долженъ казаться, во что бы то ни стало, передъ своими домашними если не веселымъ, то по крайней мѣрѣ спокойнымъ, въ обыкновенномъ состояніи духа. Боже мой, какъ это трудно и тяжело! да и возможно ли, удастся ли ему такое притворство? Машенька такъ умѣетъ понимать его настроеніе, такъ припоровилась къ привычкамъ и свойствамъ Алексѣя Ивановича, что почти всегда по глазамъ даже узнаетъ о его внутреннемъ состояніи. Легко ли скрыть въ глазахъ то, что дѣлается внутри насъ! Легко ли заставить языкъ молчать, или говорить самый веселый вздоръ, тогда какъ на сердцѣ кошки скребутъ! Можно задержать въ груди вздохъ, не выпускать его вопъ, подавить его въ себѣ, но заставить глаза, чтобы они при глубочайшемъ горѣ, смотрѣ-

ли весело, смѣялись такъ сказать, когда душа плачетъ,—можно ли? Какъ ни хитри, какъ ни владѣй собою, а сквозь эти два просвѣта души непремѣнно выгленеть на свѣтъ божій то, что мы прячемъ въ себѣ отъ другихъ. Но Алексѣй Ивановичъ рѣшился непремѣнно скрыть свое горе передъ семействомъ, покрайней мѣрѣ до времени, и обнаружить его впоследствии не вдругъ, не разомъ, а постепенно, всячески уменьшая его силу, не придавая особой важности. Боятся только онъ, чтобы Машенька его не заглянула прямо ему въ лицо, не посмотрѣла въ глаза. Ну что ежели она, думаетъ Алексѣй Ивановичъ:—да узнаеть все, узнаеть, что вся наша надежда поправиться и расплатиться съ долгами вдругъ рушилась, навсегда рушилась? Вѣдь теперь мы не только не въ состояннн будемъ заплатить долги, исправить вопіющія, необходимыя свои нужды, а и потеряемъ всякое довѣріе у добрыхъ людей, всякую вѣру въ честное слово. И что теперь сама жена моя вправѣ подумать обо мнѣ? что я за мужъ такой, ежели не въ состояннн прокормить свою семью? Вѣроятно, я человѣкъ самый бездарный, неспособный, если начальство не удостоиваетъ меня никакимъ поощреніемъ... Чортъ ли въ моемъ долгосидѣннн за бумагами, во всей этой копилкнн, если въ ней ни на волосъ нѣтъ проку ни для меня, ни для службы! После этого жена непремѣнно должна презирать меня, или пожалуй смотрѣть на меня съ крайнею жалостью, что еще хуже. Вотъ, думаетъ она, съ какимъ человѣкомъ связала я судьбу свою!

Проходя мимо лабазника, своего кредитора, стоявшаго и теперь какъ и всегда, на порогѣ своего лабазы, Алексѣй Ивановичъ старался не глядѣть въ ту сторону, вынулъ изъ кармана платокъ и сталъ безъ всякой надобности сморкаться, ускоряя между тѣмъ свои шаги: но почтенное купецкое званье твердо держалось своей политичности,—п Щеповъ надъ своею головою услышалъ:—наше вамъ почтенье-съ, Алексѣй Ивановичъ! — Убирайся ты и съ почтеньемъ своимъ, пробормоталъ про себя Алексѣй Ивановичъ, прикоснувшись однако же къ краю своей шляпы и немного повернувъ къ лабазнику голову. Подойдя къ своей квартирѣ, Щеповъ увидѣлъ въ окнахъ дѣтей своихъ и жену, которые ему улыбались и кланялись. Великанъ-кухарка отперла дверь подъѣзда. Увидѣвъ его галоши полныя воды и панталоны чуть не доколѣпн замоченные, она невольно вскрикнула:—экъ вы, баринъ! точно ребенокъ малый... али вы въ яму гдѣ угодилъ, что ли? Па замѣчаніе кухарки Щеповъ

не отвѣчалъ ни слова. Раздѣвшись и оправившись, онъ сѣлъ за столъ, надъ которымъ уже влубился сизый паръ отъ миски съ картофельною похлебкою. Первый разъ въ жизни теперь не хотѣлось бы ему быть съ семействомъ, тяжлы и невыносимы казались ему взгляды дѣтей и жены, но онъ храбро поднялъ глаза свои на нихъ и заговорилъ.

— А что, Паша, хорошо ты сегодня училась?

— Хорошо, папенька, отвѣчала дѣвочка:—изъ священной исторіи мнѣ сегодня четыре, изъ чистописанья пять.

— Очень радъ, учись такъ и всегда. А тебѣ, Митя, сколько учительница поставила?

— А ему, папенька, отвѣчала та же дѣвочка, и не кончивъ отвѣта, наклонилась къ самому уху своего маленькаго брата, шопотомъ сказала ему:—а что, а я скажу... Мальчишкѣ энергически толкнулъ ее ногою и отвернулся.

— Сколько же ему? допрашивалъ отецъ.

— Онъ сегодня кругомъ вповать, отвѣчала за Митю маменька:—кромѣ того, что учился плохо, еще и тетрадь свою выпачкалъ въ чернилахъ... Учительница поставила ему единицу даже въ поведеніи.

— О-о! какъ же такъ ты, Митя?

Мальчишкѣ началъ тереть свои глаза и готовился заплакать.

— Плохо, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ, плохо, что-то ты частенько сталъ полѣпываться.

— Ну, онъ поправится, замолвила Марья Львовна:—не будетъ лѣниться.

— Не будешь, Митя?... ну полно же, перестань, кушай... А учительница, добавила она, обратясь къ мужу:—прислала сегодня съ дѣтьми записку.

— Объ чемъ? спросилъ Алексѣй Ивановичъ, хотя тужь минуту и самъ догадался о чемъ, и его какъ-будто что кольнуло.

— Извѣстно объ чемъ, объ дещгахъ... боится, что не заплатимъ... у меня, говорить, платять всѣ за каждый мѣсяць впередъ, а вы, вотъ уже девять мѣсяцевъ слишкомъ, ничего не платите...

Марья Львовна подала записку Алексѣю Ивановичу.

— Предосадно ей-богу и преобидно .. Не знай я, что мы скоро съ нею расплатимся—дай вотъ только Богъ скорѣе получить тебѣ награду — я готова бы рубашку съ себя продать, да расплатиться, такъ она обидно пишетъ.

Алексѣй Ивановичъ держалъ передъ глазами своими записку и какъ будто читалъ ее, на самомъ же дѣлѣ онъ не читалъ: содержаніе ея уже извѣстно, и довольно. Онъ слушалъ жену и каждое ея слово понимало его то потомъ, то холодомъ. Онъ дѣлалъ надъ собою величайшія усилія, чтобы казаться спокойнымъ. Марья Львовна, расстроенная требовашемъ учительницы, не замѣчала этого и продолжала.

— Не слышно, къ празднику награды не раздадутъ вамъ?

— Нѣтъ, Машенька, глухо отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ.

— Ну, да. Такъ ты знаешь что, Алексѣй, ты попроси у казначея въ счетъ награды, да и отошлешь ей съ дѣтьми... Оставимъ себѣ только немножко на праздникъ разговѣться.

— Попрошу, Машенька, постараюсь.

— А на праздникахъ, какъ выйдетъ твоя награда, онъ и вычтетъ себѣ, сколько ты возьмешь... для него вѣдь все равно.

— Все равно, конечно.

— Досадно мнѣ еще на кухарку нашу... до сихъ поръ молчала насчетъ денегъ, а тутъ точно сговорилась... и ей понадобились... въ деревню, говорить, нужно послать своимъ... шутка ли, за полгода мы ей должны, гдѣ же такъ сразу ей взять?... Получимъ вотъ на праздникахъ, такъ и ей отдадимъ...

Алексѣй Ивановичъ крѣпился и молчалъ. Обѣдъ кончился. Алексѣй Ивановичъ, подъ видомъ отдохновенія, удалился въ другую комнату, прилегъ на клеенчатомъ диванѣ, оборотась къ стѣнѣ и радъ-радъ былъ, что наконецъ могъ скрыть лицо свое отъ взглядовъ семейства. И удалось таки ему притворное спокойствіе, не далъ онъ замѣтить Марьѣ Львовнѣ свое отчаяніе. И хорошо сдѣлалъ: ужъ лучше одному страдать за всѣхъ, чѣмъ всѣмъ за одного. Съ наступленіемъ ночи дѣти уснули. Марья Львовна при тускло горѣвшей свѣчѣ что-то шила, Алексѣй Ивановичъ переходилъ изъ спальни, гдѣ сидѣла жена, въ чистую комнату (она же и столовая), отсюда въ маленькую переднюю, отдѣленную отъ чистой комнаты перегородкой, потомъ опять туда же и назадъ. Темнота успокоивала его

по крайней мѣрѣ въ томъ, что лицо его и глаза не выдадутъ теперь его тайнаго горя.

— А ты же что, Алексѣй, не ложишься? спросила его жена, собиравшаяся тоже спать:— двѣнадцатый часъ, пора и тебѣ.

— Немного похожу, Машенька, моционъ сдѣлаю на сонъ грядущій, да и лягу тоже, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Черезъ полчаса, когда уже уснула и Марья Львовна, Алексѣй Ивановичъ сѣлъ въ чистой комнатѣ на стулъ, склонился головою на спинку другого стула и предался вполне своей думѣ. Долго онъ просидѣлъ въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ всталъ и шопотомъ началъ упрекать самого себя.

— И зачѣмъ это я скрываюсь передъ нею!.. Я бы долженъ былъ, придя изъ должности домой, сразу открыть ей всю правду, сказать, что я вычеркнутъ изъ представленія и никакой награды не получу, чтобъ она и не надѣялась. Конечно мнѣ жалко ея было, жалко было разстроивать ее такую гадкою вѣстью, но что же дѣлать, если такъ ужъ случилось? Она же, какъ жена моя, должна раздѣлять со мною всякій мой жребій — счастливый и несчастный. Она видитъ, что я не пьяница, не картежникъ, не лѣнтяй по службѣ... счастья мнѣ только нѣтъ въ этой службѣ, судьба моя такая бѣдственная. Слѣдовательно, при ея благоразуміи, она и упрекать меня не будетъ; напротивъ она пожалѣетъ обо мнѣ, а это много облегчитъ мою тоску... Не надо больше скрывать! Завтра же поутру она все узнаетъ... Хотѣлъ я соблюсти тутъ нѣкоторую постепенность, да наврядъ удастся мнѣ... начну только открывать — горе само собою прорвется, все до дна хлынетъ. Нужды нѣтъ, я скрѣплюсь хорошенько и буду рѣшительнъ.

Алексѣй Ивановичъ закрылъ разгорѣвшіеся свои глаза руками, упалъ ницъ передъ образомъ и навзрыдъ заплакалъ. Выплакавшись и придя въ себя, онъ однако же нашелъ, что не стоить такъ убиваться изъ-за этой проклятой награды. Ужъ не слишкомъ ли я малодушествовую? спросилъ онъ самъ себя. Нельзя ли какъ извернуться домашними средствами и успокоить Машеньку? Изъ ея вещей, что можно было, уже преѣе продано и прожито... Серебро и серьги давно въ закладѣ... Ахъ, да! дай Богъ память... шалевый платокъ! вскричалъ онъ, почти выпрямившись: шалевый платокъ! чтожъ это я,— вотъ на первый разъ и средство, хоть и маленькое... Платокъ

этотъ Машенька почти никогда не носитъ, такъ онъ себѣ лежитъ, безъ употребленія... его можно продать, ежели дадутъ настоящую цѣну, а не то, заложить до времени.

Платокъ этотъ шалевый, какъ лучшую изъ своихъ вещей, Марья Львовна дѣйствительно не носила дома, а изъ дому, когда могла бы его надѣть, она, озабоченная дѣтьми и домашними дѣлами, выходила весьма рѣдко. Но она берегла эту вещь, какъ единственную изъ полученнаго нѣкогда приданого, еще уцѣлѣвшую отъ хищной бѣдности. На мысли о его продажѣ или залогѣ Алексѣй Ивановичъ остановился. Онъ всталъ, осторожно отперъ дверь въ комнату, въ которой спало все его семейство, и еще съ большою осторожностію вошелъ туда. Скоро онъ возвратился въ комнату, гдѣ сидѣлъ, неся съ собою платокъ, вынутый имъ изъ женнаго комода, завернулъ его тщательно въ салфетку и спряталъ въ передней такъ, чтобы завтра можно было, выходя изъ дому, взять съ собою незамѣтно для домашнихъ. Но какъ деньги, которыя могутъ быть выручены за платокъ, не вполне поправятъ дѣло, а только удовлетворятъ нѣкоторымъ крайнимъ нуждамъ, и то не на долгое время, то Щеповъ естественно перешелъ опять къ мысли, что надобно искать рѣшительной, радикальной перемѣны въ жизни.

— Брошу я эту нищую службу, сказалъ онъ:—пойду другой... какъ будто только и свѣта что въ окнѣ, за окномъ больше... пойду другой службы, авось попаду на свою дорогу, найду свое хоть позднее счастье... Просто, на Амуръ проситься буду... славная тамъ служба, говорятъ; край непочатый... пусто только, людей очень мало, не заселенная сторона. Впрочемъ, что же мнѣ и въ людяхъ? развѣ я не по ихъ милости бѣдствую теперь? Мнѣ и слѣдуетъ отъ нихъ бѣжать какъ можно дальше, на край свѣта. Жалованье тамъ даютъ большое, почти втрое противъ здѣшняго, а при отправленіи туда двойные прогоны, третное жалованье не въ зачетъ — чего же еще? Вотъ только насчетъ воспитанія дѣтей затруднительно будетъ... если ли тамъ какія-нибудь учебныя заведенія?.. Непремѣнно надобно разузнать объ этомъ хорошенько, да и рискнуть, помолясь Богу. Жаль только, что лѣта-то мои ушли!... на половинѣ пятый десятокъ лѣтъ мнѣ, годъ за годъ ждалъ все лучшаго, между тѣмъ здоровье мое стало плохо, самъ вижу, что плохо... въ зеркало посмотрѣть даже гадко... Госноди, укрѣпи ты меня, поддержи меня хоть для малолѣтнихъ дѣтей моихъ!

Въ такихъ размышленіяхъ Алексѣй Ивановичъ и уснулъ. Между-тѣмъ стоявшая доселѣ хорошая погода измѣнилась; западный порывистый вѣтеръ, часъ отъ часу усиливаясь, пагналъ мрачныя облака. Въ утру зашумѣлъ перемѣжающійся дождь, но частый и холодный, вода въ Невѣ значительно поднялась, заходила волны противъ теченія и прибитыя ими къ берегамъ льдины недавно вскрывшейся рѣки затрудняли уже переправу въ лодкахъ до того, что многіе, имѣвшіе нужду побывать на другой сторонѣ, не рѣшались пускаться въ опасный путь. Но если бы представлялась и въдесятеро большая опасность, Алексѣй Ивановичъ и тогда не подумалъ бы о ней. И вотъ онъ уже сидитъ въ яликѣ подѣ старымъ своимъ коленкоровымъ зонтикомъ; съ нимъ сидитъ какая-то бѣдная, въ порыжѣломъ драдемамовомъ самопникѣ, женщина — выжимка, до того лицо ея изнурено и въ морщинахъ.

— Отваливать? спросилъ Щепова перевозчикъ, стоя на яликѣ у своего сидѣнья и держась багромъ за плотъ, чтобъ не отнесло. Щеповъ не отвѣчалъ.

— Положь, баринъ, двугривенникъ, одного тебя перевезу... видишь затрудило—сила силенная... Еще маленько, такъ и совсѣмъ перевоза не будетъ... Эй, тетка, что съ парнемъ! обратился онъ вдругъ къ ступившей на плотъ женщинѣ: — садись сюда! сейчасъ отваливаю.

Женщина съ парнемъ сѣла въ яликъ. Пришли еще двое солдатъ, но имъ приглашенія отъ перевозчика не послѣдовало; сѣли они въ яликъ сами. Нептунъ почесалъ въ затылкѣ, но дѣлать было нечего.

— Что жъ, кавалеры, спросилъ онъ солдатъ:—плата отъ васъ будетъ?

— Съ солдата платы не полагается, отвѣчалъ одинъ изъ кавалеровъ.

— Не полагается, знамо дѣло... а хозяинъ съ насъ спрашиваетъ... ему подай, что положено... знать ничего не хочеть.

— Солдату не откудова взять.

— А мнѣ же откудова взять, коли за-даромъ стану перевозить?

— Заплатимъ, чортъ-те дери, борода, и съ хозяиномъ твоимъ! гнѣвно закричалъ другой кавалеръ:—отваливай только. И съ послѣднимъ словомъ кавалеръ этотъ бросилъ къ ногамъ перевозчика три копейки. При энергическихъ его словахъ женщина—выжимка и другая женщина съ парнемъ перекрестились, а перевозчикъ, подобранный

денеги, оттолкнулъ яликъ, сѣлъ, поплевалъ въ ладони и взялся за весла; рыхлыя края льдинъ, звеня, посыпались хрустальными сосульками, когда яликъ сталъ подаваться дальше и дальше. Переплыли на другую сторону. Щелковъ поспѣшно вышелъ на берегъ, держа ногу рукою завязанный въ салфеткѣ шалевый платокъ и пошелъ по набережной фонтани, заблаговременно сторонясь при встрѣчѣ съ прохожими, какъ бы боясь, чтобы его кто не задержалъ. Онъ перешелъ Аничкинъ мостъ, продолжая путь въ прямомъ направленіи. Дойдя до Семеновскаго моста, онъ свернулъ направо и скоро очутился на мѣстѣ, опустошенномъ пожаромъ и носившемъ прежде названіе Толгучки, куда сваливались поддономъ петербургскаго населенія. Населеніе это въ старыхъ солдатскихъ шинеляхъ, подвязанныхъ бичевнами, въ полушубкахъ дырявыхъ, въ армякахъ и засаленныхъ пальто всевозможнаго покроя, по старой своей привычкѣ къ мѣстности, толпилось безобразной массой передъ временно устроенными шалашами, а нѣкоторые, въ сторонѣ, рылись палками въ кучахъ земли и вытаскивали оттуда ржавые гвозди, куски недогорѣлыхъ кожь и другую дрянь, оставшуюся послѣ пожара. Передъ однимъ изъ шалашей стояла кучка любопытныхъ, изъ коихъ задніе, чтобы взглянуть напередъ черезъ головы впереди стоящихъ, принуждены были подниматься на цыпочки и вытягивать свои шеи. Предметомъ ихъ любопытства была картина, висѣвшая на одной половинкѣ двери шалаша, изображавшая сапи-розвальни, запряженныя одною тощею, скачущею во всю свою мочь лошадкою; на саняхъ розвальняхъ баба съ прижавшимся къ ея груди ребенкомъ; позади розвальней скачутъ три волка съ разинутыми ртами, съ высунутыми языками огненного цвѣта. Любопытствующіе толковали насчетъ сюжета картины.

— А что, коли и въправду такъ было, заѣли они безпрѣменно бабу и съ ребеночкомъ?

— Чѣво заѣли, а ты думаешь пожалѣли? У насъ въ Уаловѣ, года съ два тому будетъ, ребята убили на овчарнѣ здоровеннаго волка, тамъ тоже въ логаномъ брешницѣ нашия и косточки члвчѣка.

— Вишь... сказывають, что коли звѣрь да попробуетъ члвчѣины, такъ и понюхъ аялетъ—ничего и ѣсть не станеть, окромя члвчѣины.

— Знать, больно слусна.

— А пуще жалко-то ребеночка этого... ангельской души, безвинной.

— Горячи блины! раздался гдѣ-то козлиный голосъ.

— Господинъ, а господинъ, что покупаете? али продаете?

Эти послѣднія слова сказаны были самимъ хозяиномъ картины, стоявшимъ у порога своего шалаша для залучки покупателей. Они относились къ господину Щепобу, остановившемуся противъ шалаша съ видимымъ колебаніемъ.

— Пожалуйте, повторилъ ему обладатель картины:— пожалуйста! что для васъ требуется?

Алексѣй Ивановичъ вошелъ въ шалашъ. Опытный лоскутникъ тотчасъ смекнулъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Окнувъ Алексѣя Ивановича однимъ взглядомъ и замѣтя что-то отдувшееся у него подъ полюю, онъ сказалъ:

— Не сумѣвайтесь, господинъ... у насъ бываютъ и господа... случается и у нихъ нужда, какъ и у нашего брата. Покажите, что у васъ такое.

Онъ почти выхватилъ у Алексѣя Ивановича узелъ, развязалъ его и вынулъ шалевый платокъ.

— Это, значить, дамская принадлежность, какъ бы про себя замѣтилъ онъ.

— Да. Не можешь ли ты купить его у меня? спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Для чего, купить можно всегда... торговлею занимаемся... а только что подѣлать-то опосля.

— Послѣ ты продашь его съ выгодою для себя: платокъ очень хорошій и почти не ношенъ.

— Это точно-съ... только на дамскія вещи у насъ спросу мало... Опять же, милостивый государь, покупатели-то у насъ, значить, все дрянъ, цѣны не знаютъ ничему, ну, и по бѣдности своей порывать достать за безцѣнокъ, за цѣну мизерную-съ.

Онъ растопырилъ на себѣ платокъ въ видѣ передника и сталъ его разсматривать, стараясь прежде всего отыскать недостатки.

— Въ носкѣ одначе былъ-съ... здѣсь и пятно. ?

Онъ нарочно прижалъ въ одной мѣстѣ къ платку свои грязныя, во что-то выпачканные пальцы. Алексѣй Ивановичъ наклонился поглядѣть и точно увидѣлъ пятно.

— А въ этомъ мѣстѣ опять что-то эдакое, продолжалъ торговецъ, щипля нитку изъ платка. — А что просите?

— За него заключено двадцать пять рублей, отвѣчалъ Алексѣй Ивановичъ: — но я отдамъ тебѣ за пятнадцать, потому нужда...

— Извѣстно, не нужда — не стали бы и продавать... А рублика два не возьмете-съ?

Алексѣй Ивановичъ, услышавъ это, остолбенѣлъ.

— Цѣна настоящая-съ, добавилъ нагло лавочникъ. — Извольте видѣть... таперича я деньги вынь да подай наличными, а когда ихъ выручу, одинъ Богъ про то знаетъ, потому товаръ такой — дамскій.

— Нѣтъ, за эту цѣну я не отдамъ.

— На то воли ваша-съ. Никто больше не дастъ, повѣрьте-съ.

Алексѣй Ивановичъ съ досады схватилъ платокъ, кое-какъ свернулъ его и бросился вонъ изъ шалаша, но чрезъ минуту вернулся.

— Послушай, сказалъ онъ, входя: — хочешь за десять? бери!

— Извольте, я надбавлю вамъ полтиннику-съ, а больше ни копѣйки, ей-богу-съ ни копѣйки. И лоскутникъ повернулся спиной къ продавцу.

Алексѣй Ивановичъ какъ ни крѣпился, а провзнесъ крѣпкое русское словца и бросился бѣжать изъ шалаша, и на этотъ разъ туда уже не возвращался. Дождь лилъ ливнемъ. Даже вся толкучая публика, въ томъ числѣ и любопытные у картины — всѣ принуждены были укрываться.

— Али ужъ дать ему три рубля, раздумывалъ лоскутникъ. — Николка, а Николка! выдь — погляди, гдѣ этотъ господинъ, да кликни его.

Заспанный мальчишка вылезъ изъ-за бумажной ширмы, почесывался и потягиваясь.

— Ну же, поварачивайся, остолопы!

Мальчикъ сунулся изъ шалаша. Спустя минуты три, онъ возвратился и объявилъ, что господина этого нигдѣ нѣту.

Между тѣмъ Алексѣй Ивановичъ, не смотря на проливной дождь, шелъ торопливо — куда? едвали онъ и самъ зналъ куда, но не въ должность и не къ семейству своему, а просто изъ улицы въ улицу, ища безсознательно разсѣянья. Въ должности сослуживцы его, видя первый разъ мѣсто Щепова пустынь, не могли надвинуться этому рѣдкому явленію, тѣмъ болѣе что кто-то изъ нихъ издали видѣлъ Алексѣя Ивановича переходившимъ чрезъ Невскій проспектъ. Одинъ

изъ нихъ, считавшійся острякомъ на всю канцелярію, замѣтить, что такая самовольная отлучка есть вѣрный признакъ близости кончины міра и, самодовольно оглядываясь кругомъ, ждалъ взрыва общаго смѣха, но таковаго не послѣдовало, и только немощіе усміхнулись.

Какъ бы то ни было, а Алексѣй Ивановичъ промаялся гдѣ-то часу до пятого по полудни и возвратился домой весь мокрый до костей, и едва имѣлъ силъ раздѣться и надѣть сухое бѣлье. Марья Львовна очень огорчилась такою небрежностію его къ самому себѣ и, подавая ему чистое бѣлье, говорила:—Бога побойся, Алексѣй! Семейство ты имѣешь и такъ помышляешь адоровать... Точно нарочно стоялъ ты подъ дождемъ... рубашка даже на тебѣ мокрая вся.

Увидѣвъ его блѣдно-желтое лицо, Марья Львовна тотчасъ пошла, что съ мужемъ ей случилась какая нибудь неприятность, но она не спросила его именно изъ боязни услышать эту неприятность... Поздно ночью, когда уже все семейство спало, Щеповъ, шатаясь, всталъ съ постели, вышелъ въ переднюю, нашелъ тамъ спрятанный имъ вчера узелъ съ шалевымъ платкомъ, вынулъ платокъ и съ большою осторожностію спряталъ его опять въ комодъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ валялъ; потомъ легъ онъ опять въ постель и тяжело задыхался, какъ бы послѣ тяжелаго труда. Такимъ образомъ жена его ничего не узнала насчетъ платка.

Всю ночь не могъ уснуть Алексѣй Ивановичъ, нечаявъ изъ стороны въ сторону. Память его, какъ будто на прощаньи съ жизнью, силится представить все прошлое: онъ думалъ — о чемъ? заглянемъ ли мы въ душу бѣдняка? Напрасно, мы ничего въ ней не увидимъ: неудачи, неправда и оскорбленія, ослабляя силу одна другой, пожирая одна другую, слились наконецъ въ общій мракъ, въ которомъ уже ничего нельзя различить. Представьте себѣ, читатель, что вы стоите на свѣту, озаренные солнцемъ, и видите передъ собою темное отверстіе въ землѣ, ведущее въ неизвестную глубину. Отъ свѣта, васъ окружающаго, отверстіе это кажется вамъ еще темнѣе. Сколько вы ни всматриваетесь, сколько ни напрягаете ваши глаза, чтобы видѣть, что кроется въ этой глубинѣ, что ее наполняетъ, — ничего не можете видѣть, кромѣ одной тьмы. Таково было состояніе души Щепова. Все въ ней схвачено однимъ мракомъ, все перешло въ тьму.

То были образы безъ лицъ,
 Безъ протяженья, безъ границъ,
 То страшный мѣръ какой-то былъ,
 Безъ неба, свѣта и свѣтлѣ.

И съ этой минуты неудавшаяся награда сдѣлалась роковымъ ударомъ для Алексѣя Ивановича.

На другой день у него обнаружилась жестокая горячка; въ три дня она довела его до агоніи. День и ночь Марья Львовна не отходила отъ его постели. Дѣтей она помѣстила на этотъ случай въ единственной чистой комнаткѣ и строго наказала имъ не шумѣть и не беспокоить папеньку. Раю утромъ на четвертый день, пришелъ ежедневный со дня болѣзни Алексѣя Ивановича посѣтитель, Горькій. Онъ осторожно, чтобъ не стукнуть, заперъ за собою дверь, перекрестился на образа и шопотомъ поздоровался. Марья Львовна только-что наполнила дѣтей горячимъ и хотѣла нести больному чистое бѣлье.

— Что-то Господь далъ намъ сегодняшній день? сказалъ Веньямищъ Егорычъ хозяйкѣ.—Что нашъ больной?

— Какъ-будто немножко легче ему, отвѣчала она:—тише, онъ сталъ.

— Никто какъ Богъ: не сумнѣвайтесь, сударыня. А тепереча же онъ что?

— Спать, уснулъ крошечку... ужасно онъ мучился до самой вари.

— Ежели спать, то это предзнаменованіе, такъ сказать, весьма хорошее-съ... переломъ болѣзни означаетъ-съ.

— Миѣ нужно перемѣнить ему бѣлье, да не знаю, какъ и войти... боюсь, не потревожить бы его. А такъ не утерплю—войду тихонько. Сама не понимаю, что-то сегодня меня особенно беспокоить.

Марья Львовна подошла къ дверямъ комнаты, въ которой лежалъ Алексѣй Ивановичъ и послушала: тихо. Она взяла со стола бѣлье и владучись отперла дверь. За нею на цыпочкахъ вошелъ и Горькій, а за нимъ и двое старшихъ дѣтей. При опущенной шторѣ нельзя было разглядѣть лицо Алексѣя Ивановича. Марья Львовна пр подняла немножко штору и подошла къ кровати, — дыханья не слышно. Горькій и дѣти также прблизились. Алексѣй Ивановичъ лежитъ какъ-то ужъ слишкомъ выпрямившись; на высохшемъ темножелтоватомъ лицѣ суровая важность, губы сжаты, носъ особенно заострилъ.

ся, въ темныхъ глазахъ впадинахъ что-то ужъ крѣпко сомкнулись
рѣсницы: — смерть, какъ тебя не узнать по твоему отвратительпо-
му виду! Читатель потрудится самъ представить себѣ состояніе
семейства Алексѣя Ивановича въ эту минуту.

А. Вульфсонскій.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

(Изъ Байрона).

Ахъ, плачьте, рыдайте бездомные дѣти Сіона,
Какъ плакали мы на враждебныхъ рѣкахъ Вавилона.

Ахъ, плачьте! Разбита пѣвучая лира Іуды:
Гдѣ высіялись храмы - теперь безобразныя груды.

О, чѣмъ освѣжимъ изъязвленныя ноги и руки?
Излечать-ли скорбь въ насъ сіонскія пѣсни и звуки?

Ужель мы все будемъ бездомны, и босы, и слѣпы,
И вновь не воскликнемъ подѣ звуки іудиней лиры?

Забитое племя! Въ изгнаніи кочуешь ты нынѣ,
Безславно, въ позорныхъ цѣпяхъ пресмыкаясь въ чужбинѣ!..

У звѣря есть норы, есть теплая гнѣзда у птицы,
А бѣднымъ евреямъ раскрыты одніи лишь гробницы.

Д. Минаевъ.

ИЗГНАНИЕ.

(Изъ Томаса Гуда).

Изъ за-моря ласточка
Весной полетитъ,
И вѣтеръ, мнѣ вѣющій,
Твой садъ навѣститъ;
Съ тѣмъ вѣтромъ корабль нашъ
Вернется домой.
А я?.. Не видать ужъ мнѣ
Сторонки родной!

Не мало тамъ льется слезъ —
И слезы твои
О томъ, что отъ слезъ твоихъ
Далѣки мои.
И чѣмъ мы разрознены,
Родная, съ тобой?
Однимъ только моремъ ли,
Иль смертью самой?

Блѣтеть ли облачко
Вдали на волнахъ,
Мнѣ грезится домикъ нашъ
На бѣлыхъ скалахъ.
Но облачко легкое
Вспорхнеть къ небесамъ;
Знать за живо, милая,
Не свидѣться намъ!

Л. Мольковъ:

ЖЕНЩИНА ВЪ КУПЕЧЕСКОМЪ БЫТУ.

(РОМАНЪ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На соборной площади уѣзднаго города Кукушкина, въ числѣ прочихъ домовъ, стоялъ домъ купца Лапина. Домъ былъ большой, деревянный, окрашенный свѣтло-дикою краской, съ мезониномъ и рядомъ подстриженныхъ березокъ передъ окнами.

Самъ Лапинъ, не смотря на пятьдесятъ лѣтъ и порядочную сѣдину въ бородѣ, былъ мужчина еще свѣжій. Его добродушный видъ внушалъ къ нему довѣріе. И въ самомъ дѣлѣ Александръ Петровичъ Лапинъ слылъ въ своемъ городѣ за честнаго и правдиваго человѣка; его слова уважали иной разъ болѣе векселя. Лапинъ велъ свои дѣла начистоту, и оставшіяся ему отъ отца небольшой капиталъ значительно увеличилъ своими неуспышными трудами. Щеголять онъ самъ не любилъ, нося въ продолженіи десяти лѣтъ одинъ и тотъ же коричневый долгополый сюртукъ. За то супруга Лапина, дюжая, румяная Пелагея Андреевна любила пощеголять; она и четыре ея дочки цвѣли, какъ маковъ цвѣтъ. Пелагея Андреевна, не смотря на двадцатипятилѣтнее супружество, въ продолженіи котораго у нея было двадцать штукъ дѣтей, была лебедь—женщина; и всѣ ея четыре дочери, оставшіяся въ живыхъ, точно на подборъ,—были красавицы,—особенно старшая изъ нихъ Аюта. Стройная, высокая, румянецъ во всю щеку, красиво очерченный носикъ, рѣсницы длинныя, шелковистыя, глаза темнокаріе, глубокіе и ласковые, выраженіе лица до того живое, что вотъ словно сама душа дѣвушки разговариваетъ съ вами, когда вы смотрите въ это прекрасное лицо.

И молодежь и старикъ засматривались на Анюту. Бывшій городской голова Пузановъ не разъ говаривалъ своей старушкѣ-женѣ:

— Зажплась ты у меня, Фекла Григорьевна, пора костямъ на покой... тогда бы я на Аннушкѣ Лапиной женился...

— Уму, батюшка, коли Богъ по душу пошлетъ, только Аннушка-то за тебя не пойдетъ, за стараго хрыча, отвѣчала съ досадою Фекла Григорьевна.

— Врешь ты, пойдетъ; я ей все имѣніе подпишу, движимое и недвижимое... сына наслѣдства лишу, а все ей подпишу... кричалъ задорно старикъ.

Старуха шептала молитву, плевала всторону и уходила къ себѣ.

Вторая дочь Лапина, Вѣра, была веселая, бойкая, и въ полномъ смыслѣ правая рука матери по части хозяйства.

— У меня Вѣра такъ грибы маринуетъ и такой яблочный пирогъ дѣлаетъ, что меня перещеголяетъ, говорила своимъ знакомымъ съ нѣкоторою гордостію Пелагея Андреевна.

Умственное образованіе старшія двѣ дочери Лапиныхъ получили отъ старой дьячихи, и результатъ вышелъ тотъ, что Анюта читала хорошо, писала дурно; Вѣра читала по складамъ, а писала только свое имя, но какъ она была картава, то у нея всегда выходило вмѣсто Вѣра Лапина: *Вла Гапина*. Младшія сестры выучились самоучкой. Такъ какъ Пелагея Андреевна, кромѣ шитья рубахъ, не знала никакого рукодѣлья, то отдала Анюту и Вѣру къ одной чиновницѣ—вдовѣ учиться вышиванью, гдѣ дѣвочки выучились и французскую кадрили танцевать подъ *чижика*. Но не смотря на такое грошовое образованіе, природа наградила ихъ, особенно Анюту и порядочной долей ума и хорошими инстинктами.

Итакъ годы шли... вотъ уже Анютѣ минуло двадцать лѣтъ, Вѣрѣ восемнадцать, (младшія сестры были еще подростки). Много сваталось жениховъ къ Анютѣ, но отецъ и мать не спѣшили выдавать ее замужъ.

Но вотъ прилетѣла въ Кукушкинъ изъ города Привольска записная сваха, что привольскимъ женихамъ изъ разныхъ городовъ и пригородовъ невѣсть поставляла. Явилась старуха въ домъ Лапиныхъ и распустила лясы.

— У васъ, молъ, есть товаръ дорогой, а у меня есть купецъ-молодецъ,—правда вдовецъ, не холостой, но лучше холостого,—Матвѣй Матвѣичъ Жилинъ прозывается и разными торговлями занимается, заводъ имѣетъ, хмѣльного въ ротъ не беретъ, съ

первою супружницею жить недолго; послѣ нея дочка осталась и онъ души не слышитъ въ ребенкѣ; есть еще у него матушка — старушка, смиренная, словно курочка, только и дѣла, что Богу молится; а хозяйствомъ заправляетъ сестрица Матвѣя Матвѣича; вдовушка, которая давно живетъ у брата. Словомъ — все семейство благодатное.

И слушали Лапины старую вѣдьму, развѣся уши.

— Привольскъ отсюда полтораста верстъ, и у насъ тамъ ни души нѣтъ знакомой, какъ же они про наше семейство узнали? спросила Лапина.

— Слухомъ земля полнится, что все ваше семейство благословенное; есть съ кѣмъ породниться, а дочери ваши красавицы, отвѣчала находчивая сваха.

Пелагея Андреевна самодовольно улыбнулась.

— Поинтерится мнѣ, что-то я слышалъ о Жилинѣ въ Привольскѣ... какъ будто онъ капиталистъ? молвилъ въ раздумьи Александръ Петровичъ.

— Капиталистъ, капиталистъ! воскликнула утвердительно сваха. Какъ, чай, не слышать, — Матвѣй Матвѣичъ человекъ извѣстный, и домъ ихъ какъ полная чаша.

— Все это хорошо, но не хочется первую дочь на чужую сторону отдать, растаться жалко, сказала со вздохомъ мать.

— Позно ты, моя золотая, коли въ дали дѣтище живетъ счастливо, такъ сердце радуется; а бываетъ и близко да неблагополучно, такъ наплачешься на него, разсудила сваха: — вонъ ваши же кукушкинскіе Кулагины съ радостью за Матвѣя Матвѣича дочку отдають; семь тысячъ даютъ гольѣмъ, да на столько же приданого, значить знаютъ за кого отдають... только дѣвица вонче была въ Привольскѣ и жениху не поправилась.

Лапины вышли въ сосѣднюю комнату и долго шептались; наконецъ Александръ Петровичъ вышелъ и сказалъ свахѣ, что они теперь рѣшительнаго отвѣта дать не могутъ; пусть черезъ недѣлю пріѣдетъ женихъ невѣсту посмотреть и себя показать.

Пелагея Андреевна принесла графинчикъ съ водкою и закуску, угостила сваху до отвалу и отпустила.

Всю ночь Лапины прошушукали, совѣтуясь насчетъ жениха, и наутро чѣмъ свѣтъ, когда еще всѣ въ домѣ спали, Александръ Петровичъ уѣхалъ въ Привольскъ разузнавать о женихѣ. Пелагея Андреевна ни одной изъ дочерей не повѣдала, куда и зачѣмъ уѣхалъ отецъ, положивъ молчать до поры до времени.

Уѣхалъ Александръ Петровичъ въ Привольскъ и все думалъ,

кого онъ будетъ респрашивать о Жилинѣ, самъ не зная въ городѣ на души. Но вотъ онъ прѣѣхалъ и съ первымъ вопросомъ объ Матвѣѣ Матвѣичѣ обратился къ хозяину постоялаго двора. Последний отвѣчалъ, что Матвѣй Матвѣичъ человекъ трезвый, расчетливый, неслухъ и слыветъ въ городѣ за богача. Этимъ Лапину не удовлетворился и отправился въ ряды. Онъ безъ труда отыскалъ лавки Жилина, кой-что купилъ, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что лавки богатые и товару много; приказчики народъ выдержанный, что называется битка на биткѣ. На вопросъ: гдѣ хозяинъ, Лапину отвѣчали, что Матвѣй Матвѣичъ уѣхалъ въ Москву и на дняхъ вернется. Разумѣется, о поведеніи хозяина приказчиковъ спрашивать не будешь.

— Нужно еще когонибудь постороннихъ спросить, подумалъ Александръ Петровичъ, и оставивъ лавку Жилина пошелъ въ сосѣдную. Въ лавкѣ настоящаго хозяина не случилось, былъ только молодецъ, то есть прикащикъ; купивъ кой какія бездѣлицы, Лапину повелъ рѣчь съ продавцемъ.

— А что, какъ нонче вашъ сосѣдъ Жилинъ поживаетъ?

— Да ничего-съ, поживаетъ; отчего ему не поживать-съ? отвѣчалъ парень, смотря не мигаючи въ глаза Лапина.

— Говорятъ, будто онъ нонче тово... попив... Александръ Петровичъ закашлялся.

— Попиваетъ-съ? да развѣ воду, и ту, я думаю, съ расчетомъ; ужъ Матвѣй Матвѣичъ, кажется, во вѣки вѣковъ такой слабости имѣть не будетъ.

Отвѣтъ этотъ чрезвычайно обрадовалъ Александра Петровича, онъ пуще огня боялся пьяницы зятя.

— Ну, и дѣла хороши тоже? продолжалъ онъ распрашивать.

— Пожалуйте-съ, какихъ еще дѣловъ-съ? Во-первыхъ, лавки на самомъ бойкомъ мѣстѣ у нихъ-съ, теперь заводъ сколько товару выдѣлываетъ, кромѣ того сколько холста на нижегородскую отпущать-съ...

Вопедшій покупатель прервалъ всѣ эти рассказы.

— Кого бы еще просить, посолиднѣе? разсуждалъ Александръ Петровичъ, и перешелъ на другую линію, видя, что у одной изъ лавокъ сидитъ почтенный купчина, съ широкою сѣдою бородой.

— Можно здѣсь отдохнуть? молвилъ Лапину, садясь возлѣ купца.

— Сдѣлайте одолженіе... Вы вѣрно не здѣшній, — изъ какихъ, батюшка, мѣстъ?

— Я кукушкинскій.

— Не угодноли-сь, въ моеѣ лавкѣ есть сукна, драдедамы, разныя треко-сь... проговорилъ старикъ, учтиво приподнявъ картузь.

— Искупися, батюшка, искупился совсѣмъ, а впрочемъ можете и побываю... только не теперь... теперь, знаете, другія дѣла... Можете быть откровенны со мною? Имя, отечества не знаю... скажыте Лапину, нѣсколько понизивъ голосъ.

— Зовутъ Иваномъ, величали прежде Петровымъ... А что вашей чести угодно-сь?

Купецъ съ любопытствомъ глядѣлъ на Лапина.

— Конечно вы знаете всѣхъ привольскихъ, продолжалъ въ полголоса послѣдній: — мнѣ бы хотѣлось узнать о Матвѣѣ Матвѣичѣ Жилинѣ?

— А, понимаю-сь! вѣрно дочку за него прочтете?

— Можетъ племянницу, проговорилъ, нѣсколько смѣшавшись, Александръ Петровичъ и засмѣялся.

— И то дѣло, батюшка... Матвѣѣ Матвѣичъ женихъ богатый, скопидомъ... умѣлъ деньгу нажить, словомъ хорошій женихъ, какъ есть мужчина... И ухмыляясь и пощипывая бороду, старый купецъ ушелъ въ свою лавку, въ которую только-что вошелъ толстый баринъ.

— Чтожъ? отзывы хорошіе, — думалъ про себя Лапинъ, и жалѣя, что не увидитъ самого жениха, пожелалъ видѣть хоть его домъ. Подозвавъ извозчика, онъ велѣлъ везти себя въ ту улицу, гдѣ жилъ Жилинъ.

— Который же домъ Матвѣя Матвѣича?

— А вотъ, отвѣчала извозникъ, показавъ кнутомъ на красивый каменный двухъ-этажный домъ, и подкатилъ было къ воротамъ,

— Нѣтъ, нѣтъ, не надобно, ступай мимо, только шагомъ... А что, богатъ самъ Жилинъ-то?

— Какъ же не богатъ, видите какой домина-то... Ничего, Матвѣѣ Матвѣичъ капиталъ нажилъ... а ужъ и кремены! впрочемъ говорится: скупость не глупость, заключилъ извозникъ.

— Разумѣется, скупость не глупость, молвилъ про себя Александръ Петровичъ. — Ну, вотъ и этотъ хвалить, значитъ никто нашего жениха не покажалъ... а домикъ какъ игрушечка, и дѣла, и поведеніе... Дай Богъ Аннушкѣ, дай Богъ всякаго счастья!.. И отслуживъ молебень въ соборѣ, Александръ Петровичъ отправился обратно домой, въ тотъ же день, съ спокойной совѣстью, что онъ все сдѣлалъ, что отъ него зависѣло.

Пелагея Андреевна, слушая подробный рассказъ мужа, не менѣе его была довольна и ждала только приѣзда жениха.

И вотъ черезъ недѣлю онъ приѣхалъ вмѣстѣ съ матушкою и сестрицею.

Въ тотъ же день, Анята, нисколько не подозрѣваяшая, что рѣшается участь всей ея жизни, сидѣла у себя въ мезонинѣ и читала вслухъ старый французскій романъ, наполненный пещерами, разбойниками и тому подобной чепухой, и Богъ вѣсть откуда занесенный въ домъ Лапиныхъ. Вѣра съ усипленнымъ любопытствомъ слушала, положивъ работу на колѣни; двѣ младшія сестры, разбирая лоскутки, шушукались между собою въ другомъ углу, нисколько не обращая вниманія на старшихъ сестеръ.

Было три часа пополудни; сентябрьское солнце ярко свѣтило съ прозрачно-голубаго свода и обливало красноватымъ свѣтомъ верхи подстриженныхъ березокъ передъ домомъ Лапиныхъ, освѣщая въ окно свѣжія, красивыя фигуры Аняты и Вѣры.

Обстановка комнаты такъ же была чиста и свѣжа, какъ и наружность молодыхъ дѣвушекъ, и выбѣленные стѣны и изразцовая печь были безукоризненно чисты; бѣлыя шторы у оконъ, съ широкими вышивками, двѣ кровати подъ цвѣтными одѣялами, и самый воздухъ, пропитанный запахомъ цвѣтной герани, — все дышало простотой и какъ будто вѣяло молодостью...

Въ комнату вошла Аграфена, краснощекая дѣвка, въ розовомъ сарафанѣ, служившая въ домѣ Лапиныхъ то горничною, то судомойкою, смотря по надобности, и позвала Аняту внизъ къ матери. Пелагея Андреевна торжественно объявила дочери, чтобъ она одѣлась и приготовилась къ смотринамъ жениха.

Въ семь часовъ вечера явился Матвѣй Матвѣичъ Жилинъ. Онъ былъ щедушный, невзрачный мужичка лѣтъ 33-хъ, гладко остриженный, съ рысьими глазками, съ мелкими чертами лица и коша-ью походкою; онъ весь блестѣлъ — отъ густонапомаженныхъ волосъ до алмазнаго кольца на пальцѣ.

Мать его, Марья Михайловна, высокая, худощавая старуха, повязанная лиловымъ платкомъ по самыя брови, тихонько покашливая, постоянно держала носовой платокъ у рта.

Сестрица-вдовушка, Лизавета Матвѣевна, была чистый фотографическій портретъ брата, только взглядъ имѣла смѣлѣе и движенія развязнѣе. Послѣ смерти мужа, безсмѣлн. и нар. домы были: черное платье и простенькій чепчикъ, чего она не смѣла отправляясь къ Лапинымъ.

Вся эта почтенная тройка сидѣла чинно въ гостиной и пере-

шептывалась между собою; одна только сваха живо тараторила, перебѣгая то къ тому, то къ другому, то къ третьему. Наконецъ Александръ Петровичъ подсѣлъ къ жениху, и между ними завязался разговоръ о торговлѣ. Пелагея Андреевна заговорила съ матерью, распрашивая о Привольскѣ, а та ей стала рассказывать о своемъ слабомъ здоровьѣ, покашливая и прикрывая ротъ платкомъ; Анютѣ между тѣмъ приказано было обносить гостей десертомъ. Матвѣй Матвѣичъ, говоря съ хозяиномъ, смотрѣлъ болѣе въ полъ, только изрѣдка, какъ будто украдкой, взглядывая на Анюту. Лизавета Матвѣевна весь вечеръ не сказала ни слова и на всѣхъ смотрѣла насмѣшливо; особенно странно подбирала она свои сухія губы, когда младшія сестры Надя и Маша перебѣгали черезъ комнату. Вѣра совсѣмъ не вышла къ гостямъ и, смотря на нихъ въ полуотворенную дверь, всѣхъ пересмѣивала.

— Ну, Анюта, женихъ, нечего сказать: ни кожи, ни рожи!.. и глазъ-то не поднимаетъ, точно свинка, замѣтила Вѣра сестрѣ, когда послѣдняя вышла изъ гостиной: — пріѣхалъ себя показывать, красавецъ писанный. Неужели, Анюта, ты пойдешь за него?

— Сохрани Богъ! отвѣчала Анюта.

— А сестра, это—чистая вѣдьма! посмотри, какъ рожу свою кривить... Ну, и матушка хороша, прехитрая, кажется, даромъ что Лазаремъ прикидывается.

— Послѣ, Вѣра, послѣ всѣхъ перецѣнимъ, а теперь приготавлиай чай, нужно поскорѣй дорогихъ гостей спровадить, настаивала нетерпѣливо Анюта.

Послѣ чаю и легкой закуски, Жилины уѣхали на квартиру; Пелагея Андреевна шепнула свахѣ, что завтра они дадутъ жениху рѣшительный отвѣтъ.

По отъѣздѣ жениха, Анюту позвали родители къ себѣ въ спальню. Дочь вошла съ замирающимъ сердцемъ.

— Ну, что Аннушка, нравится ли тебѣ женихъ? спросила мать.

— О, нѣтъ, мамсенька, не нравится, отвѣчала Анюта.

— Вотъ тебѣ на! а почему бы это такъ, сударыня?

— Нехорошъ; да и всѣ они—и мать, и сестра такія неприятныя...

— Ишь, какія разсужденія; я вижу, ты, Анна Александровна, умничать начинаешь?.. женихъ ишь нехорошъ, да что ты кра-

соту-то его лизать что-ли будешь? вскричала Пелагея Андреевна.

— Ты, Аннушка, на наружность не смотри: красота мужчине не нужна, подхватишь отца: — за то, какъ видится, Матвей Матвѣичъ человекъ дѣльный, обстоятельный и съ капиталомъ.

— Почему же, тятенька, вы его знаете, что такъ хвалите? спросила робко Анята, съ навернувшимися на глазахъ слезами.

— Я, мой другъ, нарочно въ Привольскъ ѣздилъ, разспрашивалъ объ немъ и постоянно слышалъ хорошіе отзывы; видѣлъ его лавки: все въ наилучшемъ видѣ.

— Но мнѣ онъ не нравится... сердце мое не лежитъ къ нимъ... проговорила почти шопотомъ дѣвушка.

— Сердце не лежитъ? ишь ты!.. такъ къ кому у тебя сердце-то лежитъ?.. сказывай! вскричала мать: вѣрно—къ кому нибудь лежитъ?

Сердце Аняты было совершенно свободно; ей особенно никто не нравился; слова матери показались ей обидны: она заплакала.

— Плакать тутъ, Аннушка, нечего, а надобно, мой другъ, подумать, молвилъ кротко Лапчикъ.

— Чего ее тутъ, дуру, думать — заставлять; развѣ она въ томъ что нибудь смыслить? начала горячо Пелагея Андреевна: — мы родители, мы должны за нее думать:

— Послушай, Аннушка, продолжалъ отецъ: — если бы женихъ былъ какой нибудь, мы и толковать бы не стали много, но вѣдь мы твоего благополучія желаемъ... и замѣть, мой другъ, принуждать тебя силою не намѣрены, а спрашиваемъ твоего согласія.

Но согласія Аняты спрашивали родители только для виду: они уже порѣшили между собою выдать ее за Жилина.

— Мы прежде не умничали, и за кого насъ родители выдавали, за того мы и шли; да, слава Богу, жили—не смѣшали людей, замѣтила мать, уже смягченнымъ голосомъ.

— И намъ бы очень было пріятно, если бы ты, Аннушка, наше желаніе исполнила, примолвилъ ласково отецъ.

— А за послушаніе и Богъ тебя благословить, и здоровье, и счастье, и всякое благополучіе подастъ, добавила Пелагея Андреевна сквозь слезы.

Анята чувствовала въ себѣ довольно воли, чтобъ отстоять свою свободу, но упорствовать мѣшало ей чувство безусловнаго уваженія къ родительской волѣ, внушенное ей съ дѣтства.

Анята долго стояла, закрывъ лицо руками, и наконецъ, едва понимая что говорить, прошептала:

— Пусть будетъ ваша воля надо мной.

На глазахъ Александра Петровича показались слезы и онъ широко вздохнулъ, чувствуя, что гора свалилась у него съ плечъ.

Пелагея Андреевна заплакала навзрыдъ и бросилась обнимать дочь, расписывая ей блаженство супружеской жизни.

Между тѣмъ Вѣра наверху дожидалась сестры съ большимъ нетерпѣнiемъ.

— Ну, допросъ кончился,—чѣмъ порѣшили? спросила она, когда вошла Аня, но послѣдняя вмѣсто отвѣта бросилась ей на шею и зарыдала.

— Ахъ, Вѣра, вѣдь я безумная, сумасшедшая! бей ты меня: вѣдь я согласилась... проговорила наконецъ невѣста, всхлипывая.

— Неужели?! вскричала пораженная Вѣра: — вѣдь ты сама сказала, что не пойдешь?

— Да ужъ я и сама не знаю, какъ это сдѣлалось... Тятенька и маменька прислали меня уговаривать, жениха хвалятъ... и я не знала, какъ мнѣ спорить съ ними... я согласилась, Вѣра, только въ угоду имъ согласилась...

— Въ угоду имъ! да развѣ они станутъ жить съ твоимъ мужемъ? Ахъ, Анята!.. Вѣра отчаянно всплеснула руками.

— Ты, я вижу, сердншься на меня, Вѣра?

— Что мнѣ сердиться, воля твоя, и жить тебѣ съ Матвѣемъ Матвѣичемъ; но я бы на твоемъ мѣстѣ не вышла за этого... за этого... Вѣра не могла прибрать эпитета и заплакала.

— Видно ужъ судьба моя такая... рѣшила грустно Анята.

Обѣ сестры долго сидѣли и плакали. Спать легли онѣ, отвернувшись другъ отъ друга, и все продолжали плакать втихомолку до тѣхъ поръ, пока утренняя заря заглянула въ окно.

На другой день утромъ у Ладныхъ все было порѣшено насчетъ свадьбы и приданаго, и за бокаломъ щипучаго Аняту поздравили съ женихомъ, а Матвѣя Матвѣича съ невѣстой. Черезъ недѣлю назначенъ былъ формальный сговоръ.

Но впродолженiе этой недѣли Анята замѣтно похудѣла. Куда дѣвался ея розовый румянецъ? Подъ глазами образовались темные полукруги, вѣки вспухнули отъ слезъ, и все шпатель сдѣлались широки... Анята видимо тосковала; ее пугала разлука съ родными и жизнь съ немымъ человѣкомъ. Но не смотря на то, она все-таки шла за Жилина.

Вѣра тосковала не менѣе Аняты, и обѣ сестры, со дня помолвки, замѣтно избѣгали разговора о женихѣ; одна боялась, что выслушаетъ упрекъ, и другая—что скажетъ колкость.

II.

Условленная недѣля прошла, и женихъ пріѣхалъ на сговоръ съ матушкою, сестрицею и съ нѣкоторыми изъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Лапины съ своей стороны создали всю родню свою, богатую и бѣдную—чуть-ли не полгорода.

Анята была богато одѣта; на рукахъ ея блестѣлъ алмазный браслетъ — подарокъ женаха, а на глазахъ слезы, которыя она старалась изо всей силы скрыть.

Матвѣй Матвѣичъ сидѣлъ возлѣ невѣсты молча и смотрѣлъ въ полъ. Наконецъ онъ, окинувъ своими рысьими глазами многочисленную толпу гостей, сталъ шопотомъ спрашивать у Аняты, кто въ какой степени родства находится съ ея родителями; Анята въ полголоса поясняла.

— Стоитъ чего нибудь угостить такую орду!.. заключилъ Жилинъ, покачавъ головой; и тѣмъ разговоръ его съ невѣстой кончился на цѣлый вечеръ.

Такое замѣчаніе жениха произвело на Аняту неприятное впечатлѣніе.

— Вѣрно онъ скупъ, подумала она.

Между тѣмъ, Александръ Петровичъ былъ веселъ, доволенъ и усердно подчивалъ гостей. Пелагея Андреевна просто пѣла соловьемъ, то и знай уводила въ заднія комнаты кукушкннскихъ дамъ, откуда онѣ выходили румяныя, веселыя и словоохотливыя... Напротивъ, Марья Михайловна и Лизавета Матвѣевна церемонно сидѣли на диванѣ и цѣлый вечеръ не вставали съ своихъ мѣстъ. За то послѣдняя, въ продолженіе всего времени, усердно всѣхъ пересмѣивала.

— Лишь-бы первую-то Господь привелъ пристроить, говорила умильно Пелагея Андреевна своимъ собесѣдницамъ:—а тамъ свадьбы у насъ, словно грибы, пойдутъ... Вонъ и Вѣру—хоть за одинъ

столяг сажай съ Аннушкой... А тутъ мигнуть не успѣешь, еще двѣ подоспѣютъ...

— За вашу доброту, Пелагея Андревна, Богъ надѣлнитъ всѣхъ вашихъ дочекъ счастьемъ и благополучіемъ, отвѣчала одна изъ родственницъ.

— Что Богу угодно, то и будетъ, а все матери забота... Вотъ и Аннушку на чужую сторону отдаемъ... разстаться жалко: вѣдь родное дѣтище... Лапина утерла глаза.

— Не грустите, Пелагея Андревна, вѣрно судьба такая...

— Извѣстно судьба! Суженаго конемъ не объѣдешь...

— Все какъ-то, сватьяшка, невесело безъ музыки-то, молвилъ Александръ Петровичъ, подсаживаясь къ старухѣ Жилиной:—а музыкантовъ получить не могли; видите, сегодня городничій имянинникъ.

— Что это, батюшка, о чемъ вы хлопчете! воскликнула Марья Михайловна, покачивая головой:—всякое дѣло должно начинать съ молитвой, а не о музыкахъ хлопотать.

На другой день Жилины уѣхали. Черезъ мѣсяцъ назначена была свадьба, и невѣста наша загрустила еще болѣе.

Былъ осенній, пасмурный день; съ ранняго утра надъ Кукушкинымъ тяжело висѣли дождевыя тучи, ежеминутно угрожая дождемъ. Благовѣсть къ вечерни глухо отзвывался въ сыромъ воздухѣ.

Анюта грустно стояла у окна въ своемъ мезонинѣ; взоръ ея слѣдилъ за сѣрыми облаками, или спускался на пустую площадь, черезъ которую спѣшила молодая женщина, въ шелковомъ салопѣ, съ безпокойствомъ посматривая на сѣрое небо; а по другую сторону шелъ старый инвалидный солдатъ, съ узелкомъ подъ мышкою... Передъ однимъ изъ противоположныхъ мучныхъ базаровъ разгуливала по грязи стая голубей; а у дверей два парня-прикачки, всѣ въ мукѣ, играли въ шашки. Но зотъ женщина вошла въ соборную ограду, солдатъ повернулъ за уголъ, прикачки скрылись въ лавку, и площадь опустѣла, только голуби по прежнему бродили по грязи, подбирая хлѣбныя зерна, да небольшое стадо утокъ передъ самимъ домомъ Лапиныхъ полоскались въ небольшой лужѣ.

Грустно было Анютѣ.

А между тѣмъ внизу стонъ стоялъ; оттуда къ ней доносились звонкій раскатистый смѣхъ и визгливые голоса дѣвушекъ, сбравшихся къ ней на посидѣлки.

— Аннушка, какъ тебѣ не стыдно гостей оставяты! послышался на лѣстницѣ голосъ Пелагеи Андреевны.

И Аннушка пошла внизъ.

Въ залѣ вокругъ большого стола сидѣли дѣвицы, штукъ пятнадцать; передъ каждою изъ нихъ лежала какая нибудь работа для невѣсты, то рукавъ сорочки, то батистовая оборкакъ наволочкѣ, но серьезно работать никто и не думалъ, скорѣй проворныя руки швей протягивались къ большому подносу съ лакомствами, который стоялъ посрединѣ стола; дѣвицы ловко перекидывались между собою орѣхами и скорлупами, и смѣхъ, и говоръ, и визгъ были оглушительны. Вѣра также смѣялась съ подругами; Надя и Маша громко спорили между собою, при раздѣлѣ лоскутковъ и разныхъ обрѣзковъ. Аня сѣла въ уголь и подгрюнилась.

Вошла Пелагея Андреевна.

— Чтожь, вы, дѣвушки, пѣсенку не споете? сказала она: — хоть бы невѣсту-то потѣшили; вонъ она сидитъ, повѣся носъ.

Дѣвицы переглянулись и одна изъ нихъ отвѣчала:

— Заставяйте прежде Татьяну Ивановну, а ужъ мы ей подтянемъ.

— Слышишь, Татьяна Ивановна, что молодыя-то говорятъ? обратилась хозяйка къ сорокалѣтней, но все еще красивой и полной дѣвицѣ: — и въ самомъ дѣлѣ, Танюшка, вѣдь ты встарину запѣваю была.

— Мало-ли что встарину было, да теперь быиною поросло, отозвалась Татьяна Ивановна. — Теперь мнѣ должно старыя грѣхи отмаливать, а не о пѣсняхъ думать.

— Ишь, святоша! полно-ка ломаться-то, запѣвай поскорѣе: видишь, дѣвицы безъ тебя и пѣть не хотять.

— Ахъ, Пелагея Андреевна, вѣдь я уже закаялась; развѣ только для Анны Александровны разрѣшить? отвѣчала Татьяна Ивановна.

— Пожалуйста, не разрѣшайте, добрая Татьяна Ивановна, отозвалась Аня:—я знаю, вы такое затянете... и на меня тоску нагонете, тогда я убѣгу...

— И поплачешь тамъ гдѣ нибудь въ углу... а послѣ легче будетъ; которая невѣста сговоренная плачетъ, то всегда счастливо замужемъ живетъ, разсудила Пелагея Андреевна, и настойчивѣе потребовала, чтобъ запѣли пѣсню.

Татьяна Ивановна монотонно затянула, за ней потянули хоромъ и остальные дѣвушки:

„Приходила сваха-сводница,
 Приходила подговорщица,
 Уговаривала багюшку,
 Увѣщала родну матушку:
 Вы отдайте свою Аннушку,
 Да за нашего боярина,
 За Матвѣя-то Матвѣича;
 Какъ у нашего боярина,
 Одишь дворъ-то на семи верстахъ,
 Вкругъ двора-то все желѣзный тынь»...

и проч.

Голосъ и слова этой сговоренной пѣсни еще болѣе навели Анюту на грустныя мысли; она молча опустила голову и стала прислушиваться къ крупнымъ каплямъ дожда, стучавшимъ въ стекла. Пелагея Андреевна плакала, но слушала съ большимъ удовольствіемъ это нытье.

— Что это Лазаря-то поете, красныя дѣвицы? Нельзя-ли лучше что нибудь повеселѣе, сказалъ вдругъ вошедшій хозяинъ, и безъ церемоніи перецѣлювалъ всѣхъ гостей.

— Александръ Петровичъ, кажется *того-то...* молвила Пелагея Андреевна, пристально смотря на мужа, (она дѣлала всегда такое замѣчаніе, когда Лапинъ былъ навеселѣ).

— Виноватъ, матушка, выпилъ, отвѣчалъ Александръ Петровичъ, который вообще пилъ мало и рѣдко: — что дѣлать, Пузановъ въ гостинницу затащилъ, балагурить старый хрычъ, пеняетъ, что Аннушку выдаемъ замужъ, — ижь не подождали, пока онъ овдовѣтъ... Ну, а вы что же замолчали? обратился онъ къ дѣвицамъ.

— А самъ же оговорилъ, что невесело поютъ, молвила хозяйка.

— Разумѣется, подхватила Вѣра:—вы не только этими пѣснями Аннушку на слезы наведете, да и я пожалуй заплачу.

— Ну и будете двѣ дурочки, примолвилъ отецъ: — ишь у васъ слезы-то дешевы.

— Эхъ, Александръ Петровичъ, что на невѣстины слезы сморѣтъ: невѣстины слезы—утренняя роса, красно-солнышко взойдетъ—росу высушить! воскликнула Татьяна Ивановна.

— Молодецъ у насъ, Татьяна Ивановна, замужемъ сама не была, а умно разсуждаетъ, сказалъ смѣясь хозяинъ: — когда же мы тебя-то будемъ замужъ отдавать? прибавилъ онъ, потрепавъ по плечу переспѣлую невѣсту.

— А когда рѣки вверхъ потекутъ, а на березахъ яблоки выростуть.

— Хорошо, хорошо; такъ я нарочно же къ березѣ яблоню привью, ну и выростуть яблоки!.. ха, ха, ха! ну, что, поддѣл?

— Ужь вы всегда такой, Александръ Петровичъ, съ вами и говорить трудно, отвѣчала Татьяна Ивановна, махнувъ съ досадою рукой. Всѣ засмѣялись.

— А чтобы этакъ, Пелагея Андреевна, повеселиться маленько, всѣхъ на ноги поднять, чѣмъ заунывныя-то пѣсни мурлыкать? сказалъ хозяинъ.

— Ты вѣрно объ Иванъ Ивановичъ думаешь? ну что же, можно, молвила, улыбаясь, Пелагея Андреевна.

И Александръ Петровичъ сейчасъ же послалъ за Иваномъ Ивановичемъ; послѣдній не заставилъ себя долго ждать и явился.

Иванъ Ивановичъ былъ никто иной, какъ кукушкинскій музыкантъ—самоучка, отставной учитель уѣзднаго училища, живущій пенсіономъ. Это былъ низенькій, лысый старичекъ, носившій постоянно надъ глазами зеленый козырекъ. Въ послѣднее время скрипка была единственнымъ источникомъ доходовъ Ивана Ивановича.

— Добро пожаловать! вскричалъ Александръ Петровичъ, зайдѣвъ въ дверяхъ зеленый козырекъ музыканта.

— Миръ компаніи честной! проговорилъ старшій учитель, оглядывая изъ-подъ козырька собраніе и раскланываясь на всѣ стороны.

— Ну вотъ, любезный нашъ Иванъ Ивановичъ, повесели компанію-то, продолжалъ хозяинъ: — мнѣ сегодня пришла мысль покуражиться маленько; (такая мысль всегда осѣняла Лапина, когда онъ выпивалъ лишнюю рюмку).

— Добрая мысль, почтенный хозяинъ, добрая мысль! подтвердилъ музыкантъ:—а мы рады стараться; и онъ, вытащивъ скрипку изъ чахла, началъ ее настраивать.

Между тѣмъ подавъ былъ огонь; дѣвцы бросили работу и разсѣлись группами по угламъ, смѣясь и шушукая; другія, взявшись за руки, ходили по комнатамъ; въ столовой кипѣлъ самоваръ, около котораго хлопотала Вѣра съ матерью; Аграфена разносила гостямъ чай.

— Пелагея Андреевна! Чтожь ты музыканта водочкою не подчуешь? крикнуть хозяиня.

Хозяйка явилась съ рюмочкою ерофеича.

— Что это, матушка, за манера такая—подчивать гостей изъ наперстка? велп-ка лучше поставить графиня на столъ, подать двѣ рюмки и закусить, приказалъ Александръ Петровичъ:—и я выпью за компанію съ Иваномъ Иванычемъ.

— Премного обяжете, отозвался Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ ужъ я тебѣ-то бы и не совѣтовала выпить, обратилась Лапина къ мужу.

— Да я твоего совѣта и не спрашиваю, отвѣчалъ, смѣясь, послѣдній.

Пелагея Андреевна покачала головой и ушла, но водка и закуска сейчасъ же были поданы.

Александръ Петровичъ и Иванъ Иванычъ налили рюмки, чокнулись и выпили; затѣмъ нѣсколько минутъ слышался пискъ настраиваемой скрипки; но вотъ инструментъ уже настроенъ, и музыкантъ, сдѣлавъ нѣсколько варіацій, опустилъ смычекъ.

— Струны пересохли, почтенный хозяиня, сказалъ онъ.

— Нужно ихъ смочить, молвилъ, смѣясь, Лапинъ, и опять налилъ рюмки, и опять они чокнулись и выпили.

— Вино сердце веселить, и кровь грѣеть и живить! воскликнулъ Иванъ Иванычъ, закусывая.

— И дураками насъ дѣлаютъ! разразился громкимъ хохотомъ Александръ Петровичъ.

— Частенько... подтвердилъ отставной учитель, принимаясь снова за скрипку.

— Ужь смотри, Иванъ Иванычъ, удружи, такую отхвати, чтобы ноги сами плясали, чтобы стѣны прыгали, и моя Пелагея Андреевна затанцовала, молвилъ хозяиня, уже замѣтно охмѣлѣвшій.

— Полю пустословить, старый грѣховодникъ! вскричала изъ столовой жена.

Но вотъ нашъ музыкантъ сѣлъ, какъ ему было ловчѣе, съелся, какъ будто приросъ къ скрипкѣ, и, противъ ожиданія, заигралъ заунывную «лучинушку.» Но какъ заигралъ! всѣ слушали, всѣ присмирѣли, всѣ притаили дыханіе. Голова Александра Петровича сама собою опустилась на грудь и покачивалась въ тактъ

пѣснѣ. Аграфена, стоявшая у дверей съ подносомъ, не смѣла пошевелиться; Вѣра, какъ стояла посреди комнаты, такъ и осталась, словно каменная; Пелагея Андреевна въ столовой не чувствовала, какъ у ней по щекамъ скатилась слеза; гости сидѣли неподвижно. А Анюта? Анюта чувствовала, что будто какая-то холодная рука разрываетъ ей сердце на части; но она сплѣла по прежнему и, отворотивъ голову ото всѣхъ, смотрѣла на пустую, широкую, темную площадь, и взглядъ невѣсты былъ грустнѣе грустныхъ звуковъ, летѣвшихъ изъ-подъ смычка стараго музыканта.

— Полно, Иванъ Ивановичъ, всю душу вытянулъ, молвилъ наконецъ хозяинъ, тряхнувъ головой и выходя изъ подъ вліянія звуковъ.

— Что, не нравится? а варіаціи-то я самъ надняхъ сочинилъ, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ, опуская смычекъ.

— Хорошо-то хорошо, только ужъ слишкомъ уныло, лучше сыиграй веселенькую.

— Струны пересохи, Александръ Петровичъ.

— Размочи, молвилъ Лапинъ и налилъ рюмку.

— Ужъ безъ васъ, почтенный хозяинъ, ни-ни, ни капли не выпью, а не выпью и играть не стану, сказалъ рѣшительно музыкантъ.

— Но мнѣ, Иванъ Ивановичъ, вовсе не должно, я и такъ *того-то*, какъ говорить Пелагея Андреевна.

— На то ваша воля, я играть не стану, подтвердилъ Иванъ Ивановичъ.

— Развѣ ужъ послѣднюю протащить, да и закаяться? И Лапинъ протащилъ за компанію съ музыкантомъ.

— Вижу, вижу! вскричала Пелагея Андреевна въ дверяхъ и грозя пальцемъ.

— Виноватъ, отвѣчалъ мужъ: — больше не буду.

И вотъ раздалась разудалая плясовая; четыре молоденькія племянницы Лапиныхъ распустили носовые платочки, прытопнули и пошли русскую.

— Bravo! bravo! Лиза! Дуня! молодцы! кричалъ имъ, прытоптывая, Александръ Петровичъ, у котораго уже порядкомъ шумѣло въ головѣ. — А ты что, Татьяна Ивановна, сидишь, какъ рѣдьма? нельзя ли этакъ вспомнить, какъ мы прежде съ тобою во улицѣ мостовой отплясывали, — обратился онъ къ старой дѣвушкѣ.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, отвѣчала Татьяна Ивановна: — нетолько, батюшка, плясать, я и пѣсни-то пѣть закажлась, да только для Анны Александровны давича разрѣшила.

— Ну, а теперь попласать разрѣши, да ужь за одно грѣхи-то и отмолишь.

Татьяна Ивановна видимо колебалась.

Рѣзво ходилъ смычекъ въ старой рукѣ Ивана Ивановича; пляшущія пары уставали и смѣнялись другими, не сидѣлось уже на мѣстѣ почему-то и Татьянѣ Ивановнѣ, она встала, кивнула головою, щелкнула пальцами и запѣла:

« Ай, вы красныя

Девичы,

Молодыя

Молодицы! »

— Ай люди! ай люди! подхватилъ хозяинъ:— вотъ такъ славно, Татьяна Ивановна! И онъ, забывъ свои годы и сѣдину, которая замѣтно уже засѣла въ его окладистую бороду, вскочилъ съ мѣста, стукнулъ каблуками, покружился и пошелъ выбивать дробь.

Татьяна Ивановна метнулась всторону, дошла до половины комнаты и пошла назадъ, тихо, плавно, словно лебедь поплыла, маня за собою свою пару бѣлою, полною рукою. Въ эту минуту Александръ Петровичъ, закинувъ голову, подперся фертомъ и едва касался пола носками своихъ сапоговъ; только остриженные въ кружокъ волосы быстро встряхивались, и длинныя полы сюртука широко раздувались; по всему было замѣтно, что Лапинъ въ свое время былъ отличный плясунъ.

Смотря на него, всѣ смѣялись, всѣ хохотали, всѣ кричали: браво! не исключая и дочерей; одна только Анята безучастно глядѣла на эту кутерьму, и ея грустное лицо казалось лишнимъ на этомъ веселомъ праздникѣ.

Но вотъ Александръ Петровичъ встрѣтилъ грустный взглядъ Аняты, ея блѣдное лицо; и вдругъ ему сдѣлалось какъ будто жаль ее, какъ будто чего-то стыдно.— Вотъ мы дурачимся, а она такая невеселая, пронеслось вдругъ въ мысляхъ Лапина и имъ овладѣло странное, неопредѣленное чувство, которое его вдругъ отрезвило.

Александръ Петровичъ подозвалъ Аняту рукою.

— Что ты, Аннушка, очень поблѣднѣла, здорова ли? спросилъ онъ ласково.

— Ничего, тятенька, отвѣчала невѣста.

— Не годятся, мой другъ, такъ вѣшать голову, когда всѣ веселятся... Дѣвушки подумаютъ, что ты имъ нерада... Да скажи Аграфенѣ, чтобъ съ ледника арбузъ принесла, поподчуй имъ гостей, ишь здѣсь какая жара.

Покончивъ съ самоваромъ, Пелагея Андреевна вышла въ залу и усѣлась возлѣ мужа.

— Кто-то меня вспоминаетъ? молвила она, икнувъ.

— Вѣроятно свинья за угломъ, замѣтилъ шутливо супругъ.

— Ты, Александръ Петровичъ, вѣчно съ своимъ балагурствомъ, сказала обидчиво Лапина.

Шумъ въ передней прервалъ разговоръ Лапиныхъ; хозяева поспѣшно вскочили съ мѣстъ и бросились туда, музыканту приказано было замолчать, только что начавшаяся французская кадрили смѣшалась, всѣ дѣвицы съ любопытствомъ смотрѣли на дворъ; одна только Татьяна Ивановна, въ уголку, не обращая ни на что вниманія, тихонько тянула какую-то заунывную пѣсенку, вѣроятно вспоминая невозвратную, бесплодно-прожитую свою молодость...

III.

Лапины смотрѣли и не вѣрили своимъ глазамъ: передъ ними была сама тетушка Ульяна Спиридоновна, которую дня три тому назадъ они проводили въ Привольскъ на богомолье и которая ни съ того, ни съ сего прикатила на почтовыхъ прямо къ Лапинымъ.

Ульяна Спиридоновна Горюхина была богатая вдова—купчиха, и хотя приходилась Пелагеѣ Андреевнѣ тетушкой уже въ четвертомъ колѣнѣ, но Лапины водили съ нею хлѣбъ-соль; хлопотунья отъ прпроды, Горюхина любила—таки виѣшиваться въ чужія дѣла, потому что своихъ ровно никакихъ не имѣла и жила совершенно одинокой.

— Не ждали мы, тетушка, такъ скоро вашего возвращенія, молвилъ Лапинъ.

— Благополучно ли изволили съѣздить? спросила нетерпѣливо

Пелагея Андреевна, желая поскорѣй узнать что нибудь о нареченномъ своемъ зятѣ.

— Благодареніе Всевышнему, Господь сподобилъ обѣщаніе исполнить... все благополучно... А ты, моя родная, что тутъ усѣлась? Поди-ка лучше къ подружкамъ, ишь онѣ въ залѣ безъ тебя что-то притихли, обратилась старуха къ Анютѣ.

— Помилуйте, бабенька, для меня очень пріятно-сь, начала-было послѣдняя.

— Полно, моя голубка, какая тутъ пріятность съ старухами сидѣть, перебила гостья.

Пелагея Андреевна сейчасъ догадалась, что тетушка нарочно высмываетъ Аннушку, и значительно мигнула послѣдней. Анюта вышла вонъ, а Лапина, притворивъ за дочерью дверь, сѣла опять возлѣ гостья и спросила, стараясь казаться спокойной:

— А что, тетушка, позвольте узнать, видѣли вы нашего жениха, были у нихъ?

— Какъ же была... письмо ваше ему вручила, онъ вамъ кланяться приказалъ; а на письмо отвѣта не написалъ...

— Ну что, понравилось вамъ у нихъ? продолжала съ тревожнымъ любопытствомъ хозяйка.

— У нихъ въ домѣ-то? начего, домъ хорошій; а ужъ они самъ-то, такъ очень миѣ не понравился, воля ваша,—отвѣчала, нисколько не стѣсняясь, Ульяна Спирядоновна.

Александръ Петровичъ громко кашлянулъ, Пелагея Андреевна замѣтно сконфузилась.

— Видѣла я и вашего жениха... Не осердитесь, родимые, а онъ вовсе не пара вашей Аннушкѣ. Коли видѣла бы я его прежде, не посовѣтовала бы за него вамъ дочку отдавать...

— Вы, тетушка, можетъ быть только насчетъ жениховой наружности изволите разсуждать, такъ позвольте вамъ замѣтить, что не съ красотою жить, а съ разумомъ... молвилъ Александръ Петровичъ.

— И насчетъ наружности я говорю, и насчетъ прочаго другого, что не по вамъ эта партія, подтвердила старуха.

Лапины переглянулись между собою.

— Слушайте же, мои свѣты, я все расскажу вамъ по порядку... Но вдругъ вошедшая Вѣра прервала слова старухи. Вѣра несла подносъ, уставленный графинчиками и рюжками, за нею Аграфена тащила другой, обремененный закусками; все это было имъ приказано поставить на столъ и самимъ выдти.

— Ахъ, вы, мои родные! вишь, какъ беспокоятся, восклик-

нула гостья, когда хозяева стали ее подчивать.—Ну, вот по неволѣ скажешь, что новая ваша роденька не по вамъ!.. Какъ вы думаете, они меня обѣдать не уняли, даромъ-что я къ нимъ послѣ поздней обѣдни прѣехала, продолжала Ульяна Спиридоновна, закусывая послѣ выпитой рюмки.—Да, мои свѣты: не уняли!.. только чайкомъ наполни, да два кусочка булочки подали, я и не знала: ѣсть ихъ, или смотрѣть на нихъ?.. Такія сквалдыги... Прямы: Жилины...

Пелагея Андреевна покраснѣла за свою новую роденьку.

— *Крылыши!* сказала она, наливая другую рюмку для гостя.

Когда послѣдняя *постормила*, т. е. опорожнила другую рюмку и снова закусила, то хозяйка нетерпѣливо ей напомнила о началѣ разговорѣ.

— Ну, вотъ перво на перво, мои голубчики, разговорилась я о вашемъ женихѣ съ хозяйкою постоялаго двора, гдѣ я остановилась, продолжала Ульяна Спиридоновна:—и... И какъ пошла она расписывать и Матвѣя Матвѣича, и матушку его, и сестрицу, и какъ они скупы!..

— Скупость не глупость, тетушка, возразилъ хозяинъ, постукивая пальцемъ по столу.

— Умѣренная скупость, мой родной, а не такая скаредная, что прости Богъ, наѣсться *не уболатъ*, какъ слухъ идетъ о Жилиныхъ-то; и не ходятъ никуда, и къ себѣ не принимаютъ, въ заперти сидятъ.

— Вѣроятно, съ какой нибудь досады ваша хозяйка такъ росписывала, замѣтилъ Александръ Петровичъ:—извѣстно, бабы сплетницы...

Но тетушка, не обращая вниманія на замѣчаніе Лапина, продолжала:

— А прежде-то, какъ они,—говорятъ,—покояницу, первую-то супругу Матвѣй Матвѣича тиранствовали.. отъ нихъ, говорятъ, и въ сырую землю пошла. .

Александръ Петровичъ повернулся быстро на стулѣ, точно кто его укусилъ; Пелагея же Андреевна, поблѣднѣвъ, вскрикнула:

— Господи помилуй насъ грѣшныхъ! Неужели это правда, тетушка?

— Не знаю, Палашенька, какъ сказать; конечно, хоть не все правда, а не все же и ложь... отвѣчала увѣрительно тетушка.

—Какая тутъ правда, бабья сплетня, больше ничего... рѣшилъ хозяинъ.

— Чтожь, мой свѣтъ, ты меня сплетницей что-ли считаешь?

— Нешто я лгу? Старуха видимо обидѣлась.

— Я не къ тому, тетушка, началъ-было сковфуженный хозянить, но гостыя перебила:

— Можетъ, моя хозяйка и вздору половину наговорила, а вотъ послушайте-ка, я вамъ расскажу другую исторію... Пришла это я, въ Привольскѣ, въ соборъ, службы еще не начинали, церковь заперта; сидитъ на паперти, вижу, нищенская,—я ей согрѣшила, подала... да и думаю: вѣдь нищіе вездѣ бродятъ, и мало-ли, что окомъ слышать и знаютъ; постой-ка, спрошу объ Аннушкиномъ женихѣ, не знаетъ-ли она чего? Вотъ и спросила я у старухи, не знаетъ ли она, скоро ли будетъ вѣнчанье у Жилина?—Незнаю, сударыня, отвѣчаетъ мнѣ, моя нищая: — вѣдь Матвѣй-то Матвѣичъ не на здѣшней женится, издалека откуда беретъ; то-то, сердечная, какъ куръ во щи, попадетъ,—знать за родительскіе грѣхи...

— Такъ она вамъ и сказала!? вскричала Пелагея Андреевна, уставивъ испуганные глаза на тетушку.

— Такъ и сказала, подтвердила Ульяна Спиридоновна.

Лапина всплеснула руками.

— И, вѣришь ли ты мнѣ, Палашенька, отъ этихъ старушечьихъ словъ, такъ у меня сердце и перевернулось, словно Аннушка—моя родная дочь. Вотъ и начала мнѣ нищая рассказывать, какіе они аспиды, какъ они съ первою невѣсткою обращались,—голодомъ морили, подъ замокъ запирали... а скупы-то, говорить, до того, что круглый годъ отъ нихъ нищая братія грошомъ непоживится, кромѣ свѣтлаго праздника...

— И охота вамъ была слушать какую нибудь пьяницу, которой не подали гроша—вотъ она и давай порочить честныхъ людей, возразилъ съ неудовольствіемъ Александръ Петровичъ, начинавшій терять терпѣніе.

— Не горячись, мой свѣтъ, вѣрить и не вѣрить въ вашей волѣ, отвѣчала спокойно тетушка:—за что я купила, за то и продаю; а не пересказать я вамъ не могла.

— Все это вздоръ, клевета, и плакать не о чемъ, сказалъ Лапинъ, видя, что Пелагея Андреевна плачетъ.

— А если все это правда? проговорила она.

— Не вѣрю, вѣрить не хочу и тебѣ не велю, говорилъ свое Лапинъ, размахивая руками: — положимъ, можетъ свекровь и не ладила что нибудь съ покойною невѣсткою, кто ихъ знаетъ? Гдѣ женщины вмѣстѣ живутъ, рѣдко не ссорятся; но чтооъ Матвѣй

Матвѣичъ забилъ въ гробъ свою первую жену — этого быть не можетъ. Онъ человѣкъ разсудительный, тихій...

— Ты на это, мой голубчикъ, не смотри, — въ тихомъ-то омутѣ черти и водятся; я не къ вашему зятю, а вообще по пословицѣ говорю. А иной тихоня—мужъ, солонѣ бойкаго накачается; какъ начнетъ жену жучить, да учить, такъ не приведи Господи... и не доступна и переступила, и не такъ сказала, и не такъ взглянула, и за всякую малость словами, точно щипцами, щиплетъ; а все въ тихомолку, чтобъ люди не знали, а при людяхъ-то ангеломъ прикидывается; ну, люди и говорятъ: вотъ, молъ, голубки живутъ, не надышутся другъ другомъ... Такъ вотъ какія иной разъ тихони-то шельмы бываютъ. У меня, мой покойникъ, продолжала Ульяна Спридоновна:—простъ и вспылчивъ былъ, иной разъ такъ оборветъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, а я себѣ, горя мало, и не думаю бояться; смотрю, черезъ полчаса, онъ ужъ и ходитъ за мною, и лжется, какъ теленокъ, а я губу дую, да носъ всторону ворочу, и до тѣхъ поръ не мирюсь, пока себѣ обновы не выговорю,—право слово! Такъ-то, я бы вамъ, Палашенька, совѣтовала хорошенько разузнать, и коли худые слухи справедливы, жениху отказать, заключила рѣшительно тетушка.

Всѣ замолчали.

Между тѣмъ вошла Вѣра и сказала, что ужинъ давно готовъ; когда хозяева и гостя вошли въ залу, пробило 11-ть часовъ. Половина дѣвицъ уже разошлась по домамъ, остальные, унятыя молодыми хозяйками ночевать, обгѣпли Татьяну Ивановну, которая гадала имъ на картахъ.

Иванъ Ивановичъ все еще пилилъ на скрипкѣ, что ему въ голову приходило. Онъ въ отсутствіе хозяйина такъ усердно смачивалъ струны, что зеленый козырекъ вмѣсто глазъ приосѣнялъ затылокъ, и самъ музыкантъ едва держался на стулѣ.

Пелагея Андреевна велѣла проводить музыканта домой, а денегъ за вечеръ не отдала, наказавъ, чтобъ приходилъ за ними завтра свѣженькій.

За ужиномъ Горюхина рассказывала, какъ за нею ухаживалъ ея покойникъ и смѣялась сама больше всѣхъ; хозяева усердно подчивали гостя; а Анюта сидѣла, такая же грустная и безмолвная, какъ и всегда, со дня помолвки.

— Что ты думаешь о томъ, что намъ тетушка о Матвѣичѣ говорила? спросила Пелагея Андреевна, проводивъ гостя и оставшись наединѣ съ мужемъ.

— Я думаю, что твоя тетушка старая сплетница: — любить вездѣ вѣшнваться, гдѣ ее не спрашиваютъ, отвѣчалъ супругъ.

— Впрочемъ вѣдь мудренаго нѣтъ, если и въ самомъ дѣлѣ такъ?..

— Не съѣздить ли тебѣ, Александръ Петровичъ, опять въ Привольскъ, и разузнать подробнѣе? проговорила плаксиво жена.

— Завтра объ этомъ подумаемъ и поговоримъ; рѣшилъ Лапинъ.

Но *завтра* поворотило его на другія мысли. Жилинъ стоялъ опять передъ нимъ, какъ человѣкъ хорошій во всѣхъ статьяхъ; и когда Пелагея Андреевна напомнила ему о слухахъ, сообщенныхъ вчера тетушкой, насчетъ жениха, Александръ Петровичъ выбранилъ и себя, и Пелагею Андреевну за то, что они имѣли терпѣніе вчера цѣлый вечеръ слушать болтовню старухи, заплывшей жиромъ и потому выживающей изъ ума.

IV.

Прошло еще нѣсколько дней, и для Аннушки настала день отъѣзда въ Привольскъ; съ утра въ домѣ Лапиныхъ былъ отслуженъ молебенъ; къ обѣду собрались родственники и дѣвицы на проводы къ подругѣ; прощальный обѣдъ шелъ невесело; но вотъ зазвенѣли рюмки и начались пожеланія всѣхъ благъ невѣстѣ, а наша невѣста ничего не слышала и едва держалась на ногахъ.

Сборы кончены; нѣсколько повозокъ тройками вкатили на дворъ, въ комнатахъ послышался плачъ. Надя и Маша повисли Анютѣ на шею, подруги наперерывъ осыпали невѣсту прощальными поцѣлуями.

Александръ Петровичъ взялъ въ руки образъ, Пелагея Андреевна — хлѣбъ-соль, и оба, утирая слезы, стали рядомъ, чтобъ благословить дочь. Анюта какъ бухнулась родителямъ въ ноги, такъ и замерла, въ лицѣ ни кровинки, мертвецъ-мертвецомъ; подняла ее и безчувственную завернули въ салоу и положили въ повоз-

ку. Съ Анютою сѣли мать и Вѣра; Александръ Петровичъ съ прочими родственниками, которые ѣхали въ Привольскъ на свадьбу, помѣстившись въ другихъ повозкахъ; и поѣздъ, побрякивая бубенчиками, повернулся; за поѣздомъ потянулись провожатые; еще разъ за заставою Кукушкина простились подруги съ Анютою; еще разъ пожелали ей всякаго счастья и вернулись домой.

Рѣзво мчались лошади по большой дорогѣ; молча и машинально смотрѣла опомнившаяся Анюта въ туманную даль, на бѣгущія на встрѣчу придорожныя деревья, на темныя кусты и полевые изгороди. Густыя осеннія сумерки быстро спускались, и на темномъ небѣ появился узенькій блѣдный серпикъ молодого мѣсяца.

— Посмотрите, маменька, мѣсяцъ только-что родился, а я его увидѣла съ лѣвой стороны, вѣдь это кажется не къ добру! сказала вдругъ Вѣра.

— Типунъ бы тебѣ на языкѣ! вскрикнула сердито мать, толкнувъ въ бокъ говорившую, и потомъ набожно перекрестясь и смотря на мѣсяцъ, прибавила:—тебѣ, батюшка златъ—вѣнецъ, а намъ доброе здоровье!..

Лапина была женщина темная и суевѣрная; замѣчаніе Вѣры шарахнуло ее по сердцу, словно ножомъ, но боясь испугать Анюту, Пелагея Андреевна благоразумно прервала разговоръ, хотя Анюта находясь въ какомъ-то оцѣпененіи, вовсе не слыхала, что возлѣ нея говорилось.

Прибыли Лапины въ Привольскъ и прямо на приготовленную для нихъ Матвѣемъ Матвѣичемъ квартиру. На другой день Анюту обвѣнчали съ Жилинымъ. Не входя въ подробное описаніе ихъ свадьбы, скажемъ только, что во время вѣнчанья мужчины вслухъ завидовали жениху, что беретъ такую красавицу, а женщины до тонкости пересуживали нарядъ невесты. Съ раннего утра въ тотъ день жительницы Привольска толпились возлѣ дома Жилиныхъ, желая взглянуть на парадную постель для молодыхъ, но Марья Михайловна не приказала никого впускать, и она, проклятая и Марью Михайловну и дурную погоду, принуждены были дожидаться приѣзда молодыхъ у подъѣзда.

Лишь только молодыхъ встрѣтили и усадили на диванъ, старуха Жилина подвела къ Анютѣ ея маленькую падчерицу, щедрую запуганную дѣвочку, и сказала что-то въ родѣ наставленія, что теперъ Анна Александровна должна для сироты замѣнить мать. Анюта съ чувствомъ обняла Сашу и усадила ее возлѣ себя, стараясь приласкать; но дѣвочка сидѣла потупившись и

щипала складки своего кисейнаго платьица, собираясь какъ нибудѣ скорѣе убѣжать. Замѣтивъ это, молодая мачиха сказала ей, что если ей здѣсь не нравится, то она можетъ уйти, и Саша убѣжала.

— Вотъ что значить мачиха—и на первый то разъ не приласкала, замѣтила Лизавета Матвѣевна, увидѣвъ бѣглянку въ столовой, и приказала ей идти въ дѣтскую.

Пиръ между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ, и Анюта удивлялась, что Матвѣй Матвѣичъ, замѣтившій у нихъ въ домѣ, что трудно угостить такую орду, — самъ теперь пригласилъ такъ много гостей. Привольскія дамы сидѣли тихо и чинно, оглядывая Анюту съ ногъ до головы, и тихонько перешептывались между собою; за то въ залѣ раздавался довольно громкій говоръ мужчинъ. Марья Михайловна извинялась какой-то болѣзью и рано ушла къ себѣ, а Лизавета Матвѣевна съ самого начала гдѣ-то скрылась за кулисами, вѣроятно присматривая за прислугой, чтобы что нибудѣ не пропало; одинъ только Матвѣй Матвѣичъ сновалъ по комнатамъ, наблюдая самъ за угощеніемъ и посылая мысленно къ чорту неспѣсивыхъ гостей, которые явились на его приглашеніе.

— Матвѣй Матвѣичъ, посидите съ нами-то хоть минуточку, воскликнула Пелагея Андреевна, сидѣвшая возлѣ Анюты:—вѣдь вы совершенно умаялись, все и обо всемъ сами хлопчете.

— Чтожъ дѣлать-съ? нужно присмотрѣть, чтобы все было въ порядкѣ-съ, а кому? Маменька больна, имъ не до того, а у сестрицы тоже много хлопотъ-съ, отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ и короткими, неслышными шажками пустился въ бѣгу.

— Вотъ такъ хозяинъ, нечего сказать, любо-дорого; ничего, счастлива будетъ за нимъ Аннушка, подумала про себя Лаппа.

— Ну, что, Пелагея Андреевна, если бы была здѣсь сейчасъ тетушка Ульяна Спиридоновна, что бы она заговорила? шепнулъ Александръ Петровичъ жнѣ.

— Что ей заговорить? язычекъ бы прикусила, отвѣчала послѣдняя: — посмотри-ка, какъ все хорошо устроено.

— Главное, хозяйственно, подтвердилъ супругъ, очень довольный всѣмъ видѣннымъ.

Между тѣмъ Вѣра нашептывала Анютѣ на ухо, показывая на дамъ.

— Посмотри, Анюта, вотъ это лиловое платьѣ, со звѣздой на лбу, кѣлые полчаса съ насъ глазъ не спускасть.. ужъ не очаро-

вали ли мы ее, какъ ты въ книжкѣ читала про какую-то змѣю или ящерицу.

И Анюта въ самомъ дѣлѣ увидѣла длинную, сухую гостью, смотрѣвшую на нихъ неподвижными, оловянными глазами.

— А на этихъ двухъ сосѣдокъ посмотри, продолжала насмѣшница:— видишь, какъ одна живо говорить и тыкаетъ пальцемъ другую въ грудь, а та отъ нея ежешпунтно отодвигается, вмѣстѣ со стуломъ, а говорунья все ближе къ ней придвигается, — смотри, они скоро до насъ дойдутъ. А это что еще за корзина съ цвѣтами къ намъ идетъ?

Показанная Вѣрою корзина съ цвѣтами была Текуса Егоровна Бодаева; низенькая, толстенъкая, тридцатилѣтняя женщнна, съ короткими пальцами, унизанными перстнями, она дѣйствительно походила на корзину съ цвѣтами, въ своемъ соломеннаго цвѣта платьѣ и въ наколкѣ изъ крупныхъ пестрыхъ цвѣтовъ.

Бодаева сѣла возлѣ Анюты и заговорила съ сестрами, расправывая ихъ о Кукушкинѣ и рассказывая имъ о Привольскѣ; она жалѣла Анюту, что ей вышла судьба жить на чужой сторонѣ вдали отъ родителей; и, пересыпая рѣчь ласковыми эпитетами, Бодаева предлагала ей свое знакомство и родственное расположеніе; потомъ показала Анютѣ чуть не пальцемъ всѣхъ бывшихъ на свадьбѣ гостей и описала подробно домашнюю жизнь почти каждаго. Анюта невольно улыбалась, а Вѣра едва удерживалась отъ хохота; затѣмъ Текуса Егоровна рассказала нѣсколько веселыхъ анекдотцевъ, ходившихъ по городу; потомъ она встала, завидѣвъ входившую Пелагею Андреевну, подошла съ ней и обѣ успѣлись въ другомъ углу.

Вѣра, слушавшая съ удовольствіемъ болтовню Бодаевой, заключила, что Текуса Егоровна славная веселая женщнна, и очень бы была не дурна, если бы не портила себя пестрыми уродливыми нарядомъ.

Между тѣмъ Пелагея Андреевна хвалила Текусѣ Егоровнѣ устройство дома Жилиныхъ и самого Матвѣя Матвѣпча, какъ отличнаго хозяина; притомъ откровенно рассказала ей, какъ Ульяна Спиридовна чуть не раскаяла жениха и чуть не лишила Анюшку благополучія сдѣлаться женою такого отличнаго человѣка.

Текуса Егоровна только покачивала головою и тяжело вздыхала, приговаривая:

— Ужъ вѣрно судьба такая вышла вашей дочкѣ, — что дѣлать?... Ужъ, вѣрно, судьба! Но самодовольная Пелагея Андреевна вовсе не вникала въ смыслъ этихъ словъ и незамѣтила,

что Бодаева не сказала ни одного одобрительнаго слова насчетъ Матвѣя Матвѣича.

Но въ залѣ дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе. Высокій, толстый мужчина, съ угреватымъ лицомъ и несовсѣмъ чисто выбритою бородою, густымъ басомъ доказывалъ своему противнику, щедрому старику, что слово *чортъ* происходитъ отъ черты; старикъ спорилъ, что — отъ черноты грѣховной, и называлъ толстяка фармазономъ. Послѣдній громко стукнулъ кулакомъ по столу, и споръ непремѣнно перешелъ бы въ ссору, если бы Матвѣй Матвѣичъ не убѣдилъ старика, что спорить съ Семеномъ Васильевичемъ очень трудно и даже невозможно.

Багровый Семень Васильевичъ былъ никто иной, какъ мужъ Текусы Егоровны Бодаевой и двоюродный братецъ Матвѣя Матвѣича.

Но Бодаевъ, не смотря на то, что противникъ уже замолчалъ, не переставалъ кричать и стучать, доказывая свое мнѣніе.

Крики эти ясно слышались въ гостиной.

— Ай, мои батюшки, кто это такъ кричитъ? молвила Лапина.

— Мой муженекъ, отвѣчала очень просто Бодаева: — онъ всегда такъ оретъ пьяный, просто стыдъ съ нимъ, хоть куда глазъ не показывай.

— Чтожь дѣлать, сегодня время такое, всѣ подвеселѣли, ну иное слово и погромче скажется.

— Хорошо веселье! Онъ у меня каждый день такъ веселится, безобразникъ этакой; такъ вотъ вѣкъ и бьюсь... Вотъ вѣдь иногда какое замужество-то бываетъ. Текуса Егоровна глубоко вздохнула.

— Вѣрно всякому свое счастье, разсудила Пелагея Андреевна, съ сожалѣніемъ покачивая головою.

— Я не ожидала, Анюта, чтобъ здѣсь было такъ хорошо, говорила Вѣра, ходя по комнатамъ подъ руку съ молодою.

— Хорошо-то хорошо, отвѣчала послѣдняя со вздохомъ: — да какво мнѣ тутъ одной остаться?.. Одной-то бы пожалуй и ничего, а то...

— Ничего, Анюточка, не унывай, что же дѣлать? Коли захотѣла сама выдти, такъ и привыкнешь!

— Вѣра! прошептала Анюта съ упрекомъ.

— Что, Вѣра? Вѣдь не силой же въ самошь дѣлѣ тебя выдали, отвѣчала Вѣра съ скрытой досадою.

— Вѣрно, судьба! заключила Анюта.

Сестра ей ничего не отвѣчала.

Свадебный вечеръ кончился; гости разъѣхались, и осталась наша молодая одна въ чужомъ домѣ.

На другой день свадьбы, часу въ двѣнадцатомъ утра, Анюта одѣвалась, чтобъ ѣхать съ визитами; невесело смотрѣла она на свой богатый нарядъ, а еще невеселѣе на своего молодого мужа, который, утонувъ въ своемъ пиромомъ, шелковомъ халатѣ, сидѣлъ, сгорбившись за конторкою, постукивалъ счетами, и итоги свадебныхъ расходовъ заносилъ въ тетрадь; порою Жилинъ покачивалъ головой и вздыхалъ, — расходы противъ его предположенія оказывались велики, и онъ раза два-три взглянулъ на свою молодую такимъ взглядомъ, какъ будто говоря: «дорого, матушка, досталась»... Въ рысыихъ глазкахъ Жилина виднѣлась нетерпѣливая досада; онъ замѣтно торопился, сбивался въ счетѣ и опять снова принимался считать... Горничная уже два раза докладывала, что наемная карета прѣехала и ждетъ.

— Ахъ, да! кареты! визиты! гости! траты! вскричалъ Матвѣй Матвѣичъ, вскакивая и бросая на конторку счеты, которые опрокинули чернильницу и сами полетѣли съ грохотомъ на полъ. Анюта вздрогнула, а горничная бросилась вытирать чернила, лившіяся по конторкѣ; молодой сталъ торопливо одѣваться.

Между тѣмъ Лапины въ своей квартирѣ съ нетерпѣніемъ ожидали молодыхъ; Пелагея Андреевна кропотливо прибирала всѣ вещи, разбросанныя вчера. Вѣра разставила уже чашки для кофею. Александръ Петровичъ суетливо посматривалъ то въ окно, то на часы.

Черезъ нѣсколько минутъ Анюта въ бархатѣ и перьяхъ входила уже въ переднюю; за нею короткими шажками выступалъ Матвѣй Матвѣичъ.

Поздоровавшись съ родителями, Анюта взяла сестру за руку, и обѣ вышли въ сосѣднюю комнату. Не говоря ни слова, сестры обнялись и заплакали.

Черезъ минуту вошла мать и сказала:—Аннушка, Матвѣй Матвѣичъ торопится, даже и кофе кушать не остается.

— Вотъ тебѣ и разъ! воскликнула Вѣра съ досадою.

— Позвольте, маменька, мнѣ хоть минуточку у васъ побыть, прошептала Анюта сквозь слезы.

— Мы душевно рады, да чтожь дѣлать? Теперь ужь не наша воля въ тебѣ, а мужнина, — отвѣчала мать: онъ говорить, что карета у васъ взята на часы.

— Охъ, ужь этотъ Матвѣй Матвѣичъ, сказала, стиснувъ губы, Вѣра.

Мать взглянула пристально на дочерей; у обѣихъ глаза были заплаканы.

— Вѣра! сказала сердито Пелагея Андреевна: — что это значить—о чемъ юни распустила? А! ты только сестру смущаешь? Смотри у меня!.. А ты, Аннушка? не стыдно это тебѣ? Гдѣ бы молодой веселиться да Бога благодарить, что хорошаго мужа послалъ, а ты плачешь? Ай, ай, сударыня, нехорошо!

— Поскорѣе, Аннушка, Матвѣй Матвѣичъ торопится, послышался голосъ Лапина.

— Настоящая свинка—и смотреть-то изъ подлобья,—думала Вѣра по отъѣздѣ Жилина: — такой короткій визитъ, и къ кому же? къ намъ! И съ перваго дня Анюта должна слушаться этого болвана, тьфу! Вѣра плюнула и топнула ногой.

— Вы, Анна Александровна, не извольте нигдѣ долго останавливаться-съ, сказалъ Жилинъ своей молодой женѣ, сидя рядомъ съ ней въ каретѣ: — потому-съ карета взята на часы и нужно со всѣми сегодня покончить-съ...

— Но какъ же мы успѣемъ, вѣдь гостей было такъ много?.. замѣтила Анюта.

— Вы думаете, мы ко всѣмъ поѣдемъ, кто у насъ былъ? слуга покорный-съ! Кто побогаче, къ тому ужъ необходимо,— а то тутъ была такая голь и бѣдность, что ой, ой!

— Вѣдь вы приглашали же ихъ?

— Не пригласить было нельзя-съ, родня недалняя-съ, наприжѣръ, родного дядя жена съ дѣтьми. Покойный дядя былъ живъ, были они богаты, и мы къ нимъ въ гости ходили, а теперь, теперь они бѣдны.

— Но все же могутъ обидѣться, что мы имъ не сдѣляли визита, замѣтила молодая, притавивъ вздохъ.

— А для меня вотъ какъ дорого, что они обидятся... И Матвѣй Матвѣичъ плюнулъ себѣ подъ ноги. — Я и не думалъ, что явятся эти *персоны*—въ платьяхъ, взятыхъ у людей, а они явились и ихъ тоже угощай наравнѣ съ прочими...

У Анюты сжалось сердце отъ этой бездушной выходки мужа; ничего подобнаго не слышала она въ домѣ своихъ родителей; ей стало обидно за бѣдняковъ, которые вчера удостоились сидѣть за столомъ богатаго родственника, а сегодня этотъ родственникъ говорилъ о нихъ съ такими презрѣнiемъ.

Кукушкинскiе родственники Лапиныхъ, приѣхавшіе съ ними на свадьбу и квартировавшіе въ номерахъ, уѣхали домой въ то же утро. Сами Лапины пробыли въ Привольскѣ четыре дня.

Въ день своего отъѣзда Лапины завтракали у зятя. Анята съ самого ранняго утра не осушала глазъ.

— Не плачьте, мой ангелъ, Анна Александровна, уговаривала ее свекровь:—я васъ, моя душа, приняла за дочку и всѣ силы употреблю, чтобы вы у насъ не скучали по своимъ родителямъ, чтобы поскорѣй привыкли къ нашему дому... Старуха закашлялась.

— Аняшка, поцѣлуй у свекрови ручку, шепнула Анятѣ Пелагея Андреевна, и потомъ прибавила вслухъ, обращаясь къ сватьѣ:—не оставьте, сватьюшка, своею ласкою моею дочери, заступите ей мѣсто меня и окажите ей свое расположеніе... Надѣюсь, что и вы будете ею довольны: я не такъ воспитывала дочерей, чтобъ давать имъ потачку... А коль на что не станеть ей разума, то наставьте молодого человѣка... И Лапина заплакала.

— Что это вы, сватьюшка! воскликнула Марья Михайловна:—да пусть меня Господь покараеть, если я не буду любить Анну Александровну, какъ дитя родное... Я насилу и дождалась того, что Матюшенька бракомъ сочетался; а теперъ я и нарадоваться не могу...

Лизавета Матвѣевна при этихъ словахъ взглянула на мать, потомъ на Аняту, и насмѣшка, похожая на гримасу, мелькнула на ея сухихъ, пергаментныхъ губахъ.

— Надъ кѣмъ и надъ чѣмъ насмѣхается эта вѣдьма? подумала про себя Вѣра, подиѣтившая рысій взглядъ вдовы.

Между тѣмъ въ это время Матвѣй Матвѣичъ, разговаривая съ тестемъ, какъ-то странно ластился къ нему, какъ будто что-то хотѣлъ сказать, но не рѣшался.

Но вотъ подали закуску, зять усердно подчивалъ тестя и тещу, съ послѣднею и самъ за компанію выпилъ нѣсколько рюмокъ мадеры, (кромя мадеры Жилинъ ничего не пилъ).

— Вотъ, маменька, у васъ скоро и другая свадьба будетъ, замѣтилъ онъ тещѣ, показывая на Вѣру:—а у насъ въ Привольскѣ за женихами дѣло не станеть...

— И въ самомъ дѣлѣ, Матюша, перстащимъ-ка Вѣру Александровну въ Привольскъ; двумъ сестрицамъ веселіе будетъ, вмѣшалась старуха Жилина.

— Ахъ, какъ бы это было хорошо! воскликнула Анята, потрепавъ Вѣру по плечу.

— Удивительно *хорошо*, передразнила съ досадою Вѣра и нахмурила брови.

— Ну, и сватайте, коли женихъ на примѣтѣ есть; мы пожалуй не прочь, сказалъ Лапинъ, обратясь къ хозяйкѣ.

— Ну, ужъ привольскіе ваши женихи, нечего сказать! воскликнула Пелагея Андреевна, у которой мадера развязала языкъ.

— А чѣмъ же они дурны-съ? спросилъ зять, взглянувъ на тещу своими узкими глазами.

— Денегъ много ищутъ, выжиги этакіе! подавай имъ хоть дуру, хоть уroda, лишь бы деньги въ придачу шли... А какъ говорятъ, свалили къ вамъ въ Привольскъ какую-то черно-немочную, денсгъ насулили и недали... Ха, ха, ха! Надули значить! Пелагея Андреевна смѣялась.

Матвѣй Матвѣичъ потупился въ тарелку и ничего не сказалъ, за то Лизавета Матвѣевна рѣзко замѣтила:

-- Вы, Пелагея Андреевна, смѣтаетесь надъ привольскими женихами, а сами свою дочку въ тотъ же Привольскъ выдали...

— Я надѣюсь, что Матвѣй Матвѣичъ мои слова на свой счетъ не приметъ, отвѣчала горячо Лапина.

— Помилуйте-съ, отозвался Жилинъ, подавляя свою досаду.

— Да и мы въ своей жизни никого ни въ чемъ не обманывали... Дочь моя—товаръ на лицо, продолжала Пелагея Андреевна.—вотъ она (и мать показала на Анюту пальцемъ), сами извольте видѣть, не уродъ какой... Приданнымъ мы тоже надуть не намѣрены; назначенныя Аннушкѣ деньги готовы хоть сейчасъ отдать...

— Сейчасъ—не сейчасъ, а такъ въ мартѣ мѣсяцѣ, съ большимъ удовольствіемъ, подтвердилъ Александръ Петровичъ.

Матвѣй Матвѣичъ весь какъ-то оживился, какъ будто онъ только этого слова и ждалъ и, припрыгнувъ на стулѣ, спросилъ, не смотря впрочемъ на тестя:

— А у васъ, тятенька-съ, вѣрно капиталъ Анны Александровны въ оборотѣ-съ?

— Да, и ближе ростовской ярмарки я его не могу освободить, отвѣчалъ Лапинъ.

— Такъ-съ, а опослѣ мы его положимъ въ ломбардъ...

— Что вы, Матвѣй Матвѣичъ? вы человекъ коммерческій и говорите такое неподобіе... Напротивъ, вы Аннушкины деньги пустите въ оборотъ,—молвилъ Александръ Петровичъ.

— Но можетъ быть, Анна Александровна мнѣ не довѣряетъ? Жилинъ взглянулъ на жену; Анюта промолчала.

— Вотъ какой вздоръ! отвѣчалъ Лапинъ за дочь.

Матвѣй Матвѣичъ долго переминался, видимо ему хотѣлось что-то сказать, и какъ будто стыдно ему было выговорить это слово. Наконецъ онъ переломилъ себя и спросилъ:

— И такъ-съ, тятенька, послѣ ростовской непремѣнно-съ?

— Да, послѣ ростовской... Но если вы не вѣрите, то я позва-
гу и дамъ вексель на имя дочери, проговорилъ, смѣясь, Лапинъ.

Глазки Матвѣя Матвѣича радостно блеснули; онъ никакъ не
ожидалъ, чтобъ тесть самъ вызвался исполнить его задушевное
желаніе, высказать которое онъ такъ затруднялся.

— Конечно-съ форменный документъ всего лучше-съ... проше-
несь, потупясь, Жилинъ, и стараясь скрыть свою радость.

— Что вы?! сказала, поблѣднѣвъ Анята, обращаясь къ мужу.

Но въ это время Пелагея Андреевна громко отодвинула свой
стулъ отъ стола и принялась благодарить хозяевъ за угощеніе...

V.

Послѣ завтрака Анята съ матерью и сестрою ушли въ спаль-
ню, чтобъ наговориться наединѣ до слѣдующаго свиданія. Мат-
вѣй Матвѣичъ съ тестемъ вышли въ залу.

— Счастливо вамъ оставаться, Матвѣй Матвѣичъ, а намъ пора
и домой, сказалъ Лапинъ, садясь къ окну: — скоро ли тамъ вы
будете готовы?

— Еще успѣете-съ, тятенька, будете дома, заговорилъ зять,
то упирая глаза въ землю, то поднимая ихъ на тестя. Какимъ
же манеромъ мы дѣльце устроимъ-съ?.. При послѣднемъ вопросѣ
Жилинъ съежился, какъ будто его подхлыстнули по самому чув-
ствительному мѣсту.

Александръ Петровичъ взглянулъ на него вопросительно.

— Какое дѣльце, Матвѣй Матвѣичъ?

— А насчетъ... насчетъ-то... Жилинъ замаялся.

— А! насчетъ Вѣры? воскликнулъ, засмѣявшись весело, Ла-
пинъ:—ну, сватайте, сватайте, свадьбу сыграемъ; чего долго
ждать!

— Никакъ нѣтъ-съ, я-съ... я-съ насчетъ векселька-съ... про-
говорилъ полупопотомъ Матвѣй Матвѣичъ и несмотря на тестя.

— Такъ чтожь, мнѣ Аннушаны деньги неужны, началъ

послѣдній:—послѣ ростовской вы ихъ получите сполна, и приобретайте на нихъ какъ знаете, по своему разсужденію. Говоря это, тесть вообразилъ, что зять хочетъ оставить ему приданое жены на проценты на слѣдующее за ростовской ярмаркой время.

— Конечно-съ... надѣючись на Бога-съ... но все же документъ... вѣдь до ростовской ярмарки, тятенька, еще пять мѣсяцовъ... все можетъ случиться-съ... смерть, разныя обстоятельства-съ, век...сель обезпеч... Матвѣй Матвѣичъ закашлялся.

Теперь только понялъ Александръ Петровичъ, о чемъ хлопочетъ зятюшка и пристально посмотрѣлъ на него.

— Вы, Матвѣй Матвѣичъ, желаете вѣроятно, чтобъ я вамъ далъ вексель? Такъ что-ли? спросилъ онъ прямо.

— Точно такъ-съ, тятенька, отвѣтилъ Жилинъ, сдувая пылинку съ рукава и не смотря на тестя:—я по вашимъ же словамъ-съ въ надеждѣ... вѣдь вы сами давеча изволили сказать-съ...

— Да, я давеча пошутилъ...

— Незнаю-съ, пошутили вы, или правду изволили сказать-съ, продолжалъ Матвѣй Матвѣичъ:—но вы не подумайте чегонибудь-съ... а не мѣшало бы, на имя Анны Александровны-съ...

— Конечно, на имя Анны Александровны, промолвилъ Александръ Петровичъ:—посылайте за маклеромъ.

Матвѣй Матвѣичъ не заставилъ тестя повторить послѣднихъ словъ и доспѣшно оставилъ комнату.

Въ отсутствіе его Лапинъ облокотился на столъ. Недовѣрчивость зятя какъ будто его ошеломила, тѣмъ болѣе, что въ Кукушкинѣ слово его считалось вѣрнѣй векселя. Раздумавъ хорошенько, онъ сталъ догадываться, что немножко поспѣшилъ своимъ лестнымъ мнѣніемъ о зятѣ: жадность къ деньгамъ и грубость этого чувства сразу показали Жилина въ его настоящемъ свѣтѣ...

Между тѣмъ Матвѣй Матвѣичъ привелъ маклера, и вексель былъ написанъ и подписанъ.

Затѣмъ Лапинъ и Жилинъ вошли въ спальню.

— Ну, Аннушка, теперь я твой должникъ: возьми-ка, молвилъ отецъ съ веселымъ видомъ, подавая дочерѣ вексель.

Анюта пристально посмотрѣла на отца, потомъ на мужа и, покачивая съ упрекомъ головою, закрыла лицо руками и заплакала.

— Что ты, Аннушка?

— Что съ тобой? вскричали въ одинъ голосъ отецъ и мать.

— Анна Александровна, что вы изъ себя представляете-сь?— за-мѣтилъ мужъ, не скрывая досады.

Но Анюта рыдала и не могла ни слова выговорить.

— Да что же съ тобой? повторилъ заботливо Лапинъ, отни-мая насильно руки отъ лица дочери:— скажи пожалуйста, о чемъ ты плачешь?

— Ахъ, какая обида! какая горькая обида! произнесла на-конецъ Анюта.

— Да кто-жь тебя обидѣлъ, другъ мой, кто обидѣлъ? допы-тывался отецъ.

— Не меня, тятенька, не меня, а васъ, отвѣчала плачущая дочь.

— Кто-жь тятеньку обидѣлъ, Анна Александровна-сь? спро-силъ Жилинъ.

— Вы, Матвѣй Матвѣичъ, вы его обидѣли.. Вы ему не по-вѣрили на 5-ть мѣсяцевъ его же собственныхъ денегъ и взяли съ него вексель.. продолжала Анюта.

— Господи помилуй!.. воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ:— чѣмъ же я-то тятеньку обидѣлъ-сь? Вексель данъ на ваше имя, су-дарыня-сь.

— Оттого-то я и плачу, оттого мнѣ и досадно, что весь Ку-кушкинъ вѣрить его слову, а я?.. дочь... — и Анюта снова за-крыла лицо руками.

У Александра Петровича навернулись слезы. Въ немъ заше-велилось чувство, похожее на оскорбленіе, которое онъ раздѣ-лялъ вмѣстѣ съ дочерью... Онъ взялъ ее за руку и долго не могъ выговорить слова.

— Ейбогу, странная фанаберія, понять не могу-сь, провор-чалъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Именно странная фанаберія воскликнула Пелагея Андреев-на:— другая на ея мѣстѣ и рада-бы была, что отецъ все за-конно сдѣлалъ... а она глупая плачетъ...

Взродоженіи этой сцены, Вѣра стояла, поглядывая из-подлобья на зятя, и кусала себѣ ногти чуть не до крови.

— Возьми же Аннушка, возьми, приberi и успокойся, ничего не думай: на то была моя воля, заговорилъ между тѣмъ Лапинъ взволнованнымъ голосомъ, стараясь втиснуть вексель въ руки дочери.

Но Анюта все-таки не взяла векселя, и Александръ Петровичъ отдалъ его зятю. Матвѣй Матвѣичъ тщательно осмотрѣлъ бу-магу и заперь ее въ конторку.

Вскорѣ Лапины отправились на квартиру, а съ ними и молодые, для того, чтобъ проводить ихъ въ путь.

— Глупая ты, глупая Анюшка, ишь глаза-то наплакала, а о чемъ? Не всостояніи что-ль тебѣ отецъ пяти тысячъ заплатить? шептала Пелагея Андреевна, сидя въ линейкѣ возлѣ дочери:—закрывайся увалемъ-то, ишь люди смотреть, а у тебя глаза наплаканы, закрывайся...

Было шесть часовъ вечера, когда Анюта, проводивъ родителей, воротилась въ домъ мужа и сѣла подъ окно въ своей спальнѣ. Одинокая свѣчка, горѣвшая на комодѣ, тускло освѣщала комнату. Молодая женщина грустила; мысль ея летѣла вслѣдъ за тѣми, кого она сейчасъ проводила, а пожалуй и опережала ихъ, уносясь въ милый Кукушкинъ, гдѣ было прожито столько счастливыхъ лѣтъ, испытано столько мирныхъ радостей, встрѣчено столько ласкъ... Невыразимо грустно было Анютѣ, и она, поднявъ штору у окна, глядѣла на мерцавшія звѣзды, глядѣла въ глубь темнаго вечерняго неба, какъ будто ожидая оттуда какого-то сверхъестественнаго облегченія своей тоскѣ.

Матвѣй Матвѣичъ, словно маятникъ, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ своими коротенькими шажками и, казалось, что-то думалъ; наконецъ онъ остановился передъ женою.

— Звѣздочки изволите считать, Анна Александровна? хорошее занятіе-съ... А ужь давича, извините меня, — очень вы нехорошую комедію разыграли-съ.

— Комедій играть я не умѣю, отвѣтила коротко Анюта, проглотивъ вздохъ.

— Коли не комедія, такъ, съ позволенія сказать, большая глупость! Мнѣ жалъ вашего тятеньки, онъ чуть-чуть не заплакалъ отъ вашихъ причудъ... Впередъ, Анна Александровна, совѣтую вамъ быть благоразумнѣе-съ и никогда не вмѣшиваться въ дѣла-съ, которыхъ вы не понимаете,—а все предоставить на волю мужа-съ... Понимаете?...

Поняла ли нѣтъ Анюта, но она ничего не отвѣчала Матвѣю Матвѣичу.

— Вотъ вы опять смотрите на небо, продолжалъ Жилинъ насмѣшливо: — аль хотите про звѣздочку запѣть? Право я слыхалъ какую-то пѣсенку про звѣздочку-съ!.. хе, хе, хе!.. Оно и лучше, чѣмъ плакать о томъ, что намъ родители благодѣяніе оказываютъ, наградиць хотять... Ой, ой! Анца Александровна, много въ васъ фанаберіи я вижу... придется васъ исправлять...

Вошедшая горничная доложила, что приѣхали Бодаевы, и прер-

вала душеспасительныя наставленія Матвѣя Матвѣича. Попросивъ жену поправить туалетъ, онъ велѣлъ приходить ей въ гостиную и поспѣшилъ выдти.

Но молодая женщина, по уходѣ мужа, сидѣла долго и неподвижно; его жестокіе упреки раздавались въ ея ушахъ; ее разбранили и грусть и досада; наконецъ, отеревъ набѣжавшія на глаза слезы, Анна Александровна вышла къ гостямъ.

Марья Михайловна сидѣла на диванѣ возлѣ гостыи и благодарила вслухъ Бога, что онъ сподобилъ ее при жизни пристроить Митюшиньку законнымъ бракомъ. При входѣ Анюты гостыя радушно расплывалась съ нею; далѣе въ креслахъ сидѣли Матвѣй Матвѣичъ съ Семеномъ Васильичемъ и рассчитывали, сколько дохода принесетъ въ годъ предполагаемая гостиница съ номерами, трактиромъ и постояннымъ дворомъ, которую намѣревались открыть вмѣстѣ Бодаевъ и Жилинъ.

— Дорогая сестрица, ручку! Матушка, ручку! забасилъ Семень Васильичъ, здороваясь съ Анютою и такъ ей сжалъ руку, что она едва не вскрикнула:—ну, братъ, жену поддѣлъ, нечего сказать, куклуку братецъ; теперь къ тебѣ и прѣхать-то весело, обратился онъ потомъ къ хозяйну:—а ты, братъ, противъ нея что? мокрая курица!.. да!..

Матвѣй Матвѣичъ поморщился. Бодаевъ былъ уже довольно выпивши и отъ него несло, словно изъ виннаго погреба.

— Тебѣ, братъ, должно жену-то посадить въ шкапъ, за стекло... да и любоваться: вѣдь она красавица, посмотри-ка! И Семень Васильичъ, прищурясь, посмотрѣлъ на Анюту и чмокнулъ губами. Последняя покраснѣла.

— Пошелъ вратъ! молвила старуха Жилина:—ну, чѣмъ твоя-то жена худа?

— Въ свое время и моя Текуса Егоровна была ягодка... Ну, да теперь не то—состарѣлась...

— Взгляни-ка прежде самъ-то на себя, ты на кого сталъ похожъ? вскрикнула съ досадою Текуса Егоровна.

— На кого? на сороковую бочку похожъ, отвѣчалъ хохоча Бодаевъ:—только на чорта непохожъ: чортъ съ рогами...

— Ай, грѣховодникъ! какія слова говорить, воскликнула Марья Михайловна, махая руками и затыкая себѣ уши.

— Вотъ согрѣшилъ, чорта помянулъ; да вы послушайте, те-тушка, вѣдь чортъ происходитъ отъ черты...

— Не слушаю, не слушаю... не повторяйте! продолжала Жилина, не переставая махать руками.

Между тѣмъ Текуса Егоровна распрашивала Аняту, какъ она проводила родныхъ, просила ее не грустить и приглашала ее къ себѣ.

Горничная подавала чай, который Лизавета Матвѣевна разливала въ буфетѣ.

— Лиза! вскричала мать, болтая ложечкою чай въ чашкѣ.

Черная фигура Лизы явилась на зовъ.

— Ты, мой дружекъ, не наливай крѣпкаго чаю: вредно...

Лизавета Матвѣевна молча исчезла.

— Очень вредно, сушить... продолжала старуха. — Вы, Анна Александровна, и вы, Текуса Егоровна, не кушайте крѣпкаго чаю, не совѣтую,—говорятъ, что вредно, проговорила гостья.

— Какой тамъ дуракъ говорить? вскричалъ Бодаевъ.

— Что ты, Семень Васильичъ, развѣ можно такъ?.. вѣдь это тетушка говорить, замѣтила Бодаева.

— Ну, тетушка отъ дурака слышала, — продолжалъ свое Бодаевъ.—Вредно! да развѣ можетъ отъ пищи, аль отъ питья вредъ быть? Вотъ я напримѣръ, стаканчиковъ двадцать-пять чаю волью въ себя за сутки, да другого, прочаго... пивца... винца, пуншика... селяночку съѣмъ въ трактирѣ, да дома пообѣдаю, а тамъ смотришь люди навернутся, графинчикъ за графинчикомъ нечувствительно... потомъ закусишь,—да вотъ такъ каждый бо-жій день... а ничего,—живется, слава Всевышнему...

— Добро-бы добромъ хвасталъ!—воскликнула жена.

— А чтожь тутъ худого? не правдали тетушка?

Но тетушка вмѣсто отвѣта покашляла тихонько и плюнула въ платокъ.

— Ужь вы его извините, тетушка, обратилась Текуса Егоровна къ старухѣ: — ужь мнѣ самой совѣстно, да что съ нимъ дѣлать будешь..

— Да развѣ я, братъ, къ тебѣ пріѣхалъ пустой чай пить? крикнулъ вдругъ Бодаевъ: — неужели романейшы отъ свадьбы не осталось.

Матвѣй Матвѣичъ засуетился, побѣжалъ въ буфетъ и вскорѣ оттуда вынесли стаканъ пунша для гостя.

— А ты? произнесъ Семень Васильевичъ, показывая хозяину на стаканъ.

— Знаешь, что не пью, также коротко отвѣтилъ послѣдній:—кушай-ка самъ.

Гость прихлебнулъ изъ стакана, посмотрѣлъ на него къ свѣту, подулъ на него и поставилъ на столикъ.

— Жена, фуражку! домой марш! крикнулъ онъ, вставая.

— Куда, куда, Богъ съ тобой, братъ Семень Васильичъ? говорилъ Матвѣй Матвѣичъ, удерживая гостя за рукавъ.

— Слышишь, жена, папку! домой! продолжалъ орать гость.

— Ну, и не тронь его, Маткша, пусть идетъ; ишь какой неугомонный, проговорила съ досадою Марья Михайловна.

— Всегда, всегда онъ такой, вездѣ на стыдъ меня наведетъ, гдѣ съ нимъ бываю, говорила плачевно Текуса Егоровна.

— На-ка, попробуй! гаркнулъ женѣ Семень Васильичъ, показывая на стаканъ.

Матвѣй Матвѣичъ понялъ, въ чемъ дѣло, взялъ стаканъ и вынесъ его въ кабинетъ; черезъ минуту поданъ былъ другой, которымъ Бодаевъ остался доволенъ.

— Ну, вотъ это понашенски! воскликнулъ онъ, усаживаясь и причмокивая губами:—а все была штука сестры Лизаветы Матвѣевны. Онъ прищурился и подмигнулъ глазомъ.—Охъ, не любить она меня, пьяницу, крѣпко не любить.

Изъ буфета было слышно, какъ Лизавета Матвѣевна кого-то бранила вслухъ.

— Извиня, братъ, ея дѣло женское, не понимаетъ, проговорилъ примирительно хозяинъ.

— Ужъ только съ тобою не хочу ссориться, а то бы, ей Богу, уѣхалъ! говорилъ Бодаевъ, обнимая и цѣлуя Матвѣя Матвѣича.—Но... но пить до тѣхъ поръ не стану, покуда своей молодой не велишь поцаловать меня.

Матвѣй Матвѣичъ поморщился.

— Цѣлуй свою Текусу Егоровну, сказала Марья Михайловна сердито.

— А когда такъ, то и прощайте! и нога моя здѣсь не будетъ.

— Ну, и съ Богомъ! промолвила тетушка.

— Безстыдникъ! возопила жена:—подумай-ка, кому съ тобой цѣловаться-то захочется? Безобразникъ ты этакой.

Анюта встала и хотѣла уйти отъ любезностей родственника.

— Анна Александровна-съ, исполните желаніе братца, проговорилъ сквозь зубы Матвѣй Матвѣичъ.

— Вотъ это понашенски! оскликувъ Бодаевъ, обнимая Анюту и чмокнувъ ее въ губы, отдавъ своимъ спиртуознымъ дыханьемъ.

— Теперь и пуншикъ выпить пріятно, продолжалъ онъ, и взявъ стаканъ, сталъ тянуть, побрякивая.

Вскорѣ старуха Жилина, извиняся какой-то немощью, прости-

лась съ гостьей и ушла; Анята съ Текусой Егоровной вышли въ залу.

— Вы не повѣрите, милая Анна Александровна, какъ я мучусь съ своимъ мужемъ, воскликнула Бодаева, закатывая подъ лобъ свои узенькіе глазки: — завсегда-то онъ у меня такимъ безобразіемъ занимается.

Анюта изъявила сожаглвіе.

— А въ душѣ добръ, даромъ что такой грубоватый. Лѣнивыи его не опиваетъ, да не объѣдаетъ.

— А съ вами ничего, ласковъ? спросила Анята, чтобъ поддержать разговоръ.

— Какая тутъ ласка, хоть бы не буянилъ. Да я правда не робѣю, пьянаго и слушать не стоитъ, продолжала Текуса Егоровна: — А вы, милочка моя, Анна Александровна, сдѣлайте милость ѣздите къ намъ почаще. Бодаева поцѣловала Анюту.

Семень Васильчъ между тѣмъ выпивалъ пуншикъ за пуншикомъ и до того натянулся, что два дюжихъ Жилипскихъ приказчика едва свели его съ лѣстницы, въ сопровожденіи Текусы Егоровны, которая выликала на мужа цѣлую лужу брани.

VI.

По отъѣздѣ гостей вся семья Жилипныхъ собралась въ столовую, гдѣ накрытъ былъ ужинъ.

— Слушай, Матюша, сказала мать сыну: — чтобъ я болѣе не видала этого грубіяна, Сеньку, въ своемъ домѣ. Онъ, свинья, между хорошими людьми быть не умѣетъ!..

— Да я его и за порогъ бы не пустила, подхватила Лизавета Матвѣевна: — подѣломъ его жена безобразникомъ зоветъ, — настоящій безобразникъ.

— Если бы не моя общія дѣла съ эфгимъ болваномъ, я бъ и къ воротамъ не пустилъ его, но теперь не принимать его нельзя, отвѣтилъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Если такъ, то угощай его гдѣ хочешь, а здѣсь, чтобъ и духу его не было, возразила старуха.

— И Текуса Егоровна тоже—дама, замѣтила язвительно вдова:— право намъ такіе гости не по характеру; мы съ маленькой привыкли жить въ уединеніи.

Жилинъ ничего не отвѣтилъ и молча сѣлъ за столъ. Старуха и дочь отказались отъ ужина, торопясь лечь пораньше, чтобъ завтра ѣхать къ заутренѣ.

Одинокая свѣчка тускло освѣщала столовую; тишину нарушалъ только стукъ ножа или вилки. Матвѣй Матвѣичъ ѣлъ мало и то молча, а сидѣвшей напротивъ Анютѣ казалось, что она одна одиноконька въ какомъ-то волшебномъ замкѣ, какъ тѣ несчастныя героини, о которыхъ она вычитала въ старыхъ романахъ.

— Какъ вы, Анна Александровна, цѣловались съ Семеномъ-то Васильичемъ? спросилъ вдругъ Жилинъ.

Анюта вздрогнула; голосъ мужа разсѣялъ ея мечты. Она подняла голову, Матвѣй Матвѣичъ усмѣхнулся.

— Вы сами приказали, отвѣтила Анюта, вспыхнувъ отъ досады, потому что слова мужа приняла за насмѣшку.

— Конечно, съ дуракомъ нечего было дѣлать, хоть свинья да нужная, не потѣшить нельзя, проговорилъ Жилинъ, несмотря на Анюту:—но впредь надѣюсь, что никого не допущу вастъ цѣловать... И онъ какъ-то странно сверкнулъ своими красноватыми глазками.

На другой день молодой нашъ, послѣ свадебныхъ хлопотъ, вступилъ снова въ колею своей обыденной жизни и всталъ по обыкновенію въ пять часовъ, чтобъ выпить дома чаю и отправиться въ гостинный дворъ. Анюта, привыкшая вставать рано, тоже прибралась было къ чайному столу, но супругъ ей замѣтилъ, что она должна пить чай со свекровью, что старушка очень рада будетъ видѣть ее за своимъ чайнымъ столомъ и огорчится ея отказомъ, приметъ его за своевольство и проч., в Анюта должна была покориться такому распоряженію безусловно, помня наставленія своей матери.

Въ тотъ же день, по распоряженію Лизаветы Матвѣевны, всѣ комнаты въ домѣ Жилиныхъ приведены были въ порядокъ; на мебель надѣты чохлы; серебро уложено на полки; двери плотно притворены. Ясно было видно, что хозяйка не ждетъ болѣе гостей, и домашняя жизнь Жилиныхъ вошла въ свою обыкновенную колею.

Каждый день старуха съ дочерью отставали въ ближней

церкви заутреню и раннюю обѣдню; затѣмъ мать отдыхала, а Лизавета Матвѣевна выдавала кухаркѣ припасы, и считала долгомъ каждое утро побраниться то съ нею, то съ нянькой Ананьевной, которая завѣдывала погребомъ. Потомъ вдова отправлялась муштровать племянницу, сама чесала ей голову, одѣвала и заставляла молиться; все это не обходилось безъ щипковъ, толчковъ и разнаго подергиванья; далѣе начинался урокъ чтенія, и рѣдко онъ не заключался продолжительнымъ стояньемъ на колѣняхъ. Той порой старуха уѣзжала къ поздней обѣднѣ и возвращалась въ 11-ть часовъ; тогда въ ея комнату приносили самоваръ, и Ананьевна, просунувъ въ дверь голову, звала Анюту къ чаю. Проголодавшаяся Анята проворно бѣжала въ комнату свекрови, цѣловала ея руку и раскланывалась съ золовкой. Каждодневно между чайнымъ приборомъ лежали для Аняты два сухарика, или двѣ крошечныя булочки, для Саши одна. Марья Михайловна и Лизавета Матвѣевна никогда не закусывали до обѣда. Не разъ дѣвочка, съѣвши свою гомеопатическую порцію, съ жадностію посматривала на сухари мачихи.

Анята однажды отдала ей свой сухарь. Тетка вырвала его изъ рукъ племянницы и сказала, обратясь къ невѣсткѣ:

— Прошу не беспокоиться... Я не намѣрена кормить ребенка на убой... У меня ей положено одинъ сухарь на завтракъ и довольно.

— Но, Боже мой, вѣдь дѣвочка растетъ, возразила Анята, и спросила у Саши:—Бла ли она чтонибудь?

— Нѣтъ, прошепталъ ребенокъ, робко посматривая на тетку.

— А ужъ половина двѣнадцатаго, продолжала Анята:—поэтому она у васъ постоянно голодна?

— Голодна или нѣтъ, но она у меня никогда не жалуется, отвѣчала тетка.

— Вѣроятно не смѣетъ, замѣтила въ полголоса Анята, смотря съ сожалѣніемъ на падчерицу, которая сжалась въ комокъ и еле дышала.

Лизавета Матвѣевна ничего не сказала болѣе и поджала свои сухія губы; она замѣтно злилась на невѣстку.

Обѣдали Жилины обыкновенно въ часъ за полдень, когда пріѣзжали изъ лавки Матвѣй Матвѣичъ. За обѣдомъ сердобольная маменька безпрестанно предостерегала дѣтей то отъ того, то отъ другого кушанья, предсказывая въ противномъ случаѣ засорѣніе желудка, лихорадку и разныя болѣзни, такъ что было со-

вѣстно ѣсть до сыта, и Анюта не разъ выходила изъ за-стола полуголодная.

Вечеромъ въ семь часовъ пили чай, тоже въ комнатѣ старухи; въ 10 часовъ ужинали. И всѣ дни были похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды.

Прошли двѣ недѣли, а Жилинъ и недумалъ ѣхать въ Кукушкинъ; онъ дожидалъ лодокъ съ товаромъ изъ Петербурга, но лодки не приходили; Анюта скучала и не знала, какъ убить время; къ свекрови ходить часто она не смѣла, потому что однажды Лизавета Матвѣевна ей сказала, что старуха слаба и не всегда любить видѣть у себя кого-нибудь; о себѣ же золовка прямо объявила, что она не любитъ пересыпать изъ пустого въ порожнее, съ кѣмъ бы то ни было. Итакъ Анюта цѣлый день, въ отсутствіе мужа, принуждена была сидѣть одна одинешенька у себя. Ей хотѣлось по крайней мѣрѣ залучить къ себѣ Сашу, но тетка не отпускала дѣвочку; и Анюта однажды обратилась съ просьбою къ Матвѣю Матвѣичу, чтобъ онъ приказалъ приводить къ ней дочь.

— А зачѣмъ, позвольте васъ спросить-съ? отозвался мужъ.

— Такъ, отъ скуки; я стала бы ее чему нибудь учить, отвѣчала Анюта.

— Не безпокойтесь, и безъ васъ выучатъ. Сестра Лизавета Матвѣевна любить Сашу, словно дочь родную.

— Сестрица слишкомъ строго обходится съ дѣвочкой.

— И прекрасно-съ, я, напротивъ, очень благодаренъ сестрѣ, что она дѣвчонкѣ воли не даетъ. Я отъ души люблюсь, какъ у ней Саша по половничкѣ ходитъ, на другую не ступитъ... За-всегда скромная, тихая, словно большая, отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Мы сами были дѣтьми, и намъ хотѣлось порѣзвиться, а теперь Сашѣ и поиграть не дадутъ; вѣдь ей скучно, отвѣчала Анюта.

— Вздоръ изволите говорить-съ! вскричалъ Жилинъ. — Что вамъ за дѣло до того, что до васъ не касается-съ?

Анюта замолчала и въ душѣ пожалѣла о бѣдной спроткѣ.

Въ другой разъ Анюта, чтобы сократить время послѣ вечерняго чаю до ужина, отыскала у себя въ камодѣ какую-то старую книжонку безъ начала и конца, и усѣлась читать. Матвѣй Матвѣичъ, повѣрившій за конторкою дневной барышъ съ расходомъ, оглянулся и, увидѣвъ, что жена читаетъ, спросилъ:

— Что изволите читать, Анна Александровна-съ?

— Право не знаю. Идетъ какая-то исторія о маркизѣ,—вѣроятно романъ, отвѣчала Анята.

Жилинъ всталъ и подсѣлъ къ женѣ.

— Гмъ! крикнулъ онъ значительно: — позвольте вамъ замѣтить-сь, что хорошія женщины романовъ не должны читать-сь!

— Почему же? спросила Анята, поднимъ на мужа свои свѣтлые глаза.

— Потому что тамъ все такое непорядочное описывается, отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ: — любовь незаконная-сь и прочее, какъ жены мужей обманываютъ, или какъ дѣвицы до дурного поведенія доходятъ, по обману отъ любовниковъ-сь... И все это, конечно, молодую женщину или дѣвицу на дурныя мысли, а пожалуй и на дѣла наводитъ.

Анята покраснѣла.

— Я много разныхъ книгъ читала, но онѣ меня никогда на дурныя мысли не наводили.

— Ужь вѣрно тихонько отъ родителей читали-сь? спросилъ Жилинъ, подозрительно смотря на жену.

— Зачѣмъ же тихонько? мнѣ никто не запрещалъ.

— Очень, очень дурно, непростительно!.. [молодую дѣвушку... дочь... допустить до такихъ фанаберій... Ну [что вотъ напримѣръ, хоть и въ этой книжкѣ, что такое написано, посмотримъ-ка?—И Матвѣй Матвѣичъ наудачу раскрылъ книгу и принялся читать.

«Ахъ, несравненный Эдуардъ! вскричала баронесса, бросаясь въ объятія маркиза:—я васъ люблю, обожаю! готова жертвовать для васъ всѣмъ: жизнью... честью!..»

— Тѣфу ты! воскликнулъ Матвѣй Матвѣичъ, поспѣшно закрывая книгу:—развѣ это не соблазнъ? Что вы на это скажете, Анна Александровна-сь?

— Ничего... только назрасно вы думаете, что книжка можетъ испортить того, кого жизнь не испортила.

— Это можно сказать о мужчинѣ; мужчина разсудокъ имѣетъ, обо всемъ можетъ разсудить, какъ слѣдуетъ,—а женщина—что? такое?.. Покуда на вашей сестрѣ узда, такъ еще туда и сюда — побавляется... а узду распустили, ну, и пошла писать по всѣмъ по тремъ-сь...

— Неужели вы о всѣхъ женщинахъ такого понятія? спросила Анята.

— Да, почти... отвѣтилъ сквозь зубы Жилинъ:—женская хитрость и пронырство извѣстны испоконъ-вѣка...

Такое глубокое презрѣніе къ женской личности поразило Анюту, не знавшую *Домостроя*, и видѣвшую въ супружеской жизни своихъ родителей взаимное довѣріе и уваженіе..

— Я удивляюсь вамъ, Матвѣй Матвѣичъ, продолжала она: — вы имѣли жену, теперь имѣете маменьку и сестру, и неужели всѣ...

— Мертвыхъ худомъ вспоминать грѣшно, вѣчная имъ память, перебилъ Жилинъ:—о маменькѣ—тоже закидывать высоко-съ... она и въ молодости была примѣрной женщиной... Сестра тоже водой не замутить, иначе и въ домѣ-бы у меня не жилась, да онѣ конечно и не читали подобной дребедени, а тоже и вамъ не позволю, воля паша-съ. И Матвѣй Матвѣичъ заперъ книгу въ одинъ изъ ящковъ своей конторки.

Легко сѣдять послѣ этого, что общаго было у Анюты съ ея мужемъ. Могла-ли воспримчивая душа молодой женщины удовлетвориться любовью этого человѣка; да поправдѣ сказать, любви и не было, не было даже и дружбы. Жилинъ никогда не говорилъ женѣ *ты*, а между тѣмъ обращался съ нею, какъ съ своей конторкой, постоянно повторяя, что жена *обязана* любить мужа, *обязана*, хотя бы онъ возбуждалъ въ ея сердцѣ глубочайшее отвращеніе.

Анюта помнила, какъ ее учила мать *повиноваться* мужу, и она повиновалась. Но, Боже мой! какъ ей было тяжело въ этой семьѣ черствыхъ самодуровъ и какъ часто она залпалась слезами, склоняя свою голову на одно изголовье съ Матвѣемъ Матвѣичемъ.

«И все подлѣ меня... и всю жизнь такъ будетъ...» думала съ невыразимой грустью молодая женщина, и сердце ея все болѣе и болѣе холодѣло... «И какая скука?!.. Какая скука?!.. Зачѣмъ это я пошла за него?!» продолжала она разсуждать: — «А какъ было весело въ дѣвушкахъ; бывало, соберемся, играемъ, поемъ, а тятенька съ маменькой смѣются на насъ, а здѣсь — и улыбнуться совѣстно; свекровь и золовка смотрятъ ночными совами... Мужъ на каждомъ шагу нравоченія читаетъ, и вѣроятно думаетъ, что я не умнѣе Саши... Какъ тяжело здѣсь жить! А маменька и меня и всѣхъ увѣряетъ, что я очень счастлива... и Вѣрѣ такого-же счастья желаетъ... Нѣтъ, я не желаю его никому... никому...»

Иногда Анюта принуждала себя смотрѣть на все другими глазами, желая примириться съ своимъ настоящимъ положеніемъ, и разсуждала на другой ладъ.

«Что я рошу на Матвѣя Матвѣича? Вѣдь онъ меня не худому учить, да и не всегда же такъ будетъ... поживу, выучусь ему угождать, онъ будетъ ласковѣе: я привыкну его любить...»

Мысль Анюты неслась въ лучшее будущее, но странное дѣло! — тогда настоящая обстановка сглаживалась передъ нею: образъ Матвѣя Матвѣича исчезалъ передъ нею; вставалъ какой-то сказочный міръ, созданный ея воображеніемъ, наполненный неуловимыми, но какъ будто знакомыми образами... и Анюта закрывала глаза и отдавалась вся своимъ неопредѣленнымъ мечтаніямъ.

— Анна Александровна-съ, вы, кажется, дремлете-съ? не разъ замѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ, видя, что жена его сидитъ съ закрытыми глазами; и Анюта вздрагивала отъ этого голоса; опять передъ ней была голая дѣйствительность, вѣявшая на нее холодомъ со всѣхъ сторонъ, и красноватые рысьи глазки того же Матвѣя Матвѣича сухо смотрѣли на нее.

И не одинъ Матвѣй Матвѣичъ муштровалъ свою молодую жену; матушка его въ этомъ отношеніи не уступала сынку. Такъ, она каждое воскресенье или праздникъ приглашала невѣстку съ собою въ церковь, и когда Анюта приходила къ ней совсѣмъ одѣтая, Марья Михайловна замѣчала ей:

— Я бы вамъ совѣтовала, ангелъ мой, Анна Александровна, переменить платье: видите на небѣ сѣро, сырая погода будетъ; подолъ обродите.

И Анюта переменяла платье, и когда опять возвращалась къ свекрови, послѣдняя принималась увѣрять, что дождя не будетъ, что она ошиблась, и опять совѣтовала чтонибудь: либо шляпку переменить, либо бурнусъ надѣть хорошій, приговаривая, что худо ей одѣтой быть стыдно, что всѣ ихъ знаютъ, и проч.; словомъ, Анюта принуждена была по совѣту маменьки-свекрови переменяя иногда башмаки и перчатки; и все это дѣлала капризная старуха не изъ чего другого, какъ только для испытанія характера Анюты.

Анюта бы и свекрови не послушала, и въ церковь не пошла, но ей безпрестанно повторялъ Матвѣй Матвѣичъ:

— Вы во всемъ подражайте маменькѣ, Анна Александровна-съ, мы такъ ужъ воспитаны-съ — ни въ чемъ ей не прекословить.

Въ церкви Анюта, разумѣется, чинно становилась возлѣ свекрови, и при выходѣ здоровалась съ тѣми лицами, съ которыми здоровалась старуха, хотя Анюта не знала ихъ даже и по фамиліи.

Однажды наша молодая выпила за столомъ стаканъ пива, которое ставилось для Матвѣя Матвѣича.

Лизавета Матвѣевна при этомъ Васмѣшливо взглянула на мать, а Марья Михайловна, прокашлявшись, прочтала что-то въ родѣ проповѣди о томъ, какъ должна женщина остерегаться хмѣльных напитковъ; Анюта покраснѣла отъ стыда и досады, а послѣ обѣда выслушала отъ мужа нравоученіе:

— Сдѣлайте милость, Анна Александровна-съ, держите себя поскромнѣе-съ; наша маменька не любитъ ничего *такою-съ*.

— Что же я *такое* сдѣлала? спросила жена.

— Вы должны присматриваться, какъ себя ведутъ маменька и сестрица, и располагать своими поступками такъ, чтобы всѣмъ было пріятно, и мнѣ за васъ нестыдно-съ, проговорилъ Жилинъ, не отвѣчая прямо на вопросъ жены.

Анюта тихонько вздохнула и вспомнила пословицу, что у мужа жена безъ смны виновата.

Но вотъ пришло извѣстіе, что лодки съ товаромъ гдѣ-то зазимовали; дѣло требовало личнаго присутствія Матвѣя Матвѣича, и онъ уѣхалъ, чтобы своими глазами посмотрѣть на выгрузку и отправку товара сухимъ путемъ.

Впродолженіе этого времени, Анюта получила изъ Кукушкина два письма; изъ нихъ она увидѣла, что отецъ заботится о ея здоровьи, а мать и сестры нетерпѣливо ждутъ молодыхъ къ себѣ. Анюта отвѣчала имъ, что пріѣздъ ея къ нимъ теперь отъ нея не зависитъ.

Въ отсутствіе Матвѣя Матвѣича, Текуса Егоровна Бодаева нѣсколько разъ была у Жилиныхъ, не смотря на то, что сама старуха и Лизавета Матвѣевна принимали гостью чрезвычайно холодно. Бодаева говорила Анютѣ, что она ее полюбила, жалѣетъ ее и только для нея одной и ѣздитъ; иногда она просиживала по нѣскольку часовъ въ комнатѣ Анюты, и не показываясь вовсе внизъ, уѣзжала домой.

Послѣ такого посѣщенія, Лизавета Матвѣевна обыкновенно говорила, что Бодаихъ и дѣлать болѣе нечего, какъ рыскать изъ дома въ домъ; а Марья Михайловна читала наставленіе, что вѣтреныхъ женщинъ должно остерегаться, и поддерживать съ ними знакомство опасно. Анюта слушала и молчала и, не видя ничего опаснаго въ знакомствѣ съ Текусой Егоровной, продолжала принимать ее ласково, и все болѣе и болѣе привязывалась къ ней, видя въ Бодаевой единственное существо, съ которымъ можно подѣлиться своимъ горемъ. Текуса Егоровна повѣряла

откровенно Аняутѣ свои маленькіе секреты, свои частыя непріятности съ пьянымъ мужемъ. Аняутѣ же и повѣрять было нечего; Бодасва знала ея жизнь, какъ свои пять пальцевъ, потому что давно знала Жилиныхъ.

Аняута была у Бодасвыхъ только разъ, и то ей стоило большого труда отпроситься у свекрови; Марья Михайловна, отпустивъ ее, не болѣе какъ черезъ часъ прислала за ней лошадь, такъ что молодыя женщины и наговориться вдоволь не успѣли.

— Боже мой! возопила хозяйка:—да на что это похоже, и чаюто путемъ мы напиться не успѣли... Экъ ее тамъ, старую вѣдьму, черти мучать: сейчасъ и прислала... Послушайте меня, моя душечка, Анна Александровна, продолжала Бодасва, провожая гостью: — такъ нельзя жить, ейбогу нельзя, надобно имъ сначала крылья ошпыбить, а то они садутъ, да и поѣдутъ... вѣдь я знаю ихъ, охъ, знаю... точно такъ они и надъ покойницей, Авдотьей Степановной (имя первой жены Жилина), куражились... Они, я думаю, и меня ругаютъ, что я у нихъ бываю... это не люди... а черти, моя душечка...

Но какъ ни вопіяла Текуса Егоровна, Аняута все-таки принуждена была воротиться домой.

Но вотъ пріѣхалъ Матвѣй Матвѣичъ. Неопредѣленное, тяжелое чувство еще болѣе сдавило ея сердце, и Матвѣй Матвѣичъ на первый же разъ замѣтилъ женѣ, зачѣмъ она зачесала кверху волосы по примѣру Текусы Егоровны, и что подражать такой модѣ скромная женщина не должна.

Товаръ пришелъ, и Жилинъ объявилъ женѣ, что теперь можно будетъ и въ Кукушкинъ съѣздить. Какою радостью забилося сердце Аняуты! На лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ ея было замѣтно живѣйшее нетерпѣніе; она проворно пересматривала и укладывала въ чемоданъ свой гардеробъ, стараясь не забыть ни одной бездѣлушки; крахмалила и гладила воротнички и рукава, воображая подольше погостить у родныхъ.

На другой день утромъ молодые были уже въ дорогѣ

Со дня ихъ свадьбы прошло полтора мѣсяца; давно наступилъ филипповъ постъ. Лапыны съ нетерпѣніемъ ждали новобрачныхъ, и не могли дождаться, особенно печалилась Пелагея Андреевна, желавшая созвать всю родню и устроить пиръ на славу; она давно и платья новыя для себя и дочерей отдала пипть портнихѣ, и родню всю пригласила заранѣе, но молодые не ѣхали, какъ нарочно.

Напрасно Татьяна Ивановна, гадая на картахъ, увѣрляла хозяй-

ку, что тrefовый король и червонная дама въ дорогѣ и если не сегодня, такъ завтра непременно будутъ; но король и дама не прѣзжали.

Кромѣ этого, у Пелагеи Андреевны еще была забота. Она заиѣчала, что Александръ Петровичъ ходитъ, насупившись, и пришеывая это болѣзани, совѣтовала ему натереться медомъ съ солью, пропотѣть въ банѣ, или выпить рѣдечнаго соку.

— Какъ рукою снять, помани мое слово, твердила она. Но на всѣ эти медицинскіе совѣты Лапинъ не сдавался.

И въ самомъ дѣлѣ, Александръ Петровичъ не былъ боленъ; но онъ крѣпко грустилъ о судьбѣ Анюты. Сцена съ векселемъ не выходила у него изъ головы и, размышляя о зятѣ, онъ додумывался до самыхъ мрачныхъ предположеній.

— Погубилъ я дочь, говорилъ онъ про себя, грустно покачивая головой.

— Неужели правда, тетюшка, Ульяна Спиридоновна?.. спрашивалъ Лапинъ. Но своихъ грустныхъ думъ и предположеній не повѣрялъ женѣ. — Зачѣмъ ее баламутить? вѣдь ужъ дѣла не передѣлаешь теперь, вѣрно такъ Аннашкина судьба, разсуждалъ онъ.

И вотъ наконецъ въ одинъ вечеръ, когда вся семья Лапиныхъ и гостившая у нихъ Татьяна Ивановна сидѣли въ столовой за чаемъ, къ нимъ надворъ влѣхалъ тяжелый тарантасъ. Хозяева вскочили съ мѣстъ, пороняли второпяхъ свои стулья и бросились въ переднюю встрѣчать дорогихъ гостей.

И черезъ минуту плачущая отъ радости Анюта уже переходила изъ объятій въ объятія, а Матвѣй Матвѣичъ со всѣми цѣремонно здоровался; обрадованныя сестры спѣшили освободить Анюту отъ шубы и капота, и наперерывъ осыпали ее горячими поцѣлуями.

VII.

— Что это, Аннашка? воскликнула Пелагея Андреевна, взглянувъ въ лицо дочери:— что съ тобой сдѣлалось? Отчего ты такъ похудѣла и поблѣднѣла,—здорова ли? И же давъ Анютѣ открытъ

рта, сама отвѣчала на свои вопросы:—ты все объ насъ-то то-скуешь, Аннушка?

Анюта грустно вздохнула, и въ самомъ дѣлѣ она очень поху-дѣла и поблѣднѣла въ эти полтора мѣсяца, словно провела ихъ въ больницѣ.

Пелагея Андреевна поспѣшно усадила гостей за чай; сестры усѣлись вокругъ Анюты и щебетали, какъ птицы, а Матвѣй Матвѣичъ рассказывалъ тестю о своихъ зазимовавшихъ люд-кахъ.

— Что, не правду ли я вамъ говорила, что дорогіе гости без-премѣнно сегодня будутъ? обратилась къ хозяйкѣ Татьяна Ива-новна. — Вѣдь какъ не кидая въ карты, все выходитъ, что во-кругъ короля и дамы шестерки ложатся, вотъ точно выговари-ваютъ, что король съ дамою въ дорогѣ.

— Вотъ поди ты, а вѣдь другіе картамъ совсѣмъ невѣрятъ... Впрочемъ сегодняшнюю ночь, Танюшка, и мнѣ такіа чудеса при-видѣлись... воскликнула Пелагея Андреевна: — прилетѣли будто къ намъ два голубя на дворъ — одинъ сизый, другой бѣлый.

— А вотъ они голуби-то, перебила Татьяна Ивановна, показы-вая на молодыхъ.

— Ну, мы съ Аграфеной и поймали ихъ, продолжала Лапина:— и заперли въ курятникъ... вотъ хочу я голубей покормить, зах-ватила полныя пригоршни жита.

— Жито, моя матушка, видится къ большому богатству, за-мѣтила опять Татьяна Ивановна.

— Ну вотъ, моя милая, хочу я голубей кормить, гляжу: а си-зый голубь — не голубь, а очутилась ворона, какъ есть ворона; взяла меня сильная досада, что я, не догляда, вмѣсто голубя во-рону поймала,—такъ съ тѣмъ и проснулась... И что все это пред-вѣщаетъ? Пелагея Андреевна вопросительно смотрѣла на Татья-ну Ивановну. Но послѣдняя, подъ видомъ сизаго голубя подра-зумѣвшая Матвѣя Матвѣича, теперь пристально смотрѣла на не-го: не бороньи ли на немъ въ самомъ дѣлѣ перья вмѣсто сюр-тука?

— Мудренъ вашъ сонъ, Пелагея Андреевна, произнесла она наконецъ въ раздумьи: — но пословица говоритъ: куда ночь, туда и сонъ, малó ли что пригрѣзится. Татьяна Ивановна видѣла въ этомъ сновидѣніи что-то недоброе, но не хотѣла смущать хозяй-ки своимъ предсказаніемъ.

— Я тоже думаю, что всѣ эти грезы навожденіе лукаваго... Я

вчера, не перекрестя лобъ, и спать-то улеглась, заключила Пелагея Андреевна.

Затѣмъ мать послала Вѣру на кухню хлопотать объ ужинѣ, для дорогихъ гостей; съ Вѣрою вышла и Анюта, но онѣ вмѣсто кухни отправились навверхъ; младшія сестры остались въ столовой.

Войдя въ мезонинъ, Анюта и Вѣра снова обнялись и усѣлись на кровать.

— Слава Богу! наконецъ-то тебя вижу! заговорила Вѣра.—Ну, рассказывай скорѣе о своемъ привольскомъ житьѣ-бытьѣ; привыкаешь ли тамъ? Каковы мужъ и свекровь?

— Погоди, Вѣра, погоди! дай опомниться, оглядѣться: я здѣсь какъ будто сто лѣтъ не бывала, какъ здѣсь хорошо... все какъ было... Ахъ, вотъ такъ бы я и умерла сію минуту. И Анюта, окинувъ комнату грустнымъ взоромъ, заплакала.

— Что это, Анюта, такъ рано умирать собираешься, да развѣ жизнь нехороша?

Анюта молча покачала головой.

— Неужели твой Матвѣй Матвѣичъ тебя обижаетъ? Да онъ долженъ только смотрѣть на тебя, на рукахъ тебя носить.

— Долженъ въ шкафъ посадить... какъ говорить Бодаевъ, перебила съ грустною улыбкою молодая: — ну, я и сижу... хоть не въ шкафѣ, а въ комнатѣ, шагу безъ позволенія не смѣю сдѣлать... Не могу выпить лишней чашки чаю, съѣсть лишній кусокъ, потому что смотрять мнѣ въ глаза, что я много ѣмъ.

— Что ты говоришь? вскричала изумленная Вѣра:—да кто жъ надъ тобою такъ куражится?

— Старшіе, прошептала Анюта.

— Кто жъ старшіе: мужъ или свекровь? говори.

— Я тебѣ, Вѣрочка, все бы рассказала, но я боюсь, ты скажешь маменькѣ?

— Такъ какъ же, Анюта, неужели ты будешь, Богъ знаетъ, что терпѣть и молчать?

— А развѣ мнѣ легче будетъ, если тятенька и маменька узнаютъ, что мнѣ выпаю на долю такое невеселое житье? Они только тосковать будутъ, пожалуй поссорятся съ моимъ мужемъ, а ужъ дѣла не передѣлаютъ: меня съ Матвѣемъ Матвѣичемъ не развѣвчатъ... Въ словахъ молодой женщины слышалась горькая безнадежность. Вѣра смотрѣла на нее глазами полными слезъ, и потомъ сказала:

— Хорошо, когда ты не хочешь, я никому ничего не скажу, но только, Анюта, рассказывай все, все безъ утайки.

И Анюта рассказала все безъ утайки, какъ на каждомъ шагу язвить ее Матвѣй Матвѣичъ, подъ видомъ правоученій, какъ шпигуеть ее свекровь своими совѣтами, какъ колетъ насмѣшками заловка... рассказала и о своей зарождающейся ненависти къ мужу, о своей невыразимой тоскѣ.

Слушая сестру, Вѣра краснѣла отъ негодованія, грудь ея волновалась, глаза сверкали.

— Ахъ, они шельмы! Анафемы этакіе! воскликнула она наконецъ.—И все подъ политикою... И эго Матвѣй-то Матвѣичъ изволятъ такъ съ тобой обращаться? Да что онъ такое противъ тебя? Вѣдь онъ вотъ что... Вѣра хотѣла поклонуть, но удержалась.—И ты еще хочешь, чтобъ наши ничего не знали?

— Хочу и прошу тебя о томъ, отвѣчала твердо Анюта.

Вѣра пожала плечами.

— Мнѣ кажется, ты имъ надъ собою много воли дала?.. вотъ что, сказала она, помолчавъ.

— Текуса Егоровна то же мнѣ говоритъ.

— Значить правда. Ну что бы напрямѣръ къ Жилинымъ на мѣсто тебя я попала?

— А что бъ ты сдѣлала?

— Что сдѣлала? умничать бы надъ собою не позволила.. Мнѣ бы сказали слово, а я десять; мнѣ пять, а я двадцать... и до тѣхъ поръ бы лаялась, покуда было бы по моему сдѣлано.

Анюта немного засмѣялась.

— Ну, а если бы тебя усмирили другимъ манеромъ?

— Какимъ другимъ манеромъ? руку бы что ли на меня кто поднялъ?! вскричала Вѣра.—Да я тогда такому Матвѣю Матвѣичу не только глаза бы выцарапала, но и носъ бы скусила?

— Какъ! ты бы Матвѣю Матвѣичу носъ скусила? Охъ, ты негодница! Да что ты съума что ли сошла, что такія рѣчи говоришь, а? вскричала вдругъ появившаяся въ дверяхъ Пелагея Андреевна.

Вѣра опешила, испугалась и Анюта.

— Позволь-ка спросить, за что ты хочешь скусить носъ Матвѣю Матвѣичу? вопіяла грозно мать, подступая къ дочери и занося свою дебѣлую десницу надъ ея головой.

— Успокойтесь, маменька, успокойтесь... Вѣра шутила, проговорила, оправаясь, Анюта, и стала между матерью и сестрою.

— Шутила она, я ей дамъ шутки! дѣло она свое, свинья этакая, забыла... Вижу, Матвѣй Матвѣичъ зѣваетъ, думаю: время и успокоиться съ дороги; я на кухню, воображаю, что ужинъ уже

готовъ, и что же? не только нѣтъ Вѣры тамъ, нѣтъ и огня подъ плитою... какова?

— Еще и десяти часовъ нѣтъ, успѣемъ выспаться, отозвалась Вѣра, пятясь къ дверямъ.

— Дура ты этакая! Развѣ я о себѣ хлопочу? Матвѣю Матвѣичу время успокоиться.

— Ужь вы для Матвѣя Матвѣича готовы весь дощъ вверхъ дномъ поставить... да стоитъ ли онъ того? И Вѣра ушла, хлопнувъ дверью.

— Вотъ какая грубянка! воскликнула Пелагея Андреевна, разведя руками.

Но Анюта всѣми силами старалась успокоить разсерженную мать, и когда онѣ сошли внизъ, между тестемъ и зятемъ вяло тянулся разговоръ о купеческихъ выборахъ; сколько ни старался Александръ Петровичъ казаться веселымъ и обрадованнымъ прїѣздомъ гостей, но все напрасно. Его радушіе исчезло, а притворяться онъ не умѣлъ, а потому разговоръ и прерывался длинными паузами. Матвѣй Матвѣичъ украдкою зѣвалъ, прикрывая ротъ рукою.

Между тѣмъ подъ распоряженіемъ проворной Вѣры кухня ходила ходенемъ. Большой лецъ жарился на плитѣ, обливаясь собственнымъ жиромъ; стерляжья уха благоухала на всю кухню, сдобное тѣсто для сладкихъ пирожковъ пыхтѣло подъ бѣлой рукою молодой хозяйки. И кухарка, и горничная, и младшія сестры не сидѣли у Вѣры сложа руки. И менѣе чѣмъ черезъ полтора часа, ужинъ былъ поданъ на столъ.

— Ну вотъ, Матвѣй Матвѣичъ, теперь мы васъ дождались, сказала между прочимъ Лапина, разговаривая съ зятемъ:—и въ воскресенье зададимъ пиръ на весь міръ, музыкантовъ позовемъ.

— Ивана Иваныча со скрипкой, перебила Татьяна Ивановна:—помните, Александръ Петровичъ, обратилась она къ хозяину:—помните?.. а я безъ смѣху вспомнить не могу... охъ!.. согрѣшили грѣшныя... Она засмѣялась и закрылась платкомъ.

— Какъ не помнить, отвѣчалъ, улыбаясь, Лапинъ:—пожалуй и Ивана Иваныча, только съ уговоромъ, Татьяна Ивановна: тебѣ проплясать со мною.

Татьяна Ивановна махнула рукою.

— Ужь грянемъ, Танюшка, стариною—такъ и быты! Нарядости и я не отстану, осуждать не кому, приволжскихъ гостей нѣтъ, всѣ

свои будутъ, а Матвѣй Матвѣичъ, надѣюсь, насъ не осудить, правда? обратилась она къ зятю.

— Желаю вамъ счастливо веселиться-сь! отвѣчалъ Жилинъ, стараясь улыбнуться:—но намъ вашего веселья не видать-сь...

Всѣ въ недоумѣніи взглянули на него.

— Отчего-же? спросилъ тестъ.

— Оттого что мы послѣ-завтра должны проститься съ вами-сь.

Анюта поблѣднѣла, Пелагея Андреевна разинула ротъ отъ удивленія, Вѣра безпокойно повернулась на стулѣ.

— Вотъ пустяки! Да мы васъ и послѣ воскресенья скоро не отпустимъ, молвилъ Лапинъ.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ-сь; но мнѣ нельзя долго оставаться здѣсь, я и дома такъ распорядился.

Теща пристально посмотрѣла на зятя, и потомъ засмѣялась.

— Охъ вы, шутникъ, Матвѣй Матвѣичъ! а я и не догадываюсь, что вы Аннушку только пугаете; посмотрите-ка, какъ она, бѣдная, поблѣднѣла... Вѣдь и она чай не на однѣ сутки къ намъ ѣхала?

— Разумѣется... сказала сквозь слезы Аннушка.

— Напрасно вы мои слова принимаете за шутку-сь: я вамъ сказалъ истинную правду-сь, проговорилъ Жилинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнула уже не совсѣмъ весело Пелагея Андреевна:—что же вы такое съ нами-то дѣлаете, Матвѣй Матвѣичъ? Ждали мы молодыхъ полтора мѣсяца... пріѣхали молодые, и вдругъ поскакали назадъ, словно выгнанные... Что послѣ этого люди-то скажутъ? Вѣдь я, мой батюшка, заранѣе всю родню пригласила на ужинъ.

— Мы ѣхали, маменька, съвами-сь, съ родителями повидаться-сь, а прочая ваша родня мнѣ и на умъ не попала-сь, отвѣтилъ съ усмѣшкою Матвѣй Матвѣичъ.

— Однако вы насъ, а не кого другого обидите своимъ безвременнымъ отъѣздомъ, и Аннушку огорчите, а она вонъ уже и плачетъ.

Анюта и въ правду сидѣла съ глазами полными слезъ.

— Чтожь дѣлать? такія обстоятельства-сь, что я не могу здѣсь долго пробыть. Во-первыхъ, мой главный прикащикъ записъ-сь, заговорилъ Жилинъ.

— И, я думаю, не въ первый разъ, подхватилъ нетерпѣливо тестъ.

— Во-вторыхъ-сь...

— Во-вторыхъ, уже и резона никакого нѣтъ, перебилъ снова Александръ Петровичъ, котораго разбирала сильная злость. — А просто, Матвѣй Матвѣичъ, не хотите вы нашей просьбы уважить изъ одного каприза, больше ничего.

— Тятенька-съ, вы меня жестоко обижаете-съ... отозвался обидчиво зять.

— Чѣмъ же обижаться, Матвѣй Матвѣичъ? я говорю правду, подтвердилъ Лапинъ рѣшительно.

— Именно, именно правду! Вы, Матвѣй Матвѣичъ, самый капризный и самый несносный человекъ!.. вскричала Вѣра, которую такъ и подмывало сказать зятю чтонибудь обидное.

— Вѣра! молвилъ строго отецъ, останавливая дочь.

— А!.. вонъ какъ-съ! Вѣра Александровна, я капризный и несносный!.. такъ-съ! Не Анна-ли Александровна вамъ наказывалась на меня? проговорилъ сквозь зубы Жилинъ, не совсѣмъ пріятно взглянувъ на жену.

Вѣра хотѣла было отвѣчать, но сидѣвшая возлѣ нея мать такъ ее ущипнула за локоть, что бѣдная дѣвушка чуть не вскрикнула, и принуждена была замолчать, видя, что зять сердится не на шутку. Пелагея Андреевна струсила и заговорила болѣе мягкимъ голосомъ.

— Рано еще вамъ съ Аннушкой жаловаться другъ на друга, Матвѣй Матвѣичъ; давно ли еще сочетались бракомъ?.. И обратясь къ Вѣрѣ, прибавила, грозя ей пальцемъ:— а ты у меня смотри, я тебя заставлю языкъ прикусить!

Нѣсколько минутъ всѣ молчали.

Вдругъ лицо Пелагеи Андреевны озарилось какою-то счастливою мыслью; она на всѣхъ взглянула весело и сказала:

— А что, если мы сдѣлаемъ вечеръ въ четвергъ? Ужъ конечно, четвергъ вы у насъ пробыть можете, Матвѣй Матвѣичъ?

— Только изъ уваженія къ вамъ, маменька, потому вижу ваше расположеніе-съ, отвѣчалъ Матвѣй Матвѣичъ.

— Вотъ и прекрасно. Что ты на это скажешь, Александръ Петровичъ? обратилась Лапина къ мужу.

— Когда хочешь, для меня все равно, отвѣчалъ Александръ Петровичъ, вставая изъ-за стола.

— Встрепенулась душа Пелагеи Андреевны; она тутъ же отрядила назавтра чѣмъ-свѣтъ Татьяну Ивановну за поваромъ, прикащика за припасами, другого за музыкантами, и сама до глубокой ночи просидѣла въ кладовой, осматривая, все ли въ порядкѣ находится. А Анюта и Вѣра долго сидѣли въ столовой,

и не могли наговориться, готовясь опять скоро къ продолжительной разлукѣ.

А между тѣмъ гостинная мгновенно превратилась въ спальню для молодыхъ.

Послѣ долгихъ хлопотъ и бѣганья, Пелагея Андреевна пришла наконецъ въ спальню; Александръ Петровичъ еще не спалъ.

— Слава Богу! насилу все устроила, насилу зата уломала, проговорила усталая хозяйка.

— Шельма онъ, бестія, подлець, вотъ что! произнесъ Лапинъ, поворачиваясь на другой бокъ.

— Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ему нельзя у насъ долго быть; почему мы знаемъ его дѣла? возразила жена.

— Вретъ онъ! Видить, что ухаживаютъ за нимъ, ну вотъ и ломается... Правду говорила тетка Ульяна Спиридоновна! И Лапинъ, повернувшись еще разъ, захрапѣлъ.

Въ четвергъ вечеромъ въ домѣ Лапиныхъ ярко горѣли огни, полонъ домъ былъ гостей. Богатая кукушкинскія кучихи пытѣли подѣ брилантами, а бѣдная родня пестрѣла яркими нарядами. Красиво возвышались на столахъ вазы съ печеньемъ и свѣжими плодами, убранныя цвѣтными бумажками. Но Пелагея Андреевна все-таки не была довольна вполне; во-первыхъ единственный хоръ музыкантовъ, игравшій въ Кукушкинѣ въ торжественныхъ случаяхъ, и принадлежавшій одному помѣщику, по случаю барскихъ именинъ не могъ играть у Лапиныхъ; во-вторыхъ, поваръ съ самого ранняго утра былъ пьянъ и перенортилъ много кушанья; въ-третьихъ новыя платья для дѣвицъ Лапиныхъ совсѣмъ не успѣли.

Досадовала она и на мужа, что онъ и при гостяхъ былъ невеселъ; сильно Пелагею Андреевну раздражали и нескромныя распри родственниковъ.

— Отчего это Анна Александровна такъ похудѣли? судили онѣ на разные лады.—Какое ей житье въ новой семьѣ, любить ли ее свекровь, ласковъ ли до нее муженекъ? и проч... На всѣ эти вопросы Лапина отвѣчала разумѣется—благопріятно, а между тѣмъ сама, своими ушами слышала сужденія догадливыхъ язычковыхъ, сужденія совсѣмъ неместныя для нея.

— Жаль, жаль Анны Александровны, говорила Марья Ивановна Марьѣ Степановнѣ:—и на что родители польстились? Посмотри, мать моя, пара ли онъ ей? Вѣдь онъ какая-то паршивая кошка противъ нея, будетъ ли она его любить?

Особенно Ульяна Спиридоновна Горюхина значительно пока-

чивала головою и, поймавъ Александра Петровича за рукавъ, усадила возлѣ себя, и принялась распрашивать.

— Ну что, мой голубчикъ, довольны ли вы своимъ зятюш-комъ?

— Откровенно вамъ, тетушка, сказать: кажется, маленько ошиблись, отвѣчалъ Лапинъ.

Узенькіе глазки тетушки раскрылись и забѣгали.

— Что ты, родной, сказалъ, что такое?

Александръ Петровичъ оглядѣлся, и видя, что близко никого нѣтъ, продолжалъ:

— Я, тетушка, насчетъ своего зятя: кажется, не бобра убили.

— А! что, видно, мои слова были справедливы! Вѣдь я вамъ всегда добра желала!.. воскликнула старуха.

— Ужъ вѣрно, тетушка, такая аннушкина судьба! разсудилъ отецъ и развелъ руками.

— Да, судьба!.. тетушка сомнительно покачала головою. — А чѣмъ зять-то дурень оказался?

— Дурень, недурень, а какъ кажется, очень *ндравень*, покуражиться любить...

— Этакой супостать! воскликнула громко Ульяна Спиридоновна:—да надъ кѣмъ ему куражиться-то, надъ женою-то, надъ этакую-то красавицей? Ахъ, онъ свинья!.. Впрочемъ онъ и надъ первой-то ломался...

Подошедшій гость прервалъ разговоръ и хозяинъ отошелъ прочь.

— Жаль мнѣ васъ, Палашенька, видитъ Богъ жаль!.. говорила черезъ минуту Горюхина хозяйкѣ.

— А что такое, тетушка? спросила въ недоумѣніи послѣдняя.

— Слышь, зять-то не по вамъ понагъ, кураживъ... отвѣчала старуха, понизивъ голосъ.

— Кто это вамъ сказалъ такой вздоръ?

— Кто сказалъ? сейчасъ самъ Александръ Петровичъ говорилъ.

— Охота Александру Петровичу пустяки говорить, возразила Лапина, стараясь казаться веселой:—ишь, ему зять не нравится, что неразговорчивъ, серьезень, словно старикъ... такъ вѣдь ужъ стало быть такой *характеръ* имѣть, не переродиться стать... И чтобы не распространяться болѣе, Пелагея Андреевна ушла.

— Ишь, какая скрытная нонче стала, прошептала тетушка, смотря хозяйкѣ въ слѣдъ:—да не надуешь меня, полно...

Пиръ кончился, гости сытые и пьяные разѣхались и разошлись по домамъ, а на другой день по всему городу словно въ трубу трубили, что не посчастливилось Аннѣ Александровнѣ: мужъ попался злой и капризный; скоро ее въ чахотку вгонять; и что Александръ Петровичъ и Пелагея Андреевна горюють, что не на радость отвезли дочку на чужую сторону, и проч.

Но какъ бы то ни было, у Пелагеи Андреевны словно гора съ плечъ свалилась. Желаніе ея исполнилось: она напоила и накормила свою родню, и уже не опасалась никакихъ толковъ и пересудовъ съ ихней стороны, никакъ не предполагая, что уже почтенная роденька давно судила и рядила объ ихъ семействѣ, съ разными предположеніями и рѣшеніями, не совсѣмъ выгодными для Матвѣя Матвѣича.

— Анюта, теперь твой мужъ пусть ѣдетъ домой, когда хочеть, а ты останься у насъ погостить, сказала Вѣра сестрѣ, когда гости разѣхались.

— Ахъ, Вѣра, какъ бы я рада; но предчувствую, что онъ меня не оставитъ, отвѣчала Анюта.

— Авось оставитъ; сперва ты его попроси, а потомъ тятенька и маменька попросятъ: недѣльки на двѣ отпустить.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, Анюта приступила къ нему съ просьбой—оставить ее у отца.

— Не о родительскомъ, а о мужниномъ домѣ должны вы, сударыня, думать-съ... началъ Матвѣй Матвѣичъ нравоучительно.

— Нечего вамъ съ Вѣрой Александровной шуры-муры разводить, да на мужа жаловаться-съ; сколько не жалуйтесь, а все отъ меня недалеко уйдете-съ...

— Развѣ вы слышали, что я на васъ жалуюсь?

— Знаемъ-съ, понимаемъ-съ мы васъ: всѣ жены на одну статью. А ужъ и сестрица ваша золото-съ, нечего сказать, кому-то это золото попадетъ. А вамъ я совѣтую завтра пораньше проснуться—и укладывать вещи-съ.

— Какъ же это? воскликнула Анюта:—а я хотѣла еще сдѣлать нѣсколько визитовъ завтрашній день.

— Предоставьте-съ это вашей маменькѣ и сестрицѣ-съ, а намъ съ вашею роднею не дѣтей крестить-съ, заключилъ Жилинь.

Анюта болѣе не настаивала.—«Вѣдь я знаю, что не оставитъ», подумала она, вздохнувъ. Еще одно изъ ея желаній не исполнилось.

И по утру она сказала Вѣрѣ о своей неудачѣ. Какъ ни была Вѣра сердита на зятя, но за чаемъ первая заговорила съ ними.

— Отъ чего же вы, Матвѣй Матвѣичъ, не хотите оставить у насъ Анюту хоть недѣли на двѣ?

— А! ужъ Анна Александровна успѣла передать вамъ-съ, вѣроятно по секрету? и Жилинъ сверкнулъ на Анюту своими рысьими глазами.

— Какъ же не сказать послѣ этого, продолжала дѣвушка горячо:—что вы такъ поступаете, только изъ каприза, изъ желанія показать свою волю...

Строгий взглядъ отца заставилъ Вѣру замолчать.

— Въ самомъ дѣлѣ, оставьте Анюту, а опослѣ вы за нею приѣдете? обратился тесть къ зятю.

— Помилуйте-съ, давно ли мы бракомъ сочтались... и къ тому лишніе развѣзды-съ, отвѣчалъ послѣдній.

— Если вы хлопчете о лишнихъ тратахъ, перебилъ Лапинъ, стараясь скрыть улыбку сожалѣнія: — такъ не безпокойтесь, я васъ въ изъѣзъ не введу, я самъ привезу дочь.

— Эхе, хе, хе! Александръ Петровичъ, проговорила Пелагея Андреевна:—не стыдно и не грѣхъ тебѣ такія рѣчи говорить? Ну подумай-ка хорошенько, развѣ можно молодыхъ людей разлучать?.. Они должны теперь свыкаться, сидѣть другъ возлѣ друга... Нѣтъ, батюшка, я этого грѣха на свою душу не беру, и дочь свою безъ зятя гостить не унимаю.

— Вы гоните меня отъ себя, маменька? сказала доселѣ молчавшая Анюта.—Богъ съ вами... Я думала здѣсь хоть скольконибудь повеселѣе время провести... Въ Привольскѣ такъ скучно, такъ скучно...

— Вонъ какъ-съ! Анна Александровна! перебилъ мужъ, неприязненно взглянувъ на Анюту.

— Вздоръ, сударыня, съ мужемъ нигдѣ нескучно! Я потачки давать не люблю, коли за мужъ вышла, отца съ матерью оставила, такъ и помни это завсегда, что теперь должна уже мужнину волю исполнять...

— Я вамъ очень благодаренъ, маменька-съ, вы обо всемъ обстоятельно изволите разсуждать-съ, молвилъ Матвѣй Матвѣичъ, очень довольный заключеніемъ тещи.

У Анюты навертывались слезы, Вѣра съ досады кусала ногти почти до крови; и онѣ обѣ скоро ушли наверхъ. По просьбѣ Пелагеи Андреевны Жилинъ остался обѣдать, и все утро былъ особенно учтивъ съ тестемъ. Въ самомъ голосѣ Матвѣя Матвѣича

слышалась почтительная мягкость. Не видя никого въ комнатѣ, кромѣ тестя, Жилинъ наконецъ заговорилъ.

— Вы, тятенька, надѣюсь, не замедлите насъ въ Привольскѣ посѣтить-съ?

— Навѣрное сказать не могу; не знаю, когда Богъ приведетъ у васъ быть... отвѣчалъ послѣдній.

— Сдѣлайте милость, поскорѣй навѣстите, обрадуйте насъ...

— Надо быть пріѣду, только раньше масляницы меня не ждите.

— Что вы-съ? такъ долго-съ? воскликнулъ зять: — мнѣ бы желательно, еслибъ вы до новаго года насъ посѣтили съ... и ... то... и Матвѣй Матвѣичъ остановился какъ будто на пол-словѣ.

Лапинъ этого не замѣтилъ.

Жилинъ прокашлялся, всталъ со стула, сорвалъ цвѣтокъ жасмина, растущаго на окнѣ, помялъ, понюхалъ и опять сѣлъ. Словомъ, во всѣхъ движеніяхъ Матвѣя Матвѣича высказывалось какое-то желаніе и вмѣстѣ нерѣшительность.

— Намъ, тятенька, до новаго года слѣдовало-бы покон..... чить... пропнесь наконецъ онъ не безъусилія.

— Что такое? спросилъ хозяинъ.

— Я докладываю насчетъ капитала Анны Александровны-съ, продолжалъ зять.

— Я вамъ сказалъ, что до ростовской ярмарки денегъ отдать Аннушкѣ не могу, въ чемъ и вексель даль... проговорилъ раздражительно Александръ Петровичъ.

— Но... но тятенька-съ, ей-ей мнѣ къ новому году деньги очень нужны-съ...

— Аннушка и процентъ получить, продолжалъ Лапинъ, не слушая зятя.

Жилинъ закусилъ губу.

Послѣ обѣда все было готово къ отъѣзду молодыхъ. Прощаясь съ сестрою, Вѣра обѣщала скоро увидѣть ее въ Привольскѣ; Анюта не могла обѣщать скоро быть въ Кукушкинѣ, и только плакала, за что ее бранила Целагея Андреевна, хотя и сама, то и знай, утирала глаза.

Возвратилась Анюта въ Привольскъ, и опять потянулась для нее скучная, однообразная жизнь, исполненная ежедневныхъ неприяностей. Жилинъ дулся на тестя за отказъ въ деньгахъ, и свою досаду вымѣщалъ, какъ могъ, на женѣ.

VIII.

Однажды Жилинъ спросилъ у Аниюты, которая сидѣла за работой:

— А что это-съ, Анна Александровна, изволите вы подѣлывать-съ?

— Вышиваю подушку на диванъ, отвѣчала Аниута.

— Вздоромъ, сударыня, изволите заниматься-съ, лучше шили бы себѣ бѣлье... А того голландскаго бѣлья, которое въ сундукъ, не извольте трогать: оно принадлежитъ Сашѣ—послѣ ея матери-съ.

Не безпокойтесь, я въ вашемъ бѣльѣ не имѣю надобности. Маменька моя озаботилась обшить меня бѣльемъ вдоволь.

Глазки Матвѣя Матвѣича сверкнули.

— Похвальное дѣло-съ, что ваша маменька озаботилась, насчетъ бѣлья, сказалъ онъ, шипящимъ голосомъ. — Отчего вашъ тятенька не озаботится расквитаться съ нами-съ въ приданныхъ деньгахъ-съ? Я теперь по неволѣ долженъ сдѣлать заемъ, и съ такими процентами, какихъ Александръ Петровичъ намъ не заплатить-съ...

Аниута подняла на мужа глаза, и лицо ея покрылось яркой краской.

— А вы думаете взять съ тятеньки процентъ? спросила она, стараясь казаться спокойной.

— А по вашему это не должно быть такъ-съ? Жилинъ засмѣялся.—Я полагаю—ваши деньги у тятеньки не въ сундукъ лежать, онъ ими пользуется-съ... А если и въ самомъ дѣлѣ они лежать у него въ сундукъ, мнѣ какое до того дѣло-съ? на то его воля-съ... А наше — намъ подай...

Аниута ничего не сказала, опустила голову и принялась усердно работать, хотя руки ея замѣтно дрожали.

— Впрочемъ, продолжалъ Матвѣй Матвѣичъ: — это дѣло ваше-съ, тятенька вашъ сказалъ, что дастъ вамъ процентъ, какой вы пожелаете.

— Я? воскликнула Аниута.

— Именно, вы-съ.

— Я никакого не пожелаю и не... возьму, сказала она совершенно спокойно.

— Я въ томъ увѣренъ-съ, вы всегда готовы такую штучку выкинуть, какъ помните, съ векселемъ... проговорилъ насмѣшливо Жилинъ. — Позвольте вамъ доложить, продолжалъ онъ спокойно, принимаясь снова за счеты: — позвольте доложить-съ: сегодня у насъ приходъ съ расходомъ копѣйка въ копѣйку-съ; значить приращенія капитала нѣтъ; а вы, Анна Александровна, то же сегодня — не забудьте — кушали за обѣдомъ и жаркое, и пирожки-съ, и прочее... а тамъ вамъ новая шляпка понадобится... да-же—что-нибудь другое-съ... да-съ!.. Повамъ теперь-съ?

Анюта низко наклонилась надъ пальцами и не отвѣчала; она только чувствовала, что передъ глазами ея тянутся и перекрещиваются какія-то длинныя разноцвѣтныя нити. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Матвѣй Матвѣичъ усердно постукивалъ костями счетовъ, и что-то шепталъ про себя. Но вотъ онъ снова оборотилъ голову къ женѣ.

— Ахъ, чуть не забылъ... Сестра Лизавета Матвѣевна говорила, чтобъ я вамъ передалъ: всѣ алмазныя и золотыя вещи извольте уложить и передать сестрицѣ на сохраненіе-съ.

— Очень хорошо, отвѣчала Анюта.

— И браслетъ, подтвердилъ мужъ.

— Который вы мнѣ на сговорѣ подарили?—

— Д... да... т.е. на время. Жилинъ закашлялся.— Но вѣдь всѣ эти вещи сашинной матери; дочь—наслѣдница.

— Можетъ, и платья, которыя вы мнѣ дарили, прикажете передать сестрицѣ? спросила жена.

Матвѣй Матвѣичъ взглянулъ на Анюту, и въ глазахъ и на губахъ ея ясно выразалось глубокое презрѣніе; мужъ взбѣлся.

— Платья? вскричалъ онъ:—о платьяхъ вамъ нечего говорить-съ: платья нужны вамъ носить...

— Пѣтъ... я вашего ничего не надѣну!.. произнесла твердо Анюта, и глубокой вздохъ облегчилъ ея грудь.

— Вздоръ, надѣнете, когда будетъ нужно, проговорилъ мужъ и отвернулся къ конторкѣ.

Анюта долго сидѣла, опустила голову, долго думала она, повиноваться ли ей безусловно волѣ мужа и капризамъ свекрови? Слосить-ли терпѣливо обидныя насмѣшки золовки? Или идти наперекоръ всему, что ей покажется обиднымъ и унижительнымъ? Но все-таки рѣшить этихъ вопросовъ она не могла и представила все будущему.

Между тѣмъ въ комнатѣ старухи Жилиной происходила слѣдующая сцена.

Сидя въ старинныхъ, почернѣвшихъ отъ времени, мягкихъ креслахъ, Марья Михайловна плакала, кашляла и безпрестанно подносила платокъ къ губамъ.

— Не думала я, не думала дожить до такой обиды, твердила она:—но чтожъ дѣлать, видно время такое пришло... младшіе возстали на старшихъ... дѣти на родителей,—последнее время... Охъ, последнее время!..

Ходившій быстро по комнатѣ Матвѣй Матвѣичъ махнулъ рукой.

— Маменька-съ! Ахъ, маменька! произнесъ онъ какимъ-то полушопотомъ, остановясь передъ матерью.

— Неужели вы на насъ, на вашихъ дѣтей, ропщете? Я-съ... я-съ съ своей стороны, кажется, вамъ всякое уваженіе-съ...

— Эхъ, мой другъ, не на твой счетъ и говорю я, перебила старуха.—Напримѣръ Анну Александровну я приняла, какъ дочь родную, ей-ей, лучше чѣмъ дочь полюбила... а она? ахъ, подай только Господи мнѣ терпѣніе, вѣрно ужъ такой мой крестъ... Вотъ хоть бы и первая-то твоя женошка, царство ей небесное... почтительностью не помилнешь, все наперекоръ, а отъ чего? сначала воля была дана. А теперь эта...

— А что такое-съ, маменька, случилось?

— Да вотъ хоть бы нонче — опозорила меня Аннушка и передъ Богомъ и передъ людьми... Одѣлась въ свой старый солопешко и пошла къ обѣдн одна, словно я чужая ей, стояла въ церкви одна, и вотъ какъ Богъ святъ, хоть бы взглянула на меня. А все— воля, оттого и всякое непочтеніе...

— Маменька, успокойтесь, ради Бога успокойтесь насчетъ этого! воскликнулъ сынъ:—я тогда еще былъ молодъ, можно сказать, глушь, а теперь, теперь, убей меня Богъ, если я дамъ потачку.

— Я, Матюшенька, всегда и своихъ и чужихъ на доброе ставляла, да!.. Вотъ и теперь не то-что смуты, а пзъ жалости тебѣ говорю, что... Марья Михайловна закашлялась, а Матвѣй Матвѣичъ вытянулъ шею и наострилъ уши.

— Вотъ и теперь, продолжала таинственно старуха, утирая глаза и понизивъ голосъ:—скажу, попросту Анна Александровна молода... а люди того не разберутъ... и стыдъ и страхъ на насъ падеть, ты должонъ ее поучить...

Жилинъ присѣлъ на край стула и вытупилъ свои глазки во всю ширину ихъ, обратившись весь во вниманіе.

— Вотъ и сегодня Анна Александровна вышла изъ церкви одна, а за нею слѣдомъ какой-то студентихка... до самыхъ воротъ проводилъ, вотъ—не лгу Матюшенька... своими глазами видѣла... А Лиза говорить, что онъ и во время всей службы глазъ не спускалъ съ твоей женушки. Старуха перевела духъ, а Матвѣй Матвѣичъ, позеленѣвъ отъ злости и ревности, вскочилъ и началъ бѣгать по комнатѣ своими коротенькими шажками.

— Ну вотъ, Матюшенька, мнѣ и жалко васъ, отъ жалости я тебя остерегаю... забормотала опять было Марья Михайловна, но сына уже не было въ комнатѣ. Въ ту же минуту онъ бросился къ женѣ; трясаясь всѣмъ тѣломъ и брызгая слюнами, онъ безсвязно укорялъ Анюту въ верхоглядствѣ, амурничаньи съ студентами и чуть не въ распутствѣ.

Молодая женщина въ испугѣ смотрѣла на мужа, едва понимая его слова, и удивляясь странному бѣшенству.

Черезъ нѣсколько минутъ, когда Жилинъ мало-мальски пришелъ въ себя и высказалъ по порядку все, что говорила ему мать, Анята горько улыбнулась, но противъ обыкновенія не заплакала, а только посмотрѣла мужу въ глаза и отвѣчала спокойно:

— Я ни въ церкви, ни на улицѣ не видала никакого студента; правда, шелъ за мною гимназистъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, а больше никого не было; и это не грѣхъ вашей маменькѣ, на старости лѣтъ, выдумывать такія кляузы?.. она выразительно покачала головкой.

— Какъ-съ?.. Какъ вы выразились о моей маменькѣ? вскричалъ Матвѣй Матвѣичъ.—Ахъ, вы!.. Ахъ, ты!.. онъ поднялъ руку и говорить болѣе ничего не могъ, злоба душила его.

Анята стояла неподвижно, слегка поблѣднѣвъ, только добрые глаза ее сверкнули какимъ-то небывалымъ свѣтомъ. Мужъ отступилъ назадъ.

— Она, она—Авдотья Степановна... Она не умираетъ, а въ изъ мертвыхъ воскресла, говорилъ онъ уже болѣе ровнымъ голосомъ, быстро ходя по комнатѣ и размахивая руками. — Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что впредь подобнаго пассажа вы-съ не осмѣлитесь болѣе сдѣлать? молвилъ онъ, остановясь передъ женой въ торжественно-супружеской позѣ.

— Какого пассажа? спросила тихо Анята.

— А такого-съ, что не побѣжите со двора однѣ-съ.

— И съ маманькой, и съ сестрицей вашей никогда и никуда не пойду, отвѣтила спокойно и рѣшительно Анята.

— Какъ?! Послѣ этого вы не смѣйте изъ дома ногой!.. вскричалъ Матвѣй Матвѣичъ.

Анюта кивнула головой, но что значило это киванье—согласилась-ли она съ приказаніемъ мужа, или хотѣла показать, что она рѣшилась поступать по своей волѣ.

Съ этого дня Анюта почувствовала, что въ ней произошелъ страшный переломъ. Страхъ ея передъ мужемъ исчезъ. Всѣ наставленія матери о безусловномъ повиновеніи мужниной волѣ, потеряли для Анюты, если не вовсе свое значеніе, то все-таки много. Она теперь ясно сознавала, что ни мужъ, ни его семейство не стоили ни малѣйшаго уваженія. Сначала новыя чувства, такъ быстро нахлынувшія на робкую доселѣ душу Анюты, испугали ее, но потомъ, перебравъ въ памяти всѣ свои отношенія къ мужу и свекрови, со дня своей свадьбы и не найдя въ себѣ никакой вины, она увидѣла въ своемъ новомъ семействѣ мелкихъ, но беспощадныхъ тирановъ, отъ которыхъ освободить могла ее только одна смерть. Сердце Анюты облилось кровью, но она не хотѣла уже болѣе играть роли безмолвной жертвы, а оскорбленное самолюбіе придавало ей сверхъестественныя силы въ начавшейся борьбѣ.

Однако этотъ нравственный переломъ не прошелъ даромъ; онъ отозвался на ея здоровьи; она чувствовала усталость, какъ послѣ тяжелаго труда, и легла въ постель. Но на самомъ дѣлѣ положеніе Анюты было опаснѣе, чѣмъ казалось: только 'молодыя силы и хорошее сложеніе спасли ее отъ нервической горячки.

— По какому случаю, сударыня, полеживать изволите-съ? спросилъ Анюту мужъ, воротившись вечеромъ домой изъ лавки.

— Голова очень болитъ, отвѣчала сухо жена.

— Головка болитъ-съ? такъ-съ, повторилъ Жилинъ. — Чтожь это такое: причуды, или въ самомъ дѣлѣ Богъ васъ наказываетъ-съ за неприличное своеволие-съ? Даетъ вамъ почувствовать, чтобы вы были-съ благоразумнѣе-съ... Впрочемъ можетъ быть, вамъ нуженъ докторъ-съ?

— Ни доктора, ни лекарствъ!.. Мнѣ ничего не нужно; сдѣлайте милость, оставьте меня въ покоѣ, отвѣчала жена и отвернулась къ стѣнѣ.

— Ого! какія вы сегодня рѣчистыя-съ, Анна Александровна. Ужь и въ самомъ дѣлѣ не горячка-ли съ вами-съ? замѣтилъ супругъ язвительно.—Въ такомъ случаѣ есть прохладительныя мѣры, которыя образумиваютъ-съ!..

Анюта горько улыбнулась; изъ словъ мужа она видѣла, что

онъ не вѣрить ея болѣзни. И какъ ни насмѣхался Матвѣй Матвѣичъ надъ нею, сравнивая ея поступки съ поступками первой своей жены, разумѣется къ невыгодѣ обѣихъ, Анята упорно молчала. Жилинъ наконецъ ушелъ ужинать, и послѣ взявъ подушку, отправился спать въ гостиную, чему жена была очень рада. Но все-таки Анята провела тяжелую бессонную ночь; странные неопредѣленные звуки раздражали ея слухъ; непріятныя видѣнія толпились передъ нею, но къ утру молодая силы взяли свое и Анята крѣико уснула.

Проснувшись, она очень удивилась, увидя въ спальнѣ Ананьевну, которая ходила нацыпочкахъ, и все прибирала потихоньку.

— Что это, няня, пришла ты такъ рано убирать комнату? спросила Анята.

— Матвѣй Матвѣичъ приказалъ побыть съ вами, покуда вы, сударыня, проснетесь, отвѣчала старуха: онъ говоритъ, что вы ночью бредили очень... Теперь матушка, какъ вы въ своемъ здоровьѣ-съ?

— Мнѣ лучше... Нянюшка мнѣ бы хотѣлось поскорѣе чаю.

— Какже вамъ чаю-то, сударыня? вѣдь сегодня Марья Михайловна и Лизавета Матвѣевна за архіерейское служеніе уѣхали, и раньше перваго часу не будутъ-съ: они у насъ знаете усердныя-съ... старуха язвительно улыбнулась.

— Богъ съ ними, отвѣчала Анята: ты только самоваръ сюда подай, чай у меня есть.

Старая нянька не заставила повторять приказаніе и чрезъ минуту все было готово; по указанію Аняты, Ананьевна достала изъ комода чай и проворно приготовила, потомъ помогла хозяйкѣ надѣть капоть.

— Матушка, сударыня вы моя, Анна Александровна, не обидьтесь вы на моя старушечьи слова, начала нянька пристально смотря своими птичьими глазами на блѣдное лице Аняты.

— Что такое? спросила послѣдняя.

— Я на васъ смотрю и все думаю, продолжала Ананьевна: какъ покойница Авдотья-то Стенановна въ этомъ домѣ была избожена, такъ теперь и надъ вами, словно коршуны когти держать... Злодѣи—злодѣи и есть...

Анята недовѣрчиво посмотрѣла на старуху и будто не понимая спросила:

— Про кого ты это говоришь?

Отд. I.

— Извѣстно про кого, про хозяйшечкѣ здѣшнихъ, про вашу свекровушку и золовушку, не погнѣвайтесь, сударыня, на мои глупыя слова... А будьте вы хоть вся въ крестахъ, а въ хорошихъ у нихъ не будете; у нихъ всѣ худые люди кромѣ ихъ самихъ... охо-хо-хо...

— Однако ты здѣсь, кажется, давно живешь?

— А для кого живу-то я? все для Сашеньки: видитъ Богъ какъ родной жалъ, совсѣмъ забилъ ее тетенька... Старука утерла глаза: Авдотья-то Степановна покойница при мнѣ и жмочалась... вотъ тутъ въ этой самой спальнѣ, какъ теперь вижу... И она показала рукой въ уголъ, гдѣ стояла кровать.

Анюта вздрогнула; ей какъ-то сдѣлалось страшно.

— А молодая ли умерла Авдотья Степановна? спросила она, сдерживая вздохъ.

— Двадцати трехъ годочковъ... царство ей небесное... Нянька перекрестилась.

— И хороша была собой?

— Какъ-бы вамъ сказать, сударыня, произнесла старуха, не жевавъ губами: какъ есть красавица, только счастья Богъ не далъ, что ты будешь дѣлать?

— Вѣрно и Матвѣй Матвѣичъ совсѣмъ хорошо съ ней жилъ?

— Гм! какъ вамъ о томъ, моя матушка, доложить-съ? отвѣчала Ананьевна, покачивая головою. Извините вы меня, сударыня-съ, а по моему дурацкому разсудку, коль кто хорошо живетъ, тотъ не обижаютъ... Нельзя сказать, чтобы и Матвѣй Матвѣичъ очень самъ собою обижалъ Авдотью Степановну... во истязанія разныя бывали-съ.

Анюта затрепетала при словѣ: истязаніе, о которомъ настоящее понятіе она гдѣ-то вычитала.

— Какія-же истязанія, няня? вскричала она.

— Да разныя, сударыня, а все по наукамъ свекровушки.. хороша она, нечего сказать-съ... Точно такъ-же и съ Авдотьей Степановной поступали, какъ примѣрно сегодня съ вами, ишь и чаю не оставили... въ голосъ старухи слышалось сильное негодование.

— Они совсѣмъ не знали, что я сегодня совсѣмъ здорова, возразила Анюта, все-еще недовѣряя нянькѣ.

— Знали, сударыня! воскликнула послѣдняя. По правдѣ сказать, свекровь-то и вспомнила о васъ, а тутъ Лизавета Матвѣевна какъ крикнетъ: дескать, не велика барыня ваша не-

вѣстка, подождать и нашего прїѣзда... Вотъ она какова Ли-
завета-то Матвѣевна... У меня съ ней всегда грѣхъ, да я
не боюсь, каждый день ей правду рѣжу...

Дверь тихонько отворилась и вошла Марья Михайловна.
Храбрая на словахъ, Анапьевна опешила, и переминалась на
мѣстѣ, Анята сконфузилась, думая, что свекровь подслушала
разговоръ ея съ нянькою.

— Что съ вами, мой Ангелъ, Анна Александровна? спросила
свекровь, усаживаясь возлѣ постели.

— Теперь ничего, но вчера сильно голова болѣла, отвѣчала
Анята оправясь.

— Вчера я послѣ ужина хотѣла къ вамъ, моя радость, по-
бывать, продолжала Жилина медовымъ голосомъ: но мнѣ ска-
зали, что вы успокоились... сегодня даже обѣдни не достояла,
вернулась домой, все время службы вы у меня изъ мыслей не
выходили.

Анята холодно поблагодарила свекровь, очень хорошо зная,
что она нагло вреть.

— Ужь вѣроятно вы вчера, моя радость, накупились чего-
нибудь не въ мѣру.. вотъ желудокъ и засорился... разсуждала
Марья Михайловна, тихо покашливая: теперь вамъ нужна діэта,
непремѣнно діэта и горчичники, а также липовой цвѣтъ.

— Чѣмъ же я могла разстроить желудокъ? Я вчера не только
не ужинала, но почти не обѣдала, возразила Анята.

— Все равно, сластей какихъ-нибудь накупились, отъ ма-
леньки привезли... Діэта нужна, непремѣнно діэта.. твердила
свое свекровь.

— А ты что здѣсь дѣлаешь? обратилась она вдругъ къ
нянькѣ.

— По дѣлу, сударыня, комнату прибирала, отвѣчала по-
слѣдняя.

— Сдѣлала свое дѣло и ступай въ свое мѣсто... Анна Алек-
сандровна вѣроятно въ тебѣ болѣе не нуждается, продолжала
старая хозяйка.—Тебѣ должно за Сашей смотрѣть, а не здѣсь
стоять, да слушать, что свекровь съ снохой говорить.

— Я не по своей волѣ: мнѣ Матвѣй Матвѣичъ приказалъ
побывать при Аниѣ Александровнѣ, возразила обидчиво нянька.

— Матвѣй Матвѣичъ и самъ не понимаетъ, что приказываетъ,
сказала сердито Жилина.

Ананьевна помотала головой, и что-то шевеля губами, попле-
лась вонъ.

— Вы, душа моя, Анна Александровна, не слишкомъ откровенничайте съ прислугой; эти люди только соръ изъ дому выносятся, обратилась правоучительно свекровь къ невѣсткѣ. — Мало ли что между семейными произойти можетъ... Вотъ хоть бы и вчера, моя радость, вы меня смертельно обидѣли, а я вотъ зла не помню: пришла васъ навѣстить... Марья Михайловна отерла платкомъ свои сухіе глаза и пристально посмотрѣла на невѣстку, въ ожиданіи, что та вотъ сейчасъ и бросится со слезами раскаянія цѣловать ея руки, и станетъ просить прощенія. Но Аня сидѣла молча, опутивъ голову на грудь, и тяжело дышала, припоминая вчерашній день.

— По божеской заповѣди мы все должны прощать другъ другу, прибавила старуха, бросая ястребиный взглядъ на больную.

— Я никого не обижала; обидѣли жестоко меня, сказала наконецъ Аня, спокойно поднявъ на свекровь свои свѣтлые глаза. — Изъ маленькаго гимназиста сдѣлали студента... и наговорили обидныхъ словъ... Матвѣй Матвѣичъ мнѣ передалъ ваши слова и вамъ было не грѣхъ?!. Аня хотѣлось заплакать, но слезы не пошли изъ глазъ, онѣ упали на сердце.

— Охъ, стара я стала вѣрно, моя радость: глаза мои стали меня обманывать... заговорила свекровь съ неопредѣленной усмѣшкой. — А все врагъ рода человѣческаго дѣйствуетъ и старыхъ на грѣхъ наводитъ, и молодымъ непокорность въ сердце вселяетъ: я помню, разъ говорилъ проповѣдь отецъ Иванъ.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и вошла Текуса Егоровна Бодаева; поздоровавшись съ теткой, она бросилась обнимать Аняту, непритворно собогѣзнуя о ея богѣзни, и говоря, что заѣхала мимоѣздомъ.

Анята благодарила гостью, между тѣмъ какъ свекровь съ досады плевала въ платокъ; наконецъ она поднялась и, повторяя, что Анятѣ нужна діета и горчичники, ушла къ себѣ.

— Улетѣла! прошептала Бодаева, смотря вслѣдъ старухѣ: — онѣ съ Лизаветой Матвѣевной очень меня не любятъ, а право не знаю зачто?

Анята махнула рукой и горячо обняла Бодаеву; только теперь изъ глазъ ея брызнули слезы и облегчили ее. Текуса Егоровна утѣшала Аняту, какъ могла, сваливая обыкновенно все на судьбу, и по дорогѣ ругнула довольно энергически своего мужа-безобразника.

Но не желая встрѣтиться съ Матвѣемъ Матвѣичемъ, гостья поспѣшила уѣхать.

— Какъ изволите поправляться въ своемъ здоровьѣ-съ? спросилъ Жилинъ у жены, вернувшись къ обѣду изъ лавки.

— Сегодня немного лучше, отвѣчала послѣдняя.

— Такъ-съ, я вижу, что горячка прошла, значитъ благоразуміе возвратилось... замѣтилъ насмѣшливо мужъ и ушелъ обѣдать.

Черезъ минуту Анасьевна принесла Анютѣ чайникъ.

— Вотъ вамъ, матушка, лекарство-съ свекровушка прислала; кушайте на здоровье, произнесла старуха, улыбаясь однимъ угломъ своихъ морщинистыхъ губъ.

— А больше ничего? спросила Анюта.

— А чего жъ бы вамъ, сударыня?

— Мнѣ бы хотѣлось чего нибудь поѣсть.

— Марья Михайловна приказала вамъ сварить овсянку къ ужину-съ, отвѣчала Анасьевна тѣмъ же тономъ.

— А обѣдъ?

— А на обѣдъ она сказала, что будетъ діэта, а какое это кушанье, я не знаю.

Анюта покраснѣла отъ досады.

— Охъ, сударыня вы мон! продолжала нянька, со вздохомъ вытаскивая изъ кармана завернутые въ салфетку пирожки и кусокъ холодной телятины, и раскладывая принесенное на столъ.— Покушайте на доброе здоровье; не смотрите на *разумницъ*-то нашихъ.

— Откуда, няня, у тебя такая благодать? спросила удивленная Анюта, не скрывая своего удовольствія.

— Хоть казните, хоть милуйте меня, старую грѣшницу, за то, что я вамъ покушать украла, да еще какъ, изъ подъ самыхъ рукъ Лизаветы Матвѣевны. Анасьевна расхохоталась.

И Анюта поспѣшила закусить до прихода мужа.

Между тѣмъ въ столовой Марья Михайловна жаловалась сыну на невѣстку, какъ послѣдняя, вмѣсто благодарности, наговорила ей грубостей, когда она пришла навѣстить больную.

Жилинъ, слушая мать, кусалъ отъ досады губы.

— Анна Александровна за то, маменька, на насъ сердита, что вы мало за нею ухаживаете... замѣтила рѣзко Лизавета Матвѣевна.

Братъ громко кашлянулъ и покраснѣлъ.

— Оча такія же штучки выкидываетъ, какъ и Авдотья Степановна... продолжала вдова.— Но мы теперь стали умнѣе, развѣ ужъ только изъ великндушія будемъ прощать... Она взглянула на брата; послѣдній безпокойно повернулся на стулѣ.

— И такъ-съ, Анна Александровна, говорилъ Матвѣй Матвѣичъ женѣ, войдя къ ней послѣ обѣда.—Такъ-то вы отблагодарили маменьку-съ, когда она, можно сказать, какъ ангелъ, забывши всѣ непріятности, посѣтила васъ? Вы бы передъ нею должны были извиниться... а вы-съ?

— Мнѣ не въ чемъ извиняться, я не знаю за собой никакой вины, перебила сухо Анята, смотря спокойно на мужа.

— Какъ?! вскричалъ внѣ-себя Жилинъ.

— Такъ!

Матвѣй Матвѣичъ скрестилъ на груди руки, и вставъ противъ Аняты, началъ, покачивая головой:

— Хе, хе! Какъ вы сегодня бойки-съ... Значить болѣзнь ваша, сударыня-съ, совершенно прошла-съ... когда увидѣли, что за вами не ухаживаютъ.. Актриса, нечего сказать... Она, она— Авдотья Степановна: то же притворство, тѣ же увертки.

— И та же горькая участь.. перебила жена.

— Что вы изволили сказать-съ? вскричалъ Жилинъ, думая, не ослышался ли онъ.

— Та же горькая участь постигла меня, какъ вашу первую жену, повторила Анята, и не выдержавъ, зарыдала.

Позеленѣвъ отъ злости, стоялъ передъ нею мужъ безмолвнымъ испуганомъ, не находя слова, которымъ бы онъ могъ уязвить, уничтожить эту женщину. Онъ теперь видѣлъ въ женѣ не безгласную жертву, но врага, хотя и слабого, но все-таки врага, съ голосомъ, съ протестомъ, съ упрекомъ на языкѣ и съ ненавистью въ сердцѣ.

— А! ну, вотъ и слезы, и рыданія, этого только и не доставало... произнесъ наконецъ Жилинъ, шипящимъ голосомъ. Но помните, сударыня-съ, вы меня болѣе не обманете... Я васъ возьму въ руки-съ.

Эта угроза теперь больше не дѣйствовала на Аняту.

«Что жъ еще онъ можетъ со мной сдѣлать? раздумывала она, когда ушелъ мужъ. Прибить, такъ все равно... развѣ жизнь моя не убита?» Но вотъ мало помалу ее охватилъ тотъ знакомый, странный сказочный міръ видѣній и несбыточныхъ грезъ; она опять увидѣла себя счастливою, довольною.

Вечеромъ Анята точно также пила чай у себя.

На третій день Бодаева опять навѣстила Аняту.

— Какъ я рада, какъ я рада, что вижу васъ, моя милая Анна Александровна, за работою, тараторила Текуса Егоровна: — но я, какъ слѣдуетъ, сначала было внизъ къ тетушкѣ, встрѣчаетъ

меня Лизавета Матвѣвна и говоритъ, что ея маменька нездорова и принять меня не можетъ, а я прямо и объявила, что прїѣхала къ Аннѣ Александровнѣ; скорчила свою физиономію моя вдовушка. Ха, ха, ха, а я вотъ у васъ... Ну, какъ ваше здорovie?

— Говорю вамъ откровенно, добрая Текуса Егоровна, что я почти совсѣмъ здорова, отвѣчала Анюта:—но притворяюсь больной, не выхожу изъ комнаты для того, чтобъ не попасть въ неспрїятности...

— О, ради Бога, хоть къ рождеству-то совсѣмъ выздоравливайте, сказала гостья, смѣясь:—а то васъ, больную, Матвѣй Матвѣичъ и къ намъ на вечеръ не позоветъ, а у насъ бываетъ очень весело, прїѣзжаетъ очень много масокъ, танцуютъ, и мы съ вами повеселимся..

— Ахъ, если бы знали, какъ мнѣ иногда бываетъ тяжело, сказала со вздохомъ Анюта:—то конечно повѣрили бы, что никакое развлеченіе, никакое веселье на умъ нейдетъ...

— Вѣрю, моя душечка, вѣрю! воскликнула гостья, цѣлуя хозяйку.—Но что жъ изъ этого будетъ, если вы за-живо-то себя похороните? Прежде времени на тотъ свѣтъ отправитесь со вздыханья и оханья, а тирановъ своихъ въ чувство этимъ не приведете... Авдотья Степановна умерла, Матвѣй Матвѣичъ на васъ женился; вы умрете (отъ слова не придетъ), онъ на третьей женился... А я вамъ совѣтую такъ жить, какъ я живу. Мой Семенъ Васильичъ извѣстный безобразникъ; правъ имѣетъ дурацкій, однимъ словомъ; и замахваваться подь часъ любить, а я все-таки себѣ удовольствія доставляю, только иной разъ хитрить нужно...

Анюта грустно покачала головой.

— Эхъ, милая моя Анна Александровна, продолжала Текуса Егоровна:—я тоже сначала этакъ и за мужемъ ухаживала, глядѣла-таки ему въ глаза, Сеничька, Сеничька! а мой Сеничька-то въ трактирѣ съ утра до вечера проклажается, смотришь везуть домой поперегъ дрожекъ, словно дерево безчувственное, то въ номерахъ кутить,—понимаете, съ кѣмъ?.. Я въ слезы и въ тоску вдалась... Ахъ! душа моя, Анна Александровна! много я горя приняла,—одинъ Богъ знаетъ... Бодаева вздохнула.—А тутъ вижу, что слезами не поможешь, я и рукой махнула: чортъ съ нимъ-думаю... И право, хорошо сдѣлала, теперь живу себѣ, да покучиваю, ни въ чемъ себѣ не отказываю... Впрочемъ вы не поду-

майте обо мнѣ чего нибудь *этакую*, прибавила смѣясь Текуса Егоровна.

— Что вы, помигите! воскликнула Анюта, слегка покраснѣвъ.

— Я вотъ только на словахъ-то кажусь такой забубенной голу-
вушкой, посмѣяться и пошутить люблю...

И еще долго, долго болтала Текуса Егоровна и наконецъ уѣхала.

Послѣ трескотни Бодаевой кругомъ Анюты опять все смолкло, опять все подернулось мрачнымъ тоскливымъ видомъ, какъ будто она лежала не въ постелѣ, а въ могильномъ склепѣ, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни радости, ни надежды...

А. Мещеряковъ.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ БИОГРАФИИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕЙНЕ.

(H. Heine's Sämmtliche Werke. Hamburg, 1863. Neunzenhter Band.).

На сѣверозападной сторонѣ Парижа лежитъ возвышенность Мон-мартръ, на которой раскинуто обширное кладбище, господствующее надъ городомъ. Среди могилъ этого кладбища есть одна бѣдная могила, обнесенная желѣзной рѣшеткой и всегда покрытая вѣнками. Неизвѣстно, чья рука кладетъ эти вѣнки на стрый надгробный камень, но въ какое бы время года вы ни подошли къ этой могилѣ, всегда найдете на ней свѣжіе цвѣты; торная тропинка, ведущая къ ней, носитъ слѣды частыхъ посѣтителей, которые, не обращая вниманія на великолѣпные памятники, съ любопытствомъ и благоговѣніемъ остававляются надъ простымъ и голымъ камнемъ. Люди различныхъ націй, языковъ и вѣрованій съ одинаковымъ уваженіемъ подходятъ къ этой знаменитой могилѣ. Въ ней покоится прахъ гениальнаго поэта Гейне.

Судьба людей, подобныхъ Гейне — обыкновенная судьба вѣсть великихъ дѣятелей, которые во время жизни подвергаются гоненіямъ, клеветѣ и преднамѣренному равнодушію своихъ мелкихъ, но безчисленныхъ враговъ; смерть примиряетъ ихъ съ современнымъ поколѣніемъ и возвращаетъ имъ должное. Вражда и личная антипатія умолкаютъ подъ вліяніемъ времени и суда потомства, которое съ сочувствіемъ и благодарностію относится къ заслугамъ великаго дѣятеля. Самыя заслуги

его дѣлаются тѣмъ выше, чѣмъ шире раздвигается кругъ его вліянія на человѣчество. Теперь нѣтъ надобности ненавидѣть и преслѣдовать челоуѣка, который уже больше не осмѣетъ, не уязвить, не сорветъ маски съ подлнца или дурака, прикрывавшаго себя фальшивою тою величія или ума; теперь только можно любить то имя, съ которымъ соединяется воспоминаніе о благородной борьбѣ съ пошлыми явленіями прошитой эпохи. Теперь становится понятно, что писатель, употребившій всѣ свои силы на то, чтобы раскрыть людямъ глаза на окружающую ихъ мерзость и облегчить имъ дальнѣйшій путь развитія, писатель, который цѣной всевозможныхъ лишеній и опасностей хотѣлъ завоевать нѣкоторую долю счастья для своихъ ближнихъ, имѣетъ полное право на самое глубокое и искреннее сочувствіе. Какъ морская волна чѣмъ дальше уносится отъ берега, тѣмъ дѣлается чище и прозрачнѣе, такъ и имя такого поэта, какъ Гейне, чѣмъ дальше отъ современниковъ, тѣмъ яснѣе становится его значеніе и сила.

Будая и неумоливая сатира автора «Германіи» нажила ему множество ненавистниковъ и враговъ. Начиная близкими родными и оканчивая толпой разныхъ нѣмецкихъ тупицъ, попадавшихся подъ перо раздраженнаго поэта, все старое, дряхлое, но сильное своимъ авторитетомъ, не хотѣло и не могло простить Гейне его *иремучить змѣй*, которыми онъ стегалъ глупость и пошлость. А между тѣмъ, въ его время, этой глупости и пошлости принадлежало такъ называемое общественное мнѣніе Германіи. Отъ этого мнѣнія, подъ которымъ легко было жить только Меттерниху и его креатурамъ, Гейне долженъ былъ бѣжать во Францію и находить въ изгнаніи облегченіе своей жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Германіи были люди, сочувствовавшіе поэту и ожидавшіе каждое новое произведеніе его съ нетерпѣніемъ, но не этииъ людямъ принадлежали первый голосъ и руководящая сила... Это было то молодое поколѣніе, которое только теперь начинаетъ дѣйствовать и отдавать поэту дань его заслуженнаго успѣха. При такомъ направленіи общественнаго мнѣнія, современная критика не могла передать намъ въ настоящемъ свѣтѣ талантъ и личныя достоинства поэта; она или молчала или плевала устами филистеровъ на челоуѣка, которымъ теперь гордится Германія. Оттого до сихъ поръ въ нѣмецкой литературѣ еще не установилось ясное и опредѣленное понятіе о Гейне; вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ онъ умеръ, а мы не имѣемъ ни полной біографіи его, ни характеристики. Поэтому всякая новая черта, бросающая свѣтъ на эту замѣчательную и во многихъ отношеніяхъ за-

годичную личность, имѣеть особенный интересъ. Адольфъ Штротманъ оказалъ большую услугу изданіемъ полнаго собранія сочиненій Гейне; изданіе это теперь приходитъ къ концу и на дняхъ еще въ Петербургѣ получился 19 томъ его, заключающій въ себѣ неизданныя до сихъ поръ письма Гейне къ разнымъ его друзьямъ и знакомымъ.

Общее впечатлѣніе, производимое письмами Гейне—грустное и раздражающее. Скверно становится на душѣ, когда читаешь эти письма и чувствуешь, съ какими великими препятствіями долженъ былъ бороться бѣдный поэтъ, какимъ лишеніямъ и страданіямъ подвергали его людская глупость и жадность; читая эти письма, видишь, что Гейне, уже въ то время, когда великіе поэтическіе образы возникали въ его душѣ, когда онъ начиналъ уже являться во всемъ блескѣ своего міросозерцанія, — приходилось сидѣть за разными кодексами и пандектами и глотать юридическую пыль только потому, что дядя его Соломонъ Гейне, богатый банкиръ, соглашался помогать своему племяннику съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы тотъ добился диплома доктора юридическихъ наукъ. И Гейне добился этого диплома, и не разъ вспоминалъ о немъ съ той грустной ироніей, которая составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ его таланта. Когда Филаретъ Шаль просилъ у Гейне нѣкоторые свѣденія о его жизни, поэтъ, удовлетворяя этому желанію, между прочимъ писалъ Шалю: «Я семь лѣтъ учился въ берлинскомъ университетѣ и въ Геттингенѣ; послѣ экзамена и публичнаго защищенія диссертации, получилъ степень доктора правъ. Какъ ни маловажно можетъ показаться вамъ это обстоятельство, но я прошу васъ обратить на него вниманіе, потому что въ одной, написанной противъ меня, книгѣ, авторъ утверждалъ, что я купилъ себѣ академическій дипломъ. Изъ всѣхъ неправдъ, напечатанныхъ о моей частной жизни, это единственная, которую я желалъ бы опровергнуть. Приписывайте это гордости ученаго! Пусть говорятъ обо мнѣ, что я незаконнорожденный, сынъ палача, уличный разбойникъ, атеистъ, скверный поэтъ, — я смѣюсь надъ всѣмъ этимъ; но сердце мое разрывается, когда я вижу, что сомнѣваются въ моемъ докторскомъ званіи! (Между нами будь сказано, хотя я и докторъ правъ, но юриспруденція именно та наука, которую я меньше всѣхъ другихъ знаю)».

Когда выйдутъ въ свѣтъ послѣднія письма Гейне, когда появятся его мемуары, которые до сихъ поръ неизвѣстно почему ревниво хранятъ его наслѣдники, тогда мы попытаемся, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, составить полную характеристику человека, имѣвшаго такое гро-

мяное вліяніе на современное ему поколѣніе. Теперь же мы просто приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ писемъ, заключающихся въ 19 томѣ,—писемъ, которыя познакомятъ насъ какъ съ самимъ Гейне, такъ и съ нѣкоторыми современными ему нѣмецкими писателями, рѣшительно неизвѣстными русской публикѣ. Считаемъ не лишнимъ предпослать этимъ письмамъ нѣкоторыя біографическія свѣденія о Гейне; здѣсь намъ придется болѣею частію говорить словами самого поэта, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій онъ посвящалъ прелестныя страницы описанію своей жизни.

Гейне нѣсколько разъ шутя называлъ себя первымъ человѣкомъ XIX столѣтія, потому что онъ родился 1 янв. 1800 г. Но это говорилось только для краснаго слова; Гейне родился въ 1799 г. въ Дюссельдорфѣ. Во время младенчества Гейне, городъ этотъ былъ занятъ французами, «и вотъ почему—говоритъ онъ—я уже въ дѣтствѣ вдохнулъ въ себя воздухъ Франціи.» Отецъ Гейне былъ купецъ съ довольно порядочнымъ состояніемъ; но какъ видно, Гейне не питалъ къ нему особенно большаго расположенія, потому что нигдѣ не упоминаетъ о немъ. За то къ матери онъ относился съ величайшею нѣжностью и посвятилъ ей нѣкоторыя изъ своихъ лучшихъ стихотвореній; вотъ, между прочимъ, одно изъ нихъ:

« Я привыкъ высоко подымать голову, нравъ мой отчасти крутъ и упрямъ; еслибы даже король взглянулъ мнѣ въ лицо, я бы не опустилъ передъ нимъ глазъ.

« Но, милая матушка, говорю откровенно, какъ ни могущественно воздымается мой гордый духъ,—въ твоёмъ очаровательномъ, пріятномъ присутствіи, меня часто охватываетъ трепеть смиренія.

« Не умъ-ли твой твой тайно покоряетъ меня,—твой высокій умъ, который смѣло проникаетъ въ сущность всѣхъ вещей и гордо возносится къ небесному свѣту?

« Меня мучитъ мысль, что я совершилъ не одно дѣло, омрачившее твое сердце, такъ сильно любившее меня!»

Первое воспитаніе Гейне получилъ въ францисканскомъ монастырѣ Дюссельдорфа. Въ послѣдствіи онъ съ свойственнымъ ему жгучимъ

остроуміемъ разсказывалъ о той дребедени, которою забивали здѣсь головы несчастныхъ дѣтей,—обо всѣхъ этихъ «римскихъ короляхъ, хронологіи, именахъ существительныхъ на *im*, неправильныхъ глаголахъ, греческомъ языкѣ, языкѣ еврейскомъ, географіи, нѣмецкой грамматикѣ, арифметикѣ» и проч.

...«Боже мой! — До сихъ поръ у меня голова кружится... и все это надо было учить наизусть! Многое изъ этого принесло мнѣ пользу впоследствии; потому что, еслибъ я не выучилъ наизусть исторію римскихъ царей, то мнѣ было бы рѣшительно все равно — доказалъ Нибуръ или не доказалъ, что они никогда не существовали. А еслибъ я не зналъ хронологіи, то какъ бы въ послѣдствіи нашелся я въ Берлинѣ, гдѣ одинъ домъ похожъ на другой, какъ двѣ капли воды или какъ два гренадера, и гдѣ нельзя отыскать своихъ знакомыхъ, если не помнишь твердо номера ихъ дома? Теперь же, при посѣщеніи каждаго знакомаго, я вспоминалъ историческое событіе, годъ котораго совпадалъ съ номеромъ дома этого знакомаго, такъ что припоминая одно, я припоминалъ и другое, и такимъ образомъ, при встрѣчѣ съ тѣми или другими знакомыми, мнѣ приходило въ голову то или другое историческое событіе. Напр. встрѣчая своего портного, я сейчасъ же вспоминалъ марафонскую битву; попадаясь мнѣ на встрѣчу щеголь-банкиръ Христианъ Гумиель — онъ приводилъ мнѣ на память разрушеніе Іерусалима; сталкиваясь я съ другомъ своимъ, задолжавшимся по уши, — въ памяти моей воскресало бѣгство Магомета; сходилъ со мною университетскій комиссаръ, строгая справедливость котораго извѣстна каждому — я вспоминалъ смерть Амана... Да, хронологія вещь необходимая: я знаю людей, у которыхъ въ головѣ нѣтъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ хронологическихкихъ цифръ, — и съ ними эти люди отлично умѣли отыскивать въ Берлинѣ дома, а теперь сдѣлались уже ординарными профессорами. Что касается до меня, то хронологія была моимъ мученьемъ въ школѣ. Съ арифметикой дѣло шло еще хуже. Лучшее всего я понималъ вычиганье, въ которомъ есть очень практическое правило: «четыре изъ трехъ — нельзя; слѣдуетъ занять десятокъ...» — Я однако совѣтую каждому въ подобномъ случаѣ занимать нѣсколькими грошами больше, потому что нельзя знать, что можетъ случиться.

«Что касается до латинскаго, то вы не имѣете понятія, какая это сложная штука. Римлянамъ, конечно, не стало бы времени покорить вселенную, еслибъ имъ сначала пришлось учиться по латыни. Эти счастливицы знали уже въ колыбели, какія имена существительныя кон-

чаются въ внимательномъ падежѣ на *im*. А я долженъ былъ учить это наизусть, въ потѣ лица моего; но все таки доволенъ, что узналъ ихъ. Потому что, скажи я, напримѣръ, 20 іюля 1825 г., когда мнѣ довелось защищать въ Геттингенѣ диссертацию на латинскомъ языкѣ — это стоило послушать — такъ скажи я тогда «*sinapem*» вмѣсто «*sinapim*», быть можетъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣтили бы это и я покрылся бы вѣчными позоромъ... *Vis, buris, sitis, tussis, cucumis, ammissis, cannabis, sinapis*... Эти слова, приведшія къ такимъ большимъ результатамъ, обязаны своимъ вліяніемъ на свѣтъ тому обстоятельству, что они принадлежатъ къ одному опредѣленному классу и при этомъ все таки остаются исключеніемъ; за это я глубоко уважаю ихъ, и мысль, что они всегда у меня подъ рукою въ случаѣ нужды — наполняютъ мрачные часы моей жизни внутреннимъ спокойствіемъ и утѣшеніемъ... Но неправильные глаголы (они отличаются отъ правильныхъ тѣмъ, что за нихъ больше сѣкутъ) страшно трудны. Въ темныхъ корридорахъ францисканскаго монастыря, недалеко отъ классной комнаты, висѣло въ то время большое распятіе изъ сѣраго дерева — грустный образъ, который еще и теперь является мнѣ порою во снѣ и смотритъ на меня неподвижными, кровавыми глазами. Передъ этимъ распятіемъ часто стоялъ я и молился: О, Господи, сдѣлай такъ, чтобъ я могъ удержать въ памяти неправильные глаголы!»

Понятно, что вся эта школьная, рутинная дребедень не могла вѣдѣствовать на Гейне; тѣмъ не менѣе, годы своего дѣтства онъ провелъ за нею. Изъ монастырской школы онъ перешелъ въ дюссельдорфскую гимназію; тамъ проходилъ такъ называемыя *humaniora*; науки эти болѣе подходили къ поэтическому характеру молодого человѣка, вслѣдствіе чего онъ дѣлалъ въ нихъ быстрые успѣхи. Когда вспыхнула вторая французская война, ученики старшаго класса оставили гимназію и предложили свои услуги отечеству; въ числѣ ихъ былъ и Гейне. Но скорое заключеніе парижскаго мира сдѣлало эти услуги ненужными.

Между тѣмъ родственники Гейне, и особенно банкиръ Соломонъ Гейне, гордый своими червонцами, требовали отъ молодого поэта, чтобы онъ занимался юридическими науками. Въ 1819 году онъ отправился въ Бонну и въ тамошнемъ университетѣ слушалъ лекціи Макельеда, Велькера, Шлегеля, Гюльмана, Арната, Радлофа и др. Въ 20 году онъ перешелъ въ геттингенскій университетъ, гдѣ профессорами его были Сарторіусъ и Бенеке, но пробылъ тамъ всего одинъ семестръ; его заставили выйти оттуда за вызовъ на дуэль студента Вибеля. Изъ

Геттингена Гейне перешелъ въ Берлинъ и тамъ пребылъ до 1823 г. «Въ Берлинѣ—разсказываетъ самъ Гейне—я былъ на самой дружеской ногѣ съ знаменитѣйшими учеными и испыталъ всевозможныя бѣдствія, между прочимъ и ударъ саблею въ ногу, нанесенный мнѣ Шеллеромъ изъ Данцига; имени его я никогда не забуду, потому что онъ единственный человекъ, съумѣвшій нанести мнѣ чувствительную рану.» Изъ Берлина—опять въ Геттингенъ, и уже тутъ въ 1825 г. онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора правъ. Съ 1826—1831 г. поэтъ жилъ попеременно въ Лüneбургѣ, Гамбургѣ и Мюнхенѣ и ѣздилъ въ чужіе края; двѣнадцать лѣтъ сразу онъ проводилъ осенніе мѣсяцы на одномъ изъ маленькихъ острововъ Сѣвернаго Моря. «Я люблю—говорилъ онъ—море, какъ любовницу, и воспѣвалъ ея красоту и ея прихоти». Съ 1831 г. поэтъ поселился во Франціи, гдѣ и умеръ среди страшныхъ физическихъ страданій.

Въ борьбѣ съ семейнымъ гнетомъ, съ стѣснительными денежными обстоятельствами, съ физическими страданіями, начавшимися въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, проходила вся частная жизнь великаго поэта. Не веселѣе была и литературная карьера его. Страшныя притѣсненія цензуры, голосъ клеветы и тупоумія, преслѣдовавшій его всю жизнь—вотъ что поэтъ постоянно видѣлъ и слышалъ предъ собою, и если весь этотъ объясняется мрачное настроеніе его поэзій, то въ то же время нельзя не удивляться, какъ такая долговременная и многосторонняя борьба не сокрушила и не раздавила этихъ титаническихъ силъ... Въ сочиненіяхъ самаго Гейне, въ свѣденіяхъ, сообщенныхъ его различными биографами, находятся такъ сказать только намеки на тѣ обстоятельства, о которыхъ мы упоминаемъ; но и ихъ недостаточно, чтобы составить себѣ слѣдкомъ мрачную картину жизни этого человека. Нѣтъ сомнѣнія, что съ напечатаніемъ его «Мемуаровъ» картина эта явится еще съ болѣе мрачными красками...

Гейне началъ писать стихи на 16 году; но собственно литературная дѣятельность его началась въ 1821 г., когда стихотворенія его были напечатаны въ Боннѣ. Съ тѣхъ поръ литературная дѣятельность его была изумительна. «Богъ да проститъ мнѣ!»—говоритъ онъ самъ о себѣ—я испытывалъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы; я писалъ лирическія, эпическія и драматическія стихотворенія; я писалъ объ искусствѣ, о философіи, о богословіи, о политикѣ...».

Гейне любилъ свои прошеведенія и повидимому былъ о нихъ высоко мнѣнія, въ чемъ конечно никто не обвинитъ его; тѣмъ болѣе

нѣе было для него видѣть, что они возбуждали, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вопли негодованія въ сухой и педантической Германіи, пришедшей въ ужасъ при видѣ этого нововодителя, этого «протестанта», какъ онъ самъ себя называлъ. Но поэтъ скрывалъ это чувство досады и относился къ своимъ критикамъ съ величайшимъ презрѣніемъ, силъ котораго утробивалась безпощаднымъ, чисто-гейневскимъ остроуміемъ. Вотъ одинъ удивительный образчикъ того, какъ Гейне относился къ своимъ критикамъ.

«Кромѣ садомитской и беотійской партіи (такъ писалъ онъ въ предисловіи къ своему знаменитому сочиненію: «Französische Zustände») — въ Германіи возстаютъ противъ меня партія абдеритская. Большую часть членовъ этой партіи возстановляютъ противъ меня мои французскіе принципы. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствуютъ на основаніи и болѣе благородныхъ побужденій. Напримѣръ, одинъ изъ предводителей абдеритской партіи, уже нѣсколько лѣтъ сряду постоянно ругающій меня, дѣйствуетъ только какъ адвокатъ своей супруги, которая считаетъ себя обиженною мною и поклялась погубить меня. Такая смертельная ненависть очень огорчаетъ меня, потому что эта дама очень милая женщина. Она имѣетъ большое сходство съ Венерою Медицейской, именно — она также очень стара и также не имѣетъ ни одного зуба; ея подбородокъ, когда она побрѣется, также гладокъ, какъ подбородокъ вышеупомянутой богини; кромѣ того она ходитъ почти въ такомъ же обнаженномъ видѣ, какъ Венера, и это для того, чтобы показать, что кожа у нея не вся желтая, но мѣстами покрыта бѣлыми пятнами. Напрасно я говорилъ этой дамѣ самыя примирительныя любезности, напримѣръ, что я завидую ей, потому что ей приходится бриться всего два раза въ недѣлю, тогда какъ я долженъ переносить эту операцію каждый день, — или что я ее считаю добродѣтельнѣйшею изъ всѣхъ беззубыхъ женщинъ, — или что я желаю обладать ея сердцемъ, съ тѣмъ чтобы оно было заключено въ золотую коробочку, — напрасно, никакія задабриванія не помогаютъ мнѣ! Непримируемая слишкомъ сильно ненавидитъ меня, и какъ нѣкогда Изабелла Кастильская дала обѣтъ не переиживать рубашку до тѣхъ поръ, пока не падеть Гранада, такъ и эта дама поклялась надѣть чистую рубашку только тогда, когда я, врагъ ея, буду повергнутъ въ прахъ. Теперь она пускаетъ въ ходъ всѣхъ писакъ, особенно своего бѣднаго мужа, котораго не мало беспокоитъ Изабеллины цвѣтъ рубашки его половинны, особенно лѣтомъ, когда возлюбленная къ тому же пахнетъ пріятнѣе»

чѣмъ въ другое время; нерѣдко онъ, какъ безумный, вскакиваетъ съ постели, и стремительно бросается къ письменному столу, и старается писаніемъ скорѣе погубить меня.

«Лѣтомъ газета Брокгауза «Konversationsblatt» бранить меня гораздо больше чѣмъ зимою.

«Прости, любезный читатель, что эти строки не совсѣмъ соответствуютъ серьезному характеру нынѣшняго времени. Но мои враги ужь слишкомъ смѣшны! Я называю ихъ врагами, я изъ любезности даю имъ этотъ титулъ, хотя они по большей части только мои клеветники. Это маленькіе люди, ненависть которыхъ не доходитъ даже до моихъ икръ. Тупыми зубами они хватаютъ меня за сапоги. Они дають себѣ тамъ внизу до усталости...»

Такъ относился Гейне къ своимъ врагамъ; но глубокое чувство скорби овладѣвало имъ, когда онъ видѣлъ, что и тѣ люди, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, также мало оцѣнивали его и не понимали всѣхъ сокровищъ, заключавшихся въ его душѣ. Это чувство грусти пробивается наружу во многихъ его сочиненіяхъ, какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ; можно положительно сказать, что оно немало способствовало отравленію всей его жизни...

Письма, напечатанныя въ 19 т. полного собранія сочиненій Гейне, обнимаютъ собою періодъ отъ 1820 — 1831 г., г. е. первая десять лѣтъ его литературной дѣятельности. Мы приводимъ здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ болѣе общій интересъ, опуская подробности, могущія имѣть мѣсто только въ полной біографіи поэта.

29 октября 1820 г. онъ писалъ изъ Геттингена Фридриху Штейнману: «Съ нахмуреннымъ челомъ и блуждающими глазами я только-что собирался разразиться страшнымъ для неба и ада проклятіемъ, которымъ я хотѣлъ замкчить третій актъ моей трагедіи *), когда королевскій ганOVERскій чиновникъ въ пурпурокрасномъ мундирѣ открылъ мою дверь и отдалъ миѣ письмо отъ тебя. Отъ сердца, отъ всего сердца порадовался я надъ нимъ; оно прояснило, живительно

*) Алмазворъ.

прояснило все мое существованіе, но проклятіе, прекрасное проклятіе, которое я сочинилъ, процало. Впрочемъ бѣда невелика, Гейне не можетъ долго оставаться въ хорошемъ расположеніи духа и, можетъ быть, черезъ часъ новая досада сядетъ ему на шею; злые духи снова поднимаются въ головѣ и проклятіе тѣмъ страшнѣе готово выйти изъ нея...

«Я совершенно окончилъ третій актъ моей трагедіи. Это былъ самый трудный и самый длинный актъ. По всей вѣроятности, вытѣшеною аншою я окончу послѣдніе два акта. Если пьеса не понравится, то во всякомъ случаѣ надѣлаешь много шуму *). Въ эту пьесу я вложилъ мое собственное я, мои парадоксы, мою мудрость, мою любовь, мою ненависть и все мое безуміе. Она стояла мнѣ большихъ трудовъ... Я близко держался комментарія Аристотеля и добросовѣстно сохранилъ его въ отношеніи къ мѣсту, времени и дѣйствию... Ты видишь изъ этого, любезный Штейнманъ, что я, вопреки моей привычки, за одинъ разъ сочинилъ много. Надѣюсь и отъ тебя услышать тоже самое. Сколькими сотнями стансовъ разрѣшилась отъ бремени твоя муза? Здоровы ли новорожденные? Не бойся работать критическимъ ампутирующимъ ножомъ, хотя бы дѣло шло о любимомъ ребенкѣ. Будь строгъ къ самому себѣ; это первая заповѣдь художника. Полагаю, что я не разъ подавалъ тебѣ примѣръ такого образа дѣйствій.»

Дайте въ томъ же письмѣ, Гейне, отозвавшись съ похвалою о сочиненіяхъ своего друга Ж. Б. Руссо, прибавляетъ: «Ты знаешь, я хвалю рѣдко, но когда ужъ у меня есть основаніе хвалить, то похвала тѣмъ неудержимѣе вырывается наружу изъ глубины моего сердца. Борись—только весело и энергично, мой милый поэтъ; ты заслуживаешь лавроваго вѣнка, и ужъ предоставь мнѣ позаботиться, чтобы онъ поскорѣе достался тебѣ. Но для этого ты долженъ слѣдовать моему примѣру. Не обращай вниманія на лающихъ собакъ. Мѣсяць сіяетъ полнымъ блескомъ еще долго послѣ того, какъ собаки, лаявшія на него, умолкнутъ. Его золотое мерцанье разливается по всей землѣ. Но далеко ли разносится лай собаки?»

Въ другомъ письмѣ къ тому же самому лицу, отъ 4 февраля 1821 г., Гейне снова говоритъ о своей трагедіи, которая повидимому сильно

*) Пьеса дѣйствительно не понравилась и была опущена. Надо впрочемъ сознаваться, что „Алманзоръ“ одно изъ слабѣйшихъ произведеній Гейне, не смотря на то, что авторъ повидимому придавалъ ему большую цѣну.

занимала его: «Я — писалъ онъ — положилъ на нее все мои силы, не щадилъ крови сердца и пота головы, почти окончилъ ее, и съ ужасомъ нахожу, что это великое произведеніе, которое меня самого изумляло и которое я обоготворялъ, не только не *хорошая* трагедія, но даже не заслуживаетъ названія трагедій. Да, въ ней заключаются востихительно прелестныя мѣста и сцены; оригинальность повсюду проглядываетъ наружу, повсюду сверкаетъ она повѣтическими образами и мыслями, такъ что цѣлое, такъ сказать, блещетъ и свѣтитъ волшебнымъ алмазнымъ покровомъ. Таково сужденіе тщеславнаго автора, энтузіаста въ поэзіи. Но строгій критикъ, неутомимый драматургъ смотритъ сквозь совсѣмъ темныя очки, качаетъ головою и объявляетъ, что цѣлое этого произведенія — прекрасная фигура изъ проволоки. «*Трагедія должна производить скорое и сильное дѣйствіе*», бормочетъ онъ, и это мнѣніе — смертный приговоръ моей трагедіи. Не лишень ли я драматическаго таланта? Очень можетъ быть. Или не оказали ли на меня своего стараго вліянія французскія трагедіи, которыя всегда возбуждали во мнѣ такое удивленіе? Это послѣднее предположеніе болѣе правдоподобно. Представь себѣ, что въ моей трагедіи самымъ добросовѣстнымъ образомъ сохранены все три единства, говорятъ почти всегда только четыре дѣйствующихъ лица, и разговоръ почти также точенъ, гладокъ и округленъ, какъ въ «Федръ» или «Замръ». Ты удивляешься? А загадка легко разрѣшается: я старался въ драмѣ соединить романтическій духъ съ строго-пластическою формою.»

Эти письма были писаны изъ Геттингена; мы уже упоминали, какое обстоятельство заставило его оставить тамошній университетъ и переселиться въ берлинскій. Въ письмахъ, писанныхъ изъ этого города, есть нѣкоторыя адресованныя къ извѣстному поэту Карлу Иммерману. Объ Иммерманѣ Гейне былъ самого высокаго понятія, что видно, между прочимъ, изъ письма его отъ 10 іюня 1823 г.

«Безсмертнымъ богамъ — писалъ онъ Иммерману — извѣстно, что съ той минуты, какъ я прочелъ ваши трагедіи, я совершенно вѣрно понялъ ваше значеніе; а мой приговоръ, какъ о другихъ, такъ и о самомъ себѣ, всегда вѣренъ. Эта вѣрность взгляда происходитъ не изъ мечтательнаго самообольщенія, а скорѣе изъ чистаго самосознанія, изъ точнаго понятія о повѣтическомъ элементѣ и его естественной противоположности — элементѣ прозаическомъ (*das gemeine*). Согласитесь, что мы можемъ опѣивать вещи только по ихъ взаимной противоположно-

сти. Поэзия не существовала бы для насъ, еслибы глазамъ нашимъ не являлись повсюду проза и тривиальность; даже собственное наше внутреннее существованіе мы узнаемъ только потому, что видимъ подлѣ себя противоположное существованіе другого человѣка, служащее намъ для сравненія...

«Съ удовольствіемъ, продолжалъ онъ въ томъ же письмѣ увидѣлъ я изъ вашего письма, что вы будете писать разборъ моихъ «трагедій», и я долженъ повторить вамъ, что вы ни мало не оскорбите меня, если даже выскажете о нихъ самыя горькія истины. Я охотно сознаюсь вамъ въ главномъ недостаткѣ моей поэзіи; это — большая односторонность, проявляющаяся въ моихъ стихотвореніяхъ, такъ какъ всѣ они только варіаціи на одну и ту же маленькую тему. Это свойство никому не можетъ такъ легко броситься въ глаза, какъ вамъ, потому что темою вашихъ поэтическихъ произведеній служитъ весь міръ съ его безчисленнымъ разнообразіемъ. Вы имѣете то общее съ Шекспиромъ, что, также какъ и онъ, вы восприняли въ себя весь міръ, и если ваши стихи имѣютъ недостатокъ, то онъ состоитъ въ томъ, что вы не умѣете концентрировать ваше огромное богатство; Шекспиръ понимаетъ это дѣло лучше, и потому-то онъ Шекспиръ, но и вы мало по малу изучите это искусство концентрированія, и каждая изъ вашихъ новыхъ трагедій будетъ лучше предшествовавшей.»

Затѣмъ Гейне переходитъ къ самому себѣ:

«Мнѣ было легче, чѣмъ вамъ, свыкнуться съ искусствомъ концентрированія, именно потому, что я писалъ на одну тему, имѣлъ въ виду не цѣлый міръ, а только клочекъ его. Съ тѣхъ поръ, особенно нынѣшнюю зимою, въ болѣзненномъ состояніи, я расширилъ свое міросозерцаніе, и трагедія, которую я намѣренъ выпустить въ свѣтъ черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, докажетъ, что я, изображавшій до сихъ поръ только исторію Амура и Психеи во всевозможныхъ группировкахъ, также хорошо умѣю изображать троянскую войну. Это печальная тайна моей поэтической силы; мое нездоровье очень могло сообщать моимъ послѣднимъ стихотвореніямъ нѣчто болѣзненное. Ахъ, Боже мой! въ этой новой книгѣ моей есть много такого, что не выдержитъ строгой критики, и конечно я не огорчусь, если въ ней откроютъ то, чего я самъ еще не вижу. Одно только можетъ очень болѣзненно оскорбить меня, именно, когда я вижу, что духъ моихъ произведеній хотятъ объяснить исторіею (вы знаете, что значитъ это слово) автора. Я былъ сильно и глубоко огорченъ, прочитавъ вчера

письмо отъ одного знакомаго, письмо, въ которомъ онъ строитъ всю мою поэтическую жизнь на нѣсколькихъ, собранныхъ въ одно, исторійкахъ, и дѣлаетъ печальные намеки на *житейскія впечатлѣнія, политическое положеніе, религію* и т. п. Все это, высказанное печатно, совершенно возмутило бы меня, и я очень радъ, что этого до сихъ поръ не случилось. Если исторія поэта и можетъ имѣть большое вліяніе на его произведенія, если и справедливо, что часто политическое положеніе, религія, частная ненависть, предрасудки и соображенія сообщаютъ этимъ произведеніямъ извѣстный характеръ, то все-таки обо всемъ этомъ не слѣдуетъ упоминать, особенно при жизни автора. Когда выставляютъ на видъ это вліяніе исторіи поэта на его произведенія, хотя бы дѣйствительное, тогда, такъ сказать, лишаютъ дѣвственности стихотвореніе, разрываютъ таинственный покровъ, лежащій на немъ; съ другой стороны, стихотвореніе обезображиваютъ, когда доискиваются въ немъ того смысла, котораго оно не имѣетъ. А какъ рѣдко внѣшняя обстановка нашей исторіи соответствуетъ нашей исторіи дѣйствительной, внутренней! У меня по крайней мѣрѣ этого соответствія *никогда не было.*»

Громкая слава Гейне началась только въ 1826 г., послѣ изданія перваго тома «*Reisebilder*», но и въ то время, къ которому относятся вышеприведенныя письма, сочиненія его производили большое впечатлѣніе; ихъ бранили, на автора клеветали, но все-таки о нихъ много говорили.

«Мои стихотворенія—писалъ онъ въ 1823 г. берлинскому книгопродавцу и издателю Дюмлеру—произвели необыкновенное впечатлѣніе во всей Германіи, и даже та враждебная рѣзкость, съ которою о нихъ отзываются, не можетъ служить дурнымъ признакомъ.... Не думаю, что здѣсь въ Берлинѣ я пользовался бы большою извѣстностью; но тѣмъ болѣе извѣстенъ я въ моей отчизнѣ, на Рейнѣ и въ Вестфалии, гдѣ, какъ я узнаю со всѣхъ сторонъ, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія новаго собранія моихъ стихотвореній, и гдѣ эта книга надѣлаетъ много шума.»

Жизнь Гейне въ Берлинѣ была самая невеселая; болѣзни и стѣснительныя денежныя обстоятельства постоянно мучили его, не говоря уже о страданіяхъ нравственныхъ. «Злыя бури—писалъ онъ въ 1823 году Штейнману—потеря дорогаго друга, болѣзни, хандъ; а и подобныя этому прекрасныя вещи—вотъ что уже два года стоитъ на первомъ планѣ жизни твоего друга.» Эти жалобы слышатся почти во всѣхъ

письмах; мрачное настроеніе почти ни на минуту не оставляетъ поэта, и если онъ иногда смѣется въ нихъ, то это все-таки тотъ гейневскій смѣхъ, отъ котораго становится холодно:

Въ 1824 г. мы снова находимъ его въ Геттингенѣ. Для поэтической души Гейне, Геттингенъ съ его пыльными, педантическими аудиторіями былъ невыносимымъ бременемъ; скуку, которую наводилъ на него этотъ городъ, онъ выразилъ въ послѣдствіи въ предисловіи къ своему знаменитому «Путешествію на Гарцъ».

«Городъ Геттингенъ, писалъ онъ въ этомъ вступленіи, знаменитый своими колбасами и университетомъ, принадлежитъ королю гавверскому и имѣетъ 999 домовъ, различныя церкви, повивальное заведеніе, обсерваторію, карцеръ, бібліотеку и магистратскій погребъ, въ которомъ продается очень хорошее пиво. Ручей, протекающій здѣсь, называется Леною, и лѣтомъ служитъ для купанья. Вода въ немъ очень холодна, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ широка, что Людери, для того чтобы перескочить черезъ нее, нужно было хорошенько разбѣжаться. Самый городъ красивъ и больше всего нравится, если повернуться къ нему спиною. Но всей вѣроятности онъ построенъ уже очень давно: я хорошо помню, что когда, пять лѣтъ тому назадъ, получалъ тамъ матрикуль, то городъ имѣлъ уже тогда тотъ же самый стрый, стариковски-умный видъ и былъ до-полна начиненъ присяжными, нуделами, диссертациями, thés dansants, прачками, компандіями, жареными голубями, гвельфскими орденами, гофратами, юстипратами, релігионератами, профаксами и другими различными *факсами*. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что городъ построенъ во время переселенія народовъ, и что каждая отрасль германскаго племени оставила здѣсь по одному растрепанному экземпляру своихъ членовъ, откуда и произошли вандалы, фризы, швабы, тевтоны, саксы, тюринги и т. д., которые до сихъ поръ, различаясь только цвѣтомъ шапокъ и трубокъ, шляются толпами по улицамъ, руководятся тѣми же нравами и обычаями, какіе были во время переселенія народовъ, и управляются явственно вождями, которыхъ они называютъ старшими пѣтухами, частію старымъ сводомъ законовъ, называемымъ комментариемъ и заслуживающимъ имѣть жето съ *legibus barbarorum*.

«Вообще геттингенскіе жители раздѣляются на студентовъ, профессоровъ, филлстеровъ и скотовъ; всѣ они немногимъ различаются между собою. Классъ скотовъ самый значительный. Было бы излишне и обременительно исчислять здѣсь имена всѣхъ студентовъ и ордварныхъ

и экстраординарных профессоров; притомъ же въ настоящую минуту, а не припомню всѣхъ студентовъ, а между профессорами есть такіе, которые покажутся не имѣютъ никакого имени. Число геттингемскихъ филистеровъ должно быть очень велико; ихъ такъ много, какъ веску или, лучше сказать, какъ грязи въ морѣ, и право, когда утромъ я вижу ихъ стоящими передъ дверями академическаго правленія, съ ихъ грязными лицами и бѣлыми счетами въ рукахъ, то едва монимаю, какъ Богъ могъ сотворить столькихъ бездѣльниковъ.»

За нѣсколько дней до пріѣзда въ Геттингенъ, Гейне писалъ изъ ГанOVERA своему искреннему другу Моазу Мозеру:

«Да охраняютъ боги твою голову!

«Изъ этого привѣтствія ты видишь, что я еще вѣрю въ боговъ и что я не такой безбожникъ, какимъ меня считаютъ; изъ надписиверху этого письма ты увидишь, что я въ настоящую минуту нахожусь въ томъ городѣ, гдѣ пытка уничтожена только за нѣсколько лѣтъ назадъ.... Послѣ завтра я буду снова въ Геттингенъ и снова поклонюсь почтенному карцеру, нелѣпыми львамъ на вендскихъ воротахъ и розовому кусту на могилѣ прекрасной Цециліи. Можетъ быть, я не найду въ Геттингенѣ уже ни одного изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ; это прискорбно. Я полагаю также, что первое время я буду проводить вѣрнее невесело, потому привыкну къ моему положенію, мало помалу сдружусь съ тѣмъ, чего не возможно предотвратить, и наконецъ городъ сдѣлается совершенно любезенъ мнѣ, и мнѣ будетъ грустно разставаться съ нимъ. Такъ всегда было со мною, между прочимъ и въ Люнебургѣ. Lorsque mon départ de cette ville s'approchait, les hommes et les femmes et principalement les belles femmes s'empresaient de me plaire et de me faire regretter mon séjour de Lunebourg. Voilà la perfidie des hommes, ils nous font des peines même quand ils semblent nous cajoler.»

«Свѣча почти вся сгорѣла, поздно, я слишкомъ сильно хочу спать для того, чтобы писать по нѣмецки. Впрочемъ, собственно говоря, я не нѣмецъ, манъ ты очень хорошо знаешь (vid. Риса, Фриса и др.).

Нѣмцы! О, ce sont des barbares! На свѣтѣ только три образованныхъ народа: французы, китайцы и персы. Я горжусь тѣмъ, что я персъ. Что я пишу нѣмецкіе стихи — на это есть свои особенныя причины. Именно, прекрасная Гюльнарараслышала отъ одного ученаго олуха, что нѣмецкій языкъ имѣетъ сход-

ство съ ея роднымъ языкомъ, персидскимъ, и теперь милая дѣвушка сидитъ въ Испагани, и учится по-нѣмецки, и для упражненія въ грамматикѣ переводитъ на свой сладкій, розовый, блестящій бульбульный языкъ нѣкоторыя изъ моихъ пѣсень, которыя я съумѣлъ тайкомъ провезти въ ея гаремъ. Ахъ! какъ скучаю я по Испагани! Ахъ, я бѣдный человѣкъ, живу далеко отъ его милыхъ минаретовъ и благоухающихъ садовъ! Ахъ, для персидскаго поэта страшное несчастье — быть обязаннымъ трудиться надъ вашимъ гнусно-ухажистымъ нѣмецкимъ языкомъ и испытывать смертельное мученіе отъ вашихъ такихъ же точно тряскихъ почтовыхъ экипажей, отъ вашей сѣверной погоды, вашихъ глупыхъ табачныхъ лицъ, вашихъ римскихъ пандектовъ, вашей философской галиматъи и всего остального вашего бездѣльничанья. О Фирдуси! О Ислами! О Саади! Какъ несчастенъ вашъ братъ! Ахъ! какъ жадно стремлюсь я душою къ ширасскимъ розамъ! У Германіи есть свое хорошее, противъ этого я ничего не говорю. Она имѣетъ своихъ великихъ поэтовъ: Карла Мюллера, Клаурена, Губица, Михеля Беера, Ауффенберга, Теодора Гелля, Лауна, Геэ, Гувальда, Рюккерта, Мюллера, Иммермана, Улава, Гёте.

«Но что значить все ихъ великолѣпіе въ сравненіи съ Гафизомъ и Низами! Однакожъ, не смотря на то, что я персъ, я сознаю въ слѣдующемъ: величайшій поэтъ — ты, о великій пророкъ Мекки, и твой коранъ не такъ легко выйдетъ у меня изъ памяти!»

Не смотря на шутливую форму этого письма, изъ него ясно видно, что Гейне задыхался въ той сферѣ, въ которой ему приходилось покаместъ жить и дѣйствовать. Это самое настроеніе поэтъ выразилъ въ одной изъ лучшихъ страницъ своего «Путешествія на Гарцъ»; мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь этотъ отрывокъ:

«Ночь была уже совершенно темна, когда я пришелъ въ Остероде. Быть мнѣ ничего не хотѣлось, и поэтому я сейчасъ же легъ въ постель. Я былъ утомленъ, какъ собака, и спалъ, какъ богъ. Во снѣ я снова перенесся въ Геттингенъ и очутился въ университетской библіотекѣ. Я стоялъ въ углу залы юриспруденціи, перелистывалъ старыя диссертации, углубился въ чтеніе, и когда кончилъ, то съ удивленіемъ замѣтилъ, что наступила уже ночь, и свѣчи въ висячихъ хрустальныхъ канделябрахъ ярко освѣщали залу. На часахъ сосѣдней церкви пробило двѣнадцать. Дверь залы медленно открылась, и въ нее вошла величавая колоссальная женщина, за которою съ глубокимъ уваженіемъ

слѣдовали члены юридическаго факультета. Женщина—исполнь, хотя уже немолодая, носила еще на лицѣ слѣды строгой красоты: каждый взглядъ ея обличалъ въ ней высокую дочь Титановъ, могущественную Фемиду. Въ одной рукѣ она небрежно держала мечъ и вѣсы, въ другой—пергаментный свитокъ. Два молодыхъ доктора правъ несли шлейфъ ея сѣраго, поливившаго платья. По правой сторонѣ ея живо подпрыгивалъ тощій надворный совѣтникъ Рустикусъ, ганверскій Ликургъ, и декламировалъ что-то изъ своего новаго законодательнаго проекта. Съ лѣвой стороны прихрамывалъ крайне любезно и въ прекрасномъ расположеніи духа *cavalier* *sergente* Фелиды, тайный совѣтникъ Кааціусъ; онъ то и дѣло отпускалъ юридическія остроты и самъ такъ сердечно хохоталъ надъ ними, что даже строгая богиня по временамъ съ улыбкою наклонялась къ нему, била его по плечу большимъ пергаментнымъ свиткомъ и привѣтливо шептала: «Ахъ ты маленькій повѣса, дѣлающій всѣ вещи наоборотъ!» Прочіе юристы тоже подходили ближе, каждый изъ нихъ имѣлъ что нибудь замѣтить, надъ чѣмъ нибудъ посмѣяться—какую нибудъ новую системочку, гипотезочку или другой подобный выкидышъ изъ собственной головки. Въ открытую дверь залы вошли также многіе незнакомцы, объявившіе себя великими людьми изъ знаменитаго сословія юристовъ; все это были угловатые, подозрительные господа, съ полнымъ самодовольствіемъ опредѣлявшіе, обсуждавшіе и оспаривавшіе малѣйшее слово какой нибудъ статьи изъ Пандектовъ. И съ каждой минутой появлялись все новыя лица—старые юристы, въ старомодныхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ, длинныхъ парикахъ, съ давно забытыми лицами, на которыхъ было написано глубокое удивленіе, что никто не обращалъ вниманія на нихъ—высокознаменитыхъ личностей пршедшаго столѣтія. И по своему они приняли участіе во всеобщемъ говорѣ, пискѣ и крикахъ, которые, точно морскія волны, шумѣли все сильнѣе и сильнѣе и оглушили высокую богиню до того, что она потеряла терпѣніе и вдругъ закричала страшнымъ голосомъ исполнскаго отчаянія: «Молчите! Молчите! я слышу голосъ дорогаго Прометея: лавительное могущество и нѣмое насиліе боговъ приковали невиннаго къ утесу, и вся ваша болтовня, всѣ ваши споры не освѣжаютъ его ранъ, не разобьютъ цѣпей его!» Такъ воскликнула богиня, и ручьи слезъ побѣжали изъ глазъ ея. Все собраніе завылло, точно охваченное страхомъ смерти; своды залы затрещали, книги повалились съ полокъ, старый Мюнхаузенъ, выскочивъ изъ своей рамки, напрасно старался возстановить спокойствіе... Крики и шумъ становились страшнѣе и

страшите... Я убѣжалъ отъ этихъ бѣснующихся безумцевъ и укрылся въ исторической залѣ, на томъ благословенномъ мѣстѣ, гдѣ священными изображеніями Аполлона Бельведерскаго и Венеры Медичейской стѣнъ одно подѣлать другаго... И я бросаю къ ногамъ богини красоты, въ созерцаніи ея я позабылъ тотъ бѣшеный шумъ, отъ котораго я только что спасся, глаза мои съ восторгомъ упивались гармоніею и вѣчною прелестью ея высокочудныхъ формъ, греческое спокойствіе разлилось по душѣ моеи, а надъ головою, точно небесное благословеніе, прошепсались сладчайшіе звуки лиры Феба Аполлона.»

Какъ бы то ни было, а житейскія обстоятельства лежали тяжелымъ гнетомъ на бѣдномъ «персидскомъ повѣ» и онъ по неволѣ долженъ былъ покоряться имъ. Вотъ какія мрачныя строки писалъ онъ по приѣздѣ въ Геттингенъ своему задушевному другу:

«Любезный Мозеръ! Я уже девять дней живу здѣсь, это значитъ, что скука уже побѣждаетъ меня. Но я самъ хотѣлъ этого, слѣдовательно нечего и говорить о томъ. Я никогда больше не буду жаловаться. Вчера вечеромъ я читалъ письма Руссо и увидѣлъ, какъ скучно слушать постоянныя жалобы. Но я жалуясь только на свое здоровье и — въ этомъ ты долженъ отдать мнѣ справедливость — мерзавцы, старающіеся своими интригами зачумить мою жизнь, рѣдко вызывали у меня жалобы. Я чувствую себя достаточно великимъ для этого. Теперь я живу весь погруженный въ мою юриспруденцію. Ты ошибаешься, если думаешь, что я не буду хорошимъ юристомъ. Ты можешь никогда не признавать меня адвокатомъ, но не говори этого другимъ, иначе, я въ самомъ дѣлѣ умру съ голоду. Я хочу съ этихъ поръ брать свой насущный хлѣбъ съ вѣсовъ Феиды, а не жить подачками моего дяди. Провешствія прошедшаго лѣта *) произвели на меня мрачное, демониическое впечатлѣніе. Я не достаточно великъ для того, чтобы переносить униженіе. Очень можетъ быть, что во мнѣ болѣе дурнаго, чѣмъ хорошаго, хотя и то и другое лежитъ во мнѣ колоссальными массами. Однако, я люблю все доброе, и потому-то люблю также тебя, добрый Мозеръ.»

«Я живу здѣсь — писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же Мозеру — очень тихо. *Corpus juris* служитъ мнѣ подушкою. Впрочемъ, я занимаюсь и кое-чѣмъ другимъ, напримеръ чтеніемъ хроникъ и питьемъ

*) Гейне намекаетъ здѣсь на обращеніе съ нимъ его милыхъ родственниковъ.

нива. Библиотека и погребъ разоряютъ меня. Любовь тоже мучить меня. Это уже не прежняя, односторонняя любовь къ одной женщинѣ. Я пересталъ быть монотонистомъ въ любви и какъ привлекаетъ меня двойное пиво, точно также привлекаетъ и двойная любовь. Я люблю Медицейскую Венеру, стоящую въ здѣшней библиотекѣ, и прекрасную кухарку надворнаго совѣтника Бауэра. Ахъ! и обѣихъ вхъ люблю я несчастливо!..»

Большая часть писемъ этого періода носить на себѣ мрачный характеръ, чему много способствовали физическія страданія. Въ мартѣ 1824 г. Гейне собирался съѣздить на нѣсколько недѣль въ Берлинъ къ Мозеру и между прочимъ писалъ ему:

«Заранѣе прошу тебя, когда мы свидимся, устрой такъ, чтобы я не слышалъ ни одного гегелевскаго слова; вообрази себѣ, что я олухъ въ родѣ Каюса и Тиціуса и др. Вообще не требуй отъ меня никакихъ проявленій силы; умерла моя поэзія, или нѣтъ, и говорятъ ли наши берлинскіе эстетика обо мнѣ все что имъ угодно — что тебѣ за дѣло? Не знаю, правы ли тѣ, которые смотрятъ на меня какъ на потухшій свѣтъ. — знаю только, что я не буду ничего писать до тѣхъ поръ, пока мои головные нервы будутъ причинять мнѣ боль; теперь болѣе чѣмъ когда нибудь я чувствую въ себѣ присутствіе Бога и болѣе чѣмъ когда нибудь — презрѣніе къ толпѣ; но рано или поздно пламя духа должно же угаснуть въ человѣкѣ; болѣе продолжительно — можетъ быть вѣчно — то пламя, которое, какъ любовь (дружба есть искра этого пламени), проникаетъ это гнилое тѣло. Да Мозеръ, если бы это пламя захотѣло погаснуть, ты могъ бы прійти въ безпокойство. Покажеться опасности нѣтъ; я чувствую его жаръ.»

Когда получилось извѣстіе о смерти Байрона, Гейне написалъ Мозеру:

«Смерть Байрона сильно взволновала меня. Это былъ единственный человѣкъ, на котораго я смотрѣлъ какъ на роднаго себѣ, и мы во многихъ вещахъ были похожи другъ на друга — смѣйся надъ этимъ, сколько хочешь. Въ последнее время я рѣдко читалъ его; человѣкъ охотиѣ сходится съ тѣми людьми, которые противоположны ему по характеру. Но я всегда обращался съ Байрономъ, какъ съ совершенно равнымъ себѣ товарищемъ. Съ Шекспиромъ я не могу обходиться такъ фамиллярно, я слышимъ хорошо чувствую, что я неровня ему: онъ всеисильный министръ, а я ничто иное, какъ надворный совѣтникъ»

и смотрю на него такъ, какъ будто онъ каждую минуту можетъ уволить меня отъ должности.»

Почти въ каждомъ письмѣ Гейне изъ Геттингена видно, что занятіе юриспруденціею, — занятіе, въ которомъ главную роль игралъ насущный хлѣбъ, — съ каждымъ днемъ становилось ему все болѣе и болѣе противно. «Я провелъ — говорилъ онъ въ одномъ изъ писемъ — нынѣшнее лѣто очень печально: съ юриспруденціей и головными болями.» Чтобы освѣжиться, онъ отправился путешествовать на Гарцъ, — да, именно, чтобы освѣжиться, что доказываетъ прологъ къ описанію этого путешествія:

Черные фраки, чулочки,
Ловко скроенныя платья,
Приторно-сладкія рѣчи,
Ласки, лобзанья, объятія...

Ахъ, если бь души съ любовью,
Съ теплою любовью въ нихъ были!
Зауки ихъ ложныхъ страданій
До смерти мнѣ опостыли!

Въ горы отъ васъ уйду я,
Въ горы, гдѣ набожны люди,
Въ горы, гдѣ воздухъ свѣжѣе,
Легче гдѣ дышится груди;

Въ горы, гдѣ шепчутся ели,
Воды прозрачны, гремячи,
Весело птицы щебечуть,
Гордо проносятся тучи.

Миръ вашъ, блестящія залы,
Гладкія дамы, мужчины!
Въ горы!.. Оттуда взгляну я
Весело въ ваши долины!

Но и въ этихъ горахъ житейскій гнетъ не оставлялъ его. «Это путешествіе — писалъ онъ Мозеру — было для меня очень спасительно и я чувствую, что оно сильно укрѣпило меня. Я прошелъ пѣшкомъ и большею частью одинъ весь Гарцъ, я прошелъ по прекраснымъ горамъ, прекраснымъ лѣсамъ и долинамъ и снова вздохнулъ свободно. Домой, и опять-таки пѣшкомъ, я прошелъ чрезъ Эислебенъ, Галь,

Йену, Веймаръ, Эфуртъ, Готу, Эйзенахъ и Кассель. Я видѣлъ много великолѣпнаго и милаго, и еслибы юриспруденція не слѣдовала за мною въ видѣ призрака, свѣтъ показался бы мнѣ безукоризненно прекраснымъ. Заботы также ползутъ вслѣдъ за мною. Лишній годъ, который мой дядя далъ мнѣ на ученье, приближается къ концу, а я далеко еще не совладаю съ своимъ Jus и поэтому попалъ въ тиски. Кроме того, въ настоящую минуту я не возбуждаю особеннаго энтузіазма, я не настолько глупъ, чтобъ скрывать это отъ себя и очень хорошо понимаю причины разныхъ пожатій плечъ и покачиваній головы. Словомъ, меня считаютъ умственно обанкротившимся, и я не обвиняю ни одного разумнаго купца, который не дѣдаетъ мнѣ кредита. Ты понимаешь меня.»

Выше мы привели письмо, въ которомъ Гейне высказывалъ въ нѣсколькихъ словахъ свой взглядъ на Байрона; въ другомъ письмѣ къ Мозеру онъ говоритъ о Гете и Сафирѣ (извѣстномъ юмористѣ), — и эти нѣсколько строкъ уже однѣ хорошо характеризуютъ знаменитаго поэта. Вотъ что именно писалъ онъ:

«Ты ничего не потерялъ оттого, что я ничего не писалъ тебѣ о Гете, о томъ, какъ я съ нимъ бесѣдовалъ въ Веймарѣ, и какія ласковыя и милыя вещи онъ говорилъ мнѣ. Гете теперь *) ничто иное, какъ зданіе, въ которомъ нѣкогда цвѣли великолѣпныя растенія, и только съ этой точки зрѣнія онъ интересовалъ меня. Онъ возбудилъ во мнѣ чувство тоски, и я больше люблю его съ тѣхъ поръ, какъ смотрю на него съ состраданіемъ. Но въ основаніи, я и Гете — двѣ природы, которыя, будучи совершенно разнородны, должны отталкивать одна другую. Онъ всегда былъ ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ, который ставилъ выше всего наслажденье жизнью, и хотя иногда чувствовалъ и высказывалъ въ своихъ стихахъ жизнь для идеи и въ идеѣ, но никогда не понималъ ее глубоко и еще меньше жилъ этою жизнью. Я же напротивъ того всегда былъ мечтателемъ, т. е. человѣкомъ, до самоотверженія преданнымъ идеѣ, и постоянно стремившимся погрузиться въ нее; но при этомъ я понималъ наслажденіе жизнью и находилъ въ немъ удовольствіе, и теперь во мнѣ происходитъ сильная борьба между моимъ свѣтлымъ разсудкомъ, склоняющимся на сторону житейскихъ наслажденій и отвергающимъ всякое восторженное самопожертвованіе какъ нѣчто безумное, и моими мечтательными стремленіями, кото-

*) Это было писано въ 1825 г.

рыя часто неожиданно вырываются наружу, и насильственно охватывают меня, и, может быть, когда илбудь снова *низвернуть*, или лучше сказать, *вознесуть* меня въ свое старое царство. Говорю *вознесуть*, потому что это еще большой вопрос: не испытывает ли мечтатель, жертвующій даже жизнью за идею больше блаженства въ одну минуту, чѣмъ господинъ фонъ-Гете во все время своей семидесятишестилѣтней эгоистически-спокойной жизни? *)

«Сафиръ, о которомъ ты говоришь, повидимому требуетъ еще большой шлифовки. На дняхъ я читалъ одну статейку его въ «Gesellschaftler». Острота, отдѣльно взятая, не имѣетъ никакой цѣны. Я только тогда могу переносить остроту, когда она имѣетъ серьезное основаніе. Оттого то острота Берне, Жанъ-Поля и мута въ «Лирѣ» обладаетъ такою страшною силою. Обыкновенная острота есть ничто иное, какъ чиханіе разсудка, какъ охотничья собака, бѣгущая за собственною тѣнью, какъ обезьяна въ красной курткѣ, любующаяся на себя между двухъ зеркалъ, какъ незаконнорожденный, котораго прозавело на свѣтъ безумье, случившійся на большой дорогѣ съ разсудкомъ...»

Мы бы совѣтовали многимъ изъ нашихъ русскихъ юмористовъ записать у себя на стѣнѣ эти слова величайшаго изъ сатириковъ.

20 іюля 1825 г. Гейне защищалъ диссертацію на доктора и удостоился полученія этой ученой степени.

«Я—писалъ онъ черезъ нѣсколькихъ дней послѣ того Мозеру—диспутировалъ, какъ каретная лошадь, когда защищалъ 4 и 5 положенія—о присягѣ и confagratio. Дѣло обошлось очень хорошо и деканъ (Гуго), во время этой торжественной сцены, осыпалъ меня похвалами, высказавъ свое удивленіе тому, что великій поэтъ оказался въ то же время великимъ юристомъ. Если бы эти послѣднія слова не сдѣлали меня недоувѣрчивымъ къ этой похвалѣ, то я немало возгордился бы тѣмъ, что въ длинной латинской рѣчи, произнесенной съ кафедры, меня сравнили съ Гете и даже объявили, что по всеобщему приговору мои стихи могутъ быть поставлены на ряду съ стихами Гете. И это мнѣніе великій Гуго высказалъ отъ полноты сердца, и частнымъ об-

*) Въ одномъ изъ писемъ 1827 г. Гейне опять упоминалъ о Гете въ слѣдующихъ словахъ: «Что я не нравлюсь лакею аристократовъ, Гете, — это весьма естественно. Его порицаніе приноситъ честь съ тѣхъ поръ, какъ онъ хвалитъ все слабое. Онъ боится возрастающихъ титановъ. Теперь онъ слабій отжившій богъ, котораго сердить то, что онъ уже ничего не можетъ создать.»

разомъ онъ говорилъ еще много хорошаго въ тотъ-же самый день, когда мы поѣхали вмѣстѣ прогуливаться и я былъ приглашенъ къ нему на ужинъ. Въ слѣдствіе этого я нахожу, что Гансъ неправъ, отзываясь съ пренебреженіемъ о Гуго. Гуго—одинъ изъ величайшихъ людей нынѣшняго столѣтія».

Изъ нѣкоторыхъ писемъ Гейне видно, что онъ желалъ получить мѣсто профессора въ какомъ нибудь изъ университетовъ; почему это желаніе не осуществилось,—неизвѣстно.

Изъ Геттингена поэтъ переехалъ въ «проклятый», какъ онъ самъ выражался, Гамбургъ. Тутъ онъ главнымъ образомъ занимался своими сочиненіями; въ это время готовилъ онъ къ печати свои «Reisebilder». Денежныя обстоятельства его по прежнему были плохи, чему много способствовало то, что онъ игралъ въ карты и проигрывалъ; головныя боли по прежнему мучили его; ко всему этому присоединялись еще удовольствія, которыя онъ испытывалъ отъ цензуры, устремившейся какъ хищный воронъ на его «Harzreise». Немало огорчали его также клеветы, которыя распускались о его частной жизни, какъ родственниками его, такъ и soi-disant друзьями.

Въ концѣ 1825 г. появился первый томъ «Reisebilder». Цензура порядочно изувѣчила его, но тѣмъ неменѣе книга произвела огромное впечатлѣніе. Гейне занялся приготовленіемъ къ изданію второго тома ея. Раздражительное, мрачное настроеніе его увеличивалось теперь съ каждымъ днемъ; общество, окружавшее его, вселяло въ него отвращеніе; Германія опротивѣла ему. Уже съ этихъ поръ въ немъ созрѣло рѣшеніе — оставить навсегда Германію и поселиться во Франціи. Мысль эту онъ не разъ высказывалъ въ своихъ письмахъ. Такъ, приѣзжавъ въ Люнебургъ, чтобы провести нѣсколько времени въ кругу своего семейства, онъ писалъ Иммерману (14 октября 1826 г.):

«Я снова составилъ планъ—навсегда уѣхать изъ Германіи и проведу только часть нынѣшней зимы въ Гамбургѣ, гдѣ напечатаю вторую часть моихъ «Reisebilder». Оттуда я съѣзжу въ Амстердамъ и потомъ въ Парижъ. О, какъ я люблю море! Я совершенно сжился съ этою дикою стихіей, и когда она реветъ, на душѣ у меня становится легко....Въ самомъ дѣлѣ, нервы мои слишкомъ слабы для того, чтобы я могъ оставаться въ Германіи. Вотъ еслибы я имѣлъ силу моего Иммермана, эту съ каждымъ днемъ возрастающую силу!»

Въ другомъ письмѣ къ X. X. отъ 16 Ноября 1826 г. онъ опять говоритъ о томъ же самомъ планѣ:

«Я получилъ вчера письмо отъ Варнгагена; оно касается главнымъ образомъ моего плана — отправиться въ Парижъ и тамъ написать европейскую книгу. Объ этомъ планѣ никто не долженъ знать. Надѣюсь написать что нибудь получше г-жи Морганъ. Задача моя состоитъ въ томъ, чтобы коснуться только тѣхъ вопросовъ, которые имѣютъ обще-европейскій интересъ».

Между тѣмъ вторая часть «Reisebilder» вышла въ свѣтъ и надѣлала еще больше шуму, чѣмъ первая. Гейне писалъ Мозеру изъ Лондона: «Этою книгою я приобрѣлъ себѣ громадное число приверженцевъ и громадную популярность; лишь бы я только былъ здоровъ, а дѣлать я могу теперь много;—у меня теперь оглушительно громкій голосъ Ты будешь еще не разъ слышать его, гремящаго противъ жандармовъ мысли и нарушителей священнѣйшихъ правъ».

Въ другомъ письмѣ, писанномъ уже изъ Лукки, онъ еще сильнѣе высказался:

«Когда я возвращусь въ Германію—писалъ онъ—то издамъ третью часть своихъ «Reisebilder». Въ Мюнхенѣ полагаютъ, что теперь я уже не буду такъ сильно нападать на дворянство, потому что живу въ фойе аристократіи, люблю милыхъ аристократокъ— и люблю ими. Но они ошибаются. Моя любовь къ равенству всѣхъ людей, моя ненависть къ духовенству никогда не были такъ сильны, какъ теперь, и вотъ отчего главнымъ образомъ происходитъ моя односторонность. Но именно для того, чтобы дѣйствовать, человекъ долженъ быть одностороннимъ. Нѣмецкій народъ и Мозеръ (письмо это было писано къ Мозеру) никогда ничего не сдѣлаютъ именно въ слѣдствіе своей разносторонности».

И не въ одномъ мѣстѣ своихъ писемъ Гейне высказывалъ тѣ высокія побужденія, которыя заставляли его братья за перо. Такъ на примѣръ, онъ былъ въ 1828 г. редакторомъ журнала «Politische Annalen»; въ бытность его во Флоренціи, журналъ этотъ, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, былъ готовъ прекратиться. Гейне поспѣшилъ написать Кольбу и просилъ его, на время своего отсутствія, принять редакцію журнала, чтобы не допустить его до прекращенія. «Любезный Кольбъ—прибавлялъ онъ—баронъ Котта самъ можетъ засвидѣтельствовать вамъ, какую ничтожную роль играетъ въ этомъ дѣлѣ мой частный интересъ: единственное желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобы сохранить журналъ для либеральной партіи, которая въ Германіи имѣетъ такъ мало преданныхъ ей органовъ, и я думаю, что и вы, Кольбъ, охотно принесете жертву для этой цѣли. Теперь время борьбы за идею,

и журналы — наши крепости. Обыкновенно я вяль и апатиченъ, но тамъ, гдѣ моего содѣйствія требуетъ общій интересъ, я никогда не остаюсь назадъ».

Заключаемъ наши выписки изъ писемъ Гейне приведеніемъ слѣдующаго поэтического отрывка изъ письма, писаннаго имъ въ 1828 г. изъ Италіи Эдуарду фонъ-Шенку:

«Мысли мои объ Италіи вы рано или поздно встрѣтите въ печати. Незнаніе итальянскаго языка очень огорчаетъ меня. Я не понимаю людей и не могу съ ними разговаривать. Я вижу Италію, но не слышу ея. Но не смотря на это, я часто не остаюсь безъ собесѣдниковъ. Тутъ говорятъ камни, и я понимаю ихъ нѣмой языкъ. И они тоже повидимому глубоко чувствуютъ то, что я думаю. Такимъ образомъ сложенная колонна времени римскаго величія, разрушенная башня лонгобардовъ, полуразвалившаяся готическая аркада — очень хорошо понимаютъ меня. Вѣдь я и самъ развалина, блуждающая между развалинами. Равный всегда понимаетъ равнаго. Иногда старые дворцы хотятъ прошептать мнѣ что-то таинственное, но я не могу слышать ихъ шопота въ слѣдствіе глухого дневного шума; тогда я прихожу снова ночью, и мѣсяцъ — хорошій толмачъ, понимающій лапидарный стиль и умѣющій переводить его на языкъ моего сердца. Да, ночью я совершенно понимаю Италію; въ эту пору молодой народъ съ своимъ молодымъ опернымъ языкомъ спитъ, а старики встаютъ съ своихъ холодныхъ постелей и говорятъ со мной на превосходнѣйшемъ латинскомъ языкѣ. Есть что-то призрачное, когда прѣѣжаешь въ страну, гдѣ не понимаешь живого языка и живого народа, и вмѣсто этого отлично понимаешь языкъ, который процвѣталъ тамъ за цѣлое тысячелѣтіе и, давно сдѣлавшись мертвецомъ, употребляется только полуночными духами».

Письма, помѣщенные въ 19 т., оканчиваются, или вѣрнѣе, начинаются 1831 годомъ, т. е. тѣмъ временемъ, когда Гейне прѣѣхалъ въ Парижъ, откуда уже не выѣзжалъ. Въ письмахъ этихъ много пробѣловъ, много недосказаннаго; это ясно видно уже изъ того, что въ тѣхъ изъ

нихъ, которыя были писаны съ острова Гельголанда въ 1830 г., изъ слова не говорится о юльскихъ событіяхъ во Франціи. Между тѣмъ, эти событія произвели на поэта сильнѣйшее впечатлѣніе; имъ посвящаетъ онъ нѣсколько удивительныхъ страницъ въ своемъ сочиненіи «Ueber Bögne». Мы приведемъ здѣсь нѣсколько извлеченій изъ этихъ писемъ.

Гельголандъ. 6 августа.

«Въ то время, какъ войско короля геруловъ сражалось съ Лонгобардами, король герульскій спокойно сидѣлъ въ своей палаткѣ и игралъ въ шахматы. Онъ грозилъ смертью каждому, кто принесетъ ему вѣсть о пораженіи. Часовой, который, сидя на деревѣ, слѣдилъ за ходомъ битвы, постоянно кричалъ: «Мы побѣждаемъ! Мы побѣждаемъ!» Наконецъ, онъ съ громкимъ стономъ произнесъ: «Несчастный король! Несчастный народъ герульскій!» Тогда только король замѣтилъ, что битва проиграна, но было уже поздно! потому что лонгобарды въ то же время проникли въ его палатку и убили его...»

Именно эту исторію читалъ я у Павла Варнефрида, когда съ материка получился толстый пакетъ газетъ съ теплыми, знойно жаркими новостями. То были солнечные лучи, завернутые въ бумагу, и они произвели въ душѣ моей самый дикій пожаръ. Мнѣ казалось, что я могъ бы зажечь весь океанъ до сѣвернаго полюса тѣмъ огнемъ вдохновенія и безумной радости, который пылалъ во мнѣ. Я, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по всему дому и поцѣловалъ сначала толстую хозяйку, а потомъ ея привѣтливую зубатку, я обнялъ также прусскаго востыдъ-рата, на губахъ котораго однако не совсѣмъ исчезла холодная улыбка невѣрія. Даже голландца прижалъ я къ своему сердцу... Но это равнодушное жирное лицо осталось холоднымъ и спокойнымъ, и если бы само юльское солнце обняло минъ-герра, онъ, я думаю, только немного вспотѣлъ бы, но отнюдь не воспламенился. Эта апатичность среди всеобщаго одушевленія возмутительна. Подобно тому, какъ спартанцы приучали своихъ дѣтей къ трезвости тѣмъ, что постоянно показывали имъ пьянаго илота, такъ мы должны были бы откармливать въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ голландцевъ для того, чтобы ихъ безстрастная, рыбаья натура поселяла въ дѣтяхъ отвращеніе къ апатичности. Въ самомъ дѣлѣ, эта голландская апатичность — порокъ гораздо болѣе фатальный, чѣмъ пьянство илота. Я съ удовольствіемъ покочетилъ бы минъ-герра...

Но нѣтъ, прочь всякія крайности! Парижане дали намъ такой блестящій примѣръ умеренности. Да, вы, французы, вы заслуживаете быть свободными, потому что вы носите свободу въ сердцахъ. Этими вы отличаетесь отъ вашихъ бѣдныхъ предковъ, страхнувшихъ съ себя тысячелѣтнее рабство, но совершавшихъ, рядомъ съ своими геройскими подвигами, тѣ безумныя злодѣянія, которыя заставляли генія челоуѣчества въ ужасѣ закрывать лицо. Теперь руки народа покрылись кровью не въ бою, но въ свалкѣ законной обороны. Народъ самъ перевязалъ раны своихъ враговъ, и когда дѣло окончилось, снова принужденъ за свои обыкновенныя занятія, не потребовавъ за нелицую работу ни копѣйки на водку!

Страшисъ раба, когда онъ цѣпи носить;
Людей свободныхъ не страшисъ!

Ты видишь, въ какомъ я упоеніи, какъ я виѣ себя.. Я цитирую самыя плохіе стихи Шиллера.

И стараго ребенка, котораго неисправимое безуміе стоило гражданамъ столько крови, парижане пощадилъ чрезвычайно трогательно. Онъ также, какъ король геруловъ, сидѣлъ за шахматами, когда побѣдителя вторгнувшись въ его палатку. Дрожащею рукою онъ подписалъ отреченіе. Онъ никогда не хотѣлъ слушать правду. Онъ преклонялъ слухъ только ко лжи своихъ придворныхъ. Они постоянно восклицали: «Мы побѣждаемъ! мы побѣждаемъ!».. Съ глубокимъ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ вокругъ себя, когда *Journal des Débats*, какъ нѣкогда вѣстникъ короля геруловъ, внезапно воскликнулъ: «*Malheureux roi! Malheureuse France!*»

Съ нимъ, съ Карломъ X, пала наконецъ имперія Карла Великаго, какъ имперія Ромула пала съ Ромуломъ Августуломъ. Какъ нѣкогда начался новый Римъ, такъ теперь начинается новая Франція.

Я все еще точно во снѣ; особенно имя Лафайета звучитъ для меня какъ сказка, слышанная въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ снова сидитъ на конѣ, предводительствуя національной гвардіей? Я почти боюсь, что это не правда, потому что это напечатано. Мнѣ хочется самому отправиться въ Парижъ, чтобы убѣдиться собственными глазами... Я воображаю себѣ, какое великолѣпное зрѣлище, когда онъ проѣзжаетъ по парижскимъ улицамъ, — онъ, гражданниъ обонхъ полушарій, богоподобный старецъ, серебряными кудрями котораго волнами падаютъ на священныя плечи... Старыми, ильми-

глазами онъ привѣтствуетъ внуковъ тѣхъ дѣдовъ, которые нѣкогда сражались съ нимъ за свободу и равенство... Ровно шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Америки и провозгласилъ человѣческія права, эти десять заповѣдей новой міровой вѣры, которыя тамъ были открыты ему при громѣ и молніи пушекъ... И теперь снова развѣвается на парижскихъ башняхъ трехцвѣтное знамя, и снова раздаются звуки Марсельезы!

Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, Марсельеза... Я въ совершенномъ ошьяненіи. Смѣлыя надежды страстно воздымаются во мнѣ, какъ деревья съ золотыми плодами и дикими, длинными вѣтвями, достигающими до отдаленныхъ облаковъ... Но облака, въ быстромъ полетѣ своемъ, вырываютъ съ корнемъ эти исполинскія деревья и бѣгутъ дальше. Небо наполнено звучными скрипками, и море, я слышу снова, пахнетъ свѣжеиспеченными пирожками. Тамъ наверху въ небесноглубомъ пространствѣ постоянно раздаются веселые звуки скрипокъ, а въ смарагдовыхъ волнахъ слышится что-то похощее на радостный хохотъ дѣвухекъ. Но подъ землею трескъ и клокотаніе, земля разверзается, старые боги высовываютъ оттуда головы, и съ торопливымъ удивленіемъ спрашиваютъ: «Что означаетъ это ликованіе, проникнувшее въ самую сердцевицу земли? Что случилось новаго? Ужъ нельзя-ли намъ снова выйти изъ-подъ земли?» Нѣтъ, оставайтесь въ вашемъ туманномъ царствѣ, куда скоро сойдетъ къ вамъ новый товарищъ... «Какъ зовутъ его?» Вы хорошо знаете его, вы, которыхъ онъ нѣкогда повергнулъ въ царство вѣчной ночи...

Панъ умеръ!

Гельголандъ. 10 августа.

Лафайетъ, трехцвѣтное знамя, Марсельеза...

Кончилась моя жажда спокойствія. Теперь я снова знаю, что я хочу, что долженъ, что обязанъ дѣлать... Я сынъ революціи и снова берусь за оружіе, надъ которымъ моя мать пронесла свое полное чаръ благословеніе... Цвѣтовъ! цвѣтовъ! Я увѣчаю ими свою голову

для смертельной битвы! И лиру, дайте мнѣ лиру, чтобы я спѣлъ боевую пѣсню. Изъ нея вылетаютъ слова, подобныя пламеннымъ звѣздамъ, которыя стрѣляютъ внизъ съ небесной высоты, и сожигаютъ чертоги, и освѣщаютъ хижины... Слова, подобныя метательнымъ копьямъ, которыя влетаютъ въ седьмое небо и поражаютъ набожныхъ лицезрѣвъ, которые пробрались тамъ въ Святую Святыхъ... Я весь радость и пѣснопѣніе, весь мечъ и огонь!

Можетъ быть я совсѣмъ сошелъ съ ума... Изъ этихъ дикихъ, завернутыхъ въ бумагу солнечныхъ лучей, одинъ попалъ мнѣ въ мозгъ, и всѣ мои мысли горятъ яркимъ пламенемъ. Напрасно я погружаю голову въ море. Никакая вода не можетъ загасить этотъ греческій огонь. Но и съ другими дѣлается то же самое. И остальныхъ людей, прїѣхавшихъ сюда купаться, ударили въ мозгъ лучи парижскаго солнца, особенно берлинцевъ, которые въ нынѣшнемъ году собрались здѣсь въ большомъ количествѣ и переѣзжаютъ съ одного острова на другой, такъ что можно сказать, что сѣверное море наводнено берлинцами. Даже бѣдные гелъголандцы ликуютъ, не смотря на то, что они только инстинктомъ понимаютъ эти событія. Рыбакъ, который перевозилъ меня вчера на маленькій, песчаный островъ, гдѣ я купаюсь, встрѣтилъ меня улыбкой и словами: «бѣдные люди побѣдили!» Да, народъ, можетъ быть, понимаетъ событія своимъ инстинктомъ лучше, чѣмъ мы—всеми нашими вспомогательными познаніями. Такъ, г-жа Варнгагенъ рассказывала мнѣ, что когда исходъ лейпцигской битвы былъ еще неизвѣстенъ, то горничная вдругъ вбѣжала въ комнату и съ испугомъ закричала: «дворянство выиграло!»

На этотъ разъ побѣду одержали бѣдные люди. «Но это принесетъ имъ мало пользы, если они не одержатъ также побѣды надъ наследственнымъ правомъ!» Эти слова произнесъ восточно-прусскій юстициратъ такимъ тономъ, который крайне поразилъ меня. Не знаю почему эти слова, которыхъ я не понимаю, остаются въ моей памяти и наводятъ на меня такую тоску. Что хотѣлъ сказать ими этотъ высохшій чудакъ?

Сегодня утромъ снова полученъ пакетъ съ газетами. Я проглотилъ ихъ, какъ манну. Такое дитя, какъ я, трогательныя подробности занимаютъ еще болѣе, чѣмъ многозначительное цѣлое. О, какъ бы я хотѣлъ увидѣть хоть собаку Медора! Она интересуется меня больше, чѣмъ другія, которыя въ нѣсколько скачковъ принесли Филиппу орлеанскому корону. Собака Медоръ принесла своему хозяину ружье и патронташъ, и когда ея хозяинъ палъ и виѣстъ съ своими героями —

товарищами былъ похороненъ на луврскомъ дворѣ, бѣдная собака, точно каменное изваяніе вѣрности, утѣлась на могилѣ и сидѣла дни и ночи, едва дотрогиваясь до предлагавшихся ей кушаньевъ и зарывая остальную часть ихъ въ землю, можетъ быть для того, чтобы кормить своихъ похороненныхъ хозяевъ!

Я не могу больше спать, и въ моемъ раздраженномъ утѣ проходить самыя странныя фигуры. То недремлющія грезы, которыя толкають одна другую такъ, что образы причудливо смѣшиваются между собою и какъ въ китайскомъ фонарѣ то становятся карликами, то вдругъ обращаются въ гигантовъ; просто съума сходи. Въ такомъ положеніи мнѣ иногда кажется, что мои собственные члены также получаютъ колоссальныя размѣры и что я на неизвѣрно длинныхъ ногахъ перебѣгаю изъ Германіи во Францію. Да, я помню, что прошедшею ночью я пробѣгалъ по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ и землицамъ, и стучалъ въ двери моихъ друзей, и будилъ спящихъ.. Они порою смотрѣли на меня удивленными, стеклянными глазами, такъ что я самъ пугался и не могъ тотчасъ же объяснить себѣ, чего я собственно хотѣлъ и для чего я будилъ ихъ. Многихъ толстыхъ филистеровъ, которые слишкомъ отвратительно храпѣли, и знаменательно толкали подъ бока, и они, зѣвая, спрашивали: «какой часъ?» Въ Парижѣ, любезные друзья, пробричалъ пѣтухъ; вотъ все, что я знаю. За Аугсбургомъ, по дорогѣ въ Мюнхенъ, я встрѣтилъ множество готическихкихъ церквей, которыя, казалось, были готовы къ бѣгству и бѣззависо шатались. Я самъ, уставъ бѣготнею, вздумалъ наконецъ полетѣть и началъ перелетать отъ одной звѣзды къ другой. Но эти звѣзды не населенныя міры, какъ полагають другіе, а просто блестящіе каменные шары, пусгые и безплодные. Они не падаютъ внизъ потому, что не знаютъ, гдѣ имъ можно упасть и ходить въ вышинѣ взадъ и впередъ въ величайшемъ затрудненіи... Былъ я и въ небѣ. Двери и ворота были отперты. Въ одной комнатѣ сидѣлъ за конторкой старый, худощавый человекъ и перебиралъ груды бумагъ. Я заговорилъ съ нимъ громко. «Не говорите такъ громко», быстро возразилъ старый, худощавый человекъ, повернулся ко мнѣ спиною и снова зашумѣлъ бумагами «Это господинъ регистраторъ», шепнулъ мнѣ одинъ изъ служителей, поднявшись со стула, на которомъ онъ спалъ, и съ званіемъ протирая себѣ глаза..

Панъ умеръ!

Кургафень. 19-го августа.

Неприятный переjazd, въ открытой лодкѣ противъ вѣтра... Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ я страдалъ отъ морской болѣзни. Море, какъ и другія существа, платятъ мнѣ за любовь безпокойствомъ и мученіями. Сначала же идетъ, какъ слѣдуетъ, и я нахожу удовольствіе въ заманчивомъ покачиваньи. Но мало по малу голова моя начинаетъ кружиться и всевозможныя баснословныя лица являются предо мною. Изъ темныхъ безднъ моря выплываютъ старыя демоны въ отвратительной наготѣ до пояса, они воютъ скверныя, непонятныя стихи, и брызгаютъ мнѣ въ лицо бѣлою пѣной волнъ. Еще болѣе фатальныя рожи образуются изъ тучъ, которыя опускаются такъ низко, что почти касаются моей головы, и своими глупыми фистуловыми голосами насвистываютъ мнѣ въ ухо самыя непривѣтныя глупости. Такая морская болѣзнь, правда, неопасна, но тѣмъ неменѣе она вызываетъ самыя странныя и неприятныя ощущенія, способныя довести до сумасшествія. Наконецъ, въ этой лихорадочной тоскѣ, мнѣ показалось, что я рыба и что въ животѣ у меня сидитъ пророкъ Іона. Пророкъ Іона шумѣлъ въ моемъ животѣ и постоянно восклицалъ:

«О, Ниневія, о, Ниневія, ты погибнешь! Въ твоихъ дворцахъ нищія будутъ искать вшей, а въ твоихъ храмахъ вавилонскіе кирасиры будутъ кормить своихъ лошадей. Но васъ, жрецовъ Ваала, васъ схватитъ за уши и ваши уши приколотятъ гвоздями къ дверямъ храма. Да, къ дверямъ вашихъ лавокъ пригвоздятъ васъ за уши, васъ, хлѣбопековъ божіихъ; потому что вы держали фальшивыя вѣсы и продавали народу пустой, фальшиво взвѣшенный хлѣбъ! О, лукавыя обрѣзаны! Когда народъ голодалъ, вы давали ему тощую, гомеопатическую, кажущуюся пищу, а когда онъ умиралъ отъ жажды, вы напились вмѣсто его! только королямъ протаживали вы полную чашу. Но васъ, ассирійскихъ невѣждъ и грубіяновъ, васъ будутъ бить палками и прутьями, и топтать васъ ногами, и давать вамъ пощечины, и это я положительно предсказываю вамъ, потому что, во-первыхъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы это случилось, а во-вторыхъ—я пророкъ, пророкъ Іона, сынъ Амфея... О Ниневія, о Ниневія, ты погибнешь!»

Такъ почти говорилъ ораторъ, сидѣвшій въ моемъ животѣ, и при этомъ такъ сильно жестикулировалъ и поворачивался у меня въ киш-

какъ, что вся внутренность моя перевернулась.... Наконецъ, я не могъ долѣе выносить этого, и меня вырвало.

Когда я такимъ образомъ облегчился, то услышалъ подлѣ себя голосъ прусскаго юстицрата, говорившаго мнѣ: «Ну, слава Богу, что вамъ стало лучше. Мы сейчасъ пристанемъ къ берегу и чашка чаю отлично поможетъ намъ. Я послѣдовалъ его совѣту и совершенно оправился, когда высадился на берегъ и выпилъ въ курхафенской гостинницѣ хорошую чашку чаю.

Здѣсь все кишитъ гамбургцами и ихъ супругами, нуждающимися въ морскомъ купаньи. Капитаны кораблей изъ всѣхъ странъ, ожидающіе попутнаго вѣтра, также продаживаются здѣсь взадъ и впередъ по высокимъ плотинамъ, или сидятъ въ шинкахъ, гдѣ пьютъ очень крѣпкій грогъ и ликуютъ по поводу трехъ іюльскихъ дней. Изъ всѣхъ устъ вылетаетъ въ честь французовъ заслуженный ими вивать, и британецъ, прежде столь скупой на слова, теперь восхваляетъ французовъ также краснорѣчиво, какъ и тотъ болтливый португалецъ, который сожалѣлъ, что не могъ отправить свой грузъ съ апельсинами прямо въ Парижъ, чтобъ осѣлжить народъ послѣ жара битвы. Мнѣ рассказывали, что даже въ Гамбургѣ, въ томъ Гамбургѣ, гдѣ ненависть къ французамъ была слишкомъ глубоко вкоренена, теперь главную роль играетъ энтузіазмъ къ французамъ... Все забыто, Даву, ограбленный банкъ, растрѣленные граждане, старомодные кафтаны, скверные стихи въ честь освобожденія, отецъ Блюхеръ, всѣ глупости 1814 года,—все забыто.... Повсюду развѣвается трехцвѣтное знамя, повсюду звучитъ Марсельеза, даже дамы появляются въ театрахъ съ трехцвѣтными бантами на груди, и улыбаются своими синими глазами, пунцовыми ротиками и былыми носиками.... Даже богатые банкиры, которые вслѣдствіе революціоннаго движенія, потеряли очень много денегъ на своихъ государственныхъ бумагахъ, великодушно разделяютъ общую радость и каждый разъ, какъ маклеръ объявляетъ мнѣ, что курсъ упалъ еще ниже, они высказываютъ тѣмъ больше удовольствія и отвѣчаютъ: «ну, что жъ такое! это ничего не значитъ, ничего не значитъ!»

Да, повсюду, во всѣхъ странахъ, люди очень легко поняли значеніе этихъ трехъ іюльскихъ дней и торжествуютъ въ немъ триумфъ собственныхъ интересовъ. Великій подвигъ французовъ слишкомъ ясенъ для всѣхъ народовъ и всѣхъ понятій, какъ высшихъ такъ и низшихъ, и въ степяхъ башкировъ онъ потрясаетъ умы точно также, какъ въ горахъ Андалузій... Я вижу отсюда, какъ, при полученіи этого извѣстія,

у неаполитанца останавливаются во рту макароны, а у ирландца — картофель... Пульчинель способен схватиться за мечь, а Падди выкинуть может быть такую штуку, от которой у англичанъ пройдетъ охота схватиться.

А Германия? Не знаю. Сдѣлаемъ ли мы наконецъ изъ нашихъ дубовыхъ лѣсовъ настоящее употребленіе, то есть, устроимъ ли мы изъ нихъ баррикады для освобожденія міра? Воспользуемся ли мы наконецъ, мы, которыхъ природа надѣлила такимъ умомъ, такою силою, такою отвагою, — воспользуемся ли мы наконецъ нашими природными дарами, и поймемъ ли, провозгласимъ ли, осуществимъ ли слово великаго учителя, ученіе о правахъ человѣчества?

Теперь, ровно шесть лѣтъ, какъ я, странствуя пѣшкомъ по отечеству, пришелъ въ Вартбургъ и посѣтилъ келью, въ которой жилъ докторъ Лютеръ. То былъ отличный человѣкъ, котораго нельзя ни въ чемъ упрекнуть; онъ совершилъ исполнскій подвигъ; и мы должны вѣчно, съ благодарностью цѣловать ему руки за то, что онъ сдѣлалъ.

Въ Вартбургѣ посѣтилъ я также арсеналъ, гдѣ висятъ старыя оружія, желѣзный гардеробъ среднихъ вѣковъ. Я задумчиво бродилъ по залѣ съ университетскимъ товарищемъ, молодымъ аристократомъ, отецъ котораго былъ въ то время однимъ изъ могущественнѣйшихъ владѣтельныхъ князей и повелѣвалъ дрожавшими передъ нимъ областями. Предки его также были могущественные бароны, и молодой человѣкъ погружался въ геральдическія воспоминанія при видѣ доспѣховъ и оружія, которыя, какъ гласила надпись, принадлежали одному изъ его родственниковъ; онъ снялъ со стѣны длинный мечъ своихъ предковъ, любопыествуя узнать, можетъ ли онъ сдержать его; но сознался, что мечъ тяжелъ для него и въ упыніи опустилъ руку. Когда я увидѣлъ это, когда я увидѣлъ, что рука внука слишкомъ слаба для меча дѣдовъ, тогда я подумалъ про себя: «Германія могла бы быть свободною...»

Послѣ этихъ жгучихъ лирическихъ страницъ, у Гейне помѣщенъ какъ бы эпилогъ къ нимъ, подъ заглавіемъ: «Десять лѣтъ спустя.» — Вотъ нѣсколько строкъ изъ него:

«Повсюду царствовало глухое спокойствіе. Солнце бросало злеги-

челюсти лучи на широкую синю немецкого теритива. Никакой вторости не верчала ирилыть пѣтуховъ на крылахъ нашихъ набожныхъ червей. На вершинѣ уединеннаго утеса сидѣла птица — буревѣстникъ; но онъ сонливо опустилъ крылья и повидному самъ думалъ, что онъ ошибся и что буря еще не скоро разразится. Печально и въ умнѣ сидѣла эта птица, еще не задолго до того съ таинъ шумомъ и могуществомъ пролетающая по воздуху и возвѣщавшая доброй Германіи всевозможныя бури. — Вдругъ на западѣ блеснула молнія, за нею послѣдовалъ громовой ударъ и страшный трескъ, какъ будто настала конецъ міру. Дѣйствительно, скоро пришла вѣсть о великой катастрофѣ, о трехъ дняхъ въ Парижѣ, гдѣ во второй разъ раздался набатъ народнаго гнѣва. Многимъ казалось уже, что они слышатъ въ отдаленіи трубу страшнаго суда. Все какъ будто предсказывало то примествіе кончины міра, о которомъ нѣкогда пѣли въ трепетѣ и ужасѣ сѣверныя скалды; да, многимъ казалось, что исполинскій волкъ сати приступаетъ къ своему страшному мщенію и собирается поглотить міръ, какъ о томъ возвѣщено въ ужасныхъ стихахъ Эдды. Но онъ не поглотилъ его, и добрый немецкій мѣсяцъ свѣтитъ и до сихъ поръ также тихо и нѣжно, какъ въ дни Вертера и Шарлотты, чувствительной памяти.. »

Повторяемъ, уже изъ того, что въ письмахъ, напечатанныхъ въ 19-мъ г. не говорится, даже не упоминается объ іюньскихъ событіяхъ, — ясно, что въ этихъ письмахъ много пробѣловъ. Мы извлекли изъ нихъ болѣе интересныя страницы, и думаемъ, что эти немногія извлечения могутъ прибавить кое-что къ уясненію личности Гейне, какъ писателя и какъ человѣка.

И. Шейнбергъ.

ТАНГЕЙЗЕРЪ.

(Поэма Гейне.)

I.

Бойтесь, бойтесь, Эссiane,
Сѣти демоновъ. Теперь я
Въ поученье расскажу вамъ
Очень древнее повѣрье.

Жилъ Тангейзеръ — гордый рыцарь.
Поселясь въ горъ — Венеры,
Страстью жгучей и любовью
Наслаждался онъ безъ мѣры.

— «О, красавица Венера!
Чась пришелъ съ тобой прощаться;
Не могу я жить съ тобою,
Не могу здѣсь оставаться».

— «Милый рыцарь, ты сегодня
Слушъ на ласки. Для чего же,
Не ласкаясь и тоскуя,
Хочешь бросить это ложе?

«Каждый день виномъ янтарнымъ
Я твой кубокъ наполняла,
И вѣнокъ изъ розъ душистыхъ
Каждый день тебѣ свивала».

— «Мнѣ наскучили, подруга,
Поцалуи, вина, розы,
Мнѣ нужны теперь страдавья,
Мнѣ доступны только слезы.

«Пусть замолкнуть смѣхъ и шутки,
Скорбь зову къ себѣ на смѣху,
Вместо розъ вѣянокъ терновый
Я на голову надѣну».

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
Ищешь ссоры ты, конечно;
Гдѣ жъ та клятва, что со мною
Объщался жить ты вѣчно?

«Въ темной спальнѣ, въ сладкой нѣгѣ
Я бѣ развлечь тебя умѣла...
Наслажденья общается
Это мраморное гѣло».

— «Нѣтъ, красавица Венера,
Красота твоя не вянетъ,
Многихъ, многихъ видѣ твой дивный
Очаруетъ и обманетъ.

«На груди твоей въ блаженствѣ
Замирали боги, люди,
И теперь мнѣ столь противенъ
Вѣчный трепетъ этой груди.

«Ты до нынѣ всѣхъ готова
Звать на ложе наслажденья,
Потому къ тебѣ невольню
Получилъ я отвращенье».

— «Рѣчь твоя меня жестоко,
Милый рыцарь, оскорбила.
Билъ меня ты, но побой
Прежде легче я сносила.

«Можно вынести удары,
Какъ бы не были жестоки,
Но выслушивать не въ смѣхъ
Я подобные упреки.

«Ласкъ моихъ тебѣ не нужно,
 Не нужна моя забота;
 Такъ прощай, мой другъ, — сама я
 Отворю тебѣ ворота».

II.

Гуль и звонъ несется въ Римъ,
 Рядъ прелатовъ внемлетъ хору,
 И въ процесси самъ папа
 Тихо шествуетъ къ собору.

На челъ Урбана папы
 Блескъ тиары драгоценной,
 И за нимъ несутъ бароны
 Пурпуръ мантии священной.

— «Подожди, святой владыко!
 Мнѣ въ грѣхъ открыться надо!..
 Только ты лишь вырвать можешь
 Душу грѣшную изъ ада!..»

Хоръ замолокъ; священныхъ гимновъ
 На мигу стили звуки,
 И къ ногамъ Урбана-папы
 Грѣшникъ палъ, поднявши руки.

— «Ты одинъ святой владыко,
 Судяшь правыхъ и неправыхъ;
 Защити меня отъ ада,
 Отъ свей его лукавыхъ!..»

«Имя мнѣ — Тангейзеръ — рыцарь.
 За блаженствомъ я гонялся
 И семь лѣтъ въ горъ Венеры
 Ныгой страсти ушвался.

«Лучшій цвѣтъ красавицъ міра
 Предъ Венерою блѣднѣть,
 Отъ рѣчей ея волшебныхъ
 Сердце мечется и млѣть.

«Какъ цвѣтовъ благоуханье
 Мотылька неволью манеть,
 Такъ меня къ губамъ Венеры
 Непонятной силой тянеть.

«По плечамъ ея роскошнымъ
Кудри падаютъ каскадомъ,
Я измѣль, какъ заколдованъ,
Подъ ея всесмѣльнымъ взглядомъ.

«Я стоялъ предъ нимъ недвижимъ,
Тайнымъ трепетомъ объятый,
И едва мнѣ силъ достало
Убѣжать съ горы проклятой.

«Я бѣжалъ — но вслѣдъ за мною
Взоръ слѣдилъ все съ той же силой,
И манилъ онъ, и шепталъ онъ:
«О, вернись, вернись, мой милый!»

«Днемъ брожу я, словно призракъ,
Ночь придетъ — и съ тѣмъ же взглядомъ
Та красавица приходитъ
И со мной садится рядомъ.

«Слышенъ смѣхъ ея безумный,
Зубы бѣлые сверкаютъ...
Только вспомню этотъ хохотъ —
Слезы съ глазъ моихъ сбываютъ

«Я люблю ее насильно,
Страсти гнетъ съ себя не скину;
Та любовь сильна, какъ волны
Разорвавшія плотину.

«Эти волны несдержимо
Въ бѣлой пѣнѣ съ ревомъ мчатся,
И при встрѣчѣ все ломаютъ
Въ брызги мелкіе дробятся.

«Я спалѣнъ любовью грѣшной,
Сердце выжжено, какъ камень...
Неужель въ груди изнывшей
Не угаснетъ адскій пламень?

«Ты одинъ, святѣйшій паша,
Судишь правыхъ и неправыхъ,
Защити-жь меня отъ ада,
Отъ свей его лукавыхъ!..»

Папа къ небу подыял руки
И вдохнувь, отвѣтилъ тамъ онъ:
— «Сынъ мой! власть моя безомысла
Тамъ, гдѣ власть живетъ демоны.

«Страшный демонъ — та Венера,
Изъ когтей ея прекрасныхъ
Не могу я, бѣдный рыцарь,
Вывать жертвъ ея несчастныхъ,

«Ты заплатишься душою
За усладу плоти грѣшной,
Проклять ты, а проклятому
Путь одинъ — во адъ кромѣшный...»

III.

И назадъ пошелъ Тангейзеръ,
Больно, въ кровь стирая ноги.
Въ ночь вернулся онъ къ Венерѣ
Въ подземельные чертоги.

И забыла сонъ Венера,
Быстро ложе покидала.
И любовника руками
Обвивая, цаловала.

Но ложится молча рыцарь,
Для него лишь отдыхъ нуженъ,
А Венера гостю въ кухню
Приготовливаетъ ужинъ.

Поданъ ужинъ, и хозяйка
Гостю кудри расчесала,
На ногахъ омыла раны
И пріятливо шептала:

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
Долго ты не возвращался;
Расскажи, въ какихъ же странахъ
Столько времени скитался?»

— «Былъ въ Итали и въ Римѣ
Я, подруга дорогая,
По дѣлать своимъ, но больше
Не поѣду я куда я.

« Тамъ, гдѣ Рима дальній берегъ
Тибръ волнами орошаетъ,
Папу видѣть я: Венерѣ
Онъ поклоны посылаетъ.

« Черезъ Флоренцію къ Рима
Я прошелъ, и былъ въ Миланѣ,
Проходилъ я черезъ Альпы,
Исчезая въ нѣтъ туманѣ.

« И когда я шелъ черезъ альпы, —
Падалъ снѣгъ, — мнѣ улыбались
Вкругъ озера голубые
И орлы переключались.

« Я съ вершины Сен-Готарда
Слышалъ, какъ храпѣла звонко
Вся страна почтенныхъ Нѣмцевъ,
Спавшихъ сладкииъ сномъ ребенка.

« И опять теперь вернулся
Я къ тебѣ, къ моей Венерѣ
И до гроба не покину
Я твоей волшебной двери.»

Дмитрій Ивановичъ.

ПРОКЛЯТЫЙ ДОМЪ.

(ИЗЪ СВЯТОЧНЫХЪ РАЗСЛАЗОВЪ ДИККЕНСА).

Обыкновенные смертные водворяются въ домъ.

Когда я впервые познакомился съ домомъ, составляющимъ предметъ настоящаго разсказа, то при этомъ не произошло ничего такого, что, по общепринятому повѣрью, неизбежно происходитъ тамъ, гдѣ въ дѣло бываетъ замѣшана чертовщина. Я увидѣлъ этотъ домъ днемъ при солнечномъ освѣщеніи. Не было ни вѣтра, ни дождя, ни молніи, ни грома, — ни одно ужасающее или необычайное обстоятельство не содѣйствовало возвышенію произведеннаго имъ эффекта. Мало того, я пришелъ къ нему прямо со станціи желѣзной дороги, отъ которой онъ отстоялъ не болѣе какъ на милю, такъ что, готовясь войти въ него и оглянувшись на пройденный мною путь, я могъ видѣть товарный поѣздъ, плавно катившій вдоль насыпи среди долинъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы все было буднично до пошлости, потому что не думаю, чтобы на свѣтѣ что либо могло быть такимъ — развѣ только для пошлыхъ людей — но я осмѣливаюсь утверждать, что домъ этотъ могъ и всякому другому въ любое ясное осеннее утро представиться такимъ же, какимъ онъ представлялся мнѣ.

Попалъ же я въ него вотъ какими судьбами.

Я ѣхалъ изъ сѣверныхъ графствъ, по направленію къ Лондону, намѣреваясь остановиться на пути и осмотрѣть вышеупомяну-

тый домъ. Здоровье мое требовало, чтобы я пожилъ нѣсколь-
ко времени въ деревнѣ; одинъ изъ моихъ пріятелей, знавшій
объ этомъ и случайно проѣзжавшій мимо этого дома, подалъ
мнѣ мысль, что не худо бы избрать его своею резиденціею. Я
сѣлъ въ вагонъ ровно въ полночь, заснулъ, потомъ проснулся,
просидѣлъ нѣсколько времени, любясь изъ окна на яркое сѣ-
верное сіяніе, опять заснулъ и проснулся уже на разсвѣтѣ,
какъ водится въ пасмурномъ расположеніи духа и съ такимъ
ощущеніемъ, какъ будто я всю ночь не смыкалъ глазъ. Я
такъ твердо былъ увѣренъ въ послѣднемъ фактѣ что, стыжусь
сказать, въ первыя глупыя минуты своего пробужденія, ка-
жется готовъ былъ по этому поводу побиться объ закладъ съ
своимъ vis-à-vis и при этомъ былъ вовсе не прочь отъ руко-
пашной схватки. У этого vis-à-vis — таковъ уже обычай
всѣхъ подобныхъ ему людей — оказалось въ теченіе ночи что-то
ужь очень много лишнихъ ногъ и всѣ эти ноги оказались не
въ мѣру длинными.

Въ довершеніе этихъ непохвальныхъ выходовъ (зпрочемъ,
чего же много и было ожидать отъ него?) онъ имѣлъ при се-
бѣ карандашъ и записную книжку, и то и дѣло къ чему-то
прислушивался и что-то записывалъ. Мнѣ показалось, что это
докучливое записыванье имѣло своимъ предметомъ толчки, по-
лучаемые вагономъ и я, такъ и быть, помирился бы съ нимъ
въ предположеніи, что господинъ этотъ состоитъ на службѣ во
вутейской части, если бы онъ, прислушиваясь, не глядѣлъ мнѣ
каждый разъ пристально черезъ голову. Господинъ этотъ отли-
чался пучеглазою и какъ будто недоумтвующею физиономіею
и поведеніе его стало наконецъ невыносимымъ.

Утро было холодное и унылое, (солнце еще не вставало), я
доглядѣлъ какъ блѣднѣли огни по чугунымъ заводамъ и какъ
разступилась завѣса тяжелаго дыма, застилавшая мнѣ разомъ
и звѣздное сіяніе и сіяніе дня, и обратился къ моему сосѣду
съ вопросомъ:

— Позвольте узнать, милостивый государь, что вы такого
особеннаго находите въ моей наружности?

И точно, онъ, повидимому, срисовывалъ или мой дорож-
ный колпакъ, или мои волосы, при чемъ взглядывался въ

оригиналъ съ внимательностью, которая показалась мнѣ черезъ чуръ уже безцеремонной.

Пучеглазый господинъ оторвалъ свои взгляды отъ той точки, на которую они были устремлены и произнесъ съ видомъ гордаго соболѣзнованья о моей ничтожности:

— Въ вашей наружности, сэръ? *К.*

— *К.* сэръ? переспросилъ я, начиная горячиться.

— Мнѣ до васъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла, сэръ, возразилъ джентльменъ. Прошу васъ, не мѣшайте мнѣ слушать. *И.*

Онъ произнесъ эту букву немного помолчавъ и занесъ ее въ записную книжку.

Сначала я перепугался, потому что сосѣдство мовомана — плохая шутка тамъ, гдѣ нельзя тотчасъ же позвать кондуктора; но вскорѣ, къ своему успокоенію, я напалъ на мысль, что господинъ этотъ, быть можетъ, охотникъ до бесѣды съ постукивающими духами и приверженецъ секты, къ представителямъ которой (по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ) я питаю глубокое уваженіе, но вѣрять въ которую я отказываюсь. Я уже готовился спросить его объ этомъ, но онъ предупредилъ мой вопросъ:

— Вы меня извините, проговорилъ онъ презрительно, но я такъ далеко опередилъ обыкновенныхъ смертныхъ, что мнѣ, право, до нихъ дѣла нѣтъ. Всю эту ночь я провелъ, — какъ и вообще провожу теперь всю свою жизнь, — въ общеніи съ духами.

— А! воскликнулъ я, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ неудовольствія.

— Бесѣда нынѣшней ночи, продолжалъ джентльменъ, передѣлая свою записную книжку, — началась слѣдующимъ изрѣченіемъ: «дурные совѣты развращаютъ хорошіе нравы».

— Весьма справедливое изрѣченіе, замѣтилъ я: — но ужь будто она такъ нова?

— Ново, когда слышишь его отъ духовъ, возражалъ джентльменъ.

Мнѣ оставалось только повторить свое недовольное: «А!» и осведомиться, не удостоюсь ли я чести услышать заключительное изрѣченіе бесѣды.

— Не сули журавля въ небѣ, съ великою торжествен-

ностью прочиталъ джентльменъ свою послѣднюю замѣтку: — дай синицу въ руки.

Потомъ джентльменъ сообщилъ мнѣ, что духъ Сократа сказалъ ему въ эту ночь слѣдующее: — «Другъ мой, надѣюсь, что вы хорошо себя чувствуете. Какъ поживаете? Вблизи васъ находятся семь тысячъ четыреста семьдесятъ девять духовъ, но вы не можете ихъ видѣть. Между прочими тутъ находится Пиагоръ: онъ не имѣетъ возможности заявить свое присутствіе, но надѣется, что вы довольны своей поѣздкой.» Затѣмъ Галилей заявилъ себя слѣдующей замѣткой научнаго свойства: «Очень радъ васъ видѣть, amico. Come sta? — Вода, при достаточной степени холода, неизбежно замерзаетъ. Аддио!» Та же ночь была свидѣтельницей слѣдующаго необычайнаго явленія: Епископъ Ботлеръ упорно называлъ себя Боблеромъ *) и за эту провинность противъ орфографіи и свѣтскихъ приличій ему было объявлено, что онъ нынче не въ ударѣ, и потому можетъ убраться. Джонъ Мильтонъ (заподозрѣнный въ желаніи подшутить шутку) отрекся отъ чести быть творцомъ «Потеряннаго Рая» и объявилъ, что авторами этой поэмы были двѣ темныя личности, по имени Гроджеръ и Скаджиптонъ. Наконецъ, принцъ Артуръ, племянникъ короля Іоанна англійскаго, объявилъ, что онъ совѣтъ недурно проводить время на седьмомъ небѣ, изучая искусство рисовать по бархату подъ руководствомъ мистриссъ Триммеръ и Маріи королевы шотландской.

Если строки эти попадутся на глаза джентльмену, угостившему меня этими сообщеніями, тогда проститъ онъ мнѣ сознаніе, что видъ восходящаго солнца и созерцаніе стройнаго порядка, управляющаго необъятной вселенной, заставляли меня желать наискорѣйшаго окончанія этого разговора. Нетерпѣніе мое было такъ велико, что я отъ души обрадовался возможности сойти на слѣдующей станціи и промѣнять всѣ эти облака и туманы на вольный воздухъ, гулявшій въ поднебесьи.

Утро между тѣмъ разгулялось чудесное, я шелъ по пути, устланному лѣтвоню, уже успѣвшею поосыпаться съ золотыхъ,

*) Боблеръ (bobbler) значитъ обманщикъ.

темно-бурыхъ и красноватыхъ деревьевъ; въ виду этихъ чудесъ творенія, въ виду прочныхъ, неизмѣнныхъ, гармоническихъ законовъ, управляющихъ ими, какимъ жалкимъ, пошлымъ ухищреніемъ показалось мнѣ общеніе моего сосѣда съ духами! Въ такомъ языческомъ настроеніи духа я приблизился къ дому и остановился, чтобы осмотрѣть его повнимательнѣе.

Домъ стоялъ одиноко среди сада, являвшаго признаки унылаго запустѣнія; и тотъ и другой занимали приблизительно пространство въ два квадратныхъ акра. Строеіе можно было отнести къ эпохѣ царствованія Георга втораго: сухость, холодность, безвкусіе и чопорность стиля могли удовлетворить самаго рьяно-вѣрнопопданнаго поклонника всего квартета Георговъ. Въ домѣ никто не жилъ, но годъ или два тому назадъ въ немъ были произведены дешевыя починки съ цѣлью сдѣлать его обитаемымъ; я говорю дешевыя, потому что вся работа была исполнена на живую руку и штукатурка уже начинала осыпаться, хотя краски еще сохраняли свою свѣжесть. Кривобокая доска, нависшая надъ садовымъ заборомъ, извѣщала, что домъ «отдается въ наймы по сходной цѣнѣ, съ мебелью.» Деревья стояли подлѣ него слишкомъ близко и слишкомъ густо; въ особенности вовсе не у мѣста были посажены шесть высокихъ тополей, уныло красовавшихся передъ фасадными окнами.

Легко было замѣтить, что всякій старался по возможности обходить этотъ домъ, что онъ пользовался зловѣщей славой въ селеніи, на близость котораго указывала мнѣ колокольня, находившаяся отъ меня въ разстояніи какой нибудь полумили, что наконецъ немного найдется охотниковъ нанять это жилище. Все это вело къ неизбежному заключенію, что про него идетъ молва, будто въ немъ пошаливаетъ вражья сила.

Раздумывая о томъ, что бы могло значить запустѣніе этого дома, я направилъ шаги свои къ деревушкѣ. На порогѣ маленькой гостиницы я засталъ самого трактирщика и, заказавъ себѣ завтракъ, навелъ разговоръ на домъ.

— Въ немъ, кажется, нечисто? спросилъ я.

Трактирщикъ взглянулъ на меня, покачалъ головою и отвѣчалъ:

— Я ничего такого не говорилъ.

— Такъ стало быть въ немъ все таки не совсѣмъ ладно?

— Ужъ коли сказать правду, воскликнулъ трактирщикъ въ принадлежѣ откровенности, имѣвшей характеръ какой-то отчаянности:—я бы въ немъ ни за что не остался ночевать.

— Почему же такъ?

— А потому, что если кому любо, чтобы всѣ колокольчики въ домѣ звенѣли сами собою и всѣ двери хлопали тоже сами собою и повсюду слышались чьи-то шаги, — а чьи, про то Господь вѣдаетъ,—ну, тотъ пускай себѣ нечуетъ тамъ на задорье.

— Ну, а видали въ немъ что нибудь?

Трактирщикъ снова взглянулъ на меня и за тѣмъ, съ своимъ прежнимъ отчаяннымъ видомъ крикнулъ, оборотившись къ конюшнѣ: «Айки!»

На этотъ зовъ явился плечистый молодой парень съ круглымъ краснымъ лицомъ, плотно остриженными волосами жесочнаго цвѣта, широкимъ улыбающимся ртомъ и вздернутымъ носомъ; одѣтъ онъ былъ въ куртку съ красными полосками и перламутровыми пуговицами, которая, казалось, росла на немъ, такъ что если бы ее не подрѣзывали, то она грозила бы накрыть ему голову и нависнуть поверхъ сапогъ.

— Джентльменъ этотъ желаетъ знать, началъ трактирщикъ, не показываются ли какія привидѣнія въ домѣ, чѣмъ подъ тополями?

— Видывали тамъ женщину подъ покрываломъ, и съ нею сову, отвѣчалъ Айки съ самымъ бравымъ видомъ.

— Женщину подъ покрываломъ и съ нею сову. Каково!— И ты самъ видѣлъ?

— Я видѣлъ сову.

— Но не женщину?

— Эту-то я не такъ ясно видѣлъ,—только онѣ съ совою всегда другъ подлѣ дружки разгуливаютъ.

— Ну, и другому кому случалось видѣть женщину такъ же ясно какъ и сову?

— Эва, сударь, да мало ли кто ихъ видѣлъ!

— А ты не знаешь, кто эта женщина подъ покрываломъ неразлучная съ совою—или кѣмъ она была при жизни?

— Да слыхалъ я, продолжалъ Айки, комкая въ одной рукѣ

свою шпанку, а другою вычесывая въ головѣ:—народъ болтаетъ, что она померла не своею смертью, а сова тѣмъ временемъ кричала.

Таковъ былъ крайне бѣдный запасъ фактовъ, которые мнѣ удалось открыть; впрочемъ до свѣдѣнїя моего дошло, что одинъ молодой человекъ, — такой бравый парень, краше какого мнѣ вѣкъ не видать, — увидавъ женщину подъ покрываломъ, обмеръ, да такъ съ той поры испорченнымъ и остался. Узналъ я также, что женщина эта разъ пять или шесть показывалась одной довольно загадочной личности, которую мнѣ обозначали подъ пменемъ «чуждаго малаго», одноглазого бродяги, прозывавшагося Джоби, а впрочемъ отвѣчавшаго на кличку: Лѣсовикъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ обыкновенно приговаривалъ: «Лѣсовикъ такъ лѣсовикъ, знайте себѣ свои дѣла, а въ чужія носъ не суйте.» Но что пользы было мнѣ отъ этихъ свидѣтелей? Первый изъ нихъ находился въ Калифорнїи, второй же, какъ завѣрялъ меня Айки, и въ этомъ ему поддакивалъ трактирщикъ, который находился вездѣ гдѣ угодно.

Хотя я и взираю съ благоговѣйнымъ и смиреннымъ ужасомъ на тайны, недоступныя намъ въ настоящемъ, еще неизмѣненномъ составѣ нашего существа, и хотя я вовсе не питаю дерзкаго притязанїя что либо смыслить въ нихъ, тѣмъ не менѣе я не вижу возможности согласить такія явленїя, какъ хлопанье дверей, звонъ колокольчиковъ, скрипъ половъ и тому подобныя вздоры съ тѣмъ величавымъ и строго гармоническимъ порядкомъ мірозданїя, законы котораго доступны моему разумѣнїю; такъ, не задолго передъ тѣмъ, непостижимую аномалїю казалось мнѣ въ виду восходящаго солнца ясновидѣнїе моего сосѣда въ вагонѣ. Къ тому же мнѣ уже два раза приходилось жить въ проклятыхъ домахъ, оба раза за-границей. Въ одномъ изъ нихъ, итальянскомъ наладцо, пользовавшемся самою худою славою и не задолго передъ тѣмъ по этой самой причинѣ дважды утратившемъ своихъ жильцовъ, я провелъ какъ нельзя прїятнѣе и спокойнѣе цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ; а между тѣмъ этотъ домъ обладалъ десятками двумя таинственныхъ спаленъ, въ которыхъ никто не спалъ; кромѣ того въ нихъ была, рядомъ съ

моей спальней, просторная комната, въ которой я читывалъ безчисленное множество разъ во всѣ часы дня и ночи—и эта то комната слыла за любимѣйшую резиденцію домовыхъ. Я скромно намекнулъ трактирщику на всѣ эти соображенія. Что же касалось до дурныхъ слуховъ, ходившихъ о домѣ, предметѣ настоящаго нашего разговора, я пустился съ нимъ въ такого рода разсужденія:—Что жъ! мало ли про что на свѣтѣ ходятъ незаслуженно худые слухи? Да и мудрено ли пустить по свѣту худую молву? Представьте напримѣръ себѣ, что мы съ вами станемъ неумышленно разглашать по деревнѣ шопотомъ, что какой нибудь пьяный мѣдникъ неблагообразной наружности продалъ свою душу чорту; — вѣдь кончится дѣло тѣмъ, что всѣ начнутъ подозрѣвать его въ совершеніи подобнаго рода торговой сдѣлки.—Но всѣ эти благоразумныя рѣчи не возымѣли никакого дѣйствія на трактирщика, и я долженъ сознаться, что ни разу въ жизни не потерпѣлъ еще болѣе полнаго пораженія. Чтобы покончить съ этою частью моего разсказа, скажу вамъ, что проклятый домъ задѣлъ меня за живое и я уже на половину рѣшился нанять его. И такъ послѣ завтрака я досталъ отъ него ключи и направился къ нему въ сопровожденіи Айки и трактирщика.

Внутренность зданія, какъ я и ожидалъ, оказалась страшно унылою. Медленно измѣнявшіяся тѣни, падавшія на него съ густыхъ деревьевъ, навѣвали невыносимую тоску; мѣсто для дома было неудачно выбрано, да и самъ онъ былъ дурно построенъ, дурно планированъ, дурно отдѣланъ; въ немъ было сыро и не было недостатка въ плѣсени; всюду пахло крысами; словомъ, домъ представлялъ всѣ мрачныя признаки того распадѣнія, которому подпадаетъ дѣло рукъ человѣческихъ каждый разъ, какъ оно перестаетъ служить на пользу самому человѣку. Кухни и службы были слишкомъ велики и отстояли другъ отъ друга слишкомъ далеко. Наверху и внизу бесполезныя проходныя пространства раздѣляли комнаты, оазисами лежавшія между ними; у подошвы черной лѣстницы пріютился, подобно предательской западнѣ, ветхій чуланъ, заросшій зеленою плѣсенью, а надъ нимъ красовался двойной рядъ колокольчиковъ. Надъ однимъ изъ этихъ коло-

кольчиковъ было написано бѣлыми, полустертymi буквами по черному фону: «Барчукъ Б.» Какъ мнѣ сказали, этотъ колокольчикъ звонилъ всѣхъ усерднѣе.

— Что это былъ за барчукъ Б? спросилъ я:—не знаете ли вы, что онъ дѣлалъ въ то время, когда кричала сова?

— Звонилъ въ колокольчикъ, отвѣчалъ Айки.

Быстрота, съ которою этотъ молодой человекъ набросилъ на колокольчикъ свою мѣховую шапку и позвонилъ въ него, нѣсколько поразила меня; звукъ этого колокольчика былъ громкій, неприятный и производилъ тяжелое впечатлѣніе. Остальные колокольчики обозначались названіями тѣхъ комнатъ, въ которыя были проведены отъ нихъ проволоки; напр. картинная комната, двойная комната, комната со стѣнными часами и т. д. Прослѣдивъ колокольчикъ барчука Б. до самаго его источника, я нашелъ, что юноша этотъ пмѣлъ въ своемъ распоряженіи очень и очень незавидное помѣщеніе въ видѣ трехугольной ковурки, подъ самымъ чердакомъ; въ углу этой каморки помѣщался каминъ, у котораго барчукъ Б. могъ грѣться только въ томъ случаѣ, если онъ былъ необычайно малаго роста; отъ камина же шелъ вилоть до потолка наличникъ въ формѣ пирамидальной лѣстницы, по которой могъ карабкаться развѣ Томъ Пусъ. На одномъ концѣ комнаты обои упали цѣликомъ вмѣстѣ съ обломками прѣставшей къ нимъ штукатурки и почти загромодили входъ. По видимому, барчукъ Б. въ одухотворенномъ своемъ состояніи считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ сдирать обои. Ни трактирщикъ, ни Айки не могли объяснить мнѣ, съ какой стати онъ разыгрывалъ изъ себя такого шута.

Оказалось еще, что домъ обладаетъ огромнымъ чердакомъ, и за тѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ открытій я не сдѣлалъ. Онъ былъ изрядно, но скупомеблированъ; часть мебели — приблизительно третья доля—была ровесница дому; остальная принадлежала различнымъ періодамъ текущаго столѣтія. Мнѣ указали на одного хлѣбнаго торговца, проживавшаго на рынкѣ въ главномъ городѣ графства, какъ на лице, съ которымъ мнѣ предстояло заключить условіе по найму дома. Я отправился къ нему немедленно и снялъ домъ на шесть мѣсяцевъ.

Въ половинѣ октября переѣхалъ я на новую квартиру вмѣстѣ съ моей незамужней сестрою (она такъ красива, умна и очаровательна, что я не рѣшаюсь дать ей болѣе тридцати восьми лѣтъ). Съ нами были глухой конюхъ, моя охотничья собака Турокъ, двѣ служанки и въ придачу въ нимъ молодая дѣвушка по прозванію: «чудная дѣвка». Я не безъ причины упоминаю объ этой послѣдней прислужницѣ отдѣльно—она была взята изъ пріюта св. Лавренція для сиротъ женскаго пола; оказалось, что мы сдѣлали въ выборѣ ея роковую ошибку и навязали себѣ на шею порядочную обузу.

Осень въ тотъ годъ наступила рано, листья быстро осыпались, въ день нашего переѣзда погода была ненастная и холодная, и угрюмый домъ смотрѣлъ еще угрюмѣе. Кухарка, (женщина добродушная, но съ весьма слабыми мыслительными способностями) осмотрѣвъ кухню, залилась слезами и стала просить, чтобы въ случаѣ, если съ ней что приключится отъ сырости, серебряные часы ея были доставлены ея сестрѣ, (проживающей въ Топпингтонъ-Гарденсъ квартира N 2). Стрикеръ, горничная, прикидывалась веселой, но тѣмъ сильнѣе страдала въ тайнѣ. Одна «чудная дѣвка,» отъ роду не бывавшая еще въ деревнѣ, была въ духѣ и дѣлала всѣ нужныя приготовления, чтобы посѣять жолудь въ томъ мѣстѣ сада, куда выходило окно черной кухни,—она, видите ли, собиралась растить дубъ.

Еще за свѣтло мы успѣли пересчитать всѣ естественныя бѣдствія, сопряженныя съ нашимъ водвореніемъ,—я говорю естественныя, противопоставляя имъ сверхъестественныя. Дурныя вѣсти поднимались клубами (подобно дыму) съ нижняго этажа и спускались съ верхнихъ комнатъ. Оказался недостатокъ въ скалкѣ, недостатокъ въ саламандрѣ (послѣднее, впрочемъ, не огорчило меня, такъ какъ я не знаю, что это за штука), словомъ въ домѣ ничего не было, а что и было, то было переломано—видимо послѣдніе жильцы жили какъ свиньи. Среди всѣхъ этихъ напастей одна «чудная дѣвка» являла прихѣтръ веселости. Но, часа четыре послѣ того какъ стемнѣло, мы попали въ колею сверхъестественности: «чудной дѣвкѣ» привидѣлись «глаза» и она по этому случаю разразилась истерикой. Мы съ сестрою условились никому не го-

ворить ни слова о томъ, что въ домѣ пошаливаютъ домовые. Мнѣ сдавалось и по сю пору сдается, что я ни на минуту не оставлялъ Айки, помогавшаго таскать поклажу съ возовъ, наединѣ съ женщинами. Тѣмъ не менѣе, какъ я уже сказалъ, чудной дѣвкѣ привидѣлись «глаза» (никакого другаго объясненія отъ нея не было возможности добиться). Это случилось въ девятомъ часу; къ десяти же часамъ на нее было вылито такое количество укусу, какого достаточно было бы для мариновки изрядной величины семги.

Предоставляю догадливому читателю судить о томъ, каковы были мои чувства, когда, среди этихъ критическихъ обстоятельствъ, часу въ одиннадцатомъ, колокольчикъ барчука Б. началъ звонить самымъ неистовымъ образомъ, а Турокъ завылъ на весь домъ.

Надѣюсь, что мнѣ никогда болѣе не придется испытать того нехристіанскаго состоянія духа, въ которомъ я пребывалъ нѣсколько недѣль, проклиная память барчука Б. Не знаю, что приводило въ сотрясеніе его колокольчикъ: были ли то крысы, мыши, летучія мыши или вѣтеръ; было ли то какое случайное сотрясеніе, участвовала ли тутъ то та, то другая причина попеременно или сочетаніе нѣсколькихъ причинъ; знаю только фактъ, что онъ звенѣлъ изъ трехъ ночей по двѣ, пока я не напалъ на счастливую мысль свернуть барчуку Б., шею, другими словами, снять сго колокольчикъ; этимъ способомъ я заставилъ замолчать вышеупомянутаго юношу, сколько мнѣ извѣстно, и какъ я твердо вѣрю — на вѣки.

Но къ этому времени «чудная дѣвка» оказала такіе успѣхи въ каталепсіи, что успѣла сдѣлаться замѣчательнымъ явленіемъ въ ряду страдальцевъ, одержимыхъ этой весьма непристойною болѣзнью. По самому незначительному поводу она коченѣла — ни дать ни взять какъ новый Гай-Фауксъ, одаренный отсутствіемъ здраваго разсудка. Пробовалъ я образумить прислугу помощью самыхъ ясныхъ доводовъ: я представлялъ имъ, что стоило мнѣ выкрасить комнату барчука Б. — и проказы съ обоими прекратились сами собою; стоило мнѣ снять колокольчикъ — и звонъ унялся; потомъ я выставлялъ имъ на видъ, что если бы этотъ прокля

дѣйствительно жилъ и умеръ въ свое время, и могъ заявлять о себѣ такого рода поведеніемъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ котораго, если бы онъ еще сохранялъ бранный составъ своего тѣла, было бы короткое ознакомленіе его съ самыми ключными составными частями березоваго вѣника — можно ли было допустить въ такомъ случаѣ, чтобы я, слабый смертный, могъ такими ничтожными средствами противодѣйствовать могуществу духовъ усопшихъ, или вообще какихъ бы то ни было духовъ? — Въ своихъ увѣщаніяхъ я доходилъ до убѣдительнаго, увлекательнаго краснорѣчія, къ которому примѣшпвалась малая толика самодовольства, но всѣ труды мой обращались въ ничто, благодаря «чудной дѣвкѣ», которая вдругъ падала въ судорогахъ, начинавшихся съ ногъ и восходившихъ все выше и выше, пока онѣ не превращали ее въ подобіе окаменѣлости.

Стрикеръ, горничная, въ свою очередь обладала особенностью самаго неутѣшительнаго свойства. Не умѣю, право, рѣшить — была ли то вѣна необычайно лимфатическаго темперамента или другой какой немощи, только молодая эта особа превратилась въ настоящій аппаратъ для дистиллировки самыхъ крупныхъ и прозрачныхъ слезъ, когда либо видѣнныхъ мною. Впрочемъ, не одними этими качествами отличались ея слезы, а также и необыкновенною силою цѣпкости: онѣ не падали, а оставались нависшими у нея на лицѣ и на носу. Видя ее въ такомъ положеніи, грустно покачивавшею головою и хранившею глубокое молчаніе, я больше терялся, чѣмъ если бы какой удалецъ вступилъ со мною въ словопреніе по поводу моего денежнаго кошелька. Кухарка тоже покрывала меня смущеніемъ, яко-бы ризою, ловко вставляя въ концѣ бесѣды жалобу, что ей мочи нѣтъ, и кротко повторяя свои предсмертныя распоряженія касательно серебряныхъ часовъ.

О нашемъ ночномъ существованіи и говорить нечего; въ среду нашу проникла зараза недовѣрія и страха, — а нѣтъ во всей поднебесной болѣе опасной заразы. Послушать разсказовъ — такъ мы были въ сосѣдствѣ не одной женщины подъ покрываломъ, а цѣлаго монастыря такихъ женщинъ. Что же касается различныхъ шумовъ, то зараза эта успѣла проникнуть въ нижній этажъ и самъ я, сидя въ мрачной гостинной,

прислушивался до тѣхъ поръ, пока мнѣ не начинали мерещиться самые разнообразныя и странныя звуки; отъ нихъ кровь застывала въ жилахъ, и чтобы согрѣть ее, я кидаюсь какъ угорѣлый узнать въ чемъ дѣло. Начните прислушиваться лежа въ постели въ предутренніе часы, или же сидя у своего уютнаго очага при наступленіи ночи, и, ручаюсь, любой домъ наполнится по вашему желанію разными звуками, такъ что на каждый нервъ въ вашей нервной системѣ придется по звуку.

Повторяю, зараза страха и напряженнаго ожиданія проникла къ намъ, а нѣтъ болѣе страшной заразы во всей поднебесной. Женщины, (носы которыхъ украсились, вслѣдствіе нюханія спиртовъ, хроническими ссадинамп) походили въ нѣкоторомъ родѣ на огнестрѣльные орудія, постоянно заряженныя и готовыя для выстрѣла: стоило, когда угодно, чуть чуть нажать курокъ, чтобы воспослѣдовалъ залпъ; другими словами—обморокъ. Двѣ старшія служанки постоянно командировали «чудную дѣвку» въ такія экспедиціи, которыя, почему либо, считались сопряженными съ особенными опасностями, и чудная дѣвка ни разу не преминула подтвердить основательность этихъ предубѣжденій, возвращаясь каждый разъ въ нервномъ припадкѣ. Если по наступленіи ночи мы слышали надъ головами своими шаги кухарки или горничной, то мы уже знали, что вскорѣ вслѣдъ за ними раздастся стукъ о потолокъ, что неминуемо и случалось; можно было подумать, что какой нибудь господинъ съ воинственными наклонностями подрядился расхаживать по дому и награждать každого встрѣчнаго домочадца извѣстнаго рода ударомъ, приемъ котораго, если не ошпаюсь, обозначается на фехтовальномъ языкѣ особымъ терминомъ.

Пособить бѣдѣ не было никакой возможности.

Наконецъ мы смѣнили слугъ, но отъ этого намъ стало не легче. Новая прислуга разбѣжалась, явилась третья смѣна, во и съ той случилось тоже самое. Наконецъ наше хозяйство, которое шло бывало такъ хорошо, впало въ такое плачевное разстройство, что я однажды вечеромъ съ грустью сказалъ сестрѣ:

— Патти, я отчаяваюсь найти слугъ, которые бы ужились

у насъ въ этомъ домѣ, и думаю, что намъ надо будетъ съѣхать.

Сестра моя, которая у меня, молодецъ во всѣхъ отноше-
ніяхъ, отвѣчала:

— Нѣтъ, Джонъ, не съѣжай. Сдѣлай вѣстать на своемъ,
для этого существуетъ еще одинъ способъ.

— Какой же это способъ? спросилъ я.

— Джонъ, продолжала моя сестра, если уже мы съ тобой
положили себѣ разъ навсегда, что ни за что на свѣтѣ не вы-
ѣдемъ изъ этого дома, то мы должны обходиться сами собою
и все хозяйство взять на свое попеченіе.

— Но слуги... возразилъ я.

— Мы не будемъ держать слугъ, отвѣчала она съ неустра-
шимостью.

Подобно многимъ другимъ представителямъ моего сословія,
я нисколько не подумалъ о возможности обойтись безъ этихъ
стѣспительныхъ сожителей. Мысль, поданная мнѣ, была такъ
нова, что я могъ только выразить на лицѣ своемъ крайнее не-
доумѣніе.

— Вѣдь мы очень хорошо знаемъ, продолжала сестра, что
постукая къ намъ, они настроены ко всевозможнымъ ужасамъ,
и готовы заразить ими другъ друга. И тояно, они пугаются и
передаютъ свой испугъ другимъ...

— За исключеніемъ Ботльса, замѣтилъ я въ раздуми (тамъ
звали глухаго конюха. Я держалъ его у себя въ услуженіи и
до сю пору держу за его феноменальную утрюмость, равную
второй вы не найдете въ цѣлой Англій.)

— Твоя правда, Джонъ, подтвердила моя сестра: — за
исключеніемъ Ботльса. И что же этимъ доказывается? Ботльсъ
ни съ кѣмъ не говоритъ и слышитъ только то, что ему кри-
чатъ надъ самымъ ухомъ; за то бывали ли примѣры, чтобы
Ботльсъ поддался чужому испугу или самъ поднималъ тре-
вогу? Ни разу.

Это была сушая правда. Индивидуумъ, о которомъ шелъ
разговоръ, каждый вечеръ въ десять часовъ удалялся въ на-
ретный сарай, гдѣ помѣщалось его логовище, и при этомъ
ничего не бралъ съ собою кромѣ вилъ и ведра воды. Ни на
одну изъ тревогъ, то и дѣло поднимавшихся у насъ, Ботльсъ не

обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Сидитъ бывало за ужиномъ—рядомъ Стрикеръ лежитъ въ обморокъ и «чудная дѣвка» являетъ изъ себя подобіе каменной статуи, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало—набираетъ полонъ ротъ картофелю или же, обращая въ свою пользу общее бѣдствіе, лакомится пирогомъ съ говяжьей начинкой.

— И такъ, продолжала сестра, Ботльса я исключаю. Но, Джонъ, такъ какъ домъ слишкомъ великъ и, отчасти, стоитъ слишкомъ уединенно, чтобы мы могли съ нимъ управиться втроемъ, — то я вотъ что предлагаю: поищемъ между нашими добрыми знакомыми, выберемъ нѣсколько человѣкъ надежныхъ и сговорчивыхъ и пригласимъ ихъ съѣхаться къ намъ мѣсяца на три и составить общество взаимнаго услуженія. Намъ всѣмъ вмѣстѣ будетъ весело, а тамъ увидимъ, что изъ этого выйдетъ.

Предложеніе сестры привело меня въ такое восхищеніе, что я тутъ же расцѣловалъ ее и принялся дѣятельно хлопотать объ осуществленіи ея плана.

Въ то время шла третья недѣля ноября, но мы приняли такія энергичныя мѣры и встрѣтили въ друзьяхъ, на которыхъ мы положились, такое усердное содѣйствіе, что до истеченія того же мѣсяца оставалась еще цѣлая недѣля, какъ уже все наше общество съѣхалось въ самый веселомъ настроеніи духа и расположилось въ проклятомъ домѣ.

Тутъ я долженъ упомянуть о двухъ маленькихъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ мною, пока мы съ сестрою оставались еще одни. Пришло мнѣ на мысль, что Турокъ, очень можетъ стать, отчасти и потому воегъ по ночамъ, что не хочетъ оставаться въ домѣ въ заперти; и такъ я перевелъ его въ кобуру, находившуюся на дворѣ, спустилъ съ цѣпи и предупредилъ но деревнѣ, что всякій, кто подойдетъ къ нему слишкомъ близко, павѣрнякъ вернется съ прекушеннымъ горломъ. Потомъ я какъ будто невзначай спросилъ Айки, знаетъ ли онъ толкъ въ ружьяхъ? На увѣреніе его, что онъ «хорошее ружье сумѣетъ отличить отъ дурного», я пригласилъ его войти въ домъ и осмотрѣть мое: — Это, сударь, скажу вамъ, настоящее ружьецо, замѣтилъ Айки, осмотрѣвъ двустволку, кулянную

мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Нью-Йоркѣ. Это не дастъ промаху.

— Айки, заговорилъ я: — открою тебѣ по секрету: мнѣ въ этомъ домѣ являлось привидѣніе.

— Неужто, сэръ? спросилъ онъ шопотомъ, жадно раскрывая глаза: — ужъ не женщина ли въ покрывалѣ?

— Не пугайся только, продолжалъ я:—привидѣніе было какъ будто твой двойникъ.

— Съ нами сила крестная!

— Айки, сказалъ я, крѣпко, даже дружески пожимаая ему руку:—если только всѣ эти рассказы про домовыхъ не бабы выдумки, то величайшая услуга, которую я только могу оказать тебѣ, будетъ всадить добрый зарядецъ въ твоего двойника; и я это сдѣлаю,—ручаюсь тебѣ, — изъ этого самага ружья, какъ только онъ опять попадетса мнѣ на глаза.

Молодой человекъ поблагодарилъ меня и распростился нѣсколько поспѣшно, отказавшись даже выпить стаканъ ликера. У меня были свои причины, по которымъ я открылъ ему свою тайну: у меня никакъ не хотѣло изгладиться изъ памяти то обстоятельство, что онъ набросилъ шапку на колокольчикъ; надо же было случиться впоследствии, что однажды ночью, когда этому колокольчику припала охота звонить, я замѣтилъ неподалеку отъ него предметъ, очень похожій на мѣховую шапку; замѣтилъ я также, что самый разгулъ шабаша совпадалъ съ вечерами, которые онъ приходилъ посидѣть съ прислугою, чтобы придать ей бодрости.

Впрочемъ, я не хочу быть несправедливымъ въ отношеніи Айки. — Онъ искренно боялся этого дома и вѣрилъ, что въ немъ шалить нечистая сила; а между тѣмъ онъ выжидалъ только случая, чтобы сплутовать въ пользу укоренившагося повѣрія. Тоже самое было и съ «чудною дѣвкой»: она въ неподдѣльномъ ужасѣ ходила по дому, а между тѣмъ безобразно и сознательно лгала, не разъ поднимала предпамфренно фальшивую тревогу и сама гремѣла, чтобы напугать насъ. Я наблюдалъ за обоими и положительно зналъ, что это было такъ. Не мѣсто здѣсь изслѣдовать причины этого страннаго, психическаго явленія; я удовольствуюсь тѣмъ, что сошлюсь на медиковъ, юристовъ и другихъ; каждому смышленому чело-

вѣку, занятія котораго изощряли способность наблюдательности, это явленіе должно быть хорошо знакомо. Подобное состояніе духа такой же несомнѣнный и обыденный фактъ, какъ и любое другое настроеніе, подмѣченное наблюдателями; его-то, во всѣхъ вопросахъ подобнаго рода, и слѣдовало бы прежде всего принимать въ соображеніе.

Но возвратимся къ нашему обществу. Первымъ нашимъ дѣломъ послѣ того какъ мы всѣ оказались на лицѣ, было—распредѣлѣть между собою спальни по жеребью. Исполнивъ это и осмотрѣвъ всей компаніей не только каждую спальню, но и весь домъ, мы приступили къ распредѣленію между собою различныхъ хозяйственныхъ обязанностей, поступая точь въ точь, какъ если бы мы вели кочевой образъ жизни, или были на охотѣ, или потерпѣли кораблекрушеніе. Потомъ я сообщилъ разные слухи, ходившіе о женщинѣ подъ цокрыва-ломъ, о совѣ, о барчукѣ Б., а такъ же и другіе, еще болѣе туманные, какъ то о какомъ-то смѣшномъ призракѣ старухи, бродившемъ взадъ и впередъ по лѣстницамъ и таскавшемъ съ собою призрачный же круглый столъ, а такъ же о какомъ-то безплотномъ шутѣ, котораго никому еще не удавалось поймать. Многія изъ этихъ вѣрованій,—я твердо убѣжденъ въ этомъ,—наши слуги сообщали другъ другу подобно тому какъ сообщается зараза,—безъ посредства слова. Потомъ мы торжественно засвидѣтельствовали другъ передъ другомъ, что собрались сюда не за тѣмъ, чтобы морочить, или быть обмороженными, что въ нашихъ глазахъ было почти одно и то же. Сознавая лежащую на насъ отвѣтственность, мы обязывались оставаться вѣрными самимъ себѣ и строго изслѣдовать истину. Мы сговорились, чтобы каждый, кому послышится ночью какой нибудь необыкновенный шумъ, причину котораго онъ пожелаетъ узнать, постучался ко мнѣ въ дверь; наконецъ было рѣшено, чтобы въ крещенье, въ послѣдній день святокъ, каждый изъ насъ доведъ до всеобщаго свѣдѣнья, для общаго назиданья, результатъ своихъ личныхъ опытовъ за послѣднее время, считая со дня нашего общаго водворенія въ проклятомъ домѣ; до тѣхъ поръ положено было молчать, если только не представится какого нибудь особеннаго уважительнаго повода нарушить этотъ уговоръ.

Вотъ вамъ перечень и характеристика членовъ нашего общества:

Во первыхъ—мы съ сестрою; при киданьи жеребѣя, сестрѣ досталась ея комната, мнѣ же комната барчука Б. За ними слѣдовалъ нашъ двоюродный братъ, Джонъ Гершель, названный такъ въ честь великаго астронома: я убѣжденъ, что лучшаго человѣка еще не выдывали у телескопа. Съ нимъ была его жена, — очаровательное созданіе, — на которой онъ женился весною того же года. Я былъ того мнѣнія (принимая въ соображеніе нѣкоторыя обстоятельства), что не совсѣмъ благоразумно было брать ее съ собою; потому что нельзя ручаться за послѣдствія фальшивой тревоги въ такое время; но полагаю, что онъ лучше меня зналъ что дѣлать и я долженъ сознаться, что, будь она моею женою, я ни за что бы не могъ оторваться отъ этого яснаго личика, дышавшаго любовью. Имъ досталась комната съ часами. Альфредъ Старлингъ, милѣйшій, двадцати восьмилѣтній юноша, къ которому у меня почему-то особенно лежитъ сердце, занялъ «двойную комнату,» которая прежде была моею; комната эта получила свое названіе оттого, что въ ней вмѣщалась уборная, съ двумя огромными окнами, рамы которыхъ, сколько я ни подпиралъ ихъ клиньями, не переставали дребезжать во всякую погоду, какъ при вѣтрѣ, такъ и въ безвѣтріе. Альфредъ выдаетъ себя за порядочнаго развратника, но онъ слишкомъ умный и хорошій малый, чтобы быть имъ на дѣлѣ; вѣроятно онъ давно уже заявилъ бы себя чѣмъ нибудь путнымъ, но вся бѣда въ томъ, что отецъ оставилъ ему небольшое независимое состояніе, фунтовъ въ двѣсти годового дохода, вслѣдствіе чего единственнымъ его занятіемъ до сихъ поръ было—проживать по шести сотъ фунтовъ. Впрочемъ, я утѣшаю себя надеждою, что банкиръ его обанкротится или онъ соблазнится принять участіе въ спекуляціи, гарантирующей двадцати процентный доходъ, потому что, я убѣжденъ, — стоитъ ему раззориться и его карьера сдѣлана. Белиндѣ Бетсъ, лучшей пріятельницѣ моей сестры, доровитой, восхитительной молодой дѣвушкѣ, выпала на долю «картинная компата.» Белинда соединяетъ замѣчательный поэтический талантъ съ дѣльностью и положительностью и «стоитъ» по выраженію Альфреда, за

назначеніе женщины, за права женщины, за реабилитацію женщины, словомъ, принимаетъ участіе во всемъ, въ чемъ попадаетъ слово «женщина», во всемъ, что должно бы было быть, но чего еще нѣтъ, или же что существуетъ, хотя и не должно бы существовать.

Итакъ, Беллинда заняла картинную комнату. Оставалось еще три комнаты въ запасъ: угольная, шкапная, и садовая. Старый мой другъ, Джекъ Гаверноръ, «развѣсилъ, говоря его словами, свою койку» въ угловой комнатѣ. Я всегда зналъ Джека красивѣйшимъ морякомъ въ цѣломъ флотѣ. Онъ привезъ съ собою въ нашъ проклятый домъ небольшой боченокъ солопины и нѣкоего «Ната Бивера», стариннаго своего товарища и капитана торговаго судна. Лицо и сложеніе мистера Бивера изъ тѣхъ, про которыя говорится: плохо скроены, да крѣпко шить; онъ, казалось, былъ сдѣланъ изъ цѣльнаго куска твердаго дерева, но оказался впоследствии очень неглупымъ человѣкомъ, выдавшимъ всякіе виды и обладавшимъ замѣчательными практическими познаніями. Порою въ немъ была замѣтна какая-то странная нервность, видимо остатокъ давнишней болѣзни, но она обыкновенно продолжалась недолго. Онъ поселился въ шкапной комнатѣ, по сосѣдству съ моимъ другомъ и кліентомъ, мистеромъ Ондери, который пріѣхалъ въ качествѣ любителя раздѣлять съ ними предстоящія приключенія.

Джекъ Гаверноръ, отличавшійся вездѣ изумительной находчивостью, былъ у насъ главнымъ поваромъ и угощалъ насъ такими блюдами, вкусѣе которыхъ я ничего въ жизни не ѣдалъ. Сестра моя занималась пекарнымъ и кондитерскимъ дѣломъ. Мы съ Альфредомъ Старлингомъ исполняли должность поваренковъ, въ случаяхъ же особенной важности главный поваръ завербовывалъ мистера Бивера. Мы предавались разнымъ забавамъ и упражненіямъ на открытомъ воздухѣ, но домашнее дѣло шло своимъ чередомъ; всѣ мы жили дружно и весело, и вечера наши проходили такъ пріятно, что не мудрено, что мы не охотно расходились по своимъ комнатамъ.

Въ самомъ началѣ у насъ нѣсколько разъ по ночамъ поднималась тревога. Въ первую ночь ко мнѣ постучался Джекъ, державшій въ рукахъ корабельный фонарь какого-то необычно-

веннаго устройства, напомпавшій жабры какого нибудь морского чудовища; Джекъ объявилъ мнѣ, что собирается вскарабкаться на «гротъ-марсъ» съ тѣмъ, чтобы снять флюгеръ. Ночь была ненастная, и я попробовалъ возразить. Но Джекъ выставилъ мнѣ на видъ то обстоятельство, что флюгеръ этотъ издаетъ звукъ, похожій на вопль отчаянья, и заключилъ, что если не унять его, то кто нибудь непременно приметъ этотъ звукъ за вой домового. И такъ мы отправились на крышу въ сопровожденіи мистера Бивера; между тѣмъ какъ я едва могъ устоять на ногахъ противъ вѣтра, Джекъ съ фонаремъ въ рукахъ, а за нимъ и мистеръ Биверъ вскарабкался на самую маковку купола, возвышавшагося футовъ на двѣнадцать надъ трубами. Тамъ, ужъ богъ ихъ знаетъ на чемъ они держались, только они продолжали съ величайшимъ хладнокровіемъ сшибать флюгеръ; вѣтеръ и высота поста такъ припились имъ по сердцу, что я готовъ былъ думать, что они такъ тамъ и останутся. На другую ночь они тоже ходили походомъ, на этотъ разъ противъ печной трубы. Потомъ они порѣшили водосточную трубу, которая завывала слишкомъ громко; а тамъ напали еще на какое-то открытіе. Случалось не разъ, что оба они съ величайшимъ хладнокровіемъ одновременно открывали по окну каждый въ своей спальнѣ съ тѣмъ, чтобы «перекричать» какого нибудь таинственнаго посѣтителя, затаившагося въ саду.

Мы свято хранили наше взаимное условіе и никто не заикался о видѣнномъ и слышанномъ имъ. Одно не подлежало для насъ никакому сомнѣнію: если къ кому изъ насъ и навѣдывались въ комнату домовые, то это нисколько не вліяло на его хорошее расположеніе духа. Настало Рождество и мы отпраздновали его роскошнымъ ужиномъ (всѣ поголовно участвовали въ изготовленіи пуддинга). Настало крещенье — и мы наготовили всякихъ лакомствъ въ такомъ запасѣ, что ихъ достало на все время нашего сожительства; пироги нашъ удался на славу. И тутъ-то, между тѣмъ какъ всѣ сидѣли вокругъ стола у камелька, я напомнилъ о заключенномъ между нами условіи: — первый призракъ, вызванный мною былъ:

ПРИЗРАКЪ КОМНАТЫ СО СТѢННЫМИ ЧАСАМИ.

Двоюродный мой братъ Джонъ Гершель слегка покраснѣлъ, затѣмъ слегка поблѣднѣлъ и объявилъ, что не хочетъ отпираться—въ комнатѣ его дѣйствительно показывался призракъ. То былъ призракъ женщины. На вопросъ, предложенный нѣсколькими голосами, имѣлъ ли этотъ призракъ страшный видъ, кузень мой притянулъ къ себѣ руку жены и отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ: нѣтъ. На вопросъ — знала ли его жена о появленіи призрака, онъ отвѣчалъ утвердительно. — Говорили ли онъ что нибудь? — О да, еще бы! — Что же онъ сказалъ? На этотъ послѣдній вопросъ онъ отвѣчалъ, какъ бы желая выгородить себя, что охотнѣе предоставилъ бы отвѣчать своей женѣ, потому что она исполнила бы это лучше его, но что она взяла съ него обѣщаніе служить посредникомъ призраку и особенно настаивала на томъ, чтобы онъ ничего не утаивалъ; и такъ, онъ сдѣлаетъ свое дѣло по возможности хорошо, предоставляя ей поправлять его ошибки.

— Предположимъ, что призракъ этотъ, добавилъ мой двоюродный братъ, окончательно приступая къ повѣствованію: — никто иной, какъ моя жена, сидящая тутъ между нами. Вотъ ея разсказъ:

«Я еще въ раннемъ дѣтствѣ осталась сиротою на рукахъ шестерыхъ сводныхъ сестеръ, которыя всѣ были старше меня. Послѣ долгой и неослабной дрессировки, я волей неволей подчинилась вліянію чужой, вовсе несродственной съ моею, воли; росла я настолько же дѣтищемъ старшей моей сестры, Барбары, насколько я была дочерью моихъ покойныхъ родителей.

Всѣ частные замыслы, всѣ домашнія деспотическія распоряженія Барбары клонились къ тому, чтобы сестры ея вышли замужъ и, таково было могущество ея одинокой, но непреклонной воли, что каждая изъ нихъ сдѣлала выгодную партію, за исключеніемъ меня, а между тѣмъ на меня возлагала она свои лучшія надежды.

Всѣмъ конечно знакомъ тотъ типъ, въ который я сложилась съ годами, типъ вѣтренной, кокетливой дѣвочки, исключительное призванье которой состоитъ въ принскиваньи и заманиваньи выгодныхъ жениховъ. Не было въ сосѣдствѣ почти ни одного молодого человѣка, съ которымъ бы я не покетничала. Послѣ семилѣтняго упражненія въ этомъ ремеслѣ, я отпраздновала двадцать пятую годовщину своего рожденія, а цѣль моя между тѣмъ, все-таки не была достигнута. Наконецъ, терпѣнїе Барбары лопнуло.

— Стелла, сказала она торжественно:—тебѣ уже минуло двадцать пять лѣтъ; всѣ твои сестры въ эти годы были давно уже пристроены, а между тѣмъ ни одна изъ нихъ не обладала твоими талантами и красотою. Но я должна откровенно тебѣ сказать, что эти условія успѣха начинаютъ измѣнять тебѣ и что если ты не приложишь должныхъ стараній, то останешься не при чемъ. Сколько я замѣтила, ты сдѣлала одинъ важный промахъ, о которомъ я до сихъ поръ не говорила тебѣ ни слова: во-первыхъ, ты кокетничаешь черезчуръ ужъ открыто и безъ разбору, а во-вторыхъ ты какъ-то умѣешь поднять на смѣхъ человѣка въ ту самую минуту, какъ онъ начинаетъ о тебѣ думать серьезно; а именно въ умѣнїи воспользоваться этою серьезностью и лежитъ весь секретъ удачи. Я бы могла насчитать тебѣ съ полдюжины отличныхъ партій, которыя ты упустила, разсмѣявшись не во время. Уязви только самолюбїе мужчины, Стелла, и тебѣ вѣкъ не залечить этой раны.

— Барбара, отвѣчала я застѣнчиво:—между тѣми людьми, съ которыми я сходилась, мнѣ не случалось встрѣтить человѣка, на котораго я могла бы смотрѣть съ уваженіемъ, и, — мнѣ почти стыдно выговаривать это слово, — съ любовью.

— Я нисколько не удивляюсь, что тебѣ стыдно его выговаривать, строго замѣтила Барбара.—Не можешь же ты въ твои годы влюбиться, какъ семнадцатилѣтняя дѣвочка. Но я тебѣ говорю ясно и положительно: ты должна выдти замужъ во что бы то ни стало; итакъ намъ лучше теперь же начать дѣйствовать заодно. Если ты только выберешь человѣка, я готова помогать тебѣ всѣмъ, чѣмъ только могу; тебѣ

же стоитъ только захотѣть не на шутку и, при твоей ловкости, я и вѣрить не хочу, чтобы ты потерпѣла неудачу.

— Я никого не знаю, кто бы мнѣ нравился, отвѣчала я капризно:—изъ тѣхъ же, которые знали меня прежде, ни одинъ не дастъ себя спутать. Итакъ я поведу атаку противъ Мартина Фрезера.

Барбара отвѣчала на это рѣшеніе усмѣшкой презрительнаго негодованія.

Будучи послѣдними представителями сельской аристократіи округа, мистеръ Фрезеръ и его сынъ вели строго отшельническую жизнь, избѣгая всякихъ сношеній съ сосѣдями, на гостепримство которыхъ они не могли отвѣчать. Никто, кромѣ дѣловыхъ посѣтителей, не тревожилъ ихъ уединенія. Старикъ почти не вставалъ съ постели; сынъ же его, какъ говорили, былъ исключительно преданъ научнымъ занятіямъ.

Итакъ не удивительно, что Барбара размѣялась; но ея насмѣшка только усилила мою рѣшимость, и самая трудность предпріятія придавала ему занимательность, которой не доставало всѣмъ моимъ прежнимъ походамъ. Я до тѣхъ поръ не отставала отъ Барбары, пока не добились ея согласія.

— Ты должна написать записку старику мистеру Фрезеру, сказала я ей.—Не упоминай ни слова про его сына, скажи только, что твоя младшая сестра занимается изученіемъ астрономіи, и такъ какъ онъ обладаетъ единственнымъ телескопомъ въ дѣломъ околдкѣ, то онъ премного обязалъ бы тебя, позволивъ мнѣ осмотрѣть его.

Наконецъ Барбара согласилась, и въ одинъ февральскій вечеръ я впервые переступила черезъ порогъ дома Мартина Фрезера, сопровождаемая одною старою служанкою.

Все въ этомъ домѣ дышало какимъ-то глубокимъ спокойствіемъ. Я вошла въ него съ какимъ-то смутнымъ, тревожнымъ чувствомъ неловкости и неправоты. Моя спутница осталась въ прихожей, а меня привели въ бібліотеку, и тутъ мною овладѣла такая застѣнчивость, что я готова была обратиться въ бѣгство. Но я вспомнила, что одѣта къ лицу; при этомъ ко мнѣ возвратилась вся моя самоувѣренность; и я улыбаясь пошла впередъ. Комната, въ которой я очутилась, была низкая, мрачная, съ дубовыми панелями и старинною,

массивною мебелью, которая, при мерцаѣніи огня, пылавшаго въ каминѣ, бросала отъ себя густыя, причудливыя тѣни; у каминна стоялъ не Мартинъ Фрезеръ, котораго я готовилась встрѣтить, а маленькій, странный на видъ ребенокъ, одѣтый какъ взрослая женщина, и являвшій во всѣхъ приѣмахъ своихъ не дѣтское самообладаніе и развязность.

— Очень рада васъ видѣть, милости просимъ, проговорила дѣвочка, выступая ко мнѣ на встрѣчу и, взявъ за руку, повела меня къ стулу. Въ прикосновеніи руки ея, охватившей мою, была какая-то особенная твердость; прикосновеніе это выражало какъ бы готовность поддержать меня, руководить мною; тутъ не было и слѣдовъ застѣнчивости и пассивности, столь обыкновенныхъ въ ребенкѣ. Усадивъ меня къ камину, она сама помѣстилась напротивъ меня.

Я проговорила въ замѣшательствѣ нѣсколько словъ, на которыя она отвѣчала. Потомъ я принялась молча и украдкой ее разглядывать. У ногъ ея, скрывавшихся въ длинныхъ складкахъ ея платья, неподвижно лежала большая черная собака, замѣнявшая ей скамейку.

Тонкія черты дѣвочки носили на себѣ выраженіе слегка задумчиваго спокойствія, и это выраженіе еще усиливалось странною привычкою закрывать глаза, привычкою, рѣдко встрѣчаемою у дѣтей.

Это безмолвное нечеловѣчески странное существо, сидѣвшее неподвижно и, съ виду, бездыханно, передъ мерцающимъ огнемъ, навело на меня страхъ, и я рада была, когда дверь отворилась и вошелъ предметъ моего искательства.

Я поглядѣла на него вопросительно, потому что успѣла оправиться отъ сознанія своей неправоты и потѣшалась мыслью, что онъ ничего не подозрѣваетъ о нашихъ видахъ на него. Поднявъ на него глаза, я только думала о томъ, что каштановые мои волоса кудрями оттѣняютъ мое лицо, и что многіе находятъ мои темноглубые глаза выразительными; но когда онъ заговорилъ со мною съ видомъ серьезной ѳзабоченности и вѣжливаго равнодушія, изъ котораго явствовало, что всѣ мои прелести оставались имъ незамѣченными, тогда я съ ужасомъ вспомнила, что ничего не знаю

изъ астрономіи, кромѣ того, чему научилась еще въ школѣ изъ учебника.

Серьезный, строгій человекъ началъ такъ:

— Отецъ мой, мистеръ Фрезеръ, совсѣмъ не выходитъ изъ своихъ комнатъ, но онъ проситъ васъ оказать ему честь вашимъ посѣщеніемъ. Я буду имѣть удовольствіе показать вамъ все, что вы желаете видѣть въ телескопъ, а пока я устанавливаю его, не угодно ли вамъ будетъ поговорить съ батюшкой пѣсколька минутъ, что доставитъ ему большое удовольствіе. Льюисъ Фрезеръ проводитъ васъ.

Дѣвочка встала и, крѣпко сжавъ мою руку въ своей, повела меня въ кабинетъ старика.

Онъ долго въ меня всматривался и наконецъ сказалъ: — Вы похожи на вашу мать, дитя мое, у васъ ея лицо и глаза; въ васъ нѣтъ ни капли сходства съ вашей сестрою Барбарою. По какому случаю назвали васъ такимъ страннымъ именемъ—Стеллою?

— Отецъ мой называлъ меня такъ въ честь своего любимого скакуна, отвѣчала я, въ первый разъ еще давая простое объясненіе этимологіи моего имени.

— Я узнаю въ этомъ вашего отца, разсмѣялся старикъ:—я и лошадь-то какъ теперь вижу передъ собой. Я знавалъ вашего отца такъ же хорошо, какъ знаю моего сына, Мартина. Вѣдь вы видѣли моего сына, сударыня? А вотъ это моя внучка, Льюисъ Фрезеръ, послѣдній отпрыскъ стараго дерева, потому что сынъ мой врядъ ли когда женится, и мы рѣшились сдѣлать ее своей наслѣдницей. Она навсегда сохранитъ свое имя и сдѣлается родоначальницей новаго поколѣнія Фрезеровъ.

Дѣвочка стояла въ задумчивости, съ смущенными глазами какъ будто уже теперь надъ ней тяготѣли великія заботы и великая отвѣтственность. Старикъ продолжалъ свою болтовню, пока не раздались по всему дому густые звуки органа.

— У дяди все готово, онъ ждетъ насъ, сказала она мнѣ.

Мы остановились у входа въ бібліотеку; я придерживала Льюисъ Фрезеръ за плечо и стала вслушиваться въ чудные звуки, лившіеся изъ органа. Никогда еще не слышала я ничего подобнаго; они гудѣли и росли, подобно неумолкающему

плеску морскихъ волнъ; мѣстами же въ нихъ врывалась одинокая, плачущая нота, которая отзывалась во мнѣ несказанною болью. Умолкъ органъ, и я стояла молчаливая и покорная передъ Мартиномъ Фрезеромъ.

Телескопъ былъ вынесенъ на конецъ террасы, гдѣ домъ не могъ пересѣкать нашъ уголъ зрѣнія; туда-то мы съ Льюисомъ послѣдовали за астрономомъ. Мы стояли на самой возвышенной точкѣ незамѣтно повышавшагося нагорья; передъ нами открывался горизонтъ отъ двадцати до сорока миль въ окружности. Надъ нашими головами высился необъятный небесный шатеръ, цѣлое море лазурнаго пространства, о которомъ не имѣютъ и понятія люди, живущіе въ тѣсныхъ уллицахъ или между горъ. Миріады мерцающихъ звѣздъ, темная, непроглядная ночь, непривычные для меня голоса моихъ собесѣдниковъ, все это усиливало давнишнее меня чувство благоговѣйнаго ужаса и, стоя между ними, я стала мало помалу такою же стѣсненною и дѣльно озабоченною, какъ и они сами. Для меня въ эту минуту ничего болѣе не существовало, кромѣ подавляющаго величія природы, открывавшагося передо мною, и величаваго теченія планетъ, наблюдаемыхъ мною въ фокусѣ телескопа. Какою свѣжестью благоговѣнія и восторга повѣяло на меня! Какимъ потокомъ, волна за волною, нахлынули мысли въ мою голову! И какою ничтожною я почувствовала себя въ присутствіи этихъ неизвѣданныхъ міровъ! Подъ этимъ обаяніемъ куда дѣвалась вся моя неестественность! Съ дѣтскимъ смиреніемъ я спросила—могу ли побывать опять въ скоромъ времени?

На взглядъ мой, обращенный къ Мартину Фрезеру, онъ отвѣчалъ пристальнымъ пропитательнымъ взглядомъ. Я встрѣтила глаза его спокойно, потому что въ эту минуту думала только о звѣздахъ. Тутъ выраженіе губъ его смягчилось въ ласковую улыбку удовольствія и онъ отвѣчалъ:

— Мы всегда будемъ рады васъ видѣть.

Когда я возвратилась домой, Барбара еще не легла спать, дожидаясь меня. Она было хотѣла обратиться ко мнѣ съ какимъ-то житейски-мудрымъ замѣчаніемъ, но я тотчасъ же перебила ее:—ни слова, Барбара! не распрашивай меня ни о чемъ, или нога моя не будетъ больше въ Гольмсъ.

Я не буду останавливаться на подробностяхъ. Я стала часто бывать въ этомъ домѣ; мнѣ кажется, что присутствіе мое озаряло подобно солнечному лучу уныло однообразную жизнь мистера Фрезера и Льюси, и разгоняло мракъ, сгущавшійся надъ ними. Я вносила въ ихъ существованіе благодѣтельный элементъ веселья и движенія; и такъ, они привязались ко мнѣ, и я сдѣлалась для нихъ необходимою. Но и во мнѣ самой совершилась великая, почти невѣроятная перемѣна: я была до сихъ поръ легкомысленна, себялюбива, бездушна; но наука, къ изученію которой я приступила и которая повлекла за собою изученіе другихъ наукъ, пробудила меня отъ всей этой суеты къ умственно дѣятельной жизни. Я совершенно позабыла свою предварительную цѣль; я съ перваго же взгляда увидѣла, что Мартинъ Фрезеръ стоитъ такъ же недостижимо, далеко и самостоятельно, какъ полярная звѣзда. И такъ я стала въ отношеніи его просто прилежною ученицею, а онъ оставался степеннымъ и требовательнымъ наставникомъ, къ которому я не могла иначе относиться, какъ бы самымъ глубокимъ уваженіемъ. Каждый разъ какъ я переступала черезъ порогъ его тихаго дома, вся моя свѣтскость, все мое кокетство спадали съ меня, будто чужая одежда, и я входила какъ будто въ храмъ, простою, естественною и благоговѣнно-настроенною.

Такъ прошло счастливое лѣто и настала осень: было уже восемь мѣсяцевъ, какъ я посѣщала Фрезеровъ и во все это время я ни разу намѣренно не обманула ихъ ни словомъ, ни взглядомъ, ни удареніемъ голоса.

Льюси Фрезеръ и я давно съ нетерпѣніемъ ожидали луннаго затмѣнія, которое предстояло въ первыхъ числахъ октября. Вечеромъ назначеннаго дня въ сумерки я вышла изъ дому одна, раздумывая о предстоявшемъ мнѣ удовольствіи, но въ ту самую минуту, какъ я стала подходить къ Гольмсу, меня нагналъ одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я кокетничала въ былыя времена.

— Добраго вечера, Стелла, прокричалъ онъ мнѣ фамильярно: я васъ сто лѣтъ не видалъ. Э, да вы, кажется, теперь гоняетесь за другою дичью? Только не слишкомъ ли высоко вы цѣлитесь? А впрочемъ вамъ теперъ какъ разъ повезетъ

счастьем; потому что если вы промахнетесь по части Мартина Фрезера, то у васъ останется въ запасѣ Джорджъ Йоркъ, только что вернувшійся изъ Австраліи съ громаднымъ состояніемъ; а онъ горитъ желаніемъ напомнить вамъ кое-какія нѣжности, которыми вы обмѣнялись съ нимъ передъ его отъѣздомъ. Еще вчера за обѣдомъ въ гостинницѣ онъ показывалъ намъ прядь вашихъ волосъ.

Я выслушала эти слова; не выражая моихъ чувствъ никакимъ внѣшнимъ знакомъ. Но внутренно меня терзало сознание моего унизительнаго положенія; я поспѣшила укрыться въ мое святилище, и тамъ искала облегченія подлѣ малютки Льюси Фрезеръ.

— Я нынче поступила дурно, начала она:—я была неискренна. Мнѣ кажется, что я должна признаться вамъ въ этомъ, чтобы вы не слишкомъ хорошо обо мнѣ думали; но все же я хочу, чтобы вы меня любили по прежнему. Я солгала,—не словами, а дѣломъ.

И Льюси Фрезеръ прижала ко лбу свои тонкіе пальчики и закрыла глаза, погруженная въ бесѣду съ самой собою.—Дядя говоритъ, продолжала она, отрываясь на минуту отъ этой позы и краснѣя какъ взрослая:—что женщины быть можетъ менѣе чистосердечны, чѣмъ мужчины. Потому что, чего онѣ не могутъ достигнуть силою, того достигаютъ хитростью. Онѣ живутъ не по правдѣ, онѣ сами себя обманываютъ. Иногда женщины обманываютъ для забавы. Онъ заставилъ меня выучить слова, которыя я, можетъ быть, со временемъ лучше пойму:

«Будь вѣренъ самому себѣ; и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что ты не сможешь обмануть вѣру другаго человѣка».

Смущенная и безмолвная я стояла передъ дѣвочкой и выслушивала ее съ пылающими щеками.

— Дѣдушка показалъ мнѣ въ Библии ужасное для меня мѣсто. Слушайте. «Горче смерти для меня та женщина, сердце которой подобно сѣтямъ, и руки которой походятъ на узы: мужъ, боящійся Господа, избѣгнетъ ея, грѣшникъ же подпадетъ ей».

Я закрыла лице руками, хотя и некому было глядѣть на

меня; потому что глаза Люси Фрезеръ скрылся подъ трепещущими вѣками. И такъ я стояла уличенная и готовая къ самообвиненію, когда чья-то рука коснулась моей руки и голосъ Мартина Фрезера проговорилъ:

— Затихніе, Стелла!

Я вздрогнула, когда онъ назвалъ меня по имени, чего до сихъ поръ ни разу не дѣлалъ. Я окончательно растерялась, узнавъ, что Люси Фрезеръ не пойдетъ съ нами на террасу. Когда Мартинъ Фрезеръ наклонился, чтобы посмотрѣть, ловко ли для меня приложенъ телескопъ, я отшатнулась отъ него и залилась слезами.

— Что это значитъ, Стелла, воскликнулъ онъ. Высказаться ли мнѣ передъ вами теперь же, Стелла?—продолжалъ онъ— пока еще время, пока вы не ушли отъ насъ! Скажите, такъ ли лежитъ къ намъ ваше сердце, какъ наше къ вамъ,—такъ что намъ страшно подумать о той пустотѣ, которую вы оставите по себѣ, удалившись изъ нашего дома? Мы не жили, пока не знали васъ, вы наше здоровье, наша жизнь. Я слѣдилъ за вами, какъ не слѣдилъ еще до сихъ поръ ни за одной женщиной, и я не замѣтилъ въ васъ ни одного порока, моя жемчужина, сокровище мое, звѣзда моя. До сихъ поръ, женщина и обманъ были два понятія неразрывно связанные въ умѣ моемъ; но въ вашемъ чистомъ сердцѣ живетъ правда. Я знаю, вы этого не ожидали и моя страстность пугаетъ васъ. Но скажите мнѣ прямо: можете ли вы любить меня?

Онъ охватилъ меня руками и голова моя покоилась на груди его, въ которой сердце билось тревожно. Его суровость и мрачность исчезли, — онъ предлагалъ мнѣ все непочатое богатство любви, котораго онъ не расходовалъ на мимолетные капризы. Успѣхъ мой былъ полный; и какъ охотно осталась бы я въ его объятіяхъ! Но тутъ мнѣ вспомнилась Барбара и слова Люси Фрезеръ зазвенѣла у меня въ ухахъ.

Я отступила печальная и подавленная стыдомъ.

— Мартинъ Фрезеръ, сказала я,—ваши слова заставляютъ меня быть откровенной. Я самая живая женщина изъ всѣхъ встрѣченныхъ вами. Я проложила себя дорогу сюда съ единственнымъ, опредѣленнымъ намѣреніемъ влюбить васъ въ себя; если бы вы хоть разъ побывали въ нашемъ кружкѣ,

то услышали бы обо мнѣ какъ о вѣтренной, бездушнѣй кокеткѣ. У меня не достаетъ духу осквернить обманомъ вашъ домашній очагъ и наполнить горечью ваше сердце. Не говорите со мною теперь, потерпите, и я напишу вамъ.

На слѣдующее утро я написала Мартину Фрезеру, соблюдая во всемъ до послѣдняго слова, самую строгую правдивость; въ одномъ только отступила я отъ истины; обманывая самую себя и сохраняя даже среди крайняго моего униженія ложную гордость, я сказала ему, что не люблю и никогда не любила его.

Джорджъ Торкъ возобновилъ свое ухаживанье за мною: богатство, которое онъ предлагалъ мнѣ, превосходило даже наши ожиданія. Искушеніе было сильное: передо мною лежала однообразная, полная мелочныхъ неприятностей жизнь въ обществѣ Барбары и одинокая никѣмъ непризнанная старость. Отчего же было мнѣ не жить такъ, какъ живутъ тысячи другихъ женщинъ, которыя не несчастливы въ замужествѣ? Но мнѣ вспомнились слова, прочитанныя мною въ одной изъ книгъ Мартина: «Бракъ не всегда обязателенъ для насъ, но мы всегда обязаны держаться того, что справедливо, не покупать счастье цѣною безчестія, и не поступать противъ совѣсти изъ страха прожить вѣкъ въ безбрачїи». И приготовившись мужественно перенести свою безрадостную, одинокую долю, я отвѣргла предложеніе.

Барбара была внѣ себя, и обѣ мы были очень несчастны, пока она не приняла приглашенія провести святки у одной изъ своихъ сестеръ; я же, въ обществѣ старой своей няни, осталась присмотрѣть за перевозкой мебели. Наканунѣ праздника я пошла бродить по опустѣлымъ комнатамъ, такимъ же опустѣлымъ какъ и собственное мое сердце, въ которомъ не оставалось ни прежнихъ его воспоминаній, ни недавнихъ, болѣе глубокихъ привязанностей. Наконецъ я безсознательно остановилась передъ окномъ, изъ котораго такъ часто глядѣла до направленію къ Гольмсу.

Пока я стояла, такимъ образомъ, зажавъ глаза руками, сквозь которыя медленно лились мои слезы, вошла няня закрыть ставни. Увидѣвъ меня, она нервически вздрогнула.

— Я было приняла васъ за вашу матушку, воскликнула

она. Точь въ точь такую видала я ее сто разъ на этомъ мѣстѣ.

— Сусанна, какъ это такъ случилось, что мать моя не вышла замужъ за мистера Фрезера?

— А также, что не они первые, не они послѣдніе—любить-то крѣпко любили другъ друга, а ладить не умѣли. Въ первый разъ мистеръ Фрезеръ женился на деньгахъ, и не былъ счастливъ этой женитьбою, отъ этого онъ правомъ сдѣлался крутенекъ. Они повздорили и матушка ваша съ досады вышла замужъ за мистера Греттона, вашего батюшку. Это такъ потрясло мистера Фрезера, что онъ сдѣлался вдругъ старикомъ и совсѣмъ пересталъ выходить изъ дому; такъ она больше и не видала его, хотя они и жили по сосѣдству; когда вашъ батюшка отлучался на балы, на скачки или на митинги, я часто заставляла ее на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ вы теперь стоите. Только въ послѣдній разъ, какъ вы побывали у нея на рукахъ, я приносила васъ проститься съ нею на ночь; она стояла прислонившись къ окну и тихо проговорила взглянувъ на небо: Я силится исполнить свой долгъ въ отношеніи моего мужа и ребенка!

— Няня, сказала я ей, оставь меня одну, не закрывай ставни.

Волненіе, овладѣвшее мною теперь, не было уже болѣе себялюбивымъ волненіемъ. Я роптала на печаль свою, которой, думала я, нѣтъ другой равной печали; но ошибка моей матери была важнѣе моей, ея страданія глубже моихъ. Крестъ, который она несла, свелъ ее въ безвременную могилу, но этимъ еще не все кончилось: тотъ же крестъ, всею своею тяжестью, удвоенною ея смертью, давилъ теперь дряхлаго старика. Во мнѣ шевельнулось неодолимое желаніе снова увидѣть того, который всѣхъ искреннѣе и неутѣшнѣе оплакивалъ смерть моей матери; я рѣшилась тихонько пробраться до аллей полями и, если стора на окнѣ его не была спущена, что можно было предположить по яркости выходившаго изъ него свѣта, взглянуть на него еще разъ въ воспоминаніе о моей матери.

Почти не помня себя, я бѣгомъ бросилась впередъ и остановилась только у самаго окна.

Комната не походила болѣе на комнату больнаго. Изъ нея

вынесли кровать, экранъ для глазъ и маленькое кресло Льюси. Но въ ней не кидалось въ глаза никакихъ предметовъ современной роскоши, не было замѣтно ни яркости цвѣтовъ, ни мягкости очертаній. То была просто библіотека, или рабочій кабинетъ ученаго труженника, пренебрегавшаго всѣми ухищреніями комфорта. Но въ настоящемъ своемъ видѣ комната эта чѣмъ-то роднымъ сказалась моему сердцу. Въ ней сидѣлъ Мартинъ, глубоко погруженный по своему обыкновенію въ сложныя вычсленія, отъ которыхъ то и дѣло отрывался только за тѣмъ, чтобы заглянуть въ разбросанныя вокругъ него книги.

Неужели этотъ сосредоточенный человѣкъ тотъ самый, который когда-то такъ страстно говорилъ мнѣ о своей любви? И вотъ онъ, равнодушный, сидитъ въ теплѣ и свѣтѣ, такъ близко отъ меня, что я почти могу достать его рукою, между тѣмъ, какъ я стою тутъ, точно бездомная скитальца, среди холода, мрака и отчаянья!

Раздался звонокъ и Мартинъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Мнѣ пришло въ голову прокрасться въ комнату и завладѣть хотя бы клочкомъ бумаги, небрежно брошеннымъ въ сторону: я разсчитывала—хватитъ ли у меня на это времени, и уже дрожащею рукою нажала ручку стеклянной двери, какъ онъ возвратился, неся на рукахъ маленькую, страшно исхудавшую Льюси Фрезеръ. Онъ заботливо окуталъ ее въ широкій плащъ, и, придвинувъ кресло къ камину, усадилъ въ него; при этомъ строгія черты его лица смягчились до выраженія нѣжности. Я протянула къ нему руки; меня влекло къ нему, мнѣ снова хотѣлось прижаться къ его благородному сердцу и избавиться отъ этого ощущенія холода и мрака. Запечатлѣвъ въ своей памяти его образъ такимъ, какимъ я его видѣла въ эти послѣднія мгновенія, нѣжнымъ и любящимъ, я отвернулась и пошла назадъ къ своему опустѣлому дому.

Въ вѣтвяхъ надъ моею головою вдругъ раздалось чрикканье и маленькая птичка, свалившаяся изъ гнѣзда, трепеща отъ ночнаго холода, ударилась объ освѣщенный стекла окна. Въ ту же минуту собака Фрезера, которая и прежде была беспокойна, чуя мое присутствіе, съ лаемъ остановилась у стеклянной двери. Я едва успѣла отскочить и спрятаться въ кусты, какъ

онъ отворилъ дверь и вышелъ на террасу. Собака съ радостнымъ лаемъ бросилась отыскивать по дорогѣ мой слѣдъ; Мартинъ поглядѣлъ кругомъ, но я еще глубже запряталась въ кусты. Я знала, что онъ меня непременно найдетъ; отпечатокъ моихъ ногъ былъ слишкомъ ясно видѣнъ на только что выпавшемъ снѣгѣ и мною овладѣло какое-то дико смѣшанное ощущеніе радости и стыда. Раза два я видѣла, что онъ сбился въ своихъ поискахъ, но наконецъ онъ попалъ на настоящій слѣдъ, и, приподнявъ сучки, подъ которыми я спряталась, увидѣлъ меня, прижавшуюся между лаврами. Я почти приникла къ землѣ и онъ съ любопытствомъ нагнулся ко мнѣ.

— Это я, Стелла, проговорила я чуть слышно.

— Стелла? повторилъ онъ.

Онъ поднялъ меня съ земли точно провинившагося ребенка, возвращенія котораго онъ ждалъ съ часу на часъ, понесъ меня черезъ террасу въ бібліотеку и тамъ только спустилъ меня съ рукъ. Тепло и свѣтло стало мнѣ при немъ; я мелькомъ поцѣловала дѣвочку, глаза которой какъ-то странно свѣтились, глядя на насъ; потомъ онъ обѣ мои руки взялъ въ свои и, наклонившись, сталъ всматриваться мнѣ въ лице. Глаза мои смѣло встрѣтились съ его глазами; въ этомъ долгомъ, пристальномъ взглядѣ каждый изъ насъ извѣдалъ сердечную глубь другаго. Исчезла въ будущемъ всякая возможность сомнѣнія и недовѣрія; между нами не могло уже быть ни обмана, ни ошибочнаго пониманія.

. Встала наконецъ наша звѣзда, и проливала свой кроткій ясный свѣтъ на лежавшее передъ нами будущее. Изъ смежной долины донесся до насъ звонъ колоколовъ, и этотъ веселый трезвонъ, казалось, раздавался въ честь брачнаго торжества, сочетавшаго въ эту минуту наши души. Онъ то и заставилъ насъ очнуться отъ нашего блаженнаго оцѣпенѣнія.—А я была увѣренъ, что ты для меня потеряна только на время, сказалъ мнѣ Мартинъ;—я зналъ, что ты рано или поздно, такъ или иначе ко мнѣ вернешься; но сегодня вечеромъ мнѣ сказали, что ты совсѣмъ уѣхала и я еще не задолго рассказалъ оъ этомъ Льюси Фрезеръ. Она совсѣмъ стосковалась по тебѣ.

Тутъ онъ позволилъ мнѣ посадить ребенка къ себѣ на колѣна.

- лѣни, и она плотно прижалась ко мнѣ съ усталымъ вздохомъ, припавъ головкой ко мнѣ на грудь.

Всю эту ночь я просидѣла, не спуская съ рукъ маленькую дѣвочку, голова которой покоилась у меня на груди. — Она тихо спала въ моихъ объятіяхъ и начинала принимать участіе въ свѣтлой радостной жизни, занимавшейся для меня. Глубокое молчаніе и тишина, окружавшіе насъ, отлучили меня и Мартина отъ всего остальнаго міра; только разъ тишина эта была нарушена моею нянею, которую Мартинъ нашель до нельзя перепуганною и растерянною и привелъ ее съ собою.

Разсвѣло веселое рождественское утро. Я попросила няню причесать мои волосы такъ, какъ чесалась моя мать. Послѣ долгаго разговора съ Сусанною, старикъ Фрезеръ, взволнованный и разстроенный, принялъ меня какъ свою дочь и чаще называлъ меня Марією, нежели Стеллою; и я была рада что мать моя и я слились для него въ одну личность. Вечеромъ я пѣла имъ старинныя пѣсни, въ которыхъ только и было хорошаго что мелодія; мистеръ Фрезеръ разговаривалъ о прошломъ, толковалъ и о будущемъ, и Люси улыбалась глазами.

Потомъ Мартинъ проводилъ меня домой знакомою тропинкой, по которой я часто безъ страха хаживала одна; но чрезмѣрное мое счастье сдѣлало меня робкой и при каждомъ необыкновенномъ звукѣ я прижималась къ нему плотнѣе, отрадно сознавая, что у меня есть покровитель.

Солнечнымъ, весеннимъ днемъ проводили меня въ церковь. Повесѣвшая Люси и торжествующая диктаторша Барбара; тамъ я смѣренно и радостно заявила свое согласіе быть женою Мартина Фрезера. И съ тѣхъ поръ, не покидая тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями моего безумнаго, вѣтренаго дѣвчества, я старалась исправить и исполнить долгъ благодарности, любви и преданности. Только Мартинъ сначала ни за что не хотѣлъ вѣрить, что я въ ту ночь пришла взглянуть въ послѣдній разъ не на него; а на его отца; какъ будто я могла знать о перемѣщеніи его кабинета въ бывшую комнату мистера Фрезера.

ПРИЗРАКЪ ВЪ ДВОЙНОЙ КОМНАТѢ.

Таковъ былъ слѣдующій призракъ въ моемъ спискѣ. Я записалъ названія комнатъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ вынимались жеребьи и этого-то порядка мы теперь придерживались. Я повелѣлъ этому призраку явиться со всевозможною поспѣшностью, потому что всѣ мы замѣтили, что Джонъ Гершель и жена его были очень взволнованы и, будто сговорившись, избѣгали глядѣть другъ на друга. Альфредъ Старлингъ съ тѣмъ добродушіемъ и тактомъ, которые никогда не измѣняютъ ему, тотчасъ же откликнулся на мой вызовъ и объявилъ что въ двойной комнатѣ поселился призракъ лихорадки.

— Что это такое за призракъ лихорадки? На кого онъ похожъ? воскликнули всѣ мы, насмѣявшись до сыта.

— На кого онъ похожъ? отвѣчалъ Альфредъ. — Да на лихорадку.

— А какова на видъ лихорадка?

— Развѣ вы не знаете? спросилъ Альфредъ. Ну такъ я расскажу вамъ.

— Оба мы съ Тилли рѣшили — я мою обожаемую Матильду называлъ этимъ ласковымъ полуименемъ, — и такъ мы съ нею оба рѣшили, что дальнѣйшія проволочки не только неприятны для насъ, но и несообразны съ обязанностями, лежащими на насъ передъ обществомъ. У меня открылся неисчерпаемый запасъ доводовъ противъ откладыванья браковъ на долгіе сроки; Тилли же начинала декламировать стихи самаго мрачнаго содержания. Наши родители и опекуны долго придерживались иного мнѣнія, но наконецъ согласилась. Было рѣшено, что двадцать седьмага декабря, Альфредъ Старлингъ, дворянинъ, сочетается священными узами брака съ Матильдою, единственною дочерью капитана королевской морской службы, Роклея Стандфаста изъ Снардетстонской виллы, въ Дуврѣ.

Я остался сиротою съ самаго ранняго дѣтства и дядя Бонсоръ былъ опекуномъ надъ моимъ небольшимъ состояніемъ

(состоявшимъ изъ акцій Карлэйонской компаніи), а также и надъ моею личностью. Опъ отдалъ меня въ одну изъ лучшихъ отечественныхъ школъ; потомъ отправилъ года на два въ Бонъ, на Рейнъ; наконецъ, для того чтобы, полагаю, не дать мнѣ избаловаться, внесъ за меня значительную премію, открывшую мнѣ доступъ въ торговую контору господъ Баума, Брёма и компаніи нѣмецкихъ негоціантовъ въ Финсбергъ—Циркѣ, у коихъ патроновъ я билъ сколько мнѣ было угодно баклуши и возбуждалъ великую зависть между моими товарищами, — писцами, служившими за жалованье. Дядя мой Бансоръ жилъ преимущественно въ Дуврѣ, гдѣ онъ наживалъ большія деньги казенными подрядами, предметомъ которыхъ было повидному сверленіе дыръ въ извѣстнякѣ и задрѣзыванье ихъ сызнова. Дядя мой былъ чуть не самымъ почтеннымъ челоуѣкомъ въ цѣлой Европѣ и пользовался въ торговой части Лондона большою извѣстностью, подъ именемъ «благонадежнаго Бансора». Онъ принималъ участіе въ безчисленномъ множествѣ товариществъ, и то предпріятіе считалось окончательно удавшимся, которому благонадежный Бансоръ не отказывалъ въ поддержкѣ своего имени.

Мы условились, что я приѣду въ Дувръ на канунѣ Рождества, остановлюсь у дяди, а въ самый день Рождества мы всѣ вмѣстѣ будемъ обѣдать у капитана Стандфаства; второй день праздника долженъ былъ пройти для моей возлюбленной въ заботахъ о шляпкахъ, а для меня, моего дяди и будущаго моего тестя—въ приложеніи рукъ и печатей къ разнымъ актамъ, отступнымъ, соглашеніямъ и другимъ документамъ, относившимся къ деньгамъ и разнымъ судебнымъ формальностямямъ. Двадцать седьмого же была назначена наша свадьба.

Само собою разумѣется, что мои сношенія съ господами Баумъ, Брёмъ и комп. были самымъ дружественнымъ образомъ прекращены. Я на славу угостилъ всѣхъ писцовъ въ ресторанѣ, въ Ньюгетской улицѣ и до поздняго вечера имѣлъ удовольствіе выслушать добрыхъ восемьдесятъ семь разъ единодушное увѣреніе, сопровождавшееся припадками лютости — въ томъ, что я «отличный малый»; волею неволею я принужденъ былъ отложить свой отъѣздъ въ Дувръ до девяти-часоваго почтоваго поѣзда, такъ какъ въ сочельникъ же

въ четыре часа я былъ званъ въ Финсбери-Циркъ на обѣдъ къ младшему члену нашей фирмы, къ тому самому, на которомъ лежала обязанность давать обѣды. Обѣдъ былъ великолѣпный и преселый; мужская половина гостей еще не вставала изъ за стола, уставленнаго бутылками, какъ я поспѣшилъ распротиться и едва успѣлъ кинуться въ наемный экипажъ и нагнать поѣздъ у Лондонъ-Бриджа.

Вы знаете, какъ скоро проходитъ время въ вагонѣ для того, кто передъ отъѣздомъ подкрѣпился хорошимъ обѣдомъ. Казалось, что я былъ доставленъ въ Дувръ по телеграфу: такъ быстро промелькнули для меня эти восемьдесятъ миль.. Но тутъ я нахожусь вынужденнымъ рассказать вамъ объ ужасномъ постигшемъ меня бѣдствіи. Еще въ ранней молодости, во время пребыванія моего въ приготовительной школѣ близъ Эшфорда, я имѣлъ припадокъ страшнаго недуга, порождаемаго кентскими болотами. Не знаю, право, долго ли оставалась эта болѣзнь скрытою въ моемъ организмѣ и вслѣдствіе какихъ внѣшнихъ или во мнѣ самомъ лежавшихъ случайныхъ условій она снова проявилась во мнѣ, только въ то время, когда я ѣхалъ въ Дувръ, у меня была жестокая лихорадка.

То было страшное, упорное ощущеніе дрожи и озноба, мучительной истомы и сильнаго волненія; ко всему этому, я убѣжденъ, примѣшивалась горячка, потому что въ вискахъ у меня стучало и въ головѣ раздавался оглушительный, докучливый, дребезжащій шумъ. Кровь во мнѣ клокотала и тревожно переливалась въ моихъ жилахъ, раскачивая изъ стороны въ сторону мое несчастное тѣло подъ напоромъ своего взбунтовавшагося потока. На платформѣ я то и дѣло спотыкался, и сторожъ, котораго я схватилъ за руку, чтобы удержаться отъ одного сотрясенія, тоже, казалось, зашатался вмѣстѣ съ своимъ фонаремъ не хуже меня самаго.

Переѣздъ къ моему дядѣ, продолжавшійся не болѣе пяти минутъ, былъ ужасный. Припадокъ былъ такъ силенъ, что голова моя и всѣ мои члены возопили о стѣнки кареты и разъ даже пришли въ соприкосновеніе съ оконнымъ стекломъ. Шумъ въ головѣ не умолкалъ ни на минуту. Когда экипажъ

остановился, я кое-какъ выбрался изъ него и, удѣпившись за молотокъ дядиной двери, пробарабанилъ имъ такую дробь (передъ этимъ я успѣлъ разсыпать по мостовой плату извощика, пытаюсь ее отдать ему въ руки), что Джексъ, довѣренный слуга моего дяди, отворившій мнѣ дверь, оставилъ на меня съ изумленіемъ глаза.

— Я очень боленъ, Джексъ, пробормоталъ я, спотыкаясь при входѣ въ приемную. Меня опять схватила эта проклятая лихорадка.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Джексъ—и при этомъ на его лицѣ мелькнуло что-то похожее на усмѣшку. — Это отъ погоды, сэръ. Не лучше ли вамъ, сэръ, лечь въ постель?

А надо вамъ сказать, что весь домъ былъ освѣщенъ; готовился цѣлымъ обществомъ дѣлать жювонку и я зналъ, что моя Тилли и всѣ Стандафасты находятся на верху въ обществѣ моего дяди и что они ждутъ моего приѣзда, чтобы зажечь спиртъ. Какъ я ни былъ боленъ, я горѣлъ желаніемъ видѣть мою ипсую.

— Нѣтъ, Джексъ, отвѣчалъ я, — попробую себя пере-сплить. А вотъ ты лучше принеси мнѣ въ столовую немножко коньяку и горячей воды—можетъ статься, мнѣ отъ этого и полегчить.

Но что же вы думаете, отвѣчалъ мнѣ на это зазнавшійся слуга?

— Нѣтъ, ужъ лучше бъзъ этого постарайтесь обойтись, сэръ. Дѣло теперь праздничное, не вы одни такіе. А лучше извольте-ка ложиться въ постель, а то по утру голова будетъ тяжела.

— Да ты, любезный... накинулся было я на него, но въ эту минуту на верху лѣстницы показался дядя Бансоръ; позади его виднѣлась группа дамъ и мужчинъ и, среди этой группы я разглядѣлъ, на сколько мнѣ позволялъ бившій меня ознобъ, золотыя кудри моей Тилли. Но на лицѣ ея выразилось столько смущенія и ужаса!

— Альфредъ! строго проговорилъ дядя,—какъ тебѣ не стыдно?

— Дядюшка! воскликнулъ я, дѣлая отчаянное усиліе удержаться твердо на ногахъ, — неужели вы думаете, что я...

Здѣсь я попробовалъ взойти на лѣстницу, но нога моя запуталась въ коврѣ, либо я запнулся о проклятыя металлическія прутья, и,—вѣрите ли?—я кубаремъ полетѣлъ въ приѣмную. Но пока я лежалъ на полу, дрожь одолевала меня сильнѣе прежняго. Я слышалъ голосъ моего дяди, отдававшій слугамъ приказаніе отнести меня въ постель; и приказаніе это было исполнено: Джексъ и какой-то долгоногій молодой лакей препроводили мое дрожащее тѣло въ спальню.

Ночь показалась мнѣ не долга, но ужасна, какъ въ горячечномъ бреду. — Я провелъ ее трясясь и стуча зубами въ постели, которая меня жгла. По утру дядя прислалъ сказать, что мой припадокъ лихорадки чистый вздоръ,—и чтобы я изволилъ явиться внизъ къ завтраку.

Я сошелъ внизъ, рѣшившись протестовать, а самъ между тѣмъ держался за перила и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. О какія невзгоды пережилъ я въ этотъ злополучный праздникъ Рождества! Меня встрѣтили усмѣшками, и совѣтовали мнѣ выпить чаю покрѣпче, подбавивъ къ нему немного коньяку. Вскорѣ за тѣмъ, впрочемъ, дядя пожалъ мнѣ руку и замѣтилъ, что праздникъ этотъ бываетъ всего разъ въ годъ и что онъ того мнѣнія, что надо же мальчику перебѣспгься. Всѣ поздравили меня съ праздникомъ, но я могъ только отвѣчать какимъ-то спазматическимъ бормотаньемъ. Тотчасъ же послѣ завтрака я пошелъ прогуляться по набережной, по чуть не упалъ въ море и столько разъ спотыкался о столбы, что домой меня отвелъ какой-то матросъ въ желтой шляпѣ, потребовавшій отъ меня пять шиллинговъ, чтобы выпить за мое здоровье. Затѣмъ настало для меня еще болѣе грозное испытаніе: мнѣ предстояло отправиться въ Снарджетстонскую виллу и сопровождать мою Тилли и все ея семейство въ церковь. Къ великому моему успокоенію, хотя я дрожалъ всѣми суставами, никто однако не обратилъ вниманія на мой страшный недугъ. Я уже начиналъ надѣяться, что это не болѣе какъ перемежающаяся лихорадка и что скоро пройдетъ, но вмѣсто того, чтобы проходить, она усиливалась. Моя возлюбленная погладила меня по головѣ и выразила надежду, что нынче «я сдѣлался умницей»—но когда я, стуча зубами, началъ рас-

пространяться передъ ней о своемъ припадкѣ, она только разсмѣялась.

Мы отправились въ церковь и тутъ, по милости лихорадки, я снова попался въ бѣду. Во первыхъ я произвелъ ужасный скандалъ, наткнувшись на нищихъ старухъ, помѣщавшихся на бесплатныхъ скамьяхъ, и чуть не сбивъ съ ногъ церковнаго старосту. Потомъ я посбросалъ молитвенники съ краины стоящей передо мною скамьи; потомъ я сдвинулъ съ мѣста мягкую подножку, на которую только-что успѣла преклонить колѣна моя теща; потомъ наступилъ невзначай,—въ этомъ я могу дать вамъ честное слово,—на ногу Маріи Ситонъ, хорошенькой кухни моей Тилли,—вслѣдствіе чего она вскрикнула слегка, а моя возлюбленная бросила на меня убійственный взглядъ. Я наконецъ увидѣлъ, что напрасно было бы бороться противъ моего недуга, и вышелъ вонъ.

За обѣдомъ начался для меня новый рядъ несчастій. Началось съ того, что ведя подъ руку мистрисъ Ванъ-Планкъ изъ Сондунча въ столовую (кавалеромъ Тилли былъ мой дядя Бонсоръ), я запутался въ стеклярусныхъ украшеніяхъ, которыми эта богатая, но нѣсколько тучная дама, постоянно отдѣлывала свои платья, и мы оба полетѣли на полъ, что имѣло самыя печальныя послѣдствія: я подвернулся подъ нее и продолжалъ трястись самымъ плачевнымъ образомъ, между тѣмъ какъ громоздкая особа мистрисъ Ванъ-Планкъ надавливала пуговицы моей рубашки. Когда насъ подняли на ноги, она и слышать не хотѣла никакихъ извиненій. Отказавшись сѣсть съ нами за столъ, она потребовала свою карету и уѣхала къ себѣ въ Сондунчъ.

За обѣдомъ я попался изъ огня да въ полымя: я именно во первыхъ, я пролилъ цѣлыхъ двѣ ложки супа такъ называемаго *à la tortue*, на новую камчатную скатерть; во вторыхъ, я опрокинулъ стаканъ мадеры на голубое муаровое платье Мери Ситонъ; въ припадкѣ трясушки, я едва не закололъ серебрянною вилокю лейтенанта пятьдесятъ четвертаго полка, Лемба, квартирующаго въ Гейтсѣ; наконецъ, при безумной попыткѣ разрѣзать индюшку, я цѣликомъ запустилъ это праздничное жаркое, увѣнчанное цѣлою гирляндю прицѣпившихся къ нему сосисекъ, въ жилетъ моего дяди Бонсора.

Холодное декабрьское солнце, вставъ на слѣдующее утро, было свидѣтелемъ великихъ бѣдствій и переворотовъ. Насколько я могу положиться на свои отрывочныя воспоминанія объ этихъ злополучныхъ дняхъ, оскорбленія, нанесенныя мною приличіямъ, еще разъ сошли мнѣ съ рукъ—не въ уваженіе къ моей болѣзни, которой друзья мои и родственники упорно отказывались вѣрить, а въ уваженіе къ тому, что «вѣдь это бываетъ всего навсего разъ въ годъ.» Впродолженіе утра адвокаты сновали взадъ и впередъ по дорогѣ къ Снарлетстонской виллѣ; было употреблено въ дѣло множество краснаго сургучу, печатей, простой и гербовой бумаги, и дядя Бонсоръ смотрѣлъ благонадежнѣе, чѣмъ когда либо. Наконецъ, мнѣ дали подписать какую-то бумагу, и при этомъ много перешептывались между собою; я же положительно заявляю, что ничего не видалъ передъ собою, кромѣ большого бѣлаго пятна, двигавшагося взадъ и впередъ по зеленому полу; на бумагѣ же множество каракуль, какъ шальные, гонялись другъ за другомъ. Я старался собрать всѣ свои силы, чтобы подписать свое имя: я закусилъ губы, сжалъ въ кулакъ лѣвую руку, пробовалъ привинтить къ шеѣ дрожащую голову; даже пальцы на ногахъ судорожно скорчились въ моихъ сапогахъ, и я притаилъ дыханіе; но виновать ли я былъ, что какъ скоро пальцы мои сжали перо и я приступилъ къ подписанію своего имени, какъ это проклятое гусиное перо заскакало, запрыгало, и вонзилось въ бумагу своимъ расщепомъ? виновать ли я былъ, что, взявъ въ руки чернильницу, чтобы ближе поднести ее къ перу, я пролилъ ея черное содержимое большими, отвратительными лепешками на документъ? Я завершилъ свой подвигъ, плеснувъ чернилами на жилетъ моего дяди и запустивъ перо капитану Стандфасту какъ разъ подъ третье ребро.

— Однако, пора и честь знать, закричалъ мой тесть, хватая меня за горло:—вонъ изъ моего дома, негодяй!

Но я вырвался отъ него и искалъ убѣжища въ гостиной, гдѣ, какъ я зналъ, находилась моя Тили въ обществѣ своихъ шляпокъ и подругъ.

— Тили, обожаемая Матильда! воскликнулъ я...

— Дальнѣйшія объясненія бесполезны, сэръ, неумолимо пе-

ребила меня моя возлюбленная:—съ меня достаточно того, что я наслушалась и насмотрѣлась. Альфредъ Старлингъ! Я скорѣе соглашусь выдти замужъ за послѣдняго бѣдняка, собирающаго укропъ на прибрежныхъ утесахъ, чѣмъ быть женою такого безпутнаго пьяницы. Ступайте, сэръ! раскайтесь, если можете. Рабъ невоздержанія! Прощай навсегда. И она гордо удалилась изъ гостиной, и я могъ слышать, какъ она рыдала въ сосѣднемъ будуарѣ, такъ что сердце ея, казалось, разрывалось на части.

Мнѣ указали на дверь и на вѣки запретили доступъ въ Снарретстонскую виллу; дядя мой Бонсоръ отрекся отъ меня и отрѣшилъ меня отъ всего своего наслѣдства. Я бросился со станціи на первый поѣздъ, отѣзжавшій въ Лондонъ, и не переставалъ трястись всю дорогу. Въ сумерки этого злополучнаго 23-го декабря, я очутился дрожащимъ скитальцемъ въ окрестностяхъ Сого-сквера.

Всторону отъ Сого-сквера, — если не ошибаюсь на юго-западъ, — лежитъ грязное строеніе, называющееся Бетмоновымъ подворьемъ. Я стоялъ, дрожа, на углу этого мрачнаго зданія, какъ вдругъ наткнулся на джентльмена, принадлежавшаго съ виду на семь восьмыхъ къ военному, и только на одну восьмую къ гражданскому сословію.

То былъ низенькій, живой, аккуратный, молодежавшій старичокъ, съ желтымъ лицомъ, сѣдыми волосами и баками (въ то время солдаты носили усы только въ кавалеріи). На немъ былъ голубой мундиръ, слегка побѣлѣвшій на швахъ, и серебряная медаль на полинялой лентѣ висѣла на его груди; на полуформенной фуражкѣ его красовался цѣлый пучокъ пестрыхъ значковъ, подъ мышкой у него была бамбуковая трость; на обонхъ рукавахъ его были нашиты потускнѣвшіе золотые шевроны, а шитье на красномъ воротникѣ изображало золотого льва; на плечахъ у него тряслись небольшія, легкія золотыя эполеты, походившія на двойной подборъ зубовъ изъ коробочки дантиста.

— Какъ поживаешь, молодець? ободрительно обратился ко мнѣ господинъ военной наружности.

Я отвѣчалъ ему, что я несчастнѣйшій въ мірѣ смертный, на что господинъ военной наружности, потрепавъ меня по

спинѣ и назвавъ своимъ удалымъ комрадомъ, предложилъ мнѣ выпить съ нимъ для праздника.

— Ты, какъ вижу, весельчакъ, — проживаешь гдѣ день, гдѣ ночь; я и самъ такой, замѣтилъ мой новый пріятель. — Скажи пожалуйста, не бывало у тебя брата-близнеца, по имени Сифа?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я угрюмо.

— Онъ походилъ на тебя, какъ двѣ капли воды, продолжалъ господинъ военной наружности, взявшій меня между тѣмъ подъ руку; дрожа и стуча зубами, я далъ ему увести себя въ маленькую, грязную таверну, на косякахъ которой красовались въ рамкахъ и за стекломъ, запачканномъ мухами, два разрисованныхъ картона: на одномъ изъ нихъ былъ изображенъ офицеръ въ мундирѣ небесно-голубого цвѣта, щедро облѣпленномъ серебрянными галунами; на другомъ — артиллеристъ, забивающій въ пушку зарядъ; поверхъ красовалось объявленіе, гласившее, что требуются молодые люди благообразной наружности для пополненія инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи достопочтенной остъ-индской компаніи, и убѣдительно просившее всѣхъ молодыхъ людей благообразной наружности обращаться къ сержантъ-маіору Чотни, котораго всегда можно застать или въ конторѣ таверны «Гайландъ-Ладди,» или же въ конторѣ Бетманова подворья.

Безполезно было бы передавать весь разговоръ мой съ господиномъ военной наружности; достаточно будетъ сказать, что не прошло и часа, какъ я принялъ роковой задатокъ и былъ завербованъ въ службу достопочтенной остъ-индской компаніи. Я не былъ нищимъ; я обладалъ состояніемъ, совершенно независимымъ отъ моего дяди Бонсара. На совѣсти моей не лежало никакого преступленія, но я чувствовалъ себя потеряннымъ, безвозвратно погибшимъ человѣкомъ, а потому и завербовался. Какимъ-то чудомъ, пока я являлся къ судѣ для засвидѣтельствованія и къ доктору для осмотра, моя лихорадка какъ будто совершенно оставила меня; я твердо и прямо стоялъ въ ложѣ свидѣтелей, твердо и прямо подошелъ подъ мѣрку; только стыдъ и горечь противъ тѣхъ, которые такъ ложно истолковали мое поведеніе въ Дуврѣ, помѣшали мнѣ выписаться изъ службы.

Но едва я добрался до Бреншвудскаго депо для остъ-

индскихъ рекрутъ, какъ моя лихорадка возобновилась съ удвоенною силою. Сначала, вслѣдствіе моего показанія, что слухъ у меня музыкальный, меня опредѣлили въ хоръ военныхъ музыкантовъ; но я никакъ не могъ удержать духовой инструментъ въ рукахъ и вышибалъ у моихъ товарищей инструменты изъ рукъ. Тогда меня перевели во взводъ неспособныхъ рекрутъ, гдѣ сержанты угощали меня палочными ударами, но далѣе первыхъ пріемовъ артикула я не пошелъ,— и тутъ не попадалъ въ тактъ съ моими товарищами, а придерживался своего собственнаго такта. Лекаря, состоявшіе при депо, отказывались вѣрить въ мою болѣзнь; мой ротный начальникъ отзывался обо мнѣ, какъ о трусѣ и обманщикѣ, прикидывающемся только хворымъ. Товарищи презирали меня, ничуть не жалѣли и дали прозваніе: «трясучки». И что всего удивительнѣе, это то, что въ мою одурѣвшую, дрожащую голову ни разу не пришла мысль откупиться отъ своего обязательства, хотя это и было возможно мнѣ во всякое время.

Не умѣю вамъ сказать, вслѣдствіе какихъ соображеній рѣшили отправить такого убогаго, дрожащаго человѣка солдатомъ въ Остъ-Индію; знаю только, что меня отправили долгимъ, долгимъ морскимъ путемъ на военно-транспортномъ суднѣ вмѣстѣ съ семьєю или восемью естами другихъ рекрутъ. Моя военная служба на востокѣ пришла къ быстрому и безславному окончанію. Не успѣли мы прибыть въ Бомбей, какъ батальонъ Европейскаго полка, въ которомъ я числился, былъ посланъ въ экспедицію на берега Сутлея, гдѣ въ то время пылала война. Мнѣ не довелось быть свидѣтелемъ той славы, которою покрыли себя наши знамена въ эту экспедицію; презрительно принимая въ соображеніе мое нервное разстройство, меня помѣстили въ обозную стражу; однажды ночью, послѣ десятидневнаго похода, въ теченіе котораго лихорадка не переставала трепать меня самымъ жестокимъ образомъ, нашъ аррьеръ-гардъ подвергся нападенію со стороны небольшой горсти воровъ, немѣвшихъ другой цѣли, кромѣ грабежа. Ни мальчикомъ, ни юношей я не былъ изъ трусливаго десятка. Я торжественно заявляю, что въ настоящемъ случаѣ не обратился бы въ бѣгство, по моя злополучная немощъ взяла свое. Она вырвала у меня мушкетъ изъ рукъ, сорвала каску съ

головы, ранецъ со спины, и дрожація ноги, спотыкаясь, разбѣжались на нѣсколько миль степного пространства. Поговаривали о томъ, чтобы разстрѣлять меня; другіе предлагали выпороть,—но тѣлесныя наказанія въ то время не существовали въ ость-индской компаніи. Итакъ, я былъ подвергнутъ заключенію въ отвратительной тюрьмѣ, гдѣ меня преимущественно кормили рисовой водой; потомъ я былъ препровожденъ въ Бомбей, гдѣ меня судили военнымъ судомъ и приговорили быть торжественно, съ барабаннымъ боемъ, изгнаннымъ изъ своего полка, за трусость. Итакъ вотъ до чего я дошелъ, я, сынъ джентльмена и обладатель изрядной собственности; мнѣ спорили галуны съ моего мундира и подъ звуки «марша негодяевъ» со стыдомъ и позоромъ исключили изъ службы достопочтенной ость-индской компаніи.

Я уже не помню, какимъ способомъ возвратился я въ Англію: дали ли мнѣ мѣсто на кораблѣ, заплатилъ ли я за него деньгами, или же работою. Помню только, что корабль, на которомъ я ѣхалъ, разбился въ бухтѣ Альгоа, недалеко отъ мыса Доброй Надежды, и сдѣлался окончательно негоднымъ для дальнѣйшаго плаванія. Опасности не было ни малѣйшей, мы были окружены большими и малыми судами, и ни одного пассажира не погибло; но пока шлюпки отчаливали отъ корабля, я такъ страшно дрожалъ, что весь экипажъ встрѣтилъ меня гикомъ и насмѣшками, когда меня приволокли на берегъ. Меня даже не допустили на баркасъ, а потащили сзади на буксирѣ.

Я взялъ мѣсто на другомъ кораблѣ, который только и зналъ, что трясся во весь переѣздъ отъ мыса Доброй-Надежды до Плимута; наконецъ-то я прибылъ въ Англію. Я написалъ безчисленное множество писемъ ко всѣмъ моимъ друзьямъ и родственникамъ, къ Тилли и къ дядѣ моему Бонсору; но единственный отвѣтъ, воспослѣдовавшій на нихъ, пришелъ отъ адвоката моего дяди и извѣщалъ меня въ краткихъ, официальныхъ выраженіяхъ, что мои непонятныя каракули доставлены по назначенію, но что содержаніе ихъ не можетъ быть принято къ свѣдѣнію. Я былъ введенъ во владѣніе своею собственностью до послѣдняго пенни; но какъ видно я вытрясъ свои денежки или за бильярдомъ, или за кеглями; я

помню, что каждый разъ, какъ я принимался за эту послѣднюю игру, — или попадалъ моему противнику кіемъ въ грудь, или сшибалъ съ ногъ маркера, или запускалъ шарами въ окна, или же дѣлалъ дыры въ сукнѣ, за что перешагивалъ безчисленное множество гиней содержателямъ игорныхъ домовъ.

Помню, однажды зашелъ я въ лавку золотыхъ дѣлать мастера въ Реджентъ-Стритѣ купить себѣ ключикъ къ часамъ. Не задолго передъ тѣмъ, я какимъ-то непонятнымъ образомъ вытряхнулъ свои золотые часы съ репетиціей, а потому долженъ былъ замѣнить ихъ серебряными. Стояла зима и на мнѣ было пальто съ широкими рукавами. Пока хозяинъ магазина пріискивалъ ключъ къ моимъ часамъ, мой припадокъ напалъ на меня съ адскою силою; вообразите себѣ мое смятеніе и отчаяніе, когда, ухватившись за прилавокъ, чтобы удержаться, я опрокинулъ на себя цѣлый поднось бриллиантовыхъ колецъ! Одни разсыпались по полу, другія же, — о ужасъ! попали ко мнѣ въ пальто; я дрожалъ такъ неистово, что повидимому натрясъ себѣ бриллиантовыхъ колецъ—въ рукава, въ карманы, даже въ сапоги.

Меня отвели къ судѣ и препроводили въ тюрьму. Нѣсколько времени я трясся въ коморкѣ съ выбѣленными стѣнами; потомъ я, дрожа, отправился въ уголовную палату и дрожа же предсталъ передъ судомъ за покушеніе въ воровствѣ на сумму тысячу пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Всѣ улики противъ меня были налицо. Мой адвокатъ попробовалъ было въ своей защитительной рѣчи упомянуть о «клептоманіи», но это ни къ чему не повело; дядя мой Бонсоръ, нарочно пріѣхавшій изъ Дувра, далъ очень дурной отзывъ о моемъ прежнемъ поведеніи. Меня нашли виновнымъ, меня—невиннѣйшаго и несчастнѣйшаго изъ смертныхъ, и приговорили къ семилѣтней каторжной работѣ. Страшная сцена живо рисуется въ моей памяти: присяжные всѣмъ синклитомъ потрясали на меня головами, тоже дѣлали и судья, и дядюшка Бонсоръ, и публика на галлерей, и самъ я трясся, какъ десять тысячъ милліоновъ осиновыхъ листьевъ, какъ вдругъ....

Я проснулся:

Я лежалъ въ очень неудобной позѣ въ первоклассномъ ва-

гонѣ дуврскаго почтового поѣзда; все въ вагонѣ дрожало: масло плескалось въ лампѣ, мои сосѣди раскачивались изъ стороны въ сторону, поѣздъ шелъ на всѣхъ парахъ, и мой страшный сонъ былъ просто вызванъ сильною грязью. Я вскочилъ, протирая глаза и чувствуя великое облегченіе, но продолжая придерживать за ближайшія перегородки. Тутъ мнѣ вспомнилось все слышанное и испытанное мною по части сновидѣній и соотвѣтственности между внѣшними впечатлѣніями и явленіями нашей духовной жизни. Вспомнился мнѣ также одинъ изъ эпизодовъ моего кошмара, — именно тотъ, когда я былъ приведенъ для осмотра моей годности въ рекруты, причѣмъ спокойно и твердо высюгалъ на ногахъ. Последнее обстоятельство было въ связи съ обычною двухминутною остановкою поѣзда у Торнбриджъ-Уэльсъ. — Но, слава богу, что все это было во снѣ!

— Да этакъ просто всю душу вытрясетъ, воскликнула моя сосѣдка, но въ эту самую минуту кондукторъ показался у окна и прокричалъ:—Дувръ.

— Точно, сударыня, славненько-таки трясло всю дорогу, замѣтилъ этотъ чиновникъ:—право еще не знаю, какъ съ рельсовъ не соскочили; завтра надо будетъ осмотрѣть винты.—Добраго вечера, сэръ!—Это относилось ко мнѣ, кондукторъ былъ со мною коротко знакомъ.—Съ праздникомъ Рождества Христова честь имѣю поздравить, сэръ. Прикажите что ли нанять карету въ Сноргетстонскую виллу? Эй, сторожъ!

Мнѣ точно нужна была карета, и я нанялъ ее. Я щедро наградилъ извозчика и не разсыпалъ деньги по мостовой. Мистеръ Джексъ, какъ только я пріѣхалъ, предложилъ мнѣ выпить чегонибудь теплаго въ столовой, такъ какъ на дворѣ было очень холодно. Я присоединился къ обществу, собравшемуся наверху, моя Тилли встрѣтила меня съ распростертыми объятіями, а дядюшка Бонсоръ съ разстегнутымъ жилетомъ. Я принялъ веселое, но умѣренное участіе въ праздничной жжонкѣ. Въ самый день Рождества мы всѣ обѣдали вмѣстѣ, и я передавалъ супъ и разрѣзалъ индюшку на славу; на слѣдующій день я выслушалъ отъ адвоката моего дяди похвалу моему красивому почерку, который я имѣлъ случай выказать при подписаніи необходимыхъ доку-

ментовъ. Двадцать седьмого декабря, тысяча восемьсотъ сорокъ шестого года я женился на моей безцѣнной Тилли, и мы собирались съ ней жить да поживать, да добро наживать, какъ вдругъ...

Я опять проснулся:

На этотъ разъ я проснулся не на шутку въ своей постели въ этомъ самомъ проклятомъ домѣ. Я чувствовалъ усталость, приѣхавъ сюда по желѣзной дорогѣ; ни свадьбы, ни Тилли, ни Мери Ситонъ, ни мистрисъ Ванъ-Планкъ не оказалось въ дѣйствительности; дѣйствительнаго оказалось только я, да призракъ лихорадки, да рамы, безпощадно дребезжавшія въ обонхъ окнахъ двойной комнаты.

Призракъ въ комнатѣ барчука Б.

Затѣмъ настала мой чередъ говорить и я началъ такъ:

Когда я поселился въ трехъугольномъ чуланчикѣ, пользовавшемся такою громкою извѣстностью, мысли мои, какъ и слѣдовало ожидать, стали постоянно обращаться къ барчуку Б.

Вскорѣ я замѣтилъ, что ни разу не преслѣдовалъ меня барчукъ Б. во снѣ. Но какъ только я просыпался, мысли мои обращались къ нему и силились связать его имя съ какимъ нибудь представленіемъ.

Такъ томился я въ комнатѣ барчука Б. въ продолженіе шести ночей; тутъ я сталъ замѣчать, что дѣло что-то не совсѣмъ ладно.

Первое видѣніе привидѣлось мнѣ раннимъ утромъ, когда еще только начинало брезжить; я стоялъ и брлся передъ зеркаломъ, какъ вдругъ, къ величайшему моему ужасу и изумленію, замѣтилъ, что брѣю не себя самого, мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ,—а мальчика.—Ужъ не это ли барчукъ Б?

Я задрожалъ и поглядѣлъ себѣ черезъ плечо, но тамъ ничего не оказалось. Я снова взглянулъ въ зеркало и ясно увидѣлъ передъ собою черты мальчика, который брился не для того, чтобы избавиться отъ бороды, а для того чтобы вызвать ея еще небывалое появленіе. Въ смятеніи я прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и снова возвратился къ зеркалу въ твердой рѣшимости не поддаваться страху и закончить прерванную операцію. Собираясь съ духомъ, я зажмурилъ глаза; когда я раскрылъ ихъ, я встрѣтился въ зеркалѣ съ пристально устремленнымъ на меня взглядомъ молодого человѣка двадцати четырехъ или двадцати пяти лѣтъ. Испугавшись этого новаго призрака, я закрылъ глаза; раскрывъ ихъ снова, я увидѣлъ брѣющимъ въ зеркалѣ моего отца, котораго давнымъ давно не было на свѣтѣ. Мало того, я увидѣлъ своего дѣда, котораго отъ роду не видалъ.

Разстроенный всѣми этими наводненіями, что было весьма понятно, я тѣмъ не менѣе рѣшился не говорить про нихъ ни слова до настоящаго условленнаго между нами срока поголовныхъ признаній. Волнуемый разными странными мыслями, я удалился въ ту ночь въ свою комнату, приготовившись къ новымъ столкновеніямъ съ міромъ духовъ. И я не напрасно готовился: очнувшись часа въ два по полуночи отъ тревожнаго сна, я увидѣлъ, — предоставляю вамъ судить, каковы были мои чувства, — что со мною на постели лежитъ скелетъ барчука Б.!

Я вскочилъ, а за мною вскочилъ и скелетъ. Тутъ я услышалъ жалобный голосъ, говорившій: — гдѣ я? что со мною случилось? — И оглянувшись въ томъ направленіи, откуда слышался голосъ, я увидѣлъ призракъ барчука Б.

Юный призракъ былъ одѣтъ нѣсколько старомодно, или вѣрнѣе, онъ не столько былъ одѣтъ, сколько втиснутъ въ футляръ низшаго сорта сукна, цвѣтомъ перца съ солью, и обезображеннаго еще болѣе свѣтлыми пуговицами. Я замѣтилъ, что пуговицы эти двойнымъ рядомъ перегибались черезъ каждое плечо юнаго призрака и повидимому спускались вдоль его спины. Вокругъ шеи у него было жабо; правая рука его (которая, какъ я хорошо разглядѣлъ, была запачкана въ чернилахъ) покоилась на его желудкѣ; обстоятель-

ство это, въ связи съ легкими угрями, покрывавшими его лицо, и съ проглядывавшимъ на немъ неопредѣленнымъ выраженіемъ тошноты, повело меня къ тому заключенію, что передо мною былъ призракъ мальчика, глотавшаго не въ мѣру при жизни всякихъ аптекарскихъ сладобій.

— Гдѣ я? патетическимъ голосомъ проговорилъ маленькій призракъ.—И зачѣмъ родился я въ тѣ дни, когда каломель былъ въ такомъ употребленіи, и зачѣмъ пичкали меня имъ въ такомъ страшномъ количествѣ?

Я чистосердечно отвѣчалъ ему, что и самъ, по чести, этого не знаю.

— Гдѣ моя маленькая сестра, продолжалъ призракъ:—и гдѣ моя божественная, миленькая жена, и гдѣ тотъ мальчикъ, съ которымъ я вмѣстѣ ходилъ въ школу?

Я умолялъ привидѣніе успокоиться и, пуще всего, не слишкомъ горевать о потерѣ того мальчика, съ которымъ оно вмѣстѣ хаживало въ школу. Я выставлялъ ему на видъ то соображеніе, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, если бы этотъ мальчикъ и отыскался, то изъ этого по обыкновенію не вышло бы ничего путнаго. Я привелъ ему, что и самъ отыскивалъ въ зрѣломъ возрастѣ не одного мальчика, съ которымъ хаживалъ вмѣстѣ въ школу, и что ни въ одномъ-то изъ нихъ не оказалось проку. Я выразилъ скромную увѣренность, что въ этихъ мальчикахъ никогда не оказывается проку; я настаивалъ на томъ, что они не болѣе какъ мифъ, обманъ чувствъ, западня. Я рассказалъ, какъ въ послѣдній разъ мнѣ случилось отыскать одного изъ этихъ мальчиковъ на званномъ обѣдѣ, онъ укрывался за бѣлымъ галстухомъ, какъ за стѣною; на какой угодно вопросъ у него было припасено по нелѣпому мнѣнію, и онъ обладалъ по истинѣ титаническою силою надобности. Я рассказалъ, какъ, въ силу нашего одновременнаго пребыванія въ школѣ, онъ напросился ко мнѣ на завтракъ: какъ я, раздувъ хранившіеся подъ пепломъ послѣдніе остатки моей вѣры въ своихъ школьныхъ товарищей, пригласилъ его; и какъ онъ оказался проповѣдникомъ страшной дичи, и злоумышлялъ противъ всего адамова потомства, предъъявляя непостижимыя финансовыя воззрѣнія и требуя,

чтобы англійскій банкъ выпустить, не помню сколько-то, тысячъ миллионныхъ десяти и шестидесятихъ билетовъ.

«Призракъ выслушалъ меня въ молчаніи, и когда я кончилъ, обратился ко мнѣ съ воззваніемъ: — цырюльничекъ!

— Цырюльничекъ? повторилъ я, потому что не имѣлъ нести принадлежать къ этому сословію.

Призракъ продолжалъ: — цырюльничекъ! Осужденный брать дѣлать рядъ постоянно смѣняющихся лицъ—то молодого человека, то себя самого, то своего отца, то своего дѣда; осужденный каждую ночь спать самъ другъ со скелетомъ и каждое утро просыпаться въ обществѣ скелета... я затрепеталъ, услышавъ этотъ ужасный приговоръ.

— Цырюльничекъ! Добори ка меня!

Я чувствовалъ, еще прежде нежели слова эти были выговорены, что таинственная сила толкала меня кинуться въ погоню за этимъ призракомъ; я не замедлил это сдѣлать и выбѣжалъ изъ комнаты барчука Б.

Всякому, конечно извѣстно, какія долги и утомятельныя, ночныя прогулки волей неволей дѣлали колдуньи; это извѣстно изъ признаній самихъ колдуний и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Призракъ барчука Б. заставилъ меня сдѣлать не меньше долгу и утомятельную прогулку.

Я послѣдовалъ за нимъ сначала на помостѣ, потомъ на дѣтской игрушечной лошади; что я говорю сущую правду, въ этомъ удостовѣряетъ меня самый запахъ краски, который, послѣ того какъ конекъ согрѣлся, сдѣдался весьма осязательнымъ; потомъ я преслѣдовалъ привидѣніе на безголовомъ ослѣ и наконецъ на ослѣ, который до того былъ озабоченъ состояніемъ собственнаго желудка, что такъ и оставался, уткнувшись въ него головою. Еще поздне, додо мною смѣнялись кони, которые, казалось, только въ тѣмъ и на свѣтъ родились, чтобы ягаться ногами, — корусели, качели и надронцы наемныя кабріолеты.

Чтобы не утомлять васъ разсказомъ о моихъ похожденияхъ, я приведу вамъ для образца одно изъ нихъ.

Со мной произошла нудесная деремтина. Я былъ самимъ собою и въ то же время не былъ самимъ собою. Я сознавалъ въ себѣ присутствіе чего-то такого, что оставалось неизвѣ-

нымъ во все теченіе моей жизни,—а между тѣмъ, то не было мое я, легшее спать въ комнатѣ барчука Б. У меня было гладкое-прегладкое личико, и короткія-прекороткія ножки, я зазвалъ за дверь другое подобное мнѣ существо, съ такимъ же гладкимъ личикомъ и такими же короткими ножками, которому сообщилъ предложеніе самого страннаго свойства.

Я предлагалъ ему устроить вмѣстѣ сераль. Другое существо приняло живое участіе въ этомъ планѣ. Оба мы съ нимъ мало смыслили въ законахъ приличія, знали мы только, что подобный обычай былъ въ ходу на востокѣ и что его придерживался добрый калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, что обычай этотъ въ высшей степени похвальный и вполне достойный подражанія.—О, да, воскликнуло, припрыгнувъ, другое существо:—заведемъ сераль.

Мы поняли, что замыселъ этотъ надо хранить въ глубокой тайнѣ отъ миссъ Гриффинъ, хотя, что до насъ касается, не питали ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ похвальности этого восточнаго учрежденія. Но мы знали, что миссъ Гриффинъ лишена всякихъ человѣческихъ симпатій и неспособна оцѣнить величіе великаго Гаруна. За то мы рѣшили открыть нашу завѣтную тайну миссъ Бьюль.

Насъ было десятеро въ гампстедскомъ учебномъ заведеніи миссъ Гриффинъ: восемь дѣвицъ и двое молодыхъ людей. Миссъ Бьюль, которая, по моимъ расчетамъ, успѣла уже въ то время достигнуть зрѣлаго восьмилѣтняго возраста, была царицею общества. Я въ тотъ же день открылся ей въ нашемъ замыслѣ и предложилъ ей сдѣлаться фавориткой.

Миссъ Бьюль, преодолевъ стыдливость, столь естественную и столь обаятельную въ ея миломъ полѣ, объявила, что предложеніе это очень лестно для нея, но тутъ же пожелала знать, какое назначеніе припасено нами для миссъ Пипсонъ. Миссъ Бьюль, видите ли, поклялась надъ большимъ молитвенникомъ чъ футлярѣ оставаться до послѣдняго издыханія другомъ этой молодой особы, не имѣть отъ нея никакихъ тайнъ и всѣмъ съ ней дѣлиться; миссъ Бьюль объявила, что она, въ качествѣ друга миссъ Пипсонъ, не можетъ утаить ни отъ себя, ни отъ меня, то обстоятельство, что миссъ Пипсонъ тоже не изъ какихъ нибудь.

Такъ какъ у миссъ Пипсонъ были свѣтлыя, вьющіеся волосы и голубые глаза (что для меня было идеаломъ женственной прелести), то я не задумываясь отвѣчалъ, что смотрю на миссъ Пипсонъ, какъ на прелестную черкешенку.

— Такъ что же изъ этого? задумчиво спросила миссъ Бьюль.

Я отвѣчалъ, что она должна быть похищена купцомъ, приведена ко мнѣ подъ покрываломъ и куплена какъ невольница.

(Другое существо уже было отодвинуто въ государственной мужской іерархіи на второй планъ и прочилось въ должность великаго визиря. Въ послѣдствіи оно, было, вздумало противиться этому распорядженію, но, бывъ оттаскано за волосы, смирилось).

— Не буду ли я ревновать? спросила миссъ Бьюль, опуская глаза.

— Нѣтъ, Зобенда, отвѣчалъ я:—ты всегда будешь любимую султаншею; первое мѣсто въ моемъ сердцѣ и на моемъ престолѣ всегда останется за тобою.

Послѣ этого увѣренія миссъ Бьюль согласилась предложить нашъ проэктъ на обсужденіе своимъ семерымъ подругамъ. Въ тотъ же день я попалъ на слѣдующую мысль: мы могли вполне довѣриться доброй, вѣчно ослабляющейсе душѣ по имени Табби, исполнявшей въ домѣ должность дѣвки-чернавки; у особы этой столько же было человѣческаго въ фигурѣ, сколько у любой изъ кроватей; лицо же постоянно, болѣе или менѣе было запачкано сажей. Послѣ ужина я украдкой сунулъ въ руку миссъ Бьюль маленькую записку, въ которой говорилось, что сажа, представлявшая въ нѣкоторомъ родѣ печать, наложенную перстомъ самаго провидѣнія, указывала намъ на Табби, какъ на достойную преемницу Мезрура, знаменитаго начальника черныхъ гаремныхъ стражей.

При введеніи новаго учрежденія дѣла какъ и вездѣ не обошлось безъ трудностей. Другое существо отличалось не совсѣмъ похвальными выходками: претерпѣвъ неудачу въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, оно возымѣло притворныя сомнѣнія на счетъ того, не предосудительно ли преклонять колѣна передъ калифомъ; отказывалось величать его повелителемъ правотѣрныхъ, оскорбительно отзывалось о немъ, какъ о

«взросломъ мальчишкѣ», объявляло, что не хочетъ играть въ эту игру, — слышите ли, игру! — и позволяло себѣ многія другія грубыя и оскорбительныя выходки. Впрочемъ эта низость встрѣтила усѣшный отпоръ въ общемъ негодованіи всего серала и я былъ осчастливленъ улыбками восьми наипрекраснѣйшихъ между человѣческими дщерями.

— Я могъ быть награждаемъ этими улыбками, только въ тѣ минуты, когда миссъ Гриффинъ глядѣла въ другую сторону, — и то съ соблюденіемъ всевозможной осторожности, такъ какъ между послѣдователями пророка существовало преданіе, что миссъ Гриффинъ видитъ маленькимъ круглымъ очкомъ, находившимся въ самой серединѣ узора на спинкѣ ея шали. За то каждое послѣ обѣда мы проводили цѣлую часть виждѣть, — и тутъ-то фаворитка и остальные красавицы гарема наперерывъ другъ передъ другомъ старались развеселить свѣтлѣйшаго Гаруна, отдохавшаго отъ заботъ правленія, — заботъ, отличившихся подобно заботамъ всякаго другаго правителя, преимущественно арифметическимъ свойствомъ, такъ какъ повелитель правотѣрныхъ былъ страшно тупъ по части сложенія.

Миссъ Гриффинъ была образцомъ приличія и я рѣшительно не могу вообразить, каковы были бы чувства этой добродѣтельной женщины, если бы она знала, что, водя насъ попарно гулять по Гампстедскому шоссе, она такъ величаво выступала во главѣ многоженства и исламизма. Я убѣжденъ, что не мало способствовало сохраненію нашей тайны какое-то необъяснимое чувство злой радости, что вотъ миссъ Гриффинъ ничего не подозрѣваетъ, а такъ же злобное сознаніе того превосходства, которое давало намъ наше знаніе того, чего не знала миссъ Гриффинъ (а миссъ Гриффинъ знала все, что только можно было знать изъ книгъ). Дѣйствительно, тайна наша хранилась на славу и только разъ мы чуть-чуть сами себя не выдали. Это случилось въ воскресенье. Всѣ мы, миссъ Гриффинъ во главѣ нашей, были выстроены въ самой видной части церковной галлерей, свидѣтельствуя такимъ образомъ всенародно о несвѣтскомъ управленіи, даваемомъ въ нашемъ заведеніи; читалось въ этотъ день описаніе Соломонова великолѣпія въ его домашней жиз-

ни. Едва слышалъ я имя этого царя, какъ совѣсть шепнула мнѣ: и ты то же, Гарунъ! У священника, совершавшаго въ тотъ день богослуженіе, глазъ былъ какъ - то особенно устроенъ, такъ что казалось онъ глядитъ прямо на меня. Лице мое покрылось багровымъ румянцемъ и каплями крупнаго пота. Великій визирь сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и всѣ султанши зардѣлись, какъ будто заходящее багдадское солнце кинуло свой отблескъ на ихъ прелестныя личики.

Въ эту-то критическую минуту грозная миссъ Гриффинъ встала и окинула взглядомъ дѣтей Ислама. Мнѣ показалось что церковь и государство вошли въ заговоръ съ миссъ Гриффинъ, чтобы изобличить насъ, и что вотъ-вотъ насъ выведутъ на позоръ на самую средину церкви, но такъ *западны*—позвольте мнѣ употребить это слово въ противоположность восточному міросозерцанію, — такъ *западны* были понятія миссъ Гриффинъ, что она заподозрѣла насъ просто въ контрабандномъ пользованьи яблоками, и мы были спасены.

Но тяжелый ударъ постигнулъ меня на самой вершинѣ моего благополучія. Я сталъ задумываться о своей матери и о томъ, что она скажетъ, если я привезу ей во время лѣтнихъ вакацій восемь посѣтительницъ, — прекраснѣйшихъ между дщерями человѣческими, но совершенно неожиданныхъ. Я сообразилъ количество пистолей въ нашемъ домѣ, средства моего отца, плату булочнику — и мое уныніе увеличилось. Сераль и лукавый визирь, угадывая причину тайной печали своего повелителя, дѣлали все, чтобы усилить эту печаль. Они пустились въ увѣренія безграничной преданности и объявили что и въ жизни и въ смерти останутся съ нимъ неразлучны. Эти увѣренія дѣлали меня несчастнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ, и много бессонныхъ часовъ проводилъ въ постели, размышляя о своей ужасной участи. Отчаянье мое доходило до того, что я подъ часъ готовъ былъ броситься на колѣни передъ миссъ Гриффинъ, открыться ей въ моемъ сходствѣ съ Соломономъ и просить чтобы меня наказали сообразно съ поруганными мною законами моего отечества; но неожиданный случай выручилъ меня изъ затрудненія.

Однажды мы прогуливались попарно, — при этомъ случаѣ визирь получилъ приказаніе, — въ случаѣ если заставный сто-

рожь кинетъ свой оскверняющій взглядъ на красавицъ гарема (а этого онъ ни разу не преминулъ еще сдѣлать) — удавить его въ ту же ночь. Въ этотъ день облако печали тяготѣло надъ нашими сердцаами; необъяснимая выходка Антилопы (одной изъ султаншъ) была причиною вѣкаго бѣдствія, постигнувшаго все государство: красавица эта подъ тѣмъ предлогомъ, что предстоящій день былъ днемъ ея рожденія и что по этому случаю была прислана большая корзина, наполненная всякими сокровищами (а ни въ томъ, ни въ другомъ увѣреніи не было и тѣни правды), пригласила тайнымъ но весьма убѣдительнымъ образомъ до тридцати шести сосѣднихъ принцевъ и принцессъ на балъ и на ужинъ; при этомъ было выговорено, что за ними не пришлютъ изъ дому раньше двѣнадцати часовъ. Слѣдствіемъ этой причуды Антилопы было то, что къ подъѣзду миссъ Гриффинъ неожиданно-негаданно стало прибывать въ различныхъ экипажахъ цѣлое общество, разодѣтое въ пухъ и прахъ; члены этого общества, волнуемые пріятнымъ ожиданіемъ, достигали подъ прикрытіемъ своихъ разнородныхъ конвойныхъ верхней площадки лѣстницы, откуда была выпроваживаемы въ слезахъ. Едва послышались учащенные удары молотка, извѣщавшіе объ атихъ событіяхъ, Антилопа поспѣшила запереться въ чуланѣ близъ чердака; при каждомъ новомъ ударѣ молотка миссъ Гриффинъ волновалась все сильнѣе и сильнѣе, дошло наконецъ до того, что она во всеузнѣ сорвала съ головы накладку. Дѣло кончилось тѣмъ, что преступница сдалась на капитуляцію и была засажена на хлѣбъ и на воду въ чуланъ, гдѣ хранилось бѣлье, а мы всѣ выслушали длинное правоученіе.

Вслѣдствіе всего этого мы уныло совершили свою прогулку; въ особенности я, чувствуя всю тяжесть лежавшихъ на мнѣ мусульманскихъ обязательствъ, былъ въ печальномъ настроеніи духа. Вдругъ незнакомый человѣкъ подошелъ къ миссъ Гриффинъ, и, пройдя съ ней рядомъ нѣсколько шаговъ и переговоривъ съ ней о чемъ-то, взглянулъ на меня. Въ полной увѣренности, что это одинъ изъ слугъ правосудія и что часъ мой насталъ, я тутъ же пустился въ бѣгство, наскоро рѣшивъ пробраться въ Египеть.

Весь сераль испустилъ вопль, видя, что я улепетываю со

всѣхъ ногъ (я взялъ при первомъ поворотѣ на лѣво, за уголъ кабака, почему-то предполагая, что это-то и есть кратчайшій путь къ пирамидамъ). Миссъ Гриффинъ закричала мнѣ вслѣдъ, вѣроломный визирь бросился за мною въ погоню, заставный сторожъ прижалъ меня къ углу, отрѣзавъ мнѣ всѣ пути къ бѣгству. Но, когда меня, пойманнаго, привели назадъ, никто и не подумалъ бранить меня; только миссъ Гриффинъ проговорила съ непостижимою кротостью: «Странное дѣло! отчего ты пустился бѣжать, когда этотъ господинъ поглядѣлъ на тебя?»

Миссъ Гриффинъ и незнакомый господинъ обступили меня и торжественно повели домой; но къ удивленію моему я замѣтилъ, что меня ведутъ не какъ преступника.

Прийдя домой мы удалились въ особую комнату и миссъ Гриффинъ призвала къ себѣ на помощь Мезрура, начальника темноцвѣтныхъ стражей гарема. Мезруру что-то передали, и я не знаю, вслѣдствіе чего онъ залился слезами.

— Господь съ тобою, голубчикъ! проговорилъ этотъ сановникъ, обращаясь ко мнѣ:—съ твоимъ папашей случилось несчастье.

Я спросилъ съ замирающимъ сердцемъ:

— Развѣ онъ очень боленъ?

— Утѣшь тебя Господь, моя овечка! продолжалъ добрый Мезруръ, становясь на колѣни, чтобы я могъ опустить голову на его плечо—твой папаша умеръ!

Куда дѣвался при этихъ словахъ Гарунъ-аль-Рашидъ! Сераля тоже исчезъ; съ тѣхъ поръ я не видалъ болѣе ни одной изъ восьми прекраснѣйшихъ между дочерьми человѣческими.

Меня взяли домой—а дома были смерть и нужда! Все наше имущество продали съ аукціона, въ томъ числѣ и моя маленькая кроватка пошла за грошъ. Потомъ меня отдали въ большую, скучную школу для мальчиковъ старшаго возраста, гдѣ все, и одежда и пища было грубо и въ недостаточномъ количествѣ; гдѣ всѣ, и взрослые и дѣти были безжалостны; мои товарищи знали о бывшемъ у насъ аукціонѣ и спрашивали меня, за сколько я пошелъ и кто меня купилъ и кричали мнѣ вслѣдъ: «идеть, идеть,—ушелъ съ молотка!» Я никому не рѣшался открыть въ этомъ непривѣтномъ домѣ, что

я былъ когда-то Гаруномъ и имѣлъ сераль; потому что я зналъ, что стоило мнѣ упомянуть о превратностяхъ моей судьбы, и мнѣ не дали бы проходу, такъ что мнѣ ничего болѣе не осталось бы, какъ утопиться въ тинистомъ пруду, находившемся недалеко отъ рекреационнаго двора и вода въ которомъ походила на пиво.

Увы! друзья мои! Съ той поры, какъ я поселился въ комнатѣ мальчика, никакого другаго призрака не видалъ я въ ней, кромѣ призрака моего собственнаго дѣтства, моей невѣжливости и моихъ наивныхъ вѣрованій. Часто гонялся я за этимъ призракомъ; не нагнать мнѣ его видно моею возмужалою походкой, не поймать мнѣ его моими возмужалыми руками, не воскресить мнѣ его въ первобытной чистотѣ въ глубинѣ моего возмужалаго сердца. И вотъ я, какъ видите, силюсь по возможности бодро и весело исполнить свое предопредѣленіе и брѣю въ зеркалѣ длинную вереницу безпрестанно являющихся лицъ, и ложусь и встаю съ постели самъ другъ со скелетомъ— моимъ неразлучнымъ земнымъ спутникомъ.

ПРИЗРАКЪ ВЪ САДОВОЙ КОМНАТѢ.

Мой другъ и довѣритель потеръ рукою свой плѣшивый лобъ, который имѣетъ въ себѣ что-то Шекспировское, и, монюхавъ щепотку табаку, приговорилъ: Въ комнату мою повадился ходить призракъ судьи.

— Призракъ судьи? воскликнуло все общество.

— Да, судьи. Я никогда не забуду того, что слышалъ отъ него; то былъ случай изъ его судебной практики.

Всѣ мы полюбопытствовали услышать про этотъ случай, чтобы онъ и у насъ врѣзался въ памяти, и мой другъ и довѣритель началъ такъ:

Въ первые годы текущаго стиглітія почтенная чета, по имени Гонтройдъ, занимала небольшую ферму въ сѣверномъ округѣ Йоршайра. Стали они мужемъ и женою уже не въ молодыхъ годахъ, хотя и были молоды въ то время, когда свели первое знакомство. Натанъ Гонтройдъ былъ работникомъ на фер-

нѣ отца Эсфирь Розъ и искалъ ея руки еще въ то время, когда родители пречли ей лучшихъ жениховъ, а потому, не освѣдомляясь о ея чувствахъ, нѣсколько круто выпроводили Натана. Послѣ того много вѣды утекло. Натану уже веревалило за сорокъ, когда у него умеръ какой-то дядя и оставилъ ему изрядное излѣство, такъ что онъ могъ снать небольшую ферму, да еще отложить малую толику въ банкъ на черный день. Однимъ изъ послѣдствій этой перемены въ судьбѣ Натана было то, что онъ сталъ спокойно и не торопясь приискивать себѣ хозяйку; вдругъ до него однажды дошло, что старинная любовь его Эсфирь Розъ не замужемъ и не живетъ прииѣваючи, какъ онъ былъ вполне убѣжденъ, — а живетъ чернорабочей служавкой въ городѣ Райпонѣ. Отецъ ея, потерпѣвъ цѣлый рядъ неудачъ, былъ доведенъ до нищеты; мать умерла, братъ выбивался въ слѣзъ, чтобы прокормить многочисленную семью, сама же Эсфирь была въ тридцать семь лѣтъ смиренною, невзрачною, но лихою работницей. На минуту — но не болѣе какъ на минуту. — Натанъ испыталъ какое-то злое удовольствіе, услышавъ объ этихъ поворотахъ колеса фортуны. Ни слова не сказалъ онъ никому по этому поводу, но нѣсколько дней спустя, явился, разодѣтый по праздничному, въ Райпонъ и постучался къ мистрису Томпсонъ съ черного крыльца.

Ему вышла отворить Эсфирь; свѣтъ прямо падалъ на нее, между тѣмъ какъ онъ остался въ тѣни. Съ минуту длилось молчаніе; онъ разсматривалъ ту, которую онъ любилъ когда-то и которую не видалъ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Отъ миловидности и молодости не уцѣлѣло и слѣда; какъ мы уже сказали, наружность Эсфирь была скромная, невзрачная; но цвѣтъ лица у нея былъ чистый и глаза глядѣли открыто и привѣтливо. Одѣта она была скромно, но опрятно и изъ подъ вороткой юбки ея видѣлась стройная нога. Бывшій любовникъ ея не предавался восторгу, онъ просто сказалъ про себя: ничего, годится! и прямо приступилъ къ дѣлу:

— Эсфирь, ты не узнаешь меня. Я тотъ самый Натанъ, котораго двадцать лѣтъ тому назадъ отецъ твой согналъ со двора, за то, что я было вздумалъ просить тебя въ жены. Съ той поры я и изъ головы выкинулъ было женитьбу; но

вотъ, дядя Бенъ померъ и оставилъ мнѣ малую толику въ банкѣ; я снялъ ферму Набсъ-Эндъ, обзавелся скотинкой, теперь ищу себѣ хозяйку, чтобы могла за всѣмъ приглядѣть. Хочешь, что-ли, быть хозяйкой въ моемъ домѣ? Небось, худаго ничего не увидишь. Такъ если тебѣ не супротивно, я приду за тобою, какъ только уберемся съ сѣномъ.

Эсфирь только отвѣчала: Да что ты не войдешь въ горницу и не присядешь?

Онъ вошелъ и присѣлъ. Прошло нѣсколько времени и она обращала на него столько же вниманія, сколько и на его палку: она суетилась, отпуская обѣдъ своимъ господамъ. А онъ между тѣмъ слѣдилъ за ея проворными, угловатыми движеніями и еще разъ сказалъ про себя: ничего, годится! Минутъ двадцать спустя онъ всталъ и проговорилъ:

— Ну, Эсфирь, я уйду. Такъ когда же мнѣ опять приходитъ?

— Когда тебѣ будетъ угодно, этакъ ты и мнѣ угодишь, отвѣчала Эсфирь, стараясь казаться спокойною; но онъ видѣлъ, что она то и дѣло мѣнялась въ лицѣ и вся дрожала. Минуту спустя Эсфирь получила крѣпкій поцѣлуй; но когда она оглянулась на пожилаго фермера; чтобы побранить его, то увидѣла его такимъ степеннымъ и спокойнымъ, что раздумала.

— Вотъ я и угодилъ себѣ—и тебѣ тоже надѣюсь угодить, проговорилъ онъ. Будетъ съ тебя что-ли мѣсяца на сборы? Нынче восьмое число, восьмага іюля будетъ наша свадьба. А до тѣхъ поръ мнѣ недосугъ сюда ходить, да и свадьбу незачѣмъ долго праздновать. Въ наши годы за глаза довольно и двухъ дней на прогуль.

Все это походило на сонъ. Но Эсфирь рѣшила не думать объ этомъ больше, пока не справитъ всю свою работу. Вечеромъ, убравшись совсѣмъ, она пошла и предупредила свою госпожу о томъ, что отходить и рассказала ей въ немногихъ словахъ повѣсть всей своей жизни. Ровно мѣсяць спустя она вышла замужъ.

Отъ этого брака родился одинъ только сынъ, котораго называли Веняминомъ. Немного гѣтъ спустя послѣ его рожденія умеръ въ Лидсѣ братъ Эсфири, оставивъ послѣ себя человѣкъ

десять или двѣнадцать дѣтей. Эсфирь горько оплакивала его и Натанъ оказалъ ей много тихаго участія, хотя и не могъ позабыть, что Джакъ Розъ растравилъ оскорбленіями рану его молодости. Онъ снарядилъ жену свою въ Лидсъ; успокоилъ ее на счетъ разныхъ хозяйственныхъ заботъ, которыя не выходили у нея изъ головы передъ отъѣздомъ; набилъ кошелекъ ея деньгами, чтобы было ей чѣмъ выручить изъ немедленныхъ затрудненій семейство ея брата; наконецъ, когда повозка тронулась, онъ побѣжалъ за ней въ догонку. — Стой, стой, прокричалъ онъ: — Гетти, коли ты хочешь, и тебѣ не будетъ въ тягость, привези съ собою одну изъ дочерей Джака. Достаткомъ насъ богъ не обидѣлъ, а съ дѣвкой въ домѣ славно повеселѣть.

Повозка тронулась и сердце Эсфири переполнилось чувствомъ благоговѣнной благодарности. Итакъ маленькая Бетси Розъ переѣхала на жительство въ Кабсъ-Эндскую ферму.

Доброе дѣло на этотъ разъ нашло въ себѣ самомъ свою награду, что впрочемъ не должно вводить людей въ заблужденіе, будто добрыя дѣла обыкновенно награждаются. Изъ Бетси вышла веселая, любящая, дѣятельная дѣвушка; дядя и тетка бывало на нее не нарадуются. Они такъ полюбили ее, что даже сочли достойною своего единственнаго сына Веньямина, который въ ихъ глазахъ былъ совершенствомъ. И дѣйствительно, Веньяминъ Гонтройдъ по красотѣ и изяществу могъ бы быть графскимъ сыномъ. Даже сосѣдніе сквайры, проѣзжая мимо, осаживали своихъ лошадей, чтобы полюбоваться на него. Въ немъ не было и тѣни застѣнчивости, онъ съ раннихъ лѣтъ привыкъ чтобы посторонніе восхищались имъ, а родители молились за него Богу. Что же касается до Бетси Розъ, то онъ сдѣлался съ первой же минуты ихъ встрѣчи полновластнымъ властелиномъ ея сердца. Любовь ея росла съ годами, и она старалась завѣрить себя, что долгъ велитъ ей любить выше всего то, что всего дороже ея дядѣ и теткѣ. Старики переглядывались и улыбались каждый разъ, какъ молодая дѣвушка, сама того не подозрѣвая, выдавала свою любовь къ двоюродному брату; дѣло шло именно такъ, какъ они желали; незачѣмъ было отправляться въ дальніе поиски за женою для Веньямина.

Но Веньяминъ смотрѣлъ на это дѣло безъ особеннаго увлеченія. Въ дѣтствѣ онъ посѣщалъ въ качествѣ экстерна нѣколу въ соседнемъ городѣ, одну изъ тѣхъ гимназій, которыя находились въ такомъ плачевномъ состоянн дѣтъ тридцать тому назадъ. Школа была такъ устроена, что ученики не только не научались въ ней добру, но еще научались притворству; впрочемъ съ виду Веньяминъ воумнѣлъ и приобрѣлъ въ ней джентльменское извѣщество. Родители гордились имъ, когда онъ пріѣзжалъ домой на вакаціи, хотя все его джентльменское извѣщество выражалось относительно ннзъ явнымъ презрѣннємъ. Восемнадцатилѣтъ онъ поступилъ ученикомъ въ контору гайминстерскаго адвоката — (передъ этимъ онъ объявилъ заотрѣзъ, что не хочетъ оставаться неотесаннымъ мужикомъ, т. е. честнымъ работающимъ фермеромъ, подобно своему отцу); одна Бетси Розъ была въ эту пору недовольна имъ; четырнадцатилѣтняя дѣвочка смутно чувствовала, что въ немъ что-то все не такъ, какъ бы должно быть. Но увы! прошло два года и шестнадцатилѣтняя дѣвушка боготворила даже тѣмъ его и вѣрить не хотѣла, чтобы что было не такъ въ красивомъ, добромъ, привѣтливомъ братцѣ Веньяминѣ. Отъ Веньямина не укрѣлось, что лучшимъ способомъ водомыслиться къ родителямъ и выманить у нихъ побольше денегъ, было — ухаживать за хорошею кузиной Бетси Розъ. Она ровно настолько ему нравилась, что онъ не тяготился этимъ обязательнымъ ухаживаньемъ, пока она была у него на глазахъ. Но какъ скоро они были врозь, онъ находилъ очень скучнымъ помнить о ней, исполнять ея маленькія порученія и писать ей обѣщанныя письма. Когда кончилось его ученичество, онъ сталъ веотступно требовать, чтобы его отпѣрили на годъ или на два въ Лондонъ. Бѣдный Гонтрейдъ началъ жалѣть, что задумалъ сдѣлать своего сына джентльменомъ. Но теперь уже было поздно раснаиваться; старики это поняли и, скрѣпя сердце, промолчали на его требованье въ тотъ вечеръ, когда оно было впервые предъявлено. Бетси разглядѣвая сквозь слезы, что дядя и тетка казались болѣе обыкновеннаго угонленными въ этотъ вечеръ; проводивъ Веньямина и убирая все со стола послѣ ужина, она старалась какъ можно больше шумѣть, какъ будто шумъ и суета могли удержать ея слезы, готовая

хлынуть. На дядю же съ теткой она вовсе избѣгала глядѣть.

— Присядь-ка, дѣвка; придвинь скамеечку къ камину и потолкуемъ о нашемъ парнѣ, проговорилъ Натанъ, дѣлая надъ собой усиліе. Бетси повиновалась и, подсѣвъ къ камину, накинула себѣ фартукъ на лице, прижавъ его обѣими руками.

— Слыхала-ли ты когда прежде объ этой сумабродной затѣѣ, Бетси?

— Нѣтъ никогда! отвѣчала она изъ-подъ фартука глухимъ, измѣнившимся голосомъ. Эсэри вообразилось, что вопрекъ равно какъ и отвѣтъ выражали неодобреніе; этого она не могла стерпѣть.

— Это наше дѣло было смотрѣть въ оба, когда мы его отдавали въ ученье, вмѣшалась она: — дѣло и съ самаго начала къ тому шло. Не его вина, что ему надо держать въ Лондонѣ какіе-то тамъ экзаменты.

— Да кто же изъ насъ ставитъ ему это въ вину? спросилъ Натанъ. Оно, точно, что для этихъ экзаментовъ съ него двухъ-трехъ недѣль было бы за глаза довольно — это мнѣ самъ стряпчій, Лаусонъ, сказывалъ. А что его тянетъ въ Лондонъ на годъ, на два, такъ на то его добрая воля.

Натанъ покачалъ головою.

— А хотя бы и впрямь на то была его добрая воля, вмѣшалась Бетси, отнимая фартукъ отъ своего раскраснѣвшагося лица и заплаканныхъ глазъ, — еще я тутъ не вижу большой бѣды. Парень не то что дѣвка, — его на привязи не удержишь. Молодому человѣку и слѣдуетъ на людей посмотрѣть и себя показать, прежде чѣмъ захитъ своимъ домикомъ.

Рука Эсэри сочувственно потянулась къ рукѣ Бетси и обѣ женщины съ вызывающимъ выраженіемъ притотоплялись встрѣтить всякія нападки на своего отсутствующаго любимца.

— Полно, дѣвка, не горячись, отвѣчалъ Натанъ; что сдѣлано, того не передѣлаешь; всего тошнѣе то, что самъ я всему причиной: нужно очень мнѣ было своего сына дѣлать джентльменомъ! Вотъ теперь и платись за это. Но дѣлать нечего, пускай ѣдетъ, — такъ что-ли Бетси? — Можетъ статься черезъ годокъ, другой, онъ и вернется къ намъ, советъ

свое гнѣздышко въ ближнемъ городѣ и женится, — а за женой ему не далеко ходить. Мы же, старвки, сдадимъ ферму и переѣдемъ поближе къ стряпчему Веньямину.

И добрый Натанъ, тая про себя свое горе, старался ободрить обѣихъ женщинъ. А между тѣмъ, онъ всѣхъ дольше не засыпалъ въ эту ночь.

На слѣдующес утро Натанъ отправился въ Гайминстеръ повидаться съ мистеромъ Лаусономъ. Всякій, кто видѣлъ его передъ отъѣздомъ, не узналъ бы его по возвращеніи, — такой крутой перемѣны не могла произвести одна усталость: возжи почти выпадали у него изъ рукъ, голова его наклонилась впередъ и глаза были неподвижно устремлены на одну какую-то незримую точку. Но, подѣзжая къ дому, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы казаться какъ ни въ чемъ не бывало.

— Съ какой стати печалить ихъ, проговорилъ онъ. Надо же молодцу перебѣситься. Только не ожидалъ я, чтобъ онъ до этого дошелъ, — молоденецъ онъ для этого. Ну, да авось поумнѣетъ въ Лондонѣ. Первымъ долгомъ надо его спровадить подальше отъ такихъ негодяевъ-товарищей, какъ Уиль Гаукъ и ему подобные. Они-то и сбили моего парнишку съ пути. Пока онъ съ ними не знался, онъ былъ добрымъ мальчмъ.

На другой день Веньяминъ пріѣхалъ домой погостить недѣли на двѣ передъ отъѣздомъ въ Лондонъ. Отецъ держался отъ него какъ то въ сторонѣ и въ обращеніи своемъ съ молодымъ человѣкомъ соблюдалъ какое-то торжественное спокойствіе. Бетси, у которой сначала прѣглядывала досада и срывалось не одно рѣзкое слово, мало по малу смягчилась и даже пеняла въ душѣ на своего дядю за его холодный сдержанный тонъ съ Веньяминомъ. Тетка ея, какъ-то трепетно суетилась около комодовъ и шкаповъ съ платьями, какъ будто боясь и думать о прошедшемъ или о будущемъ; разъ только или два случилось ей подойти сзади къ своему сыну и, наклонившись къ нему, поцѣловать его и погладить по головѣ. Долго послѣ того Бетси не могла забыть, съ какимъ нетерпѣливымъ движеніемъ онъ встряхивалъ на это головою и ворчалъ, такъ что Бетси ясно могла слышать, хотя ея тетка и не слыхала:

— Да оставьте-ли вы меня въ покоѣ?

Съ самой Бетси онъ былъ довольно милостивъ, — да, именно, милостивъ, — иначе и нельзя опредѣлить той любезности дурнаго тона, которую онъ оказывалъ молодой красивой дѣвушкѣ; раза два онъ удостоилъ сказать комплиментъ ея наружности. Она поглядѣла на него съ изумленіемъ и сказала:

— Развѣ мои глаза перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ ты намедни ихъ видѣлъ? спросила она. Чѣмъ расхваливать мнѣ ихъ, лучше бы ты поднялъ матери спицу, которую она оброчила и не найдетъ въ потьмахъ.

А между тѣмъ этотъ сынъ, надежда и любимецъ цѣлой семьи, обладалъ какою-то непостижимою, обаятельною силою. Наканунѣ отъѣзда онъ сидѣлъ между своими родителями; Бетси, положивъ голову къ теткѣ на колѣни, устремляла на него отъ времени до времени долгій взглядъ, какъ бы стараясь запомнить наизусть каждую черту его лица; когда же взгляды ихъ встрѣчались, то она опускала глаза и только молча вздыхала.

Пусто стало безъ него въ домѣ, хотя всѣ домашніе и старались не замѣчать этой пустоты; они принимались за работу съ удвоеннымъ рвеніемъ, но работа почему-то не спорилась. Настала зима, а съ нею и нескончаемо длинныя, скучныя вечера. Онъ писалъ не то чтобъ очень часто, — всякій думалъ про себя, что можно бы было и чаще писать, но каждый готовъ былъ стоять за него горою, если кто другой высказывалъ ту же мысль вслухъ. Натанъ и Гетти Гонтройдъ круто измѣнились въ этотъ годъ. Еще весною они смотрѣли пожилою, но еще крѣпкою, бодрою четою, теперь же они стали дряхлыми стариками. До Натана доходили дурныя слухи о единственномъ его дѣтищѣ и, передавая ихъ женѣ, онъ отказывался принимать ихъ за сущую правду, а впрочемъ, заключалъ онъ, «пошли намъ Господи терпѣнья, коли онъ точно сталъ такимъ».

Прошелъ еще годъ, настала опять зима, еще безрадостнѣе первой! Весною этого года вернулся Вееньяминъ; вернулся онъ испорченнымъ, нахальнымъ молодымъ человѣкомъ; впро-

Отд. I.

чемъ на тѣхъ, которые отъ роду не видывали лондонскаго кутилы самого низшаго разряда, его красивая наружность и развязные приемы могли произвести довольно сильное впечатлѣніе. Въ первыя минуты, когда онъ, разваливаясь на ходу и съ видомъ полунапускнаго, полунскренняго равнодушія, вошелъ въ домъ, родители почувствовали къ нему нѣкотораго рода благоговѣніе; имъ казалось, что передъ ними не сынъ ихъ, а застоящій джентльменъ. Но въ ихъ простой природѣ слишкомъ вѣрно было инстинктивное пониманіе истиннаго изящества, чтобы нѣсколько минутъ спустя не сказалась имъ мишурность того, что было у нихъ передъ глазами.

— И что это такое съ нимъ стало? замѣтила Эсфирь своей племянницѣ, какъ только онъ остались однѣ. Къ чему это онъ цѣдитъ слова, точно языкъ у него расколотъ на двое, какъ у сороки? Эхъ! ужь этотъ мнѣ Лондонъ! онъ не хуже жаркаго лѣтнаго дня портить хорошее мясо. Поѣхалъ онъ туда молодець молодцомъ; а теперь, посмотри, на кого онъ похожъ? Все лице въ угряхъ и морщинахъ.

— А я такъ нахожу, что ему очень пристали новомодныя баки, замѣтила Бетси, краснѣя при воспомнаніи о поцѣлуѣ, полученномъ отъ него при свиданьи—поцѣлуй этотъ,—такъ думала бѣдная дѣвушка, — служилъ ей ручательствомъ, что, несмотря на свои рѣдкія письма, онъ все-таки не пересталъ смотрѣть на нее, какъ на свою будущую жену.

Многое не нравилось въ немъ домашнимъ, но они не могли не нарадоваться, видя что онъ уже теперь не искалъ развлеченій, не отлучался то и дѣло то туда, то сюда, какъ это бывало прежде, а смиренхонько оставался дома. По утру, когда Натанъ вышелъ въ поле, Веньямянъ пошелъ виѣстѣ съ нимъ, и соразмѣрялъ свои шаги съ торопливой, но уже нетвердой походкой старика: старикъ и самъ повеселѣлъ, видя, что сынъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ фермы и терпѣливо выслушиваетъ его хозяйственныя замѣчанія.

— Мнѣ подь часъ сдается, заключилъ старикъ, что живншись на Бетси ты раздумаешь идти по адвокатской части и займешься нашимъ дѣломъ.

Это было ловкое вступленіе, чтобы развѣдать, можно ли было съ надеждою на успѣхъ повести рѣчь о томъ, что составля-

ло завѣтную мечту старика,—именно, чтобы Веньяминъ возвратился къ отцовскимъ занятіямъ.

— Видишь ли, батюшка, адвокатскимъ дѣломъ трудно прожить; молодому человѣку въ этомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ связей, а между тѣмъ ни у тебя, ни у матушки нѣтъ такихъ знакомыхъ, которые могли бы вывести меня въ люди. Къ счастью я встрѣтилъ человѣка,—можно сказать друга, отличнѣйшаго малаго, который со всѣми знакомъ, начиная съ лорда канцлера. Онъ-то мнѣ и предложилъ сдѣлаться его компаньономъ... Тутъ Веньяминъ пріостановился.

— Это, какъ я вижу, добрѣйшій долженъ быть джентльменъ, сказалъ Натанъ:—если бы я могъ, я, кажется, пошелъ бы благодарить его. Вытащить новичка, такъ сказать, изъ грязи и подѣлиться съ нимъ половиною своего счастья, — пользуйтесь-молъ имъ себѣ на здоровье, сэръ, — на это не много найдется людей. Люди все больше норовятъ, коли имъ выпадетъ какая удача, покрѣпче прибрать ее къ рукамъ, чтобъ неравно другіе не отбили ее у нихъ. Желательно мнѣ было бы знать, какъ зовутъ этого джентльмена?

— Ты не совсѣмъ такъ меня понялъ, батюшка. Въ томъ что ты говоришь, конечно, есть большая доля правды, люди вообще не любятъ дѣлиться своимъ счастьемъ, какъ ты сказалъ

— Тѣмъ больше чести тому, кто не прочь имъ подѣлиться, перебилъ Натанъ.

— Такъ, такъ, но видишь ли, даже такой отличный мальчѣ, какъ мой пріятель Ковендишъ, не уступить половины своихъ кліентовъ даромъ. Онъ ожидаетъ за это вознагражденія.

— Вознагражденія, повторилъ Натанъ и голосъ его палъ на цѣлую октаву.—Чтобы это такое значило? Хоть я и плохъ по части грамоты, а все-же такъ смекаю, что каждое такое мудреное слово что нибудь да значить.

— Въ настоящемъ случаѣ вотъ что оно значить: въ вознагражденіе за то, что онъ возметъ меня въ долю, а впоследствии и все дѣло передастъ въ мои руки, онъ требуетъ триста фунтовъ стерлинговъ.

Веньяминъ взглянулъ изъ подлобья, чтобы узнать, какъ приметъ отецъ его это предложеніе. Старикъ глубоко вотк-

нулъ въ землю свою палку и, опершись на нее одною рукою, повернулся къ нему прямо лицомъ.

— Коли такъ, пусть твой пріятель убирается къ чорту. Шутка ли, триста фунтовъ стерлинговъ! Да положимъ, я и радъ бы дать и себя и тебя одурачить,—хотѣлъ бы я знать, откуда мнѣ взять такія деньги?

Онъ остановился, чтобы перевести духъ; сынъ выслушалъ слова его въ угрюмомъ молчаніи: онъ заранѣе успѣлъ приготовить къ этому первому взрыву.

— Мнѣ кажется, сэръ... началъ онъ, немного погодя

— Сэръ? Что я тебѣ за сэръ? Это у васъ тамъ, можетъ, водится. Я просто на просто Натанъ Гантрайдъ; я отъ роду не лѣзь въ джентльмены, но до сихъ поръ я сводилъ концы съ концами; не знаю только, долго ли это и впередъ будетъ такъ; родной сынъ требуетъ у меня триста фунтовъ стерлинговъ, точно я дойная корова ему дался.

— Ну что жъ, батюшка, заговорилъ Веньяминъ съ притворною откровенностью: — коли такъ, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ эмигрировать.

— Что-о? Переспросилъ отецъ, глядя на него упорнымъ, пронидательнымъ взглядомъ.

— Эмигрировать. Отправиться въ Америку, въ Индію или другую какую колонію, гдѣ способному молодому человѣку легче составить собѣ карьеру. Веньяминъ рассчитывалъ на неотразимое дѣйствіе этого послѣдняго рѣшительнаго средства. Но къ его удивленію, отецъ только выдернулъ изъ земли глубоко засаженный конецъ своей палки и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Тутъ онъ снова остановился и мертвое молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Это пожалуй будетъ для тебя всего лучше, началъ онъ наконецъ: (хорошо было для бѣднаго Натана, что онъ не замѣтилъ взгляда, которымъ отвѣтилъ ему сынъ.) Только намъ-то съ Эсфирью каково будетъ? Тамъ, какой бы ты ни былъ, все-же ты наша плоть и кровь, наше единственное дѣтище. Да узнай только жена, что онъ собирается въ Америку—она, кажись, этого и не переживетъ; и Бетси тоже, бѣдняжка, души въ немъ не чааетъ. Рѣчь старика перешла безъ его вѣдома въ монологъ, къ которому между тѣмъ

жадно прислушивался Веньяминъ. Немного помолчавъ, отецъ снова обратился къ нему.—Не повѣрю же я, чтобы кромѣ того человѣка, никто не могъ тебя поставить на ноги. Можетъ статься, другіе не стали бы такъ дорожиться.

— Болѣе выгодныхъ условій мнѣ нигдѣ не найти, отвѣчалъ Веньяминъ, которому показалось, что отецъ начинаетъ поддаваться.

— А коли такъ, ты можешь сказать ему, что не видать вамъ съ нимъ этихъ трехсотъ фунтовъ, какъ своихъ ушей. Я не таюсь, у меня отложена малая толика на черный день, но до трехсотъ фунтовъ далеко не хватаетъ, и часть ихъ я берегу для Бетси, которая была намъ замѣсто дочери.

— Но, придетъ время и Бетси сдѣлается и въ самомъ дѣлѣ вашею дочерью, дайте мнѣ только обзавестись своимъ домомъ, куда бы я могъ взять ее. Въ сущности Веньяминъ очень легко смотрѣлъ на свои отношенія къ Бетси, но въ настоящую минуту, нельзя сказать, чтобы онъ лгалъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не прочь былъ сдѣлать ее своей женою, хотя и намекалъ на это съ тѣмъ только, чтобы поддѣлаться къ отцу.

— До тѣхъ поръ, авось богъ приберетъ насъ съ женою, отвѣчалъ старикъ.—Но опять-таки я говорю тебѣ—нѣтъ у меня трехсотъ фунтовъ. Ты знаешь, я всѣ свои лишнія деньги откладываю въ чулокъ и берегу ихъ въ немъ, пока накопится пятьдесятъ фунтовъ, тогда я отдаю ихъ въ райпонскій банкъ. Теперь у меня лежитъ въ банкѣ двѣсти фунтовъ, да въ чулкѣ пятнадцать; изъ этихъ денегъ я сто фунтовъ откладывалъ для Бетси.

Веньяминъ недовѣрчиво поглядѣлъ на отца. Уже одно то, что онъ могъ старика отца заподозрить во лжи, достаточно обрисовываетъ его характеръ.

— Я радъ бы тебѣ пособить и ускорить вашу свадьбу да, видишь, не могу. Еще много уйдетъ денегъ на покупку сѣмянъ,—последній урожай былъ больно плохъ. А вотъ что я тебѣ скажу, сынокъ: я тебѣ Бетсину сотню дамъ взаймы, а ты ей дашь собственной руки расписку. Мы вынемъ деньги изъ райпонскаго банка и поторгуемся съ адвокатомъ: мо-

жетъ статья, онъ тебя и за двѣсти фунтовъ согласится взять въ долю.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Веньяминъ помирился на двухстахъ фунтахъ. Тѣмъ не менѣе тѣ пятнадцать фунтовъ, которые копилась въ чулкѣ, не давали ему покоя. Онъ находилъ, что они принадлежатъ ему по праву, какъ единственному наслѣднику отца, и никакъ не могъ простить Бетси того обстоятельства, что часть сбереженныхъ денегъ предвзначалась ей. Между тѣмъ Натанъ былъ въ этотъ вечеръ необычайно веселъ. Его великодушному, любящему сердцу было отрадно сознаніе, что онъ, цѣною чуть ли не всего своего состоянія, способствовалъ счастью двухъ молодыхъ людей. Самое величіе довѣрія, оказаннаго имъ своему сыну, казалось дѣлало Веньямина достойнымъ этого довѣрія. Въ этотъ вечеръ Бетси выслушала отъ дяди много непонятныхъ шуточныхъ намековъ, — старикъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Веньяминъ рассказалъ ей обо всемъ случившемся, тогда какъ на дѣлѣ Веньяминъ не говорилъ ей ни слова.

Когда престарѣлая чета улеглась въ постель, Натанъ передалъ женѣ свой утренній разговоръ съ сыномъ. Бѣдная Эсфиръ была нѣсколько поражена переменною въ назначеніи запаснаго капитала. Но деньги эти были нужны Веньямину, и она не жалѣла съ ними разстаться. Станнымъ только казалось ей, какъ могла потребоваться такая большая сумма. Но и это недоумѣніе скорѣе было отодвинуто на второй планъ потрясающею мыслью, что вотъ Бенъ переѣдетъ на житье въ Лондонъ, а за нимъ послѣдуетъ Бетси, сдѣлавшись его женою. Утромъ, пока Бетси мѣсила тѣсто, тетка ея сидѣла, противъ обыкновенія ничего не дѣлая, передъ огнемъ.

— Вотъ скоро намъ придется хлѣбъ брать въ лавкѣ, сказала она. — А этого мы съ поконъ-вѣку не дѣлали.

Бетси съ удивленнымъ видомъ оторвалась отъ своей работы.

— Ну ужъ, благодарю покорно — ѣсть такую мерзость. Да на что вамъ, тетушка, понадобилось брать хлѣбъ у булочника? Посмотрите, какъ хорошо взойдетъ это тѣсто.

— Мнѣ самой теперь не подъ силу мѣсить, а ты скоро уходишь въ Лондонъ, такъ и придется намъ ѣсть покупной хлѣбъ, какого отъ роду не ѣдали.

— Я и не думаю ѣхать въ Лондонъ, отвѣчала Бетси, вся вспыхнувъ и принимаясь мѣсить съ удвоеннымъ рвеніемъ.

— Но вѣдь нашъ Бенъ вступаетъ въ долю съ однимъ богатымъ лондонскимъ стряпчимъ, а ты знаешь, что онъ только того и выжидаетъ, чтобы жениться на тебѣ.

— И, тетушка, отвѣчала Бетси, очищая тѣсто съ рукъ и все еще не поднимая глазъ:—если только за этимъ дѣло стало—не безпокойтесь: Бенъ двадцать разъ передумаетъ, прежде чѣмъ начнетъ дѣло и женится. Меня за одно досада разбieraетъ, продолжала она съ возрастающимъ раздраженіемъ:—за то, что я сохну по немъ, когда онъ обо мнѣ и не думаетъ. Нѣтъ, право, какъ только онъ уѣдетъ, и изъ головы выброшу объ немъ думать.

— И это тебѣ, дѣвка, не стыдно? А онъ-то только хлопочетъ, какъ бы все лучше для тебя же устроить. Еще вчера онъ говорилъ объ этомъ съ твоимъ дядей и такъ-то все хорошо расписывалъ. Одно горе только, дѣвка, крѣпко стоскуемся мы безъ васъ.

И старуха заплакала тѣмъ безслезнымъ всхлипываньемъ, которымъ плачетъ старость.

Вечеромъ Натанъ и его сынъ возвратились изъ Гайминстера, покончивъ всѣ дѣла къ великому удовольствію старика. Бетси, пріятно взволнованная всѣмъ, что слышала по утру отъ своей тетки и чему такъ охотно вѣрила, — Бетси, краснѣющая и привѣтливая, казалась почти хорошенькой; пока она бѣгала изъ кухни въ кладовую, Веньяминъ далъ ей украдкою не одинъ поцѣлуй, на что старики добровольно закрывали глаза. Позднѣе къ ночи всѣ притихли и приуныли при мысли о предстоящей разлукѣ; Бетси пустила въ ходъ невинную хитрость, чтобы усадить Веньямина возлѣ его матери и исполнить такимъ образомъ видимое желаніе старушки. Пока мать гладила его руку и называла его разными нѣжными именами, Веньяминъ сталъ зѣвать. Бетси готова была бы надавать ему пощечинъ за неумѣнье подавить или скрыть эту зѣвоту, но мать оказалась сострадательнѣе.

— Ты усталъ, мое дитятко, проговорила она, ласково опускающая ему руку на плечо,—но рука ея упала, сброшенная его рѣзкимъ движеніемъ при вставаньи.

— Да, я чертовски усталъ, отвѣчалъ онъ и, перецѣловавъ всѣхъ съ грубою небрежностью, въ томъ числѣ и Бетси, удалился.

На другой день онъ почти досадовалъ на домашнихъ за то, что они поднялись раньше обыкновеннаго, чтобы проводить его. На прощаньи онъ держалъ имъ слѣдующую рѣчь:—Ну, добрые люди, надѣюсь, что когда я приѣду опять, у васъ будутъ не такія вытянутыя лица; право, точно вы собираетесь на похороны! Этимъ вы хоть кого выживете изъ дому. Ты, Бетси, стала сегодня просто дурнушкой.

Онъ уѣхалъ, а они, не говоря между собою ни слова о своей потерѣ, принялись за свои будничныя дѣла.

Сначала, хотя Веньяминъ писалъ и не часто, за то письма его были наполнены общими мѣстами о томъ, какое ему везетъ необыкновенное счастье. Потомъ письма стали приходять все рѣже и рѣже, тонъ ихъ тоже совсѣмъ измѣнился. Годъ спустя послѣ его отъѣзда, пришло письмо, которое чрезвычайно раздражило и удивило Натана: Веньяминъ писалъ о какихъ-то неудачахъ, — какихъ именно, онъ не объяснялъ, — и заключеніе требовалъ, чтобы отецъ прислалъ ему всѣ свои остальные сбереженные деньги. Этотъ годъ былъ тяжелъ для Натана: онъ потерпѣлъ вмѣстѣ съ своими сосѣдями отъ скотскаго падежа; цѣны на скотъ, котораго онъ долженъ былъ прикупить для пополненія своей убыли, оказались неслыханно высокими; изъ пятнадцати фунтовъ, хранившихся въ чулкѣ, уцѣлѣло не болѣе трехъ. Итакъ Натанъ, не успѣвъ еще никому рассказать о полученномъ имъ письмѣ, (Бетси и ея тетка ѣздили въ тотъ день въ городъ на базаръ), отвѣчалъ на него рѣзкимъ отказомъ; онъ выставилъ Веньямину навидь, что онъ уже получилъ свою долю, и что если онъ не умѣлъ справиться съ нею, то тѣмъ хуже для него, а у отца про него нѣтъ больше денегъ.

Эсфирь и Бетси, по возвращеніи изъ города, замѣтили, что старикъ что-то не въ своей тарелкѣ, и пристали къ нему съ распросами. Гнѣвъ его между тѣмъ не только не остылъ, но еще усилился вслѣдствіе размышленія; онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ рассказалъ имъ въ чемъ дѣло. Не успѣлъ онъ еще кончить своего рассказа, какъ обѣ женщины столько же огор-

чились, если не столько разсердились, какъ и онъ самъ. Скорѣе всѣхъ успокоилась Бетси, потому что скорѣе всѣхъ нашлась, что дѣлать: она собрала всѣ свои деньги, накопленные ею съ самого дѣтства; капиталъ, образовавшійся изъ полученныхъ ею въ разное время подарковъ въ шесть пенсовъ или въ шиллингъ, а также изъ продажи яицъ отъ двухъ куриць, считавшихся ея собственными,—составилъ около двухъ фунтовъ. Эту-то сумму она вложила въ конвертъ и отправила Веньямину при слѣдующей запискѣ:

«Милый Веньяминъ. У дяди пали двѣ коровы и онъ потерпѣлъ большіе убытки. Онъ на тебя въ большомъ гнѣвѣ, а главное, онъ въ большомъ горѣ. Итакъ потерпи покамѣстъ. Надѣюсь, что это письмо застанетъ тебя въ добромъ здоровьи, чего тебѣ желаетъ

твоя по гробъ жизни

Елизавета Дозъ.»

Отправивъ это письмо, Бетси снова начала распѣвать за работой. Она не ожидала собственно увѣдомленія о полученіи письма: она была твердо увѣрена, что письма на почтѣ никогда не пропадаютъ. А между тѣмъ въ ней жила тайная сердечная потребность услышать отъ Веньямина слово благодарности, одно изъ тѣхъ знакомыхъ словъ любви, которыхъ она такъ давно не слыхала. Мало того, когда недѣля проходила за недѣлей, а отвѣта все не было, она утѣшала себя мыслью, что, можетъ быть, въ это самое время онъ спѣшитъ покончить всѣ дѣла свои въ Лондонѣ и пріѣдетъ въ Нобъ-Эндъ поблагодарить ее лично.

Разъ, когда тетка ея хлопотала за сырами, а дядя былъ въ полѣ, почтальонъ принесъ письмо прямо въ кухню и отдалъ его Бетси. У деревенскаго почтальона много досуга, а потому, прислонившись къ кухонному столу, онъ, не торопясь, началъ рыться въ своей сумкѣ. — Диковинное у меня есть письмецо къ Натану, проговорилъ онъ:—боюсь, какъ бы не было въ немъ худыхъ вѣстей—на конвертѣ выставленъ штемпель конторы *мертвыхъ* писемъ.

— Господи помилуй! воскликнула Бетси, и бѣлая какъ полотно опустилась на ближайшій стулъ. Но въ ту же минуту она вско-

чела на ноги и, вырвавъ злобѣщее письмо изъ рукъ почтальона, вытолкала его изъ дому, проговоривъ:—убирайся скорѣе, пока тетушка тебя не видала. И сама со всѣхъ ногъ побѣжала къ дядѣ въ поле.

— Дядюшка, проговорила она, едва переводя духъ. — Что это значитъ? О, дядюшка! неужели онъ умеръ?

Рука Натана задрожала и въ глазахъ у него помутилось.

— Погляди сама, проговорилъ онъ:—и скажи мнѣ, что тамъ такое написано.

— Это письмо—ваше собственное письмо къ Венъямину,—а тутъ напечатаны слова: «по означенному адресу не оказалось»,—вотъ они и препроводили его обратно къ подателю, т. е. къ вамъ. Ахъ, какъ меня перепугали эти ужасныя слова, выставленные на штемпель!

Между тѣмъ Натанъ взялъ въ руки письмо и въ недоумѣніи переворачивалъ его во всѣ стороны.

— Онъ умеръ? заговорилъ онъ. Такъ—и умеръ мой сыночекъ, не узнавъ, какъ я жалѣлъ, что тогда крутенько отвѣчалъ ему? Сыночекъ мой, сыночекъ! И онъ присѣлъ на землю на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и закрылъ лицо руками. Письмо, возвращенное ему обратно, было сочинено имъ въ нѣсколько приемовъ послѣ неимоверныхъ усилій, онъ старался въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ объяснить своему дѣтищу, почему именно онъ не могъ выслать ему требуемыхъ денегъ. И вотъ Венъяминъ умеръ, умеръ, быть можетъ съ голоду, на чужой сторонѣ.

— Тяжко мнѣ, тяжело, Бетси, повторялъ старикъ, хватаясь за сердце.

— Полноте, дядюшка, утѣшала его Бетси, обнимая и цѣлуя его:—онъ не умеръ, этого не сказано въ письмѣ. Онъ просто перемѣнилъ квартиру, а почтальонъ погѣнился отыскать его, вотъ письмо и пришло назадъ. Я всегда слыхала, что народъ тамъ на югѣ прелѣнливый.

Между тѣмъ Бетси сама плакала отъ волненія, хотя и твердо была увѣрена въ томъ, что говорила. Она уговаривала дядю встать съ сырой земли и поразмять на ходу окоченѣвшіе члены. Уводя его домой, она повторяла ему все то же утѣшеніе, что «Венъяминъ не умеръ, а только переѣхалъ на другую

квартиру», но старикъ неуѣшно качалъ головою. Когда онъ возвратился домой, жена только взглянула на его больное лицо и тотчасъ же пришла къ заключенію, что онъ простудился. Усталый и равнодушный къ жизни, онъ далъ уложить себя въ постель и радъ былъ физической болѣзни, которая избавила его отъ всякой необходимости напрягать свои силы. Между имъ и Бетси ни слова не было сказано по поводу письма, и Бетси сдумѣла остановить болтливость почтальона.

Черезъ недѣлю Натанъ всталъ съ постели, постарѣвъ десятию годами. Жена побранила его за то, что онъ не бережетъ себя и отдыхаетъ на мокрой травѣ, между тѣмъ она и съ своей стороны начинала беспокоиться, что отъ Веньямина такъ долго нѣтъ извѣстій. Сама она не умѣла писать, но не давала мужу покоя, пока онъ послѣ долгаго отмалчиванья, не объявилъ ей наконецъ, что непременно напишетъ въ воскресенье. Въ это воскресенье онъ въ первый разъ послѣ своей болѣзни собирался въ церковь. Наканунѣ, не обращая вниманія на увѣщанія жены и Бетси, онъ побывалъ въ Гайминстеръ, откуда возвратился усталый и соблюдая какую-то таинственность во всѣхъ своихъ пріемахъ. Вечеромъ, отправляясь по обыкновенію провѣдать скотину, онъ позвалъ съ собою Бетси, и какъ только они отошли подальше отъ дома, вынулъ какой-то маленькій свертокъ и, подавая его Бетси, сказалъ:

— Нашей-ка ты мнѣ это на праздничную шляпу, дѣвка; я знаю, что дѣтища моего нѣтъ въ живыхъ, хоть и помалчиваю, чтобы не сокрушить васъ со старухой.

— Нашить-то я нашую, дядюшка,—только онъ не умеръ, отвѣчала Бетси, рыдая.

— Такъ, такъ, дѣвка, другіе вольны думать, что хотятъ, а я все-же хотѣлъ бы носить лоскутокъ крепа на память о моемъ парнишкѣ. Старуха моя со дня на день сдѣпнетъ, она и не замѣтитъ его.

Итакъ Натанъ отправился въ церковь съ узенькою нашивкою изъ крепа на своей шляпѣ. Такова непослѣдовательность человѣческой природы, что не смотря на все свое желаніе скрыть отъ жены свою увѣренность въ погибели сына, ему показалось почти обиднымъ, что никто изъ сосѣдей не

обратилъ вниманія на его трауръ и не спросилъ, по комъ онъ его носитъ.

Но прошло нѣсколько времени и безпокойство всего семейства, по поводу Веняминоваго молчанія, сдѣлалось до такой степени томительнымъ, что Натанъ не считъ болѣе нужнымъ таить отъ другихъ свои догадки. Но сердце бѣдной Эсфири отказывалась вѣрить, чтобы единственный ея сынъ умеръ, не приславъ ей даже прощальнаго слова; она была убѣждена, что еслибы даже смерть постигла его неожиданно, то эта смерть сказала бы ея материнскому сердцу черезъ какое нибудь сверхъестественное откровеніе. Что же касается до Бетси, то она поочередно склонялась то на сторону дяди, то на сторону тетки, и потому могла чистосердечно сочувствовать обомъ. Но прошло немного мѣсяцевъ и она постарѣла, рѣдко улыбалась и никогда уже не распѣвала.

Ударъ, такъ страшно потрясшій всѣ жизненныя силы обитателей Нибсъ-Эндской фермы, отозвался разными переменами въ хозяйствѣ. Натанъ и Эфиръ стали слишкомъ дряхлы, чтобы надзирать каждый за своею частью фермерскаго хозяйства. На Бетси лежалъ надзоръ и за полевыми работами, и за скотомъ, и за сырнымъ производствомъ. Она дѣлала свое дѣло хорошо, хотя и не попрежнему весело, но безъ особаго сожалѣнія узнала, что одинъ сосѣдній фермеръ, Джибъ Киркби, снимаетъ у ея дяди всю пахотную и почти всю луговую землю, оставляя ему ровно столько, сколько нужно было для прокормленія двухъ коровъ. Что же касается до строеній, то фермеръ Киркби нанялъ одинъ сарай для помѣщенія откармливаемаго скота.

Эфиръ, оставшись наединѣ съ Бетси, слѣдующимъ образомъ высказалась ей по поводу всѣхъ этихъ переменъ:

— Я рада-радешенька, что дѣло такъ устроилось. Я все боялась, что Натанъ совсѣмъ оставитъ домъ и ферму, а тогда, какъ же бы отыскалъ насъ сыночекъ, воротившись изъ Америки. Не тужи, дѣвка! Я знаю, что онъ отправился въ Америку и когда нибудь оттуда да вернется. Какая это такая хорошая есть притча въ Евангеліи про блуднаго сына? Вотъ и онъ также придетъ къ намъ и Натанъ проститъ его: вѣдь онъ словно изъ мертвыхъ для него воскреснетъ.

Киркби оказались хорошими сосѣдями. Въ этомъ семействѣ былъ сынъ, степенный, работающій старый холостякъ. Но Натану съ чего-то вообразилось, что Джону Киркби приглянулась Бетси, и это стало для него поводомъ къ немалому безпокойству. Тутъ-то въ первый разъ оказалось, что увѣренность его въ Веньяминовой смерти, далеко не была такъ непоколебима, какъ ему самому казалось; онъ ревновалъ Бетси за своего сына. Лѣта и безвыходная печаль дѣлаютъ чело-вѣка раздражительнымъ и Бетси много приходилось подъ часъ выносить отъ своего дяди. Но ея привязанность помо-гала ей сдерживать въ отношеніи его свою природную вспыльчивость.

Однажды вечеромъ,—дѣло было въ концѣ Ноября,—Бетси пришлось вынести болѣе обыкновеннаго отъ своего дяди. Случилось такъ, что у Керкби захворала корова, и Джонъ Керкби почти неотлучно находился на скотномъ дворѣ; Бетси ходила за животнымъ и хлопотала на кухнѣ о варкѣ какого-то поѣла для коровы. Не будь Джонъ замѣшанъ тутъ въ дѣло, Натанъ первый же принялъ бы во всемъ горячее участіе, потому что былъ отъ природы услужливъ и добродушенъ. Но такъ какъ Джонъ торчалъ у него передъ глазами и Бетси помогала чѣмъ умѣла, то Натанъ сталъ утверждать, что «корова здоровешенька, и что надо же парнямъ и молодымъ дѣвкамъ изъ-за чего нибудь суетиться,»—хотя Джону было за сорокъ, а Бетси двадцать восемь лѣтъ, а потому названіе парня и молодой дѣвки не совсѣмъ имъ пристало. Когда Натанъ передъ вечеромъ вышелъ по своему обыкновенію посмотрѣть—«какая-то надворѣ стоитъ погода», Эсфиръ положила руку на плечо племянницы и сказала:

— Это его ревматизмъ одолѣваетъ, вотъ онъ и ворчитъ. Скажи-ка мнѣ, — я при немъ не хотѣла спрашивать, — какъ у нихъ тамъ съ коровой?

— Шибко плохо; Джонъ Киркби поѣхалъ за ветеринаромъ. Чего добраго, имъ придется здѣсь просидѣть всю ночь напролетъ.

Въ послѣднее тяжелое время у Натана вошло въ привычку передъ отходомъ ко сну прочитывать вслухъ главу изъ

библіи. Эти короткія минуты затишья были минутами отдыха для всего семейства: Натанъ читалъ небѣгло, часто затруднялся надъ однимъ какимъ нибудь словомъ и кончалъ-таки тѣмъ, что выговаривалъ его ошибочно; Эсфирь слушала его съ наклоненною головою, тихо вздыхала и благоговѣнно проговаривала «аминь» въ тѣхъ мѣстахъ чтенія, гдѣ слышалось ей утѣшительное обѣтованіе. Бетси сидѣла обыкновенно возлѣ тетки, слегка развлекаемая хозяйственными заботами или быть можетъ, мыслями объ отсутствующемъ.

Въ этотъ вечеръ Бетси, сидѣвшая прямо противъ окна и двери, находившейся рядомъ съ этимъ окномъ, вдругъ увидѣла, что деревянная щеколда тихо приподнялась и опустилась, точно кто пробовалъ ее сваружи. Она вздрогнула и стала опять всматриваться, но ничего больше не увидала. Она подумала, что дядя ея, недавно передъ тѣмъ вышедшій въ эту дверь, промахнулся и щеколда не попала въ свое мѣсто. Она даже готова была завѣрить себя, что ей такъ только показалось, и что она перепугалась попустому.

Домъ, въ которомъ они жили, былъ немногимъ лучше коттеджа. Уютная прихожая, въ которой обыкновенно собиралось все семейство и надъ которой помѣщалась спальня стариковъ, раздѣляла домъ на двѣ половины: справа находилась парадная гостиная, въ которой почти никогда не сидѣли, а надъ нею бывшая комната Веньямина, въ которой и теперь все было готово на случай его возвращенія, — объ этомъ заботилась его старуха мать. Налѣво отъ прихожей была кухня, выходившая дверью на дворъ фермы, а надъ кухней спальня Бетси, окно этой маленькой спальни какъ-разъ открывалось надъ отлогимъ навѣсомъ, спускавшимся почти до земли. Окна въ обоихъ этажахъ были безъ ставень и защищались единственно крѣпкими рамами.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, все семейство разошлось рано, часовъ въ девять. Въ этотъ вечеръ Бетси противъ обыкновенія долго не могла заснуть. Она безпокойно металась на постели и уже думала было, что не сомкнуть ей глазъ во всю ночь, какъ вдругъ на нее напалъ страшно крѣпкій сонъ.

Также внезапно было ея пробужденіе. Ей послышался

въ дядиной комнатѣ какой-то шумъ. Она присѣла на постели и стала вслушиваться, но съ минуту или двѣ все было тихо. Потомъ она услышала по лѣстницѣ торопливыя нетвердые шаги своего дяди. «Вѣрно тетка занемогла», подумала она, и вскочивъ съ постели стала дрожащими руками надѣвать свою юбку; но въ эту самую минуту до нея дошелъ шумъ черезъ отворившуюся парадную двери; она услышала какую-то возню, топотъ нѣсколькихъ ногъ, ругательныя словъ, вырывавшіяся сиплымъ шопотомъ. Она сообразила все съ быстротою молніи; дядя ея слылъ за человѣка зажиточнаго, — воры выдали себя за запоздалыхъ путниковъ и подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ добились, чтобы имъ отперли дверь. Какое счастье, что корова у Джона Киркби больна, онъ навѣрно не спитъ, а съ нимъ не спитъ и еще нѣсколько человѣкъ! Она отворила окно, спустилась по отлогу на навѣсу и пустилась бѣгомъ къ сараю.

— Джонъ, Джонъ, ради Бога, выдѣ скорѣе: къ намъ въ домъ забрались разбойники и того и гляди убьютъ дядю съ теткой, прошептала она сквозь запертую дверь сарая. Въ одно мгновеніе запоръ съ двери упалъ и Джонъ съ ветеринаромъ выскочили, готовые дѣйствовать.

— Ты говоришь, парадная дверь отворена? переспросилъ ее Джонъ, вооружаясь вилою, между тѣмъ какъ ветеринаръ запасался другимъ какимъ-то оружіемъ. Въ такомъ случаѣ намъ всего лучше броситься въ нее и переловить ихъ въ западню.

Они втроемъ бросились къ дому и, обогнувъ уголъ, вошли парадною дверью. Мужчины захватили съ собою изъ сарая фонарь, и при свѣтѣ его Бетси увидала дядю, лежавшаго безъ памяти на кухонномъ полу.

Первою заботою ея былъ онъ: ей какъ-то въ голову не приходило, что и тетка подвергается опасности, хотя она и могла слышать наверху шумъ шаговъ и шопотъ свирѣпыхъ голосовъ.

— Запри за нами дверь, дѣвка, мы ихъ не выпустимъ, проговорилъ честный Джонъ Киркби, неустрашимый въ защитѣ праваго дѣла, хотя онъ и не могъ знать, сколько ихъ числомъ. Ветеринаръ заперъ дверь на замокъ, а ключъ положилъ къ

себѣ въ карманъ; Бетси опустилась на колѣни подлѣ своего дяди, который все еще приходилъ въ себя. Она подложила ему подъ голову подушку, снятую съ одного изъ креселъ; ей очень хотѣлось принести ему воды, но страхъ удерживалъ ее въ темнотѣ возлѣ дяди: наверху происходила ожесточенная борьба, слышались тяжелые удары и страшныя проклятія. — Въ одинъ изъ промежутковъ затишья, когда ея собственное сердце перестало, казалось, биться, на нее напалъ внезапный ужасъ. Она почувствовала, что въ комнатѣ, недалеко отъ нея, находится кто-то другой. Ей слышалось чье-то дыханье, — то не было дыханье старика, — по всѣмъ вѣроятіямъ подлѣ нея въ темнотѣ находился разбойникъ — и, кто знаетъ, какія страшныя мысли таило сердце этого разбойника, хранившаго гробовое молчаніе. Сердце захолонуло у Бетси, хотя она и знала, что разбойникъ этотъ изъ чувства самосохраненія долженъ оставаться спокойнымъ, такъ какъ дверь была заперта на замокъ и всѣ пути къ бѣгству были ему отрѣзаны. А борьба наверху между тѣмъ продолжалась съ рѣдкими перерывами, во время которыхъ борющіеся переводили духъ; въ одинъ изъ этихъ перерывовъ, Бетси почувствовала, что кто-то возлѣ нея крадется: движеніе это сказалось ей скорѣе какимъ-то неуловимымъ сотрясеніемъ воздуха, нежели настоящимъ звукомъ или прикосновеніемъ; тѣмъ не менѣе она положительно была увѣрена, что недавній сосѣдъ ея прокрался къ двери, выходящей на лѣстницу. Она подумала, что онъ пробирается на помощь къ своимъ товарищамъ и съ громкимъ крикомъ бросилась за нимъ: но въ ту минуту, какъ она достигла двери, она увидѣла, при слабомъ отсвѣтѣ фонаря, падавшемъ сверху, что какой-то человѣкъ стремглазъ скатился по лѣстницѣ и упалъ почти къ самымъ ея ногамъ; въ то же время темная фигура крадущагося человѣка бросилась налѣво и скрылась въ чуланѣ подлѣ лѣстницей. Бетси, не теряя времени въ соображеніяхъ, быстро захлопнула дверь чулана и заперла ее на замокъ снаружи. Потомъ она прижалась въ уголъ, дрожа и замирая при мысли, что человѣкъ, лежавшій у ногъ ея, быть можетъ Киркби или ветеринаръ. Но черезъ нѣсколько минутъ недомѣніе ея разрѣшилось, потому что оба ея защитники медленно и тяжело спустились

съ лѣстницы, валоча за собою наступленнаго противника, обезображеннаго страшными побоями, превратившими лицо его въ одну кровавую, распухшую массу. Впрочемъ въ этомъ отношеніи Джонъ и ветеринаръ были не лучше.

— Берегитесь, сказала имъ Бетси изъ угла:—у васъ подъ ногами человѣкъ, не знаю—живъ ли онъ или умеръ, а тамъ подалше дядя лежитъ на полу.

Они приостановились на лѣстницѣ. Въ эту самую минуту разбойникъ, котораго они сбросили съ лѣстницы, сдѣлалъ движеніе и простоналъ.

— Бетси, сказалъ Джонъ:—бѣги въ стойло и принеси оттуда веревокъ, мы свяжемъ ихъ и поуберемъ изъ дома, а ужъ ты ходишь за стариками, которымъ плохо приходится.

Бетси воротилась въ одну минуту.

— Сдается мнѣ, что у этого пріятеля нога переломана, проговорилъ Джонъ, указывая на человѣка, лежавшаго на полу. Бетси почти стало жаль этого человѣка, съ которымъ они обращались не слишкомъ-то бережно: они связали его такъ же крѣпко, какъ и его свирѣпаго товарища; она поспѣшила принести ему воды, промочить горло.

— Право не знаю, какъ тебя оставить съ нимъ вдвоемъ, проговорилъ Джонъ.—Впрочемъ нога у него навѣрное сломана, и онъ тебѣ ничего не можетъ сдѣлать; а намъ надо прежде вотъ этого молодца прибрать къ мѣсту, тогда ктонибудь изъ насъ вернется къ тебѣ. Глаза Бетси упали на разбойника, стоявшаго передъ ней съ выраженіемъ ненависти на окровавленномъ, почернѣвшемъ лицѣ. Онъ поймалъ ея взглядъ, исполненный ужаса, и отвѣчалъ на него усмѣшкою. Слово, бывшее у Бетси на языкѣ, замерло подъ этою улыбкою: она не посмѣла сказать при этомъ человѣкѣ, что въ домѣ находится еще третій злоумышленникъ, боясь чтобы его товарищъ какънибудь не ухитрился выломать дверь, за которою былъ запертъ этотъ третій и возобновить борьбу. Она только сказала Джону:— Ты скоро вернешься? А то я боюсь оставаться одна съ этимъ человѣкомъ.

— Онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ. Ну да не бойсь, я не замѣшкаюсь.

Оставшись одна, Бетси успѣшила взглянуть на дядю, дыханіе котораго стало теперь спокойнѣе. При свѣтѣ огня, разведеннаго Джономъ въ каминѣ, она разглядѣла, что причиною его обморока былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ударъ, полученный имъ въ голову. Бетси примочила рану холодной водою и, зажегши свѣчу, собиралась идти наверхъ, къ теткѣ, какъ вдругъ она услышала чей-то тихій, умоляющій голосъ, звавшій ее по имени.

— Бетси, Бетси! Голосъ слышался такъ близко, что сначала она приняла его за голосъ раненнаго разбойника, валивагося у ея ногъ.

— Бетси, ради Бога, выпусти меня, снова послышался голосъ и трепетомъ отозвался по всему ея тѣлу.

Она подошла къ чуланной двери, хотѣла что-то сказать, но не смогла, такъ страшно билось у нея сердце. И снова раздалось надъ самымъ ея ухомъ:

— Бетси, Бетси! они того и гляди вернутся; выпусти меня, говорю я тебѣ, ради бога выпусти меня! И онъ началъ сильно стучаться въ дверь.

— Тише, проговорила она, и сердце въ ней захолонуло отъ ужаснаго подозрѣнія, которому она между тѣмъ сопротивлялось всѣмъ упорствомъ своей воли. — Кто вы такой? Но она знала, какъ нельзя лучше знала, кто это былъ.

— Вещьяминъ.—Говорятъ тебѣ выпусти меня, и я уберусь отсюда, завтра же меня не будетъ въ Англіи; я никогда больше не вернусь и всѣ деньги моего отца достанутся тебѣ.

— Ты думаешь, я покорюсь имъ! съ жаромъ отвѣчала Бетси, ощупывая дрожащими руками замокъ. — Да прахомъ бы онѣ пошли, проклятыя, что довели тебя до этого. Ну, ступай на всѣ четыре стороны и оборони тебя Боже опять вернуться; я бы ни за что тебя не выпустила, кабы не боялась ихъ умерить: ужъ ты и то, пожалуй, свелъ ихъ въ могилу.

Не успѣла она кончить, какъ Вещьямина и слѣдъ простылъ. Оставшись одна, Бетси опустилась на первый появившійся стулъ и дала волю горькимъ, горькимъ слезамъ. Но она знала, что теперь не время раздѣживаться и, съ трудомъ приподнявшись, пришла въ кухню глотнуть холодной воды. Къ удивленію своему она услышала голосъ дяди, слабо говорившій:

— Снесите меня наверхъ и положите возлѣ нея.

Нести его Бетси не могла; но съ помощью ея онъ самъ кое-какъ всползъ на лѣстницу, и когда онъ задыхаясь опустился на подставленный стулъ, Джонъ Киркби вернулся вмѣстѣ съ Аткинсономъ. Джонъ поспѣшилъ ей на помощь: тетка ея лежала безъ чувствъ поперегъ кровати, дядя сидѣлъ, но былъ такъ слабъ, что Бетси опасалась за жизнь обоихъ. Но Джонъ ободрилъ ее, помогъ уложить стариковъ поспокойнѣе на постели, потомъ сошелъ внизъ и досталъ изъ шкапа немного джинну.

— Они шибко перепугались, замѣтилъ онъ, качая головою, и поя ихъ съ ложечки; между тѣмъ какъ Бетси согрѣвала ихъ похолодѣвшія ноги.— Да и стужею проняло бѣдныхъ стариковъ.

Онъ поглядѣлъ на нихъ съ нѣжностью и Бетси сказала ему въ душѣ горячее спасибо за этотъ взглядъ.

— А теперь мнѣ надо ѣхать. Я послалъ Аткинсона на ферму за Бобомъ и Джакомъ и они всѣ вмѣстѣ будутъ сторожить вора, что въ сараѣ.

— Только не слушайте, что онъ будетъ вамъ говорить, воскликнула Бетси, одолеваяемая новымъ опасеніемъ: — эти люди всегда нарываютъ когонибудь притянуть къ дѣлу.

— Ладно, ладно, что бишь я хотѣлъ сказать? Такъ Аткинсонъ возьметъ и другого молодца, который, кажется, довольно смиренъ, и за одно присмотритъ и за ними и за коровой. Я же осѣдлаю гнѣдую кобылу и поскачу въ Гайминстеръ за констаблемъ и за докторомъ, и привезу съ собою доктора Престона, чтобъ онъ взглянулъ прежде всего на Натана съ Эсфирью, а тамъ, надо же будетъ и тому изувѣченному человѣку помочь, что валяется внизу,—хоть онъ и за дурное дѣло поплатился.

Бетси сошла внизъ и посвѣтила обоимъ мужчинамъ, пока они уносили свою ношу изъ дому, далѣе у нея не достало духу ихъ проводить, такъ боялась она Венямина, который,—она была въ томъ увѣрена,—гдѣнибудь притаился и выжидалъ только случая, чтобы снова пробраться въ домъ. Она бросилась назадъ въ кухню, заперла дверь болтомъ и загромодила ее кухоннымъ столомъ. Старики лежали по преж-

нему неподвижно и безмолвно. Весь остатокъ этой страшной ночи Бетси провела, заботливо ухаживая за нимъ: сама она была такъ потрясена, что дѣлала все будто во снѣ. Педвно занялось ноябрьское утро, и не привнесло съ собою никакой перемены, пока наконецъ, часовъ въ восемь, пріѣхалъ докторъ. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и Джонъ Кириби, въ сильно-возбужденномъ состояніи духа, по случаю помини двухъ разбойниковъ. Насколько Бетси могла замѣтить, никто не подозрѣвалъ участія третьяго, страшнаго сообщника, это уже было для нея утѣшеніемъ. Она почти не сомнѣвалась, что дядя ея, а можетъ быть и тетка, узнали Веньямина; но все-таки у нея оставалась слабая надежда, что они ничего не подозрѣваютъ. Она рѣшила, что никакія нытки не вырвутъ у нея эту тайну.

Докторъ внимательно осмотрѣлъ ихъ обоихъ; изслѣдовалъ рану на головѣ Натана и предложилъ нѣсколько вопросовъ, на которые Эсфирь отвѣчала неохотно, а Натанъ вовсе не отвѣчалъ; казалось самый видъ посторонняго человѣка билъ ему въ тягость. Бетси отвѣчала за обоихъ и съ замирающимъ сердцемъ послѣдовала за докторомъ внизъ. Внизу Джонъ успѣлъ все привести въ порядокъ и развести огонь въ каминѣ. Онъ слегка покраснѣлъ, когда взглядъ Бетси упалъ на его распухшее лице, но тотчасъ же постарался скрыть свое смущеніе подъ улыбкой:

— Видите ли, я старый холостякъ, а все же, дайка, думалъ, приберу маленько. Ну что, докторъ, какъ вы ихъ находите.

Изъ отвѣтовъ доктора Бетси поняла, что старики далеко не такъ опасны, какъ она думала. Она почти жалѣла объ этомъ; она почти желала имъ, да и себѣ тоже, успокоиться на кладбищѣ, такъ тяжела ей казалась жизнь.

Между тѣмъ Джонъ, почти съ женскою ловкостью готовилъ завтракъ. Бетси и не подозрѣвала, что во всемъ этомъ имъ двигала привязанность къ ней, желаніе дать ей оправиться.

— Я подоилъ коровъ, въ томъ числѣ и вашихъ, заговорилъ онъ. Экое счастье, что наша корова какъ разъ захворала въ эту ночь. Не подоспѣй мы на помощь, эти молодцы

живо бы управились со всѣми вами. Ну, да одинъ изъ нихъ вѣкъ не забудетъ эту ночь, такъ что ли, докторъ?

— Онъ врядъ ли оправится къ времени суда: ассизы начинаются чрезъ двѣ недѣли.

— Да, кстати, Бетси, ты должна будешь явиться передъ судьей въ качествѣ свидѣтельницы. Впрочемъ ты не пугайся: оно, что говорить, радость небольшая, но все дѣло скоро кончится. Сестра моя Дженъ побудетъ тѣмъ временемъ съ стариками, а я тебя самъ отвезу.

Бетси поблѣднѣла и взглядъ ея затуманился при мысли, что ей можетъ быть предстоитъ объявить о соучастничествѣ Веньямина, но Джонъ предупредилъ ее, чтобы она отвѣчала только на тѣ вопросы, которые будутъ ей предлагаться, изъ опасенія запутаться въ подробностяхъ. Такъ какъ они были извѣстны судѣ и секретарю его съ хорошей стороны, то они заботились какъ можно менѣе смущать ее при допросѣ.

Когда все кончилось, Джонъ выразилъ ей свое удовольствіе, что уликъ и безъ того достаточно и что не понадобится вызывать Натана и Эсфирь въ качествѣ свидѣтелей. Бетси была до того утомлена, что не сообразила важность этого обстоятельства, — важность, которой и не подозрѣвалъ ее себе-сѣдникъ.

Дженъ Киркби прогостила у нея слишкомъ недѣлю и присутствіе ея было для Бетси большимъ утѣшеніемъ. Не будь Дженъ, она подъ часъ боялась съума сойти, имѣя вѣчно передъ глазами лицо своего дяди, съ окостенѣвшимъ на немъ выраженіемъ смертной муки. Горестъ ея тетки была мягче, но немудрено было отгадать, что сердце ея тайно исходило кровью. Ея выздоровленіе шло скорѣе мужниного, но вскорѣ стало замѣтно приближеніе совершенной слѣпоты. Бетси при каждомъ удобномъ случаѣ, не подавая и виду, что сама что-либо знаетъ, повторяла старикамъ, что въ дѣлѣ воровства замѣшано только двое совершенно постороннихъ людей. Дядя никогда не спрашивалъ ее самъ объ этомъ дѣлѣ; но каждый разъ какъ она возвращалась домой изъ такого мѣста, гдѣ могла слышать о поимкѣ Веньямина, онъ глядѣлъ на нее выжидающимъ, тревожнымъ взглядомъ; и она слѣшила успокоить его, рассказывая все, что слышала. Бетси съ каждымъ

днемъ болѣе и болѣе убѣждалась, что тетка ея тоже о многомъ догадывается. Съ какимъ-то трогательнымъ смиреніемъ искала она ошупью своего мужа, и силилась выразить ему свое нѣмое сочувствіе; сама она съ каждымъ днемъ становилась все грустнѣе и грустнѣе.

Дня за четыре до открытія ассизъ, старики получили изъ Йорка вызовъ явиться въ судъ. Ни Джонъ, ни Бетси не могли понять, что бы это значило. Саміи они давно уже получили предписаніе явиться въ судъ и ихъ завѣрили, что ихъ свидѣтельство будетъ совершенно достаточно для уличенія подсудимыхъ.

Но увы! Дѣло было въ томъ, что адвокатъ подсудимыхъ узналъ отъ послѣднихъ о соучастничествѣ третьяго лица, и узналъ, кто былъ этимъ третьимъ соучастникомъ; задача же адвоката состояла въ томъ, чтобы уменьшить по возможности виновность своихъ кліентовъ, доказавъ, что они были только орудіями въ рукахъ другого, который и былъ зачинщикомъ всего дѣла. Для этого потребовалось свидѣтельство родителей, которые, по увѣренію подсудимыхъ, не могли не узнать голосъ своего сына.

Недоумѣвающая, ошеломленная и усталая, престарѣлая чета прибыла въ Йоркъ, въ сопровожденіи Джона и Бетси, накануне самого суда.

— Ну, да авось ихъ не станутъ мучить допросами, когда увидятъ, какіе они старые, дряхлые! утѣшала себя Бетси, отгоняя смутное, томившее ее опасеніе.—У кого же бы стало на это духу!

Но нашлись люди, у которыхъ «стало духу». Когда, на вызовъ Натана Гонтрайда, въ ложѣ свидѣтелей появился сѣдой, убитый горемъ старыкъ,—адвокатъ кинулъ взглядъ на судью, казалось, умолявшій о прощеніи. Допросъ начался.

— Ваше имя, если не ошибаюсь, Натанъ Гонтрайдъ?

— Да.

— Вы живете въ Нодъ-Эндской фермѣ?

— Такъ точно.

— Помните ли вы ночь на 12-е ноябръ?

— Помню.

— Если не ошибаюсь, вы были разбужены въ эту ночь какимъ-то шумомъ. Что это былъ за шумъ?

Старикъ оставилъ на вопрошающаго полный томленія взглядъ: никогда не забыть адвокату этого взгляда—онъ будетъ преслѣдовать его и на смертномъ одрѣ.

— То былъ шумъ каменьевъ, бросаемыхъ въ окно.

— Вы слышали его съ самого начала?

— Нѣтъ.

— Кто же разбудилъ васъ?

— Жена.

— И тогда вы оба услышали стукъ каменьевъ. Кромѣ того вы еще чтонибудь слышали?

— Тутъ послѣдовала длинная пауза; потомъ послышалось тихое, внятное:

— Да.

— Что же именно?

— Голосъ нашего Веньямина, просившійся, чтобы его впустили. Жена, по крайней мѣрѣ, увѣряла, что это его голосъ.

— И вамъ тоже показалось, что это его голосъ, не такъ ли?

— Я отвѣчалъ ей, чтобы она знала себѣ спала и не принимала каждаго пьянаго прохожаго за нашего Веньямина, котораго давно нѣтъ въ живыхъ.

— Что же она?

— Она увѣряла, что слышала еще въ просонкахъ, какъ нашъ Веньяминъ просился въ домъ. Но я сказалъ ей, что это ей только во снѣ приснилось, и велѣлъ перевернуться на другой бокъ и спать.

— И она послушалась?

Снова длинная пауза, во время которой судья, присяжные и всѣ присутствующіе притаили дыханіе. Наконецъ Натанъ проговорилъ:

— Нѣтъ!

— Что же вы тогда сдѣлали?

— Тутъ я увидѣлъ, что съ ней несладись: она съ самого начала ждала, что онъ къ намъ вернется, какъ блудный сынъ въ евангеліи (здѣсь голосъ его оборвался, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и продолжалъ болѣе твердымъ голосомъ):

Она сказала мнѣ, что встанеть сама, если я не встану. Тутъ я услышалъ голосъ... Я еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни, джентльмены, я долго пролежалъ въ постели, оттого я и дрожу.

— Такъ я услышалъ, какъ кто-то говорилъ: «Батюшка, матушка! я иззябъ и умираю съ голоду; неужели вы меня не впустите?»

— И голосъ этотъ былъ?..

— Похожъ на голосъ нашего Веньямина. Вижу я, къ чему вы ведете, сэръ, и отвѣчу вамъ всю правду, хотя въ этомъ, быть можетъ, моя смерть. Забудьте, сэръ, я не говорю, чтобы это въ самомъ дѣлѣ былъ Веньяминъ, только голосъ былъ похожъ на его голосъ.

— Мнѣ больше ничего и не нужно, любезный другъ. И такъ, послѣ этой просьбы, выговоренной голосомъ вашего сына, вы сошли внизъ и впустили вотъ этихъ двухъ подсудимыхъ и еще третьяго человѣка?

Натанъ утвердительно кивнулъ головою. У адвоката не достало жестокости потребовать отъ него словеснаго подтвержденія.

— Позвать Эсфирь Гонтрайдъ.

Въ ложу свидѣтелей вошла старая, слѣпая женщина, съ кроткимъ страдальческимъ лицомъ, и почтительно наклонилась къ незримымъ для нея присутствующимъ.

Было что-то невыразимо трогательное во всей ея смиренной фигурѣ. Адвокатъ обратился къ ней:

— Вамъ показалось, что вы слышите голосъ вашего сына, просящаго, чтобы его впустили въ домъ?

— Да, нашъ Веньяминъ приходилъ домой,—я это навѣрно знаю. Не придумаю только, куда онъ могъ дѣваться...

И она повела кругомъ головою, какъ будто прислушиваясь, не раздастся-ли среди притихнувшаго собранія голосъ ея сына.

— Такъ; онъ приходилъ домой въ эту ночь,—и вашъ мужъ сходилъ внизъ, чтобы отпереть ему дверь?

— Кажись, что такъ. Внизу, слышно было, возилось много народу.

— И вы между прочими голосами слышали голосъ вашего сына?

— Не во вредъ-ли это ему будетъ, сэръ? спросила она, и лицо ея приняло болѣе разумное и внимательное выраженіе.

— Все не съ этою цѣлью допрашиваю васъ. Повсѣмъ вѣроятіямъ, онъ оставилъ Англію; а потому, что бы вы ни сказали, не можетъ повредить ему. Итакъ, вы слышали внизу его голосъ?

— Да, сэръ.

— И какіе-то люди пришли наверхъ въ вашу комнату? Что они вамъ сказали?

— Они спросили, куда Натанъ причетъ свои чулокъ съ деньгами.

— Что же, вы имъ указали?

— Нѣтъ, сэръ, потому что я знала, что это не понравится Натану.

— Что же вы сдѣлали?

По лицу ея пробѣжала какая-то тѣнь, какъ будто нежеланіе отвѣчать. Ей видимо начинала уясняться связь между причинами и слѣдствіями.

— Я громко назвала Бетси — мою племянницу, сэръ.

— И вы услышали, что кто-то крикнулъ снизу?

Она жалобно поглядѣла на него, но не отвѣчала.

— Господа присяжные! Прошу васъ обратить особенное вниманіе на этотъ фактъ! Она сознается, что слышала чей-то голосъ, — голосъ третьяго лица, дававшій указанія тѣмъ двумъ, которые были наверху. Что онъ сказалъ? Это послѣдній вопросъ, которымъ я утруждаю васъ. Что сказалъ этотъ третій, остававшійся внизу?

Лицо ея неказилось; два или три раза раскрылись ея губы, какъ будто, собираясь что-то сказать, но слова такъ и замерли на нихъ и она безъ чувствъ упала навзничь. Натанъ выступилъ впередъ:

— Милордъ, судья, началъ онъ: — думается мнѣ такъ, что и васъ тоже родила женщина, и грѣхъ вамъ и срамъ не пощадить матери. Такъ, то былъ нашъ сынъ, наше единственное дѣтище: онъ самый просилъ насъ впустить его въ домъ, онъ же крикнулъ своимъ товарищамъ зажать старухѣ глотку,

если она не уймется. Вотъ вамъ правда, вся правда, безъ утайки. Богъ вамъ судья за то, какъ вы до нея допытались.

Къ вечеру старуху разбилъ параличь, и она лежала при последнемъ издыханіи.

Призракъ въ угловой комнатѣ.

Между тѣмъ я замѣтилъ, что мистеру Говернору не спилось спокойно, когда подошла его очередь разсказывать. Къ общему удивленію, онъ приподнялся съ торжественнымъ видомъ и попросилъ меня последовать за нимъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ ему нужно было сказать со мною нѣсколько словъ наединѣ.

— Старый товарищъ, такъ приступилъ мистеръ Говернаръ:— съ той самой поры, какъ я здѣсь поселился, меня преслѣдовалъ и дено и ношно призракъ.

— Какой же это былъ призракъ, Джекъ?

— То былъ призракъ женщины.

— Э! старая дѣвѣя. Ты сто лѣтъ проживешь, а отъ этого не избавишься, Джекъ.

— Нѣтъ, ты не смѣйся, я вовсе не шучу. Хочешь, я покажу тебѣ этотъ призракъ!

— Даже очень хочу.

— Такъ вотъ онъ! воскликнулъ Джекъ, подводя ко мнѣ мою сестру, которая успѣла незамѣтно прокрасться за нами.

— Въ снѣгомъ дѣлѣ? отвѣчалъ я.— Въ такомъ случаѣ, милая Патти, мнѣ и спрашивать нечего, преслѣдовали ли тебя призраки?

— Они меня постоянно преслѣдовали, Джонъ.

Прежде нежели мы разошлись въ этотъ вечеръ, было рѣшено, что наше трехмѣсячное пребыванье въ проклятомъ домѣ совершится свадьбой моей сестры и мистера Говернора. Мы весело дожили до этого срока и единственные призраки, преслѣдовавшіе насъ, были наши собственныя мечты и воспоминанія.

ЛИТЕРАТУРА И ОБРАЗОВАННЫЕ ЛЮДИ.

Ты что? — лапотникъ необразованный, говоритъ солдатъ мужику. — Фи, невѣжа, говоритъ вертлявая горничная, вырываясь отъ облапившаго ее солдата. И, невѣжда! отзывается о солдатѣ пьяный станціонный, или пожалуй всякій другой писарь. — Какое скотство, думаетъ столичный чиновникъ, глядя на пьянаго писаря, назвавшаго невѣждой солдата. — Что за грубость чувствъ, какая необразованность, думаетъ изящный чиновникъ, услышавъ рассказы о дикихъ походахъ въ танцклассакъ или на Крестовскомъ разныхъ марсовъ и имъ подобной молодежи. Такое перечисленіе можно бы вести далеко, восходя все выше и выше; но довольно и этого, чтобы видѣть, что упрекъ въ невѣжествѣ между людьми вещь самая обыкновенная. И всякій, упоряющій другого въ невѣжествѣ, дѣлаетъ это потому, что считаетъ себя образованнѣе и имѣетъ на то, разумѣется, свои основанія. Права свои на образованность солдатъ основываетъ на умѣньи маршировать и стрѣлять изъ ружья, на своей жизни въ Петербургѣ, гдѣ онъ видѣлъ и мелочныя лавки, и переулки около сѣнной, гдѣ случилось ему говорить съ высшимъ начальствомъ, однимъ словомъ на томъ, что онъ видѣлъ жизнь и свѣтъ. Образованность горничной несомнѣнна потому, что она служитъ знатной барынѣ, ходитъ въ кринолинѣ и шляпкѣ, привыкла къ употребленію перчатокъ и вертится

между господами. Станціонный писарь считает себя нѣкоторымъ образомъ чиновникомъ; что относится, въ той же степени, и ко всѣмъ писарямъ вообще, потому что каждый изъ нихъ стремится надѣть современемъ вицмундиръ. Чиновница, разумѣется, образованнѣе купчихи, потому что у одной мужъ губернской секретарь, а у другой ходитъ съ бородой. Такимъ образомъ у всѣхъ есть весьма точныя представленія о своихъ правахъ на образованность и о своемъ превосходствѣ надъ другими. Только въ одномъ всѣ согласны, что они образованнѣе мужика и только одинъ мужикъ считаетъ себя весьма скромно, темнымъ человѣкомъ и не укоряетъ никого невѣжествомъ, хотя онъ, можетъ быть, и имѣлъ бы на то нѣкоторое право, потому что не богъ-же всѣхъ какой свѣтъ сіяетъ вообще въ этихъ образованныхъ головахъ.

Изъ того, что каждый считаетъ себя образованнѣе другого, нужно заключить, что въ практикѣ существуетъ весьма много оттънковъ этого понятія и что должны существовать какіе нибудь общіе внѣшніе признаки, по которымъ узнаютъ другъ друга люди однороднаго образованія. Разный складъ рѣчи, тѣ или другія манеры, разный покрой платья составляютъ, разумѣется, внѣшнее отличіе каждаго сорта образованныхъ людей. А какъ изъ нр веденныхъ примѣровъ видно, что каждый высшій считаетъ низшаго менѣе образованнымъ, то слѣдовательно нужно допустить, что понятіе объ образованности обуславливается различнымъ общественнымъ положеніемъ. И дѣйствительно, масса народа, недовѣряющая своимъ познаніямъ, ищетъ обыкновенно совѣта людей, болѣе ея знающихъ. А такіе знающіи она признаетъ людей другой, болѣе высокой и широкой сферы жизни, т. е. людей, имѣющихъ иное, чѣмъ масса, общественное положеніе. Въ основаніи такая мысль совершенно правильна, но въ практикѣ нѣтъ. Разумѣется, чѣмъ човѣкъ имѣетъ большія познанія и большія способности, тѣмъ и сфера его дѣятельности должна быть шире: челнокъ плаваетъ въ рѣкѣ, а корабль въ морѣ. Но въ дѣйствительной жизни нерѣдко лодка плаваетъ въ морѣ, а большой корабль, которому пельзя повернуться въ рѣкѣ, лежитъ въ ней на боку, на мели. Общественныя условія современной европейской жизни сложились такимъ образомъ, что недостаточно еще човѣку быть умнымъ, чтобы его признали умнымъ, и быть полезнымъ, чтобы его признали полезнымъ. Можно быть глупымъ и иссытаться въ жизни, подобно щел-

нѣ въ океанѣ, сдѣтая океанъ сферой своей дѣятельности; а масса между тѣмъ смотритъ на щепку съ великимъ уваженіемъ, потому что та плаваетъ въ такой большой водѣ, и масса не всегда способна замѣтить, что щепка очень недовко въ океанѣ, гдѣ ее носить направо и налево, и что у нея нѣтъ силы выбраться на мелкую воду, гдѣ бы ей было разумѣется удобнѣе.

Хотя общественное положеніе и должно бы повидимому служить мѣриломъ способностей и знаній людей, т. е. ихъ полезности, но это бываетъ только иногда, въ видѣ исключенія. Поэтому столяръ можетъ считать себя образованнѣе плотника, слесарь образованнѣе кузнеца, титулярный совѣтникъ образованнѣе коллежскаго регистратора, а генералъ—полковника; но факты дѣйствительной полезности людей, въ ихъ практической дѣятельности, могутъ и не сходиться съ такимъ теоретическимъ представленіемъ и съ собственной оцѣнкой людьми своихъ качествъ. Такимъ образомъ общественное положеніе людей не можетъ служить мѣриломъ ихъ образованности, хотя оно и могло бы имъ быть, и вѣроятно будетъ современемъ.

А между тѣмъ общее представленіе о значеніи образованія совершенно вѣрно; ошибочны только вѣшніе признаки, служащіе для опредѣленія степени размѣра образованія отдѣльныхъ лицъ. Образованныхъ считается больше знающій, больше видѣвшій и лучше понимающій вещи. Слѣдовательно степенью знанія опредѣляется и степень образованія. Поэтому знающій читать и писать будетъ образованнѣе знающаго только читать; а кто знаетъ кромѣ того еще и арифметику, или грамматику, будетъ, разумѣется, образованнѣе просто грамотнаго человѣка. Но если въ основаніе степеней образованія принять началомъ знаніе вообще, не обращая вниманія на его размѣръ, то выйдетъ такая путаница въ понятіи объ образованіи и столько разныхъ степеней его, что въ концѣ всего окажется, что весь человѣческій родъ образованъ, потому что не существуетъ на свѣтѣ такого человѣка, который бы не зналъ чего нибудь. Если же низшей точкой образованія принять грамотность, то и въ этомъ случаѣ понятіе объ образованіи будетъ слишкомъ широко, и человѣку учившемуся въ гимназій и имѣющему чинъ будетъ весьма обидно находиться въ одномъ разрядѣ хотя и съ грамотнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣчно пьянымъ почталыономъ, развѣзжающимъ по большимъ

дорогамъ. Кромѣ обидности такого представленія для нѣкоторыхъ, оно имѣетъ еще и то дѣйствительное неудобство, что съ словомъ образованный человекъ не будетъ соединено точное понятіе объ известномъ сортѣ людей, и сгруппируются въ одну толпу и пьяные и трезвые, умные и глупые, честные и бесчестные, полезные и вредные. Разумѣется, Шекспиръ, Келлеръ, Лютеръ не обидѣлись бы, если ихъ включить въ одну группу съ Тредьяковскимъ, Ломоносовымъ и пожалуй съ Александромъ Македонскимъ, но это неудобно для тѣхъ, кто желаетъ, чтобы каждое слово имѣло свой точно опредѣленный и тѣсный смыслъ. Если же точность смысла словъ, употребляемыхъ въ разговорѣ, имѣетъ важность, то важно знать и то, кого слѣдуетъ считать образованнымъ, кого нѣтъ.

Слова — образованный и ученый въ разговорной рѣчи никогда не смѣшиваются. Очевидно, что имъ дается разный смыслъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ человекѣ образованномъ и въ человекѣ ученомъ предполагаются разные знанія, допускающія возможность исключенія одного другимъ. Если это такъ, то образованный можетъ быть неученымъ, а ученый можетъ быть необразованнымъ. Ясно, что весь вопросъ сводится къ тому, что хотя ученый и образованный учились чему-то и знаютъ что-то, а знанія, опредѣляющія разницу этихъ двухъ понятій, такъ неодинаковы, что никакъ не допускаютъ смѣшивать ихъ и употреблять одно слово вмѣсто другого, но дѣло — все таки въ томъ, чему учились люди и что они знаютъ? Есть знанія, которыхъ бы лучше и не имѣть и не тратить даромъ время на ихъ приобрѣтеніе, потому что онѣ не ведутъ ни къ чему полезному. Иногда кузнечная наука приноситъ и человекѣ и обществу больше пользы, чѣмъ гимназія, и въ мозгу кузнеца бываетъ больше смысла, чѣмъ въ головѣ украшенной драгоценной боярской шапкой, или круглой шляпой фабрики Циммермана. Чтобы опредѣлить пользу человекѣ ученаго и человекѣ образованнаго, нужно знать качество ихъ знаній; и какъ знаніе бесполезное или ошибочное хуже всякаго незнанія и вреднѣе всякаго невѣжества, то при известныхъ условіяхъ такъ называемые ученые и образованные люди могутъ быть вреднѣе круглыхъ невѣждъ и людей совершенно необразованныхъ. Весь ходъ исторіи убѣждаетъ въ этомъ.

Разница между образованными и учеными людьми установлена такъ прочно въ общественномъ мнѣніи, что кому нуженъ совѣтъ обра-

зованнаго человѣка, тотъ не обратится за нимъ къ ученому; точно также не обратится къ образованному, когда нуженъ совѣтъ человѣка ученаго. Къ ученымъ обращаются въ специальныхъ вопросахъ, въ вопросахъ научныхъ; къ образованнымъ, когда дѣло касается непосредственно вопросовъ жизни. Но кромѣ мужика каждый считаетъ себя образованнымъ—и солдатъ и горничная, и писарь, и чиновникъ, и генералъ, каждый находитъ себя способнымъ давать совѣты и учить другого. Но каждый ли изъ нихъ понимаетъ правильно вопросы жизни? Чтобы разрѣшить это, нужно знать, какія понятія живутъ въ головахъ людей, а для этого необходимо обратиться къ литературѣ.

Литературу можно сравнить съ публичной залой, куда является всякій, кому есть что сказать, и заявляетъ свое мнѣніе или знаніе. Эти мнѣнія и знанія могутъ быть весьма разнообразныхъ качествъ и зависать отъ уровня понятій и условій, опредѣляющихъ общественную жизнь. Во всякомъ случаѣ заявляемыя мысли служатъ выраженіемъ желаній, намѣреній, нуждъ и надеждъ тѣхъ слоевъ общества, среди которыхъ явилась та или другая мысль. Такимъ образомъ литература должна служить выраженіемъ жизни и общественного настроенія и если свободное выраженіе мнѣній не стѣснено какими препятствіями, то литература служить дѣйствительно выраженіемъ общества въ данный моментъ. Но такое свободное выраженіе мнѣній существуетъ не вездѣ. Во многихъ мѣстахъ существуетъ право рѣшать, какія мнѣнія можно высказывать, какія—нѣтъ. Это основывается на томъ, что люди желаютъ, чтобы высказывались мнѣнія только истинныя. Но что значить истина, и какимъ путемъ она опредѣляется? Разумѣтся, двухъ истинъ объ одномъ и томъ же предметѣ быть не можетъ. Если предметъ зеленый, то въ то же время ему нельзя быть еще и краснымъ. Одно изъ двухъ: или красный или зеленый. Въ вещахъ, имѣющихъ совершенную очевидность, разумѣтся, и не бываетъ разныхъ мнѣній, но есть мнѣнія другого порядка, касающіяся общественныхъ отношеній и отвлеченныхъ предметовъ, гдѣ споры неизбежны. Въ этомъ случаѣ у каждого вѣка были свои истины. Въ прошедшемъ столѣтіи вся Европа вѣрила въ колдовство и даже въ передовой Англии сжигали вѣдьмъ еще въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Лютеру казалось, что мужику достаточно одной овсяной соломы, и такъ смотрѣло на мужика не только все шестнад-

цатое, но и послѣдующія столѣтія. Теперь никто не признаетъ такихъ мѣстныхъ истинъ. Какимъ же путемъ узнали люди, что это ложь? — Знакомствомъ съ нѣкоторыми законами природы.

Когда стало извѣстнымъ, что человѣкъ не можетъ летать на пометѣ по воздуху; что онъ не можетъ, по произволу, превращаться въ собаку, свинью или въ другое животное; что между человекомъ и звѣздами не существуетъ никакой таинственной связи, опредѣляющей судьбу людей, — то и перестали вѣрить въ вѣдьмъ и въ колдовство. Но кто не знаетъ этого, тотъ и до сихъ поръ вѣритъ въ нечистую силу. Точно также когда узнали, что песокъ и камень не можетъ переваривать никакой человѣческой желудокъ, кому бы онъ ни принадлежалъ — бѣдняку или богачу, тогда стали понимать, что и мужику нужны совершенно тѣ же условія для жизни, какія нужны и благородному дворянину. Физиологія показала, что всѣ люди подчиняются однимъ законамъ развитія, что у всѣхъ пищевареніе, кровообращеніе и другіе жизненные процессы совершаются на однихъ общихъ основаніяхъ, что кости у всѣхъ одного цвѣта, кровь также, и когда такимъ образомъ, было опровергнуто мнѣніе, что у мужика кости черныя, а у благородныхъ бѣлыя, и что въ жилахъ благородныхъ людей течетъ кровь благородная, а у простонародья кровь неблагородная, то поняли, что овсяная солома также нездорова желудку простого человѣка, какъ и желудку благороднаго нѣмецкаго барона. Истинны эти разработки разумѣется не литература, потому что сама по себѣ, какъ складъ истинъ, она разумѣется не работаетъ ничего, какъ не дѣлаетъ ничего для анатоміи анатомической залъ, въ которыхъ разсѣкаются трупы, или для астрономіи обсерваторія астронома. Нашли истину люди своими трудами и изысканіями, а литература только помогла распространенію истинъ въ массѣ незнающихъ людей. Если бы совсѣмъ не существовало книгопечатанія, то общій ходъ исторіи и законъ развитія человѣчества въ сущности нисколько бы не измѣнился; вся разница была бы только во времени, потому что замедлился бы процессъ передачи свѣдѣній. Ничто, когда существуетъ книгопечатаніе и литература, «Ученіе о пищѣ» Моисеотта можетъ быть прочитано въ одно время и въ Крыму, и въ Сибири, и въ Петербургѣ. Въ теченіе одного мѣсяца люди могутъ получить истинное понятіе о значеніи пищи, пива, вина, кофе, чая и т. д. на протяженіи огромнаго пространства, раздѣленные тысячами

верствъ. Безъ литературы это было бы иначе. Истина переданная бы устно, однимъ человекомъ другому, и въѣдетъ въ сердца. она достигла бы до Сибири, можетъ быть, черезъ десять лѣтъ. Томятъ бы это и низъ разницы. Заменяя передачу мыслей, отсутствіе литературы замедлило бы и самое развитіе мысли. Что теперь (открывается въ теченіе одного года, открывалось бы въ теченіе трехъ, четырехъ столѣтій и вѣкъ равняло бы десятиамъ вѣковъ. А между тѣмъ сущность закона развитія человечества оставалась бы та же, люди также бы стремились познать природу и жизни и находили бы истину, какъ они находятъ ихъ нынче. Разница была бы только въ томъ, что «Ученіе о жизни» явилось бы не въ 19, а можетъ быть въ 29 столѣтіи, что у насъ не было бы теперь ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ, ни това развитія промышленности и торговли, которое доставляютъ такія удобства для жизни людямъ съ средствами; что въ Европѣ продолжались бы мрачныя средніе вѣка, гоненіе за вѣру, обвиненія въ колдовствѣ; невѣжественные судьи совершали бы подъ видомъ права самое ужасное изъ всѣхъ людскихъ преступленій—преслѣдованіе людей за убѣжденія, и сжигали бы ихъ кострахъ, какъ вѣдьмъ, десяти и двѣнадцати-лѣтнихъ дѣвочекъ. И Россія переживала бы не время судебной реформы, а можетъ быть, вѣкъ Ивана Грознаго, его опричину, казни и смертоубійства. Такимъ образомъ литература служить средствомъ общенія мыслей и знаній, и чѣмъ общеніе это совершается свободнѣе, тѣмъ быстрѣе распространяется знанія. При обратной системѣ происходитъ въ литературѣ то же явленіе, какое представляетъ торговля при запретительной системѣ. Торговлю прекратить невозможно; какъ бы ни было дико общество людей, оно будетъ всегда нуждаться въ предметахъ жизни, потому что человекъ не въ состояніи производить для себя все самъ. Запретительная система бессильна измѣнить условія человеческихъ нуждъ и потребностей, но она только стѣсняетъ ихъ, и потому является контрабандная торговля, которая неизбежна, пока существуютъ у людей нужды и пока эти нужды не могутъ быть удовлетворены свободно. Съ запретительной системой создается цѣлый рядъ новыхъ законоположеній, нѣтъ которыхъ и запретительный и карательный характеръ, потому что съ запрещеніемъ является нарушение, а съ нарушениемъ и наказаніе за несоблюденіе закона. Такимъ образомъ запрещеніе создаетъ только нарушение запрещенія, но обнаруживая никакого вліянія на сущность человеческихъ нуждъ.

Въ литературѣ тоже самое; мысль будетъ сообщаться только болѣе труднымъ путемъ и развитіе пойдетъ медленнѣе, но оно будетъ идти безостановочно, потому что зависитъ не отъ литературы, служащей только внѣшнимъ выраженіемъ развитія идей, а на основаніи закона, управляющаго организмомъ каждаго отдѣльнаго человѣка.

Значеніе литературы въ разрѣшеніи вопросовъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ нужно большее число мнѣній для опредѣленія истины. Въ наукахъ естественныхъ достаточно иногда десяти или даже менѣе опытовъ, чтобы разъяснить вполне какое нибудь явленіе; но въ наукахъ, касающихся общественныхъ вопросовъ, совсѣмъ другое. Большинство вопросовъ можетъ быть разрѣшено безошибочно только чрезвычайно большимъ числомъ отдѣльныхъ мнѣній и опытовъ, иногда въ теченіе многого числа лѣтъ. Если филологи хотятъ узнать, въ чемъ сущность и сила желудочнаго сока и если десять опытовъ, сдѣланныхъ десяткомъ разными людьми, привели къ одному общему результату, то, разумѣется, въ истинности его нѣтъ никакого основанія сомнѣваться. Но если вопросъ касается какихъ нибудь условій торговли, или сущности и способа взиманія налоговъ и податей, то десяткомъ мнѣніями не разрѣшишь ничего. Разрѣшеніе вопроса становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ большая масса людей можетъ страдать отъ того [или другого его разрѣшенія и чѣмъ большее число частныхъ интересовъ приходитъ въ столкновеніе. Отъ этого въ литературахъ всѣхъ народовъ главнѣйшая масса всѣхъ заявляемыхъ мнѣній касается общественныхъ вопросовъ и на десятки книгъ и изданій этого сорта приходится одно чисто ученое. Такъ какъ всѣ общественные вопросы возбуждаются и разрѣшаются самой жизнью, т. е. столкновеніемъ на практикѣ разнообразныхъ частныхъ интересовъ и отношеній, и никакія внѣшнія препятствія не въ состояніи остановить развитіе прогресса во всемъ его объемѣ, хотя они и могутъ повредить ему много въ частности—задержать или дать ему временно ложное направленіе, — то очевидно, что всякая невозможность полного и всесторонняго обсужденія въ литературѣ общественныхъ явленій должна вести къ ошибкамъ подобнаго рода. Ошибка будетъ, разумѣется, тѣмъ больше, чѣмъ меньшее число людей принимало участіе въ разрѣшеніи сложнаго вопроса. Но она можетъ быть огромной и повести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, когда не всѣ мнѣнія могутъ быть выражены и истина выводится только изъ

весьма немногочисленны и личные мнѣнія. Экономическія и правительственныя ошибки Европы въ новыя и въ новѣйшія времена происходятъ именно отъ этой причины.

Такъ какъ народъ создаетъ литературу, а не литература народъ, то отношеніе народа къ литературѣ должно быть понятно. Но стремленія народа могутъ быть весьма разнообразны и зависятъ отъ его экономическаго быта и отъ умственнаго развитія. Оттого и въ литературѣ бываютъ разныя направленія. Каждый литературный органъ служитъ выраженіемъ мнѣній и стремленій известнаго слоя общества или сословія, и чѣмъ эти стремленія ближе къ лучшимъ понятіямъ своего времени и къ идеямъ, признаннымъ наиболѣе полезными для общаго благоденствія, тѣмъ и литературный органъ стоитъ выше. По обыкновенному ходу исторіи однако лучшія и справедливыя идеи не получали права гражданства и не входили въ общее сознаніе въ то время, когда они появлялись. Для этого нужны были десяти лѣтъ, а иногда даже и цѣлыя столѣтія. Истина усвоивалась тѣмъ труднѣе, чѣмъ сильнѣе былъ прежній предрасудокъ. Первые голоса въ защиту несчастныхъ старухъ и дѣвочекъ, сжигаемыхъ за колдовство, явились въ концѣ 16-го столѣтія, и только въ концѣ восемнадцатаго судьи поняли, что до тѣхъ поръ они дѣлали возмутительное варварство и самую немѣлѣйшую изъ людскихъ нечеловѣчностей. Во время существованія у насъ наказанія кнутомъ, каждый судья былъ убѣжденъ, что кнутъ удивительно какъ исправляетъ нравы и способствуетъ развитію человѣческихъ добродѣтелей; но теперь разумѣется ни одинъ судья не станетъ защищать подобное мнѣніе; а между тѣмъ лѣтъ двадцать назадъ, не смотря на то, что Европа не имѣла у себя этого варварскаго наказанія, русскіе судьи все-таки думали, что кнутъ вещь весьма полезная, что русская сила устроена не по обще-человѣческому закону и что нѣмца можно не бить, а русскаго слѣдуетъ бить непременно. Такой взглядъ на вещи могъ произойти только потому, что истиной признавалось одностороннее заключеніе, на основаніи весьма малаго числа мнѣній. Судьи, сжигавшіе бѣдныхъ старухъ,—главная вина которыхъ заключалась въ томъ, что они были очень стары, очень безобразны и нерѣдко очень глупы, — никогда и не старались узнавать, точно ли возможно проѣхать по воздуху верхомъ на помелѣ, и можетъ ли человѣкъ нести яйца, подобно курицѣ. Если бы судьи, не употребляя

пытая, заставляли бы вѣрному снести при себѣ досыта мучь, они увидѣли бы, что это невозможно, и старуха сумѣла бы объяснить имъ, что все обвиненіе есть ложь и сжиганіе не ведетъ ни къ чему, ни относительно ея, ни относительно тѣхъ, кому впередъ придется быть сожженными. Если бы судья, проясившій сто одинъ мучь, спросилъ бы потомъ наказаннаго, насколько улучшилась его нравственность, то, разумѣется, услышалъ бы, что нравственность стала еще хуже; и если бы потребовалось точное заключеніе о мѣрахъ, способствующихъ улучшенію нравственности людей, и о причинахъ ихъ безнравственности, то самое лучшее мнѣніе далъ бы, разумѣется, тѣмъ практическіе люди порока и преступленія, которыми извѣстно это дѣло не изъ теорій, но которые своими личными опытомъ убѣдились въ недействительности теорій уголовныхъ законовъ. Но мнѣніе компетентныхъ людей спрашивались не всегда, потому что такъ называемое образованное сословіе руководствовалось въ жизни теоріями, заимствованными ими изъ времени весьма отдаленной древности и считало ихъ истинами. Въ этомъ разумѣется была большая ошибка, потому что люди, не желая знать, что говоритъ жизнь, хотѣли навязать ей что говорилось въ равныхъ глухихъ книгахъ, и такимъ образомъ шли наперекоръ правильному развитію прогресса, навязывая народу мнѣнія, которыя могли приносить ему только вредъ, а не пользу. Изъ подобнаго ошибочнаго убѣжденія явилось превратное мнѣніе, что литературой можно образовывать народъ и что не народъ создаетъ литературу, а литература народъ. Такое ошибочное мнѣніе существуетъ частью и нынче. Причиной его слѣдующій оптический обманъ. Человѣкъ пишущій, если онъ не будетъ вникать въ процессъ зарожденія и развитія въ немъ мысли, можетъ легко придти къ убѣжденію, что мысль создавалась въ немъ исключительно подъ вліяніемъ какой-то внутренней силы, называемой поэтами вдохновеніемъ. Если же, какъ полагаютъ вообще, вдохновеніе исходитъ откуда-то извнѣ, то и въ этомъ случаѣ есть тоже ошибка въ томъ, что это «извнѣ» представляютъ себѣ въ превратномъ видѣ. Вообразивъ себя творцомъ и полнымъ господиномъ своей мысли, писатель становится себя сейчасъ же въ ошибочныя отношенія къ людямъ. Онъ начинаетъ считать себя или пророкомъ или учителемъ, и все человечество или его соотечественники дѣлаются въ его глазахъ толпой, а иногда даже и толпой безмысленной. Подобное ошибочное увлеченіе свойственно не однимъ писателямъ и поэтамъ; нѣтъ

отличаются почти все люди, которыми обстоятельства позволяют очутиться в слое так называемого образованного сословия. Полагая, что мысль явилась в них сама собой, в роде того, как зародилась из ничего Минерва в голове Юпитера, они, по общему закону любви человека к самому себе, склонны считать свою мысль не только истиной, но и истиной спасительной для других. Вот отсюда и является в людях такое желание учить ближних и даже настаивать, чтобы их мнение было непременно принято. Ошибочность подобного самоувлечения доходила в людях до того, что они, если представлялась иногда тому возможность, считали весьма справедливым навязывать людям свои личные мнения даже силой оружия, или другим путем насилия. Но если бы люди взглянули проще на свои литературные заслуги, то они бы увидели, что все мысли даны им жизнью той самой толпы, которую они в своем гордом увлечении зовут бессмысленной. Если бы все бедняки, питающиеся травой, игом и глиной вместо хлеба и говядины, не носили на себе ясных следов глубокого физического страдания, если бы они вместо удрученного, унылого вида отличались бы беззаботной веселостью; если бы они вместо того, чтобы охать и вздыхать, пели веселые песни и плясали, то ни один бы поэт не съуждал бы настроить свою лиру на печальный тон и не явилось бы ничего подобного «Песни о рубашке», или тех трактатов о бедных людях, которыми так богаты французская и английская литературы. И во всех вопросах, касающихся материальной и умственной жизни народа, повторяется тоже. Толпа, масса народа—это лаборатория, где вырабатываются и создаются материалы для самых высших мыслей поэтов, прозаиков, филантропов, гуманистов и т. д. Толпа—тот пробный камень, на котором испытываются всевозможные теории, и никто другой, как она, выкупает своими страданиями, иногда весьма продолжительными, заблуждения односторонних людей, считающих себя в своем гордом увлечении призванными быть наставниками и руководителями человечества. Как отдельно взятый из толпы человек не кажется крупнее, но в целом своем объеме толпа или народ создает все то, что называется его прогрессом, и его национальным гением. Ни одна из тех блестящих и замечательных теорий, по общественным вопросам, которыми так богат девятнадцатый век, не могла бы возникнуть, если бы толпа своим опытом не выработала для них

всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ. Сравненіе жизни народа съ жизнью человѣка очень старо, и во многихъ случаяхъ невѣрно; но вѣрно то, что каждаго человѣка можно сравнить съ отдѣльной животной клеточкой, и какъ ни незначительно повидному отравленіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности, тѣмъ не менѣе совокупность клетокъ создаетъ тотъ удивительный человѣческій организмъ, съ его нервной и мозговой системами, который представляетъ собой такую трудную задачу для современныхъ натуралистовъ. Если это сравненіе вѣрно, то гдѣ основаніе клетки мозга или сердца ставить выше клетокъ крови или нервовъ? Дѣятельность клетокъ только своей совокупностью создаетъ отравленіе цѣлаго организма. Совершенно такое же отношеніе и отдѣльныхъ людей къ массѣ цѣлаго народа.

Разумѣется, у литераторовъ, или людей, посвятившихъ себя другимъ, повидному руководящимъ толпу занятіямъ, есть личныя заслуги въ томъ, что они дѣлаютъ; но заслуги эти касаются больше формы, чѣмъ сущности ихъ труда. Матеріалъ даетъ имъ жизнь народа, а ихъ заслуга въ томъ талантъ, съ какимъ они съумѣютъ его разработать. Если не брать въ расчетъ немногихъ гениальныхъ и сильно даровитыхъ личностей, какъ бы исключительно созданныхъ для литературныхъ занятій, то о всѣхъ остальныхъ пишущихъ людяхъ можно сказать, что они могли бы заниматься точно также, а можетъ быть даже и съ большимъ успѣхомъ чѣмъ нибудь другимъ, какъ они занимаются литературой. Одни обстоятельства заставляютъ человѣка сдѣлаться чиновникомъ, другія купцомъ, третья фабрикантомъ или земледѣльцемъ; но тѣ же самые люди при иныхъ условіяхъ могли бы сдѣлаться и литераторами. Все зависитъ отъ возможности развитія въ ту или въ другую сторону умственныхъ способностей. Отъ этого въ странахъ, гдѣ еще малъ запасъ умственныхъ силъ, литературное занятіе представляетъ какую-то особенность и исключительный, особенно уважаемый трудъ, а гдѣ умственное развитіе стоитъ выше, тамъ почти каждый грамотный пишетъ что нибудь для литературы. Эту мысль подтверждаетъ особенно Англія, владѣющая наибольшимъ числомъ хорошихъ романистовъ. Никто не станетъ отвергать, что Англія, при многихъ своихъ недостаткахъ, въ отношеніи цивилизаціи все-таки первая страна Европы. Съ развитіемъ цивилизаціи съ людей стирается та угловатость мысли, чувства и поступ-

ковъ, какой отличаются обыкновенно люди менѣе образованные, такъ что въ отношеніи внѣшнихъ дѣйствій, наружности и общежитія всѣ цивилизованные люди получаютъ одинъ общій характеръ, чуждый всякой рѣзкости и грубыхъ штриховъ, отличающихъ людей цивилизованныхъ. Поэтому для романиста казалось бы гораздо труднѣе работать среди людей болѣе или менѣе похожихъ другъ на друга, чѣмъ въ странѣ, гдѣ угловатость и рѣзкость всѣхъ очертаній бросаются въ глаза даже и не слишкомъ тонкому наблюдателю. Но въ этомъ-то и заключается сила развитія мысли и литературныхъ способностей, являющаяся въ народѣ съ высшей цивилизаціей. Привычка вдумываться въ самого себя и наблюдать другихъ, изощрять способность, замѣчать всѣ малѣйшія внѣшнія разницы между людьми и опредѣлять побужденія, которыя ими руководятъ. Гдѣ такихъ людей мало, тамъ мало и романистовъ. У насъ нѣтъ романа совсѣмъ не потому, чтобы русская жизнь была бѣдна матеріалами, а потому что не развились еще до тонкости наши литературныя способности. Мы умѣемъ подмѣчать только самые яркіе цвѣта и потому создаемъ «Князей Серебряныхъ», въ которыхъ дѣйствуютъ, или безумцы, или фанатики, или дураки; но не умѣемъ подмѣтить романа въ нашей будничной жизни, богатой сюжетами для романа болѣе, чѣмъ жизнь какого либо другого народа Европы. Въ этомъ же причина, почему нигдѣ не встрѣчается такъ много отсталыхъ писателей, какъ у насъ. Несмотря на то, развитіе мысли совершается у насъ потому же закону, какъ и вездѣ. Постоянное занятіе умственнымъ трудомъ приучаетъ человѣка обращаться съ мыслью, въ немъ развивается навыкъ и искусство простое содержаніе, представляемое ему жизнью, излагать въ той или другой формѣ, дѣйствующей на умъ или на воображеніе читателя; онъ научается не только излагать мысль послѣдовательно, сообщать ей большую или меньшую силу убѣдительности, но и дѣлать изъ сочетанія разныхъ мыслей разные выводы и заключенія; онъ вырабатываетъ наконецъ слогъ, обороты фразъ, научается сообщать красоту рѣчи, музыкальный тонъ, плавность, силу и наконецъ создаетъ тотъ литературный языкъ, которымъ начинаютъ наконецъ говорить всѣ люди привычные къ чтенію, и который такъ далекъ отъ простой, неразвитой рѣчи народа. Разумѣется, это дѣлается не однимъ человѣкомъ.

Здѣсь, по поводу народа будетъ кстати сказать о значеніи реформы Петра Великаго. У насъ укоренилось мнѣніе, что реформа Петра

раздѣлила Россію на двѣ части, неопредѣляющія другъ друга. Если это и вѣрно, то Петръ все-таки девидовать въ томъ. Одинъ изъ двѣнадцати русскихъ литераторовъ хотя и сравнилъ реформу Петра съ адномъ, но это сравненіе больше игриво, чѣмъ справедливо, потому что сдѣлалось бы тоже самое, если бы даже и не было Петра Великаго. Если бы обвинители нападали исключительно на крутость и насильственность итѣр, они были бы правы, хотя тоже не вполне; но они нападаютъ на результаты; и въ этомъ случаѣ они уже совершенно ошибаются. Бруто или некруто дѣйствовать Петръ, для нашего вопроса это все равно; сущность же реформы заключается въ томъ, что онъ прорубилъ окно въ Европу, впустилъ въ Россію европейскій воздухъ. Не слѣдуетъ думать—подобно нѣкоторыхъ русскимъ историкамъ, объясняющимъ характеръ Ивана VI тѣмъ, что этотъ добродѣтельный отъ природы человекъ, вставъ одно утро на лѣвую ногу, принялся рубить направо и налево, — что Петръ, какъ реформаторъ, созданъ изъ ничего. Еще до того были въ Россіи иностранцы и заводились иностранные порядки и между боярами Алексѣя Михайловича были люди, понимавшіе преимущество европейскихъ порядковъ передъ русскими. Сношеніе съ иностранцами существовало, политическая связь съ Европой тоже, слѣдовательно рано или поздно Россія приняла бы непременно къ Европѣ, а это сдѣлалось бы вслѣдствіе одного ея географическаго положенія, которое неизбежно вело къ столкновеніямъ съ Западомъ, а потому и къ связи съ нимъ. Не будь Петра, тотъ же прогрессъ совершался бы въ болѣе продолжительный срокъ, но черезъ это законъ развитія нисколько бы не измѣнился, какъ не измѣняется законъ горѣнія оттого, скорѣе или тише горять дрова въ печкѣ. И съ Петромъ и безъ Петра вліяніе европейскихъ порядковъ началось бы съ внѣшности, съ подражанія паружнымъ условіямъ обществія; перешло бы сначала то, что доставляетъ матеріальныя удобства и льститъ чувственности, потомъ явились бы люди болѣе развитые, которые бы поняли, что сущность европеизма вовсе не въ этомъ, а въ тѣхъ идеяхъ, которыми улучшается вся общественная жизнь и всѣ чело-вѣческія отношенія. Прошло сто лѣтъ, даже болѣе, одного внѣшняго подражанія Европѣ, прежде чѣмъ стало замѣтно у насъ умственное вліяніе Запада. До тѣхъ же поръ весь нашъ прогрессъ заключался почти въ томъ, что одни остались вѣрны своему полушубку и пустымъ шамъ, а другіе перемѣнили дорогой боярскій костюмъ на

болѣе дешевое европейское одѣяніе, и въ русскихъ публичныхъ при-
 бавили французскіе соусы. Если говорить о разрывѣ, то такое от-
 чужденіе немногихъ богатыхъ людей отъ массы бѣднаго населенія
 всегда существовало въ Россіи, и оно существуетъ и до сихъ поръ
 во всѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ бѣдные и богатые, обра-
 зованные и необразованные составляютъ два противоположныхъ де-
 левра. Другое дѣло, если бы Петръ создалъ богатство, если бы онъ
 правдѣлилъ народъ равноправный, какъ евреи время Моисея, на
 бѣдныхъ и богатыхъ, на повелѣвающихъ и повинующихся; но все
 это было въ Россіи еще давно до Петра Великаго, и если вся масса
 населенія составляла однообразную смѣсь невѣжества и предраз-
 судковъ и въ этомъ заключался водотокъ всѣхъ любителей старины
 и варварства, то пусть они припомнятъ, что народъ никогда не
 стоялъ такъ далеко отъ дворянства, никогда не терпѣлъ такихъ ужас-
 ныхъ и несправедливыхъ притѣсненій и грабительствъ отъ людей,
 даже съ самой незначительной властью, какъ до Петра Великаго.
 Въ XIX столѣтіи Россія стала уже лучше понимать свои внутренніи
 отношенія и смыслъ европейской жизни; европейскій воздухъ пере-
 сталъ уже, какъ въ прошедшемъ столѣтіи, дѣйствовать только на
 желудокъ, возбуждая аппетитъ; онъ подѣйствовалъ на нашъ мозгъ и
 на наши нервы, и съ этихъ поръ у насъ стали появляться дѣйстви-
 тельно образованные люди. Не будь реформы Петра, мы переживали
 бы теперь, можетъ быть, порядки Екатерины I, т. е. были бы поза-
 ди на полтора столѣтія, и общая связь во всемъ народонаселеніи
 страны была бы едва ли больше. Реформа Петра сдѣлала то, что дѣ-
 лаетъ всякая цивилизація; ни въ Германіи, ни въ Англии, ни во
 Франціи не было Петровъ Великихъ, а между тѣмъ клинъ, замѣчен-
 ный въ Россіи и приписываемый Петру, можно легко увидѣть въ
 каждой изъ этихъ странъ. Такіе клинья создаются не реформатора-
 ми, а закономъ цивилизаціи и развитія, который для всѣхъ наро-
 довъ, на какомъ бы языкѣ они ни говорили, совершенно одинаковъ.
 Сами реформаторы—продукты этого закона. Кто былъ иностранцемъ,
 тотъ знаетъ, насколько языкъ литературы составляетъ тамъ языкъ
 народа, и что ни одна страна не представляетъ въ этомъ отношеніи
 болѣе поразительнаго примѣра, какъ Германія, гдѣ простой народъ
 говоритъ такимъ языкомъ, который можетъ быть уже триста лѣтъ
 не встрѣчается ни въ одной печатной книгѣ. Если нигдѣ не суще-
 ствуетъ такой рѣзкой крайности между богатыми и бѣдными въ ма-

теріальномъ отношеніи, какъ въ Англіи, за то нигдѣ не существуетъ такой крайности между богатыми и бѣдными въ умственномъ отношеніи, какъ въ Германіи, и германскій мыслитель послѣдняго времени былъ совершенно правъ, когда сказалъ, что нѣмцы поймутъ его только черезъ тысячу лѣтъ. Такое разьединеніе между просвѣщенными и непросвѣщенными людьми, какое замѣчается въ Германіи, такое относительно малое число первыхъ и далекое ихъ умственное развитіе, и относительно большое число послѣднихъ и великое ихъ невѣжество, можно назвать дѣйствительно клиномъ; а между тѣмъ въ Германіи Петра Великаго небыло, и никто не вводилъ тамъ реформы насильственнымъ путемъ. Поэтому то, что считаютъ у насъ клиномъ, по сравненію съ Европой не больше, какъ клинышекъ, и нигдѣ напротивъ не существуетъ меньше умственного разьединенія во всей массѣ населенія, какъ у насъ, разумѣется если не брать въ расчетъ отдѣльныхъ, болѣе передовыхъ людей.

Не смотря на то, и нашъ литературный языкъ непохожъ уже на языкъ простого народа, и складъ рѣчи образованнаго человѣка на рѣчь простолюдина. Но это несходство, касающееся внѣшней формы мысли, не относится до ихъ сущности. Разумѣется чисто литературные вопросы и разныя химическія и критическія тонкости изящной литературы не могутъ быть доступны простому человѣку; но мысли, относящіяся до его общественнаго положенія и быта, будутъ ему также понятны, какъ и всякому другому, потому что для пониманія ихъ нуженъ здравый смыслъ, нисколько независимый отъ литературнаго языка и таланта изложенія. Изъ того, что умъ независимъ отъ литературнаго таланта и навыкъ писать не дѣластъ человѣка умнѣе, очевидно, что можно быть весьма ограниченнымъ, занимаясь цѣлый вѣкъ литературой, и можно быть весьма здравомыслящимъ, небравшись никогда за перо. Поэтому же литературное занятіе не есть непремѣнный признакъ большей мозговой силы человѣка и пропорція людей умныхъ и глупыхъ между литераторами совершенно такая же, каковая существуетъ между умными и глупыми во всей вообще массѣ населенія. Умныхъ людей во всякой странѣ всегда меньше, чѣмъ неумныхъ; вотъ почему и умныхъ книгъ и сочиненій меньше, чѣмъ пустыхъ и совершенно бесполезныхъ. Впрочемъ называть ихъ бесполезными великая ошибка, потому что мысли могутъ быть только или полезны или вредны. Если сочиненія способствуютъ

уничтоженію заблужденій и предрасудковъ — они полезны, ибо помогаютъ прогрессу; но если ими вводятся новые предрасудки или поддерживаются старые — онѣ вредны.

Изъ того, что на свѣтѣ больше сочиненій вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, т. е. что больше сообщается лжи, чѣмъ истинъ, можно бы заключить, что масса заблужденій вмѣсто того, чтобы уменьшаться, должна увеличиваться. Но этого нѣтъ. Не смотря на то, литература можетъ имѣть и вредное вліяніе, и вотъ почему. Масса заблужденій, сообщаемыхъ литературой, зависитъ исключительно отъ запаса ихъ въ народѣ, и хотя въ каждой странѣ есть люди, стоящіе въ ровень съ послѣдними знаніями самыхъ цивилизованныхъ и развитыхъ народовъ, но такихъ людей всегда мало и сочиненій ихъ не много. Значить, остается перевѣсъ за сочиненіями и мыслями противоположнаго свойства. А какъ при всемъ вліяніи народа на литературу существуетъ и вліяніе литературы на народъ, то очевидно, что писатели, неизмѣвшие никогда способности самобытнаго мышленія, могутъ своими сочиненіями распространять между ограниченными и легковѣрными людьми неизвѣстныя имъ до того бредни, которыя они готовы принять за истину, потому что это печатное. Этимъ путемъ литература обнаруживаетъ на прогрессъ вредное вліяніе, и продолжительность его можетъ быть тѣмъ болѣе, чѣмъ медленнѣе и труднѣе распространеніе истинныхъ знаній. Разуетсяя, люди съ природнымъ здравымъ смысломъ не поддаются легко всему печатному; но когда въ человѣкѣ больше любознательности, чѣмъ способности отличать истинное отъ ложнаго, и когда онъ при желаніи обогатить себя познаніями обложится всякими книгами безъ разбору, то нѣтъ ничего удивительнаго, что по прочтеніи всего онъ почувствуетъ себя въ положеніи человѣка, очутившагося внезапно въ очень большомъ и темномъ лѣсу. Этимъ путемъ многіе, весьма хорошіе отъ природы люди, способные быть полезными, до того припустили свои умственные способности и сбивались разными дикими теоріями литературныхъ фанатиковъ, что становились людьми положительно вредными. Кто хочетъ найти доказательство тому въ исторіи, тотъ ихъ найдетъ легко, потому что во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ жило удивительное смѣшеніе самыхъ противоположныхъ ученій, сбивающихъ людей съ толку и въ ихъ частной и въ ихъ общест-

Отд. II. 2

венной жизни. Лучшимъ примѣромъ изъ нашего времени можетъ служить такъ называемая наука права, составляющая одно изъ самыхъ отсталыхъ современныхъ знаній, да и вообще, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ въ Европѣ, отличавшаяся этимъ качествомъ. Только вполнѣдствіи этой вѣчной отсталости и желанія смотрѣть на дѣла людей сквозь теорію, сочиненную въ четырехъ стѣнахъ, юристы считали правомъ казнить и пытаться людей, и ученые юридическіе факультеты давали свое одобреніе такимъ возмутительнымъ дѣйствіямъ, которыя современная исторія зоветъ политическими злодѣяніями и убійствами. Чтобы подтвердить это примѣрами, достаточно сослаться на исторію Генриха VIII англійскаго и на религиозныя войны Франціи. Поэтому любознательность людей, подвергающаяся несчастію удовлетворяться безъ разбору всякими мыслями и теоріями, заслуживаетъ полнаго сожалѣнія. Лучше прочесть всего двѣ хорошихъ книги и затѣмъ не читать ничего, если нельзя достать дѣльнаго, чѣмъ прочитать двѣ тысячи книгъ пустыхъ и цѣлый свой вѣкъ читать вздоръ, потому что въ послѣднемъ случаѣ весьма легко лишиться разсудка, что и бываетъ не рѣдко съ людьми, много читающими. При всемъ однако обиліи дурныхъ книгъ и количественномъ ихъ перевѣсѣ надъ книгами хорошими, истина беретъ свое, и хотя человѣчество подвигается впередъ медленно, а все-таки подвигается. Это доказываетъ только одно, что здравый разсудокъ людей имѣетъ большую силу, и что сотни заблужденій не въ состояніи затѣмнить одну истину. Такимъ образомъ основную силу всякой литературы составляетъ не все то, что въ ней написано и напечатано, а только то, что ведетъ впередъ и сообщаетъ людямъ полезное. Подобное же отношеніе существуетъ и между литературными дѣятелями, т. е. полезенъ не тотъ, кто пишетъ, а тотъ, кто пишетъ дѣло, и хотя въ исторіи цивилизаціи праздное бумагомарательство есть несомнѣнный фактъ, тѣмъ не менѣе это фактъ все-таки грустный, потому что подъ личиной прогресса въ немъ скрывается самая тупая и злостная отсталость.

Но откуда берутся бумагомаратели и гдѣ скрывается источникъ заблужденій, изъ котораго они черпаютъ свои мысли? И бумагомаратели и заблужденія являются изъ того же самого источника, который создаетъ дѣльныхъ литераторовъ и дѣловыя мысли—изъ на-

рода. Источникъ этотъ весьма богатъ и тиной всякихъ сортовъ и драгоцѣнностями. Но тину ловить легче, оттого-то ее и ловятъ плохіе удильщики, да кромѣ того, не смотря на усилія людей, старающихся очистить источникъ отъ всякаго сору и плесени, ихъ еще въ немъ слишкомъ много. Начало происхожденія этой тины нужно искать въ очень отдаленной древности, когда всѣ знанія человечества составляли только невѣжество, суевѣрія и заблужденія. Пора новаго порядка вещей для Европы наступила со времени реформации; вотъ почему историки эпоху, начинающуюся съ этого времени, называютъ новой исторіей. Новость ея въ томъ, что здравый разумъ людей проснулся послѣ вѣкового усыпленія и люди, посмотрѣвъ что дѣлается вокругъ, спросили себя — «да такъ ли это?» — Не то было прежде. Европа, воспитанная подъ религіознымъ и гражданскимъ деспотизмомъ, держалась упорно старины въ правахъ, обычаяхъ, привычкахъ, суевѣріяхъ и заблужденіяхъ, сомнѣніе считалось великимъ грѣхомъ, хотя бы оно касалось самыхъ обыкновенныхъ вещей домашняго быта. За сомнѣнія болѣе важныя человѣкъ платился не рѣдко жизнью, и чтобы облегчить душѣ грѣшника путь спасенія и искупить ея грѣхи, ученые юристы придумали сотни разныхъ хитрыхъ умозаключеній, по которымъ оказывалось несомнѣннымъ, что грѣшниковъ слѣдуетъ жарить живьемъ на сковородахъ, или коптить въ дыму костровъ, подобно тому какъ коптятъ ветчину. Такія дѣйствія юристы на своемъ ученоемъ языкѣ называли «правомъ». Разнообразіе подобныхъ правъ было такъ велико и такъ тяжело для тѣхъ, кому приходилось практически на своемъ тѣлѣ испытывать всю ихъ жестокость, что разныхъ родовъ злоупотребленія и истязанія, которымъ подвергались люди въ силу всевозможныхъ правъ, должны были привести къ общему сомнѣнію въ ихъ справедливости и необходимости. Вѣра въ авторитетъ поколебалась, люди стали искать доказательствъ и поняли, что этотъ путь пониманья самый правильный, потому что онъ ведетъ къ истинѣ. Чтобы опредѣлять, что—истина, что—ложь, приходилось однако перебрать всю массу заблужденій, накопившихся со времени перваго человѣка. Работа большая; оттого-то она и некончена до сихъ поръ, и по этой же причинѣ людей заблуждающихся гораздо больше, чѣмъ правильно понимающихъ вещи. Но дѣло не въ томъ, что еще много заблуждающихся и велика масса заблужденій, а въ томъ, чтобы открыть спо-

собь распознавать истину отъ лжи. Сомнѣніе, опытное изслѣдованіе и исключеніе — вотъ этотъ способъ и имъ создалась вся масса тѣхъ нравственныхъ и общественныхъ истинъ, которыя такъ улучшили современный бытъ западной Европы. Кто не хочетъ признать справедливости этого метода, тотъ значить — не хочетъ никакихъ улучшеній и считаетъ средніе вѣка лучше новой исторіи. Хотя людей такой смѣлости, чтобы утверждать это и выдавать себя за противниковъ улучшеній, и не найдется, тѣмъ не менѣе слѣпая привязанность къ старинѣ такъ обыкновенна среди людей образованныхъ сословій, и они такъ крѣпко держатся за нее, что въ нашъ вѣкъ они разыгрываютъ ту же самую роль, какую въ началѣ 16 столѣтія разыгрывали противники реформаціи. Это излишнее уваженіе къ старинѣ, доказывающее съ одной стороны силу воображенія, рисующаго отжившее въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ робость и слабость разсудка и недостатокъ равномернаго воспитанія умственныхъ способностей. Такой очевидный недостатокъ силъ нисколько однако не уменьшаетъ въ людяхъ самоувѣренія, а напротивъ даже создаетъ въ нихъ ложное понятіе о личномъ достоинствѣ и ту неуступчивость, какой отличались всегда люди слабыхъ способностей. Въ этомъ случаѣ она напоминаетъ тѣхъ военныхъ героевъ времени рыцарства, которые не понимали другихъ убѣжденій, кромѣ единоборства, и не давали никакой важности логическимъ выводамъ и силѣ мысли. Литераторъ, выросшій въ такихъ убѣжденіяхъ и незнающій другой дисциплины ума, кромѣ слѣпой вѣры въ прошлое, не пойметъ никогда разницы между бѣлымъ и чернымъ, пока какія либо обстоятельства не пробудятъ въ немъ пытливости ума, если только его умъ еще способенъ на это. Чаще же умъ, напитанный заблужденіями еще въ первой молодости, а потомъ испорченный воспитаніемъ и жизнью среди людей нелюбившихъ разсужденій, остается навсегда гнѣздилищемъ какихъ-то призраковъ и суевѣрной боязни во все новое. Такимъ людямъ даже и путешествіе заграничей не приноситъ никакой пользы, и они оттуда выносятъ еще болѣе странные взгляды, впрочемъ неизбежные при извѣстныхъ умственныхъ болѣзняхъ. Эта неполнота интеллектуальнаго организма не мѣшаетъ однако людямъ посвящать себя литературѣ, и въ такомъ случаѣ они служатъ представителями того слоя населенія, которому дороги его заблужденія и предрасудки и неизвѣстна истина. Это

явление неизбежно при всякомъ развитіи цивилизаціи — свободномъ и несвободномъ; и въ каждой странѣ тѣмъ больше отсталыхъ литераторовъ и литературныхъ органовъ, чѣмъ больше заблуждающихся людей. Живучесть предрассудковъ бываетъ иногда весьма замѣчательна. Религіозная нетерпимость давно уже признана ошибкой, и въ настоящее время ни одно просвѣщенное общество Европы не преслѣдуетъ людей за ихъ религіозныя убѣжденія. Но не то въ литературѣ. Въ каждомъ народѣ еще есть религіозные фанатики, ополчающіеся противъ того, что кажется имъ ложной вѣрой, и если бы этимъ людямъ дать волю, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они возобновили бы времена инквизиціи и религіозныхъ преслѣдованій и доставили бы любителямъ возмутительныхъ зрѣлищъ возможность наслаждаться кровавыми публичными представленіями и сжиганіемъ вѣдьмъ и колдуновъ. Такихъ людей, считающихъ себя образованными и имѣющихъ смѣлость высказывать мысли, ложность которыхъ доказана четыреста лѣтъ тому назадъ, нисколько не смущаетъ общественное мнѣніе, потому что имъ кажется, что всѣ заблуждаются кромѣ ихъ. Но есть еще сортъ людей, менѣе рѣшительныхъ, усвоившихъ себѣ всю вышность цивилизованныхъ людей, ихъ манеры, складъ рѣчи, повидимому даже и мысли. Между ними нужно различать людей двухъ порядковъ: одни сохраняютъ всѣ заблужденія старины и только говорятъ о прогрессѣ, думая о немъ совсѣмъ другое; другіе, болѣе сильные мыслью и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе слабые характеромъ, борются цѣлый вѣкъ между истинной и ложью, не имѣя твердости пристать къ которому нибудь одному убѣжденію. Подобные дуалисты бываютъ обыкновенно весьма счастливы въ практической жизни и даже не находятъ никакого неудобства двинуться цѣлый вѣкъ въ своихъ словахъ и поступкахъ. Въ какомъ бы моментѣ развитія ни находилась цивилизація какого бы то ни было народа, дуалисты всегда есть и всегда въ такомъ количествѣ, что вредное ихъ вліяніе на ходъ развитія очень замѣтно. Дуалисты — посредствующее звѣно, связывающее передовыхъ людей съ отсталыми.

Изъ всего того, что было сказано о литературѣ, читатель пойметъ отношеніе къ ней образованныхъ людей, и кого въ строгомъ смыслѣ слѣдуетъ собственно считать образованнымъ. Вопросъ этотъ

разрѣшенъ весьма коротко и просто народной поговоркой: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Въ этомъ случаѣ здравый смыслъ народа сталъ выше понятій тѣхъ затупленныхъ глупыми книгами людей, для которыхъ цивилизованная внѣшность служитъ непремѣннымъ доказательствомъ и цивилизациіи мысли, а общественное положеніе чловѣка—мѣриломъ его способностей, знаній и полезности.

Н. Шелгуновъ.

ВЗБАЛОМУЧЕННЫЙ РОМАНИСТЪ.

«Не для образованія ума и сердца шестнадцатилѣтнихъ читательницъ и не для услады задорнаго самолюбія разныхъ слабоголовыхъ юношей» написалъ г. Писемскій свой новый романъ: «Взбаломученное море». По его словамъ онъ имѣлъ въ виду «высшую цѣль»; «пусть», говоритъ онъ, «пусть будущій историкъ со вниманіемъ и довѣріемъ прочтетъ наше сказаніе; мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину правовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась вся Россія, то за то тщательно собрана вся ея ложь.» Вотъ какой трудъ принялъ на себя г. Писемскій, и задачу эту онъ старается разрѣшить въ шести частяхъ своей взбаломученной поэмы. Онъ самъ смотритъ на свое новое произведеніе не какъ на романъ, а какъ на лѣтопись, анналы, служащіе матеріаломъ для будущаго историка. Съ этой точки зрѣнія онъ заставляетъ насъ смотрѣть на его трудъ и даетъ право искать въ немъ не только такъ называемой художественной правды, но и правды исторической. Конечно, всякое хорошее художественное произведеніе, — а хорошимъ я признаю то, которое не занимается любовью соловья къ розѣ, а обращается къ предметамъ житейскимъ, — всякое хорошее художественное произведеніе можетъ служить матеріаломъ для историка. Но онъ можетъ пользоваться имъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ тому, какъ онъ пользуется лѣтописями. Художникъ, въ произведеніяхъ котораго вѣрно отразился духъ времени хотя и дастъ этимъ историкъ средства для изученія своей эпохи, но совершенно помимо своей воли. Если современники художника и

самъ онъ живутъ подъ какимъ нибудь вѣшнимъ насиліемъ, то страданіе, негодованіе, стремленіе къ переизмѣнѣ отражаются въ его произведеніяхъ; и историкъ можетъ по нимъ судить, насколько тяжело было это насиліе и какъ относилось къ нему то поколѣніе, которое переживало эту эпоху. При этомъ отъ художника нельзя и требовать, чтобы онъ далъ историку факты, представилъ съ исторической точностію событія. Если поэтъ и упоминаетъ о фактахъ, то историкъ хорошо сдѣлаетъ, если не будетъ принимать ихъ въ соображеніе, потому что поэтъ на то и поэтъ, чтобы замазывать дѣйствительность фантастическимъ колоритомъ или, говоря проще, прикирывать. Поэтому историку достаточно уловить общій характеръ художественнаго произведенія, въ которомъ хотя и отразилась дѣйствительность, но прямыхъ указаній на нее нѣтъ. На оборотъ, лѣтописецъ долженъ вѣрно представлять самыя событія и лица. Разумѣется, это трудъ не малый, и храбрости г. Писемскаго дѣлаетъ большую честь то, что онъ за него взялся.

Извѣстно также и вѣдомо каждому, что безпристрастіе есть именно то свойство, котораго не достааетъ всѣмъ лѣтописцамъ, особенно когда рѣчь идетъ объ эпохѣ, современной лѣтописцу; хотя г. Писемскій съ гордостію вызываетъ желающихъ уличить его въ невѣрности изображенія, но я замѣчу ему, что такой вызовъ показываетъ въ немъ излишнюю самонадѣянность, которая до добра не доводитъ. При такой самоувѣренности меня поражаетъ скромность, обнаруживаемая г. Писемскимъ нѣсколькими строками ниже: онъ говоритъ, что въ «романѣ своемъ представилъ не всю Россію, а только всю мысль ея.» Но почитатели г. Писемскаго легко могутъ сообразить, что онъ только скромничаетъ, зная хорошо, что изобразилъ всю Россію, потому что если онъ представилъ всю ложь русскаго общества, то этимъ самымъ показавъ и всю его истину. Если я говорю, что то-то и то-то ложно въ жизни какого нибудь общества, то этимъ я въ тоже время говорю, что все противоположное — истинно. Въ «Взбаломученномъ морѣ» такъ оно и выходитъ: здѣсь авторъ показываетъ намъ какъ то, что по его мнѣнію ложь, та и то, что онъ считаетъ правдой.

Что же ложно, по мнѣнію г. Писемскаго, въ нашемъ обществѣ? Какъ и въ чемъ является у насъ ложь? На что обращаетъ г. Писемскій вниманіе будущаго историка и что представляетъ онъ ему какъ зло, т. е. неправду? На это должны отвѣтить намъ характеры

и свойства лицъ, выведенныхъ въ романѣ въ качествѣ представителей разныхъ оттѣнковъ русскаго общества. Болѣе же прямой и краткій отвѣтъ намъ даетъ сама истина, облеченная г. Писемскимъ въ образъ мирового посредника Варегина, который на вопросъ: «гдѣ корень зла?» — нарекаетъ слѣдующее:

— Да я думаю всего ближе въ нравственномъ гнетѣ, который мы пережили и въ нашемъ шаткомъ образованіи, которое въ однихъ только декораціяхъ состоитъ;—такъ что-то такое плаваетъ сверху на показъ! И для меня рѣшительно нѣтъ никакой разницы между Ванюшей въ «Бригадирѣ», который, желая корчить изъ себя француза, безпрестанно говорить: *hélas! c'est affreux* и нынѣшнимъ какимъ нибудь господиномъ, болтающемъ о революціи...

И такъ между Ванюшей, современнымъ «Бригадиру и нынѣшними Ванюшами нѣтъ никакой разницы, по мнѣнію г. Писемскаго; и слѣдовательно тогдашняя и теперешняя ложь—одинаковы. Поэтому, не нарушая хронологіи, и романъ г. Писемскаго можно отнести также къ концу прошлаго вѣка, какъ къ половинѣ настоящаго: ложь его—одинакова. Посмотримъ же, какъ она, выразилась въ дѣйствующихъ лицахъ, выведенныхъ на сцену г. Писемскимъ, особенно его героя.

Надо отдать справедливость г. Писемскому, Баклановъ его несравненно лучший представитель большей части нашего общества, чѣмъ всѣ герои, явившіеся въ романахъ послѣдняго десятилѣтія. Обломовъ, Рудинъ, Лаврецкій вѣрно представляютъ разные сорта людей, жившихъ въ нашемъ обществѣ, но Баклановъ есть представитель всего общества. Недостатки и вообще свойства Рудинныхъ и Обломовыхъ хотя конечно встрѣчались въ обществѣ весьма часто, и лица эти типичны, но именно дѣло въ томъ и состоитъ, что они представляютъ собой ту или другую характеристическую черту общества, ту или другую сторону его, между тѣмъ какъ въ Баклановѣ видно все общество, со всѣми его качествами и свойствами. Онъ самый вѣрный выразитель той эпохи «нравственнаго гнета», которая, по свидѣтельству г. Писемскаго, къ счастью кончилась. Ей онъ принадлежалъ по времени и по характеру. Родился онъ чуть ли не въ тотъ самый годъ, какъ она началась, а когда она, какъ увѣряетъ г. Писемскій, кончилась, то ему уже было тридцать лѣтъ, то есть тотъ самый возрастъ, когда обыкновенно человекъ перестаетъ

развиваться. Хотя г. Писемскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ романа называетъ своего героя человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, но все это ложь, и соглашаться съ этимъ, разумѣется не надо. Впрочемъ я нахожу, что это тѣмъ лучше для г. Писемскаго; будь его герой дѣйствительно умный и образованный человѣкъ, онъ бы не былъ такимъ типичнымъ представителемъ современнаго ему общества. Что касается до его глупости и неразвитости, то это доказывается словами самого же Бакланова. Такъ въ первой части романа онъ объясняетъ теорію электричества слѣдующимъ образомъ:

«...При химическомъ соединеніи обнаруживается электричество... если теперь искру пропустить сквозь платину, то при соприкосновеніи ея съ воздухомъ дается пламя».

Во второй части о балетѣ онъ выражается такъ:

— ...«Тутъ правда, истина, которая одна только имѣютъ законное право существовать».

Далѣе, пріѣхавъ въ деревню и отправившись къ сосѣдямъ, онъ услаждаетъ себя помыслами о томъ, что «я, дескать, сквайръ, пропріетеръ. Все это, что ни идетъ, ни встрѣчается, все это ниже меня. Я могу жить ничего не дѣлая»... Въ четвертой части, когда наступила эпоха возрожденія (Renaissance) онъ изъявляетъ намѣреніе пуститься въ биржевую игру, потому что «вся образованная Европа играетъ на биржѣ». На это г. Писемскій говоритъ читателямъ, которые бы пожелали упрекнуть за это его героя, что и они неблагоуразумнѣе, — тоже накупили акцій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ числѣ читателей «Взбаломученнаго моря» найдутся господа въ родѣ Бакланова, потому что оттого-то онъ такъ и хорошъ, что такихъ много. Но спасаетъ ли это обстоятельство вашего героя, г. Писемскій, отъ упрека въ глупости? Не видите ли вы, что онъ глупъ? Можетъ ли кто другой кромѣ глупца сказать эти слова: *«потому что вся Европа играетъ на биржѣ»*.

Далѣе, если всего этого мало, онъ хвастается тѣмъ, что въ свое время люди, подобные ему, въ двадцать лѣтъ «уже были влюблены какъ коты... любовницъ имѣли... стихи къ нимъ сочиняли». Наконецъ, какъ мы увидимъ, въ спорахъ онъ жалкимъ образомъ побивается и своей любовницей и своей женой, которыя, грѣхъ сказать, чтобы порохъ могли выдумать или звѣзды съ неба похватать.

Впрочемъ въ свое время такой человѣкъ, можетъ быть, казался

умнымъ: пословица говорить, что на безрыбьи и ракъ—рыба. Во времена «нравственнаго гнета» находились идиоты, какъ Венявинъ, которые и передъ Баклановыми благоговѣли, и весьма естественно, что г. Писемскій привыкъ считать такихъ людей за умныхъ и образованныхъ. Вѣдь Никита Безрыловъ не далеко ушелъ отъ Бакланова... Но г. Писемскій, ошибаясь въ оцѣнкѣ умственныхъ способностей своего героя, не ошибся, какъ художникъ. Его талантъ помимо его воли представилъ Бакланова глупцомъ, хотя этотъ глупецъ и названъ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ.

Какъ велико нравственное невѣжество Бакланова, такъ велика и его внутренняя пустота. Эти двѣ черты его характера г. Писемскій не только не отрицаетъ, но тщательно выставляетъ на показъ. Эту пустоту жизнь не могла наполнить, потому что не дала ничего. Тогда бѣда была челоѣку, родившемуся съ плохимъ мозгомъ: не имѣя ничего своего, ему не откуда было взять ничего чужаго. Жизнь, развивавшая въ немногихъ энергическихъ и смѣлыхъ людяхъ эти качества, у людей мелочныхъ и безхарактерныхъ, каково было большинство и каковъ его представитель—Баклановъ, доводила эти свойства до послѣдней степени ничтожества. Авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ жизнь своего героя во времена «нравственнаго гнета». Мы видимъ героя сперва студентомъ. Здѣсь онъ кутитъ, влюбляется, тунейдствуетъ. Онъ таковъ какъ большинство современной ему молодежи. Они скромны и благонамѣренны, потому что и намѣреній-то никакихъ не имѣютъ. Они толкуютъ о любви къ прекрасному вообще, а къ балету въ особенности; мечты ихъ, самыя смѣлыя и пылкія, были обращены на достиженіе крупнаго чина. Добродушный Венявинъ говоритъ герою, который для него идеалъ совершенства, что его ждуть родина и министерскій портфель. Высшимъ вольнодумствомъ считалось произвести какой нибудь скандалъ, бросить танцовщицѣ мертвую кошку, побить квартальнаго, напиться до омерзѣнія. Челоѣкъ, сдѣлавшій такую штуку, становился героемъ дня: о немъ разговаривали и толковали: «а знаете ли такой-то бросилъ въ театрѣ Андреяновой мертвую кошку! Каковъ молодецъ?» Животрепещущіе вопросы состояли въ томъ, что такого-то актера или такую-то актрису хотятъ замѣнить другими. Важнѣе этого и придумать ничего не могли. Вообще царствовала умилительная патріархальность: какова была молодежь, таковы и руководители ея. Таковъ напри- мѣръ былъ покойный инспекторъ московскаго университета Платонъ

Степановичъ, который какъ есть въ своемъ олотскомъ мундирѣ за-
вербованъ г. Писемскимъ въ число дѣйствующихъ лицъ романа. Г.
Писемскій желаетъ мира его праху, на томъ основаніи, «что онъ
былъ добродушнымъ распекателемъ, а не губителемъ юности». Онъ даже,
по словамъ г. Писемскаго, не прочь былъ имѣть свои убѣжденія,
но его смущали дома, обитаемые генералъ-губернаторомъ
и жандармскимъ офицеромъ. Но г. Писемскій упускаетъ изъ виду,
что при томъ юности, которое цвѣло въ его время, никакой
надобности въ губителяхъ не предстояло. Наставникъ или надзиратель,
подобный Платону Степановичу, былъ совершенно удовлетворителенъ,
если даже не дѣлалъ особенныхъ гадостей. Съ него достаточно было,
если онъ ругался, какъ извоцикъ, и сажалъ въ карцеръ, потому что
странно было бы приставить къ семилѣтнимъ дѣтямъ какого нибудь
Фуше, если для нихъ совершенно достаточно надзоръ г. Миллера-Красовскаго.
Таланты Фуше лучше употребить въ другомъ мѣстѣ, а Миллеру-Красовскому
предоставить дѣтей.

Проведя такимъ образомъ свою юность, Баклановъ рѣшается по-
ступить на службу. Конечно такая среда и такая жизнь при такихъ
умственныхъ способностяхъ не могли развитъ ни правльнаго пони-
манія своихъ отношеній къ обществу, ни сознанія своего достоин-
ства. Слово *гражданинъ* считалось почти иностраннымъ, и не на-
помяло ничего кромѣ римской исторіи, такъ какъ исторія фран-
цузской революціи, гдѣ могло встрѣтиться это слово, преподавалась
слишкомъ вкратцѣ. Поэтому высшее понятіе о гражданскихъ обя-
занностяхъ, которое могло возникнуть тогда въ головѣ Бакланова,
состояло въ томъ, что должно хорошо служить, то есть не брать
взятокъ и возставать противъ явныхъ безобразій, или, какъ выра-
жались Баклановы, служить не лицамъ, а обществу. Но даже чтобы
исполнить эти обязанности, нужно было имѣть энергію и твердость
характера, которыхъ въ личности не оказывалось. Я замѣчу впро-
чемъ въ скобкахъ, что никакое намѣреніе исполнять обязанности
гражданина не выполнимо, потому что во первыхъ оно построено
на самой отвлеченной и непрактичной идеѣ, а во вторыхъ никакихъ
гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ, слѣдовательно всякіе
толки о нихъ суть «праздной мысли раздраженіе». Но Баклановы
вообще большіе мечтатели и до крайности любятъ выдумывать для
себя разные долги и обязанности, которыхъ, разумѣется, никогда и
не выполняютъ. Все это происходитъ отъ праздности и оттого, что

мозгъ не занятъ практическими мыслями, которыхъ не откуда было взять Бацлановымъ въ эпоху «правственнаго гнета». Отъ той же причины происходитъ и то, что не исполняя изобрѣтенныхъ ими обязанностей, они любятъ ругать себя за это, и дѣйствительно такъ ругаютъ, какъ самый злѣйшій врагъ не могъ бы ихъ обругать.

Герой романа г. Писемскаго тоже изобрѣлъ себѣ разныя обязанности гражданина и твердо рѣшился не брать взятокъ и не допускать злоупотребленій. Разумѣется, онъ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы выполнить второе. Онъ былъ даже такъ ничтоженъ, что не могъ выдержать и въ первомъ случаѣ; правда большое состояніе позволяло ему не брать взятокъ чистоганомъ, но за то обѣдами онъ бралъ. И это онъ дѣлалъ не безсознательно, а вполне понимая, что поступаетъ гадко, даже припомнилъ *Ибеду* Каппиаста и по обычаю своей братьи скверными словами обозвалъ себя. Что же касается до сознанія своего достоинства, то его не было, такъ какъ и сознавать-то нечего было. На крикъ генерала: «молчать!»—онъ отвѣчаетъ: «ваше превосходительство, молчите вы сами.» Генераль ругаетъ его мальчишкой и швыряетъ въ лицо скомканный клочъ бумаги, а онъ шепчетъ ему: «подлецъ!» Потомъ изруганный въ конецъ, онъ разнюнился, когда генераль пожелалъ примириться съ нимъ, потому что Бацлановъ могъ поразказать кое-что очень гадкое. Тутъ даже онъ не только выказалъ неспособность защитить отъ сильнаго міра свою личность, но показалъ себя малодушнымъ трусомъ передъ человекомъ, который былъ у него въ рукахъ, оттого только, что этотъ человекъ былъ генераль. Это ужъ не только отсутствіе сознанія своего достоинства, которое благодаря отеческимъ «добродушнымъ распеканіямъ» Платона Степановича, было уничтожено въ самой нѣжной юности и взаимъ того приобрѣлась привычка выслушивать отъ начальниковъ ругательства,—здѣсь есть еще раболѣпіе передъ внѣшними признаками власти, передъ генеральскимъ чиномъ и звѣздами.

Я уже не хочу и распространяться насчетъ отношеній Бацланова къ женщинамъ. Кто не читалъ романа г. Писемскаго, тотъ можетъ судить изъ того, что я сказалъ о личности Бацланова, каковы должны быть эти отношенія. Въ нихъ онъ является совершенно дикимъ человекомъ, не смотря на внѣшніе признаки цивилизаціи, и во всемъ равенъ Іонѣ Циняку, у котораго этихъ признаковъ не нѣтъ. Въ

отношеніи женщинъ онъ доходитъ до всѣхъ степеней безобразія, до которыхъ можетъ дойти грязная натура, воспитанная въ крѣпостномъ правѣ, чувственность которой ничто не сдерживаетъ, и которая имѣетъ всѣ средства, чтобы удовлетворять своимъ скотскимъ побужденіямъ. Быть можетъ, г. Писемскаго укоряютъ за то, что онъ черезъ чуръ ясно и подробно изобразилъ любовныя похождения своего героя. Дѣйствительно, на свѣтѣ есть вещи, о которыхъ лучше молчать, и чтеніе нѣкоторыхъ главъ романа производитъ тошноту. Быть можетъ также, что личность Багланова не потеряла бы ничего, еслибъ не проникать за кулисы его любовныхъ исторій; но не знаю, какъ бы было тогда, а знаю, что теперь грязное описаніе скандаловъ, которое сдѣлаетъ романъ вѣроятно весьма популярнымъ между старичками и старыми дѣвами, вполне выкупается той рельефностью, которую оно придаетъ характеру Багланова.

Теперь посмотримъ, что случилось съ такой личностью или, лучше сказать, съ обществомъ, состоящимъ изъ такихъ личностей — потому что, повторяю еще разъ, Баглановъ есть неотдѣльное лицо, а типъ, въ которомъ совмѣщаются всѣ Обломовы, Лаврецкіе, Рудины и проч. Что случилось съ такимъ обществомъ, когда, по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, наступила эпоха возрожденія?

Конечно возгласы публицистовъ этой эпохи о ея значеніи были смѣшны своимъ сентиментализмомъ. Но нельзя также не сказать, что обществу представлялись на размышленіе вопросы, о которыхъ оно доселѣ и не помышляло. Дѣло въ томъ только, что вопросы эти возникли не въ самомъ обществѣ, а совершенно внѣ его, и совершенно некстати будили эти 60 милліоновъ Баглановыхъ отъ ихъ сна. Заспаннымъ и растрепаннымъ, имъ вдругъ стали задавать самыя хитрыя задачи, между тѣмъ какъ до сихъ поръ напрягали всѣ усилія, чтобъ сдѣлать ихъ неспособными о чемъ бы то ни было разсуждать. Изъ тѣхъ самыхъ квартиръ, которыя мѣшали доброму Платону Степановичу имѣть свои убѣжденія, вышло предписаніе приобрести оныя. Но ихъ не купишь и не займешь, если прежде не было и не было даже возможности имѣть. Мы знаемъ, какую пассивность обнаружили всѣ слои нашего общества при встрѣчѣ съ этими вопросами. Мы знаемъ, какую полнѣйшую неспособность издать какой бы то ни было человѣческой звукъ обнаружало дворянство въ крестьянскомъ дѣлѣ. Баглановъ, призванный для совѣщанія

объ этомъ къ предводителю, велъ себя такъ, какъ вели всѣ прочіе Баклановы на всемъ пространствѣ Россіи, то есть, не могъ сказать ни да, ни нѣтъ, хотя имѣлъ жалкое поползновеніе сказать—нѣтъ. Но хотя герой г. Писемскаго — дворянинъ и помѣщикъ, тѣмъ не менѣе онъ можетъ служить представителемъ и другихъ сословій, потому что они всѣ показали ту же пассивность. Какъ въ крестьянскомъ вопросѣ, такъ и въ остальныхъ поведеніе русскаго общества было таково, каково поведеніе Бакланова, т. е. неспособность ко всему серьезному и полное равнодушіе. Россія, современная Бакланову, была разбита параличемъ. Все, что Баклановы принимались дѣлать, было запечатлѣно тѣмъ же характеромъ безсилія и апатіи; они не могли серьезно взяться ни за что, и потому самому брались за все. Человѣкъ, бывший нынче рьянымъ крѣпостникомъ и консерваторомъ, въ которомъ непривычный взглядъ могъ заподозрить опаснаго и готоваго на все врага предпринимаемыхъ реформъ и поднимаемыхъ вопросовъ, завтра становился радикаломъ и краснымъ, а послѣ завтра ругаль и крѣпостниковъ и красныхъ. Еслибъ г. Писемскій показалъ намъ своего Бакланова нѣсколькими годами раньше, мы могли бы пожалуй не повѣрить ему, обманувшись напускной бодростью и взятой на прокатъ игривостью, которую обнаруживали тогда Баклановы. Но теперь это невозможно. Теперь мы убѣдились, что Баклановы сами неспособны ни на что, а по приказу также способны молчать и нешевелиться, какъ пылать и пламенѣть, оттого что имъ въ сущности все равно—молчать или пламенѣть. Они хуже всего боятся, чтобы къ нимъ не приставали съ вопросами. Поэтому они, завидя еще издали чиновника или полицейскаго, спѣшатъ стусеваться. Говорить же и дѣлать то или другое, для нихъ все единственно. Мы видѣли, какъ они рукоплескали тѣмъ же, кого не много спустя, готовы были стащить на съѣзжую. Эта пассивность довела Баклановыхъ до такого нравственнаго растлѣнія, что они остаются индифференты ко всякой гадости, которая валается у нихъ передъ глазами. Оттого-то теперь мы видимъ наконецъ, что въ самомъ обществѣ, послѣ всѣхъ оразъ эпохи возрожденія, совершаются дѣла, неслыханныя даже въ эпоху «нравственнаго гнета», благополучно миновавшую, какъ утверждаетъ г. Писемскій. Тогда зло если и прибѣгало къ неблаговиднымъ средствамъ и орудіямъ, то по крайней мѣрѣ само стыдилось ихъ. Орудія эти, какъ ни были низки, но понимали, что бывали поступки, послѣ которыхъ

совершившіе ихъ дѣлались отщепенцами отъ общества, и скрывались куда-то, бѣжали дневного свѣта, стыдились встрѣчи съ честнымъ человѣкомъ. Теперь есть Баклановы, которые не только бодро расхаживаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, но дѣлаются героями дня, львами общества, протягиваютъ руки къ лаврамъ. Въ нихъ потеряна не только честность—зло не только побѣдило, но потерянъ стыдъ—побѣда празднуется торжественно.

Но дѣйствительно ли хотѣлъ г. Писемскій нарисовать намъ картину общества Баклановыхъ или, какъ онъ выражается, изобразить всю ложь Россіи?

Нѣтъ, умысль другой тутъ былъ. Чтобы понять, что имѣлъ въ виду г. Писемскій въ своемъ романѣ, намъ необходимо взглянуть на другую личность, выставленную на видное мѣсто въ «Взбаломученномъ морѣ», на Варегина.

Варегинъ — современникъ Бакланова, но человѣкъ совершенно другихъ свойствъ. Въ романѣ онъ изображаетъ собою *мудрость* и въ важныхъ случаяхъ является изрекать разныя правоучительныя истины. Сообразно съ этой ролью ему приданы почтенныя свойства: онъ уменъ, ученъ, благороденъ и вообще представляетъ собою лицо, въ которомъ нѣтъ лжи, а все отъ головы до пятокъ истина.

Его мы рассмотримъ подробнѣе ниже, а теперь замѣтимъ, что эта олицетворенная истина представлена единственно за тѣмъ, чтобы обличить нигилистовъ, что въ особѣ Варегина соединяются и Никита Безрыловъ и самъ г. Писемскій. Присматриваясь еще ближе, мы находимъ, что и «Взбаломученное море» написано затѣмъ, чтобы нанести окончательное пораженіе тѣмъ мальчишкамъ, которыхъ журить Варегинъ, и въ этомъ отношеніи оно оказывается переложеніемъ въ шести частяхъ пожарныхъ статей г. Мельникова. Только г. Писемскій пошелъ гораздо дальше; онъ не ограничился однимъ поползновеніемъ вышеупомянутаго публициста и К°. У тѣхъ, извѣстное дѣло, желанія скромны и цѣль только та, чтобы кому слѣдуетъ указать на кого слѣдуетъ. Конечно такая цѣль весьма правична и, по словамъ г. Писемскаго, такой образъ дѣйствій можетъ вполне быть названъ служеніемъ обществу. Вотъ какъ изъясняетъ это г. Писемскій. Онъ представляетъ намъ разговоръ между поли-

цейсшигъ и обличителемъ продѣломъ откупа. Разговоръ этотъ такого рода:

— Ну, поѣдьте и вы! сказалъ полицмейстеръ Виктору:—въ часть васъ свезу. Хотите себѣ принести матрасъ что-ли; у насъ ничего тамъ нѣтъ.

— Какъ въ часть? это...это.. говорилъ Викторъ: — это ужъ подло! возразилъ онъ наконецъ.

— А пасквили писать благородно? спросилъ его полицмейстеръ.

— Это я писалъ для пользы общества, объяснилъ Басардинъ.

А я васъ для пользы общества сажаю въ часть. Вы такъ понимаете, а я иначе!

— Это чортъ знаетъ что такое! говорилъ Басардинъ, сядя съ полицмейстеромъ на пролетки.

— Не чортъ знаетъ, а только то, что это общественная польза—вещь очень условная! объяснилъ ему полицмейстеръ.

Итакъ вотъ каково должно быть служеніе обществу, по мнѣнію г. Писемскаго. Но ему такая дѣятельность показалась черезъ-чуръ скромной. Видно, онъ дѣйствительно сильно ненавидитъ молодежь, потому что подобно, г. Страху, «желаетъ простирать свое осужденіе гораздо дальше, чѣмъ обыкновенно дѣлается и хочетъ коснуться величайшихъ вражескихъ святынь». Съ этой цѣлью онъ представляетъ намъ цѣлый рядъ нигилистовъ, надъ которыми желаетъ потѣшиться. Начинаетъ онъ аб ово. Замѣчая, что большинство нигилистовъ вышли изъ семинарій, онъ, что бы вы думали, изобрѣлъ? Читашь и глазамъ своимъ не вѣришь. Въ началѣ четвертой части онъ перечисляетъ различныя бѣдствія, удручавшія Россію передъ наступленіемъ эпохи ренессансъ. Въ числѣ этихъ бѣдствій онъ находитъ одно, о которомъ доселѣ никто не помышлялъ.

«По семинаріямъ, говорить онъ, чтобъ не отстать отъ вѣка, стали учить только-что не танцевать».

Несчастный г. Писемскій, что это вы такое сказали?! Поймите и отрегитесь! Зачѣмъ вы, злополучный авторъ «Взбаломученнаго моря», не прочитали рассказовъ Помяловскаго; для чего, прежде чѣмъ писать романъ, вы не познакомились съ какимъ нибудь нигилистомъ изъ семинаристовъ и не разузнали отъ него, что дѣлается въ семинаріяхъ?! Вы могли бы даже покривить душой, сказать, что хо-

«Ты хвалить молодежь, но во всякомъ случаѣ вы въ слѣдствіе навести справки. Зачѣмъ, стократъ вопрошаю васъ, зачѣмъ не разузнали вы хорошенько касательно семинарскаго образованія? А то вѣдь выходитъ по вашему, что семинарское начальство эпохи «нравственнаго гнета» виновато въ излишнемъ усердіи не отстать отъ вѣка? Положимъ, что вы справедливо упрекаете Бакланова и другихъ за «служеніе моднымъ идейкамъ». Но подумайте ради бога, можно ли въ ненависти къ моднымъ идейкамъ заходить до того, чтобы обвинять даже семинарское начальство въ служеніи имъ? Чему же это такому непристойному учили въ семинаріяхъ? Богословіе, философія по учебникамъ XVII вѣка, латинская грамматика, упражненія въ слогѣ: ужъ не это ли модныя идеи, которыя творять нигилистовъ? Скорблю о васъ, г. Писемскій, хотя понимаю, что именно обило васъ съ толку. Вы себѣ никакъ не можете представить, почему нигилисты большею частью воспитанники семинарій. Въ головѣ вашей происходитъ построеніе такого рода: нигилисты выходятъ изъ семинарій, слѣдовательно семинаріи — разсадники нигилизма, слѣдовательно семинарское начальство служитъ моднымъ идейкамъ и стремится не отстать отъ вѣка. Вотъ куда вы хватили съ вашей бѣдной логикой! Но вы вѣроятно сами плохо вѣрите себѣ; вы знаете, что такое семинарское начальство, и сомнѣваетесь въ вѣрности своего вывода. По крайней мѣрѣ въ другомъ мѣстѣ вы находите другое объясненіе явленія, поразившаго васъ. Вашъ Варегинъ объясняетъ дѣло такимъ образомъ:

— Онъ (Фроскритскій) человекъ недурной, продолжалъ Варегинъ, наизууривая авой большой лебъ: — но разумеется, какъ и вся изъ народа, на логическіе выводы мастеръ, а ужъ правды въ основаніи не спрашиваетъ.. Мистификаторы по самой натурѣ своей: съ пятнадцатаго столѣтія этимъ занимаются!..

— Вы думаете? спросилъ Баклановъ, играя бредоками часовъ.

— Решительно! У нихъ въ крокъ сидитъ эта способность надуть самихъ себя и другихъ разными вздоромъ.

Скорблю еще болѣе о васъ, г. Писемскій, что вы не изъ этой же породы; тогда быть можетъ и вы бы были способны на логическіе выводы, а то теперь вѣдь ужъ изъ рукъ вонъ — плохо.

Ну сами посудите, сперва вы говорили, что бѣда отъ того, что въ семинаріяхъ чуть не танцовать учили (и почему, Богъ васъ вѣдаетъ, считаете вы танцовальные уроки за пес plus ultra человеческого развращенія?), а теперь вдругъ, такъ сказать, въ глубь вѣковъ заходить, въ пятнадцатое столѣтіе отправляется отыскивать корней нигилизма. Скажите ради всего на свѣтѣ, при чемъ тутъ остаются модныя идеи и желаніе не отстать отъ вѣка, и даже самыя танцовальные уроки, если ужъ завелась издревле такая зло-вредная порода людей? Очевидно что если всѣ модныя идеи строго настрого запретить, обуздать, желаніе не отстать отъ вѣка и еслибъ даже повѣсить всѣхъ танцмейстеровъ, то зло бы не уменьшилось, потому что оно въ крови у цѣлой породы млекопитающихъ.

Указавъ корень зла, (указаніе впрочемъ бесполезное, потому что какъ же можно искоренять зло, если оно еще въ пятнадцатомъ столѣтіи засѣло?), г. Писемскій начинаетъ цѣлый рядъ грозныхъ или насмѣшливыхъ филиппикъ противъ молодого поколѣнія. Посмотримъ на эти упражненія его.

Вотъ напримѣръ надъ Проскрипскимъ, который по мнѣнію г. Писемскаго, представитель нигилизма, упражняется не самъ г. Писемскій, а раг prosecution Варегинъ.

— Что это вы такъ хлопчете? проговорилъ онъ (Проскрипскій) своимъ обычнымъ дискантомъ.

Венявинъ по своему добродушію сейчасъ же сконфузился.

— Что дѣлать, нельзя! отвѣчалъ онъ.

— Хлопчешь, какъ и всѣ порядочные люди! обратился наконецъ Баклановъ къ Проскрипскому, гордо поднимая голову.

— Вы бы ужъ лучше шли въ гусары, обратился тотъ опять къ Венявину.

— А вы думаете, что насъ и гусаровъ одно чувство одушевляетъ? перебилъ его Баклановъ.

— У тѣхъ оно естественнѣе, потому что оно чувственность, возра-
дился Проскрипскій.

— Искусствомъ актера значить наслаждаться нельзя? сказалъ Баклановъ.

— Хи, хи, хи, засмѣялся Проскрипскій. — Что же такое искусство актера? искусство сдѣлать то, что другіе дѣлаютъ, — искусство не быть самимъ собою, хи, хи, хи ..

— Въ балетъ даже и этого нѣтъ! возразилъ Баклановъ.

— Балетъ я еще люблю; въ немъ покрайней мѣрѣ еще насчетъ клубнички кое-что есть, продолжалъ насмѣхаться Проскриптъскій.

— Въ балетъ есть грація, которая живетъ въ рафаэлевскихъ Мадонахъ, въ Венерѣ Милосской, говорилъ Баклановъ и гдось его дрожало отъ гнѣва.

— Хи, хи, хи, продолжалъ Проскриптъскій. — въ риторикахъ тоже сказано, что прекрасное раздѣляется на возвышенное, граціозное, шлое и наивное.

— Ну, пошелъ! проговорилъ Баклановъ, стараясь придать себѣ тонъ пренебреженія. — А, Варегинъ! прибавилъ онъ, дружелюбно обращаясь къ вошедшему, лѣтъ двадцати пяти студенту съ солиднымъ лицомъ, съ солидной походкой и вообще всею своею фигурою внушающему какое-то почтеніе къ себѣ.

.

— Здравствуйте! здравствуйте! говорилъ между тѣмъ Варегинъ, подавая вѣдъ руку. — Здравствуйте ужъ и вы! прибавилъ онъ, обращаясь къ Проскриптъскому.

— Здравствуйте—съ! отвѣчалъ тотъ и опять постарался засмѣяться.

— Въ грацію ужъ не вѣрять! сказалъ Баклановъ, показывая Варегину головой на Проскриптъскаго.

— Во вздоръ вѣрять, а въ то что передъ глазами нѣтъ! отвѣчалъ Варегинъ, спокойно усаживаясь на стулъ.

— Что такое— вѣрять? Я не знаю, что такое вѣрять; пни въ самомъ дѣлѣ вѣра есть уповаемыхъ вещей извѣщеніе, невидимыхъ вещей обличіе! хи, хи, хи..

— Мы говоримъ про вѣру въ мысль, въ истину! подхватилъ Баклановъ.

— А что такое мысль, истина? Что сегодня истина, завтра можетъ быть пустая фраза. Вѣдь считали же люди землю плоскостью.

— Стало бытъ и Коперникъ вретъ? спросилъ Варегинъ.

— Вѣроятно.

— Но какъ же пророчествуютъ по астрономическимъ вычисленіямъ?

— Случайность.

— Случайность, вы полагаете? провознесъ протяжно Варегинъ.

— Вотъ вѣдь что досадно! зачѣмъ же вы вѣрате въ социализмъ—го, въ кисельные берега то и медовыя рѣки? говорилъ онъ (Баклановъ) Проскриптъскому.

— Э, вѣрять! разговоры только это, упражненіе въ діалектикѣ! подхватилъ Варегинъ.

— Чтожъ такое діалектика? Человѣчество до сихъ поръ только и занималось, что діалектикой, подтвердилъ Проскрипскій.

— А желѣзныя дороги тоже діалектика? спросилъ Варегинъ.

— Полезная слесарямъ и инженерамъ! Хи, хи, хи! смѣялся Проскрипскій.

— Но вѣдь, чортъ возьми, они связываютъ людей, соединяютъ ихъ, воскликнулъ Баклановъ.

— А зачѣмъ человѣчеству нужно это? Дикіе, живущіе въ степяхъ американскихъ, конечно, счастливѣе меня! возразилъ какъ бы съ наивностію Проскрипскій.

А вотъ ужъ тутъ даже Бакланова г. Писемскій уполномочиваетъ сразить представителя нигилизма.

То-то! воскликнулъ онъ (Баклановъ):—на общину надѣтесь! О, молодость неопытная и невинная.

— Община вздоръ-съ! произнесъ и помѣщикъ.

— Какъ вздоръ? сказалъ въ свою очередь Сабакъевъ, немало тоже удивленный.

— А такъ... Евпраксія Алексѣевна! продолжалъ Баклановъ, обращаясь къ жепѣ:—намъ вашъ братъ, можетъ быть, не повѣрять: скажите ему, что нашъ мужикъ ничего такъ не боится—ни медвѣдя, ни чорта, какъ мира и общины.

— Да, они всѣ желаютъ имѣть, хоть маленькую, но свою собственность, подтвердила та.

— Очень дурно, отвѣчалъ Сабакъевъ:—если нашъ народъ разлбилъ и забылъ эту форму.

— Да вѣдь эта-съ форма дикихъ племенъ, поймите вы это! кричалъ Баклановъ:—но какъ землю начали обрабатывать, какъ положень въ нее сталъ трудъ, такъ она должна сдѣлаться собственностью.

—Мы имѣемъ прекрасную форму общины, артель, наставлялъ на своемъ Сабакъевъ.

— Гм... артель, произнесъ съ улыбкою помѣщикъ:—да вы изволите-ли знать-съ, изъ кого у насъ артели состоятъ?

— Для меня это все равно! сказалъ Собакъевъ?

— Нѣтъ-съ, не все равно-съ! Артель обыкновенно состоятъ изъ отставныхъ солдатъ, безсемейныхъ мужиковъ, на дѣло, на которое физической силы ничего не требуется: на перетаскиваніе тяжестей, бѣгать коммисіонеромъ, а хлѣбопашество требуетъ-съ ума. Я напримеръ, полосу свою трудомъ и догадкой улучшилъ, а пришелъ переделъ, она отъ меня и отошла,—пріятно-ли это?

— Может быть, и неприятно, но спасает от другого зла, от пролетариата

— Да видь пролетариатъ является въ государствахъ, гдѣ народонаселеніе переросло землю, а у насъ, слава богу, родись только люди и работай!

— Мы наконецъ итѣмъ и другія артели, плотниковъ, каменщиковъ, присоединилъ, какъ бы вспомнивъ, Собакѣвъ.

— Что за чортъ! воскликнулъ, пожима плечами, Баклановъ:— да это развѣ общинное что нибудь?... Они всѣ наняты отъ подрядчика.

— У котораго они кромѣ того всегда еще въ кабакъ; хуже чѣмъ въ крѣпостномъ правѣ, присовокупилъ помѣщикъ.

— Общину нашъ народъ итѣтъ—итѣтъ и будетъ итѣтъ, сказалъ увереннымъ тономъ Собакѣвъ.

— Ваше дѣло, произнесъ помѣщикъ.

— Вѣдь вотъ что бѣситъ, говорилъ Баклановъ, выходя изъ себя (отъ болѣзни онъ сталъ очень нетерпѣливъ): — Россія рѣшительно перестраивается и управляется или вотъ этакими господа—мальчиками, или петербургскими чиновниками, которые пожалуй не знаютъ, на чѣмъ и хлебъ—то родится. ..

Помѣщикъ пріятномъ потупился, Сабакѣвъ покраснѣлъ.

Наконецъ г. Писемскій не выдержалъ и уже лично говорить о молодежи, которая, какъ видно, стала у него поперегъ горла.

— Въ наше время убѣдились, говорить ему одинъ господинъ, котораго онъ принимаетъ за нигилиста:— что глупость же хранить вѣрность, ревновать другъ друга

“И это тоже прогрессеть! восклицаетъ отъ себя г. Писемскій. Несчастная, несчастная моя родина!

“Не объ общественномъ разумѣтся служеніи, продолжаетъ онъ:— говоримъ мы здѣсь. Благословенна будь та минута, когда въ обществѣ появилось стремленіе къ нему (г. Писемскій противорѣчить собственному изображенію общества)! Но гнѣвомъ и ужасомъ исполняется наше сердце, когда мы подумаемъ, въ чѣмъ положили ли это служеніе: въ проведеніи не то—что ужъ отвлеченныхъ мыслей, а скорѣй какихъ-то предвзвѣшенныхъ мыслей. И кто наконецъ эта соль земли, избранные, пришедшіе къ общественной трапезѣ!... Остроумные пустозвоны, считающіе въ ловкой захлесткѣ рѣчи всю суть дѣла!.. Торгаши, умѣющіе безконечно пускать въ ходъ небольшой запасецъ своей душевной горечи!... Всевозможныхъ родовъ возмужалые и юные свищи, всегда готовые чѣмъ вамъ угодно наполнить свою пустоту!

Вотъ онъ, скрежетъ-то зубовой! Вотъ она ненависть-то къ молодому поколѣнію. Но увы! г. Писемскій, «ваша злоба напрасна» и безпричинна. Вы на тѣнь свою злитесь, принимая ее за нигилиста! Неужели вы думаете, что вашъ Проскрипскій, вашъ Сабакѣвъ, вашъ Галкинъ — представители нашей молодежи? Жаль мнѣ васъ, г. Писемскій; васъ грубыми и недостойными образомъ обманули. Вамъ показали жалкихъ шутовъ вашего же, т. е. баблановскаго времени, а вы не узнали, что это ваше же отраженіе. Зеркало вы приняли за картину. Лаяя, корчащаго изъ себя господина въ его отсутствіи, вы приняли за барина, и злитесь, горячитесь, выходите изъ себя. Подойдите поближе, взгляните хорошенько: это не звѣрь, а ваше же отраженіе. Самого звѣря вы не видали, да и не увидите. Разговоры, которые я нарочно выписалъ, потому что вы воображаете, что въ нихъ высказываются убѣжденія молодежи, — разговоры эти — вѣдь это верхъ глупости и невѣжества. Посмотрите хоть на тургеневскаго Базарова: онъ вамъ, быть можетъ, очень не нравится, но сравните его съ тѣми шутами гороховыми, которые у васъ на сценѣ. Не отговаривайтесь, что вы хотѣли написать псалмы на нигилистовъ и нарочно представили ихъ шутами. На это я вамъ отвѣчу, во-первыхъ, вашими же словами, т. е. словами вашего мудраго полицмейстера: «а благородно ли писать псалмы?» а во-вторыхъ, уличу васъ въ неправдѣ. Вашъ Сабакѣвъ, по вашему, умный человѣкъ и благородный. Но по мнѣнію всякаго другого, это базаровскій лакей, наслушавшійся толковъ своего барина и задающій форсу передъ равными себѣ обществомъ. Вы вѣдь взяли на себя трудъ написать современную исторію, слѣдовательно не могли выставить всѣхъ молодыхъ людей нашего времени дураками: это было бы ужъ слишкомъ забавно — всю молодежь обозвать безъ обиняковъ дураками. Вотъ вы, скрѣпя душу, и захотѣли выставить умнаго человѣка. Но увы! это вѣдь не то, что изобразить вашихъ Баблановыхъ. Баблановыхъ-то вы хорошо знаете; вы среди нихъ провели вашу жизнь и теперь живете; ваши собственные убѣжденія никогда не были выше баблановскихъ; да и откуда было вамъ взять ихъ?.. Но вы совершенно не впадать разгнѣвались на тѣхъ людей, которыхъ совсѣмъ не знаете и въ общество которыхъ вы не были приняты. Потому все ваше паталогическое, желудочное отрицаніе потрачено даромъ и пафосъ вашего произвѣденія такъ и останется циникомъ; вы взяли за дѣло, которое не про васъ писано. Оттого-то

вамъ романъ вышелъ скрежетомъ зубовнымъ; оттого-то будущій историкъ увидитъ въ немъ только доказательство страшнаго растлѣнія мысли, благодаря которому литература занимается дозорами и бранью всего молодого поколѣнія. И пришлось вамъ, ради этой брани, прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, къ которымъ два года назадъ прибѣгали ваши единомышленники, публицисты «Сѣверной Пчелы» и «Библиотеки для Чтенія», редактируемой тогда вами; вамъ пришлось говорить и о грязныхъ воротничкахъ и о рукавчикахъ дѣвущекъ, посѣщающихъ лекціи и попадающихъ куда-то; пришлось прибѣгать и къ такимъ эпизодамъ:

„ Кто это такіе поджигаютъ? спросилъ онъ (Баклановъ) у извозчика.

— Да кто ихъ знаетъ, батюшка! Эта вотъ тоже я вѣдь.. такъ молодой баривокъ... какъ вотъ ихъ?... На Васильевскомъ острову еще ученье-то имъ идетъ...

— Да, знаю! подхватилъ Баклановъ.

— Такъ тоже отъ народу-то бѣжалъ, схватить было хотѣли.

Пришлось прибѣгать ко множеству другихъ полусловъ и намековъ, столько же неблаговидныхъ, сколько бездоказательныхъ. Въдъ возвысились же вы до картины пожара, до описанія дневника Елены, возвысились же до того, что сказали о Непонуренкахъ, что сперва они мошенничали, а «теперь занимаются неменѣе благороднымъ дѣломъ: они вольнодумничаютъ и читаютъ со слезами на глазахъ Шевченко». А bon entendeur, salut! Но какъ художника, такіа выходи въполнѣ оправдываютъ васъ, потому что показываютъ какъ не преувеличено у васъ изображеніе нашего общества въ Баклановѣ, если такіа вещи могутъ являться въ литературѣ.

Теперь обратимся къ тому, что по мнѣнію г. Писемскаго хорошо и правдиво въ нашемъ обществѣ. Посмотримъ, что это за личность—вышеупомянутый, мудрый и либеральный, мировой посредникъ Варегинъ.

Варегинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ либераловъ, которые, не останавливаясь, какъ Баклановъ, на изобрѣтеніи разныхъ принциповъ, гнутъ и себя и другихъ подъ нихъ. Это наши филлистеры, которые ненавидятъ все живое, незабитое отвлеченностями. Люди, подобныя Варегину, тѣже Баклановы, только съ нѣскольکو большей энергіей, позволяющей имъ вредить и ненавидѣть, между тѣмъ какъ

истые Баклановы способны вредить только своей наивностью. Варегины—это теперешніе дѣятели, и г. Писемскій благоразумно поступаетъ, порицая и стариковъ и молодежь, и куря фиміамы Варегинимъ. «Старики подбираются», какъ говорить у него въ романѣ самъ Варегинъ. Что касается до молодежи, то самъ г. Писемскій лучше меня знаетъ и рассказываетъ, что она теперь дѣлаетъ. Желающіе узнать судьбу ея, могутъ прочесть послѣднія страницы романа. Торжествуютъ же филистеры Варегины. До чего доводятъ ихъ пресловутые принципы — это видно изъ дѣяній того же Варегина. Онъ былъ профессоромъ и, какъ самъ говорить, студенты прогнали его съ кафедръ. Онъ разумѣется выругалъ молодежь поддецами и наглецами и утверждаетъ, что пострадалъ за то, что не хотѣлъ служить моднымъ идейкамъ. Все это г. Писемскій изобразилъ весьма вѣрно: мы знаемъ, что господа, подобные Варегину, ненавидя и преслѣдуя молодежь, за всякое встрѣчаемое противодѣйствіе, раздражаются потокомъ страшныхъ ругательствъ. Только напрасно думаетъ г. Писемскій, что молодежь служить какимъ бы то ни было идеямъ и идейкамъ. Служать имъ Варегины, а молодежь старается освободиться отъ нихъ. Молодежь стала весьма практична и, видя зло, желаетъ устранить его, а невозвести въ принципъ и возить его на своей спинѣ. За это вы ее и ненавидите и прибѣгаете ко всѣмъ средствамъ, чтобы унижить ее. Но ваши усилія жалки. Молодежь права уже потому, что молода, и рано или поздно, а побѣда будетъ на ея сторонѣ, подобно тому, какъ вы побѣдили старичковъ. И посмотрите на вашихъ либераловъ, посмотрите на этого Варегина, который для васъ—идеалъ умнаго, благороднаго и энергическаго человѣка. Взгляните на него: онъ побѣдитель, онъ торжествуетъ, но Боже мой, какое это жалкое торжество! Пораженіе лучше такого торжества, потому что пораженіе еще не конецъ, оно только отсрочиваетъ полученіе желаемаго, не разбивая въ прахъ надежды. Но торжество Варегинныхъ—есть пораженіе ихъ. Посмотрите, въ какое противорѣчіе съ самими собой, съ своими собственными желаніями, съ самою жизнью, вступаютъ они. Они побѣдили, но тутъ-то и есть ихъ погибель. Ихъ принципы, подвязанные къ нимъ сзади, подавляютъ ихъ. Сравнительно съ ними, милы и привлекательны становятся старички; потому что, опять-таки говорю, тѣ дѣлали зло безсознательно, а эти дѣлаютъ его съ полнымъ сознаніемъ. Варегинъ, этотъ ученый и либеральный мужъ, является свирѣпымъ инквизиторомъ въ сравненіи даже съ

Софи. Когда у Софи въ деревнѣ крестьяне отказались служить ей и когда явился гуманный Варегинъ и послалъ за солдатами, — Софи, эта пустая, мелочная женщина, продававшая себя старому откупщику, упала на колѣни и сказала:

— Нѣтъ, мнѣ пенадо ничего; я лучше отъ всего отступлюсь.

— Да *Варегинъ не отступится*; ему это надо для общаго порядка.

Вотъ оно, это fiat justitia, pereat mundus! И вы, г. Писемскій, такъ хорошо изучившій Баклановыхъ и Варегиныхъ, вы можете утверждать, что молодежь служить моднымъ идеямъ? Опомнитесь, взгляните на ва него Варегина: чему онъ-то служить, за что онъ-то себя мучить? Во имя чего рветъ онъ себѣ волосы, чуть не плачетъ и бѣжитъ, чтобы не слышать воплей мужиковъ, которыхъ съжгутъ, и въ то же время готовится не только съжечь ихъ, а рѣзать? Во имя чего, спрашиваю васъ, дѣлаетъ онъ надъ собой эти изтязанія, какъ не во имя-сзади приштаго къ нему принципа? Въ немъ нѣтъ ничего живого, ничего человѣческаго или, лучше сказать, онъ вѣчно борется со всѣми человѣчнымъ, во имя сухихъ правды, мертвящихъ идей, филистерскихъ принциповъ. И вы, послѣ этого, зная такъ хорошо этихъ Варегиныхъ, обвиняете нашу молодежь въ какихъ-то ужасныхъ, кровожадныхъ намѣреніяхъ!

Но бодливой коровѣ Богъ рогъ не далъ, говоритъ пословица, такъ вотъ и вамъ. Есть у васъ злобныя попользовенія, есть обличительныя стремленія, но комки грязи, которыми вы швыряете въ молодое поколѣніе, попадаютъ въ ваше собственное отраженіе. Чтобы изобразить молодежь, надо самому принадлежать къ ней, не по лѣтамъ разумѣется, а по желаніямъ и образу мыслей. Г. Тургеневъ знаетъ молодежь: оттого его Базаровъ — живой чѣловѣкъ. А вамъ, г. Писемскій, могутъ удался только Баклановы и Варегины, иначе васъ всегда будутъ обманывать лакеи и шуты, корчаціе Базарова, которыхъ такъ удачно представилъ г. Тургеневъ же въ лицѣ Ситникова. Вы же Ситниковыхъ приняли за представителей всего молодого поколѣнія, и даже одного изъ нихъ сочли за умнаго и развитого челоѣка, — вотъ что значить имѣть одни попользовенія и ничего болѣе. Успокойтесь, взбаломученный романистъ, и перестаньте сниться на свою тѣнь; а если ужъ слышимъ велика ваша ненав-

вѣсть къ молодежи, то лучше поступайте противъ нея такъ, какъ поступате противъ Непопоренновъ; такую несложную задачу можно исполнить, ограничиваясь тѣми свѣденіями о молодежи, которыя вы имѣете. Писать же вамъ анналы не удобно, потому что въ вашемъ взбаломученномъ образѣ мыслей забавно перепутываются самыя противоположныя понятія: муха кажется слономъ, лужа — моремъ.

Что же касается до женщинъ, представленныхъ г. Писемскимъ, то о нихъ говорить не стоитъ. Одна изъ нихъ — камелия, другая — ханжа; о послѣдней Варесинъ говоритъ, что пока въ Россіи есть такія женщины, то еще не все пропало. Но Варесинъ это сказалъ ей въ глаза и повидному совралъ, потому что, выйдя изъ дому, изрекаетъ (онъ никогда просто не говоритъ, а изрекаетъ) изрекаетъ про себя слѣдующее:

«Одна въ Кляши умираетъ, другая въ крѣпость попала, третья со-
всѣмъ въ церковь спряталась, — а все вѣдь это наши силы и хорошія
силы.»

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что онъ считаетъ Евпраксию такой же погибшей силой, какъ и Софи. Въ этомъ я не буду оспаривать г. Писемскаго и нахожу его совершенно правымъ: къ сожалѣнію, наши женщины дѣйствительно или ханжи, или камелии, или то и другое вмѣстѣ. Но я недоумѣваю, чего желаетъ отъ нихъ г. Писемскій? Чѣмъ — хочетъ онъ, чтобы онѣ были? Тѣ немногія женщины, которыхъ къ несчастію приходится считать еще десятками, которыя желаютъ не быть ни камелиями, ни ханжами, осмѣиваются имъ за дурныя манеры и грязные воротнички; онъ недоволенъ ихъ попыткой выйдти изъ положенія камелій и кухарокъ. Какого же рода положенія желаетъ онъ для нихъ? Темно и непонятно. Но за то понятна цѣль романа и понятны поползновенія г. Писемскаго. Они же ему и къ лицу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился въ «Русскій Вѣстникъ», взбаломученный образъ мыслей обязываетъ его ненавидѣть и чернить все свѣжее, молодое и выступающее на дорогу жизни и дѣятельности. Но мнѣ, право кажется, что даже злоба-то г. Писемскаго къ нашему молодому поколѣнію — напускная, потому что изъ-за чего бы, кажется, злиться сему человѣку на людей, кото-

рыхъ онъ не знаетъ. Простительно ему по его невѣдѣнію говорить, что онъ очень хорошо знаетъ, что молодежь сердится на него за то, что онъ раскрываетъ ея болячки и бьетъ ее по чувствительному мѣсту. Въ этихъ словахъ г. Писемскій указываетъ на цѣль своего произведенія, и не знаю, что скажутъ «печатные и непечатные враги его», но я скажу, что вѣрю ему, когда онъ такъ откровенно объясняетъ намъ, что желалъ бить молодое поколѣніе. Вѣрю, но удивляюсь, съ чего явились у него такіа поползновенія? Человѣкъ былъ мирный, воспѣвалъ разныхъ губернаторовъ — прогрессистовъ, Калиновичей что-ли, и вдругъ онъ тоже желаетъ бить! Никто не можетъ вамъ въ этомъ препятствовать, но совѣтую вамъ изучить тѣхъ, кого собираетесь бить; изучите ихъ хотя по роману г. Тургенева, а то всѣ ваши удары будутъ попадать въ васъ же самихъ!

В. Забцель.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

Книги для дѣтей и для народа.

Говорятъ, что у насъ есть народная литература; многіе даже восхищаются ею, какъ восхищались заранѣе чудакъ баронъ Мюнхаузенъ, постройкой того моста, который онъ предполагалъ повѣсить на воздухѣ, соединивъ Лондонъ съ внутреннею Африкой. Вся разница между нашими чудаками и барономъ Мюнхаузеномъ — въ томъ, что первые восхищаются серьезно, а послѣдній ради потѣхи своихъ читателей. Если бы нашъ народъ на потребу своей духовной пищи, употреблялъ въ годовой пропорціи больше книжекъ, чѣмъ онъ употребляетъ кусочекъ сивухи, то и тогда мы не сказали бы, что у насъ есть народная литература. Таковой литературѣ еще не приказано быть у насъ, во-первыхъ потому, что народъ не чувствуетъ желанія учиться; онъ такъ занятъ своими вещественными нуждами, перебываясь со дня на день, что о нравственномъ усовершенствованіи ему некогда и подумать; во-вторыхъ, народъ нашъ не сочиняетъ никакихъ книжекъ, а сочиняютъ для него и за него разные господа Кушперевы, Погосскіе, Золотовы, которые пишутъ народныя книжки точно такъ, какъ швейныя машины строчать и шиваютъ панталоны и рубашки. Въ послѣднее время «Товарищество общественной пользы» испросило даже привилегію снабжать народъ литературными произведеніями своей фабрики, подобно тому, какъ фабрика Вольфа доставляетъ нашимъ родителямъ мириады дѣтскихъ книжекъ, сшиваемыхъ изъ разныхъ обрѣзковъ и обносковъ стараго хлама. Не знаю, съ какимъ наслажденіемъ вкушаются дѣтскія изданія, фабрикуемая Вольфомъ, но народныя книжки рѣшительно не читаются народомъ. Онъ даже не видитъ ихъ и не слышитъ о нихъ, отводя свою душу единственнымъ изъ эстетическихъ наслажденій — подешевѣвшей сивухой. Правда отъ сивухи у него трещитъ голова и сильно страдаетъ трудовая копѣйка, но все же онъ находитъ въ ней некоторую отраду и, благодаря спиртуознымъ парамъ, перено-

сится изъ горькой дѣйствительности въ миръ «свѣтлыхъ видѣній». Но отъ народныхъ книжекъ, еслибъ онъ только принялся за ихъ чтеніе, трещала бы у него голова, а отрады и облегченія ни на волосъ. Это я испыталъ на себѣ, перечитавъ кое-что по этому предмету для моего настоящаго листка. Между тѣмъ есть такія благословенныя страны, гдѣ народъ читаетъ книжки, гдѣ онъ знаетъ, что ученые люди спорятъ о его участи, грызутся изъ-за его значенія и благосостоянія. И онъ не только знаетъ это, но даже интересуется тѣмъ, какъ умные люди, которыхъ онъ кормитъ, рѣшаютъ его участь, какое значеніе ему приписываютъ, что хотять для него сдѣлать. Такой народъ охотно отдаетъ свой трудовой грошъ за книжку, потому что она для него не барская прихоть и не растопка для печки, а разрѣшеніе его собственной судьбы и руководство въ его житейскихъ интересахъ. Онъ читаетъ книжки не потому чтобы интересовали его вопросы о томъ, существуютъ или нѣтъ врожденныя идеи, абсолютна или нѣтъ идея справедливости и т. п., а потому что надѣется въ книжкахъ найти разъясненіе многихъ изъ своихъ сомнѣній и отвѣты на свои практическіе вопросы, словомъ для того, чтобы жилось легче на бѣломъ свѣтѣ. Въ такомъ народѣ являются и писатели, толкующіе ему не наивный вздоръ на сахарной водичкѣ, а дѣло. Они не стараются поддѣлаться подъ языкъ и понятія народа, не говорятъ, подобно г. Золотову, что народу нужно дать переходное чтеніе въ видѣ оды «Богъ», не сочиняютъ подобно тому же г. Золотову пошленькой морали къ баснямъ и не объясняютъ ему, что у волка шерсть страя, а у медвѣди короткій хвостъ. Нѣтъ, они не дѣлаютъ этого. Они говорятъ и пишутъ, не заботясь о томъ, будетъ ли читать маркизъ или блузникъ, не возвышаясь до приторнаго тона перваго и не поддѣлываясь подъ грубый языкъ втораго. Сокровищъ своихъ мыслей,клада великой идеи, выработанной ими на пользу народа, они не скрываютъ отъ него. И народъ читаетъ ихъ и знаетъ ихъ имена, ихъ желанія и стремленія. Такой народъ въ умственномъ отношеніи стоитъ выше того, что у насъ называется *почтеннѣйшей публикой*. Конечно и тамъ полезно облачать хорошія мысли въ форму, привлекательную для возможно большаго числа читателей, и поэтому я признаю большое значеніе за романами Сю и Жоржъ Зандъ. Это именно то, что можно назвать приокочиваніемъ къ чтенію, и къ чему у насъ по необходимости прибѣгаютъ относительно почтеннѣйшей публики. Если романы читаются больше, чѣмъ статьи серьезнаго содержанія, то почему же не восполь-

зоваться формой романа? Но что же подразумевать у насъ-то, говоря, что надо приохочивать народъ къ чтенію?

У насъ, читатель, какъ вы сами знаете, порядки совсѣмъ иные, чѣмъ тамъ, на глетворномъ западѣ. Справедливо сказано почвенниками, что народъ нашъ чуждъ пагубнаго вліянія западной цивилизаціи. У насъ есть кучка людей, съ жаромъ толкующая о великихъ, правда, вопросахъ, но совершенно постороннихъ имъ. Толкуютъ они о реализмѣ и идеализмѣ, объ эксплуатаціи и свободномъ трудѣ, о конституціонализмѣ и демократизмѣ, о національномъ единствѣ и федерализмѣ и мало ли о чемъ еще толкуютъ, какъ будто это ихъ дѣло, а не сосѣдское, какъ будто это ихъ дѣло, а не прохожихъ. И это дѣйствительно ихъ дѣло и ихъ касается. Они съ дѣтства жили этими вопросами; эти вопросы волновали ихъ и затрогивали за живое; имъ дороги были человѣческіе интересы, результаты человѣческаго ума и труда. Забывшая географію, они помнили только, что человѣчество занято рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, что отъ него зависитъ судьба будущаго. Подъ челоуѣчествомъ они здѣсь понимали образованныя націи, къ которымъ принадлежали по всему, исключая географическихъ условій. Можно ли порицать этихъ людей, что, посмотрѣвъ наконецъ въ географію, они не разорвали всякую связь со своимъ интеллектуальнымъ міромъ, не бросили всего, что имъ дорого, что имъ даже необходимо, и не обратились къ самовару и изображеніямъ четырехугольных носовъ. Можно ли порицать ихъ за то, что они не отказались отъ своихъ знаній, и лучшихъ надеждъ, и не обратились къ родимому невѣжеству, мраку и туупоумію. Они не могли этого сдѣлать. Исторія поставила ихъ въ невыгодное положеніе, и волей неволей они должны были оставаться въ немъ, потому что выхода не было. Но такое положеніе нестерпимо. Что же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть ужаснѣе такого положенія. Чувствовать въ груди благороднѣйшія желанія и порывы, строить возвышеннѣйшіе планы, мечтать о полезной дѣятельности и въ то же время знать, что все, что ни дѣлаешь, подобно толченію воды въ ступѣ. Нѣтъ, ничего нельзя выдумать хуже такого положенія. Поэтому-то такъ мало было людей между нами, которые видѣли бы весь ужасъ своего положенія. Остальные или мирились съ нимъ, или представляли себѣ все въ розовомъ цвѣтѣ, выдумывали небывалыя и невозможныя надежды, и опять-таки мирились. А почтеннѣйшая публика, въ глазахъ которой все это происходило, слушала и хлопала ушами. Читала же все больше на сонъ грядущій или отъ зѣвоты. Впрочемъ въ этомъ случаѣ исторія эво

номна: труды и неприятности образованных людей не пропадают даромъ; зрѣлище ихъ имѣеть то же значеніе, какое имѣли костры еретиковъ для реформаціи. Труженики и страдалцы, которые на первый взглядъ могутъ показаться жалкими бѣлками въ колесѣ, въ сущности не воду толкутъ, а дѣлають то самое дѣло, которое хотять дѣлать, съ тою только разницею, что не видяють жатвы, выросшей на воздѣланныхъ ими нивахъ. Я не полагаю, что сомнѣніе въ непогрѣшимости папы со стороны какого нибудь господина могло имѣть вліяніе на успѣхъ реформаціи; но думаю, что костеръ его имѣлъ это вліяніе.

Собираюсь говорить о книжкахъ, написанныхъ будто бы для народа, мы беремъ за это дѣло не потому, чтобы придавали ему особенное значеніе, а такъ для курьезу, для того, чтобы видѣть тѣ поддонки, на которыхъ плавають сыворотка г. Аксакова съ компаніей. При взглядѣ на эту темную литературу, одно обстоятельство поражаетъ болѣзненно: какъ можно засорить свю голову до такой степени, чтобы читать подобныя книжки, и какъ можно развратить свои умственные способности до того, чтобы сочинять ихъ въ такомъ видѣ?

Возьмемъ изданія Товарищества общественной пользы. Вотъ на примѣръ, книжечка подъ заглавіемъ «Духовныя стихотворенія» съ изображеніемъ царя Давида на оберткѣ. Духовныя эти стихотворенія выбраны г. Золотозымъ изъ сочиненій разныхъ допотопныхъ русскихъ пѣтъ, изъ коихъ самый юный Ф. Глинка Разушѣется, становившися въ тупикъ, вида, что въ книжечкѣ помѣщены стихотворенія въ родѣ «Подражаніе Іову,» ода «Богъ», «На разбитіе египтянь» и т. п., которыя не только крестьянину, но и образованному челоуку непонятны. Меня на примѣръ хоть убейте, а я не пойму, что выражають слѣдующіе стихи:

Ахъ! жертвы бѣ восхотѣлъ коль ты какія,
Привнесъ бы я давно;
Но не пріемлешь ты мольбы вняа,
Вздыханье какъ одно:
Храмъ Богу — сердце сокрушенно,
Смиранный духъ—алтарь.

Или эти:

. . . . — Но жизнь я ощущаю,
Насытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда парнемъ въ высоты.

Или вотъ такіе:

Частица цѣлой я вселенной
Поставлень, мнитъя мнѣ, въ почтеннѣй

Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончили тварей ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ ты духовъ небесныхъ,
И цѣль существъ связалъ всѣхъ мной.

Я столбѣнью отъ изумленія и обращаюсь къ предисловію г. Золотова въ надеждѣ, что онъ объяснитъ, почему онъ полагаетъ, будто народу нужно подносить такіе стихи, въ которыхъ даже грамматическаго смысла нѣтъ, даже между двумя точками предложенія не выходить. Вообразите же мое изумленіе, когда я слышу отъ Золотова такой отвѣтъ:

„Для грамотныхъ изъ простолюдиновъ и теперь главнымъ чтеньемъ служатъ книги духовнаго содержанія. потому что онъ по своему содержанію *соприкосновенныя души ихъ*“.

И потомъ далѣе:

“Слѣдовательно имъ нужно дать *переходное чтеніе* и по языку и по содержанію: *съ этою-то цѣлью и издается это собраніе духовныхъ стихотвореній*“.

Какъ вамъ это покажется? Ода «Богъ»—переходное чтеніе! Чтоже послѣ этого не переходное? Вѣроятно г. Золотову извѣстно, чтобы понять эту оду надо окончить полный курсъ въ семинаріи, и тогда кое-какъ доберешься до этимологическаго смысла, а онъ называетъ это *переходнымъ чтеніемъ*. Не стоите ли вы, г. Золотовъ, за приохочиваніе народа къ чтенію, и не считаете ли вы чтеніе Державина и Мерзлякова, которое можно уподобить только втаскиванію на гору семипудовыхъ кулей, средствомъ приохотить, или переходныхъ занятій отъ тасканія скулей къ чтенію? Но г. Золотовъ, какъ видно, сильно стоитъ за свое переходное чтеніе, потому что даже самъ написалъ въ свою книжку стихотвореніе, которое и помѣстилъ рядомъ съ произведеніемъ какого то Попугарскаго, произведеніемъ только тѣмъ и замѣчательнымъ, что авторъ его называется Попугарскій. Въ концѣ книжки помѣщены краткія біографіи сочинителей. При этомъ, опять таки вѣроятно въ виду переходнаго чтенія, эти біографіи нѣсколько похожи на житія святыхъ. Такъ о Державинѣ разсказывается слѣдующее:

„...онъ сочинялъ эту оду («Богъ») нѣсколько дней сряду; но послѣдняя строка никакъ не удавалась; измученный онъ легъ въ постель уже за полночь и едва только заснулъ, какъ увидѣлъ во снѣ, что необычайный свѣтъ озаряетъ его, онъ проснулся, но и наяву ему казалось, что вокругъ стѣнъ летаетъ свѣтъ... Потоки слезъ полились изъ глазъ его; онъ, *вскочилъ съ постели, зажгъ свѣчу (?)* и написалъ послѣднюю строфу.“

Откуда взялъ такіа чудеса г. Золотовъ? Ужъ не вычиталъ ли онъ нѣ въ какомъ нибудь сказаніи о пучеглазой дѣвкѣ?

А вотъ еще книжечка того же плодовитаго автора «басни, избранныя изъ Хемницера и Крылова съ примѣненіемъ смысла каждой басни къ быту простаго народа и описаніемъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ басняхъ.» Къ сожалѣнію эту книжечку г. Золотовъ не снабдилъ изъясненіемъ, какую пользу онъ отъ нея предвидѣть, такъ что неизвѣстно, переходное ли это или вѣчное чтеніе. Впрочемъ предисловіе есть, но въ немъ г. Золотовъ обращается къ *новограмотнымъ* мужикамъ. Что это за слово *новограмотный*? Судя по его неграмотности, надо думать, что есть еще *старограмотные*, - которые не то, что *новограмотные* г. Золотова. Книжка эта изобилуетъ также разными многонародными словами, которыми напр: отличаются произведенія г. Кушнерева. Нельзя ничего выдумать противѣе такого языка. Онъ производитъ точно такое впечатлѣніе, какое балаганы — на масляницѣ. Выходить господинъ, немолодой, почтенной наружности, повидимому *paterfamilias* и вдругъ начинаетъ на потѣху публики отпалывать такіе штуки, какъ будто ему девять лѣтъ отроду. Зрителю отъ этой сцены дѣлается весьма гадко; но тутъ по крайней мѣрѣ мысль о томъ, что этотъ старикъ ломается изъ за куска хлѣба для дѣтей, возбуждаетъ не омерзѣніе, а жалость. Кривляніе же господъ, подобныхъ Кушнереву, производитъ тошноту. Въ этомъ отношеніи книжки, издаваемые для народа, необыкновенно похожи на книжки для дѣтей. Та же ватавугая, поддѣльная наивность, то же желаніе передразнивать мало развитыхъ людей, съ полнымъ убѣжденіемъ, что съ этими жалкими существами г. Кушнереву или г. Золотову своимъ языкомъ говорить не приличествуетъ.

Мораль къ баснямъ Крылова г. Золотовъ придѣлываетъ совершенно своеобразную, такую, о которой Крылову и не снилось. Это, видите ли, онъ къ крестьянскому быту изволитъ примѣняться. Такъ изъ басни «Смерть» *новограмотные* должны усмотрѣть, что въ ней мужикъ обозначаетъ батрака, а смерть хозяина. Батракъ будтобы недоволенъ хозяиномъ, который хочетъ прогнать его. Тогда батракъ раскаивается. Мораль же морали здѣсь та, что *новограмотнымъ* не надо попустому языка чесать, а жить, какъ живется, да еще Господа благодарить. Съ аппетитомъ изъясняетъ также г. Золотовъ, какимъ образомъ благоразумные слоны иногда прихватываютъ крикуновъ мосекъ, такъ что послѣдніе ужъ не лають, а визжатъ, Это ужъ собственное г. Золотова дополненіе къ баснѣ Крылова. Но для нравственности не мѣшаетъ и прибавить кое-что.

Вотъ тоже экономическіе совѣты взялся г. Золотовъ подавать *но-*

ограмотнымъ. Но тутъ ужъ дѣло оказывается, что самъ-то г. Золотовъ если не ново то малоррамотный. Конечно его книжки для него же и написаны. Но вѣдь онъ имѣетъ претензію просвѣщать мужиковъ; слѣдовательно ему невозможно поддерживать авторитетомъ своей грамотности вредный предразсудокъ, что кроты чредны въ полевоиъ хозяйствѣ, гдѣ, какъ извѣстно, они очень полезны и ихъ слѣдовало бы разводить.

Еще и опять г. Золотовъ! На этотъ разъ онъ является съ книжкой, имѣющей уже прямо въ виду умственное развитіе новограмотныхъ. По крайней мѣрѣ я не умѣю иначе растолковать слѣдующаго заглавія: «Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи». Правду сказать заглавіе это такъ безтолково, что ничего не выражаетъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, значить *упражненіе въ умственномъ развитіи*? Какъ это такъ *упражняться* въ умственномъ развитіи? Но я уже нѣсколько привыкъ къ выраженіямъ, свойственнымъ г. Золотову и его братіи и знаю, что это такое обозначаетъ. Посмотришь же, какимъ образомъ г. Золотовъ упражняетъ новограмотныхъ въ умственномъ развитіи.

«Господь Богъ, говоритъ онъ, создалъ насъ на постоянный трудъ. и кто бы ты ни былъ—крестьянинъ, купецъ, мѣщанинъ, дворянинъ или князь, а все надо работать. Селянину Господь Богъ указалъ землю обрабатывать и доставать отъ нея разные продукты: хлѣбъ, пеньку, овощи и пр., ремесленнику назначилъ обрабатывать то, что земледѣлецъ досталъ; солдату—быть защитой землевладельцевъ, православія, престола царскаго и всего государства; купцу — торговать разнымъ товаромъ, *чтобы онъ у селянина или у ремесленника не залежался* (это особенно хорошо!); дворянину еще болѣе заботъ въ жизни: съ молодю онъ долженъ многому учиться, чтобы потомъ исправно служить отечеству, быть надежнымъ и вѣрнымъ помощникомъ царю-государю; духовные отцы научаютъ закону Божию и молятся о спасеніи душъ на шихъ. Такъ, значить, нѣтъ такого сословія людей, что могли бы жизни проводить ничего не дѣлая, а если и есть (логика-то, только слушайте, да изумляйтесь), то Богъ съ нами, она тоже между людьми, что трутви въ ульѣ пчель.»

Наговоривъ цѣлый коробъ такой экономической нескладицы, г. Золотовъ начинаетъ приставать къ селянамъ съ слѣдующими вопросами: «какая главная мысль этой статьи?» — «Что такое постоянный продуктъ?» и т. д. Не знаю, г. Золотовъ, что вамъ отвѣтать новограмотные селяне, но на первый вашъ вопросъ, я вамъ скажу, что мысли въ этой

статье нѣтъ никакой, а есть только какая-то благонамѣренная пародія на мысль.

Впрочемъ г. Золотовъ позаботился заранѣе о томъ, чтобы не получить отъ вопрошаемаго какого нибудь непріятнаго отвѣта. Черезъ нѣсколько страницъ новогрмотные могутъ прочесть и зазубрить отвѣты, которые приличествуетъ давать благонамѣренному мужику. Въ этихъ отвѣтахъ разъясняется между прочимъ, что главная мысль та, что всякій долженъ трудиться, къ какому бы сословію людей ни принадлежалъ. Разницы же между крестьяниномъ, замедлѣльцемъ, поселникомъ и селяниномъ къ сожалѣнію не показано, и г. Золотовъ предоставляет остроумію новогрмотныхъ найти ее. Далѣе изъясняется, что постоянный трудъ значитъ ежедневный, и что следовательно надо трудится ежедневно.

Г. Золотовъ, вспомните, кому это вы говорите! Навѣрное вы думаете, что поученія ваши дойдутъ до поселянъ. Для чего же вы толкуете имъ о *домѣ* трудиться? Или вы полагаете, что о.м. недовольно трудятся? Или вы думаете, что трудъ имъ будетъ легче, если вы имъ объясните, что и князья, дворяне и духовные отцы трудятся? Или вы находите, что имъ надо внушить прелесть труда для труда? Вѣдь они и безъ того чуть не 24 часа въ сутки работаютъ. Что же вы надѣ душой-то у нихъ встали, да приговариваете, что всякій долженъ трудиться. Они и безъ васъ знаютъ, что должны трудиться, чтобъ не умереть съ голоду. Но душа г. Золотова должна быть такъ невинна и чиста, что онъ, вѣроятно, воображаетъ, что отъ его толковъ о прелести труда для труда, трудъ этотъ сдѣлается привлекательнымъ для новогрмотныхъ крестьянъ. Пріятно встрѣтить такое невинное сердце въ такой практической вѣкъ. Утѣшительное явленіе вы, г. Золотовъ, — просто удивляюсь вамъ. Теперь я понимаю, какимъ образомъ вы хотите *упражнять народъ въ развитіи*. То вы споете вашимъ новогрмотнымъ пѣсенку Кольцова, гдѣ находится стихъ:

Весело на пашнѣ!

то стихи Ф. Глинки продекламируете, которые оканчиваются словами

„Дѣти, живите съ трудомъ, и не будетъ опасна вамъ бѣдность“;

то сами придумаете рассказъ, гдѣ назидательно объясните, что у богача, коему всѣ завидовали, была на груди неизлечимая рана. Такъ, понимаю васъ, вы хотите внушить вашимъ аркадскимъ пастушкамъ то, что Штольцъ внушалъ Обломову, вы хотите показать имъ, что не въ деньгахъ счастье, вы хотите, чтобы они,

трудясь въ полѣ, восхищались картиной восходящаго солнца и въ этомъ эстетическомъ наслажденіи находили вознагражденіе за свой трудъ. Но вы забываете только то, что ваши слова бесполезны. Если бъ даже народъ не повѣрилъ вамъ, что раны на груди бываютъ только у богачей, если бъ сознаніе долга трудиться даже не помогло бы ему пахать и тащить бичевой барку, если бъ даже сердце его осталось глухо къ красотамъ природы—то и тогда, невиннѣйшій г. Золотовъ, вамъ бы не о чемъ было заботиться. Повѣрьте мнѣ, далеко еще то время, когда ваши новограмотные усумнятся въ роковой необходимости трудиться цѣлый день и кормить насъ съ вами, внушающихъ имъ прелесть труда для труда; повѣрьте, что они еще долго, очень долго не будутъ трутнями, и этимъ дадутъ намъ полную возможность остаться паразитами. Поэтому успокойтесь, г. Золотовъ, и перестаньте толковать о необходимости труда людямъ, на счетъ которыхъ живете и вы, и я и всѣ исчисленные вами, за исключеніемъ тѣхъ, къ которымъ относятся ваши слова.

Таковы, читатель, просвѣтители нашего народа. Конечно, я очень хорошо знаю, что, не говоря уже о привилегіи, и безъ нея многія условія вредно вліяютъ на все, что пишется съ цѣлью просвѣтить народъ. Я согласенъ, что тутъ необходимо соблюдать нѣкоторыя приличія, безъ которыхъ въ другихъ случаяхъ можно бы было обойтись. Но посудите же, г. Золотовъ, и всѣ подобныя вамъ, неужели же чтонибудь внѣшнее можетъ заставить васъ писать совершенную чужь. Если нельзя говорить дѣло, то можно по крайней мѣрѣ избѣгать пошлости и нелѣпости.

Разумѣется, благонамѣренность вещь хорошая и безъ нея въ народныхъ книжкахъ обойтись нельзя, но всему же должна быть и мѣра. А то вѣдь вы ужъ право хватаете черезъ край. Взгляните напримѣръ хотя бы на «Хрестоматію для простолюдиновъ», составленную Г. П. А—ъ и изданную привилегированнымъ «Товариществомъ общественной пользы». Посмотрите хотя на оглавленіе этой злокачественной книги, и вы увидите, что предлагается народу изъ сочиненій Гоголя, одного изъ лучшихъ нашихъ писателей.

Точно таже исторія и съ г. Салтыковымъ. Изъ всѣхъ его произведеній составитель «Хрестоматіи для простолюдиновъ» счелъ достойнымъ украсить свой сборникъ только однимъ отрывкомъ, который, подобно отрывкамъ изъ Гоголя, относится къ прочимъ его произведеніямъ, какъ чернильное пятно къ письму, на которомъ находится.

И здѣсь тоже многія статьи, какъ напричѣтъ: «недолговѣчность земного», «о терпѣннѣи», «кто истинно добрый и счастливый человекъ» и т. п. клонятся къ доказательству тщеты всѣхъ благъ земныхъ. Другія, какъ то: «Московский кремль при лунномъ свѣтѣ», «Человѣколюбіе» и т. п. похожи на семинарскія упражненія въ слога. Вообще «Хрестоматія для престолюдиновъ» представляетъ собой сбродъ самой жалкой чепухи, какая когда либо заходила въ человѣческій мозгъ. Разумѣется, если бь предвидѣлась возможность, что хотя десять престолюдиновъ прочтутъ эту хрестоматію, то она возбуждала бы самое непріятное чувство; но такъ какъ ей суждено сдѣлаться настольной книгой Виктора Ипатьевича Асоченскаго, не болѣе, то я совершенно примирюсь съ ней и смотрю на этотъ сбродъ уже не съ отвращеніемъ, а съ любопытствомъ. Статьи, помѣщенные въ ней, безобразіемъ своимъ дѣйствительно превосходятъ все доселѣ писанное, не исключая даже тѣхъ произведеній, о которыхъ я буду говорить ниже. Я не привожу отдѣльныхъ цитатъ, потому что вся книга служить подтвержденіемъ моихъ словъ.

По этимъ образчикамъ можно судить о свойствѣ книгъ, издаваемыхъ для народа. Всѣ онѣ отличаются тѣми же самыми недостатками и имѣютъ то общее, неоцѣненное достоинство, что народъ не читаетъ ихъ. На поприщѣ народнаго образованія, кромѣ гг. Золотова и Кушнерева, подвизается еще нѣкто г. Н. Ушаковъ. Онъ между прочимъ составилъ «Краткую русскую исторію». Дѣйствительно штуку онъ показалъ необыкновенную: представьте себѣ, что на одномъ печатномъ листѣ онъ ухитрился помѣстить всѣхъ Ярополковъ, Мстиславовъ и Владиміровъ съ обозначеніемъ годовъ княженія и важнѣйшихъ событій и даже присочинить факты вовсе не бывалые, какъ напричѣтъ смерть Мамаю въ куликовскомъ сраженіи. Нечего и говорить, что, какъ въ отношеніи слога, такъ и взгляда, это не болѣе какъ извлеченіе изъ самаго краткаго учебника Устрялова. И къ чему все это написано, Господь вѣдаетъ. Любопытно представить себѣ крестьянскаго мальчика, зазубривающаго, что Великій Князь Василій Ивановичъ царствовалъ отъ 1505 до 1533 года, или что при Петрѣ I подвизался на поприщѣ государственной службы графъ Брюсъ.

Но если правда, что всѣ эти книги народомъ не читаются, и премудрость, изложенная въ нихъ, ему не передается, то спрашивается, кто же читаетъ эти книжки и на какое употребленіе идутъ онѣ? А что онѣ расходятся—это не подлежитъ сомнѣнію. Не говоря уже о

томъ, что напримѣръ «Упражненія въ чтеніи и умственномъ развитіи» вышли седьмымъ изданіемъ, самая привилегія, взятая «Товариществомъ общественной пользы» показываетъ, что книги эти дѣйствительно раскупаются. Хотя въ предисловіи въ «Хрестоматіи для простолюдиновъ» Товарищество краснорѣчиво разъясняетъ, что издаетъ книги ради пользы народа, а не изъ корысти, но мнѣ кажется, что оно не прочь соединить *utile dulci*, потому что въ противномъ случаѣ зачѣмъ брать привилегію. Что такое за привилегія? Что оно изобрѣло что-ли народное образованіе, какъ изобрѣтаютъ машину какую нибудь или лекарство отъ вѣснушекъ? Нѣтъ, какъ угодно, а привилегія помимо всякихъ другихъ соображеній, убѣждаетъ меня, что изданія «Товарищества общественной пользы» находятъ покупателей. По нѣкоторомъ размышленіи я убѣждаюсь, что изъ по всей вѣроятности покупаютъ чадолюбивые родители для своихъ дѣтей. Конечно такое чтеніе можетъ вредно подѣйствовать на умственныя способности бѣдныхъ дѣтей, но за это особенно негодовать на эти книжки нечего. Оуѣ нѣсколько не хуже всего прочаго, изготовляемаго для дѣтей и вліяніе ихъ въ этомъ отношеніи не вреднѣе, потому что выдумать что нибудь хуже того, что у насъ издается «для дѣтскаго возраста», какъ выражаются издатели, невозможно. Въ этомъ насъ могутъ убѣдить примѣры. Возьмемъ нѣсколько дѣтскихъ книжекъ и посмотримъ, что въ нихъ толкуется. Вотъ напримѣръ «Цвѣтничекъ для дѣтей или коротенькіе нравственные рассказы, приспособленные къ практическому воспитанію дѣтей», составленные г. К. Модестовымъ, который относительно дѣтскихъ книжекъ занимаетъ такое же видное мѣсто, какъ г. Золотовъ относительно изданій для народа, то есть безпрепятственно является въ свѣтъ съ новымъ кривляніемъ, которое по его мнѣнію приспособлено къ практическому воспитанію дѣтей. Я ужъ въ прошлой библиографіи высказалъ мое мнѣніе касательно тѣхъ кривляній, къ которымъ взрослые люди считаютъ нужнымъ прибѣгать для разуменія дѣтей. Теперь взгляды на дѣтскія книжки даетъ мнѣ случай представить примѣры того, до какой уродливости могутъ дойти эти кривлянія. Такъ въ «Цвѣтничекѣ» обыкновеннымъ пошло-наивнымъ тономъ, употребляющимся въ дѣтскихъ книжкахъ, рассказываются разныя назидательныя исторіи, ииѣющія въ виду внушить дѣтямъ разныя добродѣтели, какъ-то скромности, аккуратности, осторожности, бережливости, прилежаніе, терпѣніе и тому подобное, и отучить ихъ отъ пороковъ шаловливости, нескромности, жадности, лѣности, расточительности и проч. При-

этомъ дѣтямъ за добродѣтель всегда обѣщается награда, а за пороки наказаніе. Наказанія бывають разнообразныя, въ томъ числѣ одини изъ дѣйствительнѣйшихъ считается розга. Такъ добрый сосѣдъ высѣкъ маленькаго Нестора за намѣреніе украсть персикъ изъ его сада, а маленькаго Наума, нежелавшаго воровать, вознаградила коробкой этихъ персиковъ.

Мораль: не воруйте, милые дѣти! станете воровать — высѣкутъ, а не уворуете, то получите въ награду то, что желаете. Преподается также дѣтямъ великая истина, тщательно внушаемая г. Золотовымъ крестьянамъ, что счастье не въ богатствѣ, а въ бѣдности и въ трудѣ. Посмотрите, милыя дѣти, какъ счастливы эти добрые поселяне, окончившіе свой трудъ и легшіе спать, подложивъ подъ голову снопы и старающіеся поскорѣ заснуть, чтобъ поранѣе привнаться завтра за работу. Дѣти благородныхъ родителей внимають такимъ поученіямъ, которыя со временемъ сдѣлають ихъ горячими пркверженцами и защитниками существующаго экономическаго порядка. Нищету и голодъ имъ съ дѣтства изображаютъ въ видѣ аркадской идиалліи и не мудрено, что выросши въ такихъ понятіяхъ, они со временемъ сдѣлаются нищими не только духомъ, но и тѣломъ. Вѣдь доходятъ же люди до такого состоянія, что пишутъ книги, въ которыхъ богатство изображается чуть не несчастіемъ. Вѣдь Марія Терезія не была въ принадлежкѣ сѣумасествія, когда спрашивала, отчего голодающіе нищіе не ѣдятъ корку паштетовъ. Нисколько: она была въ полномъ разсудкѣ, но воспитаніе сдѣлало ее совершенно неспособной понимать положеніе людей, неимѣющихъ нѣсколькихъ тысячъ дохода. Ей съ дѣтства твердили разные гофъ-поэты и камергеры съ буколическими наклонностями, что есть сортъ людей, который довольствуется малымъ, но тѣмъ не менше блаженствуетъ подъ опекой ея папеньки. Конечно эти люди не имѣють камергерскихъ ключей сзади и не ѣздятъ въ каретахъ, но за то они такъ счастливы, такъ веселы, такъ здоровы. И вдругъ она слышитъ, что у нихъ нѣтъ хлѣба. Конечно для нихъ это лишеніе, думаетъ она, но въ такомъ случаѣ, почему не ѣдятъ они паштетныхъ корокъ. Оно хотя и не такъ вкусно, особенно съ свѣжимъ молокомъ или жирнымъ кускомъ мяса, которымъ наслаждаются эти люди въ своихъ чистыхъ, небогато, но со вкусомъ убранныхъ хижинахъ, или подъ тѣнью дровесъ, но въ крайности можно ѣсть: все же лучше, чѣмъ съ голоду умирать. До такого наивнаго невѣденія могутъ доходить только воспитанницы камергеровъ съ буколическими наклонностями и гофъ-поэ-

товъ. Но и господа, подобные г. В. Модестову, способны также довести до плачевнаго умственнаго состоянія дитя, читающее ихъ книжки. Разумѣется, дѣти благородныхъ родителей, которымъ послѣдніе дарятъ въ праздники эти книжки, не дойдутъ до положенія Маріи Терезіи, потому что ближе могутъ видѣть дѣйствительность, чѣмъ она. Но вѣдь въ этомъ только и спасеніе ихъ, иначе чтожь бы было?

Впрочемъ книжка г. Модестова еще лучше другихъ. По крайней мѣрѣ авторъ оказывается человѣкомъ кроткимъ: бѣдствія, которыми онъ грозитъ дѣтямъ, неслѣдующимъ правиламъ преподаваемой имъ добродѣтели, не превосходятъ розогъ, и даже обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что порочное дитя не получаетъ подарка. Есть даже примѣры исцѣленія отъ пороковъ. Такъ маленькій Спиридонъ исцѣлился отъ шалостей тѣмъ, что сестра выучила его разнымъ молитвамъ, которыя онъ долженъ былъ повторять утромъ и вечеромъ. Напротивъ того, г. Дьяконовъ напримѣръ, авторъ «Нравоучительныхъ повѣстей и разказовъ для милыхъ дѣтей» обнаруживаетъ удивительную свирѣпость и грозитъ порочнымъ дѣтямъ величайшими бѣдствіями. Начинаетъ онъ свою книжку слѣдующимъ обращеніемъ къ «милымъ дѣтямъ»:

„Знайте, что у каждаго изъ васъ есть свой ангель хранитель, и потому старайтесь всѣми силами и помышленіями вашими угождать ему, потому что онъ всегда неразлученъ съ вами. Онъ учитъ васъ дѣлать добро и указываетъ путь истинный, между тѣмъ какъ демонъ всѣми силами старается совратить васъ съ того пути“.

Эти истины подкрѣплены картинкой, гдѣ изображена дѣвица, которую одна фигура тянетъ за шиворотъ, а другая за руку. Вдали виднѣются какіе-то музыканты, а можетъ и черти, разобрать трудно, изображающіе вѣроятно стезю порока. Дѣтей, идущихъ этой стезей, ожидаютъ самыя страшныя наказанія; вотъ напримѣръ Ваня, «сынъ благородныхъ отцовъ, коего почтенный родитель въ потѣ лица добывалъ себѣ хлѣбъ, по цѣлымъ днямъ просиживая въ своемъ кабинетѣ, придумывая разныя средства, чтобъ нажить деньги и образовать сына», что подтверждается снова картинкою, изображающею почтеннаго родителя, болѣе впрочемъ похожаго на почтенную родительницу. Ваню лѣньность довела до того, что онъ сдѣлался разбойникомъ и былъ повѣшенъ. Послѣ этого не остается никакого сомнѣнія, что всѣ дѣти, которымъ прочтутъ книжку г. Дьяконова, будутъ прилежны; ибо кому пріятно быть повѣшеннымъ? Судьба, постигшая другого лѣниваго ребенка, Оленьку, хотя и была нѣсколько лучше, но все-таки незавидна.

Вообразите себя, милые дѣти! лѣньность довела ее до того, что «она влюбилась въ жеватого мужчину, жившаго по сосѣдству,» стала отказывать всѣмъ женихамъ и состаривалась въ дѣвницахъ. Володю же, который былъ также лѣньнъ и сверхъ того любилъ удовольствія и театры, причесть

«и въ всѣхъ мѣся, видѣнныхъ пшъ, больше всѣхъ занимала его одна, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ Турціи, и на сценѣ совершается убійство султана»,

все это довело Володю до того, что онъ сдѣлался бродягой и нищимъ. Любопытно знать, что бы было съ несчастнымъ Володей, еслибъ онъ любилъ преимущественно пѣсы, гдѣ султановъ не убиваютъ, а представляютъ великодушнѣйшими отцами отечества.

Если г. Дьяконовъ умѣетъ карать пороки, то онъ за то щедрою рукою раздаетъ награды за добродѣтели. Андрияшъ былъ мальчикъ кроткій, послушный и вообще благонамѣренный. Выросши, онъ сохранилъ эти качества, что и обнаружилъ слѣдующимъ образомъ.

«Однажды на балу, сидя рядомъ съ своею сестрою посреди многолюднаго общества, онъ замѣтилъ передъ собою одного почтеннаго старичка, который рѣшительно всѣмъ кланялся, особливо людямъ, имѣвшимъ передъ нимъ преимущество.

— Какой почтительный старикъ! сказалъ Андрюша своей сестрѣ, смотря на этого почтеннаго человѣка, который униженно кланялся генералу и тотъ протягивалъ ему руку.

— Вотъ какимъ должно быть всегда! продолжалъ Андрюша:— послѣдую же я этому примѣру. Гордость ни къ чему не ведетъ, она иногда вредитъ умному человѣку.

Вотъ какія мысли занимали всегда Андрюшу, который былъ утѣшеніемъ своему отцу.

Всегда скромный, разсудительный, онъ съ ревностію продолжалъ свою службу, и чинами перегналъ своихъ товарищей».

Кланяйтесь, кланяйтесь униженно, милые дѣти, ибо черезъ это достигнете большихъ чиновъ и перегоните своихъ товарищей. Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что до сихъ поръ, не смотря на многія, весьма дѣльные разсужденія о педагогикѣ и цюстоимое глумленіе надъ подобными книжками, телячья скромность, низкопоклонство, самоуниженіе, чуть не шпионство и всякія другія подлости суть идеалы, къ которымъ, по совѣтамъ разныхъ гг. Дьяконовыхъ, Модестовыхъ и комп., должны стремиться дѣти. Правоучительные разсказы въ родѣ приведенныхъ мною весьма хорошо осѣяны въ двухъ карриатурахъ, помѣщенныхъ въ «Дѣтскомъ кружкѣ» и-и-и Фесъ.

Въ предисловіи г-жа Фось говоритъ, что старалась въ своей книжкѣ показать примѣръ того, какъ могутъ быть примѣнены на практикѣ тѣ правила воспитанія, которыхъ теоретическія основанія высказываются въ періодическихъ изданіяхъ послѣднихъ годовъ. Далѣе въ этомъ же предисловіи она объявляетъ себя противъ розогъ и другихъ подобныхъ исправительныхъ мѣръ. Наконецъ книжка ея, которая собственно есть хрестоматія, заключаетъ въ себѣ нѣсколько дѣльныхъ вещей, какъ напримѣръ стихотвореніе Никитина «Ночлегъ въ деревнѣ», статью «Маленькіе рассказы о вещахъ обыкновенныхъ» и карикатуры, о которыхъ я говорилъ.

Карикатуры эти на дѣтскія книжки, помѣщенные въ дѣтской же книжкѣ, показываютъ, что авторъ отрицается отъ всякой солидарности съ гг. Дьяконовыми и Модестовыми и претендуетъ на совершенно новое направленіе. Но увы! этимъ надеждамъ не суждено сбытѣя и русскія дѣти вѣроятно долго еще должны будутъ довольствоваться дьяконовскими книжками. Г-жа Фось только поговорила о примѣненіи теорій, высказываемыхъ въ періодическихъ изданіяхъ, а сама слѣдуетъ по тому же пути, по которому идутъ всѣ прочіе составители дѣтскихъ книжекъ. Ея книжка производитъ еще худшее впечатлѣніе, чѣмъ «Цвѣтникъ» и «Нравоучительные рассказы». Тѣ по крайней мѣрѣ представляютъ собою нѣчто цѣлое, а книжка г-жи Фось такъ безтолкова, что мѣстами и разобрать ничего нельзя. Рядомъ напримѣръ съ «Ночлегомъ въ деревнѣ» Никитина помѣщены стишки такого рода:

Дитя. Стыдно, кошечка, играть,
Позабывъ свои дѣла,
Время попусту терять,
Лучшебъ мышку принесла.

Кошечка, Не суди меня такъ строго,
Спалъ ты—я войну веда:
Наловила мышекъ много
И весь дождь нашъ обомсла.

И т. д. въ такомъ же родѣ. Рядомъ съ хорошей статьей «Игрушки» помѣщенъ назидательный рассказъ «Три яблока», ничѣмъ неотличающійся отъ рассказовъ г. Дьяконова и представляющій собою послѣднюю степень безмыслии и пошлости, до которыхъ способенъ дойти человѣкъ, кривляющійся передъ дѣтьми. Въ сборникѣ г-жи Фось ребенокъ прочтетъ прекрасную и очень умную статью «Люба и Катя», и тутъ же такія вещи, какъ «Петруша и Коля», которыя напоминаютъ въ одно и то же время и г. Дьяконова и г. Золотова съ его «Умраженіями въ развитіи». Есть

даже одна вещь, называемая «Что из этого вышло», которая превосходить по бессмыслицѣ все доселѣ писанное на свѣтѣ. Есть и загадки въ родѣ того: «Кто можетъ отвѣчать на всѣхъ языкахъ?» или «Что жжетъ не будучи горячимъ?», но отвѣтовъ на нихъ нѣтъ, такъ что за ними надо обратиться къ самой г-жѣ Фосѣ. Я же могъ разгадать только одну изъ ея загадокъ: «Что безостановочно идетъ, не трогаясь съ мѣста?» отвѣтомъ на которую будетъ: «русскій прогрессъ», въ доказательство чего могутъ служить произведенія либеральнымъ господъ и дамъ въ родѣ г-жи Фосѣ.

Вся эта педагогическая бессмыслица, отъ которой у читателя вѣрно уже заболѣла голова, превосходить всякія розги по своей злокачественности. Впрочемъ я нахожу, что съ своей точки зрѣнія благонашренныя люди, сочиняющіе эти книжки, правы. Я уже сказалъ, что удивляюсь г. Золотову, который желаетъ внушить крестьянамъ, что надо трудиться; но удивляюсь я ему только потому, что не постигаю, какъ онъ не видитъ, что нѣтъ надобности понукать то, что и безъ понуканій дѣлается совершенно по его желанію, подъ вліяніемъ мотивовъ, несравненно сильнѣйшихъ, чѣмъ его разглагольствованія о прелести труда для труда. Что же касается до гг. Медестовыхъ, Дьяконовыхъ и прочіихъ наставниковъ юношества, то они имѣютъ полное основаніе поступать такъ, какъ поступаютъ. Маленькое поколѣніе, которое они силатся развратить, заключаетъ въ себѣ многихъ враговъ тѣхъ добродѣтелей и правилъ, которыя они проповѣдуютъ. Изъ среды его выйдутъ люди, которые будутъ непримиримыми и страшными врагами пошлости и тупоумія, господствующихъ въ обществѣ. Поэтому скорѣе развращайте его, покуда оно въ пеленкахъ, пока не окрѣпло его созваніе, не выработались идеи и убѣжденія, потому что если съ честью легли кости немногіе свѣтлыя личности между отцами, если горячо оспариваютъ побѣду дѣти, то кто поручится, что смогутъ сдѣлать внуки? Но въ эти чалавы книжонки не задавать великія силы грядущаго поколѣнія. Трудъ ихъ напрасенъ и смѣшонъ, подобно труду просвѣтителей новогранныхъ, не потому, что онъ лишній, а потому что безплоденъ. Поэтому я безъ особеннаго отвращенія смотрю на дѣтскія книжки; я знаю, что какъ свирѣпыя угрозы г. Дьяконова, такъ и недоноски прогресса г-жи Фосѣ въ состояніи отравить только зачумленныхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что произведенія, составляющія эту литературу, стоятъ ниже всякой критики, что примѣнять къ нимъ обыкновенный взглядъ на литературныя произведенія и требовать

отъ нихъ того, чего мы требуемъ отъ послѣднихъ, невозможно. *Сочинители* въ родѣ г. Золотова, поставляющіе свои труды для почтеннаго «Товарищества», руководствуются при составленіи своихъ книжекъ такъ изымаемыми «высшими соображеніями»; тутъ они должны и нѣкоторый этикетъ соблюдать и спеціально имѣть въ виду благоуравіе и вообще заботиться о томъ или другомъ родѣ вліянія, которое, предполагается, ихъ книжки должны произвести на читателей. Однимъ словомъ они должны имѣть въ виду не столько своихъ читателей, сколько высшія соображенія. Поэтому ихъ произведенія такъ жалки и блѣдны.

Благонамѣренность и благоуравіе, благоуравіе и благонамѣренность — вотъ вся ихъ цѣль. Все это приводитъ ихъ къ тому, что книжка, сочиненная такимъ господиномъ, носить на себѣ, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться примѣрами, слѣды невинности и наивности автора — и больше ничего. Но одной степенью повыше у насъ существуетъ особая литература, литература прилавковъ, переднихъ, лакеевъ, купчихъ, прикащиковъ, мелкихъ чиновниковъ и армейскихъ юнкеровъ, которая носить на себѣ ясныя слѣды не особенностей автора, а того кружка читателей, для котораго она фабрикуется. Поэтому взглядъ на эту литературу я считаю далеко небезполезнымъ для физиологін того класса людей, для котораго она существуетъ. Личности издателей и сочинителей тутъ совершенно исчезаютъ, потому что первые, хотя и не берутъ привилегіи, но дѣйствуютъ вовсе не въ видахъ *общественной пользы*, а исключительно своей; вторые также мало пекутся, какъ о вліяніи своего произведенія на читателя, такъ и о литературной славѣ; все ихъ желаніе — угодить изданіемъ публикѣ, дабы она поспѣшила раскупить его. Приэтомъ они прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ, могущимъ по ихъ мнѣнію, основанному на долготѣнней опытности, доставить имъ покупателей. Средства же эти такимъ образомъ могутъ служить намъ указаніемъ на вкусъ этой публики и на ея требованія. Вотъ напримѣръ книга, переведенная съ французскаго. По французски она называется: *Les tricheries des Gracs*, т. е. плутни шулеровъ. На русскомъ же языкѣ она является подъ заглавіемъ: «Высшіе уроки карточныхъ операцій, искусство выигрывать во всѣ игры». Черта весьма характеристическая: французъ, издавая свою книгу, гдѣ обстоятельно изложены фокусы шулера, прикрылся почтеннымъ вѣдомъ обличителя и смотритъ на дѣло съ высоконравственной точки зрѣнія. Но русскій переводчикъ знаетъ свою публику; онъ очень хорошо знаетъ, что желудокъ ея вовсе не такъ вѣженъ, чтобы не

могъ переварить подлости или мерзости въ сыромъ видѣ. Ей вовсе не надо называть Кукшину или кабака высоко нравственнымъ явленіемъ. Она знаетъ, что они невысоко нравственны, а мерзки, но любитъ ихъ, да и только. Дайте ей «Плутни шулерозъ», она ихъ не кушитъ, потому что не видитъ интереса въ обличеніи, а дайте «Искусство выигрывать во всѣ игры» съ изображеніемъ передергивающихъ рукъ на оберткѣ, — купить, въ надеждѣ извлечь практическую пользу. Крестья, выдастъ книгопродавцу рубль за книгу, но выдастъ, ибо питаетъ надежду, при помощи этой книги, съ лихою возвратитъ рубль въ трюнку.

Или на примѣръ является крошечная книжечка подъ заглавіемъ «Талисманъ для молодыхъ дамъ». Публика жадно хватается за «Талисманъ», въ надеждѣ вычитать нѣчто скандальное. Но оказывается, что въ книжкѣ говорится о какихъ-то яблокахъ. Публика разочарована, но это не мѣшаетъ ей съ прежней жадностью броситься на новую книжку, носящую еще болѣе интересное заглавіе, въ родѣ напр. слѣдующаго: «Супружеская грамматика, секретъ для женщинъ и мужчинъ: молодыхъ и пожилыхъ, холостыхъ и женатыхъ», и на этотъ разъ надежды ея не обмануты. Особенно довольны останутся люди пожилые, узнавъ, что мужичина шестидесяти лѣтъ еще только вступаетъ въ предверіе старости. А то вдругъ появятся книги съ такими заглавіями: «Преферансъ въ двоимъ, безъ болвана, съ двумя прикупками»; или «Еще разъ! и можетъ быть послѣдній разъ! Продолженіе «букета», собранный въ цвѣтущихъ лугахъ Германіи. Милосивными дѣвамъ и великодушнымъ дамамъ Россіи, предпочтительно же незабвеннымъ, далеко разсѣянными подругамъ *Смолянаго монастыря*, вмѣсто сердечнаго привѣта и поклона отъ баронессы Юліи фонъ-Иксуль». Ну, разужется у публики сердце некаменное, чтобы могло устоять противъ *преферанса безъ болвана*, или *продолженія букета*.

Много также любопытнаго найдемъ мы, если проникнемъ далѣе оглавленій, которыми до сихъ поръ ограничивались. Возьмемъ на примѣръ хотя *букетъ*. Авторъ *букета*, баронесса фонъ-Иксуль, дама, я вамъ скажу, замѣчательная и можетъ смѣло считаться одной изъ великодушнѣйшихъ дамъ Россіи, собранныхъ на цвѣтущихъ лугахъ Германіи. Въ *букетъ* ея между прочимъ находится нѣкоторое размышленіе, нѣчто весьма глубокомысленное и называется «мысль». Размышленіе это явно показываетъ, что великодушная дама, вѣроятно во время пребыванія своего въ *Смоляномъ монастырѣ* или *Смоляномъ*,

монастырь, какъ она пишетъ, и какъ писать надлежитъ, произошла многиа науки. Она знаетъ даже о Нью-Йоркѣ, о рѣкѣ Леть и т. и предметахъ. Этого мало: она знаетъ о спорѣ между идеалистами и материалистами и, принимая сторону первыхъ, мѣтко называетъ вторыхъ вандалами теперешняго времени.

„Любовь, дружба, говорить она, родительская обязанность, честь, долгъ, суть тѣ плоды мысли, которые вандалами теперешняго времени, учениками извѣстнаго материалиста, легко опредѣляются выраженіемъ—мечта!“

„Какое могущество, восклицаетъ она далѣе, производить эта, такъ называемая „мечта“, на духъ человѣка?—Силу, потушающую свѣтъ разума, могущую погребсти душу въ ночь сумазбродства!“

Хотя повидимому баронесса считаетъ материализмъ за зло, но это ничего не доказываетъ. По тому, что говорится въ ея сочиненіяхъ, еѣ нельзя судить, какъ она сама объясняетъ:

„Но кто, говорятъ она, по стихотвореніямъ и сочиненіямъ, которыя мы пускаемъ по свѣту, насъ судить, какъ примѣрно судящій о совершенствахъ или недостаткахъ тѣлосложенія, которые онъ видѣлъ только въ „туалетѣ“ (*). И при всемъ томъ каждое прочувствованное стихотвореніе, каждая глубокая мысль есть часть нашего бытія хотя не самое бытіе.“

Совершенно справедливо. Только напрасно баронесса на себя меланхолю напускаетъ, восклицая въ заглавіи, что «можетъ быть въ послѣдній разъ она пускаетъ по свѣту свои сочиненія». Отчего же въ послѣдній? Я надѣюсь впрочемъ, что незабвенно разстѣяныя подруги убѣдятъ баронессу подарить имъ еще новый букетъ. Я же съ своей стороны даю себѣ клятвенное обѣщаніе усладить часы моего досуга стихотвореніями баронессы фонъ-Искуль, которыя должны быть неравненно лучше ея прозы. Недурна также книжка подъ заглавіемъ: «Нѣтъ болѣе несчастія въ любви, или истинный и вѣрнѣйшій ключъ къ женскому сердцу. Искусство нравиться женщинамъ, основанное на изученіи женской природы и примѣняемое къ духу нашего вѣка». Въ ней авторъ прежде всего сожалеетъ, что «невсегда человѣкъ доходитъ до такого состоянія, которое именно и нравится женщинамъ». Затѣмъ онъ объясняетъ, что цѣль его книжки и состоитъ въ томъ, чтобы довести человѣка до того, чтобы онъ всегда находился въ

(*) Это ко мнѣ не относится, ибо честно заявляю, что недостатковъ тѣлосложенія баронессы ни въ „туалетѣ“, ни въ натурѣ я не соверщала.

такимъ состояніи. На это у него есть особая теорія, которую онъ и жа-
даетъ изложить передъ публикой за 30 копѣекъ серебромъ. Недорого.
Но прежде онъ находитъ нужнымъ проморить нѣсколько времени публику.

«Прежде нежели мы рѣшимся, говорить онъ, высказать это послед-
нее слово нашей теоріи, постараемся представить на размышленіе чи-
тателя нѣкоторые факты».

Факты эти состоятъ въ томъ, что во-первыхъ женщина обладаетъ ин-
стинктомъ, во-вторыхъ она любопытна, въ-третьихъ она имѣетъ врож-
денное желаніе нравиться. Читатель соглашается и ждетъ съ нетерпѣ-
ніемъ послѣдняго слова теоріи автора. Но коварный авторъ находитъ,
что недостаточно проморилъ читателя и вдругъ вмѣсто послѣдняго
слова задаетъ ему вопросъ:—что такое женщина?—и, не давая ему
отвѣтять, объясняетъ, что «хотя и признано за аксіому, что женщина
существо неуловимое и до сихъ поръ необъясненное», но что онъ, такъ
и быть, готовъ объяснить за тѣ же 30 копѣекъ, что это такое. За-
тѣмъ онъ устанавливаетъ нѣкоторую классификацію женщинъ по воспи-
танію, возрасту, наружности, *физиологическимъ свойствамъ* и мѣсту
жительства. Такъ напримѣръ по возрасту онъ дѣлитъ женщинъ въ та-
комъ порядкѣ:

- a) Дѣвушка-барышня отъ 16 до 25 лѣтъ отъ роду;
- b) Молодая дама отъ 16 до 25 лѣтъ;
- c) Молодая дама отъ 22 до 28 лѣтъ; и
- d) Женщина отъ 28 до 40 лѣтъ.

По наружности, онъ дѣлитъ такъ:

- a) Красавица,
- b) Хорошенькая,
- c) Миленькая,
- d) Дурная, но имѣющая право нравиться.

«Впрочемъ, говорить онъ, нѣтъ такой дурной женщины, которая бы не
имѣла права нравиться.»

Далѣе онъ изъясняетъ, что отдѣлъ c, т. е. миленькая называется
также *barocco* и имѣетъ въ себѣ то, «что называется *je ne sais
quoi*».

По физиологическимъ особенностямъ, женщины дѣлятся на слѣдующіе
ранги:

- 1) нервическая,
- 2) съ мужскимъ элементомъ въ характерѣ,
- 3) съ некоторыми особенностями во вкусахъ и наклонностяхъ,
- 4) съ болѣзненными, медицинскими (поясляетъ онъ въ скобкахъ) отъ-
ками.

По мѣсту жительства, онъ различаетъ дѣвицъ съ Васильевского Острова, дѣвицъ съ Козьяго болота, изъ Коломны и проч. Въ заключеніе онъ говоритъ, что вся эта классификація устроена нить съ цѣлю доказать, что:

„всѣ разряды женщинъ имѣютъ между собою общее то, что это—женщина, что—это одно и то же существо“.

Доказавъ это, онъ наконецъ находитъ, что читатель проморенъ достаточно, и начинаетъ подавать ему совѣты, какъ довести себя до такого состоянія, чтобы всегда нравиться женщинамъ. Изъ правилъ этихъ мнѣ особенно понравилось слѣдующее, которымъ я не премину воспользоваться:

«Женщины по воспитанію своему болѣе склонны къ пребыванію въ тѣхъ правахъ, которыя перешли къ намъ отъ предковъ; но не любятъ застою въ принципахъ мужчины, ибо это даетъ дурное понятіе о его мыслительной силѣ. *Иногда вы можете всегда съ успѣхомъ обнаружить при дамахъ легкое вольнодумство и пустить какую нибудь безвредную либеральную идейку.*»

Теперь значить остается только найти такую идейку, которая бы была въ одно и то же время и либеральная и безвредная. Но найти ее весьма легко: стоитъ только заглянуть въ любой N любой газеты послѣднихъ восьми лѣтъ, за исключеніемъ, разумѣется, почтеннаго В. И. Аскоченскаго, который, одинъ изъ русскихъ литераторовъ пересталъ желать нравиться дамамъ. Съ удобствомъ также можно примскать такую идею въ «Отечественныхъ Запискахъ», а особенно въ хроникахъ г. Громеки. Но такъ какъ у меня подъ рукой нѣтъ ничего, кромѣ «Справочнаго энциклопедическаго лексикона словиднѣй», то я обращаюсь вмѣсто хроникъ г. Громеки къ нему, въ надеждѣ найти въ немъ хотя одинъ желаемый экземпляръ либеральной, но безвредной идейки. Съ первыхъ же словъ предисловія оказывается, что надежды мои были основательны.

«Мы убѣждены, говоритъ авторъ Лексикона словиднѣй, что объясненіе видимыхъ намъ во время нашего сна явленій, не есть дѣло дурное, а напротивъ дѣло благонамѣренное и вообще ожеле и не всегда одинаково полезное, потому что не всѣ же сны могутъ быть одинаково точно выяснены или, такъ сказать, *прочтены*, то совершенно безвредное и болѣею частью забавное».

Такой отзывъ автора о своемъ сочиненіи удостоверяетъ меня, что ничего не потерялъ, взявъ вмѣсто хроникъ Громеки «Лексиконъ словиднѣй». Дѣйствительно хроника, подобно другимъ произведеніямъ пуб-

лицистовъ «Отечественныхъ Записокъ», «Голоса», «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», «Библиотека для Чтенія», и проч., есть «дѣло благонамѣренное, безвредное и болѣею частью «забавное». Остается значить найти идею, которая бы, обладая всеми этими качествами, была сверхъ всего слегка либеральна. Но и тутъ я не унываю, потому что далѣе въ предисловіи сказано:

„Въ опредѣленіяхъ снова мѣстами проглядываетъ юморъ, матеріалъ для котораго составителемъ повидимому почерпнулся изъ современныхъ журналовъ и газетъ“.

Если такъ, то я вполне убѣжденъ, что идея либеральная будетъ мною обрѣтена. Вотъ напримѣръ, объясняя значеніе явленія во снѣ *Болрина*, авторъ возстаётъ противъ поступковъ феодализма.

„*Болринъ*, говоритъ онъ, что важно вѣщаетъ вамъ, поглаживая свою боярскую бороду, а вы кланяетесь ему низенько, по отечественному,—неожиданный чей нибудь поступокъ феодализма“.

А вотъ еще нѣсколько либеральныхъ идеекъ:

„*Кавалериардъ* во всеоружіи,—невольное воспоминаніе о многозначительномъ боѣ подъ Фершампенуазомъ, для чего только *не должно читать клику Михайловскаго-Данилевскаго*, признаннаго нынѣ братомъ Шехеразады, а всего лучше записать современными сочиненіями.“

„*Кадетъ*. Видѣть кадетскій лагерь—значить *приобрѣсти убѣжденіе въ отеческой почитительности правительства о правильномъ воспитаніи юности*.“

„*Казакъ*. Видѣть казаковъ линейныхъ, несущихся съ гикомъ въ атаку,—улышаться о какомъ нибудь новомъ модномъ каменю *христіансколюбиваго воинства*.“

„*Пансіонъ*. Видѣть себя въ пансіонѣ мужскомъ или женскомъ, содержимымъ какимъ нибудь французскимъ спекуляторомъ или авантюристкою (почвенность даже есть!), которой или которая страшно растлѣваетъ всѣ добрыя качатки русскихъ дѣтей, — значить нѣтъ какое нибудь оскорбительное для вашей національности и чувства отчизнолюбія столкновеніе“.

„*Абеда* подъяческая во всемъ своемъ развитіи—означаетъ *благотворное извѣстіе о введеніи гласнаго судопроизводства*.“

Переберите всѣ либеральные органы русской журналистики, и вы увидите, что либерализмъ ихъ тождествененъ съ либерализмомъ «Лексикона Сновидѣній». Правда, въ «Лексиконѣ» синтаксисъ нѣсколько хромаетъ и орфографія подгуляла, но вѣдь это дѣло второстепенное; а сущность отъ этого ничего не проигрываетъ. Впрочемъ, если кому мало этихъ доказательствъ, то я приведу нѣсколько примѣровъ юмора

«Лексикона», и тогда читатели окончательно убьдятся, что авторъ его не прихвастнулъ, сказавъ въ предисловіи, что онъ заимствовалъ этотъ юморъ у современныхъ журналовъ и газетъ. Возмите хоть напримѣръ отзывы о г. Аскоченскомъ.

«*Изярина* или *изяръ* кузнечная, издающая отвратительную вонь, — значить, что днемъ вы наткнетесь на номерокъ знаменитой аскетической газетки «*Домашняя Бесѣда*», достоправный редакторъ которой, бессмертный г. Аскоченскій, завелъ на столбчикахъ своихъ нравственно-литературную *изяръ*. Явь будетъ продолженіемъ сна».

«*Хрюкать* самому сновидцу, бѣгая вмѣстѣ съ свиньями, — значить, что придется быть въ обществѣ такихъ лицъ, которые превозносятъ идеи, въ родѣ напримѣръ тѣхъ, какія проявляютъ Дорофей и Компания въ аскетическомъ журналѣ «*Домашняя Бесѣда*».

«*Кабала*. Видѣть себя въ кабалѣ — шить споръ съ какими нибудь отсталыми господиномъ Бланкомъ или Аскоченскимъ объ ужасахъ кабальнаго права».

«*Шарманка*, наигрывающая самымъ монотоннымъ образомъ все одну и ту же піесу въ родѣ «Ваньки—Таньки» или чего подобнаго, — быть въ обществѣ и встрѣтить тамъ какого нибудь ревностнаго почитателя и читателя «*Домашней Бесѣды*».

Еслибъ исправить нѣсколько слогъ или, оставивъ такой слогъ, переложить эту остроумную прозу въ стихи, то можно бы было держать какое угодно пари, что это писалъ одинъ изъ сотрудниковъ «Осы» или «Занозы». Даже безцеремонность та же: тамъ напримѣръ былъ кто-то нарисованъ въ видѣ свиньи и подписано: «такой-то», и здѣсь тоже осмѣиваемыхъ лицъ прямо свиньями ругаютъ.

Поэтому я считаю долгомъ удостовѣрить, что если «Лексиконъ» подчасъ въ либерализмъ не уступитъ «Голосу», то въ то же время по благонамѣренности онъ не ниже «Московскихъ Вѣдомостей». И вотъ доказательства:

«*Республика*. Находиться посреди какой нибудь республики, дошедшей почти до анархизма, — встрѣтиться съ человѣкомъ, лишившимся разсудка».

Не то ли же утверждаютъ «Москов. Вѣдом.»?

«*Россомаша*. Гнаться за россомашой и стараться изловить ее, — совершать погоню за какою нибудь мелькнувшею модною, теоретическою идеєю».

«*Ценсоръ*, который много вымарываетъ красными чернилами изъ рукописей, — означаетъ, что вы будете сожалѣть о томъ, что не подвергли какія нибудь свои мнѣнія благовременно ценсурѣ здраваго смысла и благонамѣренности».

Въ заключеніе представляю читателямъ два особенные курьеза, найденные мною въ «Лексиконѣ Сновидній». Первый изъ нихъ слѣдующій:

„Геометрическая теорема: Пифагоровы числа, столь известная всѣмъ школьникамъ, которую передъ вами разрѣшаетъ кто-то не довольно удачно, а вы на эту неудовлетворительность сердитесь. Наяву — пресмѣшная исторія, которая случится съ вами или съ кѣмъ нибудь изъ близкихъ вамъ, совпадающая съ предметомъ принадлежности туалета знаменитаго афинскаго геометра, но о которой въ печати не говорится иначе какъ въ знаменитыхъ романахъ блаженной памяти Поль-де-Кока“.

Другой курьезъ тоже недурень:

„Изумрудъ. Видѣть на одеждѣ своей изумруды, напоминающіе великолѣпный архаику того армянскаго Монте-Кристо, который недавно исчезъ съ горизонта петербургскаго фешона средней руки, чтобы занять скромную келью въ Литовскомъ замкѣ, гдѣ нѣбось время поразсудить о суетѣ суетъ міра сего, повидному наилучшаго. Это сновиденіе на яву проявляется встрѣчею съ какимъ нибудь мазурикомъ, еще не помѣщеннымъ въ пріютъ съ Монте-Кристо изъ Шуми“.

Вотъ, читатель, образчики обширной русской литературы, въ которой дѣльные книги теряются, какъ капли въ морѣ. У этихъ книжечекъ есть большой кругъ читателей, ими ведется торговля въ весьма значительныхъ размѣрахъ, и многія подобныя творенія, какъ напр. «Физиологія брака» Дебе, или «Князь Серебряный» графа Толстого, расходятся несравненно быстрее, чѣмъ напримѣръ «Миръ Растеній» Карла Мюллера, или даже Сочиненія Добролюбова. Другіе, какъ романы Лажечникова или «Рыцарь Гуакъ», выдерживаютъ по невѣроятному у насъ числу изданій. Принимая все это въ соображеніе, можно сказать, что подобныя изданія преобладаютъ въ нашей литературѣ; поэтому они вполне заслуживаютъ, чтобы на нихъ обратить вниманіе. Войдите въ любой книжный магазинъ и вы увидите, что Бёкль и Фогтъ исчезаютъ въ нихъ среди цѣлага моря «Гуаковъ», «Князей Серебряныхъ», «Супружескихъ Грамматикъ» и «Лексиконѣ Сновидній». Какова же должна быть публика, изощряющая свое остроуміе и эстетическое чувство на этихъ произведеніяхъ!

«По Сенькѣ шапка!» мой снисхоительный читатель.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Иезуитская канонизація новой чудесной дѣвы—Маріи Маргариты Алакокъ. — Процессія въ честь ея въ Римѣ. — Новое столкновение между монсеньеромъ Меродомъ и начальникомъ французской арміи, оберегающей свѣтскую власть папы. — Походъ туринскаго правительства противъ маданинстовъ. — Преобразование парижскаго университета. — Запрещеніе читать на лекціяхъ о *Coup d'état* второй имперіи. — *Официальное* торжество генерала Форэ и *ошественное* положеніе его въ Мексикѣ. — Взаимныя несогласія Австріи и Пруссіи по германскому вопросу. — Отношеніе пруссаковъ къ королевскому правительству. — Волтовня Джона Росселя, говоренная имъ на банкетѣ фермеровъ по поводу польскаго и мексиканскаго вопросовъ. — Японія отстрѣливается отъ европейской цивилизаціи. — Продолженіе американской войны. — Отвѣтъ президента Линкольна на письмо Гарибальди. — Ожиданіе скучающей буржуазіей рѣчи Людовика Наполеона и наше мнѣніе о ней. — Разныя слухи о планахъ тюльерійскаго кабинета. — Открытіе законодательной палаты въ Парижѣ.

Въ Римѣ, въ прошломъ мѣсяцѣ, было общее собраніе членовъ свѣтѣйшей конгрегаціи духовныхъ обрядовъ. Это общество приступило къ канонизаціи блаженной Маріи Маргариты Алакокъ, которая еще въ 1834 году предварительно была признана достойною чествованія. Эта новость вамъ кажется не довольно интересною? Знайте же, что она приводитъ въ восторгъ полтораста тысячъ католиковъ обоаго пола. Всѣ визитандинки во Франціи, въ Баваріи, въ Италиі, въ Австріи

Отд. III.

и въ Ирландіи, всѣ монахини ордена, учрежденнаго въ честь сердца Іисуса Христа, и всѣ ихъ воспитанницы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія этого великаго дня. Чтобы ускорить это торжество, онѣ израсходовали много денегъ. Съ давнихъ поръ уже онѣ посылали въ Римъ еѳимки и векселя, съ тѣмъ чтобы воздвигнуты были алтари во имя чтимой или сестры. Римское духовенство обѣщалось исполнить ихъ желаніе; но для этого требовались два чуда, безъ которыхъ, по каноническимъ законамъ, не можетъ быть совершена канонизация; а въ настоящій вѣкъ безвѣрнъ чудеса рѣдки. Ревностныя поклонницы означенной Маріи Маргариты Алакокъ утверждали, что качество можетъ быть вознаграждено количествомъ и что какъ бы то ни было, тысяча случаевъ излеченія ревматизма и глухоты стоятъ двухъ крупныхъ чудесъ, которыя никому не могутъ принести никакой пользы. Вслѣдствіе этого онѣ приводили множество примѣровъ чуднаго излеченія кашля и паралича этою святою особою. При всемъ томъ визитандинки и монахини ордена святаго сердца должны были израсходовать около милліона, чтобы достигнуть своей желанной цѣли. Наконецъ, требуемыя два чуда были найдены и признаны дѣйствительными. Поэтому Марія Маргарита Алакокъ теперь будетъ пользоваться, со стороны своихъ поклонницъ, почестями, воздаваемыми канонизированной чудесной дѣвѣ.

Но быть можетъ, вы спросите: кто эта Марія Маргарита Алакокъ? Она была Бургундка изъ окрестностей Autun. Всегда грязная, она пяти лѣтъ страдала золотухой, десяти лѣтъ чесоткой, пятнадцати ревматизмомъ, а восемнадцати ракомъ. Двадцати лѣтъ она поступила послушницей въ монастырь, а двадцати пяти — была настоящею святою. Это — новая пророчица, которая открыла усовершенствованное служеніе Іисусу Христу. До нея, обыкновенно поклонялись сыну Божію, представляя его въ видѣ человека, распятаго на крестѣ. Но вотъ въ одинъ прекрасный день къ Маріи Маргаритѣ Алакокъ, въ монастырѣ Fagay le Monial, лично является самъ Спаситель и велитъ ей проповѣдывать новое служеніе, — поклоненіе своему святому сердцу, которое онъ держитъ въ рукѣ, увеличенное втрое противъ обыкновеннаго. Благочестивая монахиня немедленно приступила къ исполненію даннаго ей порученія. Сначала она мало имѣла успѣха. Ея слушателямъ казалось страннымъ, что Іисусъ Христосъ держалъ свое собственное сердце въ рукѣ. Но, наконецъ, въ одномъ іезуитскомъ

монастырѣ нашелся исповѣдникъ, который оказался болѣе доступнымъ истинѣ. Это былъ преподобный отецъ La Colombière. Этотъ іезуитъ, выслушавъ Марію Маргариту, сталъ содѣйствовать, сколько могъ, устраненію встрѣченнаго ею недовѣрія. Онъ разсказалъ эту трогательную исторію визитандинамъ Семюра. Эти монахини находили своихъ фарейскихъ сестеръ глухими и въ одну пятницу, послѣ праздника тѣла господня, начали праздновать сердце Іисуса Христа. Алакокъ торжествовала. Руководимая Ла-Коломбьеромъ, она сдѣлалась смиренною и въ 1686 году, въ одинъ прекрасный день, она имѣла удовольствіе видѣть свою общину на обѣднѣ, которая служилась въ честь сердца Христова. Она умерла четыре года спустя и потомъ довольно долгое время пользовалась скромною извѣстностью; но когда іезуиты учредили женскій монашескій орденъ во имя Святаго сердца, тогда Марія Маргарита Алакокъ сдѣлалась весьма важнымъ персонажемъ. Апотеоза ея составляетъ торжество іезуитовъ, бывшихъ ея покровителей.

Въ продолженіи трехъ недѣль въ Римѣ совершалось множество процессій въ честь *нерукотворнаго* образа Спасителя. Это Santo Volto считается палладіумомъ мірской власти папъ. Церемоніи эти сопровождались манифестаціею въ пользу поляковъ

Важный вопросъ о томъ, простирается ли непогрѣшимость папы также и на медицину, теперь рѣшенъ косвеннымъ образомъ его святѣйшествомъ, которое недавно октроировало три диплома на званіе медиковъ тремъ молодымъ людямъ, не учившимся никакой наукѣ и не знающимъ ровно ничего, кромѣ развѣ искусства пользоваться протекціею одного кардинала, хорошо принятаго при дворѣ. Это обстоятельство мелочное, но оно доказываетъ мягкосердіе святаго отца.

Потребовалось вмѣшательство этого старика, чтобы склонить экс-королеву Неаполя возвратиться изъ Мюнхена. Теперь она умираетъ отъ скуки въ обществѣ своего супруга. Ей запрещаются всѣ удовольствія; не дозволяется ни гулять въ Пинчіо, ни посѣщать театръ, ни ѣздить верхомъ. Верховая ѣзда ей запрещена во избѣжаніе какаго нибудь несчастнаго случая. Впрочемъ, она все таки ѣздитъ верхомъ, но тайкомъ и для этого отправляется въ манежъ дворца Памфили Доріа (ѣздитъ верхомъ она должна, во что бы то ни стало: всѣ баварскія принцессы воспитаны, какъ мальчики). Не смотря, однакожь, на всѣ принятія ею предосторожности, все таки злые языки не оставляютъ ее безъ преслѣдованія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что она желаетъ раз-

сбѣяться въ Парижѣ и освободиться отъ убійственной атмосферы Квиринала. Другіе говорятъ, что слухъ объ ея путешествіи ко двору его величества Людовика Наполеона III распространенъ французскимъ посольствомъ. Кто тутъ разбереть истину?

Въ Виковарѣ какой-то Донъ Конгротти увѣрялъ, что въ мадонну, которая виситъ въ его ризницѣ, вошла чудотворная сила. Къ несчастію, эта ризница находится на территоріи Виктора Эммануэля, территоріи проклятой и потому весьма скупой на чудеса. Гражданское начальство отправило къ неразумному падеру экспертовъ для изслѣдованія такого необыкновеннаго явленія, но чудо при нихъ не совершилось и комиссары ничего не могли внести въ свое слѣдственное дѣло. Донъ Конгротти выпутался изъ бѣды, какъ могъ, слагая всю вину на нѣкоторыхъ легковѣрныхъ старухъ.

Недавно возобновилось столкновение между монсиньоромъ Меро-домъ и начальникомъ французской арміи въ Римѣ, г. Монтебелло. Вотъ какъ происходило дѣло:

На неаполитанской границѣ находится сѣрый ключъ, излечивающій болѣзнь кожи. До сихъ поръ никто не зналъ, находится ли этотъ ключъ въ Итальянскомъ королевствѣ, или въ Папскихъ владѣніяхъ. Какъ бы то ни было, и съ той и съ другой стороны это мѣсто посѣщается больными. Одинъ маіоръ берсагlierовъ также приходилъ сюда купаться съ двумя товарищами, не предполагая, что въ этомъ можетъ быть что нибудь дурное. Но въ одинъ прекрасный день, когда онъ только-что выходилъ изъ воды, мимо ушей его просвистала пуля, потомъ другая, затѣмъ третья. Это было привѣтствіе, посланное тремъ купающимся во имя святаго отца. Берсагlierы отвѣтили тѣмъ же. Одинъ французскій маіоръ, узнавъ объ этомъ происшествіи, немедленно отправился изслѣдовать мѣстность и нашелъ, что здѣсь не могло быть никакого нарушенія границъ, такъ какъ источникъ протекаетъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится межовая черта между обоими государствами. Притомъ, еслибъ и было такое нарушеніе, все таки нападеніе, совершенное папскими солдатами, ничѣмъ не можетъ быть оправдано, такъ какъ берсагlierы занимались дѣломъ весьма мирнымъ. Вслѣдствіе этого г. Монтебелло велѣлъ изъяснить шемонтскому маіору свое сожалѣніе по поводу этого происшествія и обѣщался уничтожить постъ римскихъ жандармовъ, откуда произведены были выстрѣлы, и наказать виновныхъ. По его распоряженію, одинъ изъ этихъ жандармовъ былъ арестованъ и пре-

данъ военному суду. Но едва обвиненный былъ посаженъ въ тюрьму, какъ вслѣдъ затѣмъ его освободили и спрятали невѣстно куда, по нарочному приказанію монсиньора кардинала Мерода. Монтебелло былъ возмущенъ такимъ дѣйствіемъ и объявилъ въ одномъ приказѣ, отъ 22 сентября, что «долгъ чести требуетъ отъ него предать этотъ поступокъ публичному позору и устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ потворствѣ такому преступленію».

Не помню, говорилъ ли я вамъ въ одной изъ своихъ прежнихъ корреспонденцій, что римскій національный комитетъ управлялся изъ Турина *консортерію*, во главѣ которой находился Лафарина, недавно умершій. Это былъ человекъ жалкій, котораго имя перейдетъ въ потомство, не какъ имя бывшаго вице-президента палаты депутатовъ, но какъ имя личнаго врага Гарибальди. Этотъ *soi-disant* національный комитетъ избралъ цѣлью не разрушить мірскую власть папы, о которой онъ мало заботился, но лишить вліянія комитетъ дѣйствія, составленный изъ республиканцевъ, воодушевленныхъ Гарибальди и Мадзини. Онъ рѣшился освободиться отъ неприятныхъ для себя соперниковъ и въ одну прекрасную ночь приверженцы Лафарины, съ своими агентами, овладѣли домомъ, въ которомъ комитетъ дѣйствія печаталъ *Roma o. Morte*, республиканскую газету, издававшуюся въ видѣ оппозиціи ихъ конституціонному органу, *La Gioussa Romana*. Мадзинистовъ связали и болѣе или менѣе поколотили, ихъ типографскіе станки разбили, а шрифтъ унесли. Это была казнь, произведенная умѣренными либералами надъ крайними. Представьте, какой скандалъ произвело это нелѣпое нарушеніе права мысли и слова, совершенное людьми, которые должны скрываться отъ правительства, противъ людей, преслѣдуемыхъ полиціей! И все это дѣлалось для выгоды общаго непріятеля! Это была Аспромонская битва, въ миниатюрѣ.

На эту забавную исторію нѣкоторые ссылаются въ подтвержденіе распространяющейся молвы, что итальянское правительство готовитъ новый походъ противъ папы-короля. Говорятъ, что это правительство не хочетъ ни приобрѣсти помощи, ни встрѣтить стѣсненія со стороны такихъ друзей, которыхъ оно не желаетъ имѣть. Однакожъ, если дѣйствовать такъ неловко, то ужъ лучше не быть свободнымъ въ своихъ поступкахъ. Началомъ непріязненныхъ дѣйствій считалось высылка изъ Неаполя папскаго консула, замѣшаннаго въ дѣлѣ о подложныхъ паспортахъ, выданныхъ разбойникамъ, — въ дѣлѣ, со-

вершено ничтожною, не правда ли? Въ отищеніе за это, римское правительство изгнало изъ Рима италіянскаго консула, на что туринскій кабинетъ отвѣтилъ удаленіемъ всѣхъ папскихъ консуловъ, исправлявшихъ свою должность въ италіянскомъ королевствѣ.

Въ одно время съ этой демонстраціею противъ папы, Викторъ Эммануилъ провозвелъ другую противъ своихъ друзей и враговъ, въ особенности противъ Франціи, которую онъ хочетъ отвлечь отъ союза съ Австріею, выставляя на показъ свои огромныя войска, готовыя дѣйствовать противъ всякихъ непріятелей и противъ занимающихъ Венецію, и даже противъ занимающихъ Римъ. Мы говоримъ о смотрѣ, произведенномъ близъ Суммы, въ обширной равнинѣ Галлараты, между Миланомъ и озеромъ Комо, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1850 году расположены были австрійцы во время своего вторженія въ Пиемонтъ: Эта равнина окружена предестными селами; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ историческія имена, внесенныя въ военныя лѣтописи французской республики и новаго италіянскаго королевства. И здѣсь-то, во время смотра, триста шесть пушекъ, составлявшихъ пятьдесятъ одну баттарею, извергали пламя и дымъ, какъ на войнѣ. Огромнѣйшая толпа зрителей сбѣжалась сюда со всѣхъ концовъ сѣверной Италіи. Этотъ порохъ и этотъ дымъ многимъ вскружили головы. *Gazetta del Popolo*, органъ министерскій, тѣмъ болѣе уважающій матеріальную силу, чѣмъ менѣе онъ привязанъ къ свободѣ, отличался своимъ воинственнымъ воодушевленіемъ. Вотъ что говорится въ этой газетѣ:

«Триста шесть пушекъ!

«Семьсотъ шестьдесятъ девять повозокъ!

«Пять тысячъ шестьсотъ сорокъ восемь артиллеристовъ!

«О италіянцы, произнеся эти слова, не чувствуете ли вы, какъ расширяются ваши легкія и какъ въ нихъ проникаетъ дуновение здоровья и радости, заставляющее васъ воскликнуть: Да здравствуетъ италіянское королевство!

«Итакъ, впередъ!

«Не забудемъ, что мы должны не только защищаться и говорить своимъ врагамъ: «Приходите, мы васъ ждемъ!» но должны сказать имъ: «Возвратите намъ то, что намъ принадлежитъ, или мы отыщемъ это силой!»

Не одна *Gazetta del Popolo* говоритъ такимъ образомъ; *Stampa*

защитила очень хорошо: «Италия не имѣетъ другой дипломатіи, кромѣ своего войска!»

И такъ, смотря, произведенный близъ Соммы, есть угроза Австріи и бывшей союзницѣ при Сольферино, въ отношеніи къ которой Италия принимаетъ теперь положеніе, какъ нельзя болѣе естественное, положеніе угрожающаго друга.

Прежде, чѣмъ оставимъ Италію, упомянемъ о распространяющемся мекѣпомъ слухѣ, будто Викторъ Эммануилъ, ненавидящій Неаполь и неаполитанцевъ, которыхъ онъ покорилъ не самъ, а получивъ отъ Гарибальди, хотеть отдѣлать обѣ Сициліи и сдѣлать изъ нихъ вице-королевство, или даже королевство, подъ управленіемъ своего сына, принца Гумберта.

О Франціи сказать что нибудь новое очень трудно. Имперія становится ветхою. Никогда она не была любима сама по себѣ, и какъ скоро она не дѣлаетъ ничего и повидимому намѣрена почивать на лаврахъ, то ее находятъ скучною. Наши буржуа чувствуютъ потребность въ явленіяхъ, которыя бы ихъ возбуждали и развлекали. Они не могутъ хорошо переварить свой обѣдъ, если что нибудь не шевелитъ ихъ умъ и сердце: какая нибудь кровавая битва какой нибудь великодушный подвигъ, или какое нибудь черное преступленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ; они должны, по крайней мѣрѣ, видѣть нападки на происки католическаго духовенства или слышать критику распоряженій правительства. Но всего этого они вообще лишены въ настоящее время; они не получаютъ болѣе своей насущной порціи душевнаго волненія. Чашка кофе уже не имѣетъ для нихъ того пріятнаго вкуса, какъ прежде; они менѣе хорошо перевариваютъ свой обѣдъ и поэтому большею частію бываютъ не въ духѣ. Вообще они полагаютъ, что если дѣла идутъ плохо, то въ этомъ виноватъ Людовикъ Наполеонъ.

Его величеству благоудно было украситъ титуломъ герцога господина Персиньи, человека, который, прежде чѣмъ совершилось декабрьское *coup d'état*, назывался просто М-г Фіаленъ. Послѣ Мори, это второй гражданскій герцогъ, котораго намъ октроируетъ демократическая имперія. Опасались, что нашъ бѣдный бюджетъ черезчуръ будетъ обремененъ назначеніемъ господину Персиньи особаго дохода, какой назначался господину Малахову; но когда мы узнали, что новый герцогъ ничего не будетъ намъ стоить, мы очень обрадовались чести, которой онъ удостоился въ утѣшеніе за неудачу,

испытанную имъ во время послѣдняго избирательнаго похода. Его преешникъ, г. Буде, менѣе занимателенъ, чѣмъ онъ, и даже не болѣе либераленъ. Журналы, по прежнему, подвергаются предостереженіямъ и принуждены объявить, «что они не имѣютъ и впредь не будутъ имѣть своего собственнаго мнѣнія». Земледѣльческому комитету въ Лиллѣ запрещено пригласить на свои совѣщанія бельгійскихъ сельскихъ хозяевъ для взаимнаго обсужденія вопроса о масличныхъ растеніяхъ. Трудно угадать, какая могла быть причина такого запрещенія.

На счетъ господина Буде, министра настоящаго времени, насъ долженъ утѣшить г. Дюрюи, министръ будущности. Этотъ господинъ, приглашенный императоромъ въ его кабинетъ, съ тѣмъ чтобы поработать за знаменитымъ сочиненіемъ: «Жизнь Юлія Цезаря», отличается либерализмомъ, который приводитъ въ восторгъ всѣхъ людей, имѣющихъ претензію на званіе либерала. Своимъ либерализмомъ онъ производитъ гораздо болѣе шума, чѣмъ десять другихъ министровъ могли бы произвести своими стремленіями къ распространенію деспотизма. Въ настоящую минуту, онъ, сколько можетъ, передѣлываетъ университетъ Франціи, стараясь очистить его отъ сора, наметаннаго Фортулешъ по окончаніи декабрьскаго *coup d'état*. Чтобы освободить это заведеніе отъ господства католическаго духовенства, много потребно труда. Для этого нужно уничтожить водворившуюся въ университетѣ инерцію и возстановить его великую нравственную пружину, изломанную въ мелкіе куски въ продолженіе печальныхъ годовъ, слѣдовавшихъ за 1851-мъ. Надо принять также въ соображеніе ненависть, обнаруживаемую къ подобнымъ преобразованіямъ всѣми знатными лицами, всѣми этими толстыми сановниками, развращенными до мозга костей, а также, что еще важнѣе, убѣжденіе, вкоренившееся въ нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ людяхъ, пережившихъ столько бѣдствій, убѣжденіе, что ни одно серьезное преобразование невозможно при существованіи имперіи. Согласимся, однакожъ, что, какъ бы то ни было, министръ, повидимому, дѣлаетъ все, что можетъ, для уничтоженія ученой апатіи, противопоставляемой ему бюрократами его вѣдомства, которые полагаютъ, что они лучше его постигли сокровенную мысль императора Бонапарта. Господинъ Дюрюи возстановилъ изученіе философіи во французскихъ коллегіумахъ, такъ какъ въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ запрещалось говорить нашему юношеству о добродѣтели, о свободѣ,

о мысли и о нравственности; человѣческая душа была просто на просто вычеркнута изъ списка преподаваемыхъ предметовъ, декретомъ великаго главы университета. Господинъ Дюрюи уничтожилъ нелѣпое *раздвоеніе*, имѣвшее, повидимому, цѣлью поставить нашихъ лиценціатовъ въ уровень съ самыми вульгарными торгашами и *commiss voyageurs*. Онъ издалъ множество циркуляровъ въ пользу наставниковъ и наставницъ, стараясь возвысить ихъ содержаніе; кромѣ того, онъ хлопочетъ объ учрежденіи ремесленныхъ школъ, хотя и принимается за это дѣло, какъ намъ кажется, не совсѣмъ ловко. Одно изъ его изобрѣтеній, которое впрочемъ весьма мало находитъ сочувствія, есть введеніе въ нашихъ лицеяхъ изученія современной исторіи. Г. министръ говоритъ, что онъ всегда былъ того мнѣнія, что исторія заключаетъ въ себѣ какую-то примирительную силу; онъ поэтому полагаетъ, что таково будетъ дѣйствіе изученія этого предмета, съ которымъ теперь познакомятся наши юноши въ будущихъ философскихъ классахъ.

Исторія успокоиваетъ умы—такъ; но политика раздражаетъ. Предѣломъ исторіи, въ собственномъ смыслѣ, служитъ современная генерация; политика начинается тамъ, гдѣ оканчивается исторія. Время еще не произнесло своего приговора надъ современными событіями; поэтому они остаются темными для самихъ дѣйствующихъ лицъ, которыя, большею частію, не знаютъ, что дѣлаютъ, и идутъ по направленію, противоположному ихъ собственной цѣли. Впрочемъ, никто изъ насъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова. Каждый современный вопросъ—дилемма, каждый человѣкъ для насъ загадка, исходъ каждаго начатаго предпріятія — проблема, если не тайна. А между тѣмъ, нѣкоторымъ чиновникамъ, состоящимъ на жалованьи государства, хотятъ дать порученіе раскрыть секреты этого сонника.

Да, исторія успокоиваетъ умы, потому что она удаляетъ вниманіе ихъ отъ современныхъ событій и потому что дѣйствія въ ней являются уже тогда, когда дѣйствующія лица сошли со сцены. Пока факты не обнаружили еще всѣхъ своихъ послѣдствій и пока еще открыты вопросы, которые могутъ быть рѣшены на тысячу ладовъ, до тѣхъ поръ дѣйствія правительства составляютъ предметъ полемики и неизвѣстности и если войдутъ въ курсъ исторіи, то должны нарушить ея спокойствіе и уничтожить ея безпристрастіе. Университетъ въ такомъ случаѣ представляетъ правительство, преподающее свою собственную исторію, правительство, которое столько же можетъ

быть безпристрастным преподавателем этого предмета, какъ и безпристрастнымъ избирателемъ. Исторія тогда превращается въ анологію правительственныхъ дѣйствій и во этому самому перестаетъ быть исторіей.

Такимъ образомъ, тотчасъ же было замѣчено, что г. министръ въ своей программѣ даже и не упоминаетъ о декабрьскомъ *coup d'état*. Нельзя сказать, чтобъ онъ не входилъ въ подробности. Онъ говоритъ объ обществѣ, окружающемъ императорскаго принца, о быстромъ и опасномъ (*sic*) развитіи американской уніи, о мексиканской экспедиціи, о взятіи Пуеблы и занятіи Мексики. Онъ упоминаетъ о страшныхъ июньскихъ дняхъ, но обходитъ молчаніемъ декабрьскія убійства. Какимъ образомъ, г. министръ, вы прикажете преподавать исторію 1848 года и запретите говорить о присягѣ, данной новой республикѣ новымъ ея президентомъ? Что скажетъ несчастный преподаватель, состоящій на жалованьѣ правительства, объ измѣнительческой экспедиціи, предпринятой въ Римъ, а когда онъ дойдетъ до страшной ночи, къ которой безпрестанно обращаются наши умы, какъ расскажетъ онъ о двадцати милліонахъ, похищенныхъ у банка для раздачи Маньянамъ, Арно, Канроберамъ и Эспинассамъ, о цѣлыхъ тучахъ галерныхъ зрителей и полицейскихъ шпионовъ, внезапно появившихся на улицахъ Парижа, и о людяхъ, захваченныхъ среди глубокой ночи въ постели и отведенныхъ въ оковахъ въ казематы, а потомъ отправленныхъ въ смертоносныя болота Кайенны или въ жгучіе пески Ламбессы, или брошенныхъ на произволъ судьбы среди улицъ Лондона? Какъ расскажетъ онъ о восьмидесяти тысячахъ жертвъ этого злодѣйскаго замысла, разворонныхъ, изгнанныхъ, разсѣянныхъ въ Бельгію, въ Швейцарію, въ Германію, въ Соединенныхъ штатахъ, въ Бразилію, въ Индію, по всему свѣту? Этотъ несчастный чиновникъ университета, будетъ-ли онъ имѣть право говорить: «Я видѣлъ собственными глазами въ Бержерѣ груды труповъ, и поужими цѣлые потоки крови, видѣлъ офицера, скакавшаго на лошади, на копытахъ которой находились слѣды человѣческаго мозга и влочекъ приставшихъ къ нимъ сѣдыхъ волосъ.» Какимъ образомъ, напримѣръ, профессоръ нинскаго коллегіума скажетъ своимъ слушателямъ: «любезные дѣти, нашъ префектъ, тотъ самый, который завтра будетъ инспектировать насъ, направлялъ заряженную пушку на дверь слѣпой восьмидесятилѣтней старухи, госпожи Араго, и ея больной дочери, госпожи Лангль. Онъ ночью охотился за людьми и толпою

отправилъ ихъ, скованныхъ, въ темницы перешиньянской префектуры, самъ галопируя возлѣ, со связкою ключей отъ ихъ оковъ.» Что разскажутъ профессора Вара, Шювэра, верхней Саоны и Саоны и Лоары; что будутъ говорить по всей Франціи? Обо всемъ этомъ, конечно, не скажутъ ни слова, но въ такомъ случаѣ, какой же это будетъ курсъ исторіи?

За то г. министръ представляетъ намъ длинный списокъ благодѣяній, оказанныхъ имперіею, и между прочимъ объявляетъ, что социализмъ, побѣжденный силою, окончательно уничтоженъ настоячими трудами его величества, для удовлетворенія всеобщихъ нуждъ страны и въ пользу народныхъ интересовъ. Пусть же въ такомъ случаѣ наматываютъ себѣ на усъ, что такъ какъ социализмъ убитъ и похороненъ, то незачѣмъ искать его въ Публѣ и въ Мексикѣ и каждый день хвастаться новыми побѣдами, одержанными надъ этимъ страшилищемъ!

Это о политикѣ внутренней. Что же касается внѣшней политики, то наше правительство, само собою разумѣется, сильно занималось польскимъ вопросомъ. Оно постаралось сложить на Англію позоръ пораженія, нанесеннаго княземъ Горчаковымъ тремъ державамъ, дѣлавшимъ по этому предмету представленія петербургскому кабинету.

Наконецъ, нѣсколько утихла тревога, возбужденная въ прошломъ мѣсяцѣ слухами о раздорѣ между кабинетами тюльерійскимъ и вѣнскимъ по поводу подземныхъ интригъ послѣдняго на франкфуртскомъ конгрессѣ и о проѣктѣ австрійскаго правительства касательно заключенія Sonderbunda съ королями баварскимъ, виртембергскимъ, саксонскимъ и ганноверскимъ, — слухами о продѣлкахъ, о которыхъ будто бы дано было знать императору Наполеону Бонапарту прусскимъ посланникомъ Гольцемъ. Нѣкоторые даже поговаривали о союзѣ съ Россіею противъ Австріи и Англіи, словомъ, много было пащи для воображенія.

Предположенія близкой войны между Франціею и Соединенными штатами сдѣлались менѣе вѣроятными, вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ федералистами. Надо помогать, что Форэ отсрочить признаніе южной конфедерации. Однакожъ, Слайдель, агентъ Джефферсона Дэвиса, постоянно бывалъ въ гостяхъ у его величества въ Виши, въ Фонтенбло, въ Біаррицѣ. Между тѣмъ готовится огромный заемъ въ пять сотъ милліоновъ, который Франція намѣрена гарантировать своимъ бюджетомъ, а эта гарантія, въ свою очередь, го-

ворять, обеспечивается временнымъ занятіемъ (вѣроятно такимъ же, какъ и занятіе Рима) самыхъ богатыхъ рудниками земель нижней Калифорніи. Уже черезъ чуръ усердные друзья увѣдомляютъ насъ, что въ Санъ-Франциско готовится движеніе съ цѣлью отдѣлнить штаты Калифорнію отъ Уніи и присоединить его къ Франціи. Наши оиціальные журналы рассматриваютъ вопросъ объ уступкѣ Джексонномъ Дэвисомъ императору Наполеону Бонапарту огромной территоріи Техаса и о займѣ ста милліоновъ, обеспечиваемомъ будущими урожаями хлопка. Пишутъ также, что его величество покупаетъ два корсарскихъ судна господина Лэрда, на которыя англійское правительство наложило амбарго. Но вотъ, что еще лучше: въ одной оиціальной нотѣ газета «Монитѣръ» старается доказать, что «пароходъ Флорида, находящійся въ настоящую минуту въ Брестѣ, для починокъ, вовсе не корсарское судно, какъ полагали сначала, но составляетъ часть военного флота южной конфедерации», что «офицеры его имѣютъ правильныя опредѣленныя порученія» и что «вообще онъ представляетъ характеръ обыкновеннаго военного корабля». (!) Намъ кажется страннымъ только одно: почему военный пароходъ, нападающій исключительно на купеческія суда, не называется просто корсарскимъ вораблемъ?

Эта нота, безъ всякаго сомнѣнія, была написана съ цѣлью уничтожить запрещенія, наложенныя на Флориду въ самыхъ верхахъ государства стараніями французскихъ негоціантовъ, которыхъ это судно ограбило и раззорило. Она произвела сильное впечатлѣніе въ Англій, гдѣ уже полагали, что за нею немедленно послѣдуетъ признаніе конфедеральныхъ штатовъ.

Что касается до насъ, то мы нисколько не удивляемся, что это признаніе, которое послужило бы сигналомъ страшной войны, долго заставляеть себя ждать. Лордъ Дендрери, герой комедіи, пользующейся огромною популярностью въ Англій, замѣтилъ очень хорошо:

«One may be a little nervous, when he is about to make a fool of himself» *).

Пока императоръ Наполеонъ Бонапартъ медлитъ, дѣла Мексики нисколько не подвигаются впередъ. Хуаресь, про котораго оиціаль-

*) Не совсѣмъ тотъ чувствуетъ себя здоровымъ, кто намѣренъ сдѣлать глупость.

ные корреспонденты Монитёра пишутъ, что онъ оставленъ всѣми и преслѣдуется угроженіями совѣсти и приговоромъ общественнаго мнѣнія, Хуаресъ все еще крѣпко держится въ Санъ-Люисъ де-Потози. Всѣ округи, которые не заняты французскими войсками, остаются вѣрными конституціи. Правда, что національная армія разрушена и разсѣяна и что даже кадры ея не существуютъ. Однакожъ, всѣ американскія правительства признаютъ Хуареса законнымъ представителемъ Мексики. Южныя республики отправили къ нему депутатовъ съ тѣмъ, чтобы условиться относительно заключенія всеобщаго союза противъ воинственныхъ замысловъ Франціи. Федеральное правительство получило приглашеніе также послать на эти совѣщанія своего представителя. Даже въ Бразиліи, въ этомъ рабовладѣльческомъ государствѣ, произошло движеніе, имѣющее ту же цѣль. Единственный замѣчательный успѣхъ, одержанный похитителями послѣ взятія Мексики, есть присоединеніе къ нимъ генерала Мирамона, который послѣ нѣсколькихъ свиданій съ маршаломъ Форе добровольно написалъ къ нему письмо, исполненное *благородства* и *откровенности*, гдѣ онъ объявляетъ что вполне соглашается съ предложеніями высшихъ сановниковъ и признаетъ императоромъ Мексики Фердинанда Максимилиана австрійскаго. Это тотъ самый Мирамонъ, который, какъ извѣстно, принадлежалъ къ партіи духовенства и, бывши президентомъ, укралъ три милліона франковъ, разломавъ печать англійскаго посольства;—тотъ самый, который при началѣ экспедиціи хотѣлъ поступить на службу французскаго генерала, но былъ схваченъ въ Вера-Круцѣ, по приказанію англійскаго посланника, и отправленъ въ Вавану.

Мы говорили, что нѣтъ болѣе регулярной мексиканской арміи; но за то есть гверилласы, которые сильно тревожатъ французскихъ солдатъ. Контрагверилласы, учрежденные маршаломъ Форе, также беспокоятъ французовъ; они смѣло грабятъ копвои, идущіе съ съѣстными припасами и деньгами, и которыхъ они должны эскортировать. Не смотря на ежедневныя подрѣзленія, получаемыя главнокомандующимъ, онъ еще не осмѣливается вступить во внутренность страны. У него поэтому много свободнаго времени, которое онъ употребляетъ на сочиненіе рапортовъ, на предсѣдательствованіе въ благотворительныхъ обществахъ и на секретное разстрѣливаніе политическихъ преступниковъ, какъ говорить объ этомъ Добладо, бѣжавшій сначала отъ Хуареса, а потомъ отъ Форе. Нашъ маршалъ

Франціи предлагаетъ мексиканскимъ дамамъ банкеты и готовить балы для дѣтей. Онъ намѣренъ выступить въ походъ не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца, если вѣрять его письму, написанному казарменнымъ слогомъ. Почти столько же любопытна записка, сочиненная нѣкоторыми сановниками съ цѣлью предложить мексиканскую корону эрцгерцогу Максимилиану. Мы узнаемъ изъ этого документа, что эта несчастная страна обязана своими безпорядками социалистамъ, явля, если угодно, краснымъ республиканцамъ и въ особенности гнуснымъ фразамасонамъ шотландской и юрской сенты (невозможные авторы забыли, что эрцгерцога самъ одинъ изъ главныхъ сановниковъ этого ненавистнаго учрежденія). Къ числу достоинствъ, дающихъ Максимилиану право на мексиканскую корону, эти льстецы относятъ многочисленныя путешествія этого принца и въ особенности любовь, которую онъ въ качествѣ короля ломбардо-венеціанскаго будто бы съумѣлъ внушить къ себѣ итальянцамъ,

Этотъ прелестный документъ вложенъ былъ въ пустой скипетръ, который особые депутаты должны были поднести путешественнику, столько любимому итальянцами. Эрцгерцогъ, повидимому, какъ нельзя болѣе, расположенъ былъ принять эту императорскую корону, которая составляетъ самую драгоценную его мечту. Онъ желаетъ лучше быть первымъ въ Мексикѣ, чѣмъ вторымъ въ Вѣнѣ. Но онъ встрѣтилъ во всей австрійской прессѣ противодѣйствіе такое сильное и такое упорное, а въ своемъ августѣйшемъ братѣ неудовольствіе, сформулированное столь категорически, что онъ не осмѣлился сдѣлать этотъ шагъ и отвѣчалъ на предложеніе мексиканскихъ сановниковъ соглашеніемъ, которое можетъ быть принято за вѣжливый отказъ. Онъ сказалъ, что приметъ корону только въ томъ случаѣ, когда она ему предложена будетъ вслѣдствіе *свободно* выраженного желанія всего народа, вотвурющаго лично, а не чрезъ посредство нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. (Въ скобкахъ будъ сказано, весьма странно слышать габсбургца, дѣлающаго изъ всеобщей подачи голосовъ *conditio sine qua non* принятія трона). Эрцгерцогъ затѣмъ требуетъ «гарантій, необходимыхъ для предохраненія новой имперіи отъ опасностей, угрожающихъ ей цѣлости и независимости.» Но какимъ образомъ обезпечить независимость и цѣлость мексиканской монархіи? Эта монархія очевидно возбудитъ къ себѣ въ соединенныхъ штатахъ только весьма унизительную симпатію и надо предвидѣть минуту, быть можетъ очень близкую, когда великая американская республика захочетъ

освободить Мексику отъ правленія, которое она назоветъ монархическимъ гнетомъ, подобно тому, какъ мы называемъ правленіе Хуареса гнетомъ республиканскимъ.

Средство противъ этой опасности очевидно представляется въ коллективной гарантіи державъ. Но гарантія всѣхъ не составляетъ гарантіи, потому что она всякому изъ гарантировавшихъ даетъ возможность уклоняться отъ принятыхъ на себя обязанностей и въ этомъ отношеніи ссылаться на другихъ. Въ такомъ случаѣ, Франція одна вслѣдствіе требованій чести, должна будетъ защищать эту новую имперію. Но тогда остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ о независимости. Отношеніе между побѣдителемъ и народомъ побѣжденнымъ называется иногда протекторствомъ со стороны перваго, и большею частію рабствомъ со стороны послѣдняго; но никогда побѣжденный въ отношеніи къ своему побѣдителю не бываетъ независимымъ. Безъ всякаго сомнѣнія, новый императоръ не захочетъ принять такого ресположенія. Поэтому надо полагать, что программа эрцгерцога Максимилиана, если она и серьезна, не можетъ быть исполнена и что его мнимое согласіе равняется рѣшительному, окончательному отказу.

Чтобъ Мексика, это драгоценное украшеніе короны Карла V, снова возвратилась къ его семейству— вотъ проектъ весьма соблазнительный для габсбурговъ, но къ осуществленію котораго они, какъ видно, не рѣшаются приступить. Другой же планъ, относительно возвращенія короны Германской имперіи, еще недавно казался удобоисполнимымъ. По видимому, стоило только протянуть руку за этимъ сокровищемъ и произнести одно магическое слово, единственно одно слово: но какое? Австрійскій императоръ не сумѣлъ произнести этого слова; народный энтузіазмъ разсѣялся, какъ дымъ, и прелестные проекты Франца Іосифа разрушились самымъ жалкимъ образомъ. То, что недавно казалось вѣроятнымъ, теперь представляется возможнымъ только въ отдаленномъ будущемъ и вскорѣ сдѣлается совершенно невѣроятнымъ. Вотъ что значить упустить удобный случай. *Fugit, fugit iteragabile tempus!*

Выдумка эксъ-демократа Юліуса Фределя (который, прежде чѣмъ сдѣлался вдохновителемъ его величества, едва не былъ повѣшанъ въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ Робертомъ Блумомъ) черезъ-чуръ измѣнялась господиномъ Шмерлингомъ, черезъ-чуръ перерабатывалась господиномъ Рехбергомъ, черезъ-чуръ исправлялась герцогомъ Саксен-Ко-

бургскимъ и его докторомъ Франке и черезъ-чуръ передѣлывалась молодымъ императоромъ. При каждомъ такомъ измѣненіи она теряла частицу своего демократическаго характера и наконецъ сдѣлалась достаточно хорошею для того, чтобы быть принятою конгрессомъ государей, но нисколько не заманчивою для ихъ народовъ. Чѣмъ значительнѣе рыба, которую хотятъ поймать, тѣмъ значительнѣе должна быть и наживка, навальваемая на удочку. Въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ огромный промахъ: кусокъ мяса замѣненъ былъ червякомъ, червякъ — мухой и наконецъ вмѣсто наживки употреблена мошка, которая нисколько не покрывала собою заостренныхъ концовъ крючка. Рыба увидѣла мѣдную удочку, закинутую на ее гибель, и нисколько не соблазняясь выброшеною приманкою, поплыла далѣе.

Французъ Иосифъ, отличающійся терпѣніемъ, не покидаетъ своего плана и теперь сидитъ на берегу Дуная, поджидая рыбу, которая, однакожъ, уже болѣе не является. Чѣмъ болѣе Германія вникаетъ въ проектъ предложенной федеральной реформы, тѣмъ менѣе онъ ей нравится. Пруссія, которую слѣдовало бы склонить на свою сторону, во что бы то ни стало, отдѣливъ ее отъ несчастнаго Гогенцоллерна, до того возненавидѣла эту идею, что Бисмаркъ считалъ возможнымъ вернуть себѣ популярность, являясь рѣшительнымъ врагомъ предложеній, сдѣланныхъ Австріею на франкфуртскомъ конгрессѣ. Этотъ министръ, говоря съ представителемъ одного изъ государей, засѣдавшихъ во франкфуртѣ, имѣлъ даже смѣлость назвать этотъ конгрессъ «преступнымъ шарлатанствомъ». Онъ приказалъ приступить къ избранію новой палаты и назначилъ лозунгомъ: довѣріе къ прусскому правительству, которое должно уничтожить австрійскія затѣи. Его рапортъ къ королю, гдѣ онъ мотивируетъ рзспущеніе прежней палаты, въ принципѣ уже рѣшенное еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, весь направленъ противъ Австріи и ея союзниковъ. Франкфуртскій проектъ въ немъ представляется посягательствомъ на право Пруссіи. Вызывая вдругъ воспоминаніе объ Ольмюцѣ, столько же прискорбное для прусскаго патріота, сколько для французскаго прискорбно воспоминаніе Ватерлоо, президентъ совѣта надѣялся со дня на день произвести переворотъ въ общественномъ мнѣніи и склонить избирателей къ замѣнѣ господъ Шульце-Делича, Гнейста и Вирхова людьми, подобными Герлаху, Вагнеру и Браншипу, къ замѣнѣ авангарда прогресса арьергардомъ отсталаго феодализма. Это было со стороны Бисмарка поступкомъ дара-

живъ. Известно, что прусскій народъ отличается пассивною энергіею, которая иногда доходитъ до крайняго упрямства, и вотъ къ этому-то народу, недовольному и обманутому, министръ обращается съ простыми словами: «возненавидимъ Австрію». Онъ полагалъ, что этихъ словъ будетъ достаточно для пріобрѣтенія любви и довѣрія гражданъ. Само собою разумѣется, что прусскіе либералы вовсе и не думали принять лозунгъ, который съ такою самоувѣренностью предложенъ былъ Бисмаркомъ. Австрійскій проэктъ, говорили они, осуществимъ только въ неизвѣстной будущности, тогда какъ теперь мы имѣемъ дѣло съ живымъ человѣкомъ. Освободимся напередъ отъ этого Бисмарка, а потомъ дойдетъ очередь и до призрака, созданнаго Австріею.

Случилось то, что ожидалъ всякій и чего не предвидѣлъ только министръ: ни одна партія, даже партія ультра-монтанскихъ католиковъ, не согласилась идти по пути, указанному правительствомъ на избирательной почвѣ. Никто не хотѣлъ оставить вопросъ внутренній ради вопроса вѣшняго, и забыть о нарушеніи конституціи ради проэкта федеральной реформы. Публика толпою пристала къ программѣ либераловъ, которая резюмируется въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

- 1) Свобода прессы и отмена декрета 1 го іюня.
- 2) Законъ, утверждающій отвѣтственность министровъ.
- 3) Признаніе за палатой депутатовъ права устанавливать бюджетъ.
- 4) Реформа палаты господъ.
- 5) Устройство арміи на популярныхъ началахъ. (Отпачіе у деорнягъ исключительнаго права на званіе офицеровъ. Сохраненіе ландвера и двухгодичнаго срока службы).
- 6) Парламентъ германскій, непосредственно избираемый народомъ.

Вездѣ поговариваютъ о необходимости отправить въ палату людей дѣйствія, радикаловъ, на мѣсто выбывающихъ умѣренныхъ членовъ. Господишъ Турстенъ, пріобрѣтшій популярность своею дуэлью съ генераломъ Мантейфелемъ, впалъ въ немилость по поводу нѣсколькихъ неблагозвучныхъ словъ, высказанныхъ имъ о ландверѣ. Его хотять замѣнить господиномъ Якоби, прославившимся въ 1848 году. Господа Рёнпе, Ауервальдъ, фаннаписистъ Кюне признаны слишкомъ уступчивыми. Уже въ радикальныхъ кружкахъ поговариваютъ, что слѣдуетъ требовать отъ палаты, чтобъ она рѣшительно отказалась разсуждать о бюджетѣ съ настоящимъ минплетромъ. Въ Плякконтѣ одинъ гражданинъ, Іоганнъ Рейстенбахъ, первый отказался платить подать. «Я считаю несовѣстнымъ съ моими гражданскими обязан-

ностями», говорилъ онъ, «помогать чѣмъ бы то ни было министерству, которое нарушило конституцію и управляетъ страной безъ бюджета, правильно вотированнаго депутатами народа. Поэтому я рѣшился не платить податей добровольно, пока окончательно не возстановленъ будетъ конституціонный порядокъ».

Другой замѣчательный симптомъ: два значительныхъ города, Эр-фуртъ и Франкфуртъ на Одерѣ, отказались вотировать сборъ денегъ для пріема короля, — фактъ, неслыханный въ Пруссіи, которая прежде отличалась приверженностью къ своей династіи. Эти два города не хотятъ даже быть заподозрѣнными въ единогласіи съ правительствомъ. Судъ оправдалъ трехъ берлинскихъ журналистовъ, обвиненныхъ въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ властямъ въ своихъ согражданахъ посредствомъ объявленій, которые они напечатали по поводу новаго закона о прессѣ. Муниципальный совѣтъ столицы не захотѣлъ вотировать адреса, съ изъявленіемъ сожалѣнія о смерти одного изъ принцевъ королевской фамиліи, и прямо отказался поздравить королеву со днемъ ея рожденія. Никогда подобный скандалъ не считался возможнымъ въ монархической Пруссіи. Впрочемъ муниципалитетъ привелъ превосходную причину въ свое оправданіе: онъ объявилъ, что ему запрещено королемъ дѣлать какую бы то ни было политическую манифестацію и приказано ограничиваться исключительно занятіемъ дѣлами гражданскими. Не смотря на то, семейство принца Генриха пришло въ негодованіе и признало этотъ поступокъ оскорбительнымъ для себя. Король, съ своей стороны, также выразилъ неудовольствіе по этому случаю и объявилъ, что онъ оскорбленъ и какъ глава государства и какъ частный человекъ. Онъ негодуетъ и сердится и находитъ свое положеніе весьма труднымъ. Разъ даже, при свиданіи въ Гастейнѣ, онъ изъявлялъ своему сыну готовность отказаться отъ престола въ его пользу. Принцъ тогда не принялъ этого предложенія, а теперь говоритъ, что если оно будетъ сдѣлано ему еще разъ, то онъ приметъ его немедленно. Безпрестанно оправдываются слова, вырвавшіяся у Вильгельма въ одинъ изъ его хорошихъ дней: «пусть будутъ ко мнѣ снисходительными; я прожилъ шестьдесятъ лѣтъ, никогда не думая, что мнѣ придется носить такое бремя короны. Я всегда полагалъ, что не кереживу своего брата.» Эти слова оказываются слишкомъ справедливыми. Занятіе общественными дѣлами никогда не нравилось Вильгельму; онъ всегда любилъ заниматься только военными вопросами.

Однакожь, въ этомъ дѣлѣ замѣшано самолюбіе стараго государя: самъ онъ и не хотѣлъ бы казѣнному жезлу уступить своему народу. Болѣе, чѣмъ когда либо, онъ увлекается своимъ Бисмаркомъ, въ отношеніи къ которому онъ не болѣе, какъ первый министр и первый ходатай по дѣламъ избирательнымъ. Онъ развѣзжаетъ изъ города въ городъ, чтобы склонить избирателей на сторону правительства, и лично хлопочетъ о противодѣйствіи кандидатуръ Зибеля. Принудительныя мѣры въ этомъ отношеніи доведены до крайности. Министръ внутреннихъ дѣлъ коручилъ начальникамъ провинцій строго наблюдать за поведеніемъ чиновниковъ во время предстоящихъ выборовъ. Даже пассивное положеніе, говоритъ прусскій Мониторъ, будетъ считаться признакомъ отсутствія вѣрности къ престолу. Королевскіе чиновники, какого бы названія и какой бы степени они ни были, не освобождаются отъ обязанностей, требуемыхъ вѣрноподданническою присягою, ни какъ избиратели, ни какъ избираемые лица. Подача голоса въ пользу оппозиціоннаго кандидата будетъ признана измѣною съ ихъ стороны. Одинъ изъ главныхъ предводителей феодальной партіи, графъ фонъ Зелотъ Пильзахъ братски подписался подъ однимъ адресомъ съ сапожникомъ Паузе, котораго господинъ фонъ Клейстъ Ретцовъ, или какой-то другой юнкеръ, во время послѣдняго избирательнаго похода публично удостоилъ поцѣлуя, раздаваемаго по всей аристократической Германіи, начиная отъ Мевленбурга Стрелица и до военной границы.

Кромѣ несогласія съ Австрією, министерство Бисмарка хотѣть воспользоваться шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ, чтобы отвлечь вниманіе Пруссіи отъ внутреннихъ дѣлъ и обратить его на внѣшнія. Но буда въ томъ, что этотъ вопросъ также намѣрена эксплуатировать въ свою пользу и Австрія. Въ настоящую минуту оба врага слѣдуютъ одной и той же политикѣ, но стараются опередить другъ друга. Господинъ Рехбергъ хотѣть овладѣть этимъ дѣломъ, какъ новымъ средствомъ для пріобрѣтенія популярности. Австрія теперь столько же заинтересовалась шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ, какъ и вопросомъ германскимъ. Это она настаиваетъ на федеральную эспедицію, которая можетъ имѣть очень важныя послѣдствія. Военное занятіе герцогствъ вѣроятно не совершится мирно. Данія уже объявила, что приметъ его за объявленіе войны, въ предупрежденіе которой она заключила оборонительный и наступательный союзъ съ Швецією. Пожаръ, вспыхнувши разъ на этомъ пунктѣ, можетъ рас-

прострапиться далеко и повлечь за собою страшную всеобщую войну, которая грозит намъ каждую весну. Самыя серьезныя столкновенія могутъ произойти отъ этого жалкаго вопроса, который уже столько лѣтъ выводитъ насъ изъ терпѣнія. Франція проситъ Данію не принимать этого занятія за причину, достаточную для объявленія войны. Англія уговариваетъ Германію быть умѣренною. Она признаетъ занятіе герцогствъ законнымъ, но заранѣе протестуетъ противъ всякаго вторженія германскихъ войскъ за шлезвигъ-голлштинскіе предѣлы. Она совѣтуетъ обѣимъ сторонамъ обратиться къ какому нибудь посредничеству и очевидно считаетъ себя наиболѣе с особною безпристрастно обсудить ихъ взаимныя претензіи. Безъ всякаго сомнѣнія, она объявила бы посредницею въ этомъ дѣлѣ юную чету, принца Артура и принцессу Александру. Но Пруссія и Австрія не согласятся на такую идиллію и захотятъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онѣ говорятъ, что этотъ вѣчный шлезвигъ-голлштинскій вопросъ есть нарывъ на обширномъ тѣлѣ Германіи и что давнымъ-давно пора для уничтоженія его прибѣгнуть къ употребленію бистурей (это хирургическій инструментъ, который въ такихъ не искусныхъ рукахъ можетъ сдѣлаться ножомъ живодера). Итакъ, эта скучная комедія готова превратиться въ трагедію. Будетъ-ли она черезъ это лучше?

Чтобы познакомиться съ настоящимъ положеніемъ Англіи и съ ея событіями и дѣйствіями въ продолженіи послѣдняго мѣсяца, всего лучше обратиться къ знаменитой рѣчи графа Росселя, произнесенной въ Блэргоріи, на банкетѣ, данномъ въ честь его фермерами. Мы приведемъ относительно всѣхъ главныхъ вопросовъ подлинныя слова этого министра, предоставляя себѣ подтверждать ихъ или комментировать извлеченіями изъ Таймса и иногда присоединять къ нимъ свои собственныя скромныя замѣчанія.

«Господа, воскликнулъ графъ Россель: — важные вопросы, всѣмнѣшніе по иностраннымъ дѣламъ, сильно занимали нашу страну... Гражданская война вспыхнула въ Польшѣ... Я объявлялъ въ парламентѣ и до сихъ поръ того мнѣнія, что никакія обязательства, ни честь, ни интересы Англіи не требуютъ, чтобъ мы вели войну за Польшу.

«Однакожь, я былъ удивленъ, что послѣ переписки, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, Россія вступила на избранный ею теперь путь. Раздѣлъ Польши въ прошломъ столѣтіи служилъ сканда-

ломъ для Европы. Это предметъ угрызения совѣсти для трехъ державъ, которыя принимали въ немъ участіе. Но вѣнскій трактатъ призналъ эту мѣру приличною и обстоятельства, быть можетъ, извиняли такое дѣйствіе: допущеніе, въ видѣ закона, настоящаго положенія Польши и оправданіе раздѣла, произведеннаго въ 1772 году.

«Выражаясь юридически: всѣ грочія державы были не болѣе, какъ посторонними свидѣтелями въ этомъ дѣлѣ». (Смѣхъ).

«Вы смѣтаетесь!.. О, вы толстые, краснолицые фермеры, что тутъ смѣшного? Что въ этомъ событіи можетъ возбудить вашу веселость и заставить ваши пузы трястись отъ удовольствій?

«Австрія и Пруссія удовлетворили требованіямъ трактата, но Россія не исполнила этихъ условій. Миѣ кажется, что она въ этомъ случаѣ поступила весьма неблагоразумно. Она имѣла на своей сторонѣ огромную выгоду: Европа простила ей захватъ Польши. А между тѣмъ Россія отвергаетъ условія, служившія основаніемъ для оправданія ея поступка, и ссылается на право обыкновеннаго раздѣла, на право завоеванія, отказываясь отъ обязательствъ, вслѣдствіе которыхъ, по вѣнскому трактату, эти права были признаны Европой.

«Какія могутъ быть послѣдствія такого образа дѣйствія и какъ будутъ вести себя въ этомъ дѣлѣ разныя европейскія державы? Вотъ вопросъ, который здѣсь неудобно разсматривать. Я только хотѣлъ замѣтить вамъ, что Россія не исполнила условій, по которымъ вѣнскій трактатъ призналъ за нею обладаніе польскимъ королевствомъ, и что такъ какъ эти условія ею не исполнены, то она не можетъ претендовать и на самое право обладанія!» (Аплодисменты).

Стендардъ, органъ торіевъ, здѣсь прерываетъ лорда Росселя.

«Судя по словамъ благороднаго графа», говоритъ эта газета, «Россія обладаетъ Польшею не по праву завоеванія или давности, а въ силу вѣнскаго трактата. На этомъ основаніи, Россія, не исполнивъ условій этого трактата, потеряла и всякое право на обладаніе Польшею. Не будемъ оспаривать показанія нашего министра иностранныхъ дѣлъ и разсматривать историческое значеніе, весьма впрочемъ сомнительное, двухъ посылокъ, которыя онъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ своемъ силлогизмѣ; но мы имѣемъ право удивляться заключенію, выведенному изъ нихъ ораторомъ, и поведенію этого человѣка. Какъ, министръ находитъ неудобнымъ осуждать Россію и не расположенъ противодействовать увѣреніямъ петербургскаго правительства! А между тѣмъ, если Россія не имѣетъ другихъ правъ на обладаніе Польшею

кромѣ вѣнскаго трактата, ею самою нарушеннаго, какъ вы говорите,—то не обязаны-ли вы, въ качествѣ официальныхъ поручителей, требовать исполненія этого трактата отъ тѣхъ, кто его нарушаетъ? Если вы не хотите или не смѣете этого дѣлать, то лучше вамъ молчать, и тогда никто не сталъ бы обвинять васъ въ трусости. Хвастливыя рѣчи и жалкое поведеніе могутъ удовлетворить безпозвоному тщеславію какого-нибудь министра, но не характеру націи, столь великой и столь могущественной, какъ англійская!»

Таймсъ и весь тотъ людъ, котораго эта газета служитъ представительницею, а именно значительное большинство людей *субстанціальныя*, какъ выражаются въ Англии, т. е. людей, обладающихъ деньгами и влияніемъ, Таймсъ выражаетъ удовольствіе по поводу рѣчи лорда Росселя. Слова и, можно сказать, весь духъ этого журнала представляютъ образецъ цинизма, грубаго эгоизма и нахальства. Мы приведемъ здѣсь въ подлинныхъ словахъ резюме нѣкоторыхъ статей этой газеты.

«Россія», говоритъ она, «наконецъ высказала свою мысль. Она съ надменностью объявила, что время упущено и что она ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ положенія, принятаго ею теперь... Споръ дошелъ до предѣловъ, гдѣ необходимо остановиться. Обнаружилось разногласіе мнѣній. Словами нельзя болѣе измѣнить этого положенія. Остается одно: прибѣгнуть къ силѣ».

«Для западныхъ державъ нѣтъ другого исхода, какъ только безмолвствовать или начать европейскую войну... Но Англія заранѣе объявила, что не будетъ воевать, и заранѣе смягчила (sic) свой поворотъ. Довольная ея отступленіемъ, Россія конечно, не захочетъ сдѣлать ей новую непріятность. Англія безмолвно принимаетъ данный ей щелчекъ, сожалься, что виѣшалась въ это дѣло, и сама смѣясь надъ своимъ собственнымъ пораженіемъ. Она ничего не хочетъ предпринять и никогда не имѣла намѣренія вести войну за Польшу. Правда, мы оскорблены, но лучше принять это оскорбленіе, чѣмъ сдѣлаться смѣшными, выказывая негодованіе, которое мы считаемъ неприличнымъ обнаруживать передъ нашимъ врагомъ».

«Другое дѣло — Франція. Она подвергалась постояннымъ насмѣшкамъ по поводу своего обращенія къ трактатамъ 1815 года и объявлена виновницею революцій, нарушающихъ равновѣсіе Европы».

«Съ другой стороны», продолжаетъ этотъ органъ мѣщанства — Россія играетъ въ опасную игру. Она хочетъ выиграть время, но Европа

весною не будетъ такъ же миролюбива, какъ теперь», — До сихъ поръ мы полагали, что трусь одинаково трусить весной и лѣтомъ и осенью. — «Весною», говорить далѣе представительница Джона Бул-ли, — «весною дѣла примуть другой оборотъ. Тогда наступитъ ми-нута дѣйствія. Та самая причина (ужь не внушенная ли благора-зуміемъ?), вслѣдствіе которой державы теперь сохраняютъ миръ, за-ставитъ ихъ тогда прибѣгнуть къ мѣрамъ совершенно противополож-нымъ. Россія забыла, что французская имперія есть вѣчная демо-кратія и что наполеоновская династія приняла на себя въ отно-шеніи къ полякамъ обязательство, которое она исполнить».

Эти слова достаточно ясны, но они были бы еще яснѣе и опре-длѣннѣе, еслибъ благородный авторъ этой статьи сказалъ:

«Мы кричимъ на весь свѣтъ, что мы защитники челоувѣчества и цивилизаціи противъ московскаго деспотизма и что мы клятвенно обязаы охранять вѣпскій трактатъ, нарушаемый Россією. Мы оскорблены, но мы храбро переносимъ это оскорбленіе, находя несо-вѣстнымъ съ нашимъ достоинствомъ обнаруживать негодованіе по по-воду обиды, за которую мы не намѣрены мстить. Мы позволимъ себѣ однакожъ угрожать своему врагу ненавистью Франціи, но по-ложитесь на Пальмерстона; онъ не дастъ Наполеону тронуться съ мѣста и въ особенности не дозволитъ ему торжествовать. Повѣрьте, мы болѣе завидуемъ своему тюльерійскому союзнику, нежели нена-видимъ своего петербургскаго врага.»

Право, почти готовъ жалѣть о князѣ Горчаковѣ, что ему приш-лось торжествовать надъ такими жалкими врагами, и почти находишь скромною одержанную имъ побѣду.

Графъ Россель снова приступилъ къ своей рѣчи, касаясь другого предмета.

«Господа», сказалъ онъ, «еще другой вопросъ, относящійся до виѣшней политики, сильно тревожилъ нашу страну. Я подразумеваю здѣсь вопросъ мексиканскій. Говорили о вмѣшательствѣ въ дѣла Мексики и что мы въ извѣстной степени принимали въ немъ уча-стіе».

Объ этомъ предметѣ благородный лордъ распространяется весьма подробно. Такъ какъ мы полагаемъ, что достаточно знакомы съ этимъ предметомъ, то оставимъ на время оратора и обратимся къ послѣднимъ извѣстіямъ изъ Японіи, о которыхъ министръ не счелъ нужнымъ говорить.

Пока происходили переговоры между тайкунсмъ и представителями Франціи и Англіи, одинъ изъ полу-пезависимыхъ японскихъ князей принялъ на себя начало непріязненныхъ дѣйствій противъ европейцевъ. Это былъ Нагато, одинъ изъ тѣхъ князей, которые вмѣстѣ съ Сатсумою обнаруживали передъ миадо наибольшую ненависть къ иностранцамъ и къ тайкуну. Вооруживъ восемь или девять маленькихъ крѣпостей, принадлежавшихъ ему у входа во Внутреннее море, и штукъ десять пароходовъ, купленныхъ у американцевъ, этотъ владѣтельный князь приказалъ стрѣлять по всѣмъ иностраннымъ судамъ, которыя будутъ проѣзжать мимо его артиллеріи. До сихъ поръ американцамъ удавалось держаться почти совершенно всторонѣ отъ этихъ споровъ, но случаю угодно было, что первый корабль, попавшійся подъ выстрѣлы японскихъ баттарей, былъ американскій. Это былъ Пемброкъ, небольшое купеческое судно. Пронзенное насквозь непріятельскими ядрами, оно обратилось въ бѣгство, какъ могло, и къ частію успѣло достигнуть порта. Его соотечественникъ, Вайомингъ, корабль военный, поспѣшилъ отмстить за него японцамъ. 16-го іюля онъ хотѣлъ вцѣпиться въ абордажъ съ однимъ непріятельскимъ брикомъ и однимъ пароходомъ, но отказался отъ атаки, увидѣвъ многочисленность солдатъ и матросовъ, съ которыми пришлось бы ему имѣть дѣло. Замѣтивъ потомъ третье японское судно, онъ направилъ на него огромную бомбу, которая, попавъ въ пороховой магазинъ, взорвала непріятельскій корабль. Вайомингъ затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ бомбардировалъ форты князя Нагато и, полагая, что сдѣлалъ свое дѣло, возвратился восвояси. Затѣмъ явился голландскій корветъ, Медуза. Онъ зналъ о томъ, что происходило до него, и потому нисколько не удивился, когда получилъ въ бокъ цѣлый залпъ выстрѣловъ. Онъ отплатилъ непріятелю, какъ слѣдуетъ, говорить онъ, и проѣхалъ мимо. Потомъ явился маленький военный французскій пароходъ. Японскіе артиллеристы такъ мѣтко направили въ него свои выстрѣлы, что онъ доѣхалъ до Нагасаки, черпая воду, и нѣсколько разъ подвергался опасности погибнуть на дорогѣ. Немедленно Танкредъ и Семирамида поспѣшили отмстить за него непріятелю. Танкпервый вступилъ въ бой и за это сильно пострадалъ, но Семирамида сбила непріятельскую баттарей, состоящую изъ двадцати-пяти фунтовыхъ пушекъ. Адмиралъ Жорестъ, командовавшій атакой, высадилъ на берегъ двѣсти человекъ. Они попали въ за-

саду, но немедленно ударили въ штыки, съ свойственнымъ французамъ увлеченіемъ, и опрокинули все, что заграждало имъ дорогу. Они разрушили нѣсколько батарей, побросали аммуницію въ море, сожгли лафеты и взорвали пороховой погребъ. Взаключеніе, они перерѣзали полтораста японскихъ оѣнцровъ. Такъ гласитъ оѣціальнѣй рапортъ Жореса. Японцы унесли всѣхъ своихъ раненыхъ на батареихъ, но тамъ находились цѣлыя лужи крови. Дѣтъ тысячи японцевъ приближались къ селу, гдѣ французы сожигали военный лаестъ, но они были приведены въ смятеніе нѣсколькими бомбами, брошенными въ нихъ, и остались въ почтительномъ отдаленіи.

По послѣднихъ телеграммамъ, ожидалось подробныя извѣстія объ атакѣ, которой подвергался англійскій корабль *Coquette*, и о мѣтахъ къ возмездію, принятыхъ британскимъ адмираломъ.

Изъ всего этого оказывается все съ большею и большею достоверностью, что власть какъ тайкуна, такъ и микада, почти только номинальна. Другой фактъ: японскіе артиллеристы весьма хорошо владѣютъ своими орудіями. Эти орудія невелики; самыя большія изъ нихъ мечутъ только тридцати двухъ фунтовыхъ ядра; но эти снаряды достигаютъ своей цѣли. Единственное преимущество европейской артиллеріи передъ японскою заключается въ калибрѣ; но опасаются, что японцы, въ свою очередь, станутъ отливать пушки нарѣзные и нарѣзные, неуступающія по величинѣ нашимъ. Французы говорятъ, что японцы слишкомъ слабы для того, чтобы выдерживать атаку на штыки.

Федеральный совѣтъ Швейцаріи весьма благоразумно рѣшился отозвать своего консула изъ Японіи. Отнынѣ японскія дѣла тѣсно будутъ связаны съ исторіею европейскихъ державъ. Кто такъ хорошо владѣетъ нарѣзными пушками, какъ Японцы, тотъ вполне достоинъ участвовать въ *концертѣ* цивилизованныхъ націй!

Пока мы совершили прогулку въ Іеддо и Нагасаки, лордъ Джонъ Россель окончилъ свое путешествіе въ Мексику. Онъ выпиваетъ стаканъ сахарной воды и подаетъ сигналъ, что намѣренъ снова приступить къ своей рѣчи.

«Я теперь хочу говорить, продолжалъ онъ: — о томъ, что прежде называлось Соединенными Штатами. (Мы отсюда видимъ улыбку ироническаго самодовольствія, озаряющую блѣдныя щеки этого маленькаго старика). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы радовались преуспѣянію этой страны, какъ вдругъ въ ней вспыхнула война. Фе-

дералы первые жаловались на насъ, что мы признали за конфедеративными штатами права воюющей державы. Но я спрашиваю васъ, можно ли считать объявленіе пяти милліоновъ людей обыкновенныхъ повстаніемъ и отказать такому значительному союзу въ правахъ, которыя всегда признавались за народами, отличающимися, подобно этому союзу, своею многочисленностью, своею силою и обширностью своей тирриторіи? Говорили, что мы не должны были бы признать этимъ правъ за плантаторами южной конфедераціи, на томъ основаніи, что эти люди владѣютъ рабами. Но мы имѣемъ же сношенія съ Испанією и Бразилією, гдѣ также находятся рабовладѣльцы...

Что касается вопроса, надѣлавшаго такъ много шума, вопроса о сооруженіи и снаряженіи, въ нашихъ портахъ, судовъ, которыми могутъ отправиться въ конфедеративные штаты, то я на этотъ счетъ объяснись категорически. Вотъ мое правило. Я въ этомъ отношеніи готовъ сдѣлать все, чего требуютъ права народовъ, наше законодательство и наша внѣшняя политика. Еслибъ мнѣ доказали, что въ этомъ случаѣ для сохраненія нашего нейтралитета необходимо принятіе новыхъ мѣръ, то я даже готовъ по этому предмету войти съ представленіями въ парламентъ...

«Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ членовъ палаты лордовъ жалобы на то, что мы позволили арестовать суда, отправлявшіяся въ нейтральные порты, или просто находившіяся на морѣ; по повидимому имѣвшія законное назначеніе, и насъ упрекали, что мы такимъ образомъ допустили нанести вредъ нашей торговлѣ (Яснѣе: жаловались на то, чтобы мы не дали послѣднимъ корсарскимъ кораблямъ, строившимся въ Англіи, позволенія отправиться въ море для грабежа, что прежде разрѣшалось другимъ подобнымъ же судамъ). Отвѣтъ нашъ рѣшительнъ: по народному праву, всякая воюющая держава можетъ остановить среди моря судно, дѣйствительно захваченное для непріятельскаго порта, снабженное военною амунициєю и очевидно отправляющееся къ мѣсту своего назначенія, словомъ я долженъ сказать, что правительство королевы рѣшилось исполнить все то, чего требуетъ нейтралитетъ, все, что справедливо въ отношеніи къ дружественной націи, руководствуясь правиломъ: «не дѣлай другимъ того, чего не желалъ бы самому себѣ». (Апплодисменты.)

Остановимся на этихъ послѣднихъ словахъ. Они заслуживаютъ особеннаго вниманія. При томъ авторитетѣ, какимъ этотъ всемогу-

щій министр иностранныхъ дѣлъ пользуется въ Великобританіи, слова эти служатъ ручательствомъ, что нечего опасаться войны между Англіею и федеральными штатами Америки. Итакъ вотъ правительство ея величества, королевы Викторіи, вдругъ обратилось къ доктринѣ, что корсарскіе корабли не то, что обыкновенные купеческіе товары, и что строить такіе корабли на англійскія деньги и пачетъ англійскихъ акціонеровъ съ тѣмъ, чтобы они, эти корабли, грабили суда Соединенныхъ Штатовъ для выгоды британской торговли, есть дѣйствіе, которое никакъ не можетъ сравниться съ продажою металлическихъ перьевъ и готовыхъ платьевъ. Лордъ Россель теперь такъ хорошио понимаетъ справедливость замѣчаній американскаго посланника, что даже готовъ предложить парламенту измѣненіе англійскаго закона касательно этого предмета. Конечно, никто отъ него этого не требуетъ; достаточно, если онъ велитъ честно исполнить предписанія такъ называемаго международнаго права.

Хвалятъ арабскихъ лошадей за то, что онѣ, находясь на всемъ скаку, способны, по данному знаку своего всадника, остановиться въ нѣсколько секундъ. Хвалятъ кареты, которыя могутъ дѣлать крутой поворотъ. Такихъ-же. точно похвалъ заслуживаютъ англичане и ихъ правительство. Они одни умѣютъ дѣлать такіе внезапные, рѣзкіе переходы въ политикѣ и съ такою ловкостью и съ такою непринужденностью. Мы знаемъ, какъ яростно кипѣла желчь въ Джонъ Буллъ и какъ онъ искалъ только повода, чтобы сѣбѣниться съ своимъ кузеномъ Джонатаномъ... И вдругъ, безъ всякаго другого перехода, кромѣ минутнаго размышленія, онъ признаетъ несправедливымъ то, что прежде казалось ему справедливымъ, и начинаетъ любить то, что прежде было для него ненавистно. Лишь только побѣдители Висксбурга и Деттисбурга могли обратить вниманіе на оскорбленія, которымъ они подвергались со стороны своихъ за-атлантическыхъ сосѣдей, и заговорили о намѣреніи потребовать уплату за купеческій флотъ, ограбленный и сожженный по милости добрыхъ людей, благопріятелей, сейчасъ эти англичане сдѣлались любезными, миролюбивыми и даже справедливыми, и Джонъ Россель при этомъ случаѣ весьма кстати вспомнилъ слова божественнаго учителя, Иисуса Христа: не дѣлай другимъ того, чего не желаешь самому себѣ». И вотъ вся англійская нація вдругъ проникается чувствомъ христіанскаго долга и превращается въ народъ, состоящій изъ братьевъ и друзей, изъ добрыхъ кузеновъ и

усердныхъ апостоловъ! Да помилюйте, какъ-же намъ быть иначе?! Вѣдь эти дьяволы янки бомбардировали фортъ Семтеръ черезъ двѣ другія крѣпости, на разстояніи шести километровъ. Они изобрѣли *миниторы* и, что еще хуже, *диктаторы*, и каждую недѣлю спускаютъ на воду новое бронепосное судно. Своими пушками они готовятся пропавести переворотъ въ военномъ искусствѣ. При Чарльстонѣ употребляютъ снаряды въ пятьсотъ фунтовъ. Они сбѣгаютъ надъ нашими *армстронгами* и *виттакерами* и пренебрѣгаютъ своими *далгренами*, которые однакожъ, насъ заставляютъ трепетать. Теперь они говорятъ только о новыхъ своихъ орудіяхъ, изобрѣтенныхъ Парротсочъ, и о какихъ то страшныхъ машинахъ, которыхъ снаряды, вѣсомъ въ пятьсотъ килограммовъ каждый, хватаютъ на десять километровъ разстоянія. Увѣряютъ, что ядра ихъ пробиваютъ желѣзо, раздробляютъ камень и сталь и на столько и столько-то дюймовъ проникаютъ въ песокъ. Ясно, что при такихъ огромныхъ, средствахъ, они лишь только раздѣляются съ сепаратистами, въ состояніи будутъ въ одну недѣлю отнять у насъ Канаду и въ двѣ недѣли истребить нашъ торговый флотъ на всемъ протяженіи морей. Теперь пора прогнать, какъ можно боѣе грубо, мистера Мэсона, того самого человѣка, ради втораго мы уже готовы были начать войну по случаю песчатной исторіи, бывшей съ Трентомъ. Пусть мистеръ Мэсонъ уберется поскорѣе къ императору французовъ и къ нашему экс-другу, Джефферсону Дэвису! Вѣдь говорится же въ Евангеліи: «не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ самому».

И лордъ Джонъ Россель съ чувствомъ продолжалъ свою рѣчь, вызывавшую слезы умиленія на глазахъ толстыхъ краснолицыхъ фермеровъ Блэргоріи.

«Господа, говорилъ онъ:—«мы, быть можетъ, имѣемъ нѣкоторыя причины пѣнить на жителей Соединенныхъ Штатовъ, такъ же какъ и они, съ своей стороны, могутъ имѣть въ отношеніи къ намъ основаніе къ упрекамъ. Но мы не должны забывать, что происходитъ съ ними отъ однихъ и тѣхъ же предковъ; что въ американскихъ судахъ постоянно изучаются англійскіе законы; что рѣшенія нашихъ великихъ юристовъ пользуются тамъ авторитетомъ; что нашъ Шеллиръ и нашъ Милтонъ, какъ для насъ, такъ и для американцевъ, служатъ классическими авторами, и что мы наконецъ, вмѣстѣ съ этою націею, получили то же наслѣдіе свободы... Соединенные такимъ образомъ, отличаясь однимъ и тѣмъ же литературнымъ вкусомъ и

однимъ и тѣмъ же духомъ свободы и законности, оба народа по окончаніи несчастной войны, свирѣпствующій нынѣ въ Америкѣ, должны обнять другъ друга братски. Англичане въ древнемъ мірѣ, американцы въ новомъ, должны служить маяками, освѣщающими путь къ цивилизаціи для всего человѣчества. (Аплодисменты). Признаюсь, господа, воодушевленный такими чувствами, я иногда готовъ выйти изъ себя при видѣ людей, которые тщательно собираютъ разнаго рода обвиненія и клеветы на нашихъ братьевъ по происхожденію, всячески стараясь содѣйствовать къ продолженію войны, которая и безъ того уже стоила много крови. Неужели необходимо и между націями самой Европы распространить новую войну, съ новыми пожертвованіями человѣческой крови, человѣческихъ интересовъ, человѣческаго счастья! (Аплодисменты и крики «браво! браво!»)

Это было патетическое мѣсто, но за нимъ слѣдовало заключеніе, не менѣе откровенное: «Мы болѣе всякаго другого народа въ мірѣ любимъ благо человѣчества. (Бѣда, еслибъ это было правда!).... Соединенные Штаты со временемъ отдадутъ намъ справедливость. Они увидятъ, что въ нашей странѣ свободы, гдѣ господствуетъ такое разиогласіе мнѣній, есть много приверженцевъ южной конфедераніи, но есть также множество людей, которые симпатизируютъ федеральнымъ штатамъ, и я полагаю, что эти своею числительностію превосходятъ первыхъ.» (Помнится, не далѣе, какъ недѣль шесть тому назадъ, мистеръ Робекъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ парламента, объявилъ, что если въ Великобританіи и найдутся партизаны федераловъ, то этихъ партизановъ не болѣе чѣмъ сколько нужно для наполненія омнибуса). «Но, продолжалъ лордъ Россель: — каковы бы ни были въ этомъ отношеніи наши взаимныя симпатіи, мы всѣ хранимъ въ сердцахъ своихъ чувство справедливости. Будемъ справедливы къ другимъ и ожидать того же для насъ самихъ. Я полагаю, что высказываю ваши чувства, объявляя, что справедливость должна торжествовать!» (Громъ рукоплесканій. Крики: браво! Продолжительное топанье ногами).

Послѣ такой витіеватой рѣчи оставалось только поздравить маленькаго Джона, что и исполнилъ лордъ Эрли, владѣлецъ тѣхъ земель, которыя обрабатывались толстыми краснолицыми фермерами, присутствовавшими на банкетѣ. Онъ провозгласилъ тостъ въ честь министровъ королевы и замѣтилъ, что даже члены оппозиціи почти совершенно раздѣляютъ мнѣніе кабинета. Лордъ Джонъ на это от-

вѣтилъ любезно: «Я не думаю, чтобы между лордомъ Пальмерстономъ и лордомъ Дерби существовало большое различіе въ мнѣніяхъ. По своему скромному разумѣнію и какъ членъ кабинета, я полагаю, что лордъ Пальмерстонъ управляетъ страной гораздо лучше, чѣмъ управлялъ ею лордъ Дерби (снѣтъ), но что касается внѣшней политики, то я нахожу, что въ этомъ отношеніи оба они совершенно согласны въ мнѣніяхъ». Потомъ лордъ Россель поздравилъ толстыхъ фермеровъ съ обильнымъ урожаемъ, поздравилъ Англiю съ ея цвѣтущимъ состояніемъ, поздравилъ самого себя съ своимъ пресловутымъ Reform bill, составленнымъ лѣтъ тридцать назадъ, поздравилъ свое отечество съ тѣмъ, что оно совершило почти всѣ преобразованія, какія только можно было ожидать (и которыя, по странному случаю, окончились въ то самое время, когда Джонъ достигъ своей честолюбивой цѣли—титула пера и званія министра иностранныхъ дѣлъ). За тѣмъ этотъ поборникъ прогресса разсказалъ вотъ какой анекдотъ. Одинъ земледѣлецъ въ Шотландіи построилъ для блага общественную дорогу вдоль горнаго хребта и на самой возвышенной части ея велѣлъ поставить скамейку, съ надписью: «Отдохни, странникъ, и скажи спасибо»!

Какъ эти государственные люди наивны! Правда, что этотъ крикъ устарѣлаго и удовлетвореннаго честолюбія встрѣтилъ отголосокъ въ Англiи. Урожай хлѣба въ этомъ году былъ такъ обилень и солнце доставило англійскимъ фермерамъ милліоновъ на тридцать франковъ барыша болѣе, чѣмъ прежде; налоги уменьшены, а доходы государства и частныхъ лицъ увеличились. И вотъ всѣ англійскіе журналы начали сравнивать дѣвствующее состояніе своего бюджета съ бѣдностью другихъ державъ европейскихъ и неевропейскихъ, и большая часть изъ нихъ воскликнула: «Мы богаче и, слѣдовательно, счастливѣе всѣхъ народовъ; мы одни обладаемъ умомъ и здравымъ смысломъ»! Англiя въ настоящее время напоминаетъ собою одно изъ лицъ народной дѣтской комедіи, о которой говорится:

Little Jack Horner
Sat in a corner,
Eating a Christmas pie.
He put in his thumb,
And pull'd out a plum,
And said: What a brave boy am I! *)

*) Маленькій Джекъ Горнеръ сидѣлъ въ углу и ѣлъ пироги. Онъ запустилъ въ него палецъ, вынулъ изюмину и сказалъ: „Какой я славный мальчикъ!“

Федералы увидѣли ходъ своихъ побѣдъ прерваннымъ. Они испытали большое пораженіе. Если вѣрять телеграфу, двадцать тысячъ изъ нихъ легло убитыми или ранеными на полѣ сраженія. Вотъ новая кровавая остановка на этомъ трудномъ пути, который долженъ вести къ водворенію мира въ Униі и къ доставленію свободы всѣмъ жителямъ американскихъ Штатовъ, безъ различія національности и дѣйствъ. Еслибъ федералы одержали легкій успѣхъ, то сохранились бы всѣ прежнія партіи, съ ихъ взаимною непріязнью, съ ихъ предрассудками и лозунгами и со всею вѣковой мишурою соціального порядка, который долженъ исчезнуть. За то трудная побѣда, купленная этимъ *labor improbis*, который отличаетъ янки во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, послужитъ даже для самыхъ эгоистическихъ консерваторовъ признакомъ наступленія новой эры. Еслибъ даже пришлось послѣ того сохранить конституцію 1789 года, то и тогда тѣ, которые станутъ читать ее, будутъ читать съ обновленнымъ духомъ. Тогда окажется, что двѣнадцать тысячъ жертвъ, павшихъ теперь на границахъ Джорджіи, съ своей стороны содѣйствовали этому великому перевороту Америки и всего свѣта.

Въ послѣднее время арміи Розенкранца и Бернсайда завоевали восточный Тенесси, этотъ краеугольный камень мятежной конфедерации. Онѣ заняли всю верхнюю равнину Тенесси и западный склонъ Аллегановъ. Рабовладѣльческія войска покинули Чаттаногу. Генераль Бернсайдъ, котораго какая нибудь тысяча отважныхъ людей могли бы остановить въ ущельяхъ горъ, и который едва не погибъ отъ голода со всею своею арміею, былъ съ большимъ торжествомъ встрѣченъ въ Ноксвиллѣ. Мѣстные жители, унионисты, повидимому, измѣнившіе своему отечеству по принужденію и изъ страха, осыпали федеральныхъ солдатъ цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ, и многіе молодые люди, покинувшіе войска рабовладѣльцевъ, вступили въ армію федераловъ. Армія мятежниковъ рѣдѣла все болѣе и болѣе, каждый день человекъ сто покидали ея знамя. Чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, ядры своихъ полковъ, Брэкстонъ Брэггъ принужденъ былъ оставить безъ боя, во всеобщему ужасу жителей Чаттаногы, самыя главныя стратегическія позиціи Соединенныхъ Штатовъ.

Угрожаемая въ самомъ центрѣ своимъ, мятежная конфедерация должна была поставить все на карту и отправить всѣ эти войска на помощь остальной арміи, которая была загнана въ Джорджію. Въ

этой американской войнѣ, представляющей столько примѣровъ новаго порядка вещей въ военномъ дѣлѣ, вся территорія плантаторовъ можетъ сравниться съ военнымъ пунктомъ, къ торому со всѣхъ сторонъ окруженъ и пріятелемъ. Въ то время, какъ осажденные, занимая центръ, имѣютъ надобность въ меньшемъ числѣ войскъ и легко могутъ переправлять ихъ изъ одного мѣста въ другое, осаждающіе должны имѣть армію, которая превосходить непріятельскую численностью, въ геометрической пропорціи, возрастающей быстро, и отряды ихъ, двигаясь на болѣе обширномъ пространствѣ, не въ состояніи такъ скоро подать другъ другу помощь. Но по мѣрѣ того, какъ они подвигаются къ центру, ихъ положеніе становится все болѣе и болѣе выгоднымъ. Такъ какъ образуемый ими кругъ уменьшается, то числительное превосходство ихъ силъ надъ силами непріятели оказывается менѣе необходимымъ. Можно сказать, что сраженія на открытомъ полѣ прекратились и что теперь войска Уніи начали окружать территорію рабовладѣльцевъ. Такая перемена, правда, представляетъ сначала большую выгоду для мятежниковъ; но мы надѣемся, что стратегическая аксіома: «каждый осажденный пунктъ долженъ пасть рано или поздно», осуществится и въ этомъ случаѣ.

Всѣ войска конфедераціи собраны были въ одномъ пунктѣ для занятія новой позиціи, послѣ того какъ прежняя была покинута въ Чаттаногѣ. Изъ остатковъ войскъ Брэкстона Брэгга, Ли, Лонгстрита и изъ отрядовъ виргинской арміи, арміи Мори изъ Мобилля, Джонстона изъ Миссиссиппи, и даже Борегера, образована была новая армія въ семьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ человекъ, которая превосходила армію Розенкранца своею численностью, приблизительно на сорокъ тысячъ. Сраженіе продолжалось два дня и отличалось кровопролитіемъ. Оно началось 20-го сентября атакою, произведенною Брэггомъ на федеральный центръ, который, послѣ упорнаго сопротивленія, долженъ былъ уступить. Едва едва вся армія уніонистовъ не была разрѣзана на двѣ части. Правое крыло ея также было разбито, но и оно не обратилось въ бѣгство, а отстаивало каждый дюймъ земли. Генераль Томасъ въ продолженіе всего дня поддерживалъ главную позицію своихъ войскъ и воспользовался наступившею тѣнью ночью для того, чтобы удалиться въ Россвилль. На другой день по полудни, сепаратисты снова атаковали федеральную армію, но не могли разстроить ея рядовъ и должны

были допустить отступление ея, въ стройномъ порядкѣ, въ Чаттаногу. Они отняли у своихъ непріятелей двадцать пушекъ и лишили ихъ десяти тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ двѣ тысячи пятьсотъ взяты ими въ плѣнъ. Richmond Whig опредѣляетъ потерю сепаратистовъ въ пять тысячъ человѣкъ, полагая въ томъ числѣ шесть генераловъ. Брэггъ донесъ своему правительству, что онъ разбилъ непріятельскую армію послѣ двухдневнаго сраженія, но что она все еще въ виду занимаетъ позицію. Такимъ образомъ, это сраженіе, къ несчастію столь кровопролитное, не имѣло никакого рѣшительнаго результата, хотя извѣстіе объ его исходѣ сначала и произвело настоящій ужасъ въ Вашингтонѣ. Розенкранцъ былъ остановленъ въ своемъ движеніи и принужденъ ретироваться въ Чаттаногу; но пока онъ въ состояніи будетъ тамъ держаться, непріятели его не будутъ имѣть никакой выгоды. Онъ телеграфировалъ, что позиція его крѣпка и что ея нельзя будетъ сбить оттуда до прибытія къ нему подкрѣпленій отъ Грента и Бернсайда.

Осада Чарльстона продолжается. Гилльморъ все еще готовится бомбардировать этотъ городъ. Весь островъ Моррисъ очищенъ. Когда такой же результатъ достигнутъ будетъ въ отношеніи къ острову Сѣлливану, на сѣверѣ отъ входа въ заливъ, тогда портъ совершенно будетъ запертъ. Эта осада была бы невозможна безъ новой артиллеріи, которая дѣйствительно ужасна. Безъ преувеличенія можно сказать, что эта артиллерія превратила фортъ Семтеръ въ пыль. Послѣ его паденія, мониторы далѣе проникаютъ въ рейдъ и вскорѣ попытаются уничтожить тамъ остатки укрѣпленій рабовладѣльцевъ. Непобѣдимость этихъ странныхъ судовъ доказана самымъ рѣшительнымъ образомъ въ любопытномъ сраженіи, происходившемъ въ Саваннѣ между блиндированнымъ фрегатомъ сепаратистовъ, Аталантою и маленькимъ мониторомъ, Уи-Гоуеномъ. Въ пятнадцать минутъ, мониторъ пятью ядрами, вѣсомъ въ четыреста десять фунтовъ, заставилъ гордую Аталанту спустить флагъ. Первое же ядро его уложило сорокъ матросовъ и пробило желѣзную обшивку и кузовъ фрегата.

По всѣмъ даннымъ, надо ожидать большого сраженія въ Виргиніи. Генералъ Мидъ, одержавшій побѣду при Геттисбергѣ, перешелъ черезъ Рэпиданъ съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь атаковать войска рабовладѣльцевъ. Всѣ съ безпокойствомъ ожидаютъ результатовъ этого предпріятія. Положеніе уніонистовъ все еще затруднительно, хотя окончательный успѣхъ ихъ несомнителенъ для тѣхъ, кто вни-

часть въ дѣло. Но успокоенные въ отношеніи намѣреній Великобританіи, федералы тѣмъ болѣе опасаются гибельныхъ замысловъ императора Наполеона. Вслѣдствіе извѣстія, быть можетъ ошибочнаго, что пять тысячъ французовъ посланы въ Матаморасъ, вашингтонское правительство отправило тридцать тысячъ человекъ въ Новый Орлеанъ для занятія Броунсвилля, находящагося противъ Матамораса. Отмена закона habeas corpus очевидно сдѣлана съ тѣмъ, чтобы приготовить средства для всеобщаго набора, который предполагается либо для рѣшительныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ, либо для обороны въ случаѣ нападенія французовъ.

Циркуляръ Сьюарда, адресованный къ американскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, въ которомъ авторъ возстаетъ противъ распространеннаго предрассудка, что будто бы федералы не въ состояніи возстановить Унію, этотъ циркуляръ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи. Полагаютъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на внезапную перемену политики лондонскаго кабинета. Недавно онъ напечатанъ въ видѣ брошюры и если новѣйшія событія не лишатъ его интереса, то мы постараемся разобрать этотъ документъ въ будущей нашей корреспонденціи, вмѣстѣ съ замѣчательною рѣчью господина Сеннера. Не менѣе рѣшительно письмо президента Линкольна, гдѣ въ краткомъ видѣ представляется состояніе войны и общее положеніе страны. Съ невозмутимую легкостью, съ непоколебимымъ здравымъ смысломъ, съ простотою почти наивною, хотя и съ лукавымъ добродушіемъ и съ отгѣнкою такъ называемаго dry humor, свойственнаго американцамъ, почтенный Авраамъ Линкольнъ излагаетъ принципы своей политики и оправдываетъ принятыя имъ главныя мѣры, въ особенности освобожденіе и вооруженіе негровъ. Въ послѣднихъ строкахъ его слышится отголосокъ того трогательнаго письма отъ Гарібальди, которое вамъ уже извѣстно. Вотъ эти строки:

«Благодареніе всѣмъ во имя великой республики, во имя принциповъ, которыми она живетъ, во имя обширной будущности чело-
вѣка!

«Миръ представляется теперь не столь отдаленнымъ, какъ казалась прежде. Надѣюсь, что онъ наступитъ скоро и установится прочно, и что тогда люди будутъ достойны хранить его навсегда.

«Тогда будетъ доказано, что люди свободны, для рѣшенія возникшихъ между ними негодованийъ, не охотно будутъ обращаться

отъ бюллетеней въ пуляхъ, и что тѣ, которые прибѣгаютъ къ такому средству, проигрываютъ свое дѣло, нарасходовавшись напрасно.

«Тогда нѣкоторые чернолицыя будутъ помнить, что они со штыкомъ въ рукахъ, безмолвна, съ сжатыми устами и съ глазами, устремленными на врага, содѣйствовали успѣху этой великой борьбы. Но я боюсь, что найдутся и бѣлолицыя, которые не въ состояніи будутъ забыть, что они, руководимые испорченнымъ сердцемъ, старались живыми словами воспрепятствовать освобожденію первыхъ.

«Однакожь, не будемъ слишкомъ довѣрять близости окончательнаго торжества. Намъ слѣдуетъ быть благоразумными исполнѣ. Употребимъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры для достиженія побѣды, никогда не отчаяваясь въ правоудіи Бога!»

Съ тревожнымъ нетерпѣніемъ всѣ, занимающіеся въ Европѣ политикой, ожидали рѣчи, которую его величество, людовикъ Бонапартъ, долженъ былъ произнести 5 ноября при открытіи палаты.

На биржѣ по этому случаю распространялись самыя разногласныя слухи; въ министерскихъ кружкахъ и во всѣхъ тѣхъ обществахъ, гдѣ хвастаются политическими свѣденіями, цитировались цѣлыя на-раграфы и отрывочныя фразы, будто бы замѣтованныя изъ этой рѣчи. Нѣкоторыя лица заключали о мирѣ, другія о войнѣ.

Съ того дня, какъ Франція перестала существовать въ видѣ совершеннолѣтней націи, располагающей своими правами, и словно угодилась бульдогу, назначаемому на бой съ другими животными, тотъ самый господинъ, который надѣвается на нее и снимаетъ намордникъ по своему усмотрѣнію, одѣлался самымъ могущественнымъ владѣтелемъ въ мірѣ. Онъ безъ сомнѣнія достигъ власти, какою до него пользовались немногіе смертныя, и неизвѣстно, надолго-ли превратился во всемогущаго западнаго императора.

Бонапартъ, III-й по имени, располагаетъ французскою арміею и можетъ, по своему произволу, послать ее въ Мексику, Китай, Россію, Австрію, или въ Соединенные Штаты Америки. По одному его слову, шестьсотъ тысячъ человѣкъ, отлично владѣющихъ штыкомъ, готовы идти куда и противъ кого прикажетъ ихъ повелитель. Не мудрено, что Европа съ тревожнымъ вниманіемъ прислушивается къ словамъ, которыя этотъ человѣкъ провозноситъ голосомъ сильнымъ, но глухимъ, живозъ густые свои усы, между тѣмъ, какъ тускныя глаза его устремлены на бумагу, находящуюся въ его рукахъ.

«Когда началось польское возстаніе, говорилъ онъ: — правитель-

ства русское и французское находились въ самыхъ лучшихъ отноше-
 нияхъ другъ въ другу. Съ самого заключенія мира, они дѣйствовали
 единоподушно по всемъ великимъ европейскимъ вопросамъ. Я, не за-
 думываясь, могу объявить, что впродолженіе итальянской войны и
 во время присоединенія графства Ниццы и Савойи, императоръ Алек-
 сандръ оказывалъ мнѣ самую искреннюю, дружественную поддержку.
 Такими отношеніями нельзя было не дорожить и я долженъ былъ
 считать польскій вопросъ весьма популярнымъ во Франціи, чтобы
 рѣшиться компрометировать одинъ изъ первыхъ союзовъ континента
 и возвысить голосъ въ пользу наши, мятежной въ глазахъ Россіи,
 но которая, по нашему мнѣнію, наследовала права, записанныя въ
 скрижаляхъ исторіи и въ трактатахъ.

«Однакожъ, этотъ вопросъ касался самыхъ важныхъ европейскихъ
 интересовъ и не могъ быть разрѣшенъ одною Франціею. Оскорбленіе
 нашей чести или нападеніе на наши границы одни только могутъ
 заставить насъ дѣйствовать безъ предварительнаго совѣщанія съ тѣмъ
 бы то ни было. Но здѣсь, какъ въ эпоху восточнаго вопроса или
 событій, происходившихъ въ Сириі, необходимо было обратиться къ
 мнѣнію другихъ державъ, которыя, подобно намъ, имѣютъ право по-
 дать свой голосъ въ этотъ дѣлъ.

«Польское возстаніе, которое вслѣдствіе продолжительности своей
 приобрѣло національный характеръ, вездѣ возбуждаетъ сочувствіе, и
 цѣль дипломатіи состояла въ томъ, чтобы привлечь на его сторону
 какъ можно болѣе приверженцевъ и дѣйствовать на Россію всею
 тяжестью мнѣнія Европы. Такое почти единодушное изъявленіе мнѣній
 намъ казалось самымъ лучшимъ средствомъ для убѣжденія петербург-
 скаго кабинета. Въ несчастію, наши безкорыстные совѣты прини-
 сывались желанію дѣйствовать посредствомъ внушенія страха, и по-
 пытки, сдѣланныя Англіею, Австріею и Франціею въ этотъ дѣлъ,
 вмѣсто того, чтобы остановить борьбу, только еще болѣе ее воспа-
 менили. Съ обѣихъ сторонъ производились дѣйствія, которыя оди-
 наково должно оплакивать во имя человѣчества.

«Что тутъ дѣлать? Неужели остается только выборъ между вой-
 ною и молчаніемъ? Нѣтъ.

«Кромѣ войны и молчанія, еще имѣется одно средство: подвер-
 гнуть польскій вопросъ европейскому суду. Россія уже объявляла, что
 конференція, въ которыхъ будутъ разсматриваться всѣ прочіе вопросы,
 волнующіе Европу, нисколько не оскорбятъ ея достоинства.

«Воспользуемся этимъ объявленіемъ. Пусть оно послужитъ намъ средствомъ къ окончательному устраненію всѣхъ поводовъ къ раздору, готовому вспыхнуть со всѣхъ сторонъ, и пусть изъ настоящаго затруднительнаго положенія Европы, вызваннаго столь многими слыхими несогласія, возникнетъ новая эра порядка и мира!

«Развѣ еще не настала пора для перестройки, на новыхъ началахъ, зданія, подъ которое подкопалось время, и которое мало по малу разрушено революціями?

«Развѣ еще нѣтъ надобности признать, посредствомъ новыхъ соглашеній, то, что уже совершилось и что нельзя измѣнить, и съ общаго согласія исполнить то, что необходимо для сохраненія всеобщаго мира

«Трататы 1815 года перестали существовать. Сила событій опрокинула ихъ или стремится опрокинуть почти вездѣ. Они были нарушены въ Греціи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Италіи и на Дунаѣ. Германія стремится уничтожить ихъ дѣйствіе у себя. Англія измѣнила ихъ великодушною уступкою Ионическихъ острововъ, а Россія топчетъ эти трактаты ногою въ Варшавѣ.

«При такомъ постепенномъ уничтоженіи основнаго европейскаго договора, страсти волнуются, и на югѣ и на сѣверѣ возникаютъ важные вопросы, требующіе разрѣшенія.

«Что же можетъ быть закопѣе и разумнѣе въ этомъ случаѣ, какъ созваніе конгресса европейскихъ державъ, на которомъ самолюбіе и упорство тяжущихся сторонъ должны умолянуть передъ рѣшеніемъ верховнаго суда?

«Это приглашеніе—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ хочется думать—будетъ принято всѣми. Отказъ, съ чей бы то ни было стороны, заставить предполагать существованіе тайныхъ замысловъ, опасаящихся дневнаго свѣта. Но если даже не всѣ единодушно согласятся съ моимъ предложеніемъ, все же оно представитъ ту выгоду, что укажетъ Европѣ, гдѣ кроется опасность и гдѣ можно найти спасеніе. Двѣ дороги открыты: одна ведетъ къ прогрессу посредствомъ соглашенія и мира, а другая рано или поздно поведетъ къ войнѣ вслѣдствіе упорства, съ какими стараются сохранить устарѣлый порядокъ, разрушающійся отъ времени.

«Вы теперь знаете, господа, предложеніе, какое я намѣренъ сдѣлать Европѣ. Одобренное вами и освященное мнѣніемъ цѣлой націи,

оно должно быть услышано, потому что я говорю во имя Франціи».

Однакожь, эта рѣчь, отличавшаяся свойственною оратору откровенностью, еще болѣе усилена безпокойство и неизвѣстность, господствовавшая въ публикѣ. Означаетъ-ли она миръ, или войну? Энтузіазму официальныхъ журналовъ не было предѣла... Всѣ они ее хвалили съ восторгомъ, одни за то, что она вновь подтверждаетъ слова: «имперія есть миръ!» а другіе—за то, что она самымъ рѣшительнымъ образомъ объявляетъ о новой войнѣ за идею.

Что же это значить? А то, что, человекъ, который ничего не высказываетъ, а все только лжетъ, «какъ весьма удачно выразился объ немъ лордъ Коули, англійскій посланникъ въ Парижѣ, изучившій эту личность, что этотъ человекъ— снова заговорилъ, съ тѣмъ чтобы скрыть свою мысль. На свое лицо—эту маску, данную ему природой, онъ надѣлъ другую маску, которую считаетъ еще болѣе непроницаемою. Но исторія неизгладимыми литерами начертила на челѣ этого человека: «второе декабря.» Тщельно онъ старается замаскировать себя; всякую его маску легко узнать: она была поднята на улицѣ и покрыта декабрьскою кровью и грязью.

Рассказываютъ, что императоръ Бонапартъ, I-ый по имени, имѣлъ страсть каждую среду вечеромъ отправляться на балъ, который давался въ улицѣ Монъ-Бланъ. Онъ въ 11 часовъ отправлялся туда въ домино; прогуливался между группами масокъ, осматривая всѣхъ, и въ 12 часовъ возвращался домой. Онъ дѣлалъ это не изъ любви къ инкогнито—о его приходѣ громно извѣщали лакеи, — не изъ любви къ интригѣ или бесѣдѣ—передъ нимъ почтительно разступались всѣ группы; онъ это дѣлалъ ради удовольствія носить маску и чувствовать, что она привязана къ нему крѣпко!

Такъ какъ оракулы соникса нуждаются въ толкованіи, то мы попытаемся объяснить общій смыслъ знаменитой рѣчи, произнесенной императоромъ.

По нашему мнѣнію, она означаетъ: война неизбежна, но я къ ней еще не приготовленъ. Я не буду готовъ ранѣ весны, а до тѣхъ поръ не желаю бы себя компрометировать. Я бы охотно сидѣлъ въ своемъ тюльерійскомъ дворцѣ и спокойно бы грѣлся для излѣченія своего ревматизма; но я первая жертва своего собственнаго всемогущества. Внушивъ цѣлому свѣту идею, что ни одинъ пушечный выстрѣлъ не можетъ быть произведенъ въ Европѣ безъ

моего согласія, я, подь опасеніемъ лишиться этого значенія, принужденъ дѣйствовать за или противъ петербургскаго правительства. За или противъ? вотъ въ чемъ вопросъ. Я бы предпочелъ дѣйствовать и за и противъ... Впрочемъ я нисколько не затрудняюсь объявить, что союзъ съ императоромъ Россіи былъ необходимъ для моей имперіи, съ тѣхъ поръ какъ дружеское согласіе съ Англіею исчезло подобно дыму. Но моя политика, объявившая себя въ пользу независимости національной, и симпатіи моего безгласнаго народа склоняются на сторону несчастныхъ поляковъ, ради которыхъ я буду принужденъ взяться за оружіе, вопреки своему собственному желанію. Чтобы выиграть время, я намѣренъ предложить составленіе конгресса, совершенно невозможнаго. Начать съ того, что онъ не соберется, а если и соберется, то ничего не рѣшить, а если что и рѣшить, то это рѣшеніе будетъ совершенно неосуществимо. Вотъ съ какою цѣлью я отправляю чрезвычайныхъ гонцовъ во всѣ главныя столицы Европы съ своимъ химерическимъ предложеніемъ. Пока объ немъ будутъ разсуждать, русскія войска успѣють подавить польское возстаніе, или я успѣю собраться съ силами для истребленія русскихъ войскъ.

Но для этого императору Людовику Наполеону Бонапарту нужны союзники. Между тѣмъ онъ почти совершенно одинокъ въ Европѣ. Англія ненавидитъ Россію, но еще болѣе питаетъ страха и зависти къ Франціи. Австрія, которая не можетъ забыть своего пораженія при Сольферино, приготовила для Наполеона весьма милую намѣну на конгрессъ государей, собравшемся во Франкфуртѣ. Что касается Пруссіи, то ея политическое существованіе въ нѣкоторомъ родѣ обусловливается соперничествомъ и ненавистью къ Франціи. Союзъ съ Италіею Людовикъ Наполеонъ можетъ купить только цѣною Рима. При этомъ союзъ снова возбудилъ бы противъ него ненависть духовенства и безъ сомнѣнія вооружалъ бы Австрію. Остается Италия, которая ненавидитъ Наполеона Бонапарта по разнымъ причинамъ, между прочимъ и за мексиканскія дѣла... А что въ самомъ дѣлѣ, не попытаться-ли заключить союзъ съ этой державой? Надо замѣтить, что Испанія съ 1848 года сдѣлала большіе успѣхи въ финансовомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Она въ нѣкоторомъ смыслѣ возродилась и снова чувствуетъ къ своимъ жилахъ пылъ молодости. Она горитъ нетерпѣніемъ совершить какой нибудь блистательный подвигъ въ Мек-

сигѣ, въ Марокко, или гдѣ бы то ни было, и весьма была бы не прочь испытать свои силы противъ Россіи, какъ поступила Италия во время крымской войны...

Поэтому императоръ отправилъ императрицу въ Мадридъ для переговоровъ относительно союза между обоими правительствами.

Носится слухъ, что императрицѣ поручено было предложить Изабеллѣ II мексиканскій престолъ для одного изъ бурбонскихъ принцевъ, на мѣсто эрцгерцога Максимилиана, впавшаго въ немилость, и что испанская королева при этомъ случаѣ немедленно подумала о своемъ кузенѣ, донѣ Себастьянѣ, который своею унижительною покорностью приобрѣлъ ей благосклонность.

Испанія, говорятъ, соглашается отправить въ Мексику войска, съ тѣмъ чтобы продолжать дѣло, начатое Наполеономъ, и наследовать такимъ образомъ отвѣтственность за его преступленіе. Полагаютъ, что это дастъ императору возможность отдѣлаться отъ затѣннаго имъ предпріятія, не вступавшисъ въ войну съ Соединенными Штатами.

Сверхъ того, также носится слухъ, что императрица предложила донѣ Изабеллѣ занять римскія области вдвоемъ съ Людовикомъ Наполеономъ, но что ни Испанія, ни папа не хотятъ и слышать о такой сдѣлкѣ.

Наконецъ, говорятъ, что испанская королева, въ качествѣ свояченицы князя Чарторижскаго, назначеннаго будто бы при этомъ случаѣ королемъ польскимъ, соглашается дать войска для дѣйствій противъ Россіи....

Боиъ все, что проникло въ публику относительно послѣднихъ дипломатическихъ подвиговъ тюльерійскаго кабинета. Говорить, что предложенія его были приняты мадридскимъ дворомъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Не смотря, однакожъ, на перспективу союза съ Испанією, будущность представляется намъ въ весьма мрачномъ видѣ. Трудно сказать, кто болѣе беспокоится—тѣ ли, которые любятъ, или тѣ, которые не любятъ поляковъ,—бонопартисты ли, республиканцы ли, или простые буржуа. Всѣ чувствуютъ, что положеніе наше запутывается самымъ ужаснымъ образомъ, и всякій чего-то боится.

Внутри, всѣ взоры устремлены на законодательную палату. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ первую борьбу, въ которую оппозиція должна будетъ вступить съ правительствомъ по поводу скандала, происходившаго на выборахъ. Администрація сильно опасается, что законодательный корпусъ—чего добраго—захочетъ дѣйствовать сербоз-

но и дѣйствительно исполнять свою обязанность, и что въ такомъ случаѣ въ государствѣ образуется новая власть, которая со временемъ можетъ сдѣлаться исключительною. Г. Морни старается приобрести благосклонность депутатовъ; онъ всячески ластится къ нимъ и становится любезнымъ и очаровательнымъ. Онъ желалъ бы убѣдить ихъ въ необходимости питать безграничное довѣріе, «какъ къ императору, этому самому либеральному человѣку въ имперіи,» какъ выразился министръ Дюрюи

Всеобщее любопытство устремлено на маленькаго господина Тьера. Спрашивается: послѣ того, какъ онъ, съ своей стороны, сильно содѣйствовалъ паденію іюльской монархіи и революціи 1848 года, не захочетъ ли онъ примѣнить также своего прелестнаго таланта и къ имперіи 1851 года? Или онъ согласится погубить свою собственную репутацію?

Смерть господина Билльо, эксвоспитанкина Тьера, притомъ единственнаго оратора, котораго еще можно было противопоставить Тьеру и Жюлю Фавру, сильно опечалила правительство. Оно лишилось въ лицѣ этого министра главной своей опоры и теперь ему служатъ только весьма посредственныя таланты, стоящіе огромныхъ денегъ. Говорили, что это — неисправимая потеря для имперіи. Всѣ средства поэзіи, изъявленія печали и сожалѣнія, какія только представляются артиллеріею, гвардейскими драгунами, пѣхотою, полиціею, господиномъ Годилло, устраивающимъ императорскія празднества, и, наконецъ компаніею, принимающею на себя устройство похоронныхъ церемоній, — все это было употреблено для приданія торжественности похоронамъ великаго Билльо. Придворныя кареты, главный императорскій штабъ, вся знать, кардиналы, епископы, архіепископы, сенаторы, депутаты, магистратура, присяжные, коммерческіе суды, и вообще всѣ люди, имѣющіе на груди своей галуны и на шляпѣ кокарду, — все это было собрано для участія въ погребальномъ шествіи. Шесть лошадей, какъ на королевскихъ похоронахъ, везли покойника. Похоронная колесница была вся убрана шелкомъ и плюмажемъ и украшена гербовыми щитами и серебряною бахрамою. Балдахинъ поддерживался четырьмя серебряными статуями (работы Ruolz), представлявшими Силу, Волю, Трудъ и Знаніе. Въмѣсто этихъ четырехъ мифологическихъ лицъ, сначала хотѣли употребить аллегоріи Преданности, Чести, Справедливости и Истины, но потомъ предпочли первыя, и хорошо сдѣлали. Убранство церкви Saint Germain l'Auxerrois

болѣе отличалось богатствомъ, чѣмъ хорошимъ вкусомъ. Катафалкъ былъ несоразмѣрной величины съ внутренностью аданія. По четырѣмъ угламъ его стояли четыре серебряныя статуи (работы Рюоза и Христоля), представлявшіе тѣ же самыя сюжеты, какіе находились на колесницѣ: Трудъ, Знаніе, Силу и Волю. Церковь внутри была вся покрыта чернымъ сукномъ и обведена полосой бѣлаго герностая, которая вѣроятно служила символомъ чистосердечія усопшаго. Черезъ каждую минуту пушки инвалидовъ дѣлали залпъ въ честь покойнича. Барабаны и знамена покрыты были крепомъ. Черныя ковры лошадей и всѣ драпировки усѣяны были серебряными точками, представлявшими слезы,—не лучше ли было бы усѣять ихъ золотомъ, если принять въ соображеніе все, что намъ стоилъ Билльо? Въ заключеніе, г. Руланъ, сенаторъ, одинъ изъ трехъ или четырехъ лицъ, назначенныхъ замѣнить великаго министра, подошелъ къ могилѣ съ выраженіемъ печали на лицѣ, и прерываемый собственными своими слезами, произнесъ между прочими назидательными словами:

«Душа его (т. е. господина Билльо) возвратилась къ Богу! Память о покойномъ принадлежитъ его странѣ, семейство его — императору, а печаль о потерѣ такого друга и сотрудника — его бывшимъ сослуживцамъ. Прощай, Билльо! Прощай!! Прощай»!!!

Послѣ смерти «бѣднаго Билльо», случившейся, какъ нельзя болѣе некстати, совершилось другое событіе, которое неменѣе будоражило весь бонапартистскій міръ. Знайте же, что императоръ Наполеонъ I Бонапартъ, великій, заправскій Наполеонъ, императоръ, одѣтый въ рединготъ и съ маленькой трехугольной шляпой на головѣ, Наполеонъ Аустерлица, Москвы и Ватерлоо, народный герой Франціи, маленькій капралъ Беранжера и инвалидовъ первой имперіи, что этотъ самый Наполеонъ сошелъ съ Вандомской колонны, съ высоты которой онъ обозрѣвалъ «свой Парижъ», и что его позорнымъ образомъ поставили посреди дороги, по близости какой-то казармы. Его замѣнили какимъ-то подобіемъ римскаго императора, Нерона, Каракаллы, неизвестно кого, одѣтаго въ тогъ, другими словами въ блузѣ или рубашкѣ. Монетѣръ явился соучастникомъ такого оскорбленія, нанесеннаго памяти героя. Онъ сдѣлалъ изъ этого государственнйй вопросъ и доказывалъ необходимость такой перемѣны разными артистическими и, въ особенности, династическими соображеніями. По его мнѣнію, сапоги, жилетъ, штаны великаго

дяди представляли слишкомъ реальныя детали, которыя слѣдовало замѣнить чѣмъ нибудь идеальнымъ, — понимаете? — чѣмъ нибудь въ классическомъ или академическомъ родѣ, напримѣръ голыми ногами, безъ панталонъ. (И въ такомъ видѣ выставить несчастнаго, на открытомъ воздухѣ, подъ вѣтеръ, дождь и снѣгъ: какой ужасъ!) «Словомъ, заключаетъ Монитёръ, такому герою слѣдуетъ воздать апофеозу!» Вотъ оно что! Апофеоза, если не ошибаемся, значить боготвореніе. И такъ, императоръ Наполеонъ I Бонапартъ возведенъ въ чинъ божества! Это ощиціальное подражаніе эпохъ паденія римской имперіи, эпохъ самой печальной, отличавшейся развратомъ, гнуснымъ рабствомъ и постыдною подлостью, признается всѣми поворотнымъ и унижительною. «Въ наше время, смѣло восклицаетъ журналъ *Le Temps*, апофеозы предоставляются циркамъ господина Франкони, а государи передаются суду исторіи!»

Во всякомъ другомъ мѣстѣ этому событію не придавали бы большой важности. Но у насъ видятъ въ этомъ не только признакъ дурного вкуса, къ которому мы уже привыкли, но и доказательство безсмыслія нашего правительства, лелѣющаго устарѣлыя народныя предрасудки, столь долгое время составлявшія силу династіи Бонапартъ.

Жанъ Лесрель.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Совѣщанія петербургскаго купческаго клуба съ трепачомъ.—Партія карточныхъ игроковъ, вытѣсняющая семейные вечера.—Общій характеръ нашихъ общественныхъ собраній.—Скука и карточная игра, какъ необходимые элементы ихъ.—Отсутствіе дѣловой стороны въ нашихъ собраніяхъ.—Есть ли у насъ способности для коллективной дѣятельности?—Причины нашей общественной апатіи.—Причины эти въ тупости нервовъ.—Плачевное состояніе литературнаго фонда.—Характеристическая черта нашихъ благотворительныхъ учрежденій.—Отчего падаетъ литературный фондъ?—Виновата ли публика въ равнодушіи къ литературному фонду?—Организація его и выборы.—Тобольское общество.—Филантропическія стремленія его.—Наши финансовыя неудачи.—Письмо барона Штиглица о состояніи нашего банка.—Можно ли было предвидѣть его настоящій кризисъ? Гдѣ сила нашего кредита?

На этотъ разъ я твердо рѣшился говорить самыхъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ. Ни тѣни ироніи, ни малѣйшаго раздраженія въ почтенномъ званіи лѣтописца, повѣствующаго о такихъ значительныхъ событіяхъ, какъ финансовое смятеніе на биржѣ и повальное опустошеніе нашихъ кармановъ! До смѣха ли тутъ, думалъ я себѣ, когда не только боги биржи, но даже боги нашего лирическаго Парнаса падаютъ въ прахъ. Феть клауанничаетъ изъ за гусей, Майковъ и Полоцскій переселяются въ «Модный Магазинъ», гдѣ ихъ муза будетъ уживаться вмѣстѣ съ выкройками исподняго платья и съ кухонной посудой; потому что *Софія* Мей (прошу г. корректора не поправлять слова *Софія* на *Софья* — этого требуетъ византійская мода времени Константина Богранороднаго); сама *Софія* Мей общается намъ въ своей программѣ «стихотворенія извѣстнѣйшихъ современныхъ поетовъ», вмѣстѣ съ современными манишками и криволянами. И такъ Майковъ и Полоцскій, исподнее платье и кухня предлагаются публикѣ въ одной и той же программѣ, за одну и ту же цѣну... Плачь, о муза, плачь! До смѣха ли тутъ, когда даже благородныя россиянки

облекаются въ боевую амуницію и съ нетерпѣніемъ ждутъ военнаго сигнала,—когда московскіи патріотки, сохранившіяся въ томъ же неповрежденномъ видѣ, какъ ихъ засталъ Фамусовъ и Молчалинъ, даже онѣ благословляютъ насъ на истребленіе врага. Ликуй, о Россѣ, ликуй! Значитъ наступаютъ времена доблестныя, чреватая великими произшествіями. Такъ я разсуждалъ и непрѣнно сдержалъ бы свое обещаніе быть серьезѣйшимъ изъ публицистовъ, если бѣ какая то нечистая сила не натолкнула меня на скандальную исторію петербургскаго купеческаго клуба. Тутъ я не могъ не расхохотаться и не могу не подѣлиться своимъ смѣхомъ съ моимъ строгимъ читателемъ. Кто бы могъ подумать, что одно изъ самыхъ благонаправныхъ и степенныхъ собраній нашихъ круглыхъ желудковъ заключаетъ въ себѣ столько коллизіи и юмора? Для ясности надѣюсь разсказать дѣло по порядку, а потомъ уже вывести надлежащее нравоученіе.

Можетъ быть, и евреямъ извѣстно, что съ возрожденіемъ нашего прогресса и благодаря его неистовству, три года тому назадъ въ Петербургѣ составилъ купеческій клубъ, на образецъ всевозможныхъ нашихъ клубовъ, гдѣ первымъ параграфомъ запрещается напиваться до безобразія и драться по лицу. Цѣль этого клуба состояла въ томъ, чтобы доставить купеческимъ семействамъ пріятное препровожденіе времени въ обществѣ, гдѣ можно было бы показать себя, какъ товаръ, и посмотреть на другихъ, какъ на такой же товаръ;—чтобы вытащить молодыхъ купеческихъ сыновей изъ трактировъ и танцклассовъ, гдѣ они обыкновенно любили увеселять себя во всю широту русской натуры, и соединить ихъ въ такомъ собраніи, которое вмѣстѣ съ комфортомъ представляло бы имъ болѣе нравственныя развлеченія; наконецъ чтобы дать возможность собраться и старымъ купцамъ въ одномъ общественномъ мѣстѣ, гдѣ они могли бы потолковать о своихъ дѣлахъ и познакомиться другъ съ другомъ. И что же? Даже эта кевинная цѣль не могла осуществиться. Клубъ не замедлилъ обратиться въ игорный домъ, гдѣ карты сдѣлались преобладающимъ элементомъ и поглотили собой все другіе интересы общества. «Искатели приключеній, пишутъ одинъ изъ членовъ купеческаго клуба, карточные аматеры бросились саранчею на собраніе, гдѣ народъ все денежный, и конечно, по ихъ понятіямъ, въ карточномъ дѣлѣ профаны. Вѣдь это истая Калфорнія, такъ и гребни золота. Некоторые изъ этихъ голубѣ успѣли записаться членами собранія, а другіе сперва были въ качествѣ гостей, а потомъ были выбраны въ члены своими клиентами. Игра разгорѣлась со всѣ-

ми фокусами и вовлекла некоторых молодых людей, а также и купцов; многие были обыграны, но за то выучились играть и отыгрываться, некоторые даже перестали величаться за глаза олухами: лишь только вечером, газовые фонари, зажженные перед некоторыми магазинами, служили им сигналом, что пора отправляться на зеленое поле, оставив вечерний свой торг на одних приказниках. Старшины, солидные купцы, начали поглядывать носом на купеческое собрание, начали охотиться, бояться за своих сынков, друзей и знакомых дилеттантов и будущих аматеров. Неприятно смотреть на страстного игрока-старшину, но отвратительно смотреть на пристрастивающегося к картам молодого человека: он является совершенно потерянным для общества и своего семейства. Старшины стали реже и неохотно присутствовать своим семейством в собрании; многие из них даже перестали быть членами оного, и вообще число членов стало заметно уменьшаться. Этому еще способствовало то, что некоторые из старшин карточной сферы, обращая все свое внимание на карточный отдел собрания, стали смотреть на балы и семейные вечера холодно, как на лишнюю обузу, притом привлекающую панелек и маменек в собрание. Оркестр валил кое-какой, на семейных и музыкальных вечерах предоставляли публике танцевать под фортепиано; на люстрах зажигалось половинное число свеч; балы давались очень редко и прорывались. Карточная корпорация забрала управление по собранию в свои руки. Так как на баллотировку редко являлся ктонибудь из семейных купцов, заинтересованных полезною старкою собранием, а карточная корпорация дневала и ночевала там, то от нея зависело все распоряжение исполнить. Для вида избирались один или два члена из степенных, так сказать, рельефных в обществе личностей, а остальные—любители зеленого поля; старшины эти служились лишь орудием любителей карточной игры, у которых скрывался замысел совершенно уничтожить собрание и обратить его в игорный клуб.»

Таким образом великолепное помещение обратилось в харчевню и купеческий клуб в вертеп азартной карточной игры. Многие члены, разумеется, были недовольны, и число их убавилось на 300 человек против первого года. Некоторые же, оставаясь членами, перестали посещать собрание и возить в него своих жен и дочерей. Оходы клуба, не смотря на разгоревшуюся карточную игру, стали уменьшаться, так что сравнительно с первым годом третий год понес убыток на 29,000 р. Но карточные игроки не умень-

вали. Воспользовавшись убылью доходовъ, они предложили переменить квартиру, наиѣраваясь нанять тѣсное и сальное помѣщеніе, вмѣсто дома Голицына, известнаго своей роскошной обстановкой. Умыселъ этихъ господъ былъ такой, чтобы уничтожить окончательно семейные вечера и завоевать себѣ полный просторъ для карточной игры. По этому случаю назначено было совѣщаніе, окончившееся трепакомъ, — да, настоящимъ русскимъ трепакомъ, котораго комизмъ былъ не безъ цинизма. Дурная, безразвѣстная сторона этого совѣщанія состояла въ томъ, что карточные игроки баллотировку обратили въ интрижку. Они назначили воскресный день для обсужденія вопроса: переменить квартиру или нѣтъ? Назначая этотъ день, они рассчитывали, что большинство членовъ не явится въ клубъ, одни уѣдутъ въ театръ, другіе въ гости, третьи по обычаю купческаго воскресенья останутся дома, чтобы провести время въ кругу своихъ знакомыхъ и семействъ. Расчетъ, какъ видите, былъ не безъ сметки. За отсутствіемъ оппонентовъ, голосъ рѣшенія принадлежалъ карточнымъ игрокамъ, которые конечно напередъ условились явиться въ полномъ своемъ составѣ въ назначенный день; ихъ было 65 человекъ противъ 8-ми. Но слушайте дальше. Противники карточной игры настаивали, чтобы баллотировка производилась не вслѣдствіе, а была бы опубликована въ газетахъ, и члены клуба были бы приглашены гласно на совѣщаніе. Но партія карточныхъ игроковъ, кововавшая всей этой интригой, распорядилась иначе: она разослала къ членамъ повѣстки накануне того дня, когда должна была состояться баллотировка; въ повѣсткѣ этой говорилось, что неявившихся причтутъ къ большинству, т. е. къ голосу карточныхъ игроковъ. Иначе говоря, *молчаніе есть знакъ согласія*, и это отчасти въ характерѣ нашего самосуда. Отсюда мы и вывели мудрое житейское правило, по которому можно пороть, расiekать, плевать прямо въ физиономію, приговаривая: *молчать — значитъ соглашается*. На основаніе такой логики самодуръ — этотъ величавый типъ нашей общественной обстановки — можетъ дѣлать все, что ему взбредетъ на мысль; онъ можетъ выдать свою дочь за какого-нибудь негодяя, потому что она молчать — значитъ соглашается; онъ можетъ забить свою жену до полусмерти, опять потому, что молчать — значитъ соглашается. Точно такъ поступили и картежники купческаго клуба. Кто не пріѣхалъ по приглашенію повѣстки, тотъ значитъ молчать — и слѣдовательно соглашается. Наконецъ наступило самое совѣщаніе. Горсть оппонентовъ, брошенная въ взбаламученное море, дерзнула говорить противъ мнѣнія большинства, требуя, чтобы клубъ остался на прежнемъ

мѣсть. На это карточные игроки отвѣчали такимъ ревомъ, отъ котораго дрожали потолки. «Почему новая квартира не нравится вамъ? кричали они:—что тамъ для танцевъ мѣста мало? такъ вѣдь клубъ существуетъ нама (т. е. играками), а не балами.—Такъ вотъ что! закричалъ одинъ изъ оппозиціи:—благодаримъ за откровенность. Вы хотите купеческое собраніе обратить въ игорный клубъ! Тогда купечество не дастъ вамъ фирмы купческаго собранія; занимайте себѣ квартиру и играйте тамъ въ карты. — А вамъ нужно танцевать, закричалъ одинъ господинъ изъ противнаго лагеря, и затѣмъ крикаясь, началъ прыгать, приоваривая:—будемъ же танцевать, а деньги Богъ дастъ. На этомъ я останавливаюсь, потому что финалъ этихъ дебатовъ совершенно такой же, какъ и началъ ихъ. Чѣмъ кончится самое совѣщаніе, или лучше, парламентская потасовка, до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла; но я пользуюсь этимъ фактомъ, какъ общей характеристической чертой нашихъ собраній и намѣренъ освѣтить ихъ нѣкоторыми небезполезными выводами.

Что мы нуждаемся въ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ мнѣнїе съ развлечениями была бы и дѣловая сторона, гдѣ разрозненные интересы и силы приходили бы въ нѣкоторое соприкосновеніе, гдѣ мнѣнїе вырабатывалось бы до высшаго общественнаго контроля, что мы нуждаемся въ такихъ собраніяхъ—въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Наше семейство наглухо заперто для всякаго сближенія съ обществомъ и поставлено въ такія условія, по которымъ скука и развратъ составляютъ прародительское наслѣдіе его. Тотъ грубый деспотизмъ, на который мы такъ умиленно жалуемся во всевозможныхъ его проявленіяхъ, лежитъ глубокими корнями въ нашемъ семействѣ, и вытекаетъ изъ него, какъ естественное явленіе. Глава семейства, до какихъ бы звѣрскихъ размѣровъ ни доходило его самовластіе въ домашнемъ быту, находится внѣ всякаго общественнаго контроля. Сосѣдъ сосѣду — не указъ, говорить пошлая пословица, и дѣйствительно я могу гнуть и ломать у себя, насколько станеть силы, и никто не вмешивается въ мое распоряженія. Соръ изъ избы не выносить, гласить другая пословица, которую можно комментировать въ такомъ смыслѣ: какія бы гадости ни дѣлались въ семьѣ, о нихъ надо умалчивать и хоронить ихъ подъ спудомъ. И дѣйствительно соръ не выносятся изъ избы, а сваливаются въ одну нрслѣдственную кучу, отъ которой потомъ зажимають носы самые невзыскательные потомки. Избитая дочь своимъ пьянымъ отцомъ не станеть жаловаться на него, потому что нельзя выносить

сорь изъ избы; жена, голодающая съ кучей дѣтей по милости своего развратнаго мужа, только въ крайности рѣшается протестовать на томъ же основаніи, что сорь изъ избы не выносится. И если бь можно было вынести его изъ нашего семейства на свѣтъ божій, то сколько бы мы нашли въ этой грязи драгоценныхъ смлъ, высокихъ порывовъ и честныхъ стремленій, задавленныхъ въ самомъ зародышѣ ихъ; сколько слезъ и страданій, безмолвныхъ и никому невѣдомыхъ, открылось бы передъ нами. Но общество не имѣетъ права заглядывать въ тайники семейства, и все это гложетъ задаромъ въ одной общей могилѣ земли русской... Уродливость характеровъ и обычаевъ священной старины, развитіе личныхъ капризовъ и постоянная склонность къ самовластию, даже неуклюжесть физическаго типа есть слѣдствіе семейной замкнутости, въ которую лучъ общественнаго свѣта не проходитъ. Потому, когда уже образуется извѣстная дурная привычка, когда характеръ сформируется подъ вліяніемъ домашняго гнета и всякой нечести, трудно ему переработать себя, еслибъ онъ, вступая въ общество, и очутился въ другихъ лучшихъ условіяхъ жизни. Натура вялая и апатичная, вырываясь изъ этой среды, такъ и плетется цѣлую жизнь, куда кривая не вынесетъ; натура энергическая и здоровая бросается изъ одной крайности въ другую и, теряя равновѣсіе въ своихъ силахъ, большею частію погибаетъ. Въ нервномъ случаѣ человекъ надламывается отъ своего безсилія, а во второмъ онъ пропадаетъ отъ избытка худо направленныхъ силъ. Къ такому результату ведетъ преобладаніе семейства надъ обществомъ и отчужденность ихъ другъ отъ друга. У народовъ дикихъ эта черта сильно выдается впередъ, и по степени сближенія семейнаго элемента съ общественнымъ можно судить о гражданской развитости той или другой націи.

Въ характерѣ русскаго народа есть множество общественныхъ инстинктовъ, уцѣлѣвшихъ отъ всѣхъ историческихъ искаженій. И такъ какъ исторія дѣйствуетъ почти исключительно только на верхніе слои общества, то въ этихъ верхнихъ слояхъ экономическая борьба породила разрозненность и особность. Особнякомъ является помѣщикъ, чиновникъ, ученый и всякая форменная личность, воспитанная въ болѣе или менѣе замѣтныхъ антипатіяхъ къ народу. Но этой особности мы не видимъ въ массахъ; здѣсь каждый атомъ тяготеетъ къ своему цѣлому уже потому, что цѣлое сильнѣе отдельной единицы, сюда не попали тѣ враждебныя отношенія, которыя порвали общественную связь между другими сословіями; здѣсь

общинное начало уцѣло въ его первобытномъ состояніи, и еслибъ оно осмыслилось болѣе развитыми индивидуальными силами и болѣе здравыми экономическими понятіями, то никакая внѣшняя сила, откуда бы она ни давила на народъ, не могла бы уничтожить это начало. Проявленія его, нѣтъ сомнѣній, всегда были слабы или лучше сказать, оно всегда находилось въ пассивномъ отношеніи къ историческому движению, но признаки его жизни остались доселѣ. И еслибъ можно было на будущее время отстранить тѣ постороннія вліянія, которыя нѣшаютъ естественному развитію общиннаго начала, то оно современемъ удесатерило бы наши силы и разрѣшило бы множество теперь самыхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, мы часто не понимаемъ, въ чемъ наша настоящая мощь и гдѣ наша слабость. Одни мечтаютъ о земствѣ, представляя его въ какомъ-то аркадскомъ, идеальномъ видѣ, другіе такъ подолѣповаты, что кромѣ сословнаго начала ничего не видятъ, и отъ избытка своей *благонамьренности* думаютъ, что въ немъ-то и спасеніе наше. Такъ гг. Скарятинъ и Катковъ придаютъ дворянству такое значеніе, какого оно въ дѣйствительности никогда не имѣло и не будетъ имѣть. Съ другой стороны г. Аксаковъ съ братіей вмѣсто живого народа представляютъ намъ стародавніе полушубки, и очень наивно полагаютъ, что въ этихъ полушубкахъ необыкновенная правдивая свѣдѣнія. И тѣ и другіе тычутъ пальцемъ въ небо; г. Катковъ сочинилъ свое дворянство по англійскимъ учебникамъ, а г. Аксаковъ изобрѣлъ земство въ воображеніи. Дворянству нашему суждена самая скромная историческая роль, до того скромная, что, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, ему не на что опереться. За нимъ и передъ нимъ нѣтъ тѣхъ фактовъ, которыми отличилось и опозорило себя феодальное патентованное сословіе; наше дворянство возникло въ тихомолку, подъ сѣнью великокняжескаго двора, и выросло втихомолку. Въ этомъ его достоинство и вмѣстѣ ничтожное значеніе. Съ этой стороны намъ нечего бояться потрясеній или помѣхъ нашему общественному развитію; объ этомъ можно во все и не думать. Но нельзя сказать, чтобы и земство заняло себя чѣмъ нибудь великимъ. Оно несло государственныя тягости, взрывало чуть не ногтемъ свой обширный черноземъ и за тѣмъ ничего не знало, что дѣлается надъ нимъ и передъ нимъ. Средству же между этими двумя классами занимаютъ люди, съ которыхъ если снять ихъ ярмычки, то они должны смѣшаться съ тѣмъ или другимъ изъ главныхъ сословій. Поэтому о сословномъ началѣ намъ нечего много и разглагольствовать.

Но тѣмъ больше надо искать силы въ самомъ народѣ и въ его общинамъ складѣ. Тутъ мы нападемъ на многія явленія, которыя укажутъ намъ, куда и зачѣмъ слѣдуетъ идти. Посмотрите, какъ легко составляется наша артель, какъ незамѣтно, но глубоко разрастались разныя религиозныя братства, въ которыхъ способъ прѣмѣненія общиннаго начала былъ дурень, но жизненность принципа оставалась та же. Никого такъ удобно не уживается въ артели, какъ русскій человекъ; бросите ли вы его въ тюрьму или на каторгу, онъ прежде всего постарается слиться съ той средой, въ которой живетъ и дѣйствуетъ однимъ интересомъ съ нею. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что общественная жизнь должна идти впередъ всѣхъ другихъ началъ нашей дѣятельности. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ то, что общественной жизни у насъ вовсе нѣтъ и общественный тактъ не угадывается намъ въ самыхъ мелкихъ предпріятіяхъ. Наши общественныя собранія совѣщаются съ трепакомъ, наши клубы могутъ держаться только карточной игрой; уставы ихъ должны предписывать избраннымъ членамъ даже такія правила, чтобы они не дрались съ прислугой и не безобразничали за столомъ.

Отчего же это? Что мы развѣ дѣти въ самомъ дѣлѣ и навсегда оставимся дѣтьми? Неужели безъ розги насъ ничему пугному не научишь, и чтобы не брать такую мерзость въ ротъ, какъ «Домашняя бесѣда» Асютченскаго, или «Якорь» Стелловскаго, надо сочинить какой нибудь особенный уставъ. Что мы не дѣти, это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что мы такъ или иначе расплозились почти на 400,000 квадратныя миль земнаго шара и считаемъ въ своихъ генеалогіяхъ предковъ, блгныхъ изъ собственной руки Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Но если мы не дѣти, то отчего же не удаются намъ ни общественныя предпріятія, ни общественныя собранія? Огнотельно первыхъ я уже говорилъ; мнѣ остается поразмыслить здѣсь о несостоятельности вторыхъ.

Есть мнѣніе, что общества наши невыносимо скучны потому, что много въ карты играютъ. Дѣйствительно, карточная игра составляетъ пятую стихію въ нашей цивилизованной жизни. Безъ карточной игры мы обратились бы въ тѣхъ котошихинскихъ мудрецовъ, которые, устава брады въ землю, украшали себя молчаніемъ; безъ карточной игры рѣдко составляется чиновный или семейный кружокъ; безъ нея, какъ я уже сказалъ, не могутъ существовать наши клубы. Не имѣя особенной страстности въ своемъ темпераментѣ, мы однакожъ увлекаемся картами до того, что проигрываемъ цѣлыя состоянія и пускаемъ свои семьи во віру. Но все же общества наши скучны не потому,

что мы, уставя брады въ карты, играемъ въ нихъ много, а наоборотъ, карточная игра такъ сильно развита у насъ потому, что насъ вездѣ заѣдаетъ скука. Тутъ есть причина чисто физиологическая. Въ человѣческомъ организмѣ нервы составляютъ одна изъ главныхъ дѣтелей нашей жизни; черезъ нихъ мы воспринимаемъ самыя разнообразныя ощущенія отъ вѣшняго міра, такъ что эти незримыя, микроскопическія нити соединяютъ нашъ организмъ съ неизмѣримымъ движеніемъ всей природы. Нѣтъ ни одного впечатлѣнія, дѣйствующаго на насъ помимо нервовъ. Тонкостью и развитіемъ ихъ обуславливается степень воспримчивости, а суммою ощущеній, передаваемыхъ ими нашему организму, — степень нашей жизненности и дѣятельности. Чѣмъ больше ощущеній и чѣмъ разнообразнѣе они, тѣмъ мы больше чувствуемъ, мыслимъ и дѣствуемъ. На этомъ простомъ законѣ основывается величайшее явленіе общественной жизни — постоянное стремленіе ея къ развитію и обновленію тѣхъ силъ, которыя лежатъ въ основаніи соціальнаго порядка. Если общество поставлено въ тѣя условія, что кругъ впечатлѣній, возбуждающихъ его силы, крайне ограниченъ, то оно впадаетъ въ сонливое, апатичное состояніе, изъ котораго старается выйдти посредствомъ какихъ нибудь искусственныхъ и насильственныхъ возбужденій. Житель востока куритъ опиумъ для того, чтобы создать себѣ другой міръ, болѣе удовлетворяющій его нервамъ, чѣмъ міръ дѣйствительный. Русскій работникъ напивается вѣянъ, чтобы восполнить тотъ же недостатокъ органической жизни, который заставляетъ японца и китайца возбуждать себя опиумомъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ общественная дѣятельность развилась настолько, что вполне удовлетворяетъ человѣка, доставляя ему наслажденіе и постоянно увлекающая его къ новымъ предпріятіямъ, тамъ нѣтъ надобности курить опиумъ или напиваться пьянымъ; тамъ не можетъ быть ни апатіи, ни пассивнаго самозабвенія, которое бы требовало искусственныхъ и фальшивыхъ впечатлѣній; тамъ съ утра и до вечера можно быть занятымъ чѣмъ нибудъ дѣльнымъ, полезнымъ и не считать длинныхъ часовъ среди гнетущей скуки и бездѣйствія; тамъ человѣкъ не станетъ ложиться на кровать и плевать въ потолокъ, плевать потому, что крошкѣ этого занятія нечего болѣе дѣлать. Поэгому разнообразіе ощущеній, идей и дѣятельности составляетъ непремѣнную принадлежность хорошей общественной жизни. Кромѣ того дѣятельность должна доставлять человѣку счастье и удовольствіе. Огромная разница между тѣмъ, кто вертитъ колесо или чиститъ лошадь по приказанію или по горькой необходимо-

сти, и тѣмъ, кто играетъ на скрипкѣ по увлеченію и по своей доброй волѣ. Трудъ можетъ быть не проклятіемъ человѣческой породы, а высочайшимъ ея наслажденіемъ, если дать ему другой характеръ, чѣмъ онъ доселѣ имѣетъ въ болѣе или менѣе рабскитъ обществахъ. Свобода есть первое, самое законное и святое право труда; она облагораживаетъ и возвышаетъ нашу дѣятельность, облегчая и тѣхъ, кто работаетъ, и тѣхъ, кто пользуется плодами этихъ работъ. Общественная совѣсть не можетъ быть спокойна до тѣхъ поръ, пока среди народа останется хоть одинъ рабъ... Такимъ образомъ въ обществѣ, гдѣ есть разнообразіе и полная независимость дѣятельности, не ~~можетъ~~ быть ни скуки, ни апатіи; тамъ нѣтъ необходимости и прибѣгать къ картамъ, чтобы выводить себя изъ нравственного одуренія или, загнувъ уголь удачи, облупить своего ближняго, какъ липку. Карты для образованныхъ сословій Европы тоже, что гашишъ для турка. Онѣ искусственно возбуждаютъ нервы, усиливаютъ биеіе пульса, поражаютъ ту страстность увлеченія рискомъ и мгновенными переѣнами счастья (принимая это слово въ самомъ дурномъ смыслѣ), которой не достаётъ въ обыкновенномъ состояніи отупѣвшаго человѣка. Разумѣется, есть среди игроковъ очень умные люди, артисты и дѣловые практики, которые смотрятъ на игру, какъ на средство поживиться насчетъ ближняго, но и эти люди не избавлены отъ недостатковъ той пустой и скучающей среды, среди которой они спекулируютъ тузами и двойками. Дайте имъ силы и средства пріобрѣтать деньги другими, болѣе благороднымъ путемъ, они непремѣнно бросили бы карточную игру, не стали бы просиживать цѣлыхъ ночей за зеленымъ сукномъ и наблюдать другъ за другомъ, какъ ночной воръ наблюдаетъ за фонаремъ. Изъ этого слѣдуетъ то, что чѣмъ меньше въ обществѣ хорошей и полезной дѣятельности, тѣмъ оно больше предается картамъ. Въ этомъ отношеніи Франція можетъ служить намъ назидательнымъ примѣромъ. Какъ только поднимался уровень ея общественной жизни и политической свободы, карточная игра получала менѣе азартный характеръ и въ общемъ итогѣ уменьшалась. Напротивъ, какъ только наступала эпоха апатіи и безсилія, карты и развратъ женщинъ дѣлались насущной потребностію городскихъ населеній. У насъ карточная игра особенно развита между чиновниками, потому что механическій трудъ, мало осмысленный идеей, сильно притупляетъ нервы и погружаетъ въ безвыходную апатію. На востокъ тотъ же самый чиновникъ пилъ бы гашишъ, а въ Петербургѣ и Москвѣ онъ подогрѣваетъ и расправляетъ свои

верны картами. Поэтому не карточная игра порождает скуку и жонготовность наших общественных собраний, а наоборот, безжизненность их развивает карточную игру.

В этой безжизненности заключается и другая слабая сторона наших обществ—отсутствие интересов, которые бы соединяли отдельных атомы в цельное тело; иначе говоря, отсутствие дѣлового и практическаго элемента дѣлает общественныя собранія пустыми и скучными. Конечно было бы странно требовать, чтобы какойнибудь клубъ обратился въ ученое общество, гдѣ кромѣ серьезныхъ предметовъ нѣтъ ничего для разговора, гдѣ нельзя повеселиться и отдохнуть отъ дневныхъ заботъ; но нѣтъ необходимости и уничтожать эту сторону. Пусть выборъ зависитъ отъ личныхъ наклонностей каждаго,—кто хочетъ веселиться, тотъ можетъ веселиться, кто хочетъ говорить о дѣлѣ, тотъ пусть говоритъ о дѣлѣ. Нельзя же заставить всѣхъ танцовать или выпиваться пьяными. Англійскіе клубы, выработавшіеся при лучшихъ условіяхъ общественной жизни, умѣютъ соединять развлеченіе съ дѣломъ. Въ нихъ начипается разрѣшеніе тѣхъ мировыхъ вопросовъ, которые потомъ обсуждаются въ парламентѣ; въ нихъ составляется то мнѣніе, которое управляетъ ходомъ всей правительственной машины; въ нихъ формируются партіи, убѣжденія, совершаются громадныя коммерческія сдѣлки, и все это не лишаетъ ихъ быть клубами пріятными и веселыми. Правда, они очень строги въ выборѣ своихъ членовъ; въ нихъ нельзя совѣщаться съ трепакомъ и баллотировать вполчанку и съ подтасовкой, но эта строгость даетъ имъ хорошій тонъ и не лишаетъ ихъ привлекательнаго характера. Въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ немного смысла и даже самой веселости, именно потому, что въ нихъ нѣтъ вовсе дѣловыхъ, собственно общественныхъ интересовъ. Людямъ, которые не танцуютъ и не играютъ въ карты, тамъ почти нечего и дѣлать, потому что стоять и плевать въ потолокъ въ обществѣ не прилично. А почему бы, кажется, напримѣръ купеческому клубу не устроиться такъ, чтобы иногда собраться для обсуждения (разумѣется, безъ трепака) своихъ общихъ дѣлъ, не потолковать о тѣхъ ежедневныхъ явленіяхъ, которыя близи всѣмъ и каждому, не составить такого кружка людей, которые были бы замѣтны по какомунибудь цвѣту мнѣній и убѣжденій. Эти люди, распространяя свое вліяніе на другихъ, могли бы оказывать обществу существенную пользу. Навѣрное можно сказать, что тогда рѣже случался бы нашъ злостный банкротства и изъ купеческаго сословія вывелось бы множество теперешней грази. Обще-

ственное мнѣніе тѣмъ и хорошо, что не даетъ средства плуту скрываться за кулисами, и въ ночныхъ потемкахъ выдѣлывать наединѣ все, что ему угодно. Теперь наше купечество, подобно остальнымъ сословіямъ, живетъ врозь, подкапываясь другъ подъ друга и обдѣлывая свои дѣлшки потихоньку, между темной кладовой и еще болѣе темной счетной книгой. А въдь это не совсѣмъ нравственно: дѣятельность гражданина, какава бы она ни была, должна быть явная и открытая всѣмъ. Этому требуетъ честность. Но кромѣ честности въ этомъ есть своего рода польза. Когда я знаю личные свойства человѣка, его посылки и дѣла, мнѣ предстоитъ менѣе шансовъ ошибаться и вѣрнѣе дѣйствовать въ промышленной и торговой сферѣ. Теперь мы предпринимаемъ все наудачу, а не по строгому расчету, ожидаемъ отъ какаго-то счастья высшей благодѣтельной силы тамъ, гдѣ умный и честный человѣкъ прямо полагается на знаніе и твердость своего характера. Еслибъ въ нашихъ обществахъ существовало серьезное направленіе, то они были бы лучшими органами нашего будущаго соціального воспитанія, а теперь въ нихъ могутъ составлять только партіи картежниковъ и совѣщанія съ тренакомъ. Только отсутствіемъ хорошихъ общественныхъ началъ можно объяснить ту легкость, съ которою устраиваются наши хитрыя общества, и ту быстроту, съ которою они исчезаютъ. Сколько ихъ погребено преждевременно въ послѣдніе восемь лѣтъ! Сколько жалкихъ превращеній случилось на нашихъ глазахъ! Сколько пуфовъ было пушено разными пройдохами въ ущербъ доблѣрныхъ людей! Все это очень естественно, потому что хищныя животныя ловятъ добычу и досыта наѣдаются только ночью...

Неумѣлость и непрактичность нашей коллективной дѣятельности проглядываетъ въ самыхъ незамысловатыхъ предпріятіяхъ, какъ напримеръ, въ благотворительныхъ обществахъ. Кажется, что можетъ быть проще, какъ помочь бѣдняку, особенно тамъ, гдѣ милостыней не пренебрегаютъ, а напротивъ протягиваютъ руку съ чувствомъ религіознаго убѣжденія, что милостыня есть доброе дѣло;—гдѣ существуютъ самые разнообразныя виды милостыни, гдѣ сверху и до низу всякій нарываетъ поживиться даромъ насчетъ своего сосѣда или трусливаго ханжи. Говорить о милостынѣ, какъ о средствѣ, врачующемъ соціальное зло—бѣдность, вѣтъ особенной надобности; потому что современное знаніе достаточно убѣждаетъ въ томъ, что филантропическая идея, возводимая въ идеалъ общественнаго устройства, скорѣе развиваетъ туевядство, нравственное безспіе и развратъ, чѣмъ дѣйствительно облегчаетъ

страданія людей. Нѣтъ сомнѣнія, что благотворительность можетъ помочь временно тому или другому отдѣльному лицу, но для цѣлаго общества она совершенно бесполезна и во многихъ случаяхъ вредна. Она породила толпы тѣхъ идиотовъ, которые подъ именемъ странниковъ и странницъ, юродивыхъ и калекъ, поздають трудъ своихъ согражданъ и разносятъ по деревнямъ и селамъ свои дикія суевѣрія и систематическій обманъ. Надѣвая на себя рубище и вериги, притворяясь слѣпыми, хромыми и увѣчными, они распространяють ложь подъ видомъ человѣческой немощи, и пользуются религіей, какъ орудіемъ для своихъ гнусныхъ цѣлей. Рассказывая о привидѣніяхъ, чудесныхъ снахъ, торгуя предсказаніями и тому подобнымъ вздоромъ, они впечатлѣваютъ въ воображеніи невѣжественнаго люда страхъ и безнадѣжность, убивающіе послѣднія добрыя силы. Вслѣдствіе этого страха и желанія обезпечить себѣ загробное прощеніе, наша благотворительность имѣеть характеръ средневѣковой религіозности. И мы не можемъ пожаловаться, чтобы русскій народъ былъ скупъ на милостыню; иначе такое множество бродягъ, попрошайекъ и нищихъ не осаждали бы церковныя паперти, площади, дороги и большіе города. При всей разсчетливости нашего народа, торгующагося часа по три на базарѣ подъ двадцатиградуснымъ морозомъ изъ-за денежки, или торгующаго на лодкѣ товаромъ въ пять копѣекъ серебромъ, при всей его разсчетливости, онъ отличается щедростію въ дѣлѣ благотворенія. Повидимому, у такого народа филантропическія общества должны были бы процвѣтать. Но мы слышимъ постоянныя жалобы на ихъ равнодушіе къ благотворительности и на ихъ плохую организацію. Припомнимъ, какихъ чудесъ не ожидали отъ литературнаго фонда, дѣятелями котораго были люди образованные и гуманные; цѣль этого благотворительнаго учрежденія самая похвальная—помогать тѣмъ членамъ общества, въ силахъ которыхъ оно всего болѣе нуждается,—дать возможность таланту и трудолюбію примѣнить свои способности къ дѣлу и не зачахнуть среди суровыхъ лишеній и неблагоприятныхъ занятій. И что же вышло изъ этого фонда? Набились въ него разные старички, сытые и лѣнныя, разные чиновники съ учеными степенями, сочинили уставъ и назначили періодическія собранія; однимъ словомъ, сдѣлали все, чего требовала офиціальная сторона, и потомъ опочили, какъ боги спать въ глубинахъ небесахъ... За офиціальной стороной и канцелярскими формальностями совершенно исчезла жизненная, существенная задача общества, и оно, не успѣвъ развиться, уже начинаетъ дряхлѣть и падать. Никто

не интересуется имъ, да и оно никѣмъ не намѣрено интересоваться. Общество не напоминаетъ своимъ членамъ о взносѣ денегъ, а члены, воспитанные въ правилахъ—дѣлать только то, что приказываютъ, — вовсе не забываютъ посылать свои пожертвованія фонду. Общество не напоминаетъ просто по лѣности, а не по нравственной деликатности, а публика въ правѣ думать, что если молчать, то значить—довольны. И фондъ истощается и принужденъ отказывать самымъ настоятельнымъ требованіямъ его филантропической цѣли. А между тѣмъ литературный пролетаріатъ увеличивается. Молодые люди, непопавшіе въ понятіяхъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, жаждутъ труда и не находятъ его. Они начинаютъ сознавать, что ихъ отцы жирѣли и богатѣли, благодаря разнымъ *карьерамъ*, выбитымъ лбомъ или купленнымъ цѣной лакейскаго униженія, и что дѣтямъ идти по той же ухабистой дорогѣ становится неприлично. «Мы хотимъ труда, говорить новые люди—труда честнаго, чистаго отъ эксплуатаціи и холопскаго сгибанія спины, труда суроваго, но вѣрнаго, въ которомъ была бы извѣстная доля пользы и наслажденія. Мы внесемъ въ него всю страстность нашей молодой души, мы готовы лучше работать день и ночь, переносить лишения и бороться со всевозможными препятствіями, чѣмъ таскаться по директорскимъ переднимъ и выпрашивать себѣ доходныя мѣста». Это говорятъ люди, у которыхъ есть дѣйствительный запасъ силъ, но у которыхъ нѣтъ матеріальныхъ средствъ вырваться изъ бездѣйствія или отыскать такую дѣятельность, которая удовлетворила бы ихъ честнымъ инстинктамъ и стремленіямъ. Кажется, требованіе ихъ самое законное, миролюбивое и неаносчивое; кажется, чего же лучше желать, какъ не труда и знанія, а между тѣмъ самодовольное старье готово обвинить этихъ людей въ посягательствѣ на самые священныя интересы ихъ предковъ. Авторъ «Взбаломученнаго моря» даже допущался до такой грязи, что обрекъ ихъ всѣхъ чуть-чуть не костру и висѣлицѣ. Въ припадкѣ своего отрицанія, неосмысленнаго ни одной искрою идеи или сознаваемого принципа, онъ смѣшалъ въ своемъ взбаломученномъ болотѣ все, что ни подвернулось подъ его сальное перо. Нелюбопытнѣе пробуждающихся силъ нашего общества въ рукахъ г. Писемскаго обратилось въ отвратительную пасквиль. Я коснулся здѣсь этого факта единственно потому, что онъ находитъ себѣ отголосокъ въ извѣстномъ настроеніи публики. Но публика можетъ ошибаться подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, и я убѣжденъ, что черезъ

годъ или два она будетъ презирать того же автора «Взбаломученнаго моря», которому теперь робко сочувствуетъ.

Литературный фондъ могъ оказать молодымъ людямъ, ищущимъ труда и образованія, огромную услугу; онъ могъ облегчить имъ первый шагъ, который въ жизни особенно труденъ. Весьмъ очень хорошо известно, какъ нелегко бѣдному провинциалу добраться до какого нибудь столичнаго университета и, поступивъ въ него, спокойно заниматься изученіемъ. Взносъ 50 р. за слушаніе легкой, по новому университетскому уставу, конечно не отстраняетъ премныхъ затрудненій. А между тѣмъ отъ этого перваго шага часто зависитъ вся послѣдующая карьера юноши; лиха бѣда раздобыться какой нибудь сотней рублей, чтобы доѣхать до университета и просуществовать въ немъ мѣсяца два, а тамъ можно на что нибудь и опереться. Къ сожалѣнію, отъ этихъ-то ста рублей все и зависитъ; многіе и многіе, за невѣтніемъ ихъ, останавливаются на полдорогѣ или прозябаютъ среди безнадежнаго томленія и въ борьбѣ съ самими собою; многіе, добравшись до высшаго учебнаго заведенія и озабоченные съ утра и до ночи насущнымъ кускомъ хлѣба, не имѣютъ ни времени, ни оцѣлы успѣшнаго продолженія своихъ умственныхъ занятій. При всемъ горителѣ желаніи слушать хорошаго профессора, они не посѣщаютъ его аудиторію, потому что принуждены заниматься чѣмъ нибудь постороннимъ. И если мы жалуемся на поверхностное образованіе молодого поколѣнія, — въ чемъ оно дѣйствительно не можетъ оправдываться, — то это грустное обстоятельство объясняется бѣдностію нашего учащагося юношества. Что касается людей богатыхъ, они идутъ въ университеты не за познаніями и развитіемъ, а за дипломами и будущей карьерой. Для нихъ умственный трудъ слишкомъ обременителенъ, а общественное положеніе, приготовленное имъ заранѣе, слишкомъ легко. Лучшими студентами всегда выходили юноши небогатые. Обратитъ вниманіе на этихъ пролетаріевъ было первою и главною обязанностію Литературнаго фонда. Но онъ предпочелъ принять подъ свое покровительство уже известныхъ писателей или такихъ, которые такъ или иначе установили свое положеніе и нашли себѣ дѣятельность. Нѣтъ спору, что и эта помощь необходима, особенно въ отношеніи больныхъ или постигнутыхъ какою нибудь непредвидѣннымъ несчастіемъ, но она была бы гораздо благотворнѣе и богаче хорошими результатами, если бѣ Литературный фондъ оказалъ побольше энергіи и участія преимущественно въ отношеніи бѣднаго юношества. Нечего и говорить, что онъ тогда пользовался бы

большими симпатіями публики и нашей бы въ ней болѣе готовности жертвовать ради общаго дѣла. Отъ старичковъ ей нечего ждать, потому что она ужъ очень повстѣрлась. Но не этому обстоятельству обязанъ Литературный фондъ своимъ упадкомъ; причина его преждевременной дряхлости заключается въ отсутствіи тѣхъ же общественныхъ началъ, которыя дѣлаютъ безличными всѣ другія наши ассоціаціи. Здѣсь та же рознь, тѣ же мелкія эгоистическія стремленія, та же неизлечимая апатія разъединяетъ членовъ и приводитъ ихъ подъ конецъ къ точченію воды. А наша рознь и апатія къ общественнымъ интересамъ происходитъ оттого, что мы не умѣемъ набирать себѣ серьезныхъ и высшихъ цѣлей для служенія народному счастью, даже плохо понимаемъ ихъ. Карточный столъ вѣроятно еще долго будетъ центромъ нашихъ общественныхъ симпатій, а около такого центра какія же силы, иптія и цѣли могутъ сгруппироваться? Я сейчасъ возвратился изъ собранія *Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ*. Признаюсь, такого запустѣнія я давно не видѣлъ. Не смотря на то, что было объявлено въ газетахъ объ этомъ собраніи, не смотря на дѣльные промежутки времени между этими собраніями, не смотря на ягучую необходимость подумать о спасеніи фонда, собралось на этотъ разъ не болѣе десяти членовъ. Изъ нихъ большинство украшало себя краснорѣчивымъ молчаніемъ, а нѣкоторые раскрыли ротъ, для того чтобы сказать какую нибудь общую, избитую идею. Ясно было, что всѣмъ хотѣлось спать. Предсѣдатель объявлялъ, что въ первое февральское воскресенье будущаго года члены общества будутъ приглашены для обсужденія вопроса: какъ поддержать ослабѣвшее общество на будущее время? «Комитетъ, прибавилъ онъ:—своими средствами существовать не можетъ, а на сочувствіе публики рассчитывать не возможно... Что же до членовъ, то многіе изъ нихъ перестали вносить деньги; проценты съ платы за журнальныя статьи и съ книжной торговли также не представляются фонду. Между тѣмъ мы раздаемъ по низверженнымъ пособіямъ, въ которыхъ отказать впоследствии было бы нечестно.— Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ все положеніе Литературнаго фонда. Ему угрожаетъ кризисъ не только матеріальный, но и нравственный. Надававъ обѣщаній, на которыхъ, можетъ быть, основана единственная надежда нѣсколькихъ семействъ—не умереть съ голоду, онъ боится, что современемъ эти обѣщанія могутъ обратиться въ пухъ. Кто же будетъ виноватъ въ этомъ? Упрекать публику въ равнодушія къ дѣлу, о которомъ она такъ мало знаетъ, рѣшительно нельзя. Публика имѣетъ

право спросить, что дѣлаетъ Литературный фондъ для того, чтобы приобрести ея симпатіи? Какими особенными добродѣтелями онъ ознаменовалъ свою дѣятельность съ первыхъ дней своего основанія и до настоящей минуты? Что имъ предпринято для того, чтобы развить свои средства и по мѣрѣ увеличенія своего капитала распространить свои благодѣянія? Озаботился ли онъ хоть тѣмъ, чтобы отдавать публикѣ полную отчетность какъ о внутренней своей организаціи, такъ и объ употребленіи наличнаго своего капитала? Положимъ, что нѣрѣдка нечитаются его отчеты, но они очень неудовлетворительны. Въ нихъ, напримѣръ, говорится, что одному ученому, написавшему одну диссертацию, выданъ пособіе. Этого мало. Публика должна подробно знать, въ какихъ именно обстоятельствахъ этотъ ученый находился, когда ему сочли нужнымъ помочь; — какими соображеніями руководствовался комитетъ общества при этомъ пособіи? Кто его члены и сколько ихъ? Какъ проходятъ выборы и на какомъ основаніи? Въ этомъ отношеніи я долженъ замѣтить, что система самыхъ выборовъ отличается классическимъ юморомъ. Въ собраніи членовъ раздаются бумажки, на которыхъ написаны, примѣрно, такія имена: Яковъ Анучкинъ и Пегръ Сидоровъ; подавая эти бумажки вѣсть съ карандашемъ, секретарь прибавляетъ, что выборный значекъ отмѣчается крестикомъ. Положимъ, что изъ двадцати членовъ избирателей никто не знаетъ, кто это такой Яковъ Анучкинъ, никогда даже не слыхивалъ о немъ; но вида, что сосѣд поставилъ крестикъ, и онъ ставитъ тотъ же крестикъ, а за нимъ и всѣ другіе. — Да кого же вы выбрали, господи? еслибъ послѣдовалъ такой вопросъ. — А Богъ его знаетъ; какого-то Анучкина, намъ сказано, что надо ставить крестикъ, ну мы и ставимъ. — Иной даже можетъ признаться, что онъ ничего не разобралъ на поданной ему бумажкѣ, а все-таки поставилъ крестикъ. Кто знаетъ наши склонности къ стадообразнымъ поступкамъ, тотъ не будетъ сомнѣваться, что все это дѣйствительно происходитъ на выборахъ Литературнаго фонда. Ну, скажите теперь ради-бога, развѣ это хорошо? — избирать въ члены человека, котораго я совершенно не знаю. Вѣдь это значитъ — считать свое мнѣніе и ручательство ниже нуля. Положимъ, что Анучкинъ представленъ комитетомъ, который предварительно собралъ свѣденія о достоинствахъ того лица, которое представляется на выборъ. Но этого мало. Комитетъ долженъ печатно заявить, что такое-то лицо будетъ избираться и что члены приглашаются на выборы; или по крайней мѣрѣ, раздавая бумажки съ именами, назначенными для выбора, комитету не

нѣшаетъ предупредить членовъ, кто именно избирается, къмъ представлять обществу и на чемъ основывается его право на избраніе. Въ противномъ случаѣ, тѣ члены, которые никогда не слыхали объ этомъ лицѣ, дѣйствуя добросовѣстно, должны воздержаться отъ подачи голоса или подадутъ его наобумъ, потому только, что сосѣдъ его подавъ. Кромѣ того, какой бы выборъ ни происходилъ, въ немъ должны участвовать не менѣе двухъ третей членовъ, иначе нельзя понимать справедливости избирательнаго голоса. А Литературный фондъ дозволяетъ производить выборы при десяти или двадцати наличныхъ членахъ, т. е. менѣе чѣмъ при одной десятой избирательныхъ голосовъ. Такимъ образомъ если разобрать получше внутренній составъ общества и его уставъ, то будетъ ясно, что въ самой организаціи его лежить то равнодушіе, которое онъ сваливаетъ на публику. Также нельзя безусловно обвинять тѣхъ членовъ, которые не вносятъ свои годичныя пожертвованія, — тѣ редакціи и книжныя магазины, которые не представляютъ учетнаго процента. Я увѣренъ, что многія редакціи и очень многіе изъ писателей совершенно не знаютъ, что имъ слѣдуетъ отдѣлять извѣстный процентъ съ своего капитала въ пользу нуждающихся литераторовъ. О книгопродавцахъ нечего и говорить; изъ тѣхъ навѣрное много найдется такихъ, которые никогда не воображали, что у насъ существуетъ Литературный фондъ, или такихъ, которые считаютъ его давно зарытымъ въ общую могилу нашихъ благотворительныхъ обществъ. А для распространенія свѣдѣній о своемъ существованіи Литературный фондъ почти ничего не дѣлаетъ. Онъ конечно знаетъ, въ какомъ состояніи находится наша гласность, какъ бессильно и какими нелѣпыми сплетнями омрачено общественное мнѣніе; ему также извѣстенъ и характеръ нашей публики, наученной горькими опытами тому, какъ мало надо полагаться на возвышенныя цѣли нашей филантропіи, — и при всемъ томъ Литературный фондъ молчитъ, думая, что на него будетъ падать небесная манна сама собою. А нельзя не сказать, что устроился онъ помышленіемъ съ самого начала, дѣятельность его развилась бы совсѣмъ въ другомъ видѣ и прочность его не подлежала бы ни малѣйшему сомнѣнію. Во-первыхъ онъ долженъ былъ подумать о томъ, какъ утилизировать свой основной капиталъ, а не держать его мертвымъ; во-вторыхъ, ему слѣдовало каждый годъ предпринимать какія-нибудь мѣры для увеличенія своихъ средствъ, — давать хорошіе концерты, спектакли, приглашать не гг. Берговы, Крестовскихъ и другихъ умственныхъ критиковъ на литературныя чтенія, а людей, которыми интересуется пуб-

лика и которые прочтутъ ей не пустые стихотворенія, а что нибудь эдакое и познавательное; кромѣ того Литературный фондъ могъ предпринимать изданія, входя по этому предмету въ непосредственное соглашеніе съ авторами; онъ могъ открыть у себя постоянныя чтенія и приглашать каждаго изъ своихъ членовъ прочитать нѣсколько лекцій по разнымъ предметамъ; онъ могъ войти въ сношенія со всеми провинціальными подобными ему обществами, и образовать изъ нихъ полезныя для себя дѣятельности; однимъ словомъ—оживить и придать полный общественный характеръ своему устройству. Наконецъ старыхъ старичковъ онъ безобидно могъ посадить въ почетныя кресла, даже выдать имъ великолѣпныя дипломы на китайской бумагѣ, а къ самой дѣятельности допустить людей молодыхъ и энергическихъ; филантропамъ, помѣшаннымъ на какомъ нибудь юскѣ или греческомъ фоліантѣ, отнюдь не поручать практическихъ обязанностей и не дѣлать умозрительныя философскія счетчики. Тогда дѣло получило бы другой смыслъ, и публика, надуваемая круглый годъ разными шарлатанами, съумѣла бы оцѣнить и оказать содѣйствіе добродушному предпріятію.

Говоря о проявленіяхъ нашихъ социальныхъ инстинктовъ, было бы въ высшей степени любопытно оцѣнить относительное достоинство губернскихъ обществъ. Какъ они ни однообразны, какъ ни мелка въ будничной жизни видъ орціальной и бюрократической обстановки, но все же можно найти между ними нѣкоторую разницу. Въ однихъ нуль общественной жизни бьется живѣе, въ другихъ едва его слышно. Неизвѣстно, какому благоприятному стеченію обстоятельствъ обязаны Тобольскъ своимъ крошечнымъ движеніемъ, но движеніе это выходитъ наружу и, въ то время, какъ Уфа и Пенза опочиваютъ во весь храпъ богатырскаго сна, Тобольскъ шевелится и потягивается. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ напоминаетъ о своемъ существованіи то тѣмъ, то другимъ утѣшительнымъ фактомъ. Случайное ли вліяніе какой нибудь умной и развитой личности, заброшенной сюда, оживляетъ его общество, или система управленія хорошаго начальника даетъ просторъ частной дѣятельности, или просто какія нибудь мѣстные условія создаютъ особенный характеръ губернскаго города— этого ребенка, съ тугонабитымъ кашей животомъ и тоненькими золотушными ногами; какъ бы тамъ ни было, но Тобольскъ—растетъ развязнымъ и умнымъ ребенкомъ, не въ платьѣ лыкомъ вязаной Костромѣ или обѣвшейся на постной селянкѣ достопочтенной Москвѣ. Не умѣю объяснить—почему, но мои личныя симпатіи всегда лежали къ тремъ

городамъ—къ Саратову, Воронежу и Тобольску. О первыхъ двухъ мы поговоримъ послѣ, а теперь скажемъ о послѣднемъ. Тобольское общество не любитъ сидѣть сложа руки; оно постоянно стремится къ автономіи, т. е. хочетъ ходить на своихъ ногахъ, безъ помочей и няньки. Недавно въ немъ составились два общества съ благотворительною цѣлью. Первое общество дамское, образовавшееся для того, чтобы «имѣть надзоръ за воспитательницами дѣтей, взятыхъ изъ заведеній приказа общественного призрѣнія; въ случаѣ неудовлетворительности исполненія ими своихъ обязанностей, общество принимаетъ мѣры къ передачѣ дѣтей другимъ кормилицамъ. Учрежденіе этого благотворительнаго общества было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что женщины-кормилицы, какъ неоднократно на опытѣ убѣждались, берутъ къ себѣ на воспитаніе дѣтей изъ матеріальныхъ выгодъ и, по большей части, не оказываютъ надлежащей о нихъ заботливости, часто не обращая никакого вниманія ни на качество пищи дѣтей, которыхъ сами грудью не кормятъ, ни на чистоту бѣлья, отчего дѣти, оставаясь въ самомъ нѣжномъ возрастѣ безъ всякаго надзора и поличенія, умираютъ по большей части, не достигая года. Въ предсѣдательницы этого общества избрана начальникомъ губерніи супруга предсѣдателя губернскаго правленія В. В. Курбановская. Изъ краткаго отчета о дѣятельности этого общества видно, что оно не ограничиваетъ свою дѣятельность попеченіемъ о дѣтяхъ-воспитанницахъ тобольскаго приказа общественного призрѣнія, но по мѣрѣ возможности и средствъ выдаетъ пособія и такимъ женщинамъ, которыя, не имѣя у себя на воспитаніи дѣтей изъ воспитательнаго дома, по крайней бѣдности встрѣчаютъ затрудненіе въ пропитаніи собственныхъ своихъ дѣтей.

«Нельзя не привѣтствовать подобнаго попечительнаго общества и желать ему возможныхъ успѣховъ для достиженія высокой христіанской цѣли, имъ избранной. Хотя цѣль эта необширна, но мрачная судьба дѣтей, отдаваемыхъ въ воспитательные дома, заслуживаетъ такого живого участія, что можетъ послужить достойнымъ предметомъ для благотворительной заботливости дамъ. Ограниченность цѣли не потребуетъ такихъ пожертвованій, которыя были бы имъ не по силамъ».

Мы удерживаясь отъ нашего личнаго мнѣнія о филантропической цѣли тобольскихъ дамъ и пожелаемъ имъ добраго успѣха. Притомъ женщины, какъ общественнаго дѣятеля, заразителны, и тобольскіе молодые люди не хотѣли отстать отъ дамскаго общества; они составили, разу-

иется, съ разрѣшенія начальства, особенный кружокъ, который «время отъ времени будетъ устраивать музыкальные и литературные вечера, живыя картины и спектакли, жертвуя остающимися за расходами деньги, по усмотрѣнiю г. начальника губернiи, на разные благотворительныя предпрiятiя. По настоящее время даны уже этимъ обществомъ литературно-музыкальный вечеръ съ живыми картинами и спектакль. На литературно-музыкальномъ вечерѣ, кромѣ игры и прекраснаго чтенiя участивковъ онаго, особенно хороша была живая картина: «Привалъ арестантовъ», съ картины Якоби. Въ спектаклѣ сыграны были: «Женильба» Гоголя и «Утро молодого человѣка» Островскаго. Мѣстныя вѣдомости заявляютъ, что и вечеръ и спектакль принесли всѣмъ истинное наслажденiе и имѣли исходомъ желанiе, чтобы учредители общества и любители не утомлялись, а продолжали свое благородное дѣло.»

И мы готовы пожелать имъ того же самого; потому что радуемся всякой попыткѣ дѣйствовать общими силами. Такiя попытки доказываютъ, что потребность коллективной дѣятельности начинаетъ чувствоваться въ народѣ, который такъ долго жилъ среди раздробленiя и крайнихъ противоположностей въ своихъ интересахъ. Но мы привыкли понимать вещи такъ, какъ онѣ есть, не прелаяваясь самообольщенiю. Лучше горькое сомнѣнiе, чѣмъ слезоточивая сентиментальность въ такихъ серьезныхъ попыткахъ, какими обуславливается наше будущее развитiе. Намъ нуженъ строгiй контроль надъ самими собою, намъ необходима неумолимая правда критики, потому что излишняя чувствительность, вредившая здоровымъ отправленiямъ мозга, привела насъ къ полнѣйшему умственному безсилiю. Поэтому было бы опрометчиво рукоплескать тобольскимъ юношамъ, прежде чѣмъ увидимъ результаты ихъ дѣятельности. А результаты эти, надо признаться, не могутъ быть особенно завидными уже потому, что, повторяемъ, внутреннее содержанiе нашихъ общественныхъ союзовъ слишкомъ мелко...

Лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнiя можетъ служить такой крупный фактъ, какъ финансовый кризисъ, передъ которымъ общество совершенно растерялось. Съ того дня, какъ банкъ прекратилъ разнѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, биржа, купцы, мѣнзлы, биржевые игроки и всѣ сколько нибудь заинтересованные въ коммерческомъ круговоротѣ, испытали самое неожиданное и неприятное ощущенiе; они проснулись съ здоровой головы на больную. Этого переполоха не скрываетъ и баронъ Штиглицъ, управляющiй государственнымъ

банкомъ, въ письмѣ своемъ къ редактору газеты: «le Nord». Вотъ это письмо:

«Г. редакторъ. Въ сегодняшнемъ листѣ вашей газеты помѣщена корреспонденція изъ Петербурга, отъ 11-го (23 го) ноября, о финансовомъ кризисѣ, тамъ обнаружившемся, съ *тѣхъ поръ какъ банкъ прекратилъ платежи звонкою монетою.*

«Не желая опровергать эту статью, считаю однакоже долгомъ представить нѣкоторыя объясненія относительно иныхъ пунктовъ, на которыя она указываетъ, какъ на существенныя причины кризиса. Именно я буду говорить о переводныхъ операціяхъ банка, которыя названы пальятивною штрой, оставшеюся безъ всякаго результата, тогда какъ эти операціи были на чѣмъ инымъ, какъ разнѣномъ кредитныхъ билетовъ, съ тою только разницей, что вмѣсто выдачи золота въ Петербургѣ, оно получалось изъ суммъ займа, которыми еще можно было располагать за границей.

«Вотъ почему эти переводы выдавались постоянно на неопредѣленныя суммы и по курсу, который постепенно приближался къ пари и поддерживался на этомъ уровнѣ втеченіе двухъ мѣсяцевъ. Это была лѣстница послѣдовательнаго разнѣна, объявленнаго съ самаго начала, но въ ускоренныхъ разнѣрахъ, которые, согласно полученному банкомъ разрѣшенію, позволили ему платить рубль за рубль съ 1-го минувшаго сентября, вмѣсто 1-го января 1864 года, какъ это было первоначально объявлено.

«Банкъ такимъ образомъ исполнилъ свою программу и сдержалъ свое слово. *Всѣ, на это рассчитывавшіе илили случаи отененіе двухъ мѣсяцевъ или покупать переводы по курсу пари для своихъ заграничныхъ обязательствъ, или брать дѣйствительныя рубли для своихъ нуждъ внутри страны.* Не было, слѣдовательно, никакой искусственной операціи, а только простая уплата по курсу пари рублями, фунтами стерлинговъ и пр. Этотъ послѣдній способъ предпочтень для того, чтобы звонкая монета не странствовала бесполезно въ позднее время года, причемъ она выписывалась бы въ счетъ займа и раздавалась бы банкирамъ, которые снова вывозили бы ее.

«Еслибъ не былъ принятъ ускоренный способъ, о которомъ я говорю выше, то пришлось бы остановиться на самой средняй первоначальной лѣстницы, и тогда банкъ, не будучи въ состояніи воспре-

подготовить кризису, подвергся бы вполне заслуженному упреку въ неисполненіи даннаго имъ обѣщанія.

«Правда, исполненіе обѣщанія стоило ему дорого, и в раздѣляю мнѣніе вашего корреспондента, что при нынѣшней развязкѣ было бы лучше употребить эти деньги иначе; но невозможно было предвидѣть финансовую сумятицу, смирительствующую мысль на аскъ биржовыхъ Европы, и которая была причиною того, что мы нашлись вынужденными отказаться отъ разгнѣ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Не должно забывать, что заемъ 1862 года совершаемъ именно въ видѣхъ этого разгнѣ, громко уребуемаго страномъ.»

Такимъ образомъ первый *русскій* банкиръ, стоящій въ головѣ всѣхъ финансовыхъ операций главнаго денежнаго центра, право говоритъ, что кризисъ порожденъ банкомъ; но едва ли баронъ Штиглицъ подтвердитъ фактами мнѣніе свое, что *невозможно было предвидѣть эту финансовую сумятицу*. Что она предвидѣлась и готовилась заранѣе, то это ясно изъ того, что гораздо раньше, чѣмъ прекратился разгнѣ вообще на звонкую монету, золото перестали выдавать изъ банка. Поэтому богатейству уже можно было суметь, что затрудненія чувствостенныя прежде и равно или поздне должны были обнаружиться. Во всякомъ случаѣ мы сочли бы чудомъ, если бы г. управляющій банкомъ не могъ предвидѣть этого кризиса; а публика, столь мало знакомая съ вышеизображеніями нашего финансоваго управленія, *должна* была предвидѣть кризисъ и поспѣшить разгнѣномъ своихъ вкладовъ и переводныхъ обязательствъ. Могла ли она или имѣть ликвидировать свои обязательства прежде срока и заплата дѣйствительными рублями впродолженіе двухъ мѣсяцевъ на кѣлый годъ или болѣе—это вопросъ, но нельзя обвинять ее въ томъ, что она оказалась мѣтче пророчившей, чѣмъ баронъ Штиглицъ и г. Ламацкій. Впрочемъ, если посмотрѣть на дѣло поближе, то публика дѣйствительно была гораздо дальновиднѣе перваго русскаго банкира и *non-dizant* нашего финансиста Ламенскаго; она не притекала толпами къ дверямъ банка, не толпилась въ его разгнѣннымъ кассамъ, на томъ простомъ основаніи, что банкъ не могъ удовлетворить всѣхъ ея требованій. Господинъ министръ финансовъ во произнесенной имъ рѣчи прошлаго 25 октября между прочимъ говорить:

«Для доставленія государственному казначейству средствъ изъ непредѣлимъ расходъ по государственной росписи на 1863 годъ и чрезвычайныхъ издержекъ, возникшихъ вслѣдствіе настоящаго пожеланія Цар-

ства Польскаго и нѣкоторыхъ прилегающихъ къ оному западныхъ губерній, Высочайшими указами, данными правительствующему сенату 19-го февраля и 30-го мая 1863 года, разрѣшено выпустить десять новыхъ разрядовъ (серій) билетовъ государственнаго казначейства отъ LXXXIII до XCII включительно въ 3 мил. руб. каждый, всего на 30 мил. руб., съ назначеніемъ срока теченія процентовъ».

Слѣдовательно чрезвычайныя издержки, которыя не покрывались обыкновеннымъ государственнымъ бюджетомъ, не только предвидѣлись, но уже обратились въ дѣйствительный фактъ. Затѣмъ г. министръ финансовъ подвелъ главные обороты государственнаго банка подъ слѣдующіе итоги, для оцѣнки которыхъ также неужно особенной прозорливости:

	Рубл.
Къ 1862 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи.	718.596.478
Въ 1862 г. выдано въ обихъ;	
а) за предъявленную звонкую монету.	14.211.927
д) за штиховое золото.	7.182.389
	18.403.316

Изъято изъ обращенія

1) въ обихъ:	
а) на звонкую монету и слитки	35.831.627
д) „ 4% билеты государственнаго банка.	4.890.000
с) „ на мѣдную монету, полученную изъ государственнаго казначейства вѣсто отпущенныхъ оному мелкихъ кредитныхъ билетовъ	173.005
2) Негодныхъ кредитныхъ билетовъ.	1.300
	40.895.932

Затѣмъ къ 1863 г. осталось кредитныхъ билетовъ въ обращеніи: 691.104.582

Различнаго фонда къ 1862 г. состояло:

въ звонкой монетѣ и слиткахъ	81.081.629
— государственныхъ фондахъ	16.890.000
	97.971.629

За послѣдовавшими въ этомъ капиталѣ измѣненіями состояло въ 1863 г.

въ звонкой монетѣ и слиткахъ	80.601.107
— государственныхъ фондахъ	12.000.000
	92.601.107

Очевидно, за послѣдній годъ различъ кредитныхъ билетовъ увелич-

5*

вался, а действительный фонд банка уменьшался. О естественно равновѣсїи этихъ двухъ итоговъ судить нельзя, потому что самый развѣн подвергался нѣкоторымъ ограниченїямъ. Выдавалось меньше, чѣмъ требовалось. Кроме того, громадный выпускъ частныхъ кредитныхъ бумагъ, наводнившихъ общество, долженъ былъ отразиться на подрывѣ общественнаго кредита и увеличить потребность на звонкую монету. Наконецъ самый ходъ внутреннихъ событїй былъ направленъ къ этому же результату. Послѣ крымской войны открывается рядъ предпрїятїй, требовавшихъ значительныхъ издержекъ: постройка двухъ желѣзныхъ дорогъ иностранными компанїями, выкупъ крестьянской земли, преобразование разныхъ административныхъ учрежденїй, приготовленїя на случай войны—все это усложнило финансовыя операціи и увеличило государственные расходы, а между тѣмъ производительныя силы страны пока остались прежнія и даже, по случаю крѣпостной реформы, временно упали. Внутреннїй и внѣшнїй долгъ неизбѣжно возрасталъ, и искусственное поддержанїе общественнаго кредита дѣлалось необходимыми. Поэтому, если тяготѣнїе европейскихъ биржъ и вліяло на положенїе банка, то въ самой легкой степени. Нѣтъ сомнѣнїя, что политическія событїя и мрачные признаки войны, поданные задорной рѣчью французскаго императора, должны были произвести неблагоприятное дѣйствїе на всемірный кредитъ, но это доказываетъ только то, что вообще организація современныхъ финансовыхъ центровъ крайне слаба и эфемерна, потому что основана на ложныхъ этическихъ началахъ. Она покровительствуетъ азартной биржевой игрѣ, эксплуатаціи труда насчетъ не совсѣмъ чистыхъ спекуляцій, централизациі капитала въ рукахъ отдѣльныхъ единицъ и его мертвому обращенїю, отнимающему у производительныхъ силъ девять десятыхъ действительнаго богатства. Поэтому неудивительно, что вся Европа приходитъ въ ужасъ отъ одного зловѣщаго слова, упавшаго съ трона такого политическаго артиста, какъ Наполеонъ III.

Мы не станемъ повторять здѣсь того, что говорили прежде о значенїи нашего банка, а позволимъ себѣ замѣтить, что финансовыя кризисы въ томъ обществѣ, которое плохо сознаетъ свои силы и мало вѣрится въ нихъ, составляютъ такое же естественное явленїе, какъ рвота въ засоренномъ желудкѣ. Надо очистить его отъ излишняго балласта, чтобы дать крови правильное теченїе и пищеваренїю нормальный ходъ. Иначе, рано или поздно придется повторить слова члена купеческаго клуба: **итакъ будемъ танцевать, а деньги Богъ дастъ!**

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА

Первые романтики и степные провинціалы и ихъ мнѣніе о Петербургѣ. — Буржуазный характеръ невской столицы. — Мнѣніе о людяхъ вообще и о петербургскихъ въ особенности. — Новскій проспектъ и его постоянные члены. — Рыцари изъ потомковъ Скалозуба. — Замѣчательные бакенбарды. — Погребальная процессія и окно въ книжномъ магазинѣ Печатина. — Служитель Ѧмиды и Венеры. — Новый Хлестаковъ. — Молодой старичекъ Невскаго проспекта. — Уличные сплетанки и ихъ новости. — С. Петербургскія вѣдомости, щеголяющіе знаніемъ итальянскаго языка. — Спичъ на обѣдѣ одного артиста. — Клубничный идиотикъ и его раскаяніе передъ Павломъ Губошлемомъ. — Новые типы — пассажиры юноши. Швейцарь-психологъ. — Предчувствіе новостей. — «Новые газеты», «Свѣточъ» возобновленный подъ другой фирмой. — Бѣсенюкъ и его путешествіе въ одно вольно-экономическое общество. — Новый экономистъ и его принципы — Защитникъ *полмѣстного* быта и его обращеніе къ Европѣ. — Засѣданіе въ обществѣ любителей россійской азбуки. — Чтеніе формулярнаго списка одного изъ умершихъ членовъ общества. — Стихи и проза. — Бѣсенюкъ въ редакціи Русскаго Жожалаго. — Сцена съ переодѣваньемъ. — Мнѣніе Домашней Бесѣды о г. Батковѣ и объ его изданіяхъ. — „*Домашняя расправа*“ — сцена въ стихахъ. — Провинціальныя извѣстія. — Вѣсти изъ „*городка*“. — Бѣснующійся Гонорарій Ивахвѣвичъ. — Романическое похищеніе. Костромскіе буюны. — Оригинальный зубной врачъ. — Костромской Донъ-Жуанъ. — Трактиры и ихъ цѣны. — Жертвы русской жизни — утопленники.

Первые романтики и степные провинціалы, (а провинціалы всѣ безъ исключенія — романтики, не смотря на то, что исправно берутъ взятки, и ловко устраиваютъ свои дѣлишки), говоря о Петербургѣ, отзываются о немъ не иначе, какъ о Новомъ Вавилонѣ, какъ о таинственной желѣзной маскѣ. Петербургъ — этотъ городъ мокриць, мелкой буржуазности и мѣщанскихъ интрижекъ, Петербургъ — эта нарумяненная красавица, которая вчера — питалась одними надеждами и цикорнымъ кофеемъ въ Ригѣ, сегодня разваливается въ блестящей коляскѣ щедраго старца, а завтра, попадетъ въ анатомическій театръ подъ ножъ мясника отъ медицины и хирургинъ, — этотъ Петербургъ, говорю я, воображенію романтиковъ представляется тѣмъ таинственнымъ незнакомцемъ французскихъ мелодрамъ, который является въ пятомъ актѣ проливать «невинную кровь» и трагически взмахиваетъ кинжаломъ.

Когда какого нибудь юнаго искателя карьеры, покидающаго свое провинціальное захолустье, поѣздъ Николаевской желѣзной дороги вы-

бросит на мостовую незнакомой невской столицы, и въ съ суднымъ экспромтомъ денегъ, зашитыхъ на груди въ ладонку, очутится одинъ одишаеиенькъ посреди площади передъ двойною газовою полосою безконечной улицы, то сердце его невольно сожмется. Туманный, суетящийся городъ покажется ему какимъ-то мифологическимъ чудовищемъ, только и думающемъ о томъ, чтобъ проглотить юнаго пришлеца со всѣми его мечтами, упованіями и даже съ его дорогой ладонкой. Юноша-романтикъ забываетъ, что люди вообще нездѣ скверны—какъ въ Шуѣ, такъ и въ Петербургѣ. Еслибъ даже на необитаемомъ островѣ завелись два человѣка, то непремѣнно повторили бы на себѣ древнюю мистерію Каина и Авеля. Въ Петербургѣ люди даже лучше чѣмъ гдѣ нибудь, потому что самое узкое мѣщанство все-таки выше широкаго романтизма. Въ Петербургѣ бездѣльничать, распыляться, предаваться романтизму нельзя: ни климатъ, ни условія жизни этого не позволяютъ. Петербургъ изъ крайности бросился въ крайность—и на всякое отступленіе отъ своего будничнаго, суетливаго, полуофициальнаго мѣщанства — будетъ указывать пальцами.

Когда юноша-провинціалъ обживется въ Петербургѣ — его перестанетъ мучить образъ какого-то «стозѣвнаго» чудовища и онъ пойметъ наконецъ, что этотъ городъ только и замѣчателенъ отсутствіемъ всякой грандіозности, величественности и таинственности. Петербургъ самъ очень хорошо оцѣнилъ свой буржуазный характеръ и даже нѣсколько своихъ улицъ назвалъ *мѣщанскими*.

И вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ провинціальный романтикъ перешагалъ на берега Невы. Онъ не робѣетъ уже болѣе въ шумѣ столичной жизни, не терется въ пестрой толпѣ парадныхъ улицъ.

Передъ нимъ Невскій проспектъ. Наступили именно тѣ часы дня, когда эта улица особенно оживляется. Ступая по гладкой, широкой панели, онъ идетъ по улицѣ съ тою же смѣлостью, съ которою нѣкогда ходилъ по мосткамъ своего провинціального городка. Какъ въ родномъ городкѣ онъ привыкъ къ каждой попадающейся на встрѣчу физиономіи, такъ и здѣсь онъ скоро сжился съ окружающимъ его міромъ. Онъ идетъ по Невскому, увѣренный, что встрѣтитъ на немъ его постоянныхъ неизмѣнныхъ посѣтителей.

На встрѣчу идетъ знакомая толпа юныхъ рыцарей невскаго проспекта. Мимоходомъ слышны только —

Отрывки „сказозубскихъ“ чувствъ и мнѣній:

— Она цѣлый вечеръ на меня дулась... Ломается.

— Миша, гдѣ ты объѣдаешь?..

— Меня звала вчера...

Но рыцари уже прочались мимо.

Вотъ подъ руку съ какимъ-то юношей, только начинающимъ свою карьеру на Невскомъ проспектѣ, идетъ господинъ, который извѣстенъ своими великолѣпными бакенбардами. Онъ гордится ими. Да и какъ не гордиться на его мѣстѣ, какъ не беречь свои бакенбарды? Въ нихъ его единственная сила, какъ Самсона въ волосахъ, какъ Черномора въ его волшебной бородѣ... О, я завидую такой головѣ, на плодородныхъ щекахъ которой выросли такія классическія бакенбарды...

Мы проходимъ нѣсколько шаговъ и насъ обдаетъ цѣлое облако ароматовъ, точно изъ косметической лавки, или отъ пѣсень А. Фета.

Блѣдный той матовой, болѣзненной блѣдностью, которая возбуждаетъ отвращеніе, передъ нами проходитъ молодой человѣкъ, завитой, раздушенный, затянутый въ корсетъ.

Вы давно уже знаете этого субъекта, потому что, онъ есть законный сынъ Невского проспекта, но еслибъ вы даже не знали его, то взглянувъ ему въ лицо—вы прочли-бъ на немъ его исторію ..

Почтеннѣйшій Н. И. Гречъ ! вы стражъ русской рѣчи, скажите намъ какое мѣстоимѣніе приложимо къ этому неврскому сикафанту: *онъ* или *она*. Ну-ка, рѣшите...

А между тѣмъ, кругомъ насъ кипитъ суета и движеніе. Мчатся экипажи, дерутся извозчики, шныряютъ городовые съ свѣжимъ запасомъ галантерейныхъ кулаковъ и зуботычинъ... Гдѣ нибудь подъ грохотъ шумной улицы итальянецъ съ Выборгской стороны, вертитъ ручку своей шарманки, но въ общемъ дребезжаніи колесъ, въ общемъ гулѣ и говорѣ только изрѣдка вырываются взглагольные звуки изъ ящика этого нищаго, музыкой просящаго подавнія...

Нюгда посреди всего этаго суетливаго движенія, посреди несущихся экипажей съ рысакими и камелиями, тихо пройдетъ погребальная процессія, съ катафалкомъ, съ гробомъ, съ отставными солдатами, переряженными въ гамлетовскихъ факельщиковъ; но на всю эту процессію никто не обратитъ никакого вниманія, какъ будто всѣ эти качущіе и идущіе люди—не просто люди, а каіе-то олимпійскіе боги, которымъ нестрашно никакое *semento mori*. Развѣ только въ широкое окно книжнаго магазина Печаткина и Келчевскаго заглядываетъ процессія припадковъ и, набожно перекрестившись, подумаетъ: видно

къ счастью увидалъ покойника!.. Авось будетъ хорошая подписка на «Библиотеку для Чтенія...»

Мы идемъ, и на встрѣчу намъ попадаются все знакомыя личности... Въ припрыжку за молоденькой и стройной француженкой бѣжитъ вѣчно юный и довольный бюрократъ, который разомъ служитъ двумъ богинямъ—Фемидѣ и Венерѣ, отчего самъ сдѣлался похожимъ на стараго шаловливаго Эроса, котораго Юпитеръ въ наказаніе приучилъ къ канцелярскому порядку и заставилъ его голову работать надъ разными административными вопросами.

Старець промчался мимо, бормоча и напѣвая надъ самими ухомъ француженки:

Elle est à moi,—moi seul au monde,—
Ses grands sourcils noirs sont à moi!...

Впередъ передъ нами раздается громкій голосъ, такъ что всѣ невольно оглядываются.

— Непремѣнно съ новаго года буду журналъ издавать! Сатирой, братецъ ты мой, стану ломку всему задавать! кричалъ на всю улицу безбородый джентльменъ въ сѣрой круглой шляпѣ.

— Ну, какъ еще позволять! язвительно замѣчаетъ его спутникъ, видимо конфузясь за громогласность своего товарища...

— Мнѣ—позволять! Я, братецъ ты мой—могу! Только бы вотъ съ цензурой справиться...

Мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ новой фигурой.

— Знаете-ли вы этого маленькаго старичка съ восковымъ лицомъ и съ крошечнымъ носикомъ? Неужель не знаете? Его знаютъ нѣсколько поколѣній петербурждевъ и всѣ достѣтели Лѣтняго Сада и Невскаго проспекта. Вотъ какъ теперь, онъ прогуливается здѣсь, всегда спокойный и невозмутимый, для моціона—

И для иныхъ причинъ,

держа въ рукѣ коробочку конфетъ, перевязанную малиновою ленточкой. Прелестный старецъ!..

Идемъ далѣе, и намъ неизбежно нѣсколько разъ попадутся на встрѣчу господа, принадлежащіе къ особенному типу героевъ Невскаго проспекта. Эти господа—живутъ только для того, чтобъ изъ любви къ искусству собирать новости изъ всѣхъ уголковъ Петербурга, всѣ новости безъ разбра, начиная отъ сплетенъ въ разныхъ салонахъ и кончая литературными скандалами. Эти господа знаютъ все, знаютъ даже

то, чего не знаютъ, и какъ легучія мыши скользаятъ въ извѣстный часъ дня по Невскому, мимоходомъ разбрасывая встрѣчающимся знакомымъ (а имъ всѣ знакомы) плоды своихъ дневныхъ наблюдений и поисковъ.

Толпа такихъ иллюстрированныхъ газетъ попадаетъ: я намъ на встрѣчу. Болтовня языковъ начинается страшная. Точно нѣсколько локомотивовъ работаютъ подъ ихъ челюстями.

— А вы знаете, что случилось съ барономъ Р.? трещать дистиллированные Бобчинскіе и Добчинскіе Невскаго проспекта.

— Нѣтъ, я и Барова Р. вовсе не знаю...

— Боже мой, какъ это вы не знаете! Дѣло въ томъ, что отъ него убѣжала жена, и убѣжала, представьте себѣ — неизвѣстно куда и съ кѣмъ...

— Значить—еще «Испорченная жизнь»...

— А читали вы послѣдній № С. Петербургскихъ вѣдомостей? перебиваетъ другой глашатай.

— Читалъ.

— И ничего тамъ не замѣтили? Ручаюсь, что нѣтъ... Просто умора. Хотѣлось газетѣ блеснуть знаніемъ итальянскаго языка, она и захула: выраженіе — *Lasciate ogni speranza* — перевела, какъ бы вы думали?—*дальше не знаю*... Ха, ха! Вѣдь это просто прелесть...

— Позвольте, я расскажу случай еще лучше, вмѣшался другой — позвольте, не перебивайте меня. Давали обѣдъ одному старому актеру, были тосты и спичи. Одинъ изъ гостей, желая назвать артиста заслуженнымъ ветераномъ сцены, дернулъ такой тостъ: пьемъ за здоровье почтеннаго ветеринара русскаго театра... Что, какого?

— Не дурно.

— А вотъ вамъ другой случай, уже несмѣшной, а гаденькій. Какъ бишь фамилія этого идиотика.... ну, вотъ тотъ, что клубничныя пѣсенки прежде распѣвалъ.... ну все равно. Написалъ этотъ идиотикъ когда-то ругательные стихи на Павла Губошлепа и напечаталъ въ одномъ журналикѣ. Недавно отъ этого самого идиотика.... чортъ знаетъ, совсѣмъ кличку его забылъ!... получаетъ Губошлепъ слезное вдовье посланье. Въ посланіи этомъ идиотикъ проситъ прощенія за свои стихи: неопытность, говоритъ, и наущенія разныхъ безирравственныхъ друзей довели меня до такого поступка, за который считаю, говоритъ, своимъ непремѣннымъ долгомъ извиниться передъ вами, какъ предъ уважаемымъ всѣми человекомъ и пр. и пр. Самому Губошлепу даже такое письмо мерзкимъ показалось. «Вѣрно дѣло какое нибудь до меня

есть — вот онъ и просыкается! резонно замѣтилъ Павелъ Степановичъ.

Разсказывать цѣлый мішокъ городскихъ сплетенъ и новостей, эти олицетворенныя общественныя афиши разбѣгаются въ разные стороны искать себѣ новыхъ слушателей и свѣжихъ извѣстій.

Ознакомимся теперь съ новымъ произведеніемъ, съ послѣднимъ типомъ людей Невского проспекта, воспитанныхъ на его торцовой мостовой и толпящихся съ утра до ночи по галлерей штейнбоковскаго пассажа. Пассажный юноша — это типъ совершенно оригинальный, петербургскій. Онъ не похожъ на тѣхъ юношей, блестящихъ и пустоголовыхъ, которые рыскаютъ на рыскахъ и всю жизнь балансируютъ между устрицами Елисеева и омарами Донона. Непохожъ онъ и на тѣхъ развратившихся юношей, у которыхъ высшая цѣль жизненныхъ стремленій заключается въ томъ, чтобы при первыхъ деньгахъ нанять ляха извозчика и сдѣлать три конца по проспекту. Пассажный юноша совсѣмъ не таковъ. Это существо — жалкое, почти тупоумное и протное. У него, кажется, нѣтъ никакихъ желаній, кромѣ вѣчнаго, безконечнаго броженія по галлерей пассажа. Загляните въ пассажъ въ какой угодно часъ дня — утромъ, въ полдень, вечеромъ, — и увидите тамъ цѣлыя толпы этихъ юношей, которые бродятъ молча, заложивъ руки въ карманы и тоскливо, робко на все поглядываютъ. За чѣмъ они тутъ? Что ихъ сюда тянетъ? — они и сами того не знаютъ. Пассажный юноша, кажется, потерялъ все человѣческія способности: мыслить, любить, желать чего нибудь онъ вовсе не можетъ, — онъ можетъ только ныть, ныть всею своимъ существомъ, всею своей фигурой. Идетъ пассажный юноша мимо разныхъ магазиновъ — съ дамскими нарами, съ мыломъ, съ галантерейными вещами, съ нотами, смотритъ на нихъ и ноетъ. Ноетъ передъ моднымъ чепчикомъ, выставленнымъ за стекло, ноетъ передъ фотографическими картѣчками, ноетъ надъ кускомъ мыла, ноетъ, взглянувъ украдкой на шляпу женщины, прошедшей мимо. Спросите его — о чемъ онъ ноетъ, и онъ не сумѣетъ отвѣтить вамъ; онъ васъ самихъ бы спросилъ объ этомъ, еслибъ сколько нибудь интересовался этимъ вопросомъ. И ходитъ юноша взадъ и впередъ по пассажи, ходитъ безъ усталости и ноетъ на каждомъ шагу своего безконечнаго странствованія, не замѣчая даже, что кругомъ его бродятъ десятки точно такихъ же юношей, какъ и онъ, также бессознательно, тупо ноющихъ и ноющихъ.

Я увѣренъ, что типъ такого юноши находка для художника-иско-

лога. Подите, доберитесь до души такого существа, вѣчно молчаливаго и вѣчно ноющаго.

— Зачѣмъ эти юноши здѣсь ходятъ? спросилъ я шута пассажнаго швейцара. Какъ тонкій психологъ, онъ тотчасъ же разрѣшилъ вопросъ.

— Известно зачѣмъ: все мааурки. Наровить платокъ изъ кармана вытащить или пирожокъ гдѣ выбудь на голодное брюхо стянуть. Ужъ народъ таковскій! знаю я ихъ! закончилъ онъ свой философскій выводъ, съ рѣшимостью дермонтовскаго Максима Максимовича.

Мы сдѣлали нашу коротенькую прогулку по главной улицѣ Петербурга въ то время, когда городская жизнь находится въ полномъ разгарѣ своего движенія, въ предчувствіи близкихъ праздниковъ и за ними новаго года. Невскій проспектъ нарядился въ самые лучшіе свои наряды и украсился новыми магазинами, новыми камеліями, новыми прищанками для глазъ и для кармана. По воздуху летаютъ объявленія старыхъ и новыхъ газетъ съ регистромъ ихъ сотрудниковъ, имена которыхъ есть непроницаемая тайна не только для обыкновенныхъ читателей, но даже и для записныхъ библіофиловъ. Нѣкоторыя газеты даже прельщаютъ публику обѣщаніемъ сюрпризовъ въ родѣ папиросныхъ приложеній М. М. Достоевскаго. Въ театрахъ одинъ бенефисъ слѣдуетъ за другимъ. Снова въ загуляевскомъ Гамлетѣ явился г. Самойловъ, а въ роли Офелии, г-жа Спорова. По этому поводу «С.-Петербургскія Вѣдомости» выразили такую мысль, что роль Офелии — роль очень простая и нетрудная. Погибшій «Свѣточъ» вновь воскресъ въ новой кожѣ «Библиотеки для Чтенія», издаваемой г. Бабарыкинымъ. Одинъ старый, прекратившійся журналъ, съ новаго года опять хочетъ отправиться отыскивать по Руси почвы и... подписчиковъ.

Мы все находимся въ ожиданіи новостей.

Отъ скучнаго до смѣшнаго — только одинъ шагъ. «Нѣтъ ни одного такого серьезнаго предмета, говорилъ Гейне, надъ которымъ нельзя было бы не посмѣяться». Встрѣчается вамъ господинъ, съ важностью и глубокомысленнымъ видомъ толкующій объ европейскомъ конгрессѣ и о мозольныхъ пластыряхъ, о шлезвигъ-гольштинскомъ вопросѣ и о растительномъ экстрактѣ г. Шандора, — и вы, слушая такого господина, непременно засмѣетесь. Вамъ не разъ захочется смѣяться, когда вы будете перелистывать статью Гейне о доносчикахъ въ переводѣ Вс. Костоморова, когда вы будете читать растрепанныя критики писателя тридцатыхъ годовъ А. Григорьева и напомаженныя рецензиі П. Анненкова. И тѣ и другіе, являясь передъ вами, вовсе не думали васъ смѣшить, а вы все-таки смѣетесь. Напрасно бы подобные ученые, публицисты и критики вздумали бы даже пугать насъ участіемъ Лотовой жены, если мы осмѣлимся, оглянувшись на нихъ, улыбаться, мы не побоймся ни соляного столба, въ который обратилась библейская любопытная женщина, ни ихъ собственной соли, и оглянемся на нихъ при случаѣ съ самою несолидною улыбкою.

Что напримѣръ можетъ быть солиднѣе и серьезнѣе ученыхъ засѣданій какого нибудь общества! Казалось бы, что собираются тамъ все люди почтенные, толкують о вопросахъ тоже почтенныхъ, но не смотря на это и на эти ученые бесѣды, залезаетъ иногда безпокойный бѣсенокъ, надѣлаетъ тамъ украдкой разныхъ шалостей, а потомъ и любитесь дѣломъ рукъ своихъ: вотъ дескать смотрите люди добрые, какія здѣсь бываютъ веселенькія засѣданія.

Этотъ бѣсенокъ, какъ постоянный, хотя невидимый, членъ одного экономического общества — очень послѣдователенъ въ своихъ шалостяхъ, а потому онъ не прямо поведетъ васъ на засѣданіе этого общества, гдѣ, по его словамъ, безобразничаетъ г. Без—овъ, но прежде подсунетъ вамъ въ руки брошюрки этого ученаго, да еще и не прямо подсунетъ, а подразнить васъ немножко.

— Видишь эту книжку! дразнить бѣсенокъ. Одно названіе чего стоитъ! Не подшепни я этого названія, Н. А. Без—овъ никогда бы не придумалъ. Читай и выкай: «О свободномъ трудѣ при помѣстномъ устройствѣ». Что? каково?

Бѣсенокъ заливается звонкимъ смѣхомъ, и начинаетъ прыгать. написавъ эпиграфъ, помѣщенный въ книжкѣ г. Без—ова:

— Alles war gesagt, doch alles bleibt zu sagen!..

Бѣсенокъ начинаеть наконецъ читать вслухъ мѣста изъ книжки г. Без—ова...

«Ужель кто рѣшится сказать, что въ основахъ нашего сельскаго хозяйства, *лоно котораго ееть помѣстный бытъ*, нѣтъ ничего ни благого, ни разумнаго?...»

Бѣсенокъ смѣется.

Далѣе. «Не лежить ли въ самыхъ пѣдрахъ нашего помѣстнаго быта понятіе объ устроенномъ трудѣ? Кто сомнѣвается въ этомъ? Да это было бы оскорбленіемъ разума цѣлой страны! скажу болѣе: это было бы порученіемъ Богу, который допустилъ бы огромную отрасль человечества тысячелѣтствовать—въ безразсудствѣ».

Хи, хи, хи! Бѣсенокъ заливается хохотомъ.

Далѣе. «По моему *лично* мнѣнію, вѣдомству помѣщика *должны* бы принадлежать: утверженіе выборовъ въ сельскія должности; разборъ жалобъ, приносимыхъ на мірскіе приговоры, надзоръ за усадебнымъ благоустройствомъ; наблюденіе за порядкомъ вообще и за исполнительностью должностныхъ сельскихъ лицъ и т. п.»

— Хи, хи, хи! Вотъ Феть-то обрадуется! хочотеть бѣсенокъ и ташить васъ прямо на засѣданіе этого общества (6 числа этого мѣсяца).

— Что жъ тамъ будетъ происходить? спрашиваетъ у бѣсенка.

— Будутъ разбирать премію г. Без — ова, предложившаго задачу сочиненія: «о *свободномъ* трудѣ при *помѣстномъ* устройствѣ»....

Бѣсенокъ пустился впередъ, напѣвая:

Помѣстный бытъ!
Свободный трудъ!

Едва мы явились въ залу, гдѣ собралось все общество, бѣсенокъ началъ свое дѣло: поднялись безтолковые споры, каждый говорилъ, никто его не слушалъ, понятіе (свободнаго) труда слилось съ понятіемъ устроеннаго труда. Во время свалки прешій, бѣсенокъ вскочилъ на нѣсколько минутъ въ г. Ф—а, и г. Ф—ъ, вдругъ вскочилъ съ мѣста и крикнулъ:

— Пусть на насъ смотритъ вся пресса! Пусть на насъ смотритъ вса Европа!

Бѣсенокъ вскочилъ изъ г. Ф—а и заклопалъ въ ладоши.

— Точь въ точь Наполеонъ I предъ египетскими пирамидами, цо-

казывалъ онъ на г. Ф—а, — Наполеонъ, говорившій: «съ вершины этихъ пирамидъ: на насъ смотрятъ десять столѣтій».

Началась баллотировка жюри. На сторонѣ программы г. Без—ва оказалось законное число шаровъ—тридцать.

— Шалишь! крикнулъ бѣсенюкъ и вытащилъ одинъ шаръ изъ ящика.

Шаровъ оказалось только двадцать девять.

Н. А. Без—ва проигралъ сраженіе и вышелъ изъ общества, сопровождаемый бѣсенюкомъ, который намешпывалъ ему на ухо:

— Alles war gesagt, doch alles bleibt zu sagen!..

Съ одного ученаго засѣданія бѣсенюкъ переноситъ васъ на другое ученое засѣданіе. (Замѣтимъ, что это происходило 17-го ноября).

— Гдѣ мы, гдѣ мы? кричите вы, едва перевода духъ отъ быстрого путешествія и съ недоумѣніемъ кругомъ осматриваясь.

— Посмотри на этихъ почтенныхъ старцевъ, и отгадаешь. Кого ты видишь?

— Вижу М. П. П—ва.

— Еще кого?

— Вижу г. А—а, Д—ва...

— Стой, довольно... Значитъ ты знаешь, гдѣ ты теперь? Угадаешь?

— Въ московскомъ обществѣ любителей россійской азбуки...

Начинается засѣданіе. Бѣсенюкъ обламывается и безъ церемоній усаживается на столъ передъ самымъ носомъ председателя общества.

— Любезные друзья мои! говоритъ бѣсенюкъ, обращаясь ко всему собранію. Сегодня я въ хорошемъ расположеніи духа, а потому не стану васъ дразнить, не стану пугать васъ тѣлами петербургскихъ нигилистовъ. Ведите же себя смирно и серьезно, какъ и слѣдуетъ московскимъ ученымъ! Особенно вотъ вы! (обращается къ г. Д—ву). Въ прошлыя засѣданія вы такъ изволили волноваться, что казалось, хотите выпрыгнуть изъ своего собственнаго сюртука. Не жалте же, отцы науки! Я привелъ съ собой гостей: будьте пашьныя!..

Бѣсенюкъ въ видѣ поощренія погладитъ М. П. П—ва — на не головъ.

— Ну, теперь открывайте засѣданіе.

М. П. П — нъ встаетъ и начинаетъ читать докладъ о томъ, чѣмъ занимались члены общества въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. За-мыслятъ и предпріятіямъ—счету нѣтъ.

— Всѣ мы трудились въ эти мѣсяцы, продолжаегь М. П., и ден-но и ночью, и скоро обогатимъ литературу...

— Не правда, не правда! пищитъ бѣсенокъ. Вы вовсе не труди-лись: вы по Дѣвичьему полю все лѣто гуляли.

М. П. канфузится немного, но продолжаетъ:

— Мы уже обогатили русскую словесность разными замѣчательны-ми изданіями. Мы издали сочиненія Мерзлякова....

Бѣсенокъ смѣется.

— Издали «сборникъ» въ память Кирилла и Мефодія...

— Зачѣмъ вы его издали? онъ хорошъ только издали... смѣется непрошенный гость.

М. П. П — нъ, продолжая говорить о трудахъ членовъ общества, начинаетъ для поощренія послѣднихъ, сильно ихъ расхваливать. Какъ проникательный критикъ, онъ отыскалъ въ нихъ неисчерпаемый источ-никъ дарованій, научныхъ свѣдѣній, ума, такта и находчивости.

Бѣсенокъ аплодировалъ.

— Хорошо! bravo! Своихъ забывать не надо: хвали ихъ такъ, чтобы изъ самихъ даже стошнило. Не забывай также и самому себѣ долж-ную похвалу воздать...

Кончая чтеніе своего отчета, г. П — нъ упомянулъ о недавней смерти члена общества И. И. Д — ва.

— Прочти его послужной формулярный списокъ! жемнулъ лукаво бѣсенокъ.

М. П. П — нъ, сознавая, что дѣйствительно есть глубокая связь между російскою словесностью и послужными спискомъ одного изъ членовъ общества, громогласно прочелъ формуляръ покойника.

У слушателей навернулись на глазахъ слезы отъ такого назидатель-наго чтенія. Бѣсенокъ, вытащивъ изъ кармана Михаила Петровича грязный платокъ, вытеръ имъ свои заплаканные глаза. Потомъ, чтобы разогнать общее тяжелое впечатленіе, онъ обратился къ другому члену общества:

— Миленкій А — въ прочти намъ стишки свои какіе шбудъ, ну хоть «изъ прошлаго періода».

Г. А — въ всталъ, но своего стихотворенія не прочелъ, а про-

чель стихи члена М. Х. Дмитриева—«Правда и поэзія». Стихи были траурные, мрачные. Бѣсенокъ даже припрыгнулъ на мѣстѣ, когда слушался до того мѣста, гдѣ поэтъ говоритъ, что въ настоящее время:

«Правда стала—лишь поэзіей одной.»

— Экая бойкая мысль какая!

Послѣ этого г. Л — въ сталъ читать главу изъ III тома записокъ Ф. Ф. В—ля. Публика слушала, какъ г. В—ль хвалилъ стихи Жуковского и ниры какой-то актрисы, какъ ужасался тому, что въ одномъ журналѣ печатались цѣлыя рѣчи Мирабо, какъ стѣрался поведить издателю «Телескопа».

Зачѣмъ все это читалось — никто не зналъ. Во время чтенія бѣсенокъ спалъ на колѣнахъ г. Л — ва и проснулся только тогда, когда Ф. Б. М — рь началъ читать стихи «Турецкая бомба», стихи страшные впрочемъ однимъ только названіемъ, а въ сущности невъзможныя, какъ и всѣ стихи этого скромнаго московскаго стихотворца.

Засѣданіе было кончено. Бѣсенокъ въ знакъ своего удовольствія началъ угощать членовъ общества мочеными яблоками.

— До слѣдующаго собранія! крикнулъ онъ, а я теперь отправляюсь въ гости въ редакцію «Русскаго Хозялаго».

Бѣсенокъ очутился вдругъ въ Армянскомъ переулкѣ. Подумавъ немножко, онъ принялъ на себя видъ Павла Якушкина—и въ этомъ видѣ ввалился въ швейцарскую редактора «Русскаго Хозялаго».

— Куда лезешь! крикнулъ ему швейцаръ, осматривая смурый кафтанъ и грязные сапоги гостя.

— Къ М. Н. К—ву.

— Не принимаетъ.

— Миѣ нужно его видѣть...

— Сказано не принимаетъ! огрызнулся швейцаръ и полезъ въ свою комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ бѣсенокъ явился снова на подъездъ, но уже въ другомъ видѣ — въ видѣ автора «Вавилонскаго моря».

— Теперь вѣрно пропустятъ! думалъ онъ.

Швейцаръ съ своей стороны разсуждалъ такъ: этотъ значитъ за деньгами пришелъ, а потому:

— Дома нѣтъ! доложилъ онъ. Съ визитами уѣхали.

Опять неудача: даже «Взбаломученное море» не выручило. Бѣсонокъ хотѣлъ попытать еще счастья.

Черезъ нѣсколько минутъ у парадной двери показался господинъ весь въ черномъ.

— Во имя отца и сына и св. духа...

— Кого вамъ? Крикнулъ швейцарь. На построение храма что-ли съ книжкой собираете?.. Вотъ вамъ трешникъ...

Гость поклонился въ поясъ, но отъ трешника отказался.

— Я прошу доложить М. Н., что его желаетъ видѣть смиренный рабъ Викторъ А—й...

— А вамъ зачѣмъ? подозрительно спрашивалъ швейцарь.

— Я пришелъ воздать должную дань почтенія и удивленія отъ лица православныхъ всяя Россіи лучшему ея защитнику и ревнителю...

— Ну, этого пускать нельзя, мысленно рѣшилъ швейцарь и выпроводилъ посѣтителя на улицу.

— А, когда такъ, вскрикнулъ бѣсенокъ, что я и самъ найду дорогу... и не замѣтно проскользнулъ по лѣстницѣ и очутился въ катковскомъ кабинетѣ.

— Здравствуйте, лорды! привѣтствовала онъ двухъ друзей — г. К — ва и Л — ва, которые кушали устрицы и читали «Journal de St-Petersbourg», не обративъ никакого вниманія на привѣтствіе.

— Ба! пріятный фактъ! говоритъ г. Л — въ. Вотъ, что пишутъ: «въ одной деревушкѣ близъ Діеллы, въ Италіи, патеръ исключилъ изъ числа святыхъ святого Эрнеста—потому что это имя носить г. Романъ. Вслѣдствіе этого, патеръ торжественно объявилъ съ кафедры, что отказывается крестить новорожденныхъ дѣтей подъ именемъ Эрнеста».

— Пріятный фактъ! подтверждаетъ г. К — въ, обливая устрицу лимономъ. Нужно въ «Московскихъ Будочникахъ» поощрить этого патера.

— А отчего вы не поощрите, вмѣшивается чертенокъ:—Всеволода Костомарова? Петербургская литература отъ него совершенно отвернулась. Обратите хоть вы вниманіе на него. Бѣдный юноша!

Не смотрите очень строго,
Не скрывайте вашихъ слезъ;
Костомаровъ очень много
Въ это время.... *перемесь.*

— А кстати, лорды: отчего вы не приняли къ себѣ В. И. А—го?
Отд. III.

Вѣдь онъ изъ вѣнчикъ, вы вѣдь не станете отпираться, что онъ изъ вѣнчикъ?

Лорды презрительно пожали плечами.

— А, вы отпираетесь! Хорошо же... Вотъ просмотрите-ли этотъ номерчикъ «Домашней Бесѣды» (выпускъ 42). Вотъ послушайте, что здѣсь пишутъ: «Съ неподдѣльнымъ восторгомъ стала читать свѣтлая, православная Русь «Московскихъ Будочниковъ» вдругъ ожившіе и обновшіяся подъ опытною рукою г. К—ва. Патриотическое равносудное осужденіе его нашло себѣ гармоническій отголосокъ во всѣхъ благонаправленныхъ словахъ нашего общества, и въ честь редактора давались обѣды, произносились речи и тосты, сыпались эпиграммы... отшвырнуть телеграммы».

— Что, хороше-есть? Слушайте дальше.

«Чуть же г. К — въ обратилъ на себя такое благодарственное вниманіе Руси православной и царлюбивой? Не вникъ чѣмъ, какъ отвѣтитъ на тѣ чувства и мысли, которыми движется и управляется всадикъ истинно-русской человѣкъ. Онъ понялъ, что православіе есть тотъ камень, который отпирается всѣ заповѣды сокровища нашей жизни общественной,—та могучая сила, съ которою ничего не убоится и ни отъ чего не смутится православный человѣкъ. И редактируемые г. К—ва «Московскіе Будочники» вдругъ очутились на небывалой высотѣ высотъ и названы общимъ голосомъ всей Руси органомъ лучшаго и здравомысленнѣйшаго ея убѣжденія и вѣрованія».

— Что скажете теперь, лорды? Развѣ онъ не ващѣ? А — и — и К—ва! Очень мило!

Ждетъ двойня васъ слова —
И двойней рядъ вѣнчочка:
А—И — направо
И назыво — К—ва.

Бѣсокъ нечетъ, но еще долго въ ушахъ почтенныхъ друзей раздавался его звонкій хохотъ.

Теперь, прежде чѣмъ перейду къ провинціальнымъ извѣстіямъ, мнѣ хочется познакомить читателя съ новымъ своимъ литературнымъ произведеніемъ, которое есть только первый мой опытъ, въ которомъ я хочу явиться служителемъ чистаго искусства, «искусства для искусства». Эта моя первая пѣсня въ этомъ родѣ, а первая пѣсня всегда поется зарумянившись. И такъ—начинаю.

ДОМАШНЯЯ РАСПРАВА.

Сцена въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Агафья Павловна Рюрикова, богатая помѣщица, 70 лѣтъ.

Петръ Ивановичъ Жирновскій, родственникъ Рюриковой по женѣ, неслужащій дворянинъ, 43 лѣтъ.

Прасковья Федоровна Жирновская, его жена, 34 лѣтъ.

Геннадій Павловичъ Валкинъ, важный чиновникъ, родной братъ Рюриковой, 62 л.

Лиза, внучка Рюриковой.

Тамса Львовна Чернохвостова, двоюродная сестра Рюриковой, 65 л.

Лидія и Анюта, безсловесныя барышни, ея воспитанницы.

Михаилъ Петровичъ Буреновъ, отставной майоръ, зять Рюриковой, 46 л.

(Дѣйствіе происходитъ въ провинціи).

(Большая зала барскаго дома. Мебель подъ ситцевыми чехлами. Часы съ кукушкой).

ЯВЛЕНІЕ I.

РЮРИКОВА *(въ старомъ шелковомъ капотѣ сидитъ на диванѣ).*

Нѣтъ никого еще!.. Какая бы причина?..

Вѣдь, кажется, писала толкомъ я

Пораньше съѣхаться...

ЯВЛЕНІЕ 2.

ГОРНИЧКАЯ *(вскочивъ дѣлаетъ старинныя сточки).*

РЮРИКОВА.

Эй, слушай! мажь мнѣ,

Который часъ теперь?

ГОРНИЧНАЯ.

Шестого половина.

РЮРИКОВА.

Ну, время еще есть... Придется подождать.
 Постой-ка, ты, постой! Вишь свѣчи запылали!
 Я, кажется, ужъ сколько разъ твердила:
 Свѣчь стеариновыхъ огнюдь не зажигать!..
 Вамъ барскаго добра не жаль, народъ нахальный!..
 Покуда нѣтъ гостей—всѣ свѣчи погаси,
 А нѣтъ покажѣсть принеси
 Изъ дѣвичей шандальчикъ съ свѣчкой сальной,
 Да барышню сюда поди сейчасъ проси.

(Служанка уходитъ).

Вотъ хлопочи за всѣхъ, расходуйся на свѣчи,
 На сухари, на сахаръ, да на чай,
 Обузу тяжкую звали себѣ на плечи,
 Заботься о родныхъ, люби ихъ, угощай,
 А послѣ жъ надъ тобой трунить родные эти:
 Нѣтъ, нынче родственность не цѣнится на свѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ 2.

РЮРИКОВА и Лиза.

Лиза.

Что, бабушка, угодно вамъ?

РЮРИКОВА.

Пора
 Давно сюда пожаловать вамъ, внучка!
 Я хлопочу здѣсь съ самого утра,
 А ты вотъ звать не хочешь, бѣлоручка.

Лиза.

Я, бабушка, читала.

РЮРИКОВА.

Время же нашло!
 Какія книги тутъ! Побойся ты хоть Бога!
 Ждемъ вечеромъ гостей, возни съ прислугой много,
 А ты... ты съ книгами. Вся въ дялюшка пошла!..

Лиза.

Чтожь, бабушка,—на дялюшку похожей
 Приятно каждой быть...

РЮРИКОВА.

Ну, ну! пошла, пошла!..

(Слышитъ звонокъ).

Ахъ, батюшки! звонять у насъ въ прихожей...

Кого бѣ нелегкая такъ рано принесла.

(Къ Лизѣ).

Поди, принарядись, пригладь свои кудерки

И самоваръ поставь въ прикази,

Да въ дѣвичей лѣтничной этой Вѣркѣ

Ты строго накажи:

Чтобъ самоваръ не подали съ угаромъ.

Постой, постой еще: чай будешь разливать—

Такъ сахаръ безъ толку не трать:

Вѣдь достается онъ не даромъ.

(Лиза уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 4.

РЮРИКОВА и П. И. ЖИРНОВСКІЙ съ женой.

ЖИРНОВСКІЙ.

Агафья Павловна! Дивите вы весь свѣтъ.

У васъ сегодня балъ? или раутъ? или банкетъ?

Позвольте ручку... Знаете ли—намъ ужъ

Представилось, что вы подѣ старость лѣтъ

Махнуть хотите замужъ.

ЖИРНОВСКАЯ.

Ахъ, Пьеръ, какъ резко ты привыкъ!

Шутить...

РЮРИКОВА.

Охъ, ты, шутникъ, шутникъ.

ЖИРНОВСКІЙ.

Да какъ же, матушка! Читаю вдругъ посланье:

Агафья Павловна съезжаетъ на собранье

Своихъ родныхъ... Скажи мнѣ, напримѣръ,

Объ этомъ кто другой...

ЖИРНОВСКАЯ.

Ахъ перестань же, Пьеръ!

РЮРИКОВА.

Оставь его въ покоѣ, зубоскала!

За дѣломъ я родныхъ сегодня собирала,

За дѣломъ, батюшка! Услышь все узнать...

ЖИРНОВСКИЙ.

А все-таки дивлюсь.

ЖИРНОВСКАЯ.

Ахъ, Пьеръ! Опять, опять!..

ЯВЛЕНИЕ 5.

ТѢЖЕ, ЧЕРНОХВОСТОВА СЪ ДВУМЯ ВОСПИТАНИЦАМИ И ВАЛКИНЬ.

ЧЕРНОХВОСТОВА.

Ну, вотъ и мы. Bonjour, сестра. Гдѣ жъ внучка?

РЮРИКОВА.

Она придетъ сейчасъ.

ЧЕРНОХВОСТОВА (къ Жирновской).

Параша! ты ужъ здѣсь!

А, вотъ и муженекъ,—распухъ, голубчикъ, весь,
И шутъ такой же все,—вотъ будетъ нахлобучка—
Дай оглядеться мнѣ лишь только, балагуръ.

ВОСПИТАНИЦЫ.

Ахъ, здравствуйте!

ЖИРНОВСКАЯ.

Bonjour, mesdames bonjour!

РЮРИКОВА (брату).

Что, бабушка, ужъ очень ты печаленъ?

ВАЛКИНЬ (дѣловымъ тономъ):

Мнѣ нѣкогда, сестра,—дѣлами я заваленъ,
Зачѣмъ звала меня?

РЮРИКОВА.

Узнаешь, мой дружекъ,
И твой совѣтъ намъ очень пригодится.

ЯВЛЕНИЕ 6.

ТѢЖЕ И МИХАИЛЪ БУРВОНОВЪ.

М. БУРВОНОВЪ.

Какъ честный родственникъ, сѣбшу всѣмъ поклонится
И—дѣлаю подъ козырекъ.

РЮРИКОВА.

Ну, Миша, садь, мой другъ... Теперь мы все здѣсь въ сборѣ,
Друзья мои, къ себѣ я васъ звала

Потолковать о нашемъ общемъ горѣ.
 Племянничекъ-то мой, Николая, господя,
 Есть наше общее несчастье и бѣда,
 И намъ о немъ подумать вмѣстѣ нужно,
 Хоть онъ не маленькій, не въ дѣтской ужъ порѣ...

М. Бурбоновъ.

Ну, что жъ, составимте кюре
 И на врага всѣ грянемъ дружно.

Рюрикова.

Вѣдь онъ срамитъ нашъ древній гербъ и родъ,
 Надъ старыми людьми почти въ глаза хохочетъ —

И «книжками» какими-то все хочетъ

Образовать народъ.

«Мы силы, говорить, уснувшія разбудимъ!»!

Однимъ мальчишка такъ его увлекъ,

Но мальчишка къ счастью прибралъ Богъ,

А этого—прибрать ужъ нужно людямъ.

Чернохвостова.

О немъ по городу прескверный ходить слухъ.

Жирновскій.

Ну къ этому мы всѣ давно ужъ стали глухи:

Вѣдь и объ насъ—поди—дурные ходятъ слухи.

Не переслушаешь болтающихъ старухъ.

Жирновская.

Ахъ, Пьеръ! ахъ, Пьеръ!—какъ говорить такъ можно!

Валкинъ.

Дѣйствительно, нашъ Nicolas ведетъ

Себя совсѣмъ неосторожно.

Смѣется надо всѣмъ. Къ начальнику придетъ —

Начнетъ играть цѣпочкой на жилеткѣ.

А въ обществѣ сидитъ—нѣтъ выдержки и сметки:

Хоть въ третьемъ классѣ будь—болваномъ назоветъ.

М. Бурбоновъ.

Не сталъ бы онъ дурить ни въ людяхъ такъ, ни дома,

Когда бы это вотъ съ годикъ поводить

Учебнымъ шагомъ—въ три приѣма.

Жирновская.

Всѣхъ выходокъ его нельзя переносить!..

Я, слушая его, кричала: изувѣрь вы,

Ну пощадите же мои больные нервы!..

ЖИРНОВСКИЙ.

А было времячко, и отъ него сама
Сходила ты, сударыня, съ ума.

ЖИРНОВСКАЯ.

Ахъ, Пьеръ, опять!.. опять!..

ЧЕРНОХВОСТОВА (къ Жирновскому).

Ну, балагуръ, уймись ты!..

Да, жаль его! Умъ-разумъ потерялъ...

И записался въ эти... въ нигилисты.

Срамъ, стыдъ одинъ теперь для всей родни,
Вѣдь о его дѣлахъ,—известно ужъ давно намъ, —
Сталъ знать весь свѣтъ, не только мы одни.

М. БУРВОНОВЪ.

Когда лѣтъ семь назадъ я правилъ батальономъ
И инвалидною командою управлялъ —
Онъ изъ Саратова проѣздомъ заѣзжалъ
Ко мнѣ въ Симбирскъ, и у меня, въ квартирѣ
Такой вралъ вздоръ начальству моему |
Что будь не я—то быть ему въ Сибири,
Попалъ бы онъ въ губернскую тюрьму.

РЮРИКОВА.

Часъ отъ часу о немъ все хуже, хуже слухи,
Такъ пособите же совѣтомъ мнѣ, старухѣ,
Вѣдь я слаба теперь, бессильна и стара.

М. БУРВОНОВЪ.

Совѣтъ мой: пусть теперь онъ вступитъ въ юнкера.

ЧЕРНОХВОСТОВА (косясь на своего воспитанника).

Женить его, женить, моя родная, надо.

ЖИРНОВСКИЙ.

Да кто же за него отдастъ родное чадо?
Вотъ хоть бы вы...

ЖИРНОВСКАЯ.

Опять, опять!... Ахъ, Пьеръ!...

М. БУРВОНОВЪ (продолжая свою мысль).

Поучать, вышколаять—и изъ него навѣрно,
Отличный выйдетъ офицеръ.

ВАЛКИНЪ.

Во всякомъ случаѣ онъ можетъ кончить северно;
Сомнѣнья въ томъ не можетъ быть,—нѣтъ, нѣтъ!

А потому—вотъ мой совѣтъ:
 Мы, всѣ, чтобы спасти нашъ родъ неосрамленный,
 При помощи навѣстныхъ докторовъ,
 Ему докажемъ, что... онъ не совсѣмъ здоровъ...
 Вы понимаете... разсудокъ поврежденный!..

Потомъ
 Племянника въ деревню отошлемъ
 И ужъ его не выпустимъ оттуда.

РЮРИКОВА.

Ну, выручитъ, родной!...

ЖИРНОВСКАЯ.

Вотъ планъ-то: просто чудо!

ЧЕРНОХВОСТОВА.

Вотъ умный человекъ—и умный далъ совѣтъ.
 За вашу выдумку, ей богу, честь и слава.
 Пусть, пусть увидеть онъ.

М. БУРВОНОВЪ.

Дирекція направо!

РЮРИКОВА.

Отправимъ мы его... на сколько жъ, братецъ, лѣтъ?

ВАЛКИНЪ.

Лѣтъ на четырнадцать,—или меньше, какъ случится,—
 Придетъ же наконецъ пора перебраться.

РЮРИКОВА.

И дѣло, мой отецъ!.. Свалилась съ плечъ гора!
 Мнѣ лучшаго не выдумать скриписа
 Ну, дѣлу къ конецъ... Эй, Лиза! гдѣ ты, Лиза?
 Теперь за чай пора.

(Занавѣсъ падаетъ).

Теперь мы перенесемся въ провинцію и посмотримъ, нѣтъ-ли [какихъ] фактовъ въ «книгѣ провинціального прогресса».

Вотъ что пишутъ мнѣ, между прочимъ, изъ «городка» по поводу этихъ перловъ провинціальной жизни: «...Вы напрасно думаете, что мы не сообщаемъ вамъ никакихъ «прелестей» изъ нашего захолустья по глупости. Не мы—лѣнны, а жизнь наша слишкомъ неподвижна.

Писать рѣшительно не о чемъ, и не потому, чтобы мы все гражданскими доблестями преподобились... Нетъ, у насъ все тѣ же самыя «прелести» какъ и всегда; мы ежедневно дѣлаемъ всевозможныя мерзости и пакости, но даже и въ этомъ мы не можемъ похвалиться оригинальностью. Нашъ «добросовѣстный, ребяческій развратъ» ужь слишкомъ мелокъ, ничтоженъ, чтобы говорить о немъ. Сегодня также, какъ и вчера, какъ и пять, десять лѣтъ назадъ. Утверю васъ, что если бы все обитатели «городка» могли прожить еще тысячу лѣтъ, то въ жизни города не произошло бы никакаго замѣтной перемены. Подросли бы акаци на бульварѣ, да подгнили бы колонны на столыпинскихъ чертогахъ — и ничего болѣе. Мелкія интрижки, карты, билетны, взятки, иногда свадьбы и очень рѣдко похороны. Здѣсь даже такой благодатный уголокъ, что почти никто и не умираетъ: мы такіе чугуныя организмы себѣ выработали, что даже смерть отъ насъ отскакиваетъ. Наши «приволжцы» очень удивлялись, что Базаровъ отъ такихъ пустиковъ умеръ. Вотъ мы какіе!..

«Единственный новый элементъ нашей жизни — это обѣды «по разнымъ случаямъ» и обѣденныя спичи. Краснорѣчіе этихъ спичей — самое черноземное, выражаемое не столько словами, сколько придыханіемъ, одышкой въ глазныхъ морганіяхъ. Кстати о краснорѣчій. Когда говоришь о краснорѣчій — то невольно вспомнишь нашего полоумнаго оратора Гонорарія Ивахвѣевича. Сей краснорѣчивый мужъ еще до нынѣ не посаженъ въ домъ умалишенныхъ. Онъ тоже, какъ и все, нисколько не измѣнился и придерживается своихъ старыхъ, куролесовскихъ привычекъ. Какъ прежде, въ крестьянскій періодъ, онъ сажалъ своего 70-ти лѣтняго мучера вѣсто каріатиды на крышу своего дома и выдерживалъ его тамъ нѣсколько часовъ на морозѣ, такъ и теперь онъ свѣрѣпствуетъ и не прочь вырвать високъ у какогонибудь «грязнаго хама». У Гонорарія Ивахвѣевича есть дочь. Можете себѣ представить, каково жить съ такимъ лютымъ звѣремъ. Бѣдной дѣвушкѣ пришлось плохо... Съ ней случилось слѣдующее романтическое происшествіе. Однажды ночью она рѣшилась бѣжать изъ родительскаго дома. Когда въ домѣ все уснуло, она тихо вышла на балконъ. Внизу она услышала условленный знакъ и тотчасъ же, спустясь съ балкона, упала въ объятія своего... дѣдушки, который рѣшился похитить бѣдную внучку и увезти съ собой въ Москву.

«Итакъ вотъ вамъ романтическое приключеніе съ законной подлуд-

ной. Гонорарій Ивахвѣвичъ бѣснуется, и колота себя въ грудь, кричить:

— «Я отыщу и накажу этого похитителя, укравшаго отъ сердца родителя часть дѣлага, половину его сердечности и духа, безъ чего оставшая часть сердечности и духа можетъ изъ возможнаго превратиться въ невозможность, и превратась, потерявъ собственный духъ и сердечность»...

«Прощайте—до зны. Зимой «городокъ» нашъ оживаетъ и тогда»...

Вотъ другой отрывокъ изъ письма моего «собственного» костромскаго корреспондента.

«Чѣмъ вы насъ тамъ ни застрачивайте, какъ ни серьезничайте, а къ намъ, костромичамъ ничего не пристаётъ. Мы сидимъ себѣ, благодушествуемъ и улыбаемся. Насъ, костромскихъ жителей, ничто не проберетъ: мы читали «положеніе» и улыбались, — присутствовали на выборахъ—и улыбались. Въ газетахъ о реформахъ разныхъ стали писать, у насъ на улицахъ угрюмая ночная стража появилась на случай пожаровъ—а мы и въ усъ не дули. Самыя явленія нашей жизни принимаютъ у насъ какой-то улыбающійся характеръ: все трагическое на другой почвъ у насъ превращается въ игривую комедію. Вотъ, напр. хоть такіе случаи.

«Заболѣли у одного чиновника зубы, отъ сладкой пищи что-ли... Больной къ доктору. Докторъ далъ одно лекарство—не помогло, другое—не помогло, еще хуже болятъ. Является къ больному отставной солдатъ.

— Значитъ, помочь могу, боль какъ рукой сниму. Пойдемте со мной на Волгу.

Идутъ на Волгу. Пришли.

— Теперь раздѣвайтесь, войдите въ воду по горло, да стойте, не оглядываясь, не то зубы пуще разболются.

Стоитъ послушный больной въ рѣкѣ — долго стоитъ, даже дрожь вала. Наконецъ терпѣнья не хватило. Выскакиваетъ онъ на берегъ, смотреть—на берегу нѣтъ ни платья его, ни услужливаго лекаря, а зубы еще сильнѣй болятъ.

Костромичи смѣются.

А вотъ другая исторія.

Костромской Донъ-Жуанъ катается съ своей экономкой и читаетъ ей пѣсни Фета. Въ одной деревнѣ попадаетъ имъ на встрѣчу мужъ экономки.

Супругъ захотѣлъ воспользоваться своими правами на жену и потребовалъ отъ Донъ-Жуана его спутницу.

Донъ-Жуанъ былъ съ нравомъ истаго костромича, а потому спѣшилъ собственноручнымъ внушеніемъ объяснить мужу, чтобъ онъ не забывался и не смѣлъ узнавать своей жены, по тому самому, что онъ мужикъ, вейзанъ...

На другой день костромской Донъ-Жуанъ подагъ на него куда слѣдуетъ жалобу, объявляя въ ней, что этотъ наглець попалъ на него на дорогѣ и ограбилъ: взялъ всѣ наличныя деньги.

Помощникъ уѣзднаго исправника — былъ человекъ сообразительный и услужливый, а потому ревниваго супруга донъ-жуановской экономки упряталъ въ тюрьму, —

Чтобъ человекъ не баловался.

Вотъ какое веселое житье-бытье у насъ, въ Костромѣ!.. Нравы самыя патриархальныя. Заходите вы въ нашу лучшую костромскую гостиницу, спрашиваете карту винъ и требуете полбутылки шампанскаго.

Предъ уходомъ расплачиваетесь. Васъ останавливаютъ.

— Не всѣ, говорятъ, деньги. Нужно 2 р. 25 к.

— Какъ такъ? вѣдь въ картѣ винъ означено, что полбутылка стоитъ 1 р. 25 к. Вѣдь у васъ такса есть?

Трактирные юмористы ухмыляются.

— Такса, говорятъ, сама по себѣ, а наши цѣны — сами по себѣ. Что тутъ дѣлать! Кострома—одно слово. Вѣдь самъ и авторъ «Взбаламученнаго моря» — изъ Костромы»...

«Жизнь хороша!»

Такъ заканчивается каждый куплетъ одного стихотворенія А. Григорьева.

Жизнь хороша! повторялъ я, читая грустную исторію двухъ утопленницъ дѣвицъ Дексабахъ, которыя отъ этой жизни искали спасенія въ

самоубійствѣ. Участь ихъ—участь многихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, живущихъ въ Россіи въ гувернанткахъ. Они не могли перенести своего тяжелаго положенія, и 16-го октября утопились въ Москвѣ-рѣкѣ, близъ каменнаго моста.

Одна изъ нихъ передъ смертью написала три письма. Надъ смысломъ этихъ писемъ, надъ ихъ художественной простотою можно сильно задуматься. Какая славная личность въ нихъ проглядываетъ! Какая славная жизнь безвременно погибла!..

Пусть русскія барышни прочтутъ эти записки.

I.

«Милый Вовочка, это мое прощальное къ тебѣ письмо. Я пишу тебѣ утромъ и потому еще не знаю, какъ все устроится. Предположеніе по крайней мѣрѣ такое: я нынче тебѣ написала записку, прошу тебя прийти нынче на — —, но Богъ вѣсть, получишь ли ты мою записку во-время. А хотѣлось бы еще разъ на тебя взглянуть и поговорить. Вѣдь это бы было наше послѣднее свиданіе на землѣ, а тамъ, а тамъ, ежели только существуетъ будущая жизнь, то мы не встрѣтимся. Мы, послѣ гулянья съ вами, намѣрены съ Машей утопиться. Не жалей и не скучай по мнѣ, Вова, я слишкомъ много страдала, мнѣ необходимъ отдыхъ, смерть. Поступивъ въ магазинъ Р., я думала, что буду спокойнѣе, но какъ я ошиблась: морально я здѣсь болѣе страдала, чѣмъ въ гувернанткахъ. Я задыхалась въ этой атмосферѣ, мнѣ было душно. Вся пошлость жизни, кажется, слишкомъ ярко тогда представилась мнѣ. Я увидала въ торговлѣ одинъ обманъ и механическую работу, однимъ словомъ я страдала разочарованіемъ всего. Когда ты получишь это письмо, въ немъ еще есть письма, которыя, и прошу тебя, передай по адресу. Ты завтра сходи въ магазинъ Р. и спроси обо мнѣ; если я окажусь не у нихъ, то значитъ, что меня нѣтъ въ живыхъ; тогда сейчасъ же пошли по городской почтѣ всѣ письма, по адресу. Еще одна большая просьба: увѣдомь о нашей смерти Геню сестру, но скажи, что мы умерли въ горячкѣ и пожалуста будь по осторожнѣе, попроси твою мамашу, она это лучше исполнить и ее понемногу къ этому приготовить. Теперь поговоримъ объ тебѣ, обо мнѣ уже кончено; ты ради Бога не грусти, старайся болѣе развлекаться. Музыка.... (такъ и не удалось слышать новую роль), сочиняй мнѣ маршъ, я въ это время, т. е. моя душа, всегда будетъ не-

видимо присутствовать съ тобой, мой милый Вова! И цвѣтовъ-то тебѣ не придется принесть, моя могла тебѣ останется неизвестна, ну все равно, я увѣрена, что ты меня будешь помнить, ежели не всегда, то все-таки долго. Вова, Вова, твое сердце не чувствуетъ, что я тебя покидаю навсегда, покидаю тебя, любя и тоскуя и желая тебѣ всего лучшаго. Будь друженъ съ П., онъ такой милый, это тебѣ все загляданіе, не будь эгоистомъ; поинтерись, сколько мы за это сворились? Мнѣ и самой, Вова, не вѣрится, что мнѣ нѣсколько часовъ жить, хотъ бы ты, получивъ мою записку, и пришелъ. Когда тебѣ изгрустится мой ангелъ Вовочка, то посмотри на мои карточки, вѣдь Лелька на нихъ, какъ двѣ капли воды, похожа. Кто Вовку будетъ бранить безъ меня, ужъ конечно никто. Лелька вѣдь бранила Вову любя, и, Вова, хотъ я и не буду въ живыхъ, а все-таки моя душа будетъ съ тобою. Да, Вова, я буду съ тобою. Какъ многое мнѣ есть что сказать тебѣ, да мало времени, допишу сначала всѣ письма, а потомъ тебѣ.

Если ты придешь нынче, Вова, то ты получишь отъ меня вуаль и серьги, изъ серезъ сдѣлай себѣ гладкое кольцо и носи его до тѣхъ поръ, пока не разлюбишь и не забудешь. Ты пожалуйста, Вова, съзвони къ С., я просила ихъ, чтобъ они оставили какую нибудь бездѣлицу на память сестрѣ, которую ты ей передала, а все остальное и нитъ оставь, а Маша Генѣ. Все ея богатство находится у Н—хъ, адреса которыхъ ты ей слажешь, и все это передашь. Теперь время съ тобой, мой ангелъ, проститесь. Въ письмѣ секретъ нѣтъ: что же будетъ на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ будетъ то, что я выдержку характера. Вова, Вова, для чего мы только съ тобой встрѣтились? Для того, чтобъ твою жизнь исправить; ежели такъ, то прости меня, прости, Вова, свою канареечку. Съ своей стороны я старалась внести отраду въ твою жизнь и направить своего милаго зюганета; насколько мнѣ это удалось, неважно время. Вова, Вова, не говори прощай: душе любить не разсталося.

Мелла

II.

Передайте К—у отъ меня маленькую *billet d'envoi*, да исполните всѣ порученія, адреса сами напишите и прочитайте. Кашкетъ все.

Петрудитесь Генѣ передать, чтобъ она нѣтъ денегъ пошла отдать моей мамѣ 2 р. сер., адресъ ея на—, въ домѣ Т., г. Д—у, съ передачею Парашѣ.

III.

Mein lieber П. И умереть не могу, не поболтавъ съ вами, еще бы!—Итакъ, лордъ, мы расстаемся съ вами: вамъ предстоитъ жизнь богатая и почестями, и славою, а намъ смерть, неизвѣстность. Вы вспомните, милый П., слова утопающихъ, что вамъ предстоитъ блестящая будущность. Если бы вы знали, какъ я весела и счастлива, съ какимъ наслажденіемъ я жду смерти. Маша, какъ и я, умираю, желаю вамъ всего лучшаго. Написала бы болѣе, да минууты нѣтъ времени. Бѣдная, яду.

Вамъ преданныя
Ольга и Марья.

Да, правъ А. Григорьевъ: «Жизнь хороша!»

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

«РУССКАГО СЛОВА»

Въ Оренбурѣ, 1-му Луизицк. — 5 р. за 2 треть получены.

Въ Пермь, съ Палату Госуд. Им. — Дополны за 3 экз., 25 р. получены. №№ 7, 8 и 9 «РУССКАГО СЛОВА» въ трехъ экз. отправлены 29 октября.

Въ Казань, 1-му Шт. См. Казенногиза училищъ. — 10 р. за 1 и за 2 треть получены.

Въ Уржумѣ, 1-му Шт. См. Уржумскыз училищъ. — 14 р. получены. №№ 7, 8 и 9 «РУССКАГО СЛОВА» отправлены 29 октября.

Въ Курскѣ, съ Палату Гос. Им. — 23 р. за 2-ю треть получены.

Въ Владикавказѣ 1-му Моричу. — 7 р. дополны за прошлый годъ и, выданы съ тѣмъ, 7 р. въ счетъ уплаты по подпискѣ на будущій 1864 г., редакціей получены. Что касается до недостававшихъ вамъ №№ 7 и 8, то они были посланы во Владикавказъ: № 7 — сентября 2, № 8 — сентября 24; № 9 посланъ 26 октября. Редакція притомъ считаетъ долгомъ уведомить, что высылку своего журнала она никогда вамъ не прекращала, и Владикавказская почтовая контора, извѣщая васъ о прекращеніи тѣковой, какъ вы пишете, не имѣла никакого основанія давать подобныя отвѣты.

Въ Скопинѣ, съ библиотеку 4 резервнаго бат. Л. Пятов. Бородин. п. — 5 р. за 2-ю треть получены.

Въ Вытебурѣ, 1-му Петровскому. — Получены 8 р., изъ которыхъ 7 р. остались въ редакціи „РУССКАГО СЛОВА“ въ счетъ уплаты за 2-е полугодіе; а 1 р., согласно письму, передалъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣд“.

Въ Александровскѣ, 1-му Шт. См. училищъ. — Остальные 5 р. съ г. Коросова получены и сдѣлана переписка адреса согласно полученному отношенію.

Въ Вышній-Волочекѣ, 1-му Сабо И. — 4 р. 85 к. за первую треть получены отъ полкового командира, 16 ноября; вмѣстѣ съ тѣмъ отправлены на ваше

ния послѣдующіе №№ журнала. Редакція проситъ притомъ выслать остальные деньги за 2 и за 3-ю треть.

Въ *Рязань*, въ публичную биб. — 14 р. за „РУССКОЕ СЛОВО“, на 1864 г., Редакцію получены.

Въ *Серадзѣ*, командиру 2-го бат. *Блужерскаго пѣхот. п.*—Взаявить посланныхъ редакцію въ свое время по первому адресу — въ Велюнь и недоотавленныхъ въ означенную бібліотеку, №№ 6 и 7 „РУССКАГО СЛОВА“, 29 октября таковыя №№ редакцію отправлены вторично, по новому адресу — въ *Серадзѣ*.

На станцію *Кондоля*, 1-ну *Ермолаеву*.—Недостававший вамъ № 7, по уведомленію отъ почтамта, былъ отправленъ 9 сентября; съ тѣмъ вѣстимъ спрошена мѣстная почтовая контора о причинѣ недоставаки вамъ этого №.

Въ *Казань*, 1-ну *Ведюкову*. — Недоставаемыя вамъ №№ „РУССКАГО СЛОВА“, начиная съ 7-го, редакцію своевременно были сданы въ почтамтъ, и, по его уведомленію, были отправлены: № 7—сентября 9, № 8—сентября 24, № 9 октября 28.

Въ *Сиб.*, въ библ. *А. Геордія Павловскаго п.*—№№ 6. 7. 8 и 9 „РУССКАГО СЛОВА“, сданы въ Отд. Город. Почты 4 ноября.

Въ *с. Павлово*, въ библ. *А. Бородинскаго полка*. — Недоставаемыя въ бібліотеку полка № № 8 и 9 „РУССКАГО СЛОВА“, по уведомленію отъ почтамта, отправлены были: № 8 сентября 24, № 9 октября 28.

Въ *Радомѣ*, 7 артилл. бригады *нарвской баттарей Н. Дурону*. — Вслѣдствіе неполученія отъ васъ вѣстія о новомъ мѣстопребываніи, „РУССКОЕ СЛОВО“ еще съ № 3 послышалось вамъ въ *Кельцѣ*; туда же отправлены и тѣ №№ журнала, о неполученіи которыхъ вы извѣщаете, именно: № 7 отправленъ въ *Кельцы* 9 сентября, а № 8 сентября 24. По полученіи имѣть вашего письма—изъ *Радомы*, редакцію сообщено въ почтамтъ о перемѣнѣ адреса, равно какъ и о пересылѣ неполученныхъ вами книжекъ журнала.

Въ *Задонскѣ*, 1-ну *Шт. Сл. уѣзд. училищъ*. — Просимый вами № 1 „РУССКАГО СЛОВА“ за 1862 годъ, посланъ 11 ноября.

Въ *Гадлячѣ*, 1-ю *Велецкой*.—№№ „РУССКАГО СЛОВА“ 8 и 9, по уведомленію отъ почтамта, были отправлены вамъ: № 8 сентября 24, № 9 октября 28.

Въ *Нижній - Новгородѣ*, 1-ну *Директору училищъ пажетор. губ.* — № 6 „РУССКАГО СЛОВА“ посланъ 24 сентября.

Въ *Спасоку*, 1-ну *Духанину*.—№ 6. „РУССКАГО СЛОВА“, по уведомленію отъ почтамта, посланъ вамъ июля 29, а № 7 сентября 9.

НА 1864 ГОДЪ

ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГАЗЕТА ПОЛИТИКИ, ФИНАНСОВЪ, ПОЧТЪ И ТОРГОВЛИ)

ИЗДАВАЕМЫЯ К. ТРУБНИКОВЫМЪ.

Въ послѣднее время на Руси все растетъ не по днямъ, а по часамъ; нѣсколько лѣтъ для нея почти вѣкъ; что ни годъ, то эпоха! Газетная литература, какъ живая лѣтопись событій различныхъ эпохъ, не можетъ не представлять съ каждымъ годомъ социальныхъ элементовъ, новыхъ глубокихъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Отсюда сама собою проявляется необходимость все большаго и большаго расширенія задачи русской публицистики, въ особенности въ виду предстоящаго свободнѣйшаго ея движенія.

Въ качествѣ ежедневной, при томъ, по преимуществу, *экономической* газеты, Виржевымъ Вѣдомостямъ предлежало поприще значительно многостороннѣе, сложнѣе и труднѣе, нежели для прочихъ ежедневныхъ изданій. Потому, издавая политическую и экономическую газету ежедневную, намъ всего было важнѣе съ крайнимъ вниманiемъ прислушаться къ весьма разногласнымъ требованiямъ нашей публики и — по авторитетному указанiю опыта — избрать тотъ путь, на которомъ мы твердо и вѣрно могли бы слѣдовать для достиженiя ясно опредѣленной цѣли.

Что такое ежедневная газета, каковъ долженъ быть этотъ органъ общественныхъ интересовъ, котораго просвѣщенная публика удостои-

ваетъ своимъ вниманіемъ? Это — живое, вѣткое изображеніе дѣятельности всего міра, изображеніе, въ которомъ идеи самыя глубокия, вопросы самыя важныя и многостороннія, вопросы политики, общественной нравственности, просвѣщенія, вопросы силы, славы, свободы, правосудія, вещественнаго благосостоянія, общей администраціи, финансовъ, промышленности, торговли, однимъ словомъ — вся высшая дѣятельность человѣчества представляется на публичное сужденіе, какъ интересъ дня, во всей гармонической полнотѣ и яркой свѣжести. Въ этихъ поденныхъ вѣстникахъ высказываются результаты безконечнаго мірового труда; вѣстники эти каждый вечеръ умираютъ и каждое утро возрождаются; они связуютъ идеи настоящаго съ идеями прошедшаго и стремленіями будущаго, готовятъ рѣшенія общаго разума, пробуждаютъ сознаніе массы народа и непрерывно призываютъ къ нему: *впередъ, впередъ, впередъ!*

Страницы ежедневной газеты какъ бы въ одинъ моментъ переносятъ читателя въ Петербургъ и въ Пекинъ, въ Лондонъ и въ Вашингтонъ, въ Парижъ и въ Мексику; предъ нимъ Европа съ ея блескомъ всемірной славы во имя прогресса цивилизаціи; предъ нимъ Азія и Африка съ ихъ страшнымъ мракомъ, побѣдоносно разгоняемымъ свѣтломъ христіанства; предъ нимъ Америка — этотъ политическій сфинксъ нашего времени... Читатель газеты ежедневный умственный свидѣтель всѣхъ знаменательныхъ событій міра — сильныхъ проявленій мысли и изобрѣтательности, усилій труда матеріальнаго, движенія общественной жизни, развитія дѣятельности государственной, замысловъ политическихъ творцевъ, бурныхъ преній народныхъ митинговъ, борьбы партій съ ихъ торжествами и паденіями, истребительныхъ сраженій, миротворящихъ конгрессовъ, и образованія новыхъ царствъ, новаго политическаго строя, новаго сыта. — Ежедневная газета — живая, безпрестанно обновляющаяся картина высшаго развитія человѣчества!

Если ежедневныя газеты совѣщаютъ въ себѣ такой всеобъемлющій интересъ, если онѣ ставятъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу цѣлыя націи, если изъ города въ городъ, изъ государства въ государство эти листы переносятъ сообщенія о всѣхъ замѣчательныхъ современныхъ событіяхъ, то значеніе ихъ для оцѣнки экономическихъ силъ страны, для всѣхъ соображеній коммерческихъ и вообще для движенія государственнаго и народнаго хозяйства, очевидно, самое обширное.

Отсюда выходитъ, что цѣль, которую мы должны были преслѣдовать — двоякая; въ задачѣ, предлежащей нашему выполненію, представлялись два элемента, необходимо другъ другу содѣйствующіе. И

именно, съ одной стороны, намъ надобно было усвоить нашей газетѣ интересъ *общій*, присущій всякому ежедневному публицистскому изданію, интересъ, который мы должны были развивать *въ томъ же объемъ и содержаніи*, какъ и прочія газеты; съ другой стороны намъ надобно было устроить *спеціальныя* отдѣлы, которые требовали отъ насъ особенныхъ заботъ, постоянно обызывая насъ къ наибольшему расширенію ихъ содержанія. Въ первомъ отношеніи мы старались, по крайней мѣрѣ, не оставать отъ другихъ газетъ; во второмъ — насъ руководило то убѣжденіе, что, при недостаткѣ въ Россіи спеціальностей въ трудѣ, и при слабомъ развитіи относящихся къ нимъ периодическихъ изданій, сосредоточеніе въ нашей газетѣ тѣхъ спеціальностей, которыя играютъ болѣе или менѣе важную роль въ движеніи промышленности и торговли, должно составить предметъ нашихъ главныхъ усилій.

Въ Англіи, Германіи, Франціи господствуетъ начало раздѣленія труда, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни; тамъ спеціальность — неизбежный залогъ дальнѣйшаго успѣха. Россія находится совершенно въ иномъ положеніи. У насъ на каждомъ шагу одинъ и тотъ же человекъ дѣйствуетъ попеременно на разныхъ поприщахъ, смотря по надобности. Нужно ли указывать на примѣры?

Имѣя въ виду, въ ближайшемъ времени, открыть, между прочимъ, кромѣ уже существующихъ питейно-акцизнаго, почтового и биржевого отдѣловъ, отдѣлы: путей сообщенія, мануфактурный, сельско-хозяйственный и др., мы принуждены были въ нынѣшнемъ же году расширить объемъ нашего изданія, и полагаемъ, что и въ теченіе 1864 года намъ придется, по мѣрѣ развитія содержанія этихъ отдѣловъ, придти къ той же необходимости, тѣмъ болѣе, что потребность въ газетѣ, совмѣщающей въ столбцахъ своихъ многостороннія сообщенія, какъ по вопросамъ интересовъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе настоятельною.

Биржевыя Вѣдомости поставили себѣ правиломъ разсматривать всѣ явленія общественной жизни главнѣйше съ практической точки зрѣнія, твердо прихвѣняясь къ началамъ, выработаннымъ наукою, — какъ это постоянно и выражается въ руководящихъ статьяхъ редакціи.

За снѣмъ остается представить содержаніе отдѣловъ, которые войдутъ въ составъ *Биржевыхъ Вѣдомостей въ 1864 году*.

I. **Передовыя статьи**, относящіяся къ государственной и общественной жизни въ Россіи.

II. **Извѣстія изъ Россіи.** Внутреннія извѣстія официальныя и неофициальныя; Высочайшіе манифесты, указы, повелѣнія и важныя административныя распоряженія по всемъ отраслямъ государственнаго управленія, и всѣ приказы и распоряженія по министерству финансовъ и по главному управленію почтъ; распоряженія по пятейно-акцизаному управленію. Новости, краткія статьи и разныя извѣстія. Корреспонденція изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

III. **Руководящія статьи** по иностраннымъ дѣламъ, и извѣстія и статьи политическаго содержанія. Политическія телеграммы.

IV. **Статьи политико-экономическаго содержанія.**

V. **Отдѣлъ почтовый.**

VI. **Отдѣлъ питейно-акцизный.** (Два раза въ недѣлю, въ особомъ прибавленіи).

VII. **Отдѣлъ сельско-хозяйственный,** который будетъ открытъ еще въ текущемъ 1863 году.

VIII. **Отдѣлъ биржевой.**

Извѣстія биржевыя, торговыя, промышленныя. — Акціонерная хроника. — Торговыя телеграммы.

IX. **Фельетонъ:** статьи по разнымъ отраслямъ знанія, замѣчательныя юридическія процессы, письма, замѣтки, вѣсти и слухи и т. д.

X. **Объявленія казенныя** отъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и самыя разнообразныя **частныя** объявленія; сюда входятъ: объявленія и отчеты правленій акціонныхъ компаній, извѣщенія отъ торговыхъ и фабричныхъ заведеній, магазиновъ и частныхъ лицъ о продажахъ, покупкахъ, предложеніи услугъ, увѣдомленія отъ администрацій, конкурсныхъ управленій и проч.

Биржевыя Вѣдомости будутъ выходить девять разъ въ недѣлю, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ числѣ 464 номеровъ въ годъ.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Съ разрѣшенія г. главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ, открытъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ особый почтовый отдѣлъ, въ составъ котораго будутъ входить официальные и частныя статьи, относящіяся до почтоваго дѣла.

Почтовый департаментъ предписываетъ всѣмъ почтовымъ мѣстамъ и лицамъ: всѣ напечатанныя статьи въ официальной части почтоваго отдѣла принимать къ *руководству и исполненію*, немедленно по полученіи Биржевыхъ Вѣдомостей, не ожидая особыхъ по этимъ предметамъ предписаній.

Для доставленія возможности выполнения этого, почтамты, почтовые конторы и отдѣленія будутъ получать Биржевыя Вѣдомости.

Затѣмъ отдѣльное печатаніе нынѣшнихъ циркуляровъ, по почтовой части, прекращается, кромѣ только тѣхъ циркуляровъ, въ которыхъ будутъ заключаться распоряженія, неслѣдующія къ распубликованію, или какія либо отдѣльныя приложенія. Подобныя статьи будутъ передаваться почтовымъ мѣстамъ, по прежнему, въ видѣ особыхъ предписаній.

Въ той же официальной части отдѣла, публика будетъ находить всѣ распоряженія почтоваго управленія и новыя правила, которыми должно руководствоваться при отправленіи, полученіи и вообще пересылкѣ корреспонденцій. Тутъ же будутъ помѣщаться, періодически, извѣстія: о письмахъ, неотправленныхъ изъ С. Петербурга, съ объясненіемъ тому причинъ, какъ по внутренней, такъ и заграничной корреспонденціи; о корреспонденціи, возвращенной въ С. Петербургъ за неотысканіемъ получателей тамъ, куда она была адресована. — Словомъ, всѣ извѣстія, которыя признаются необходимыми для свѣдѣнія лицъ, пользующихся почтами.

Неофициальная часть отдѣла предназначается для статей частныхъ, относящихся къ почтовой операціи, и почтовый департаментъ приглашаетъ лицъ, желающихъ путемъ гласности дѣлать какія либо замѣчанія по почтовой части, сообщать свои статьи для напечатанія въ редакцію Биржевыхъ Вѣдомостей.

Если же подобныя статьи будутъ напечатаны въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, и потребуются на нихъ отвѣты, то они будутъ печататься въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

НА ГОДЪ.

Безъ доставки	12 руб.
Съ доставкою на домъ въ С. Петербургъ	14 "
Съ пересылкою во всѣ губерніи	15 "

НА ПОЛГОДА.

Безъ доставки	7 руб.
Съ доставкою на домъ въ С. Петербургъ	8 "
Съ пересылкою во всѣ губерніи	8 " 50 к.

ПВ. Мѣста и лица вѣдомства министерства финансовъ за пересылку въ губерніи Биржевыхъ Вѣдомостей пересылочныхъ денегъ не платятъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторъ редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей, на Конногвардейскомъ бульварѣ, въ д. Мельникова, N 11. Господа иногородные подписчики обращаются прямо въ контору редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей; адресъ почтамту извѣстенъ. Кромѣ сего подписка принимается въ вазетныхъ экспедиціяхъ: с. петербургскаго и московскаго почтамовъ.

Биржевыя Вѣдомости будутъ доставляться иногороднымъ подписчикамъ въ заклеенныхъ пакетахъ, съ печатными адресами.

ОБЪ ИЗДАНИИ НА 1864 ГОДЪ

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Журналъ этотъ, поступающій въ девятый годъ существованія и, судя по увеличенію числа подписчиковъ, пользующійся постоянно возрастающимъ сочувствіемъ, будетъ продолжаться и въ наступающемъ году по прежней программѣ. Цѣль «Собранія» состоитъ въ доставленіи читателямъ, въ вѣрномъ переводѣ лучшихъ произведеній изящной словесности всѣхъ иностранныхъ литературъ. Для достиженія этой цѣли выписываются не только всѣ періодическія изданія, посвященные беллетристикѣ, но получаютъ немедленно, по мѣрѣ выхода, всѣ романы и повѣсти на англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, шведскомъ, датскомъ и польскомъ языкахъ. Выбирая изъ этихъ матеріаловъ только лучшее, редація даетъ читателямъ возможность постоянно слѣдить за движеніемъ и всѣми замѣчательнѣйшими явленіями иностранныхъ литературъ. Въ нашемъ журналѣ, какъ, безъ сомнѣнія, многіе уже замѣтили, переводы нерѣдко являлись раньше, чѣмъ иностранный подлинникъ поступалъ въ Россіи въ продажу. Но, кромѣ новости и внутренняго достоинства содержанія, редація особенно заботится объ его разнообразіи, стараясь соединить въ одной книжкѣ произведенія нѣсколькихъ литературъ, направленій и характеровъ; въ случаяхъ же, требующихъ объясненія, дѣлаетъ отъ себя историческія и литературныя припѣванія.

О новости и разнообразіи содержанія журнала можно судить по слѣдующему списку произведеній, помѣщенныхъ въ одиннадцати книжкахъ «Собранія» за текущій годъ.

РОМАНЫ:

СЪ АНГЛІЙСКАГО:

ЗАМОКЪ ВЕРНЕРЪ. *Мистриссъ Генри Удъ.* — ИЛУТЫ И ДУРАКИ. *Эдуарда Уитти.* — КОМУ ДОСТАНЕТСЯ? *Бетмана.* — АВРОРА ФЛОЙ. *Т. Мистриссъ Брэддонъ.* — ПОБѢДА ЭЛИНОРЪ. *Мистриссъ Брэддонъ.*

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО:

ПТИЦА ПУСТЫНИ. *Эли Берта.* — КУРУМИЛА. *Густава Эмари.* — ДЖОНЪ ДЕМОНЪ. *Поля Февала.* — ВАЛЕНТИНЪ ГИЛЛУА. *Густава Эмари.*

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:

СЪ АНГЛІЙСКАГО:

ДОЧЕРИ АДМИРАЛА *А. Стюрта Эррисона.* — ДВѢ НОЧИ ВЪ КАТАКОМБАХЪ. — ДАМА НА МОЛѢ — ТАЙНА МОЕГО ОТЦА. — РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ПРАЗДНИКИ ДЛЯ МИСТРИСЪ ФУЛЛЕРЪ. — ДОЧЬ МАЙОРА. — УЖАСНАЯ НОЧЬ. — ПОМРАЧЕНІЕ РАЗСУДКА. — ТАИСТВЕННЫЙ УЖИНЪ. — ПОБѢГЪ ГРАФА НАЙТЕДЭЛЯ — ЛЕГЕНДА О БѢЛОЙ РУКѢ. — ПРЕКРАСНЫЙ ДЕМОНЪ. — ЛОРДЪ МОГОНЪ. — ПРИЗРАКЪ. — ЗАМОКЪ ЛИНДОНЪ. — ТАЙНА. — НОВЫЙ РОДЪ САМОУБИЙСТВА.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО:

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА МЪСТЪ. — ДѢЛО ЧЕСТИ. — ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ДОКТОРА РОЖЭ. *М. Ривьера*. — ДОЧЬ ТИНТОРИТТО. *Вилларсо*. — РЕВНОСТЬ, ИЛИ НЕСЧАСТЬЕ ОТЪ СЧАСТЬЯ. Сочиненіе *Ниполита Люка*. — ГДѢ ВѢЧНЫЕ СНѢГА? ГДѢ ВѢЧНАЯ ЛЮБОВЬ? — НЕОЖИДАННАЯ СВАДЬБА. — МОСЬЕ МИДАСЪ.

СЪ НѢМЕЦКАГО:

ПРИМИРЕНІЕ ПОДЪ КРЫШЕЙ. Юмористическій разсказъ *Фонъ Зейфрида*. — ТРИ ДЕРЖАВЫ Картина нравовъ прошлаго столѣтія, *Левина Шюкима*. — АРНОЛЬДЪ НОБЕЛИНГЪ. Историческій разсказъ *Амелии Годинъ*. — ПОЭТЪ ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ. *Левина Шюкима*.

СЪ ШВЕДСКАГО:

КУТИЛА. *Андерса Р* — *иъ*. — ПОМОЛВКА.

СЪ ПОЛЬСКАГО:

НА ВИСЛѢ. *Катлинскаго*.

СЪ ФЛАМАНДСКАГО:

БѢДНЫЙ ДВОРЯНИНЪ. *Апри Консъянса*.

Итакъ въ одиннадцати вышедшихъ книжкахъ «Собранія» читатели получили девять романовъ и тридцать-три повѣсти и разсказовъ, переведенныхъ съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, шведскаго, польскаго и фламандскаго языковъ. Такимъ образомъ «Собраніе» представляетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ другіе журналы, матеріаловъ для легкаго чтенія.

«Собраніе» будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца книжками не менѣе двадцати-пяти печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, **се-семь руб. пятьдесятъ коп.**, а съ доставкою на домъ, или пересылкою по почтѣ, **десять рублей серебромъ**.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ конторѣ «СОБРАНІЯ» находящейся съ апрѣля этого года въ непосредственномъ заведываніи издательницы, въ С. - Петербургѣ, на углу *Литейной улицы*, и *Симеоновскаго переулка* въ домѣ *Оржевскаго*, и въ *Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта*.

Примѣчаніе. Остающіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры «Собранія 1858, 1861 и 1862 годовъ» могутъ быть получаемы въ Конторѣ «Собранія Романовъ» по вышеозначенному адресу. За полный экземпляръ каждаго изъ этихъ годовъ, кромѣ 1862, состоящій изъ 12 книгъ, платится 7 р. 50 коп. безъ пересылки, а съ пересылкою — 9 руб. сер., а за 1862 — 8 руб. 50 коп. безъ пересылки, а съ пересылкою 10 рублей серебромъ.

Издательница **Е. Ахматова**.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1864 Г. БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ЖУРНАЛЪ

ДѢЛО И ОТДЫХЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ И ДѢВОЧЕКЪ ОТЪ 7 ДО 14 ЛѢТЪ
ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ.

Издавая съ 1856 г. «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ», редакція этого журнала, постоянно слѣдившая за движеніемъ иностранной словесности, имѣла возможность близко ознакомиться съ ея богатымъ и совершенно еще у насъ нетронутымъ запасомъ произведеній для дѣтскаго возраста. Это богатство, съ которымъ рѣзкую противоположность составляетъ наша бѣдность въ этомъ отношеніи, внушило мнѣ мысль, встрѣтившую уже большое сочувствіе, издавать, независимо отъ «Собранія», журналъ, въ которомъ соединилось бы все, что представляетъ новѣйшая иностранная литература лучшаго и полезнаго для дѣтскаго чтенія. Цѣль журнала, опредѣляемая отчасти его заглавіемъ состоитъ въ доставленіи дѣтямъ путемъ легкаго чтенія полезныхъ и доступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, въ какой бы то ни было формѣ. Сообразно съ этой цѣлью выписаны лучшія изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій для дѣтей и всѣ дѣтскіе журналы, издаваемые на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, шведскомъ и датскомъ языкахъ. Все лучшее въ этихъ изданіяхъ и примѣнимое къ намъ, будетъ извлекаться для помѣщенія въ нашемъ журналѣ. Кромѣ того, въ немъ будутъ помѣщаться съ самымъ строгимъ выборомъ оригинальныя произведенія, и журналу уже обѣщали свое содѣйствіе многіе изъ нашихъ лучшихъ писателей.

Программа журнала слѣдующая:

- I. Статьи по всемъ отраслямъ естественныхъ наукъ.
- II. Путешествія.
- III. Разказы изъ исторіи, преимущественно русской.
- IV. Біографіи полезныхъ дѣятелей, ученыхъ писателей и художниковъ.
- V. Повѣсти и разказы преимущественно историческіе или нравоописательные.
- VI. Стихотворенія.
- VII. Пьесы для домашняго театра.

Редакція, не стараясь однакожь о непремѣнномъ наполненіи этихъ отдѣловъ, будетъ прежде всего выбирать лучшее изъ имѣющихся въ ея распоряженіи матеріаловъ.

«ДѢЛО и ОТДЫХЪ» будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ восьми до десяти печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки на домъ и пересылки по почтѣ пять руб. пятьдесятъ коп., съ доставкой же и пересылкою *только* рублей серебромъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Собранія романовъ», на углу Литейной улицы и Симеоновскаго переулка, въ домѣ Оржевскаго, на имя Елисаветы Николаевны Ахматовой, и въ Газетной Экспедиціи С. - Петербургскаго Почтамта.

Издательница **Е. Ахматова**.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА“

въ 1864 году.

«Иллюстрація», основанная въ 1858 году, имѣла цѣлью представить нашей публикѣ изданіе, въ которомъ она, кромѣ отдѣловъ и статей, помѣщаемыхъ во всѣхъ другихъ журналахъ и газетахъ, встрѣтила бы рисунки, наглядно объясняющіе эти статьи, изображенія замѣчательныхъ личностей, сценъ политическихъ, историческихъ и домашней жизни, пейзажи, снимки съ произведеній живописи, скульптуры, архитектуры и т. п.

Необходимости имѣть подобное политическое, живописное изданіе мы приписываемъ успѣхъ, встрѣтившій нашу «Иллюстрацію». Огромные труды по предпріятію, задуманному въ обширныхъ размѣрахъ (каждый годъ мы давали болѣе 1,000 рисунковъ), недостатокъ у насъ хорошихъ рѣзчиковъ на деревѣ, затруднительность получать виды лучшихъ мѣстностей, дороговизна всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ въ подобномъ изданіи — все это заставило назначить за «Иллюстрацію» плату равную нашимъ ежедневнымъ и ежемѣсячнымъ журналамъ. Между тѣмъ, видя, что и средніе классы нашего общества нуждаются въ подобномъ же изданіи, мы основали въ слѣдующемъ же году «Иллюстрированный Листокъ», ту же «Иллюстрацію», только въ меньшихъ размѣрахъ и по цѣнѣ, доступной всѣмъ класамъ.

Опытъ показалъ однако же, что съ теченіемъ времени оба эти изданія, идя параллельно одно съ другимъ, имѣя почти одну и ту же программу, при недостаткѣ у насъ русскихъ рисунковъ и рисовальщиковъ, только раздѣляли между собою публику. Соединеніе этихъ изданій сдѣлалось необходимымъ, и съ іюля 1863 года, слившись въ одну газету, подъ одною редакціей, они сосредоточили въ одно читателей, статьи и рисунки двухъ изданій. Выгода для публики отъ такого сое-

двѣнїя очевидна. Оставалось принести со стороны издателя еще одно пожертвованіе: уменьшить цѣну за новую газету, сохранившую форматъ прежней «Иллюстраціи», — и поэтому, дѣлая съ своей стороны все, чтобы изданіе, стоящее такихъ большихъ трудовъ и издержекъ, было доступно всѣмъ словіямъ нашего общества, издатель назначаетъ въ будущемъ году такую плату за «Иллюстрированную Газету», дешевле которой невозможно имѣть нигдѣ такого иллюстрированнаго изданія, съ такимъ количествомъ статей и рисунковъ и въ такомъ форматѣ, а именно:

за цѣлый годъ, по 1-е января 1865 г.

Съ доставкою въ Петербургъ , . . . 7 р. с.

Съ пересылкою во всѣ города 8 " "

На полгода, по 1-е іюля 1864 г., съ пересылкою и доставкою 5 р. сер. На второе полугодіе, т. е. съ 1-го іюля 1864 г. по 1-е января 1865 подписка не принимается, и лица, невнесшія остальной суммы, слѣдующей за годовую подписку, теряютъ право на полученіе «Иллюстрированной Газеты» съ 1-го іюля.

Отдѣльные номера можно получать съ платою по 20 коп. за номеръ.

Такимъ образомъ, бывшіе подписчики «Иллюстраціи» будутъ получать ту же газету, только подъ другимъ названіемъ за цѣну вдвое менѣе той, которую они платили прежде, а подписчики «Иллюстрированного Листка» получаютъ за ту же цѣну, какъ и прежде (съ прибавкою одного рубля) новую газету, которая даетъ вдвое болѣе статей и рисунковъ, нежели «Иллюстрированный Листокъ».

«Иллюстрированная Газета» выходитъ еженедѣльно по четвергамъ (кромѣ четверга святой и рождественской недѣли), и состоитъ изъ пятидесяти номеровъ въ годъ. Каждый номеръ большого формата содержитъ въ себѣ кромѣ статей, множество рисунковъ къ нимъ относящихся 25 номеровъ составляютъ томъ, къ которому прилагается систематическое оглавленіе статей и рисунковъ и иллюстрированная обертка.

Подписная сумма, посылки и письма адресуются: въ конто-

ру «Иллюстрированной Газеты». Почтамту всегда извѣстенъ ея адресъ. Все, что касается до редакціи, можно адресовать: «Редактору «Иллюстрированной Газеты». Городскіе жители могутъ подписываться: въ конторѣ журнала, на Сергіевской, N 58; у редактора: на Литейной, домъ N 38 и въ центральной фотографіи А. Баумана, на Невскомъ, въ домѣ Голландской-церкви. Объявленія, для помѣщенія въ «Иллюстрированной Газетѣ» принимаются въ тѣхъ же мѣстахъ.

Направленіе «Иллюстрированной Газеты» остается то же, какое было въ «Иллюстраціи» и «Иллюстрированномъ Листкѣ». Тотъ же самый редакторъ, который участвовалъ въ основаніи обозъ журналовъ, постоянно редактировалъ второй, а первый, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оставлялъ не болѣе какъ на годъ, ручается за добросовѣстность редакціи, давно извѣстной публикѣ. Не дѣлая никакихъ обѣщаній, онъ можетъ только подтвердить, что съ его стороны будетъ сдѣлано все возможное, чтобы поставить «Иллюстрированную Газету» на степень, соответствующую потребностямъ и желаніямъ современной публики, и что газета эта, необходимая въ ряду нашихъ періодическихъ изданій, незамѣнимая другими, тогда какъ сама замѣняетъ многія, помѣщая, кромѣ всего, что является въ нихъ, разнообразныя рисунки — представить полную картину, вѣрную оцѣнку всего, что интересуетъ нашихъ соотечественниковъ, по всѣмъ осралямъ знаній, искусствъ и явленій нашего гражданскаго и общественнаго быта. Твердость убѣжденій, отпоръ ретрограднымъ стремленіямъ, независимость мнѣній, содѣйствіе прогрессу въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, безпристрастіе сужденій, гуманныя отношенія ко всѣмъ, даже къ заблуждающимся, — вотъ главные основные пункты нашего направленія, отъ котораго мы не отступали въ теченіи шестилѣтняго редактированія изданіями, слившимися теперь въ «Иллюстрированную Газету».

Редакторъ *Владиміръ Зотовъ*.

ВАЗА

на 1864 годъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ МОДАМЪ, РУКОДѢЛЮ,
ЛИТЕРАТУРЪ, ИСКУССТВАМЪ И ХОЗЯЙСТВУ.

Редакція журнала ВАЗА, вступающаго въ 32-й годъ своего существованія, доводитъ до свѣденія публики, что богатая программа журнала будетъ еще увеличена на наступающій 1864 годъ.

ЖУРНАЛЪ ВАЗА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ НЕ ДВА, А ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (по вторникамъ каждой недѣли). Каждый номеръ будетъ состоять изъ одного листа текста съ приложеніемъ картинки модъ и листа узоровъ для вышиванія и другихъ работъ. Сверхъ того, будутъ выдаваться литографированныя образцы для пальто, мапталій и т. п., выкройки на большихъ листахъ и работы съ готовымъ матеріаломъ для ихъ выполненія.

Ежемѣсячно, три первые номера журнала ВАЗА будутъ включать съ себѣ, кромѣ петербургскихъ и рижскихъ модъ, описаній узоровъ, выкроекъ и пр., переводы лучшихъ современныхъ сочиненій для легкаго чтенія. Четвертый номеръ, съ приложеніями того же рода, какъ и при прочихъ номерахъ, будетъ посвященъ статьямъ полезнымъ и занимательнымъ **ДЛЯ ДѢТЕЙ**: тутъ будутъ помѣщаться небольшіе рассказы, краткія описанія новѣйшихъ изобрѣтеній, отрывки изъ путешествій, пьесы для дѣтскаго театра и т. д. Редакція ВАЗЫ надѣется, что доставитъ удовольствіе многихъ матерямъ семейства этимъ

новымъ прибавленіемъ къ программѣ журнала. При маломъ развитіи нашей книгопродавческой дѣятельности, отдаленныя мѣста нашего отечества лишены возможности имѣть всегда подъ рукою книги полезныя или занимательныя для дѣтскаго возраста; мы смѣемъ думать поэтому, что много угодимъ нашимъ будущимъ читателямъ и ихъ родителямъ ежемѣсячною доставкою тѣхъ статей, которыя обѣщаемъ.

Четвертый номеръ будетъ печататься особымъ, болѣе крупнымъ, четкимъ шрифтомъ.

По увеличившейся программѣ ВАЗЫ, число приложений къ журналу тоже увеличится; они будутъ состоять, втеченіе года, изъ слѣдующаго:

24 КАРТИНКИ МОДЪ *Moniteur de la Mode*.

24 ЛИТОГРАФИРОВАННЫЯ КАРТИНКИ различныхъ пардессю (пальто, мантилій и пр.)

ВЪ КАЖДОМЪ НОМЕРѢ ПОПЕРЕМѢННО:

УЗОРЫ, ВЫШИВАНЬЯ, КАНВОВЫЕ, ТАМБУРНЫЕ И ПЕЧАТНЫЯ ВЫКРОЙКИ
НА ЛИСТАХЪ.

Кромѣ того, къ журналу будутъ приложены:

8 РАБОТЪ

съ матеріаломъ для ихъ выполненія. Изъ этихъ работъ

4 цвѣтныя:

1. ЭКРАНЪ.
2. МАЛЕНЬКАЯ ПОДУШКА на диванъ (думка).
3. ПОРТСИГАРЪ.
4. ПЛАТО ПОДЪ ЛАМПУ.

Матеріалъ къ этимъ работамъ будетъ состоять изъ шерсти, шелка, бисера и синели.

Обращаемъ вниманіе нашихъ подписчицъ въ особенности на первую изъ этихъ работъ. Рисунокъ для нея, изображающій гениальное произведеніе Фальконета, монументъ Петра I-го, нарочно заказанъ Редакціей извѣстному художнику. Постоянно заботясь объ оправданіи довѣрія своихъ

подписчицъ, журналъ ВАЗА доставляетъ имъ всегда самыя изящныя рукодѣлья; на этотъ разъ, онъ предлагаетъ еще болѣе оригинальную и истинно художественную работу для выполненія.

1. ПРОШИВКИ.
2. ОБОРКИ.
3. ВОРОТНИЧЕКЪ И МАШНЕТЫ.
4. ВОРОТНИЧЕКЪ И МАШНЕТЫ.

Матеріалъ къ этимъ 4-мъ работамъ состоитъ изъ узора, отпечатаннаго на самой матеріи.

Всѣ 8 работъ будутъ доставлены подписчицамъ такъ, что на каждыя 3 мѣсяца придется по двѣ работы. Такимъ образомъ, въ Январѣ и Февралѣ будетъ приложено по работѣ, въ Мартѣ нѣтъ; въ Апрѣлѣ и Маѣ будутъ снова работы, въ Юнѣ нѣтъ и т. д.

ВЪ КОНЦѢ ГОДА ДОСТАВЛЕНЪ БУДЕТЪ

СЮРПРИСЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ВАЗА“ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ:

За годовое изданіе со всѣми приложеніями, (безъ пересылки	10 р. 50 к.
Съ пересылкою	12 » — »

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ БУДУТЪ ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

СЪ ПЕРВОЙ ОТХОДЯЩЕЙ ПОЧТОЙ.

Подписка принимается во всехъ петербургскихъ и московскихъ книжныхъ магазинахъ; преимущественно же въ конторѣ Редакціи ВАЗЫ—въ С.-Петербургѣ, въ Офицерской улицѣ въ домѣ Кирѣева N 14 й, квартира N 19-й, куда гг. иногородные и имѣютъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Для облегченія гг. подписчиковъ, *живущихъ въ С.-Петербургъ*, редакція допускаетъ взносъ денегъ не разомъ, а за полгода (6 р.) или четверть года (3 р.) впередъ.

Гг. иногородные благоволятъ присылать разомъ всѣ деньги сполна.

Редакція кромѣ подписки на журналъ ВАЗА никакихъ другихъ комиссій не принимаетъ.

Контора Редакціи журнала ВАЗА открыта ежедневно, кромѣ воскресенья, отъ 10 ч. утра до 3 час. по полудни.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. М. ЦЕЙДЛЕРА.

НАЧНЕТЪ ВЫХОДИТЬ СЪ 1 ЯНВАРЯ 1864 Г. ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ
ОТЪ 160 — 200 СТР. ПЕЧАТИ ВЪ 8 Д. Л.

Заграницею, также какъ и въ Россіи, главными органами мысли и умственного развитія служатъ журналы: въ нихъ главный складъ современной беллетристики въ нихъ лучшія монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ всѣхъ наукъ, въ нихъ же и важнѣйшія серьезныя статьи политическаго содержанія. По этому для каждаго весьма естественно желаніе слѣдить за иностранною журналистикою. Но какъ это сдѣлать? Иностранныхъ журналовъ слишкомъ много, и они большею частью не такъ дешевы, чтобы каждый могъ ихъ выписывать, кромѣ того не каждый и знакомъ со всѣми тѣми языками, на которыхъ они издаются, въ русскихъ же журналахъ, по мѣрѣ развитія нашихъ внутреннихъ, отечественныхъ интересовъ, переводныя статьи встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Цѣль предпринимаемаго нами новаго журнала «Заграничный Вѣстникъ» состоитъ именно въ томъ, чтобы доставить русскому человѣку возможность слѣдить за главными явленіями современной иностранной литературы, и каждый выпускъ этого изданія будетъ имѣть характеръ сборника лучшихъ статей по части беллетристики, исторіи, политики, наукъ об-

щественныхъ, естествознанія и библіографіи, изъ послѣднихъ нумеровъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ и другихъ иностранныхъ журналовъ, въ полномъ переводѣ ихъ на русскій языкъ, или въ извлеченіи, смотря потому, насколько эти статьи могутъ имѣть интересъ для русскихъ читателей.

Цена въ годъ 7 р. 50 к. съ доставкою и пересылою 9 р. сер.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖУРНАЛЪ

ЗЕМЛЕДѢЛІЯ, ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ,
НОВѢЙШИХЪ ОТКРЫТІЙ, ИЗОБРѢТЕНІЙ И НАБЛЮДЕНІЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. ОЛЬХИНА.

12 выпусковъ въ 4 д. л. каждый изъ 4—5 листовъ печати съ приложеніемъ 2 картинъ гравированныхъ на мѣди и раскрашенныхъ, 1 гравиров. на стали и 10—15 полнотипажей.

Задача этого журнала состоитъ именно въ томъ, чтобы показать всю занимательность, всю прелесть и завлекательность близкаго знакомства съ различными странами земного шара, съ свойствами ихъ растений, съ бытомъ ихъ звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, съ нравами и обычаями общественной жизни населяющихъ эти страны племенъ и народовъ.

Подписная цена въ годъ 6 р. съ доставкою 7 р., съ пересылкою 7 р. 50 к. сер.

ПРИРОДА И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ И ПУТЕШЕСТВІЙ,

ИЗДАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. ОЛЬХИНА.

12 выпусковъ въ годъ въ 4 д. л. каждый изъ 4 листовъ
печати въ 2 столбца.

Въ журналѣ этомъ будутъ помѣщаться обширныя статьи о томъ, что въ послѣднее время открыто на общую пользу изслѣдованіями и опытами ученыхъ специалистовъ по части естествознанія, физики, химіи и физиологіи. Имена авторовъ, которыхъ статьи до сихъ поръ были помѣщены въ этомъ журналѣ, а именно: Фохта, Дарвина, Моешотта, Люкса, Рема, и проч. дадутъ самое лучшее понятіе о характерѣ и направленіи этого журнала.

Цена съ годъ 3 р. съ доставкою 4 р., съ пересылкою 5 р. сер.

Подписывающіеся на тотъ и предъидущій журналъ, вмѣсто
42 р. 50 к. платятъ 10 р. с. съ пересылкою.

КАРТИННЫЯ ГАЛЛЕРЕЙ ЕВРОПЫ.

СОБРАНІЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЖИВОПИСИ ВЪ ГРАВЮРАХЪ
НА СТАЛИ СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И БІОГРАФІЯМИ ЗНАМЕ-
НИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

И. АНДРЕЕВА.

12 выпусковъ въ годъ, каждый 2—4 листовъ печати, съ при-
ложениемъ 4 гравюръ на стали, портрета художника и одной
копии съ его лучшей картины, гравированныхъ на деревѣ.

Цѣль журнала доставить прекрасное чтеніе и служить луч-
шимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для развитія вкуса и любви
къ прекрасному, лучшею настоятельною книгой, необходимою
принадлежностью въ библіотекѣ каждаго воспитательнаго учре-
жденія, каждаго дома, въ который истинное образованіе усиф-
ло проложить путь изящному искусству.

Цена въ годъ 6 р., съ доставкою и пересылкою 8 р. сер.

ЗАБАВЫ И РАЗСКАЗЫ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ПЕРВАГО ВОЗРАСТА ОТЪ 6 ДО 9 ЛѢТЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. ПЧЕЛЬНИКОВА.

12 книжекъ въ годъ въ 4 д. л. каждая отъ 6 — 8 листовъ печати съ приложеніемъ раскрашенной картинки и объяснительныхъ полиטיפажей.

«Забавы и Разказы» служатъ для родителей и воспитателей существеннымъ пособіемъ въ исполненіи самой трудной ихъ обязанности приискывать для дѣтей соответственныя ихъ понятіямъ, пріятныя и вмѣстѣ полезныя занятія, которыя могли бы приковать ихъ вниманіе къ предмету и возбудить любознательность; а затѣмъ развить и укрѣпить свѣжія умственныя силы и дать имъ правильное направленіе.

Подписная цѣна за годовое изданіе 5 р. съ доставкою и пересылкою во весь торгъ имперіи 7 р. сер.

Подписка на все эти журналы принимается въ книжномъ магазинѣ издателя М. О. Вольфа, въ Гостиномъ дворѣ № 18 и 19, въ С.-Петербургѣ.